

Протоиерей Андрей Ткачёв

Публикации

Содержание

Печерские отцы	5
Невежество и безразличие	7
Радиация мысли	10
Гроздь, а не гвозди.....	13
Гений виновен во всем.....	15
Душа болит об Украине.....	17
«Тогда отверзе им ум, разумети Писания». Протоиерей Андрей Ткачев о воскресных чтениях Евангелия от Луки.	18
Беседа с известным православным священником, миссионером Андреем Ткачёвым.....	23
Иуда	33
Радио «Радонеж». Протоиерей Андрей Ткачёв. Вопросы о вере и спасении	34
«Всё равно уйду»	43
Ради Ионы на море буря	44
Что в политике принадлежит не только ей	46
Всегда или только в посту?	49
Левиафан	50
Мысли о счастье	54
Отец Иоанн Кронштадский	56
Сами видим и веруем	59
Рождество	61
Радио Радонеж. Священное Писание	63
Средневековый человек	74
Революция в уме	76
Необходимость общения	79
Живая природа. Мертвый человек.....	81
Радио Радонеж. «Лазарева суббота». Ответы на вопросы радиослушателей	83
Неожиданные миссионеры	96
Выгорание	98
Найти себя в Церкви.....	100

Чтобы не уйти...	110
Поморская быль	115
Отверзу уста моя	118
Больше всего миру не хватает веры	120
Скорбеть и вздыхать	124
Когда я думаю об усопших	126
Уходя из храма	127
Из Лавсаика о лошади и о Причастии	128
О молитве	130
Миром Господу помолимся	132
Христос – семи Церквам	133
«Ангелу Смирнской Церкви напиши...»	136
«Ангелу Пергамской Церкви напиши...»	138
«Ангелу Фиатирской Церкви напиши...»	141
«Ангелу Сардийской Церкви напиши...»	144
«Ангелу Филадельфийской Церкви напиши...»	146
«Ангелу Лаодикийской Церкви напиши...»	147
Чтобы понять, как сгорит мир, достаточно зайти на любой форум	149
Конгресс интеллигенции уполномочен	151
«Се, стою у двери и стучу»	153
Претыкание слепому	155
Вернуть человеку Библию	158
Я и другие	159
Лучше бы не трогать	161
Христианство невозможно выдумать	163
Радио Радонеж. О разумном, добром и вечном так, как его понимает Церковь	166
Три сотника	177
Что я мог сделать один?	180
Крушение кумиров	182
Пастыри о духовном родоначальнике русского народа	185
Было у отца два сына	190
У горшечника	192
Расширенный список грехов, или Как готовиться к исповеди	194
Ревность	196
Ненасытность	199
Язычники — спасутся ли?	201
Петр и Феврония	204
Трубу к устам твоим	206
Беженцы	208
Выпускному вечеру посвящается	212
О, спорт, ты – мир	215
Сколько?	217
Верные, об оглашенных помолимся	220
Мы с вами святые по призванию	222
Сон Раскольникова	225
5 вопросов о смерти — накануне Троицкой родительской субботы	227
Религиозная гениальность	234
Перепутали – обознались	236
Цитата из Иеремии	239
Иллюстрированные журналы	242
Пара слов о добре	244
Откуда могут браться духи-мстители?	247

«Концентрированное Евангелие» Беседа о Страстной седмице	249
Быть виноватым и укорять себя — в чем разница?	255
Истории обращений	258
Задача не из простых	260
Свобода слова	262
Читайте хорошие книги	264
Илья и Емеля	266
Не Сего, но Варавву	267
Святая Русь	270
Трубу к устам твоим	272
Что такое праведность в миру? Ко Дню всех русских святых	274
Дух празднословия не даждь ми... ..	275
Священники и мерседесы	277
Покаяние: дурная бесконечность или творческое озарение?	279
Какие люди мне нравятся	282
О блудной страсти. Беседа с отцом Андреем	285
Пощечина Иоанну Кронштадтскому	294
Пощечина Иоанну Кронштадтскому. Продолжение	296
Поститься как впервые	298
Что хорошего в посте?	300
Чему у них поучиться. Из американских впечатлений	302
Разговор с Бунюэлем	308
Телекартинка	310
Что можно понять	313
Очередь к дарам волхвов — как зажечь сердца?	315
Иностранные политики демонстрируют вмешательство в дела Украины	317
Я никого не благословляю ходить на Майдан	318
Что происходит в Украине	322
Невидимые цепи рекламы	323
Язык и литература	326
Рождественский пост — две лепты от души и тела	329
Человеку нужно все время любить	331
На краю	333
Сирия	336
Протоиерей Андрей Ткачев стал лауреатом Книжной премии Рунета 2013	338
Гражданское общество	343
Батюшка — негр	345
Культура	348
Конец восьмидесятых	350
Деньги. Тяжелая тема	354
Деньги нужно платить своим	357
Матрона	359
Пройду по Абрикосовой	361
Типология народа Божия	363
Главное сокровище мужчины и женщины	371
Мужская религия	373
Нужна ли проповедь?	376
Четыре этапа путешествия	378
«Свечи погасли, но бал не окончен»	381
Рукоположение в христианство	383
Человек-невидимка	385
Проповедь о проповеди	387

Арифметика.....	390
«Ни один из князей, правивших после Владимира, не предлагал вернуться к язычеству»	392
На Казанскую	396
О святом Апостоле Андрее Первозванном	398
Что же такое «Русский мир» Патриарха Кирилла?	400
Книга должна быть везде	405
Когда причащаются другие	406
Современность – не критерий принадлежности к искусству	408
Культура	410
Сказка	412
Торопиться не надо	414
Старость, смерть и иллюзии	416
Ты пришел!	419
Грехи и болезни	421
Умная война	422
Русский вдали от родины	424
Скорбные торжества	426
Невнимательность	428
Быть священнику в школе, не быть ему там?	430
Соглашательство. Сервилизм. Сергианство	432
О простоте, о Сергии, о собеседниках	434
Вифлеем	437
Похоронные речи	439
Возвращение домой	442
Бог видит, а ты смирайся	444
Пи ар	446
Национальная идея	448
Как добродетели превращаются в карикатуру	452
Не сегодня, так завтра	454
Молиться перестали	455
Демократические процедуры	456
Пророк Исайя о покаянии	460
Миссионерские Литургии	462
Благословляется читать книги	463
Неприятные вещи	465
Святость и глупость	469
Честное слово	471
ВРЛ	473
С нами Бог!	474
Звуки небес, песни земли	476
Печать Первой мировой	480
Призванный устами младенца: Амвросий Медиоланский	483
Приближаясь к колыбели	487
Человек будущего	489
Петрович	491
Твоя книжная полка	494
Пророчества Воскресения	496

Печерские отцы

У Сергия Радонежского был собеседник и сомолитвенник – Савва Сторожевский. Этот муж, живший в четырнадцатом веке, полвека спустя более чем все жившие в то время переживал о своем монастыре. Пасынок Наполеона – Евгений Богарне – с конным отрядом в ходе войны 12-го года занял Саввино-Сторожевскую обитель. Французики о ту пору были уже не столько законодателями мод и галантными кавалерами, сколько насильниками, богоборцами и творцами бесчинств. Они тешились стрельбой по иконам, делали в храмах конюшни и попоны для лошадей не боялись делать из священнических облачений. Грабежи и насилие стоит подразумевать, как неизбежные. Чтобы подобная участь не постигла Звенигородскую обитель, Савва является от небес, из иного мира к Богарне и среди ночной тишины наяву и отчетливо приказывает тому обитель не разорять. В случае исполнения обещает, что Богарне выживет в этой войне и увидит опять родную Францию, если нет – сложит здесь кости, как пить дать, с тысячами прочих соплеменников.

Савва – покровитель Звенигорода и своего монастыря. В этом смысле он – живой участник современной истории, более живой, чем мы с вами и сильнее нас. Таковы все святые. Милан наводнен туристами со всего мира ради брендовых тряпок, и множеству людей кажется, что модельеры и рестораторы – главные люди в Милане. Да, еще певцы Ла Скала. Но главные люди Милана это святой Амвросий, мученики Гервасий, Протасий и Келсий, да святая Наталия, мощи которой лежат под престолом в Сан Лоренцо. Подобным образом главный человек в Салониках – Дмитрий Солунский, на Корфу – Спиридон, на Эвбее – святой Нектарий, и так далее.

Сказанное о святых, чья деятельность очевидно продолжается и после их телесной смерти, мы даже и на обычных усопших можем ее распространить. Делами своими все усопшие живы: мы ходим по улицам, проложенным ими, живем в домах и работаем на предприятиях, построенных ими. Цивилизация это и есть медленное накопление коллективных достижений, когда каждое поколение принимает эстафету и передает далее, являясь одним из звеньев длинной цепи. Обрывы такой цепи означают историческое безвременье, обвал истории через беспамятство или сознательное варварство. С. Франк советовал, выбирая исторический курс страны, мысленно спросить совета у прежних поколений, представить, что бы они сказали в ответ на наши современные начинания. Это и есть историческая память и преемственность. В нашей жизни это встретишь нечасто, но можно видеть, как в день венчания молодожены посещают кладбища. Таким образом они связывают поколения усопших с собою и имеющими родиться от них. Это и есть живая связь времен. Впрочем, начинали мы со святых, к ним и вернемся.

Главные люди Киева это святые Киево-Печерской Лавры. И главные здания Киева это не Кабмин и не отель Hyatt. Главные здания Киева это Лаврские храмы. Небоскребы везде более-менее одинаковы, как и рестораны. Зато святыни уникальны и неподражаемы. Печерские святые так же активны ныне и живы по смерти, как Николай Чудотворец в бесчисленных своих чудесах или Савва Сторожевский в истории с Богарне. Мы, кажется, не осознали до сих пор по-настоящему, что одним из факторов умирения ситуации на Украине и в ее столице может быть отношение к происходящему преподобных Киево-Печерских. Они сильны отодвинуть приблизившуюся смертную тень от человека, что не раз и не два было по молитвам Марка-гробокопателя. Они могут поднять с одра одна смертельно больного человека, а на его место уложить другого, более заслуживающего наказания, как было в случае с Титом и Евагрием. Могут они и голодных кормить, как в случае с Прохором лободником, и не бояться сильных мира сего, как Феодосий или Варлаам. Одним словом, Божественный полк преподобных отцов на многое способен и ждет просьб о помощи с нашей стороны.

Могут, правда, спросить: «А сами без наших просьб они не могут вступить и вмешаться в дело?». Этот вопрос сродни подобному: «Почему Бог Сам, как Всемогуший, не вяжет сатану и не обуздает зло?» Бог может все, но не желает видеть людей праздными и безучастными, не желает нас видеть лишь потребителями даров. Мы должны по призыванию быть соучастниками Божиих дел, соработниками, как Павел говорит, и уж тогда законно наслаждаться плодами побед. Кротко говорят богословы, что «нас без нас Бог спасать не будет». То же и со святыми. Они рядом, они готовы, они во всеоружии правды, держа духовные мечи в дуснице и шуйце. Но мы не просим, или просим мало. Может быть, просим вяло и с раздвоенными мыслями, более доверяя политикам, оружию, деньгам, интригам или слепому случаю. Отдавая должное слабости, мы принимаем эти помыслы. Но долг христианина требует бодрить ум, и вспоминать о Господе, как о Всемогущем, не отдавая Его славу людям.

Не надо умалять в тайне сердца силу Духа, через святых действующую. Преподобные рядом. Вот они – только руку протяни. Начни просить, но прежде прочти их жития. Дерзну предложить следующее: настоящее время обязывает всех верующих к духовной мобилизации. Роль преподобных Печерских уже огромна в отечественной и мировой церковной истории. Ничто не мешает им умножить славу Бога и явить силу десницы Его на противящихся истине Его. Для этого нужна усердная молитва Церкви. Стоит как

можно большему числу верующих прочесть впервые или перечесть наново Печерский Патерик, этот первый памятник русской агиографии. Молитвенное обращение к святому, житие которого человеку известно, куда горячее и внимательнее, чем молитва без знания о святом. Затем желательными были бы частые молебные и акафистные пения Печерским святым по всему пространству Русской Церкви: от Сахалина до Карпат и от северных морей до предгорий Кавказа. И сегодня это уже совершается, но личным усердием отдельных душ. Хорошо было бы, если подобное молитвенное воззвание, вопль, обращенный к святым, исторгся из как можно большего числа верующих сердец. Это подвигнет их на ходатайство перед Царицей неба и земли и Ее Всесильным Сыном, любящим правду и ненавидящим беззаконие.

Это очень серьезный фактор изменения критической ситуации к лучшему. Как во дни пророков, нам предлагается испытать и увидеть, что рука Господня не стала меньше и мышца Его не ослабела, чтобы спасти. Но если словно отстоит далече Господь, а грешники спесивы и величавы в своей безнаказанности, то явно это от неверия нашего. Вся Псалтирь наполнена вздохами и вопросами на эту тему.

Может не сразу просочится в прессу: кто к кому приходил ночью и что именно сказал. Может навсегда остаться тайной: кто кого напугал и о чем предупредил. Не сразу почувствуется связь между всем известными внешними фактами истории и тайными фактами отдельных биографий. Но нам должно быть понятно: святые могущественно влияют на историю по мере нашей веры. И ситуация требует многочисленных горячих просьб и слезных ходатайств к самым важным людям украинской столицы и общерусской истории. Они не чиновники, заваленные бумажными делами. Они все услышат и все поймут. Они примут совместное решение по поводу того, как поступить, и приведут решенное в исполнение.

Короче: Патерик прочесть, акафист пропеть, поклоны положить, просьбы принести. Со временем можно будет следить за новостями – результаты будут!

Невежество и безразличие

За умение читать нужно благословлять Бога. «Благословен Ты, Владыко, устроивший жизнь мою так, что книги могут говорить со мной, а я – с книгами».

Каждый волен пользоваться этим навыком, как хочет. Но просвещенный верой человек должен понимать, что не для чтения одних лишь афиш и кулинарных рецептов дано человеку складывать буквы в слова. Человек может и должен (речь о просвещенных верой) читать Писание.

Странно, но массовая неграмотность была до конца побеждена советской властью. Той самой властью, которая отобрала у верующих людей Библию. Но сам факт того, что неграмотность исчезла на просторах самой большой по территории страны мира, есть признание: перед нами цивилизационный подвиг. Кстати, далеко не единственный, если речь о недавнем прошлом. И вот отнятие Библии осталось уже в исторической ретроспективе, а умение читать пребывает и ныне с нами. «Благословен Ты, Владыко, умеющий зло направлять к благим целям».

Есть довольно хорошо известная социологическая глобальная картинка, в которой планета людей представлена в виде деревни из 100 жителей. Там много любопытного, но нас не всё сейчас интересует. Интересует то, что, согласно подсчетам, 70 человек из 100 жителей этой умозрительной деревни не умеют читать. Близко к этим цифрам расположена информация о 50 голодающих и 80 лишенных всяких санитарных удобств.

Очевидно, неграмотность близко примыкает к голоду и антисанитарии, будучи как-то внутренне с ними связана. Голодный – значит, не читаешь. Не читаешь – значит, голодный. А раз голодный и не читаешь, то и не моешься, поскольку негде. Теперь стоит оглянуться вокруг. Увидев хлебницу, полную хлеба, и кухонный кран, из которого вода потечет, как только его откроешь, стоит сказать: «Благословен Ты, Владыко, дающий мне пищу до сытости и удобствами оградивший меня».

Но мы вернемся к умению читать. Умение есть лишь инструмент. Он не решает вопрос, что и зачем читать. Цель умения лежит всегда за пределами самого умения. Целеполагание есть акт свободный, и никого нельзя заставить духовно трудиться, можно

лишь напомнить или подсказать: «Умеющий читать христианин должен изучать Писание». В противном случае нам угрожает враг пострашнее внешнего агрессора – невежество. Невежество тем более страшное, что к нему можно будет добавить слово «добровольное». По сути, фактом всеобщей грамотности Бог отнял у нас последнее оправдание в том, что мы не усердны к слышанию, чтению, запоминанию слова Божия и проникновению в его смыслы.

Благочестие наших предков питалось литургическим строем церковной жизни, домашним воспитанием, добрым примером братьев и сестер по вере и учительными трудами духовенства. Обрыв любого из звеньев мог иметь катастрофические последствия. Например, домашнее воспитание у кого-то было ужасным. Мало ли что может быть! Отец пьет и бьет, мать плачет, старшие братья обижают. Вот уже и затруднительно ждать благочестия на выходе. А если примеров хороших мало (их вечно мало), а плохих – хоть отбавляй? Так было с деревенскими парнями и девками, очутившимися в городе на заработках. Ускоренное практическое обучение всем видам грехов и пороков, особенно пьянства и разврата, было уделом многих. Вчерашняя деревенская, а потом фабричная молодежь была до революции самой проблемной зоной пастырского попечения.

А теперь представим, что и в храме человека не очень-то обучали. Ну, не был священник особо учен и усерден в трудах с паствой. И в совокупности получится, что крещеный человек, привитый к благородной маслине через Таинства, растет по жизни лопух лопухом. Толком не научен и не воспитан да еще без хороших примеров при обилии противоположного. Тут бы ему и дать в руки Писание, чтобы он оттуда почерпнул утешение, ободрение, силу и радость. Чтобы он через Писание восполнил пробелы воспитания и образования, и храм полюбил, и в грехах покался. Очень многие из предков наших в истекшие века были этого лишены. Зато мы не лишены, и насколько легче грамотному жить, настолько больше и строже будет с него спрос. Мог ведь пить от источника жизни и разума. Почему не пил? Мог ведь вымыться под струями благодатными. Почему не вымылся?

Невежество при умении читать и доступности Писания, при открытых храмах и при факте принадлежности к Телу Церкви не извинительно. Конечно, не всякий позван в учителя, да и способности к учению у людей не одинаковы. Но насущность духовной жажды и самостоятельный труд совершенно необходимы. Тут вся цивилизация с полным арсеналом подручных средств к нашим услугам. Ведь никто не запрещает слушать послания апостола Павла через наушники при помощи телефона по дороге на работу или учебу. И в машине слушать не шансон, а аудио-версию Библии тоже никто не запрещает и не мешает. Так что мы вполне обезоружены по части отговорок.

Но есть какое-то злодейское безразличие к служению Богу. Есть некий тайный холод, который сковывает движения души. Этот холод, этот лед нужно растапливать. Цель того достойна. Ведь изучение Писания чудесным образом плодотворит из себя исполнение всех заповедей. Поистине, не ищи целомудрия, верности, скромности, воздержания, примирения и прочих плодов Духа там, где Писание подвергнуто долгому и основательному забвению. Там по инерции некоторое время еще будет жить, уменьшаясь, добродетель. А затем исчезнет вовсе. Там же, где Писание заговорит с человеком и человек начнет вслушиваться в голос Писания, со временем самым чудесным, но и самым неизбежным образом пробьются ростки забытых добродетелей. Причинно-следственная связь в этом случае неумолима и действует в одном направлении – от Писания к обновлению жизни.

Пусть поборники «святой простоты» спорят о возможности некоей «глупой святости». Пусть спорят. Но само понятие «святой простоты» взято из Писания, а не с потолка. В истории же бывало так, что добродетельные невежды становились честными и ревностными исповедниками самых злых учений. Жар сердца был у них, и искренность была, и жертвенность, только не было правой веры на твердом основании. А значит, искали они основательной теории под свою беспокойную совесть и находили ее вне Писания. В этих словах – вся трагедия двух столетий российской истории.

У Н. Лескова есть жуткий рассказ о книгоноше, раздававшем Библии. Дело было во Франции конца XIX века. У ворот завода книгоноша даром раздавал Писание рабочим, выходившим на обеденный перерыв. Один из рабочих со смехом взял книгу, сказав, что, мол, после обеда он ею воспользуется для туалетных нужд. Автор, от лица которого история написана, спросил у книгоноши, не боится ли он раздавать святые книги в руки откровенных кощунников и безбожников. Ведь, не ровен час, действительно раскурят Библию на самокрутки или порвут на листы и снесут в подлое место. А тот отвечал: «Я не боюсь ничего. Я и сам прочел первые слова Писания, сидя в отхожем месте. Перед моим лицом на гвозде были листы из Евангелия. Я прочел написанное, и там – в уборной – были мои первые слезы и первое покаяние».

Так жутко и так чудесно Бог находит Себе путь к сердцам человеческим. И если такова сила слов Господних, то неужели грамотному и крещеному человеку ждать особых и страшных ситуаций для вразумления? Не лучше ли брать Писание в руки без всякой внешней беды? Брать Писание в руки и читать его потихоньку день за днем, выписывая то, что понравилось, и то, что непонятно. Запоминать по кусочкам святые тексты и размышлять о них на протяжении суетных дней своих. Раскусывать слово за словом и букву за буквой, опытно постигая, насколько благ Господь и насколько сладко слово Его. Ведь не врет Давид, говоря, что оно слаще сотового меда. Ей, глаголю вам, лучше так делать, чем ждать неминуемых бед и запоздало вопить о прощении.

Невежество – грех. Добровольное невежество – грех сугубый, если не более. И цепи безразличия, цепи самоуверенности, цепи холодного презрения к знанию нужно рвать. Вот тогда будущее является под знаком радостной надежды. И ведь нет препятствий для роста. Есть только лень души и сон разума, плодящий чудовищ. И нужно, начиная с сегодняшнего дня, благословить Бога на всякое время и на всякий час; и взять в руки Писание; и уже не выпускать его, как не выпускает кормчий руль, воин – оружие и мать – грудного младенца.

Радиация мысли

Внутри черепной коробки каждого отдельного человека кипят мысли. Тайное это варево просто так не обнаружишь. Его можно проявить, в случае, если делишься мыслями при разговоре или на письме. Только таким образом то, что кипит в голове, разливается по тарелкам и остывает на воздухе. Но только ли таким образом? С недавних пор меня это тревожит: только ли таким образом?

А вдруг мысли, даже не будучи высказанными или написанными, по образу и подобию радиации излучаются наружу? Точно так, как излучается что-то невидимое и опасное из-под неплотных стен ядерных могильников. То самое опасное, которое заставляет жужжать дозиметр и нервничать дозиметриста. То, что заставляет щитовидку разрастаться, а детей награждает уже при рождении всякими патологиями.

Сегодня я втиснулся в вагон метро и мой дозиметр тревожно зажужжал. Масса людей вокруг, и все о чем-то думают. Листают пальцами экраны, переворачивают страницы книг и газет, прислушиваются к тому, что наушники произносят у них в самой середине мозга. Ту-тух, ту-тух. (Это поезд под землей покачивается и мчится) Или просто едут, ничего не слушая и не читая, стоя или сидя, покачиваясь в такт поезду, часто — закрыв глаза. Ту-тух, ту-тух. Ту-тух, ту-тух. Но варево-то и в них кипит. И в их черепных коробках что-то смешивается и пузырится, остывает и кристаллизуется, потом опять закипает.

Мне кажется, что все мысли наши, спрятанные так глубоко и глазу совсем не видимые, на самом деле далеко не автономны. Они — личное дело каждого, потому что каждый думает, о чем хочет. Это с одной стороны. Это аксиома. Но с другой стороны я почти уверен, что мысли просачиваются сквозь кости черепа, минуют прически, преодолевают ткань разнообразных шапочек или тонкие корки лака для волос, и... Начинают летать вокруг, пахнуть, звенеть, стучаться о препятствия, как шар — о борт бильярдного стола. Да что там стены. Они начинают пытаться проникать в соседние черепные коробки, не спрашивая разрешения ни у того, к кому проникают, ни у того, из чьей головы вылетели.

— Эй, ты! О чем ты думаешь?

— Тебе какое дело?

— Вопрос резонный, но простите. Вы думаете что-то очень вонючее, я бы даже сказал — вонючее до неприличия, и я эту вонь чувствую. Не могли бы вы думать о чем-то хорошем. Кстати, простите, что начал разговор с «ты», а не «вы».

Такой диалог странно представить, и было бы еще более странно его услышать. Но я верю, верю, что из наших черепушек при плотно закрытом рте просачивается, убегает и проникает в чужие головы концентрат того, чем занят наш собственный ум. Иногда мысль брызжет еще из глаз, и тоже при закрытом рте. И даже не «иногда». Мысль из глаз брызжет, я бы сказал, постоянно, а если и не брызжет, то сочится, выползает или невзначай вываливается. Ну, как связка ключей из кармана. И если бы у нас таки был соответствующий дозиметр, то он бы жужжал постоянно, особенно в метро или троллейбусе. Особенно на стадионе или в очереди у билетной кассы.

Мой вот дозиметр жужжит сегодня в метро, и жужжит тревожно. Видно мысли у людей – не ахти! А ведь были же (я точно помню один или два раза), когда в метро было ехать так весело, пусть даже и среди тесноты. Было приятно смотреть на лица, неповторимые, обычные, особенные. Видно думали они тогда о чем-то тихом, или ни о чем. А сегодня...

Страшно представить, что бы это было, если бы внутренний слух мой был способен слышать то, что проговаривается в душах попутчиков. Так бывает у людей, которым Бог дает страшный дар знания чужих душ. Я об этом читал. Тогда внутренний диалог любого человека с самим собой, обычно тайный и никому не ведомый, звучит в душе прозорливца. А ведь это еще тот диалог! И надо, зная эту мелкую и стыдную подноготную человека, любить его и помогать ему. Воистину, Господи, если Ты захочешь кого-то наказать, Ты можешь сделать его прозорливым.

Последите за собственными мыслями в течении дня. Весь день не получится, но хоть пару часов, хоть час. Час не получится – полчаса попробуйте. Я пробовал. Какой мусорник! Живущий на Небе, не смейся надо мной! Какой чердак хлама! Создавший меня, пощади меня! Какое Ирландское рагу, для которого Монморенси принес дохлую крысу! Да это же просто карманы Тома Сойера, в которых был и огрызок яблока, и перламутровый шарик, и перышко! И весь этот невидимый хлам, разжижаясь, сочится из меня к вам, а ваш – такой же – летит ко мне.

Вот почему мы устаем, даже когда не работаем. А вы думали, почему? Устаем, даже когда только-только проснулись. Поэты знают об этом. Поэты работают со словом, ловят мысли, устают от мыслей, перебирают мысли, как горох или гречку. Они поднимают мысли, как гири. Они вываривают в своем мозгу деликатесы для бумажных и уже теперь — электронных изданий. Поэтому они знают кое-что. Ходасевич был поэтом – Ходасевич знал об этом. Блок, тот тоже был поэтом – значит, тоже знал об этом. В общем, все, кто был поэтом – хоть чуть-чуть, но знал об этом.

Блок все время что-то предчувствовал, предвидел, напевал, нашептывал. Я сейчас ничего из него не вспомню. Вот зато из Ходасевича. Об этом:

Встаю расслабленный с постели. \ Не с Богом бился я в ночи

Но тайно сквозь меня летели \ Колючих радио лучи.

(Тут можно пару строф пропустить. Без них тоже все понятно. Там про голос Мельбурна, про шум океана, про галдеж на мировой бирже...)

Хожу – и в ужасе внимаю \ Шум, невнимаемый никем.

Руками уши зажимаю – Все тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами \ Европы темные сыны

Какими вы еще лучами \ Неощутимо пронзены!

Мы пронзены. Мы пронзены неощутимо болтовней чужой и своей, радиацией, радиоволнами, звуками вездесущей попсы и бесовскими прилогами. И еще мы обмахнуты Ангельскими крылами. Потому и живы до сих пор, что обмахнуты. Как хорошо, что всего этого не видно. Все это вместе было бы непереносимое простым человеком зрелище.

Но нужно хорошо думать. Этим мы помогаем жить человеку, находящемуся рядом. Воду грязную пить нельзя, а мысли грязные разве думать можно? Фрукты немытые есть нельзя, а мысли немытые разве есть, то есть думать, можно? Экологические проблемы решать надо, а экологией мысли заниматься разве не надо? Я хочу войти в метро, и сесть возле тебя, и включить дозиметр. Я его включил, а он молчит. Значит у тебя нет ни одной заразной мысли. Потом ты включил свой дозиметр – и у тебя молчит. Значит и у меня в голове чисто. А что может быть тогда грязно, если у людей в мыслях чисто? Тогда можно с пола есть и из крана пить.

Ты и я сидим рядком. Ты и я включили дозиметры. Они молчат. Мы поглядели друг на друга и улыбнулись понимающей улыбкой.

Гроздья, а не гвозди

Из виноградной лозы не делают ни балки для перекрытий, ни гвоздя, «чтобы вешать на нем какую-либо вещь» (Иез. 15:3) В этом, говорит Бог через Иезекииля, преимущество виноградной лозы над деревьями. Яблоня и вишня тоже приносят плоды, но древесина их известна и плотнику в хозяйстве. Так дело обстоит со всеми деревьями, кроме виноградной лозы. Ее даже на спички невозможно использовать. И эта избранность сколь почтенна, столь и опасна. Опасна потому, что в случае отсутствия плодоношения ни на что больше не сгодится лоза. С паршивой овцы – хоть шерсти клок, а у лозы этот «клок» отсутствует. С бесплодной груши или вишни тоже что-то умудрится сделать хозяин. А вот с виноградной лозой не так. Как соль, утратившая силу, бесплодная лоза абсолютно бесполезна. Соль высыпают, а лозу обрекают сожжению. Сказанное важно не столько с точки зрения разумного ведения хозяйства, сколько с точки зрения исторических судеб народов.

Об одном народе прямо сказано, что он – «виноградник Господа Саваофа» (Ис. 5:7) Это Израиль. Но с тех пор, как порвалась сверху донизу завеса в храме, и с тех пор как Христос «рассеянных чад Божиих собрал воедино» (Ин. 11:52) отношения Бога с Израилем многократно повторились на самых разных народах, уверовавших в имя Сына Божия. Церковь – Новый Израиль. Это – миллионкратно подтвержденный исторический факт. Теперь виноградником Господа Саваофа можно называть разные народы: греков, сербов, грузин, ирландцев. А значит – и ожидать от них надо плодов, и опасаться всего того, что было с Израилем, когда вместо плодов вырастали волчцы и терния.

Русская Церковь и народы ее составляющие – тоже виноградник Божий? Без сомнения. Вся история Руси, драматичная, таинственная и нелинейная, говорит о том. Но в каком состоянии это любимое насаждение Господа Саваофа? В псалме 79-м говорится, что в

иные времена «горы покрываются тенью лозы и ветви ее, как кедры Божия» (Пс. 79:11) Это времена торжества веры и благочестия. Но бывает и так, что «лесной вебрь подрывает ее, полевой зверь объедает ее» (Там же) Из этого же псалма, кстати, взяты слова архиерейского богослужения, когда посреди Трисвятого пения архиерей с амвона благословляет людей, говоря: «Боже сил! Обратись же, призри с неба и воззри, и посети виноград сей; охрани то, что насадила десница Твоя» (Там же) Вот он тогда перед нами – виноградник Господа Саваофа, либо радующий Хозяина плодами, либо печальный Его запустением.

Если мы виноград, насажденный десницей Вышнего, то и от нас Бог ожидает плодов. И из нас не сделаешь ничего, кроме того, на что мы предназначены. Здесь сокрыта мудрость. Мудрость в том, чтобы понять – на что Бог зовет тебя. Если поймешь это, не будешь тратить даром время и силы на достижение ложных целей. Не будешь выдавливать и вытягивать из себя тот плод, которого и не ждут от тебя, который ты и принести не можешь толком. Не поймешь – всю жизнь прообезьянничаешь, подражая тем, на кого тебе запрещено быть похожим. Так подражали евреи то египтянам, то вавилонянам, то еще кому, и находили Божественные наказания. Царя хотели при Самуиле, роскоши хотели. И если справедливо то, что Новый Израиль должен всматриваться в историю Израйля Ветхого для понимания исторических законов, то и нам нужно понять кто и мы и для чего мы, чтобы не жить чужой жизнью.

Из этих размышлений, думаю, рождена молитва Николая Сербского о русском народе. «Всемогущий Боже, Ты сотворил небо и землю – умились над русским народом и дай ему познать, на что Ты его сотворил». Действительно, на что? Такое огромное пространство, такое богатство недр и человеческих душ! На что? Вот немцы скрупулезны, итальянцы веселы, японцы сосредоточены. У одних точное машиностроение, у других изящные искусства, у третьих фантастическая робототехника. Мы тоже хотим. И перечень того, чего хотим, может быть длинным и плотным. Но дай нам понять, Боже, на что Ты нас сотворил. Если мы – одно из колен Нового Израйля, то ответ ясен. Для Богопознания.

Как зверь, лишенный свободы, чахнет в клетке, так тоскует и умирает, уменьшается в числе и хиреет на глазах народ, не занятый тем, к чему призван. Вот одни пьют, другие развратничают, третьи воруют. Четвертые упражняются во всем сразу. Но ведь не от того, что души в людях волчьи или змеиные, а оттого, что не было Богопознания. Оттого, что сладость слов Божиих неизвестна человеку. Оттого он и ищет ложную сладость, ищет опереться на сгнившее дерево. Тысячи зол в мире от бессмыслицы. И именно бессмыслицу вон изгоняет Богопознание, ставя все на свои места.

Сесть за книги и поусердствовать в молитве самое время. Это для Богопознания необходимо. Точнее – сесть за Книгу и за сопутствующие ей толкования и комментарии. И поусердствовать в молитве, особенно — храмовой. А чтобы дело это не превратилось у каждого в самодеятельность, хорошо бы, чтобы прежде всего духовенство наше, и так грамотное и набожное, еще более поусердствовало в молитве и село за книги. Об этом далее у Николая Сербского: «Душе Святой, Утешителю! Ты в пятидесятый день сошел на апостолов – приди и вселись в нас! Согрей святою ревностью сердца духовных пастырей наших и всего народа, дабы свет Божественного учения разлился по Земле Русской, а с ним низошли на нее вся блага земная и Небесная! Аминь»

«Свет Божественного учения, разливающийся по Земле Русской». Это звучит как мечта, но вполне может и должно быть составной частью национальной идеи, а со временем – очевидным фактом. Это будет то самое цветение лозы, а затем плодоношение, без которого лоза гибнет даром, ни на что более не способная. И Закон к тому же оговаривает

запрет на вкушение первых плодов, в чем есть иносказание. Нужно дожидаться плодов четвертого урожая, и только тогда посвящать их Богу и вкушать. Из сказанного видно, что труд над живым виноградником – людьми Божиими – долог и не прост. Однако окапывать и обрезать лозу надо, беречь ее от лесного вепря и полевого зверя надо. Расцветет народ, и вкус жизни заново ощутит именно через Богопознание и принесение Богу долгожданных плодов.

Если жизнь не веселит хорошими примерами, то это, быть может, всего лишь напоминание о том, что работы много и трудиться нужно сегодня. Это не признание бессилия, а стимул. Поверьте, то, что мы видим вокруг, это не лесные чащи и не дикий кустарник. Это настоящий виноградник, только отвыкший приносить плоды и унывающий по причине бесполезности. Это виноградник, скучающий по заботливым рукам добрых виноградарей, о которых стоит молиться: «Господи, изведи делателей на жатву. Господи, приведи виноградарей в виноградник, который насадила десница Твоя».

Гений виновен во всем

Величие человеческого гения имеет порою проявления неожиданные. Кто сомневается в том, что Пушкин великий поэт? Никто. При том, что подлинная, то есть зрячая и знающая, любовь к Пушкину есть не у такого уж большого числа людей. Так привыкли с детства «Пушкин, Пушкин». Там он – сказка, здесь он – шутка, всюду легок, ненавязчив. Повзрослеешь, он тебя в мир двусмысленных и жгучих удовольствий проводит, впрочем, только до порога. Философствовать начнешь, и тут он рядом. Сентенции, по-римски отточенные и через сердце пропущенные, легкие на звук, но благородные по смыслу предложит тебе тот, кого иначе, как ветреником никто почти при жизни не считал. Это и есть талант, не погубленный, но реализованный. Избыток личностной яркости заставляет видеть в раскрытом таланте вызов, эпатаж, ребячество, не соответствующее возрасту, дерзость. Да что угодно. И ненавидеть гения вблизи так же легко, как и любить его на историческом расстоянии. Гений трудно оценить по достоинству, но невозможно не заметить. А когда гений замечен, но неверно оценен, то «чтут» его специфически, вплоть до насмешки, ругани и анекдота. Тут впору повторить предложение первое: Величие человеческого гения имеет порою проявления неожиданные.

Пушкин еще при жизни стал персонажем множества анекдотов, слухов, сплетен. Как тоска бегала за Онегиным, что в Петербурге, что в деревне, так бегала за поэтом молва: «И бегала за ним она \ Как тень, иль верная жена». Мы с вами не живем в ту эпоху, когда анекдоты эти были на всяк день свежи. А если бы и жили, то не факт, что слышали бы их. Для этого надо было бы принадлежать к обществу дворянскому, образованному. Кучер, пекарь и дровосек смеялись по другим поводам. А ведь не факт, что родись мы до эпохи всеобщего избирательного права, быть нам непременно в графьях и князьях. Но сила гения и обаяние личности таковы, что даже в поздние лета, уже украшенные блудливой кличкой «народовластия», Пушкин жил одной жизнью в книжках своих, а другой – в фольклоре.

- А ну, закрой форточку. Сейчас сквозняк ударит и стекло выбьет. Кто потом вставлять будет, Пушкин что ли? (Это техничка в школе моего детства)

- Обувь, товарищи солдаты, нужно чистить не для старшины. Не только спереди, но и сзади, каблук и пятку. А то вот Погребняк носки надраил, а сзади кто чистить будет? Пушкин? (Это командир взвода)

Историй таких множество и у меня, и у вас. У меня даже есть история с товарищем, фамилия которого реально была та же, что у поэта. Родителям же его (вот шутники) вздумалось назвать сына Александром, при том, что папа его был Сергей. И этот полный тезка того, кто «наше все», обладая нравом неусидчивым и хулиганистым, по малолетству часто попадал в милицию. Милиционер в отделении: «Фамилия». Парень: «Пушкин». Милиционер, напрягаясь: «Имя». Парень: «Александр». Милиционер, багровея и растягивая звуки: «О-о-отчество?» В ответ звучит роковое «Сергеевич» и тут же крик: «Я тебе дам, Пушкин!» с соответствующим продолжением. Попробуйте сказать, что товарищ мой не был жертвой великой популярности творца «Евгения Онегина».

Если о тебе говорят те, кто книжек не читает, если приплетают имя твое к месту и не к месту, то это странные плоды настоящей популярности. Тут можно и в третий раз повторить фразу, сказанную в начале. Величие человеческого гения имеет порою проявления неожиданные.

Тут бы и поставить точку в кратком эссе на вольную тему. Если бы не одно но... Настало время, когда к делу и не к делу поминая фамилию известного человека, многие люди говорят не Пу-шкин, а Пу-тин. Запад воет, Украина плачет, местный Смердяков гитару бросил и куплеты не поет. На всякое происшествие многочисленные люди особого психологического настроя реагируют одинаково: «Путин». Расовые волнения в Америке, наводнение в Европе, кровавая грызня шакалов за власть в некогда братской стране по соседству – Путин виноват. Люди смеются, кто с умом не рассорился: «Кошка бросила котят – это Путин виноват». Но те, кто с умом рассорился, тем не до смеха. Они причину всех бед нашли, они причину всех поражений персонифицировали, они теперь типа – «белые рыцари», обязанные бороться с мировым злом в лице одного человека. Но вместо борьбы лишь подчеркивают ежедневно свою бездарность, сваливая собственные неудачи на якобы всесильные якобы происки якобы Путина. Стыдоба. Я вот думаю даже, какую молитву почитать, чтоб прозрели они и поняли, что ума у них не больше, чем у гульки носа. Но совесть говорит мне, что нет таких молитв, и оглавление Требника это подтверждает.

Впрочем, настало время в четвертый раз повторить фразу, сказанную в начале. Величие человеческого гения имеет порою проявления неожиданные. Нужно быть действительно человеком незаурядным, чтобы вызывать на себя шквальный огонь со стороны такого количества разнокалиберных ничтожеств? Понимают ли люди, ненавидящие Путина (и не читавшие Пушкина), что чем больше они вопят о Президенте Российской Федерации, тем больше подчеркивают масштаб этой исторической личности, осмысленно действующей в нужное время и в нужном месте? Они не понимают, конечно. Понимали бы, замолкли б. но сам крик знаменателен. Проклятие низкого человека равно благословиению.

Пушкин не свят, но велик. И польза от него до Страшного Суда, как вода из ручья, течь не перестанет. А то, что лепят его имя куда не попадая, так это ж люди. У них язык без костей. Им с величием трудно разобраться. Одним зависть глаза слепит, другие в силу масштаба, понять ничего не могут. И правда, как комару о горном утесе суждение вынести? И все это справедливо для ныне действующего Президента РФ, которому не дают возгордиться, которого смиряют хриплым лаем разномастные враги, начиная от врагов Истины, заканчивая врагами обычного здравого смысла. Все это на пользу. Все это фон величия и

условия успеха. В конце концов, Господь сказал, что горе тем, о ком все говорят хорошо. Последнее - верный признак лжепророка.

История не созерцается и не пассивно переживается-терпится. История творится, и творится личностями. Личность, направляющая и корректирующая исторический процесс, никогда не делает то, что хочет, но сама чувствует на своем плече руку Промысла. Эта личность в высокой степени одинока, и понять ее может только разве монах-отшельник, всю жизнь говорящий с Богом. Поэтому цари часто уходили в пустыню побеседовать со святыми, или звали святых к себе. Впрочем, я отвлекся. Русский корабль плывет. Не куда попало плывет, а согласуясь с картой глубин, прогнозом погоды и конечной целью. На мостике серьезный человек. Пара стареющих пьянчуг в баре, склонившись над стаканами его ругают. Две спутницы пьянчуг, немолодые и тоже окосевшие, сидят рядом и поддакивают кавалерам. Бармен смотрит на них с ухмылкой и трет стаканы. На скорость корабля события в баре никак не влияют.

P.S.

Что касается украинских злопыхателей, то некто недавно верно сказал: «Они просто завидуют, что у них нет своего Путина». Это верно. Поэтическому гению Пушкина в России соответствует политический, полководческий, философский гений многих других людей. Будь Украина внимательней к Пушкину, был бы у нее и свой Путин. Ну, а раз вы, братья, Тараса выбрали, ничем не довольного и к крови зовущего, то и в политике довольствуйтесь его угрюмыми и бездарными клонами.

Душа болит об Украине...

Самые главные люди в Киевской Руси - это Киево-печерские святые, именно они могут вмешаться в ход истории, именно их надо просить о помощи, а не Ангелу Меркель и не Барака Обаму.

«Тогда отверзе им ум, разумети Писания». Протоиерей Андрей Ткачев о воскресных чтениях Евангелия от Луки.

Сегодня мы будем говорить о воскресных чтениях Евангелия от Луки. О том, как воскресший Христос явился ученикам, «показа им руце и нозе и ребра Своя», они пришли в страх, Он сказал: «Почто помышления входят в сердца ваша»? указывая, что Он знает сердца и видит не только внешнее смятение, но и бурю внутри человеческого сердца. «Яко Сам Аз есмь: осяжите Мя и видите: яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща (Лк.24:38,39). Когда они неверовали, он взял перед ними мёд, печеную рыбу и ел. Не потому что голодал, но потому что доказывал таким образом телесность Своего воскресения. Затем Он говорил:

«Рече же им: сия суть словеса, яже глаголах к вам, еще сый с вами, яко подобает скончаться всем написанным в законе Моисеове, и пророцех и псалмех о Мне.

Тогда отверзе им ум, разумети Писания».

(«И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах.

Тогда отверз им ум к уразумению Писаний»).

Остановимся на этих словах.

Он говорит – вот слова пророка Моисея, и «отверз им ум» понимать написанное. Это были евреи, которые читали Писание постоянно по субботам, всю жизнь, в домах читали, это была самая образованная нация. Он отверз им ум, сказав – исполнилось всё, что писано «о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах». Что мы знаем о Христе, написанное в законе Моисеевом? Имеется в виду пять книг Моисеевых – Бытие, Исход, Левит, Второзаконие и Числа. О Нем там много написано. Иудейские книжники говорили, что в Писании нет ни одной страницы, где не было бы слов о Мессии, нужно уметь это

видеть. Например, история Иосифа. Это история Христа. Невинный, девственный, пророческим даром одаренный, братьями преданный, в плен попавший, блудной женой соблазненный, но не соблазнившийся, в тюрьму севший за целомудрие, вошедший во славу – это яркий образ Христа. И таких образов в Писании множество. Моисей, начинающий свою жизнь от воды, небольшой просмоленной корзинки, в которой его пустили по воде, и по воде он плыл, чтобы не быть жертвой убийства, и был найден купавшейся дочерью фараона. Вода – начало Моисея, вода – начало Евангелия. Предтеча пришел на Иордан крестить, Христос пришел на воду, с воды начинается Евангелие. Писания Ветхого и Нового Завета едины. Как говорит Блаженный Августин, Ветхий Завет раскрывается в Новом Завете, а Новый Завет скрыт в Ветхом Завете.

Исполнилось всё, о чем говорилось в пророках и псалмах. Вообще, христианину псалмы нужно знать наизусть. Здесь мы прикасаемся к серьезной теме нашего религиозного невежества. Есть церковные правила, что нужно знать наизусть всю Псалтирь. Каждому епископу, священнику и дьякону, то есть всякий человек, принимающий посвящение в сан, должен знать Псалтирь наизусть. В Псалтири самая «качественная» проповедь о Господе. Написано о Христе много – и у пророков и в псалмах, но это закрыто, в том смысле, что человек может читать и не понимать. Для того, чтобы понять написанное, нужно иметь открытый ум. Об этом пишет Павел во Втором послании к коринфянам – евреи читают Писание, читают его больше чем мы, ежедневно читают, вникают, изучают, но покрывало на лице лежит, и они не понимают, о чем читают. Покрывало снимается Христом. Они читают, но не понимают, мы понимаем, но не читаем. Христос открывает человеку разум для понимания Писания. Если Христос откроет вам разум для понимания Писания, у вас не будет никакого интереса в жизни из чтения, кроме как читать Писания Ветхого Завета и находить там «следы» Христа.

Христос воскресший открывает разум апостолам к разумению Писания. (Лук.24:46) И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, чтобы было проповедано во имя его покаяние, отпущение грехов во всех языках, то есть народах. У апостолов открылся разум, и они теперь должны идти открывать разум другим. Апостолы – это свидетели Христова пришествия. Свидетель – это тот, кто видел. И они могут говорить в проповеди не «я прочитал», «я понял», «я додумался», а «я видел». Так говорит Иоанн Богослов – я видел и руки мои осязали. Свидетель – это участник событий, который видел, слышал, прикасался.

Важным является то, что Христос отверзает человеку разум к пониманию Писания. Без отвержения разума человек не может понять Писания. Все христиане должны быть читателями и изучателями священного Писания. Если вы этим не занимаетесь, то видимо вы отлыниваете от христианского званья. Если Писание для вас не настольная книга, если вы не знаете названия всех книг, вы уклоняетесь от серьезных занятий. Все христиане должны быть людьми, упражняющимися в чтения Священного Писания. Это особое чтение. Например, Толстого в его лучших произведениях, «Война и мир», можно за ночь прочитать страниц 150. Апокалипсис, или Исайю, или Даниила, можно прочесть 1-2-3 главы, а дальше не сможете – потому что слишком плотный текст. Слишком много благодати, слишком тяжело впитывать подаваемое. Человек не готов – половину не понимает, другую половину понимает, но она его пугает. И он, насыщенный, останавливается. Чтение Писания – это труд. Чтение газет – это отдых, чтение беллетристики – это убийство времени, чтение любимых писателей или поэтов – это наслаждение. Чтение Писания – это не наслаждение, не убийство времени, не отдых, это труд. Христианин, не читающий Священного Писания, это лентяй и дезертир. По сути, он сбежал с поля боя, так как чтение Писания есть некая духовная война. Война меня с

самим собой, война Бога с грехом, война Христа с дьяволом, война, в которой мы участвуем, вы должны читать Писание – иначе как Бог вам откроет ум?

Сначала вы читаете Писание, читаете месяц, два, осознаете, что там много непонятного, думаете, кто бы мне объяснил. А потом происходит, что Бог открывает ум к пониманию Писания. Если ты вообще не читаешь Писания, то ты согрешаешь. Златоуст говорил: «Все грехи мира – от незнания Писания». Правители были бы наполнены смирением и страхом Божиим, если бы читали Писание. Они бы видели, как поступает Бог с Киром, с Навуходоносором, с Седекией, Давидом, Соломоном, и как это страшно – быть во главе народа. Простые люди были бы другими, если бы знали Писание.

Писание надо читать. Говорят, я ничего не понимаю. Правильно, ты читаешь и ничего не понимаешь, почему? Потому что Бог открывает разум человеку для понимания Писания. Если Бог тебе это не откроет, так и будешь читать как сказки, как притчи. Но чтение все равно надо начинать. Нет ни одной службы в церкви, на которой не было бы чтения Священного Писания – чтение постоянно, без этого нет богослужения. Человек, знающий грамоту, обязан читать ежедневно Священное Писание. К этому надо прийти, мы пока к этому не пришли. Не пришли по разным причинам – по причине исторической инерции, у нас долгое время – годы, столетия – люди были неграмотны, они Писание воспринимали на слух. Сейчас все грамотны. Откройте для себя эту нишу и заполните ее трудом. С кем не поговоришь – никто ничего не знает. Спросите у человека, что написано в книге Бытия, в такой-то главе? Он на тебя глаза вытаращит.

Все грамотные, у всех крестики на шее. Господь говорит с нами через Писание. Блаженный Августин говорил: «Когда ты молишься, ты говоришь с Богом, когда ты читаешь Писание, Бог говорит с тобой». Это диалог. Монолог бесполезен. Начинайте просвещаться и понимать изнутри, что есть воля Божия. Начинайте читать всё то, что вы еще не читали. А затем Бог вам откроет разум к пониманию Писания. От вас начнется труд, от Бога начнутся подарки – будет открывать разум к разумению Писания.

Вопрос. Читать и понимать – это разница. Расскажите, пожалуйста, о толкованиях – какие лучше прочесть? Скажем, на Апокалипсис очень много толкований.

О. Андрей. На Апокалипсис толкований мало – он не читается в богослужении. А вот Апостол, Евангелия – должны толковаться. Писание прочитанное и не истолкованное – это слова на воздух. Есть такой принцип *Scriptura non est legenda, sed intelegenda*: Писание — это не то, что читается, а то, что понимается. Если человек читает, но не понимает, он читает даром, пока ему не объяснят. Апокалипсис не читается на богослужениях, потому что его трудно объяснять. Читать Библию начинать надо не с Апокалипсиса, а с книги Бытия. Это журнал читают с конца, с кроссвордов, а Библию нужно читать с начала, с Бытия. Потом нужно читать Евангелия. Можно сначала Евангелие прочесть. В свете Нового завета надо понимать Ветхий Завет. Но в любом случае Апокалипсис нужно читать в конце. Читать надо постепенно – Евангелие, Деяния, и только потом – Апокалипсис. Не раньше! Человек, не знающий, но толкующий Евангелия, Деяния, Послания – шарлатан.

Толкования можно читать любые святоотеческие. У Святых отцов нужно искать не подробного объяснения каких-либо конкретных стихов, а принципа подхода к толкованию текста – исторический, экзегетический, буквальный, духовный. Этим нужно заниматься – нужен труд, постепенная, неспешная работа.

Вопрос. Духовник моей сестры благословил нас, несколько человек, читать Псалтирь о здравии и о упокоении. Очень много имен. Я читаю Псалтирь, молюсь, уже года два, третий. Но однажды я услышала, как раз по «Радонежу», что это не такое простое дело, как казалось бы. И смутилась.

О. Андрей. Поскольку вас благословили, то всю тяжесть на себя возьмет тот, кто благословил. А тяжесть есть. Прежде всего от того, что вы, можно сказать, вмешиваетесь в жизнь другого человека. Тот, кто благословил, тот и понесет на себе тяжесть связанных с благословением вопросов. Псалтирь читайте, поминайте усопших – вы работаете по послушанию, вы совершаете труд послушания и молитвенной любви. Совершайте его. Думать об ином должны благословляющие.

Вопрос. Скажите, пожалуйста, по поводу сквернословия. Всё вокруг так этим заражено. Вчера я посмотрела видеоролик, запись боя в Новороссии, эти бойцы, за которых мы молимся, желаем им победы, считаем их своими братьями... мы видим в Новороссии зачаток действительно новой России. Как к этому относиться?

О. Андрей. Вы действительно думаете, что там, под пулями, среди смертей, можно изъясняться на языке французского салона? Конечно, там мат с кровью пополам. А разве бывает война иной? Давайте относиться к этому всему трезво и спокойно. Спокойно в том смысле, что экстремальная ситуация рождает экстремальное поведение. Люди не могут дышать благоуханием, когда кругом кошмар. Не завышайте требования к простому человеку. Простой человек смотрит смерти в лицо, в ее костлявую морду, похоронил своих родных и друзей, над ним свистят пули и снаряды, а вы желаете, чтобы он изъяснялся на языке Буало или Державина? Ясно, что будет мат, как иначе? Меня удивляет не то, что они матерятся, а то, что вы спрашиваете. Вы жизни совсем не знаете? Она очень страшная на самом деле. Это простые люди, которые воюют, смотрят смерти в глаза, в пустые глазницы пустого черепа. Мы, в тепле сидя, должны относиться к этому, по крайней мере, с пониманием, без претензий. Претензии – это свойство глупого человека. Будьте умней.

Вопрос. Батюшка, вы затронули важную тему. Раньше Библию не продавали, мы читать ее не могли. Я успела прочитать Новый Завет, пыталась читать Апокалипсис, но пока не стала. Сейчас слушаю о. Олега Стеняева с разъяснениями, о. Даниила Сысоева. Меня тоже волнует этот вопрос. В основном, слушаю, не читаю, так как глаза слабеют. Как нам таким быть?

О. Андрей. Как есть, так и быть. Вы озвучили свой режим питания духовного – Даниил Сысоев, Олег Стеняев, Радонеж. Добавить нечего. Всё хорошо, слушайте всё, что можете слышать. Запоминайте побольше, чтобы оставалось в памяти и чтобы впоследствии это можно было вспомнить и в уме «перемолоть». Помогай Бог!

О. Андрей. Из предпоследнего вопроса для меня открывается интересная тема – когда мы хотим сильно много от чего-то, мы ничего не получаем. Например, мы хотим монархию. Допустим, у нас есть православный монарх, и вдруг он сделал что-то такое, что нам не нравится. Потому что мы идеализируем его, думаем, что это ангел, а это человек. И он, исходя из церемониальных обязанностей, например, послал телеграмму Папе Римскому с поздравлениями с днем Ангела, и половина православной Руси восстала тут же – зачем православному монарху поздравлять еретика? Вот и появляется проблема. Если мы много хотим, мы обрекаемся на большие проблемы. Чем меньше хочешь, тем больше достигаешь. Нельзя иметь иллюзорные, возвышенные представления о человеке. То же можно сказать и о войне. Война – это кровь, грязь, страх, животный страх, который не

контролируется рассудком, не надо ждать, что бойцы будут ангелами, или рыцарями. Так и везде – мы хотим от священников, чтобы они были ангелами, хотим, чтобы власть была ангельская, а она не ангельская. В Украине собрался на площади народ, потому что власть плохая. Теперь хорошо стало? Когда было меньше трупов – при старом режиме или при сегодняшней демократии? Когда мы сильно много хотим, мы сами нарываемся на большие неприятности. Поэтому хотите поменьше. Даже если от себя самого многого хотеть, тоже будете страдать, не получится быть абсолютно святыми. Будете мучиться, страдать, унывать от того, что вы не святые, а это опасно. Давайте корректировать свои запросы к жизни в соответствии с реальным положением дел.

Вопрос. На Всенощной поется «Научи меня Господи, оправданием твоим», что мы простим у Господа этими словами?

О. Андрей. Я благодарен всем, спрашивающим по Писанию. Это слова из 17-й кафизмы, 118 псалма, из так называемого Великого псалма. Псалом посвящен расширенному учению о Законе Божиим, о заповедях. Заповедь – это приказ Господень. И оправдание – это тоже заповеди. Оправдание – это синоним заповеди. Оправдания, пути, заповеди – это синоним одного и того же, воли Божьей о человеке.

О родителях Иоанна Крестителя, Захарии и Елизавете сказано, что они были беспорочные, ходящие во всех заветах, законах и оправданиях Господних. Оправдания – это поэтическое воспевание заповедей Божиих. «Научи меня Господи, оправданием твоим» означает научи меня делать такое, чтобы я оправдался перед лицом Твоим. Например, Господь говорит, не презирай сироту, не обижай вдову, не смейся над калекой, помогай нуждающемуся, в протянутую руку положи денежку, помни день субботний. Делай это и оправдаешься перед Господом. Оправдание – это заповеди Господни, выполнением которых человек оправдывается перед Господом. Научи меня, что мне нужно сделать, чтобы получить Твое оправдание – врага простить, молиться, сокрушить сердце свое, оплакать грехи свои, примириться с врагами, и Господь укажет, что надо сделать для оправдания.

Подобные вопросы очень полезны. Когда человек спрашивает о Господе, о словах благодати, то получает пользу несравнимую и вопрошающий, и отвечающий, и слушающие. Если слово Господне среди нас, значит, Господь посреди нас. Как в Евангелии сказано: «Где двое или трое соберутся во имя Моё, там Я среди них» (Мф. 18:20).

Оправдание – откровение Божие о воле Своей, о том, что надо делать человеку, чтобы он нашел милость в глазах Господних. Призрение сирот, погребение странников, раздача милостыни, хранение постных дней, чтение Писания, упражнение в страхе Божиим, размышление о Господе, память о Господе утром и вечером – это всё вместе и есть оправдание Господне.

Попутно замечу, что 118-й псалом, 17-я кафизма, это кафизма, написанная специфически, в еврейском языке есть 22 буквы, и кафизма составлена так, что она состоит из 22 частей, в каждой из которой по 8 стихов. Соответственно, каждые из восьми стихов начинаются с очередной буквы алфавита – восемь стихов на букву «алеф», восемь стихов на букву «бет», восемь стихов на букву «гимель» и так далее, 22 раза по 8 стихов. Получается 176 стихов. Это не просто вдохновенная песнь, это искусно подобранные поучения из Слова Божьего. Евреям заповедывалось учить ее наизусть для того чтобы по дороге в Иерусалим (а Закон оговаривал трехкратное пребывание каждого мужчины в Иерусалиме в год) не

болтали, а читали 118 псалом. Это 176-стиховое песнопение является пространным гимном в честь заповедей Господних. Читайте эту кафизму, выучивайте ее наизусть.

Вопрос. Можно мне не спросить, а просто сказать. Батюшка, я настолько бываю довольна, слушая ваши проповеди, и когда вы выступали, будучи на Украине, и сейчас, повторения могу слушать хоть сто раз. Читала ваши бесподобные книги. Я кланяюсь вам и Господа благодарю, что у нас есть такие замечательные проповедники. Спаси Господь вас всех.

О. Андрей. Да спасет Господь мою бедную душу за ваши добрые слова. Спасибо вам, дорогая сестра. Я надеюсь, что мы не даром трудимся. Хотя, как говорил Федор Иванович Тютчев:

«Нам не дано предугадать,

Как слово наше отзовется, -

И нам сочувствие дается,

Как нам дается благодать».

Неожиданно, как Дух Божий дышит, к нам приходит сочувствие от тех, кто слушает нас.

Желаю всем вам завтра дойти Божьего храма, желаю, чтобы Господь прилагал всех спасаемых к Церкви, чтобы умножалось число людей, читающих Писание, любящих Господа, кающихся в грехах своих. Мир вашим жилищам, семьям, радости вам о Господе. До следующей встречи. Аминь

Беседа с известным православным священником, миссионером Андреем Ткачёвым

**«Всё в Украине говорит о том, что люди дали в себе место
дьяволу...»**

Протоирей Андрей Ткачёв до недавнего времени был одним из наиболее известных православных священников, служащих на территории Украины. Настоятель киевских храмов преподобного Агапита Печерского и Луки Крымского. Член редколлегии и постоянный автор журнала «Отрок.ua». Ведущий телепередач «На сон грядущим», «Сад Божественных песен». Автор книг «Письмо к Богу», «Страна чудес», «Мысли о покаянии», «Смотри, небо становится ближе» и др.

Несколько месяцев назад отец Андрей покинул Киев и переехал в Москву, где ныне служит. По слухам, его вынудили это сделать из-за резкой критики Евромайдана и новой украинской власти. С протоиреем Андреем Ткачёвым пообщался писатель и публицист Платон Беседин.

- Отец Андрей, несколько месяцев назад вы покинули Киев, где вели активную миссионерскую православную деятельность. Тогда вы отказались от каких-либо комментариев по данному вопросу. Пришло ли время дать их сейчас?

— Элеонора Рузвельт, жена того самого президента Рузвельта, который Франклин Делано, сказала следующее: «Низкие люди обсуждают людей, средние люди обсуждают события, великие люди обсуждают идеи». Может, мы с вами вовсе и не великие, но уж попытаемся не быть низкими — не будем говорить о «себе любимом». Поищем идей.

Множество ручейков стеклось в одну реку, обстоятельства сложились таким образом, что следовало принимать решение. Я принял решение уезжать. Не сочтите за избыток скромности или конспирации. Это всё, что я хочу и могу сказать по данному поводу. Могу только добавить, что я всегда и ощущал, и самоидентифицировал себя, как русского человека. По религии, по культуре. И теперь, когда в стране всё русское воспринимается, как вражеское, мне и моей семье просто не осталось там места. Это стойкое внутреннее убеждение. Я вернулся, как и полуостров Крым, на духовную и историческую Родину.

- Вы были одним из немногих, кто публично выступил против Евромайдана. В частности, широко известна ваша обличительная проповедь. Какую реакцию тогда вы ощутили со стороны Украины?

— Вынужденно комментируя всё, что произошло, я говорил в интервью одному из каналов в Украине, что ненавижу революции. Это чистая правда. Революции (по крайней мере, наши, на пространстве славянской цивилизации) представляются мне алхимической ретортой по превращению чистых намерений в концентрированное зло. Считайте это, если угодно, за определение. И мне было странно, что это большинству не очевидно. Было странно, что голоса против не звучат со всех сторон, хотя сатаническая стихия сразу была так явна.

Патриарх Кирилл говорил во время брожения на Болотной, что Россия исчерпала лимит революционных потрясений. Перемен нужно ожидать от других видов деятельности. Слова эти справедливы и в отношении Украины. Она тоже измучена прошедшим столетием. И уж кому-кому, но точно не ей искать счастья в мятежах. Но...

И то, что народ, интеллигенция, бизнесмены и прочие проглотили бунтарскую наживку, для меня было шоком, знаком великой беды, тем «запахом айсберга», который предшествовал аварии «Титаника». Одним словом, Украина в целом ужаснула меня слепотой и глупостью. Ужаснула согласием с самоубийственным сценарием. Всё остальное — это уже детали. А так, конечно, множество людей звонило, писало, и с глазу на глаз выражало мне своё согласие и поддержку.

- Сейчас вы раскаиваетесь в том, что сказали? Изменили ли вы свою позицию? Или, наоборот, укрепились в ней?

— Я не лгал в этом вопросе ни секунды. Время подтвердило мою правоту. И я бы раскаялся, поверьте, если бы ошибся. Это не позор — признаться в промахе. Но ошибки не было. Всё было, к сожалению, верно. Претензии могут быть к тональности, к стилистике. Удивление и негодование у некоторых может вызывать сам факт того, что священник дерзает высказываться на эти темы. Дескать, маши кадиллом и помалкивай (у нас ведь так привыкли к Церкви относиться). Что ж, эти реакции имеют место.

Но существо сказанного не было ложью. Я действительно не называл имён, не тыкал ни в кого пальцем, собственно и не проклинал никого, что мне активно инкриминировалось. Слово «проклятие» даже не звучало ни разу. Речь шла именно о принципах, об идеях, о механике процесса. Не нужно ведь быть пророком, чтобы сказать человеку, намеренному прыгать с крыши высотки: «Ты разобьёшься!». Моё «пророчество» именно такого характера. Оно почти банально, и, тем не менее, подняло волну.

— Осенью прошлого года начали говорить о том, что в УПЦ Московского Патриархата наметился определённый раскол. Причиной тому стало подписание ныне покойным митрополитом Владимиром «Обращение Церквей и религиозных организаций к украинскому народу». Подписание вместе с раскольником Филаретом и лидерами других религиозных общин. Насколько лично вы поддерживали данное «Обращение», по сути, декларирующее идеалы Евромайдана? И какова тут степень инициативы лично Владимира?

— Видите ли, одна из болезней церковной жизни заключается в том, что верующие люди, те, что согласно Исповеданию Восточных патриархов являются хранителями веры, не очень вчитываются в официальные документы, не очень вообще интересуются ими. Это не с нас началось. Невнимание к официозу — одна из наших культурных особенностей. То есть, можно что-то говорить, подписывать, «выражать глубокую озабоченность», или наоборот — «чувство глубокого удовлетворения», а караван будет идти, куда шёл, и древо жизни зеленеть продолжит. Что-то подобное было, думаю, и в отношении этого документа.

Куда большую обеспокоенность вызвали не тексты, а фотографии Блаженнейшего вместе с Филаретом. Людей картинка или «достоверные слухи» больше пугают, чем слова. Но последние годы жизни Митрополита Владимира были сплошной мукой для Владыки. Все, кто более-менее знал, что к чему, понимали, что могут быть «подставы», именем старца и за его спиной могут пытаться решать личные дела, а не церковные проблемы. Всё это слишком понятно, очень белыми нитками шито, и очень обидно.

Поэтому я никакого обращения не поддерживал и ничего от него не ждал. Всё это игра в слова, могущая превратиться в игру с огнём, а также — попытка манипулировать Церковью. Очень обидное явление, очень печальное и очень не духовное.

- Хорошо, отец Андрей, а справедливо ли, на ваш взгляд, особенно с учётом последних событий, говорить о расколе внутри Украинской Православной Церкви?

— Людей, склонных к разным видам махновщины, мечтающих самим «поцарювать», достаточно. А уж в Украине, тем более. Так исторически сложилось. До времени они могут быть «сама лояльность». Но с переменой властей, ветров и тенденций, люди определённой категории очень быстро заявляют о себе. Они просыпаются и чувствуют, что настало их время. Выпадает шанс «сделать себе имя». Помните, так говорили строители Вавилонской башни?

Таких у нас достаточно. Не знаю, критична ли их масса, но они всегда были и есть. Вообще военные времена обнажают ошибки мирного времени, а в Церкви во время турбулентности вылазят боком главным образом кадровые ошибки. Все, кто вошёл во двор овчий не дверями, но перелез «инуде», становятся ненадежными или прямо опасными в тревожные времена. Есть такая проблема.

- Я знаю, что в 2004 году, во время «оранжевого» Майдана вы покинули Львов, где тогда служили. Ситуация складывалась наподобие той, что произошла сейчас, в 2014 году?

— В 2004-м я лицезрел Октябрь 17-го собственными глазами. Видел демонстрации людей с бантами на груди; школьников, снятых с занятий и марширующих строем по улицам. Кругом звучала песня «Разом нас багато». Крови не было. В этом серьёзное и прекрасное отличие. Но общая атмосфера была идентична недавним событиям. Это была первая в моей жизни «историческая реконструкция». Большевизм в чистом виде. «Мы наш, мы новый мир построим!» Щенячий восторг, упоение победой, шум на площадях, ненависть к врагам. Картинка!

Вопрос моего переезда в Киев тогда уже был в процессе решения. Дело было за сроками. И я словно на прощанье наблюдал за родным городом (я ведь родился и вырос во Львове), охваченном революционной эйфорией.

Господствующее ощущение тех дней — ощущение себя чужаком, внутреннее неприятие происходящего, сознательное отторжение, оценка происходящего, как фарс. Что было дальше, слишком известно, чтобы говорить об этом подробно.

Майдан 2004 облегчил мне прощание со Львовом, угрожавшее стать слезливым. Раньше я ведь его очень любил, но потом у меня тупо украли родину. С Киевом, кстати, точно так же.

- Можно ли говорить о том, что с каждым годом нарастала украинизация страны?

— Русская и украинская культуры разновелики. Нравится — не нравится, а великая культура это всегда культура империй. Создать же империю — далеко не всем дано. И в мире вообще нет равенства. Если бы все деревья в лесу были одного роста, мы бы отказались войти в лес из соображений эстетического бунта.

Так вот, украинизации, как культурного процесса в Украине нет. Для этого у украинской культуры (прошу не обижаться) просто нет внутреннего ресурса. Стоит вообще понять, что в украинской идее самостийности нет вообще серьёзной культурной составляющей, и никогда не было. То, что было, близко не отвечает европейскому выбору и относится к этнографии. И отношения между русской и украинской культурой обречены на то, чтобы быть отношениями между культурой мирового уровня и культурой уровня регионального.

Украинская культура имеет небольшой набор тем для разговора с украинцами, а русская говорит о вечных понятиях со всем миром. Понимаете разницу?

И в этой разнице, собственно, нет ничего плохого. Чешская и словацкая культуры тоже разновелики, хотя они и соседи-родственники. Американская и мексиканская в таких же отношениях. Надо просто называть вещи своими именами и занять каждому свою нишу. Но

проблемы начинаются там, где кто-то хочет быть тем, кем быть не может. Отсюда злоба, ненужное соперничество, смешная примерка на себя пышных одежд с чужого плеча, попытки действовать с помощью государственных рычагов: что-то придавливать, что-то раздувать. Это печально и бесплодно. Люди от этого без сомнения страдают. Далеко не все понимают суть происходящего, но подсознательно страдают все.

- Вы, между тем, один из тех, кто, что называется, всегда нёс русскую культуру в массы. И в своих проповедях, и в журналах, которые издавали. Насколько тяжело было это делать? И, на ваш взгляд, насколько справедливо выражение «русская Украина»?

— Русская культура меня воспитывала. Для меня скажем оба Тарковских (Арсений и Андрей) или Бродский сделали не меньше, чем бабушка, с которой я прожил первые десять лет жизни, которая меня до трёх лет с ложки кормила. А то и больше. Они для меня и сейчас реальнее, чем, например, мистер Обама. Ерофеев говорил, что всю бурду, которую в него впихивали и вливали, он однажды выbleвал (пардон), засунув два пальца в рот. И этими пальцами были Святое Евангелие — раз, и русская поэзия — два. Краду у него эту цитату и под ней подписываюсь.

Русская культура — это одна из любимейших дочерей Новозаветной благодати, рождённая, по большому счету, в последние дни. Я живу ею. Если бы не был женат, то сказал бы о ней, как Сковорода — о Библии: «Невеста моя, ласточка моя». Трудно ли нести её в некультурной среде? Так же трудно, как нести лампаду на ветру. Её (подлинную культуру) гонят интуитивно, отвергают, не познакомившись, потому что чувствуют в ней великую красоту и великую правду. Клевета на нее, рифмуя ее с блатным шансоном, обличают в себе ненависть к правде и гордую узость.

Ну, а «русская Украина» это, по крайней мере, чудесный Николай Васильевич, чьи коды нам еще предстоит разгадать. Кстати и Булгаков, и Вертинский, и Сикорский. Русская Украина есть. Даже в дневниках Шевченко.

- Вы человек Слова. И, собственно, вокруг того, на каком языке произносить слова в Украине много споров. Именно языковая проблема декларировалась как одна из ключевых в контексте разделения Украины. Опять же насколько она имела под собой реальные основания?

— Язык, по Хайдеггеру, это дом бытия. Если им пренебречь, то можно своё бытие переместить из дома в казарму, или в барак, или землянку. Я за филологическую чуткость.

Но думаю, что украинский и русский языки надо мирить (равно, как и их носителей) в лоне церковно-славянского языка, в корнях. Люди, молящиеся на церковно-славянском языке, должны и могут свободно переходить с языка на язык, расширяя поле своего языковедения и включая в него другие близкие языки. Польский или сербский, к примеру. То есть проблему нужно решать не в координатах «или — или», а в расширении смыслового поля. Для этого нужны просвещенные народные лидеры. Их сейчас нет. Нет вообще. Собственно их в Украине никогда и не было.

А в руках у политиков, как известно, любая тема превращается в оружие ближнего боя, в кастет или финку. Здесь мира не будет. Если в советское время русский язык был языком межнационального общения (латыш с армянином говорили не на латышском или армянском, а на русском), то сегодня для Украины русский язык — это открытая дверь в общемировой культурный контекст. Кто не понимает этого, то, по-моему, просто варвар.

- Чем, на ваш взгляд, в первую очередь вызван кризис в стране, переросший в гражданское противостояние? Возможно, это кризис духовный, моральный?

— Апостол Павел говорит «не давайте места диаволу» (Еф. 4:27) Всё происходящее в стране говорит о том, что люди дали в себе место диаволу. Много места дали ему. Как всегда — под соусом благих намерений. «Мы достойны большего и лучшего». «Почему у них всё есть, а у нас этого нет?» «Мы хорошие и ни в чём не виноваты. Виноваты вон те. Сейчас мы их... и заживём». Узнаёте? Это ведь логика, инспирированная диаволом, и именно она действует. Слишком долго хвалились, что мол, мы очень духовная и миролюбивая нация. А гнилья внутри было и есть — мама не горюй. Вот и произошёл ребрендинг «миролюбивой и духовной нации» в неизвестно что.

С горечью могу лишь констатировать, что покаяния до сих пор нет, склонности к анализу нет, помрачение усиливается, работа над ошибками не ведётся. Продолжается поиск виновных со стороны. И значит смерти все — даром, Киев загажен — даром. Воз будет стоять еще долго на прежнем месте. Горе, одним словом. Горе и слёзы.

- Ополченцев (или террористов, как их называют в Украине) в Донбассе не раз называли «православными радикалами». Насколько приемлем данный термин и, собственно, то, что за ним стоит? Насколько возможно в принципе, что иконами прикрываются такие персонажи как Бабай? Что убийство происходит под православными лозунгами?

— Нам ещё только предстоит разбор полётов. Когда все это таки закончится (Боже, когда же это всё закончится?!), мы будем изучать возникшие феномены. И пробуждение фашистского сознания, и неожиданно пробудившееся самосознание Донбасса, и разверзшаяся пропасть между Востоком и Западом, и роль православной составляющей во всём этом. А ещё — много чего другого. Будут фильмы сняты, будут книги написаны, будут организованы сотни круглых столов. Кровь Гражданской войны (ведь именно она идёт, а не что другое) будет осмыслена в категориях героического искусства. Всё будет. Только бы оружие зачехлили. И тогда мы об этом поговорим.

- Как в такой ситуации должен вести себя священник? Ведь на Майдане было много униатов, которые благословляли происходящее там. Сейчас они и другие благословляют карательную операцию. В Донбассе со стороны местных священников происходит нечто подобное.

— С униатов нужно будет многое спросить. Километры отснятой пленки нужно будет просмотреть, ещё раз вслушаться во все эти непрерывные «моления» на фоне огня, стрельбы и барабанного боя. Нужно будет попытаться понять, как это у людей получается чередовать раз за разом слова «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» с криками «Смерть врагам!». Что это: психическое нездоровье или полное невнимание к произносимому тексту?

Вопросов много. Историки, психологи и религиоведы нас сильно со временем удивят своими выводами и наблюдениями. Для меня, например, «майданная духовность» говорит так много, что в пору книжку писать.

А восточные отцы никуда не ездили, никакие площади не захватывали, никого на баррикады не звали. Им и в страшном сне не хотелось никого поднимать на ножи. Но когда в их дома прилетели снаряды, когда их паству стали разрывы на части кромсать, то, что им делать оставалось? Остаться с воюющей паствой. Не они войну зажгли, не им и отвечать за нее. И это в их храмы, а не к униатам, снаряды прилетают. Так что многим поневоле пришлось становиться в ряды военного духовенства. Многим Господь и венцы сплетет.

- Мне, к сожалению, часто приходится слышать, что УПЦ ведёт себя пассивно в вопросе урегулирования военного конфликта в Донбассе. Мало того — не помогает беженцам. Насколько справедливы данные претензии?

— Между сделанным и тем, что нужно сделать, всегда большой зазор. Нам есть, в чём каяться и сокрушаться. Однако вместе с тем большая работа делается. Не для пиара, не для новостного сюжета. А для жизни, для правды, по совести. Война многое перетряхнёт, многое отшелушит. Как ни горько, но именно она многих сделает лучше. Это и Церкви касается. Повторяю: нас ждет неизбежный разбор полетов. Как допустили? Что и где прошляпили? Какие выводы нужно сделать? Будет и свой маленький Нюрнберг, и свой церковный анализ. Если не будет — грех тогда нам.

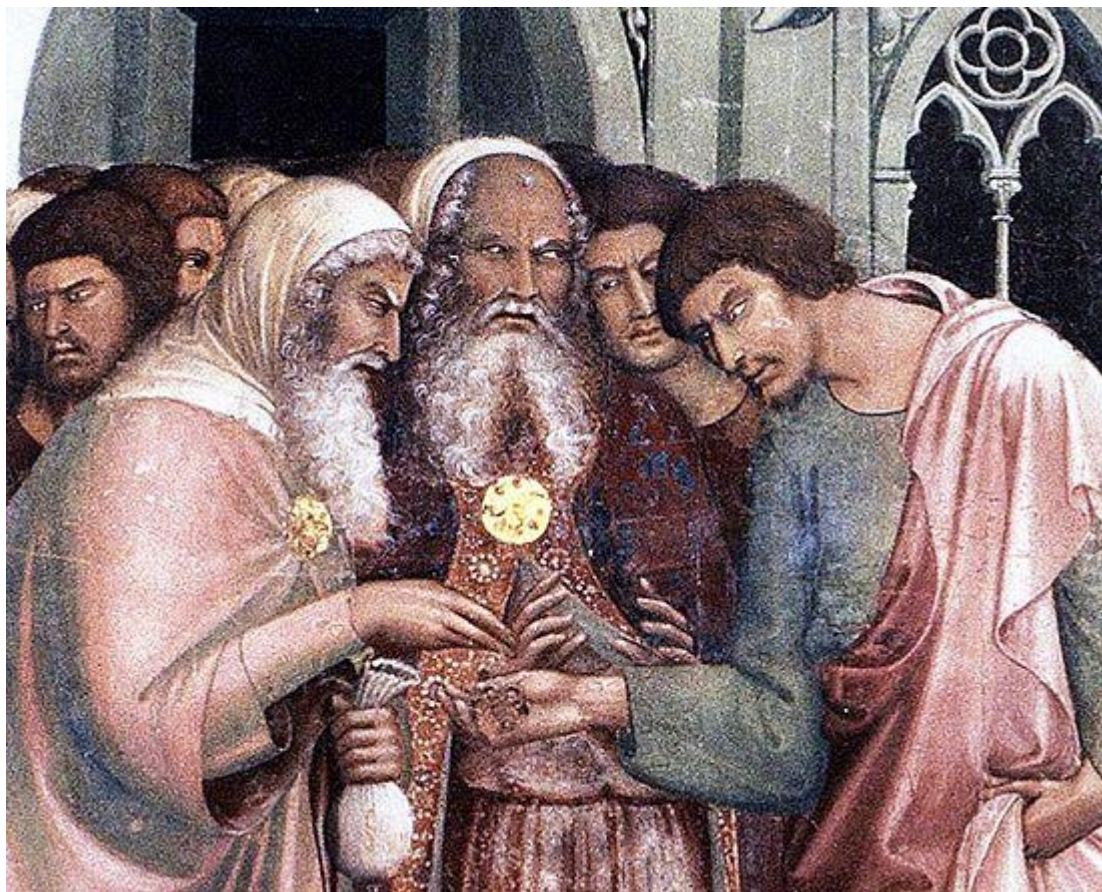
- Вы сейчас в Москве. Как устроились? Какие ваши планы?

— Жив. Служу. Ни на что особо не жалуюсь, хотя мне уже не восемнадцать, со мной семья, и на подъём в таких условиях человек уже не очень легок. Людей много хороших, вот это — факт. Чудесных, отзывчивых, талантливых людей. И Церковь уж больно красива, сильна и хороша, не смотря на все известные нам и неизвестные сложности. Хочу работать. Работы много, и у Церкви великое будущее. Всей кожей это чувствую.

- В конце я хотел бы задать такой вопрос. Насколько близки, похожи ваши прихожане в Киеве и в Москве?

— Это одни и те же люди. С неизбежными и допустимыми модификациями внутри одной категории, все они — православные славяне, братья и сестры. У нас общая история, общая химия крови. И плюсы их мне знакомы, и минусы известны. Наши они люди, родные. Кто говорит, что они — разных полей ягоды, тот лжёт на истину и тяжко согрешает. Мы дети одной Матери-Церкви, из одного Купельного лона вышли, от одной Чаши вскормлены, одним Миром мазаны. Исторические задачи у нас тоже едины. Кто от этого отречётся, тот себя навеки потеряет. Как пить дать.

Иуда

В Гефсиманском саду Христос назвал его другом.

На иконах Страшного суда его часто изображают в виде ребенка на коленях у диавола в нижнем правом углу. Любимое дитя Сатаны, за предательский поцелуй принимающее огненные лобзания.

Он носил ящик для денежных пожертвований и, значит, был кем-то вроде бухгалтера в маленькой апостольской общине.

Мы ни разу не можем причаститься, чтобы не вспомнить о нем. «Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда...»

Что мы знаем о нем? Что был он иудей среди остальных учеников-галилеян. А значит, был образованнее и, возможно, заносчивее. Что был близок ко Христу и был любим.

Предать могут только близкие, свои. В сердце бьет тот, кто к сердцу допущен. Чужой может быть врагом, но предателем быть не может.

Его нутро – сребролюбие. Его имя – «вор». Так говорит Иоанн Богослов. А его слова не подлежат сомнению. Больше ничего не стоит выдумывать.

Разочаровался ли он в Мессии и поэтому предал?

Хотел ли, наоборот, ускорить события и приблизить спасительную развязку? Не будем мечтать. Дело в том, что сребролюбием и развратом наполнен мир. Кающиеся мытари и блудницы – первая шеренга уверовавших во Христа. Но сребролюбие, не желающее каяться, изобретает Иуде оправдания, чтобы в нем и самому оправдаться.

«Часть Иуды есть в тебе и во мне», – говорит святой Иустин (Попович). Зародыш Иуды может носить в себе всякое человеческое сердце. Вот он говорит: «К чему эта трата мира? Его бы можно было продать и раздать деньги нищим». Но не любовь к нищим движет иудиним языком, а жалость к погибшей благовонной масти. А разве не так же поступаем и мы?

К чему золотить купола или украшать дорогими иконами храмы? Лучше бы отдать эти деньги нищим.

Почему у него (нее/них) такая дорогая машина? Лучше бы помочь сиротам или старикам. Вам знакомы эти голоса? Ой, не любовь к скромности и не человеколюбие движет нашими языками при этих речах. Это зародыш Иуды из глубины сердца. Еще не родившись, учится разговаривать.

Поистине скупость, зависть и мрачная злоба отличают в людях тех, кто не чужд иудиного духа. Поэтому и причаститься мы не можем иначе, как сказав: «Ни лобзания Ти дам, яко Иуда...»

Он – образец недоконченного покаяния. Деньги отдал, бросив под ноги первосвященникам. Вину свою признал: предал, – говорит, – кровь неповинную. Но, значит, мало признать открыто вину и бросить деньги, заработанные с грехом пополам. Нужно еще потерпеть тоску и отчаяние и ждать, когда утешит душу Иисус Христос.

Ведь Он утешил бы душу Иуды, дождись тот Воскресения. Подобное было и с Петром. Трехкратное отречение от Господа не далеко ушло от предательства, в котором признались публично. Однако Петр – победитель отчаяния, а Иуда – жертва.

Говорить о нем много не надо. Но и молчать о нем нельзя.

Главное – не быть на него похожим.

Радио «Радонеж». Протоиерей Андрей Ткачёв. Вопросы о вере и спасении

Добрый вечер, дорогие христиане. Впрочем, если есть среди слушателей не христиане, то добрый вечер и вам, братья и сестры. Во Адаме мы все братья и сестры, а во Христе мы все искуплены кровью Его, кровью Завета вечного. Сегодня мы будем вести прямой эфир, с вами у микрофона протоиерей Андрей Ткачёв.

— Здравствуйте, батюшка. С постом Великим! Можно ли православному христианину упражняться Иисусовой молитвой? И если это можно, то как, в какой форме начинать?

— Христианину или христианке необходимо упражняться в Иисусовой молитве. Только давайте определимся в терминах. Что такое Иисусова молитва? Это всякая молитва, где призывается Имя Иисуса Христа. У Феофана Затворника говорится, в частности, что некоторые подвижники древности просто призывали Имя Христово: «Иисус Христос, Иисус Христос, Иисус Христос...» И это их улаждало безо всяких прошений. Там, где Имя Христа призывается, там и есть Иисусова молитва. Господь говорит, чтобы мы просили во Имя Его. Как упражняться человеку в этой молитве? Я посоветую легчайший способ, безопаснейший: читать, и со временем выучить наизусть целиком или в главных частях акафист Иисусу Сладчайшему. Это и есть Иисусова молитва, где главный рефрен всего этого акафистного пения — «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». «...Иисусе, пище крепкая; Иисусе, питье неисчерпаемое... Иисусе, одеждо светлая... Иисусе, источнике разума... Иисусе, Агнче непорочный. Иисусе, Пастырю предивный... Иисусе, Владыко мой премилостивый...» И в конце: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». — Воспевание Имени Иисуса Христа и в конце концов просьба конечная: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». Это поэтически оформленная, великолепнейшая Иисусова молитва, расширенная до размеров акафиста. Поэтому упражняйтесь в этом чтении, дорогая сестра. Читайте это, а всё остальное вам время и опыт покажут, потому что у нас много времени, и Бог даёт нам опыт над духом своим: мы, каждый, должны приобретать личный опыт. Так что упражняйтесь в чтении акафиста Сладчайшему Иисусу, это и есть Иисусова молитва, для вас доступная.

— Здравствуйте, отец Андрей. Хочу поделиться двумя своими наблюдениями, а вы прокомментируйте пожалуйста.

Меня давно интересует вопрос метафизики истинного любовного обращения к Богу. Я слушал одного христианина, известного в определённых кругах, и он сказал, что когда ещё был неверующим, — только знал, что есть Бог, — у него была бескорыстная любовь к старикам. Я когда думал о себе, — у меня был период сильной одуховлённости, — я не мог понять, чем я заслужил такой «удар» от Бога, ведь я был, можно так сказать, довольно развращённым человеком. И я тоже вспомнил некоторые моменты, что со мной были, когда я просто ради какого-то человека, совсем мне не знакомого, чем-то отказывался от себя. И так же по своим друзьям я заметил то же самое: пара человек таких, более бескорыстных — они более верующие, а какие-то такие, которые более эгоистичные — они не могут постигнуть этого. Это первое наблюдение.

Второе. Об этих наших «патриотах» украинских. Вас по этой теме достают, вы уж извините. Вижу, вот люди, которые не поддались пропаганде, не «перепрошились» этим — они простые работяги, простые по жизни. И наоборот, какие-то гордые — они стали как бы «патриотами», этот вирус подхватили. Вы говорили, что на Майдан ходили дураки и негодяи, а я вот как бы и знал людей — вроде бы были нормальные, а потом стали этими вот «патриотами»: закрывают глаза на бесчинства, свою точку зрения гнут, аж страшно становится; вплоть до того, что оправдывают убийства людей в Одессе, вот всё это. И вот думаю: а если от обратного? Значит можно так сказать, что если человек — «патриот», значит где-то он был с гнильцой, хоть я всегда и думал о нём хорошо...

— На самом деле, ваши два вопроса — они об одном: о гнильце или её отсутствии. Что касается первого вопроса, то конечно Господь ищет спасение всякого человека, но понимаете, Богу нужно иметь — за что зацепиться в человеке. И вот добродетели человека до обращения, которыми он не гордится, где нет гордости — это то, за что Бог может зацепиться, чтобы обратить человека. Вот человек, например, блудит, выпивает, нерадив к молитве, вообще атеистом себя считает, но милосердует о безногих, безруких, или о стариках. Милосердует о них абсолютно искренно, безо всякой корысти, ничего для себя не ищет, но отдаёт свои силы, время, иногда деньги и прочее. Он этим не гордится, не афиширует, не бьёт себя в грудь как макака, что вот, дескать, я делаю добро. Это есть то добро, за которое Богу хочется зацепиться. Бог цепляется за это добро и благодать Духа Святого переворачивает жизнь человека, именно исходя из этой зацепки. Помните Архимеда, который говорил: «Дайте мне точку опоры и я переверну земной шар». Точно так же и Богу нужна точка опоры, которой является сухая земля сердца человеческого, на которой нет тщеславия, но есть добродетели. Благодаря этому происходит обращение.

А второй вопрос совершенно консонирующий первому, всё то же самое. Гордые патриоты. Что такое гордые патриоты? Это люди, которые пустили в своё сердце злого духа, и уже сегодня злой дух командует ими, а не они сами собою. Злой дух учит их ненавидеть ближних своих, желать им всякого зла и считать это добродетелью. Эти гордые патриоты, которые были как бы нормальными людьми, на самом деле имели некую гниль в себе, были гнилые изначально. Они, наверное, имели какие-то добрые дела, но гордились ими. А гордое дело, которым ты гордишься — это пища дьявола. И вот эта гнильца позволила дьяволу тоже найти точку опоры, чтобы перевернуть вверх дном внутренний мир отдельно взятого человека. Таких людей много. Сам факт их многочисленности есть фактор, подтверждающий нашу теорию, это фактор массового беснования, закон толпы, это стадион, кричащий «оле-оле-оле». Потом они протрезвеют, очухаются, кто уже в аду проснётся, а кто на земле ещё пока, но будет им тошно до «не могу». Это их проблемы, пускай выблёвывают с кровью эту дрянь, которую в себя впитали. Жалеть их бесполезно в данном состоянии, потому что они сами никого не жалеют. «Нужно просто выучиться ждать, — как пела Эдита Пьеха, — нужно быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получать радости скучные телеграммы». Они будут прозревать с болью и искать угол стены, об который удариться своей дурной головой. Но это их, опять-таки, проблемы. Лучше пусть они покаются. Они — люди гнилые, на самом деле, фактически гнилые, это я вам свидетельствую. Трудно будет им будет каяться, гнилые каяться не любят. Честный блудник или честный алкаш, имеющие за душой какую-то добродетель, которой они не гордятся — это люди, которые могут покаяться. А гнилой праведник, который внутри гнилой, а снаружи праведный — это человек, которого снесёт в сторону: лукавый имеет над ним большую власть. Да бережёт нас Бог от этих праведников с гнильцой, носителей гнилого духа патриотизма. Да будет патриотизм чистый и смиренный, без понтов, как говорят сегодня в народе. Так что на два ваших вопроса, в принципе, — один ответ. Всё об одном. Спасибо за хорошие вопросы.

— Отец Андрей, добрый вечер. С Великом постом вас! Когда Иисусу Христу сообщают о смерти Лазаря и они идут туда, апостол Фома говорит: «Пойдём и мы умрём с ним». Почему «умрём с Лазарем»?

Как выработать в себе терпение, когда постоянно бьют по одной щеке? До какой степени можно подставлять другую щёку, не имея уже ни каких сил терпеть?

— Фома не говорит о смерти Лазаря. Христос говорит, что идёт на гроб к Лазарю в Вифанию, и поскольку иудеи искали Его убить, — а место погребения Лазаря было известным местом, иудеи действительно там были в большом количестве, — то Христу угрожала там смерть. Фома говорит: «Пойдём и мы умрём с ним». С ним — это не значит с Лазарем, это значит с Христом. Христос шёл к Лазарю, а ученики боялись, чтобы Его там не убили, потому что уже был приказ схватить Его и прочее, уже сколько раз брались за камни, чтобы побить Его. Поэтому Фома говорит о Христе: «Пойдём и мы умрём с Ним». Это желание Фомы пострадать вместе с Иисусом, со своим Учителем.

Что касается терпения, то терпение — это добродетель, которая воспитуемая, и она требует волевых усилий. Вообще, все добродетели — это волевые вещи. И любовь — не тогда любовь, когда я весь, так сказать, пушистый, мягкий, добрый и на всех моргаю глазками — бусинками, всех люблю: эта любовь вообще ничего не стоит, если жёстче не выразиться. Любовь — это когда я никого не люблю, но заставляю себя делать дела любви. Я имею раздражение, ненависть, нетерпение, массу других сердечных эмоций, совершенно не вписывающихся в любовь, противоположных ей, однако я имею страх Божий и понуждаю себя на добродетель, и через силу,

волевыми усилиями, делаю то, что делать нужно. Вот это уже имеет награду. Нельзя списывать добродетели на природное свойство: вот он добрый от природы и ему хорошо, вот он всех любит, потому что хорошим родился. Это всё ерунда, это вообще никакой цены не имеет. А цену имеет волевое усилие, направленное в сторону добродетели. Поэтому терпение — это воспитуемая вещь. Нужно просто волю включить: поменьше «сюсюкаться» над собой, поменьше сентиментальничать, поменьше обижаться, поменьше носиться с собой как курица с яйцом, поменьше вспоминать о минувших обидах. Вообще, поменьше носиться с собой, побольше включать режим терпения. Сама себе сказала: «Ну ладно, ну так пусть будет, слава Богу, что так. Буду терпеть то, что Бог дал. Слава Тебе, Господи!» И поехали дальше. Вот в волевом режиме вы приобретёте терпение, а иначе будете всю жизнь барахтаться в этой луже сентиментальности.

— **Здравствуйте, отец Андрей. Была передача о святых мучениках, вы говорили, что страдания им помогал переносить сам Иисус Христос. Я тоже так считаю. У меня очень давно возникала мысль: мученики не религиозные, а простые люди — комсомольцы, Зоя Космодемьянская, генерал Карбышев — они тоже очень стойко переносили свои мучения. Правильно ли я думаю, что им тоже помогал Дух Святой? Потому что кроме Духа Святого кто им ещё мог помогать? При советской власти писали статьи: «Сильный духом»... Что вы думаете об этом?**

— Спасибо, вы — молодец, вы заводите очень серьёзную тему. Все религии, все мировоззрения, идеологии хвалятся теми, кто пострадал за эту идеологию, мировоззрение, религию. И мученики ведь есть не только в христианстве, есть мученики мусульманские. Там у них были учителя, с которых сдирали кожу, а они продолжали повторять, что они возвещают истину. Были мученики дохристианские среди иудеев, например, мученики Маккавеи: Соломония, семь её сыновей и Елеазар. С некоторых раввинов, например, римские солдаты граблями сдирали кожу заживо, они претерпевали эту муку. Очевидно, мы можем говорить, что в человеке, искренно убеждённом в правоте своего мировоззрения, существует некий огромный ресурс терпения и мужества. Человек, сам по себе — неисследованная тайна. Мы пытаемся изучать дно моря, минералы, атомы, космос, а ведь человек, сам по себе — тайна. И, я повторяю: убеждённый в своей правоте человек, по совести спокойный, что он не лжёт ни кому, стоит за истину — способен на очень большие вещи. Вы же знаете, какие бывают случаи, когда, например, перепуганная мать, видя, что её ребёнок задавливает грузовик, может грузовик поднять. Человек в состоянии аффекта перепрыгивает огромные заборы, поднимает страшные тяжести, претерпевает невыносимые боли. Сам человек, сам по себе, природа его — она таинственна. Она может неожиданно раскрыть в себе некий ресурс великого терпения, великих способностей, когда совесть у человека свидетельствует ему, что он прав, и он стоит за некую идею, которой верит до конца. Это касается Лазо, которого сожгли; Карбышева, которого заморозили; Зои Космодемьянской, которую повесили. Они действительно были смельчаками, героями, до конца верившими в правоту своих убеждений, до конца ненавидевшими врага, принимавшими смерть от врага с нарочитой мужественностью. Они считали, что побеждают врага и в этой битве, когда принимают смерть без страха. Ну так, например, умирал Че Гевара. Он не был христианин, но когда его в Боливии поймал отряд командос, то офицер боялся в него стрелять, Че Гевара говорил: «Стреляй и посмотри как умирают мужчины». И тот, по-моему, чуть ли не в психиатрическую клинику слёг после того, как убил Че Гевару. Мы имеем дело с некоей такой несвятой святостью, как вот у отца Тихона есть книжка «Несвятые святые». Это есть загадка человека. Некоторым из них, без сомнения, может помогать Господь, Дух Святой, потому что многие из них крещены, многие из них имеют праведных родителей или праведных предков, которые, может быть, в сей момент молятся о них. Не исключено, это всё совершенно реально. И кроме этого, можем просто иметь дело с неким парадоксальным фактом раскрытия человеческих талантов, способностей и удивительного терпения перед лицом смертельной опасности. Смерть проверяет человека, значит в человеке — здоровая сердцевина. Думаю, мы всего не сказали, только по краям, штрих-пунктиром, но хватит этого, потому что тема опасная, мы — люди глупые, можем чего-нибудь не то сказать. Но это удивительные факты, которые достойны внимания и уважения. Мы уважаем всякого человека, принимающего смерть без страха. Мы обязаны уважать любого человека, который принял смерть без страха, особенно за идею, особенно за хорошую идею, например, за спасение своей страны, или за свою семью, или за какие-то ещё вещи. Мы имеем дело с реальным исповедничеством здоровых идей и смертью за них. Это велико. Спасибо вам за вопрос, все слушатели подумают, послушав вас, послушав меня, и для себя многое поймут или почувствуют.

— **Здравствуйте, батюшка. Иоанн Кассиан Римлянин в «Добротолюбии» пишет, что не нужно концентрироваться на своих грехах, чтобы от них не испачкаться, но нужно держать свой ум в Боге. А пророк Исаия от Лица Бога говорит: «Аз есмь заглаждай грехи твоя, и не**

помяну, ты же помяни...» Какого лучше придерживаться подхода: концентрироваться на своих грехах, поминать свои грехи, или стараться держать свой ум в Боге?

Мы недавно купили туалетную бумагу, на ней изображены четыре сердечка в виде креста, они вместе получаются похожими на крест. Можно ли такой бумагой пользоваться, или лучше использовать газету?

— Начнём со второго. Если крестов бояться всюду, то нам придётся строить овальные комнаты. Вот я сейчас сижу, поднимаю голову на потолок, а там гипсовые плиты выложены крестом, на полу тоже можно вычитать конфигурацию креста на ковролине. В общем, если себя заточить на поиск кощунства, то придётся вытирать афедрон даже не газетой — там тоже слова святые могут быть написаны. И чьё бы лицо там ни было на фото, премьер-министра ли, Кобзона или Филиппа Киркорова, всё равно это бесчестно для человека — делать его фотографией подобные вещи. В газетах, вообще, буквы написаны, а из букв мир состоит. Газета — не лучший способ, газета — хуже. Лучше — ватой, но мы с вами тогда уйдём сейчас в некую главу из «Гаргантюа и Пантагрюэля», там есть у Франсуа Рабле целая глава: «Чем лучше подтирать задницу». Чтобы нам не уклониться в это позднесредневековое мировоззрение с долгими пассажами и трактатами — кто, чем, когда и как должен подтирать свой зад — я рекомендую вам вообще не заморачиваться по этой теме, потому что иначе можно заболеть. Ещё и загадаться, и бояться потеряться, и так вот в загаженно-заболевшем состоянии жизнь свою закончить. Поэтому ваш сатирически-юмористический божественно-кощунственный вопрос мы хороним. Хороним отчасти с иронией, отчасти со страхом, потому что многие люди обсматривают подошвы своих ботинок, абы там крестик не найти: «А вдруг я крест попираю, ходя».

Вообще, перестаньте заниматься ерундой, займитесь чем-нибудь хорошим. Вот это, собственно, переход к другому вопросу: на чём концентрироваться, на грехах своих или на Боге. Конечно на Боге, переправляйте свой разум выше. Надо идти вверх. Грехи наши Господь на кресте искупил: распял грех в Своей плоти, которая греха не имела, и стал жертвой за все грехи мира. Он — Искупитель наших грехов, Он — Спаситель и Искупитель, жертва правды. Нам нужно направить своё внимание на Господа. Перестаньте делать зло, научитесь делать добро. Концентрироваться на грехе нужно, когда тебя заносит в гордыню, когда ты начинаешь осуждать кого-то. Вот здесь нужно остановиться, сказать: «Стоп. А ну ка поройся в своей памяти, ты в этом не виноват ли? Аще виноват, закрой рот, потому что осуждаешь кого-то за что-то, в чём сам виноват был». Пусть сто лет назад, пусть двадцать лет назад, пусть пять дней назад. Какая разница? Для греха времени нету, для совести — вечное сегодня. Вот начнёшь осуждать, вспомни грехи. Начнёшь гордиться, вспомни грехи. А вообще, чего в них ковыряться, чего в этом эксскрименте ковыряться? Вверх смотри, к Богу иди. Что, Бог не знает что ли? Иди к Богу. Как обкакавшееся дитя: оно же к маме бежит, а не в каках этих разбирается. Изгадился — к Богу иди: Бог почистит, Бог помоеет, Бог — Святой, Бог — добрый, Бог — Отец. Вот так мы плавно от туалетной бумаги перешли к духовным вещам. Рекомендация Иоанна Кассиана Римлянина мне кажется чрезвычайно здоровой и полезной. У нас огромное количество людей, ковыряющихся в своих грехах с утра до вечера, при этом у них нет ни духовной бодрости, ни духовной радости, ни духовной энергии, ни силы для того, чтобы трудиться, спасаться и помогать спастись рядом находящемуся человеку, потому что они слишком заняты собой. Это эгоисты, ковыряющиеся в своих грехах, они любят себя, они себя и в грехах любят. И когда человек говорит «Я — самый великий грешник», то это голос гордыни, это голос мелкого эгоиста, который так и не покаялся в грехах своих, он даже в грехах в себя влюблён. Об этом нужно думать поменьше, нужно на большее смотреть, к большему идти, восхищаться и восторгаться большим, идти вверх, вверх, вверх — в горнее, в горнее, в горнее. Соответственно, и с туалетной бумагой, и с прочими предметами быта нужно быть спокойнее, иначе это всё попахивает психическим заболеванием. Начнёте оглядываться кругом, масонов искать, тайных знаков, тайного богохульства, и ваша жизнь будет невозможной. И Бог уйдёт из вашего сознания. Никуда не уйдя из мира, Он уйдёт из вашего сознания, и вы будете просто страдать, и страдания ваши будут бесполезны и опасны, чего я вам не желаю. Христос да хранит нас с вами, меня и вас от подобного рода опасностей, потому что реальной опасностью для любого верующего человека является опасность духовной шизофрении. Да хранит Господь!

— Добрый вечер, отец Андрей. Кланяюсь вам, Елена. Может быть вам вопрос покажется детским, пустым, что можно легко самим до ответа дойти... Почему, например, если я даже небольшой какой-то грех совершу, меня Бог сразу наказывает? А вот других почему-то через год, через месяц, или вообще после смерти. Это конечно не наше дело, когда Он соизволит. Но я удивляюсь: за какую-то мелочь — меня сразу по башке, как говорится. Спасибо вам большое, здоровья вам.

— Спасибо большое, и вам здоровья, и всем здоровья. Сразу наказывает... Бережёт вас, очевидно. Бережёт, потому что, видимо, подозревает, что если сразу наказывать не будет, то вы пренебрежёте маленьким грехом, тут же совершённым, и сделаете ещё какой-то грех, побольше. А потом пренебрежёте «грехом побольше» и сделаете ещё побольше, а наказания не последовало. И вы сделаете ещё что-нибудь и ещё что-нибудь. И подозревая это, Господь бережёт вас и отсекает возможности больших грехов быстрыми наказаниями за грехи маленькие. Вообще же, среди людей рода человеческого есть такая вещь, что существует расстояние между грехом и наказанием, равно как расстояние между посевом и жатвой. И поскольку расстояние бывает велико, то не спешат каяться сыны человеческие. Если бы Господь вёл себя ко всем так, как к собаке Павлова, — лампочка зажглась — слюна побежала, руку протянул — палкой по башке получил, чего-нибудь подумал, посмотрел на женщину с вождением — тут же током тебя ударило, протянул руку к чужой вещи — ногу вывихнул, куском подавился, ослеп на один глаз, — то ходили бы по миру одни калеки, если бы Бог нас так вразумлял. Но Бог — добрый, хороший. Он лучше, чем мы себе представляем, поэтому Он даёт нам свободу, даёт нам возможность нагадить, выводы сделать, потом покаяться и даже наказание не получить. Иногда вообще нет наказания за грех, потому что человек понял всё, покался, и больше ничего не делает плохого. Ну а с вами поступает... На коротком поводке вас держит. Ну слава Богу за это. Люди все разные, это очень хорошо. Сейчас, когда я эти слова говорю, вы скажите: «Благословен Господь, сотворивший людей разными. Слава Тебе, Боже, что все мы разные. Благословен еси Господи, который создал нас богато и щедро и мудро, и все мы разные». Какая красота! Какой был бы ужас, если бы все были одинаковые: по психическим реакциям, по эмоциям, по чертам лица. Было бы царство роботов противных, которые одинаково реагируют на всё. А все разные. Один и тот же анекдот рассказываешь людям — одни хохочут, по полу катаются, другие смотрят, думают: «Что он сказал, ничего не понятно». А третьи потом вечером звонят: «Ой, я умираю со смеху, я понял, что ты сказал». Вот такие все разные. А если бы все были одинаковые... Благословен Бог, создавший нас разными. Вас быстро наказывает, слава Богу, пусть быстро наказывает. Кого-то долго не наказывает или вообще не наказывает, или как-то ещё наказывает. Ну слава Богу за это, это прекрасно. «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала его во устех моих. О Господе похвалится душа моя; да услышат кротцыи и возвеселятся».

— Добрый вечер, батюшка. Это Людмила из Москвы. Если можно, я хотела бы маленькое сообщение сделать и один вопрос задать.

Я живу в районе Выхино и хотела бы сообщить всем проживающим здесь православным, что сейчас идёт сбор подписей за строительство храма в Выхино. У нас в районе проживает больше 150 тысяч человек, и нет ни одного храма. И проводится этот сбор в детской школе искусств им. Балакирева. Я призываю народ прийти, поставить свои подписи. Я надеюсь, что народ придёт, и удастся нам поставить храм на месте сломанного рынка на Самаркандском бульваре.

Я не изучала специально церковно-славянский язык, но научилась читать. Сейчас я Евангелие читаю на церковно-славянском, и почти всегда мне, в принципе, всё понятно, но одно место меня смущает, это Евангелие от Матфея, 4-я глава, 10-й стих, слова «Иди за Мною, сатано».

— Это вопрос перевода. «Иди за Мною» — это «Прочь иди от Меня». Это вопрос адекватного перевода. Понимаете, перевод никогда не бывает стопроцентным. В переводе текста с языка на язык всегда существуют потери, как и при транспортировке любого груза с места на место: зерно просыпается, нефть протекает. Так же и в передаче текста с языка на язык есть потери. Нет адекватных стопроцентных переводов, поэтому нужно сличать, сравнивать. Вот греческое «Иди от Меня», «Отойти от Меня», по-славянски переведено как «Иди за Мною». Вон от Меня, за Меня уходи... Это не призы «Иди за Мной». «Иди за мной», по-славянски — это «По мне гряди». Как апостолу Петру Господь говорит: «Аще хочу тому пребывати, дондеже прииду, что к тебе? Ты по Мне гряди». Т.е. ты иди за Мной. Славянское «Ты по мне гряди» значит «Ты иди за мной». А славянское «Иди за мною» значит «Иди от меня», «Уходи от меня» — «Вон пошёл». Так что это пусть вас не смущает.

Ну и повторим ещё раз ваше призвание, потому что оно мне кажется очень важным. В районе Выхино, где живёт 150 тысяч человек, нет ни одного храма. Там должно быть 50 храмов, хотя бы 30, чтобы на 5 тысяч человек был один храм. Ну ладно, 20; ладно, 5; но ни одного! Что за Русь Святая такая? Это какой-то страх и ужас получается. 150 тысяч человек живёт, из них наверняка 100 тысяч крещёных, а на 100 тысяч крещёных обязательно нужно храмов 20, а там ни одного нет.

Самаркандский бульвар должен будет дать место будущему храму Божию в Выхино. Православные христиане, в Выхино живущие, просыпайтесь, собирайтесь, и шагом марш собирать подписи для строительства храма, потому что, что за жизнь-то у вас, куда вы едите? В Самарканд скоро будете ездить помолиться. Пока вас не загнали в Самарканд, езжайте на Самаркандский бульвар, на бывший рынок, и там стройте храм. Да и не один, кстати, а несколько. Так что давайте, сорок сороков, это задача вполне живая, и нужно, чтобы было больше храмов в Москве. Молиться надо, молитвы не хватает, молитвы не бывает много.

— **Батюшка, здравствуйте. Мне хотелось бы задать вопрос по Евангелию от Луки, 4-я глава. Мне не совсем понятны слова Господа: «врач! Исцели Самого Себя... и ни к одной из них (вдов) не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую... много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина». Получается, что всё-таки как бы не для всех, а какой в этом смысл?**

— Это первая проповедь Иисуса Христа в Назаретской синагоге, это первая Его публичная проповедь в местах молитвенных собраний. И Он там даёт понять слушающим Его соплеменникам — иудеям, что и в древности тоже — ведь Он пришёл для всех — были случаи, когда евреи не получали помощи от пророков и от Бога через пророков, а язычники получали, что вообще-то нужно готовиться к тому, что нужно, чтобы все познали Господа и все послужили Господу. Но они за своё держались, как вообще люди привычно за своё держатся. И Он их готовит к этому и напоминает: «Помните, при Илие — пророке много было вдовиц, и голод был три года и шесть месяцев, а ни к кому не был послан Илия, только ко вдове в Сарепту Сидонскую». Т.е. она — сирофиникиянка. Это такой торговый народ, вполне враждебный Израилю. И потом ещё Елисей, помните? Много было прокаженных при Елисее, а никого из них Господь не исцелил, только Неемана Сириянина. И они когда услышали это, то исполнились ярости и хотели Его с горы сбросить за эти слова. Ничего себе... Он пришёл тут проповедовать и ставит им в пример, что прокаженный — сириец, вдовица — сирофиникиянка, исцеляются, а израильтяне не исцеляются. А это было приготовление их и нашего сознания к тому, что Христос пришёл для всех, Христос никому Себя не отдаёт в частную собственность: ни евреям, ни русским, ни грекам, ни грузинам, ни китайцам, ни японцам. «Я — для всех. Если сегодня среди японцев будет добрая душа — японец получит благодать, если завтра будет среди эфиопов добрая душа — эфиоп получит благодать, если латиноамериканец будет смиренным предо Мною — Я ему дам благодать. Я — для всех». А мы завидуем, мы жадничаем, говорим: «А что такое? Мы вот такие-растакые, а Ты вот взял и им помог». Вот это всё — наша проблема, поэтому соглядишь в Писание как в зеркало и наблюдай. А Господь действительно прообразовательно давал чудеса исцеления и благодать через Илию и Елисея язычникам, что означало будущий приход к вере чужих народов, кроме Израиля.

— **Добрый вечер, отец Андрей. Бытие, 5-я глава, 3-й стих: «Адам жил сто тридцать [230] лет...» Потом когда он родил Сифа, сына своего, ему было восемьсот [700] лет, и жил он всего девятьсот тридцать. Я ничего не понимаю, поясните пожалуйста.**

— Счёт в скобках — это разные редакции и разные переводы. Латинская Вульгата считает по-одному, еврейская Библия считает по-другому. Это вопрос переводов. Мы считаем, что Адам жил девятьсот тридцать лет.

3 Адам жил сто тридцать [230] лет и родил [сына] по подобию своему [и] по образу своему, и нарек ему имя: Сиф.

4 Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет, и родил он сынов и дочерей.

Всего было девятьсот тридцать лет и он умер. Это наша славянская Библия перевода митрополита Филарета, Библейское общество, XIX век. А есть новые тексты, которые, так сказать, для полноты познаний, для любителей филологии, истории и текстологии. Они дают разные чтения: в одном переводе так пишется, в другом переводе так пишется. Они в скобках дают разные варианты, вот эти варианты вас и смущают. Вы не смущайтесь ими, вы читайте славянскую Библию, она для нас — твёрдое и правильное руководство ко спасению. А эти скобочки все — это обычно такие толковые Библии, новые переводы обычно. Гляньте там на форзаце что написано — новый перевод какой-нибудь, перевод Библейского общества XX-XXI века или ещё что-нибудь. Эти все фокусники снабжают текст комментариями, ну и у них там получается, что запутаешься. Вообще, чтобы не путаться, читайте славянский текст в переводе на

русский язык при митрополите Филарете. Это вполне святоотеческое толкование и передача священных слов. Мир вам от Господа.

— **Добрый вечер. Батюшка Андрей, у меня вопрос по Евангелию от Иоанна, глава 11-я. После воскрешения Лазаря первосвященники собрали совет и между собой говорили: «Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют и местом нашим и народом». Ведь это уже и так была римская колония, провинция. Что тут имеется ввиду под «овладеют и местом нашим и народом»?**

Второй вопрос по Ветхому Завету, Бытие, глава 6-я. Там говорится о том, что когда люди начали умножаться на земле, родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих. И дальше говорится, что были на земле исполины... А кто такие сыны Божии? Потому что это видно не потомки Адама и Евы, а какие-то ещё сыны Божии.

— По сынам Божиим будет трудно, потому что там есть много разночтений.

Начнём с первого. Евреи были покорённой провинцией, но евреи сохраняли и широкую автономию, так бы мы сказали. Евреи были единственным народом в Римской империи, который не служил в армии. Они не отдавали своих рекрутов и юноши еврейские не поступали в армию, потому что евреи сумели убедить римские власти, что у них есть свой закон про пищу, про субботу, им нельзя его нарушать, они — избранные. Они отправляли богослужения, храм стоял и прочее. Любая империя боится бунтов, не терпит всяких бунтовщиков и бунтов провинций. Поэтому голос первосвященника выражает следующую конкретно-историческую мысль: «Мы сейчас пользуемся автономией, нам хорошо. Правим своё судочинство, служим Богу как умеем, как можем, как нам Бог приказал и т.д. Но если мы сейчас взбунтуемся, — вот скажет какой-то Иисус, что Он — Царь, и узнает Римский царь, что есть ещё какой-то царь, и начнут они на нас смотреть как на бунтовщиков, — то придут войска, уже не просто легионы охраны, а настоящие регулярные войска (как это и было потом при Тите Веспасиане), и уничтожат всех. Овладеют местом нашим, храм разрушат, закончат богослужения, покарают нас всех, в рабы продадут и т.д.» Вот о чём идёт речь. Они боялись потерять осколки самостоятельности и выглядеть в глазах римской власти как бунтовщики и смутьяны. И Христа Спасителя они числили именно как бунтовщика и смутьяна, которые говорят: «Подать кесарю не платите, я мол тут сам кесарь». Всякий, назвавший себя кесарем, не друг кесарю. И они решились: лучше на того кесаря сослаться, чем Этого кесаря признать настоящим Миссией. Так что вот здесь это. Если я правильно изъяснился, надеюсь, вы меня хорошо поняли.

Что касается сынов Божиих. Здесь есть две святоотеческие точки зрения. Первая: сыны Божии и сыны человеческие — это люди, разделяющиеся по намерениям сердца. Природа у них одна: и те — люди, и те — люди. Но те, которые сыны Божии — это те, которые Бога любят, слушаются и желают в рай вернуться. А те, которые сыны человеческие — это которые Бога уже забыли, и Бога им не нужно, они полюбили землю, на ней живут, всё остальное им уже «до лампочки». Вот когда они смешались между собой, сыны Божии и дочери человеческие, то произошли от них исполины. Ну а люди были другой степени и качества природы развития, если они жили по восемьсот — девятьсот лет, то очевидно они были как античные боги: красивы, прекрасны, сильны, плодовиты, блудливы, страшны в гневе и сильны умом. Мы — просто тараканы перед ними. И вот они могли смешаться, и родиться от этого блуда могли страшные потомства. Но есть также и следующая точка зрения: ангелы Божии, ангелы падшие, которые бывшие Божии сыны, которые близки к Господу, могли полюбить красоту дочерей человеческих, но поскольку они тела не имели, а имели совершенно человеческие чувства к дочерям человеческим, то они могли быть родоначальниками разного такого волхования и мистического блуда. Об этом можно подробнее рассказывать, но эфир не терпит таких слов, это не эфирные разговоры. Но есть такое явление, когда женщины вступают в сношение с нечистой силой, сношения половые или околополовые или мистически-половые, также и мужчины творят подобное. Это некий такой мистический блуд. При этом всё есть место и семени человеческому, люди тоже там участвуют, просто вопрос иницируется духами павшими. И там есть место и зачатиям, не от ангелов зачатиям, — у ангелов нет семени, нет семенников, нет яичников, нет ничего того, что нужно для зачатия, — но там через людей дьявол действует и получается некий мистический блуд. Библия в кратких словах, не расписывая всё это в красках, говорит нам скупое о том, что был некий такой грех, от которого родились страшные люди. Со всей очевидностью ясно, что участниками греха были дочери человеческие. А кто же такие сыны Божии? Это либо дети поколения Сифа, которые Бога любили и Богу служили и развратились вместе с этими дочерьми, либо это были падшие ангелы, которые научили людей какому-то искусному и неестественному блуду, при помощи которого от людей зачинались и

рождались страшные дети. Но поскольку всё покрыто неким покровом тайны, то Бог нам через самую скупость лексики даёт понять, что не надо туда лезть, в подробностях нам это знать не надо. Страшные эти подробности, не лезьте туда.

— Батюшка, добрый день. Елена, Бруклин. Можно ли собороваться женщине в не чистоте? У нас тут разрешено...

— Я считаю, что не стоит.

— Я смотрела канал «Союз», там задавали священнику вопрос по поводу календаря, почему православные не приняли новый календарь. Он ответил, что из-за того, что еврейская Пасха не совпадала бы с нашей Пасхой, и из-за того, что евреи празднуют распятие Христа в Пасху, а мы празднуем Воскресение Христа в Пасху. Но я всегда думала, что они Исход празднуют в Пасху. Мне интересно ваше мнение.

— Первый Вселенский Собор оговаривает невозможность празднования нашей Пасхи с еврейской Пасхой. Но вопрос здесь скорее всего не в этом. Вопрос заключается в том, чтобы нам не попасть под сильное течение латинского влияния. Нам очень важно отделиться от латин, потому что латиняне развращены и дальше развращаются. И если мы будем праздновать вместе с ними, то мы попадём под вредность общего их влияния на нас. Поэтому нам нужно отделиться от них календарными барьерами, тоже. Я думаю, это очень важная практическая вещь.

— Спасибо, батюшка. И ещё. Евангелие от Матфея, глава 24-я, стихи 15-18. Если можно, вот это объясните: «...когда увидите мерзость запустения...»

— Это малый Апокалипсис, 24-я глава, стих 15 и далее. Здесь есть две речи, смешанные вместе: к евреям, которые современники Христа, и ко всем людям, вообще. Что касается евреев, современников Христа, им было сказано, чтобы они знали, что когда язычники начнут захватывать город Иерусалим и святыни еврейского народа подвергнутся поруганию, нужно бежать как можно дальше. В этой точке совершилось расхождение между евреями — евреями и евреями — христианами. Потому что до некоторого времени, до разрушения Иерусалима евреи и христиане жили в Иерусалиме, и спокойно жили. А евреи — иудеи терпели тех и тех. Но вот когда уже Иерусалим разрушали, когда уже римляне обложили его, то евреи и христиане ушли из Иерусалима, зная пророчество Господа о полном разрушении города. А евреи — иудеи остались, и с тех пор они разошлись в своих исторических путях. А что касается уже всех нас с вами, если выйти за пределы конкретного разрушения Иерусалима, то нам нужно смотреть за тем, не оскудевает ли благодать на святом месте, нет ли на святом месте мерзости запустения. Если мы наблюдаем, что, допустим, там архиерей — гомосексуалист, — не дай Бог, ну я так, навскидку, — клир — нечестивый, староста со всей двадцаткой — злодеи и чернокнижники, и ты понимаешь, что ну всё, дальше некуда, уже конец света, тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы, тогда нужно бежать, но ни куда-нибудь, а в горы, как и Лоту сказал ангел: «В гору беги, в гору, от огня спасайся». И там уже дальше — не береги своё имущество, не сходи в дом за вещами своими — это уже пророчество о всех тех, кто живёт в наши и последние будущие времена. Как только ты видишь, что процесс развращения зашёл необратимо и дальше будет только хуже и хуже, не спускайся в дом, а всё, что с собой — забирай, и беги оттуда, потому что — конец. Фактически, так и было в Иерусалиме, так было и везде, где гибель подступала к городам. Душу спасай, а тряпки брось. Потому что люди за тряпками вернутся и душу погубят. Это малый Апокалипсис, так называемый, его нужно прочитывать часто-часто, и постепенно Бог откроет вам, потому что он не поддаётся быстрому толкованию. Но здесь есть, повторяю, две сплетённые вместе мысли: слова Господа, обращённые к современникам, о разрушении Иерусалима, и слова ко всем христианам, касающиеся конца мира или конца той или иной цивилизации. Мир Бруклину и живущим в нём православным христианам.

— Батюшка, в пост есть воздержание в супружеских отношениях, в пост есть послабление для беременных и кормящих матерей. А если, например, человек хотел бы выйти замуж и родить детей, но у него не получилось, потому что пока никого не нашёл, и у него вся жизнь получается — сплошной пост, он мучается от этого. И получается, что в пост он наказывается очень сильно, не понятно за что. А вот, например, мне очень обидно стареть за пост и разваливаться за пост. Я думаю, что могла бы здоровье сохранить, попробовать всё-таки — а вдруг я кого-то встречу, ещё родить.

— Ну, милая, если встретишь и родишь, то Христос покроет, Христос — добрый. Что, Ему нужны твои постные блюда что ли? Если встретишь и родишь, то твоему счастью порадуются и ангелы Божии и Господь и мы. Потом позвонишь нам на радио «Радонеж», скажешь, что встретила, зачала, родила. Встречай, рожай, ну что ж... Дай Бог счастья всякой женщине, потому что женщина вошла в мир с животом — ей рожать надо. Не рожавшая женщина — что за женщина? Можно только поплакать о ней. Я понимаю вашу тревогу, ваши вопросы, но я — мужчина, я не могу всё понять, что вы говорите, но что-то я понимаю, и мне, конечно, вас жаль. Как говорят: «Если бы он был Богом, он бы тебя пожалел». Ну а Бог добрее самого доброго человека. Ваша утроба говорит вместо вас, вашим языком движет утроба ваша, и в этом нет греха. Это правильно, это хорошо. Женщина должна хотеть детей и должна хотеть выйти замуж, должна быть матерью, должна кормить грудью, должна не спать — совершать всенощные бдения над колыбелью своих детей, должна учить их закону Божию, самым простым вещам, должна петь им на ухо «Богородица Дева, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобой!» Это всё — священный труд женщины, и идиот — тот, кто вообще не понимает этого. Потому что, судя по всему, если он этого не понимает, то он вообще ничего не понимает, или понимает не правильно. Может быть и резко говорю, но мне так кажется. Вы поститесь, пока вам Бог не послал суженого, а пошлёт — там уж пост сам собой разрешится. Трудно выйти замуж девушке сегодня. Трудно выйти замуж и не развестись, трудно полюбив, не разочароваться, всё трудно. А когда было легко? После грехопадения вообще всё стало трудным.

Вам всем — мир, и до скорых встреч.

«Всё равно уйду»

У них не было детей. В немолодые годы эта тяжесть с каждым днем всё больше пригибает человека к земле. У них не было детей, и уже не было надежды родить их так, как рождаются обычные люди. Конечно, бывают те, кто может родить в старости. Но таковых до крайности мало. Авраам и Сарра, Захария и Елисавета... наших героев звали иначе, и в этом смысле у них не было шансов. Поэтому он сказал ей: «Иди и скреби по сусекам». Она послушно пошла, и вскоре был у них Колобок, круглый, как мяч для гандбола, и румяный, как бабка в годы далекой юности.

У него тоже не было детей. А еще не было ни бабки, ни сусеков с остатками муки. А желание иметь детей было. И он взял полено, чтобы вырезать деревянного мальчика. Наличие деревянного мальчика всегда лучше, чем отсутствие любых мальчиков. К тому же никто не знал, что мертвое оживет и бездвижное придет в движение. Никто не знал, что Колобок покатится по маршруту с конечными остановками «Подоконник — Пасть Лисы», а Буратино возьмется воплощать сюжет притчи о Блудном сыне. И вот они стали

родителями: безымянные супруги из русской сказки и шарманщик Карло. Вскоре будут они безутешны. Старики – навсегда, а Карло – на время. Потому что свет их очей – деревянный мальчик и хлебный мячик, – едва появившись на свет, скроются из вида.

Русская сказка и Алексей Толстой не знают творения из ничего. Сие не мудрено. Творение из ничего не поддается описанию и без благодати на голову не налазит. Но они творят из того, что есть: мука и дерево. Они оживляют сотворенное, которое как только оживет, сразу проявляет строптивость и наглость, дерзость и хвастовство. Вчерашнее полено бросает молотком в сверчка, хамит и бежит из дома. Самоуверенное хлебулочное изделие думает, что успешное бегство от дряхлых стариков – залог всегдашних успешных побегов. Не иначе, мертвая природа заразилась от человека всеми страстями. Стоит ее оживить – она перейдет к бунту и празднику непослушания.

Ведь не сидится же никому дома: ни Буратино в каморке, ни Колобку в избе. Почему бегство неизбежно? Корни этой драматургии где? Не в том ли событии, которое зовется грехопадением и пропитывает всю ткань бытия?

Ты, человек, становясь творцом с маленькой буквы, приводишь в бытие то, что тебя перестанет слушаться. И уж лучше пусть будет это Колобок, а не ядерный реактор. Но всё равно: голос Райской трагедии или – глубже – голос Ангельского бунта слышны в этих двух историях. И разве только в двух? Чичиков, коль скоро вышел из-под пера, проворно побежал по миру, и его уже не остановишь. Вместе с Коробочкой, Маниловым и Ноздревым явившись к Гоголю, они его в гроб и свели. И все остальные бессмертные персонажи самостоятельно жить не перестают. Татьяна Ларина всё так же непоколебимо верна законному мужу, а Онегин так же безнадежно и самоубийственно влюблен. Все живут, все копошатся и движутся. Мадам Бовари носится в закрытой карете по улицам ночного Парижа, и д'Артаньян, сменивший плащ на пиджак, предлагает свои услуги де Тревилю – теперь высокому чиновнику госбезопасности.

Все бессмертные типажи наполняют собою жизненное пространство. Они живут независимо от авторов. Они бунтуют, потому что выпущены наружу, словно джинн. Первое, на что они способны, это восстание против автора-папы. Это восстание, дублирующее древний бунт грехопадения, вначале – Ангельский, затем – человеческий. И не только есть место Буратино среди оживших кукол, как есть не только место Гомеру среди поэтов. Еще есть Ихтиандр, дышащий то жабрами в воде, то одним легким на улице. Этому, видишь ли, земной любви захотелось. Есть Винни Пух, засыпающий читателей дзен-буддистским остроумием, то ли вопреки опилкам в голове, то ли благодаря именно им.

Человек не может не творить, раз уж создан он по образу Творца и с приказом приобрести подобие. А то, что сотворяет человек из полена, или муки, или художественного текста, ведет себя так же непослушно, как и сам человек. Деревянный мальчик хамит, мучной мячик совершает роковое бегство, художественные персонажи начинают автономное и непредсказуемое существование. В мире, полном поименованных явлений, мы живем. Это заметно, как только присмотришься к тому, что вокруг, и к тому, что внутри.

Ради Ионы на море буря

Если бы был в те дни Гидрометцентр, то в его сообщении по Средиземноморью был бы прогноз о штиле. Но пророк ступает на борт корабля, и стихия встает на дыбы. Потому что многое можно предсказать, но только не реакцию Бога на поведение тех, на кого Бог внимательно смотрит. Вот ни с того, ни с сего потемнел небосвод и ударила молния.

Сотни авиарейсов вдруг отложены на неопределенное время. Мы можем привычно ругать в это время синоптиков за ошибку в прогнозе. Но быть может это новый Иона решил лететь куда-то, прочь от места, куда посылает его Господь? И вот сотни тысяч людей остались на земле, и спят, скрутившись на неудобных креслах аэропорта ради непослушного пророка пока последний не образумится. Так можно думать, если мы непросто читаем Библию, но пытаемся усвоить себе способ библейского мышления.

Голод по всей земле при Иосифе был ради того, чтобы, понуждаемые пустыми желудками, пришли в Египет за хлебом Иосифовы братья.

Они продали его в рабство. Они почти что убили его, а вместе с ним своего отца. Ведь что такое – показать старику одежду, вымазанную кровью и сказать: зверь растерзал Иосифа? Разве это не покушение на убийство старого человека? Убийство не ножом, но безмерной скорбью, что острее ножа. И вот нужно им теперь, спустя много лет, когда совесть умерила терзания, прийти в Египет, чтобы встретиться со своей прославленной жертвой. Точно так упертые в неверии иудеи увидят Иисуса Христа во славе в последний день. Братья могли встретить справедливую месть, но встретили милость и жалость. Потому что Иосиф – живой образ живого Сына Божия. Он весь – мудрость, целомудрие и милость. И значит вся история с семьей тучными и семьей скудными годами, все унижения Иосифа в Египте и контраст последующей славы это пророчества. Каким слепым нужно быть, чтобы не увидеть связь между Христом и Иосифом, между Истиной и пророчеством о ней? А ведь прямые участники событий понимали тогда не больше, чем рыбаки в шторм при Ионе. Там порывы ветра и волны до неба; здесь голод и обширные, заранее приготовленные запасы. И не более того.

Что значит все это? То, что прямые участники истории не способны в подавляющем большинстве своем понимать смысл происходящей и ими самими творимой истории. Для того, чтобы понимать происходящее нужно либо взмыть, взлететь над ним и обозреть события сверху (это значит быть пророком); либо нужно хранить заранее произнесенное пророчество и сличить то, что есть, с тем, что предсказано. И в том, и в другом случае нужно иметь связь с Богом, горячий дух, острый ум и дар рассуждения. Иначе шторм будет «просто шторм», а голод – «просто голод», тогда как изучающий Писание видит: и там, и там действует Бог для Своих, далеко направленных и конкретных целей. Он действует могущественно, но скрыто. Он прячет Свою силу в явлениях природы и в

социальных событиях, чтобы как и в случае с притчами – слышали все, а понимали только смышленные сердцем.

Перепись народов, подвластных Августу, сняла с места миллионы людей. Каждый шел в свой город или деревню, чтобы стать на учет всемирного (как казалось) повелителя. Вместе с общей массой подневольного люда Чистая Дева, нося в Себе Сотворившего небеса, пошла в Вифлеем, сопровождаемая смиренным Иосифом. И случись перепись годом раньше или двумя месяцами позже, никакого убытка для государственных дел Августа не случилось бы. Подвластные были бы переписаны, и налоги бы собирались исправно. Но все случилось точно в то время, когда Марии предстояло родить, да исполнится пророчество Михея о происхождении Вождя из земли Иудовой (Мих. 5:2). И вот люди движутся туда и сюда, неся на плечах мешки с вещами, а на руках – детей. Люди ропшут, но покоряются, ворчат, но идут. Писцы считают и пишут, пишут и считают день за днем. И все именно сейчас, не позже и не раньше, чтобы пророчеству сбыться!

Так в истории происходит масса событий, которые представляются нам хаосом или торжеством слепого случая, а ими управляет Бог. Так историки и мудрецы, книжники и аналитики дают свои, подчас сложнейшие, версии событий, но если не имеют знания от Бога, то высказывают лишь ветры головы своей. Как волхвы, служащие фараону, или халдеи со звездочетами, служащие Навуходоносору, они склонны творить придворную историографию из двойной причины – желания угодить и страха умереть. И угождающие толпе лебезят перед вкусами толпы не меньше, чем пресмыкаются перед тираном те, кто боится смерти. Смутит какое хочешь сердце хор этих голосов. Но нужно понимать, что есть Тот, Кто выше Навуходоносора и сильнее фараона. Его планы проводятся в жизнь. Его воля творится некоторыми и немногими – сознательно, большинством – слепо.

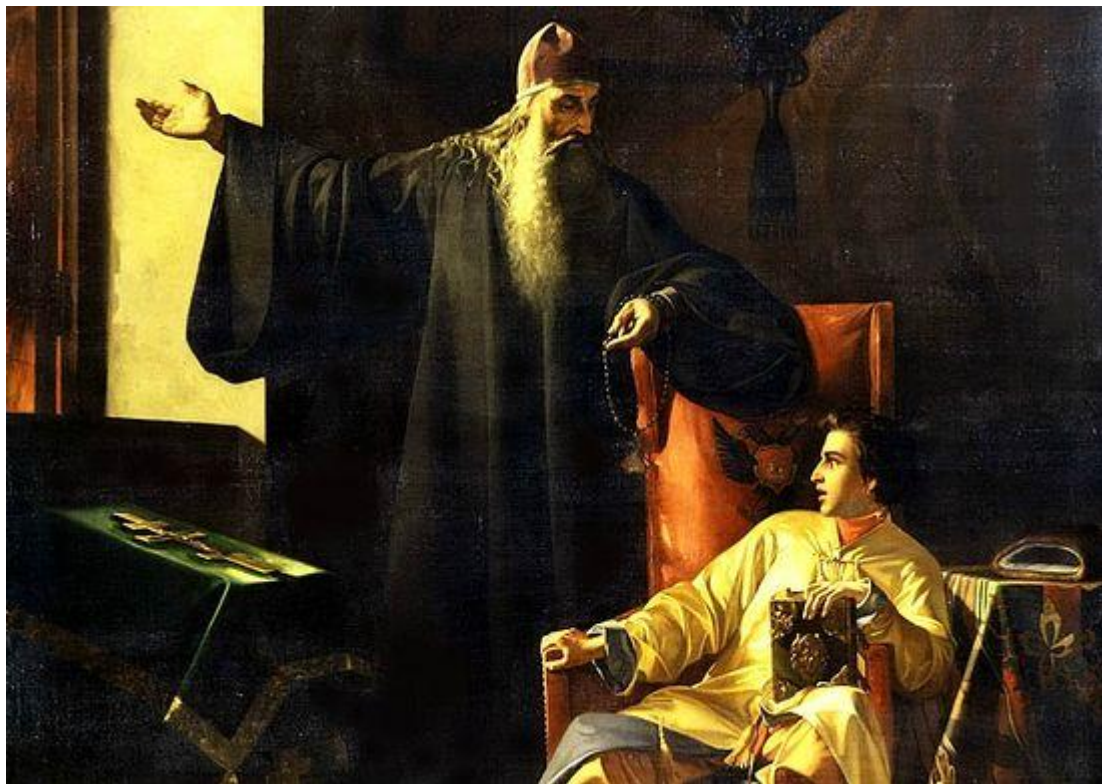
Нужно быть Иосифом или Даниилом, чтобы понимать точно смысл происходящего и прозревать будущее так, словно оно лежит на ладони. Это не наша мера. Но наша мера – постоянно помнить, что Бог не ушел из истории, и не уходил никогда ни на секунду. Понимаем мы или не понимаем происходящее, отдать события на волю случая или злого всевластия человеческого нельзя. Нельзя сказать в сердце или устами, что миром правят деньги, секс и голод. Нельзя добавлять в этот список и тайные общества или еще что-то. Такое признание равносильно отказу от исповедания Господа – Вседержителем, а значит и отказ от всего Символа веры. Это прямой путь в практическое безбожие. Можно признать свою слабость, говоря: У меня нет апостольского сердца и пророческого ума. Происходящее пугает меня и я его не понимаю до конца. Однако я верю всем сердцем в Бога, Который знает все. Я верю, что Он сделает тайное явным.

Этих слов будет достаточно. Эти слова обещают нам правильный взгляд на историю. Вот и сегодня, открывая газету, слыша главную новость дня, спрашивайте Создателя: «Где Ты, Господи? Что и зачем Ты творишь? Скажи мне, если я смогу понести это знание. А если нет, то укрепи сердце мое, чтобы я помнил: голод это не просто голод; шторм – не просто шторм; и перепись – не просто перепись. Всюду Ты, и всегда Тебе – слава, честь и поклонение. Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь».

Что в политике принадлежит не только ей

«Политика – дело грязное, а Церковь должна быть чистая». Простая фраза, с которой трудно спорить. Между тем, если вы съедите ее, словно конфету, вам придется заодно съесть и начинку. А начинка вот такая: «Влиять на жизнь Церковь права не имеет. Марш в красный угол под иконы молиться, и чтоб из угла не вылезать!» И поскольку начинка

явно отравленная, стоит разобраться с самим лукавым тезисом о «тотальной грязности политики» и невозможности для Церкви пачкаться делами земными.

Во-первых, политические нюансы плотно вшиты в евангельскую историю. Без знания тогдашней политической ситуации в мире и на Святой Земле невозможно понять, что такое перепись Августа, благодаря которой Господь Иисус родился в Вифлееме. Непонятно, кто такие сотники римской армии и чего они гуляют по улицам городов Израиля, кто такие мытари и за что их не любили, почему первосвященники выбирались на год, а не пожизненно. Можно было бы упрекать Предтечу: мол, оно тебе надо какого-то Ирода обличать за какую-то Иродиаду? да пусть, мол, спит, кто с кем хочет, а ты – человек духовный, думай о чем-то небесном. И даже в самом несправедном осуждении Мессии на крестную смерть звучит голос политической конъюнктуры: «Если Этого не распнешь, ты не друг кесарю. Он Себя кесарем назвал! Нет у нас царя, кроме римского кесаря!» Выбросьте всё это из Евангелия, и у вас получится какое-то гностическое учение или сборник восточных притч. Но Евангелие вошло в историю, и повлияло на историю, и изменило ход ее. И если мы будем думать иначе, то «во святых отцах» нам будут не Василий, Григорий и Иоанн, а Маркион, Василид и манихеи.

«Духовное» и «нравственное» неразрывны. Всюду та или иная нравственность корнями пьет воду из той или иной духовности. Со своей стороны и «политическое» неразрывно связано с «нравственным». Законодательство фиксирует и закрепляет существующие нравственные нормы, уточняет и корректирует их. А по сложившейся новейшей практике законодательство может и грубо вмешиваться в нравственную жизнь народа, ломая сложившиеся табу и предписывая творить запретное со спокойной совестью. Именно любители слома традиционных устоев указывают Церкви перстом на иконный угол и говорят: «В наши дела не вмешивайтесь».

Подобное явление есть действие антихристового духа и грубая ложь, шитая белыми нитками. Но хочется привести пару аргументов. Современная, восторжествовавшая в мире политическая система предполагает разделение властей на законодательную,

судебную и исполнительную. В любом правительстве есть кабинет министров, являющийся главным органом исполнительной власти. Конечно же, кабмин есть орган политический. Но в кабмине есть министры здравоохранения, культуры, образования, молодежной политики, спорта и науки. Таким образом, и Большой театр, и строительство роддомов, и реформа высшей школы, и еще тысячи значимых явлений жизни попадают в сферу ответственности политиков. Правильно? Правильно. Но разве это автоматически означает, что Церковь не имеет права высказываться публично и иметь свое собственное мнение обо всех этих вопросах? Ничуть не бывало. Церковь и имеет право, и даже обязана иметь свое мнение обо всем, что происходит в жизни страны и народа. Церковь не должна рваться к власти и брать в руки земной меч. А во всем остальном она должна действовать в Духе и силе «орудиями собственного воинства, которые сильны Богом на сокрушение твердынь».

Аборт не относится исключительно к сфере медицины, а через Министерство здравоохранения – к политике. Это явление может быть оценено с моральной точки зрения, в известных условиях это может быть деяние и криминального характера. В любом случае, высказывая свое мнение об убийстве детей во чреве, Церковь не лезет в политику, хотя и задевает сферу политического. Далее. Церковь должна находить формы влияния на образовательный процесс в младшей, средней и высшей школе. Но вовсе не для того, чтобы оспорить права и власть Министерства науки и образования, а для того, чтобы в «просвещении» был Свет, в «образовании» светлел Божий образ, а в «воспитании» была возможность действительно питаться и с голода духовного не умирать. Говоря «читайте книги», Церковь интересуется не рынком книжных продаж, а внутренним миром человека. И так везде. Пошел священник в палату умирающего причащать или больного перед операцией соборовать. Это он не в политику лезет, а душу лечит и развязывает те узлы, какие никакое законодательство развязать не в силах. Сияет крест храма над крышами военного городка, так это не для того, чтобы вмешиваться в оборонную политику, а для того, чтобы солдат и офицер дышали легче и служили веселей. И если где-то Церковь успешно проведет антиалкогольную кампанию, то это отразится и на потребительском рынке, и на криминальной обстановке в регионе, и на демографии, и на статистике производственного травматизма. Всюду отразится, одним словом. Но всё это будут побочные политические и гражданские плоды евангельской деятельности. Истины эти настолько прописные, что о них и говорить лишний раз стыдно. Но вот вам мир в своей искусственной красе и углубившемся безумии: банальности звучат как откровение.

На глубине своего Богочеловеческого существа у Церкви есть сила ее Главы – Христа – и великая, Им же подаваемая свобода. Еще у Церкви есть тревога о мире и современном человеке. (Именно так называется одна из книг поучений Паисия Афонского – «С болью и любовью о современном человеке».) Поэтому голос Церкви будет звучать. Должен звучать. Иногда он будет для некоторых ушей звучать как провластный, иногда – как оппозиционный. Временами он может звучать не за «тех» и не за «других», а выше обоих. И это великое благо, что голос Церкви звучит. Потому что если она замолчит, то это будет означать, что наступили времена, тяжелее и печальнее которых не было еще от сложения мира. В те дни Церковь скроется молча и будет искать пустыню, чтобы в ней дожидаться скорого Второго пришествия Жениха. И все балаболы и пересмешники, все поборники явного словоблудия и тайных беззаконий вдруг поймут, что с молчаливым уходом Церкви жизнь разом потеряла смысл, а жуткий гнев уже стоит у порога...

Поэтому говори, Невеста Христова, говори обо всем, о чем считаешь нужным. Говори о времени и пространстве, об одежде и пище, о рождении и смерти, о грехе и наказании за грех. Говори и о политике тоже. И звук голоса твоего и шипящая реакция многих на твой

голос будут знаками того, что Земля всё еще не территория тотального проигрыша, а поле продолжающейся битвы за Истину.

Всегда или только в посту?

Среди нравственных наставлений, рассыпанных в текстах богослужений и поучениях учителей Церкви, есть много слов о духовном смысле поста. О том, что пост требует языка обуздания, с ближними примирения, сердца сокрушения, творения добрых дел усердного и проч. То есть проводится совершенно справедливая мысль о необходимости вывести пост далеко за рамки диеты и превратить его в школу творения добродетелей. Об этом говорил Исайя (раздоби алчущим хлеб, введи в дом путника, разорви долговую расписку своего должника). Об этом гремели святые уста Златоуста. «Хочешь поститься угодным Богу постом – вместе с чревом сдержи язык, раздай милостыню, среди ночи встань на молитву». Об этом говорила подготовительная неделя мытаря и фарисея – не гордись! Об этом говорил чин прощения – примиришься! Но возникает вопрос: разве смиряться, творить милостыню, мирно жить с ближними, воздерживать язык и ходить в страхе Божиим мы должны только в дни поста? Не есть ли это всегдашняя обязанность? Не ставим ли мы несколько зауженные временные рамки для усилий жить свято? По всей видимости – нет. Но что же тогда мы говорим о святой и покаянной жизни так много в дни Четыредесятницы, и так сравнительно мало в прочие дни?

Может для кого-то это и ложный вопрос, не требующий особого разбора. Может не ложный, но лишний и надуманный. Но для кого-то иначе. Для этих вторых и скажем нечто. Жить благочестиво и ходить перед Богом мы обязаны всегда, во вся дни. Но получается это у большинства плохо. Даже у тех, кто сильно стремится к такому подобию Авраамового хождения пред Богом, плохо получается. Не говоря об основной массе. И вот в дни поста нам всем предлагается очередная возможность научиться сдерживать язык, подавлять гнев, устраняться от суеты и сплетен, творить милостыню и так далее. Это нам представляется таким образом возможность привыкнуть к добродетели и превратить ее в навык. Навык же необходим всем, чтобы потом, за пределами поста привычно уже вести благочестивую жизнь. Отвык в посту от курения – и после Пасхи продли воздержание. Бросил сквернословие – не начинай вновь. То, что стало привычкой, делается без труда. Итак, не только для времени поста наши упражнения. Они для приобретения навыка, а сам навык – на всю жизнь.

Подобным образом Израиль, выйдя из Египта, получил Закон. Для того Израиль и ходил по местам безводным и страшным так долго, чтобы приучиться к новому для себя Закону. А потом, уже неразлучно соединившись с полученным от Бога учением, вселиться в землю, текущую молоком и медом. То есть: прилепись к Богу, соединишь мыслью и

сердцем с заповедями новой для тебя нравственности, и потом наследуй приготовленное для тебя и Богом обещанное.

Пост – аналог длительного путешествия ради приобретения навыка в добродетели. А сам навык необходим категорически для получения наследства, для обладания иной реальностью, которая ожидает верующего человека. Не научишься ходить перед Богом всю жизнь и посвящать ему внутри сердца все начинания свои – под большим вопросом твое участие в будущем блаженстве. А научиться ходить перед Богом за раз, за день, за неделю невозможно. И вступить в обучение лучше всего постом. В это время многие из самых ленивых, и те преклоняют колени перед Распятием, ограничиваются в пище, исповедуются в грехах. Сам воздух в дни поста становится чище, вслед за очищением мыслей тех, кто этим воздухом дышит. И значит, совершаемое многими делается легким для многих.

Но нужно сразу сказать себе: то, чему я буду посвящать время поста, нужно будет мне и за пределами поста. Я учусь и привыкаю к духовному труду, чтобы не на пост только, а на всю жизнь стать учеником безгрешного Иисуса. И особенно осторожным придется быть в дни окончания поста, когда привычно теряется за считанные дни и часы то, что копили более месяца. Пусть еще рано об этом. Пусть еще постное шествие по пустыни только началось. Все равно нужно знать: наша общая обязанность – всегда жить свято. Жить согласно заповеди «Святые будьте, ибо Я Свят, Господь Бог ваш». А вот учиться исполнению этого всеобъемлющего повеления, привыкать к памяти о нем самое время сейчас.

Так, я думаю, снимается кажущееся противоречие между обязанностью всегда жить свято, и нарочитым, усиленным призывом к праведности в дни пения Постной Триоди. Ну, а кому и так все ясно, то простите меня. Эти краткие строчки не для вас писались.

Левиафан

Поговорим о нашумевшем фильме «Левиафан» господина Звягинцева. Все уже поговорили на эту тему, а мы ещё нет, хотя имеем на это первое право. Почему я говорю о некой привилегии? — Потому что Евгений Никифоров и я были на закрытом показе этого фильма. Фильм тогда ещё не был в широком прокате, его ещё не видели в Каннах, где он получил приз, а мы его уже посмотрели, обсудили между собой. Потом по приглашению Никифорова в студии «Радонежа» был режиссёр фильма Андрей Звягинцев. Мы хотели сделать такую запись разговора о фильме, «разбора полётов», так сказать. Но не сложилось. Начало передачи Андрея насторожило: он решил, что мы намереваемся его «распять», как он сказал, и ушёл «в глухую». Потом часик мы поговорили, но уже без камеры, поэтому для вечности этот разговор не сохранился.

Во-первых, нужно сказать пару слов о влиянии искусства на коллективное и индивидуальное сознание. Вот в период, когда был самиздат и жесточайшая цензура в печати, слово имело огромную ценность — это была твёрдая валюта. Написанные на папиросной бумаге какие-нибудь рассказы, например, Солженицына, Даниэля или Синявского, переписываемые от руки и передаваемые тайком из рук в руки, представляли великую ценность. Люди обсуждали написанное, думали, шептались. Это написанное слово, без глянцевого оформления, без всякого маркетинга, без книжных полок, имело серьёзнейшую цену для человека читающего, думающего. Совсем иначе происходит дело во времена вседозволенности, когда пиши всё, что хочешь, говори всё, что хочешь. Когда самая гениальная книжка совершенно теряется в море печатного продукта, словно капля. В книжных павильонах, на книжных ярмарках, на полках книжных магазинов стоят книги тысяч наименований. И самое умное слово рискует раствориться среди дамских романов, эзотерики, кухонных рецептов, описаний путешествий, справочников, словарей, детективов и т.п. Цензура, таким образом, делала скрытую рекламу умному продукту. Она устанавливала высокую цену слова самим фактом внимания к слову. А то, что делает сегодня рынок и общество потребления — это убийство настоящего влияния слова на человека. Слово обесценивается: слов так много, их так много произносят, что потерялось всякое уважение к говорящему и пишущему

человеку. Нужно совершать какие-то титанические труды. Ещё и Божие помазание должно быть на этих титанических трудах, чтобы слово пробило толщу безразличия, макулатурную толщу слов праздных и не нужных и добралось до сердца человека.

То же касается и кино. Люди, которым посчастливилось провести своё детство в Советском Союзе, хорошо помнят как фильмы влияли на человека. Кстати, хорошее было детство: со спортивными бесплатными секциями; время отсутствия порнографии, массового детского алкоголизма, время полного отсутствия наркотиков на улицах. В те времена каждый незнакомый дядя или тётя могли тебе, подростку, замечание сделать на улице и ты понимал, что они имеют на это право. И ещё много было разных хороших вещей. В общем, хорошее было детство. Тогда стоило, допустим, выйти на экраны четырёхсерийному фильму «Д'Артаньян и три мушкетёра», как стали вскоре забиты секции фехтования: мальчишки на фоне всего этого шли в эти секции и там по законам подражания брали в руки шпаги и рапиры. Кто-то быстро оттуда ушёл, а кто-то там и остался, и воспитался через спорт. Стоило выйти на мировые экраны, допустим, фильму о Тарзане, как тут же возникала масса людей, которые делали тарзанки, висели на ветвях, пытались подтягиваться, воспитывали себя. Позже многие ходили с бревном на плече как Шварценеггер в каком-то фильме про что-то (это я уже не очень люблю). Целое направление молодёжного спортивного движения родили голливудские кунг-фу-фильмы 70-х годов, начавшиеся с небезызвестного Брюса Ли. Западный масскульт тонкими ручейками просачивался через железный занавес, и у нас тут же возникали подпольные секции. Люди кричали «кия» и неуклюже махали ногами, они отжимались на кулаках и читали брошюры по китайской философии. Это потому что кино имеет огромный пропагандистский эффект и способно влиять на бытовое поведение зрителя.

Так бывало раньше. Что сейчас? Пусть специалисты скажут больше, но я думаю, что цивилизованный мир устал, пресытился и изрядно поглупел. Сегодня трудно взорвать общество каким-то одним фильмом. Их снимается так много! Фабрики грёз выпускают грёзы в таком огромном количестве, что никого уже ничем не удивишь. Да и нет ничего такого, что могло бы взорвать сознание общества и перевернуть его в ту или иную сторону. Тарковские, в атмосфере вседозволенности и перенасыщенности рынка, в атмосфере падения вкуса, просто не рождаются. А если рождаются, то рискуют умереть в безвестности. Вкус надо воспитывать. Например, опера, человеку не готовому ничего не скажет, а человеку подготовленному скажет очень многое. Для него она будет источником высоких наслаждений. И если человека не учить и не готовить, то он пройдёт мимо любой картины, любого стихотворения, как Пушкин писал о варваре: «Печной горшок тебе дороже, ты пищу в нём себе варишь». Что нужно варвару? — Плясать, радоваться чужому несчастью, блудить, жрать, душить врага, иногда проверять у сына уроки. Так вот шум по поводу взрывоопасности «Левиафана» был несколько преувеличен.

Фабула проста, как говорят в Киеве, «словно дорога на Борисполь». Какой-то местный «князь», совершенно отвратительный человек, вечно пьяный (в этом фильме вообще все вечно пьяные) депутат или не знаю, кто он там, совершает каскад незаконных действий, за которые его никто не наказывает. И его там покрывает местный епископ, не совсем может даже и знающий о делах этого человека, просто покрывающий его, как власть имущего. В этом заключается «наезд» на Церковь, что обижает верующих, безразлично индифферентным и сильно нравится тем, кто Церковь в принципе ненавидит.

В фильме всё время ждёшь, что главный герой, как в голливудских фильмах, достанет какую-нибудь семизарядную винтовку и начнёт всех крушить. А он никого не крушит, у него всё разваливается: погибает жена, сына забирают в опекунский совет интерната, его самого сажают в

тюрьму, якобы за убийство им же горячо любимой жены. Фильм страшен тем, что там пережёвываются человеческие судьбы, и никто не берёт в руки ни молоток, ни топор, ни пистолет, и не наводит киношную справедливость, к которой все привыкли. Это такой «черный» жанр, когда преступник не найден, зло торжествует, а последние кадры фильма оставляют человека в недоумении. «Как дальше жить, если все вот так?» Кстати, моральный кодекс американского кинематографа очень долго запрещал показывать фильмы, в которых зло не наказывается. Не думайте, что свободный мир всегда снимает свободное кино, ничего подобного. Кино — это серьёзнейший пропагандистский рычаг для переворачивания мира на нужный бок. Так вот: американское общественное сознание очень долго не принимало фильмов, в которых зло не наказано. Нельзя было снять такое кино, в котором, например, злодей совершил убийство и не пойман. Сейчас уже можно. Сейчас сознание поменялось, хеппи-энд ушёл в небытие. Сейчас можно снимать фильмы, где зло торжествует, добро не побеждает. Человек как бы смирился со злом. Вот в фильме «Левиафан» так и есть.

Епископ, покрывающий общественное зло, вышел ходульным. Это не живой человек, а функция, нужная Звягинцеву. Звягинцеву нужен был тип умного, но гордого, сильного, но безразличного человека. Такими в советском кино изображали западных «акул Уолл Стрита»: сильны, умны, в словах сдержаны, за деньги и ради власти смеют в порошок любого. Это, конечно, агитка, как на плакате. В отечественном кинематографе вообще до крайности мало фильмов, где, глядя на священника, не ёжишься. Выйдет актёр в бороде и с крестом, а на лбу написано: ряженный. Ходит, как на ходулях, благословляет, как робот и слова говорит какие-то ненастоящие. А все оттого, что у нас нет в режиссуре людей, которые знали бы Церковь «по нюху», с детства или на протяжении многих десятилетий вблизи. Оттого они Церковь снимают снаружи, как нечто чужое и незнакомое. Причем о буддийском монастыре они снять фильм отказались бы. Сказали бы: мы ничего в этом не понимаем. А о своих — пожалуйста, хотя то, что под носом, обычно знают хуже, чем то, что за горами.

Вот Анри Брессон, любимый режиссёр Андрея Тарковского. У него есть фильм «Дневник сельского священника». Медленное, тягучее, двухсерийное, глубокое кино, которое ошарашивает и исцеляет зрителя развязкой. Вот там священник — настоящий. И переживания его настоящие, и проблематика фильма настоящая. И там никому не стыдно за то, что он смотрит на экране. Или другой мэтр — Луис Бунюэль. Это человек, который закончил католический колледж, который знал Церковь со всех сторон. Он знал хороших священников и плохих священников, он знал красивые службы и службы, отслуженные наспех и кое-как. Он знал набожных лицемеров, и набожных людей, подобных ангелам, он различал ханжество и святость, праздник и молитва с детства ему были известны. В зрелом возрасте Бунюэль стал атеистом. Хотя, в своей автобиографической книге, в конце, писал: «Я был хотел перед смертью пособороваться, к ненависти всех своих друзей-атеистов». Что бы он ни снимал про Церковь, он снимал прочувствованную правду. Католическая Церковь подвергла запрету все его фильмы. Хотя, лично я считаю, что его фильмы чрезвычайно христианские, сняты с тревожной совестью, и некоторые из них имеют просто катехизическое направление. Если угодно — «Млечный путь». Этот фильм нужно показывать в семинарии как обучающую ленту по истории христианской цивилизации. Это печальный фильм. Он говорит о тихом и вялом приходе христианства к концу и своему отрицанию. О том, что уже никто не верит и мы «приплыли». В этом фильме два человека путешествуют сквозь историю. Они идут по дороге и попадают, как бы, в исторические ниши, в разные периоды: в средневековую Испанию, в третий век к манихеям, к иезуитам в шестнадцатый век, к янсенистам. Они лицезреют историю христианской Церкви в развитии, со всеми ересями, со всеми глупостями, со всеми красотами. Нам даётся развёрнутая аллегорическая картина, в которой мы видим развитие христианской теологии, христианской истории, и постепенный упадок христианской цивилизации. Такие фильмы возможны там, где Церковь известна изнутри. А наши, — уже в который раз говорю, — лгут, когда снимают всё это. Они лгут, когда изображают святых, очень часто. Вот исключение, точное попадание — это «Остров». Но это благодаря Мамонову, поскольку Мамонов в параллельном мире живёт, из этого параллельного мира пришёл к нам и согласился сняться. По сути, он не снимался даже в кино, он просто жил на экране. И он так прожил на экране свою параллельную жизнь, что все поняли: другой мир есть. И не нужно огонь с небес сводить и по водам ходить, просто есть другие люди, и есть другой мир. Это редкие исключения. В подавляющем большинстве у наших получается лгать и изображая святых, и изображая грешников.

К таким людям, которые «не в теме» относится и Звягинцев. У его фильма четкая целевая аудитория — те, кто причисляет себя к интеллигентам и изображает на лице боль по поводу несправедливо устроенной российской действительности. Фильм хорошо ложится на западные

представления о России, словно снят по заказу. Но так бывает: заказа не было, а фильм так снят. Это потому что заказ в воздухе летает. В контексте событий на Украине, где кровь по колено начала литься с манифестаций против чиновничьего произвола и мечты о справедливом обществе, можно еще кое-что подумать. Уж больно много на свете мерзавцев, мечтающих раздражить народ песнями о справедливости, да вывести их на площади против обобщенного образа чиновника. А там, глядишь, и кровь брызнет, как уже было в истории, и можно снова распинать не свое Отечество под гром демократических барабанов.

Кто знает фильм, пусть вспомнит: там есть очень жизненный момент. Приезжает адвокат из столицы, чтобы помочь человеку, на которого «наехал» местный барон. Адвокат собрал компромат на этого барона, чем перепугал его до смерти. Показал папку, мол, у меня есть на вас хорошие документы, в Москве о ваших подвигах слышали. И тот перепугался. Уже шёл разговор о том, что дело получает обратный ход. Но дальше происходит блуд между женой потерпевшего и адвокатом. И тут начинается всё сыпаться. Главный злодей обратно набирается смелости и наглости. Адвоката вывозят за город, чуть не убивают и т.д. Всё сыплется, и в конце концов трагедия: смерть, тюрьма, безотцовщина. Зло побеждает. Я спрашиваю у режисера: «Вы это специально сделали или оно само так получилось?» У Пушкина вот Татьяна вышла замуж сама. Он даже не хотел, а она взяла и сама вышла замуж. Сюжет ведь часто живёт сам собой, по внутренним законам. И Чичиков живёт отдельно от Гоголя: Гоголь умер, а Чичиков — нет. Но Андрей не дослушал всего этого, — очень жалко мне, — пошёл в штыки на мой вопрос, не поняв сути. А я почему спрашивал? — Потому что, снимая своё кино, режиссёр должен знать всё о своих героях. Один из принципов хорошей режиссуры — это когда, например, выводишь в кадр какого-нибудь лакея, который появляется в фильме всего-навсего на минуту. Он просто приносит водочки с огурчиком хозяину, потом исчезает и больше не появляется. Но режиссёр должен знать об этой эпизодической личности все: когда он родился, давно ли он здесь работает, знает ли он всех, есть ли у него семья, любит ли он своих хозяев. Режиссер должен сочинить ему историю полностью, чтобы он вошёл в кадр на минуту живым человеком, а не ходульной картонкой. Флобер писал: «Романист в романе — это как Господь Бог в творении, он везде есть, но его не видно». Романист в романе и режиссёр в фильме знают всё: почему этот лист бумаги лежит на столе у главного героя, почему он одет в тапочки, например, а не босиком ходит, почему не зажглась лампа, когда он её включил — он должен знать всё про то, что снимает. Не все, я так понимаю, заморачиваются на этом вопросе, и снимают что-нибудь и как-нибудь. И вот там так получается, что блуд случился — всё посыпалось. Именно так в жизни и бывает. Вот, например, совершенно другой фильм, другого смысла, другого содержания, и по-другому снятый, и вообще не про то, и их нельзя сравнивать — про адмирала Колчака. Там, где, помните, если кто видел, он показывается в Первую мировую войну, когда он проходил по немецким минным полям. И жив остался вместе с командой. А потом, когда уже революция свершилась, у него был роман с женой боевого товарища. И многие зрители отметили связь между трагической концовкой и грехом. Это правильная реакция: верен Богу — в огне не сгоришь. Отягчилс грехами — в луже утонешь.

Был еще один момент. Фактом, давшим фильму путевку в жизнь, была реальная история, произошедшая (!) в США. Там в одном из штатов чиновники «достали» простого человека по фамилии Хименес по земельному вопросу и он их стал крушить в голливудском духе экскаватором. За что конечно пострадал. Они ему предлагали деньги за землю, нужную под строительство чего-то, а он отказывался по причине того, что земля наследственная и он ее ни за что не отдаст. Уже сам факт «тихого» переноса трагедии с американской на российскую землю пахнет чем-то. Уж не водорослями ли из того залива, где кит плавал? Ну, да ладно. Тема борьбы власти с маленьким человеком за родовое наследство это ведь калька с конфликта царя Ахава с Навуфеем за виноградник. Виноградник отцов своих некто Навуфей отказался продать царю за серебро. Наученный Иезавелью, Ахав убил человека за землю! Это стало причиной гнева Божия и затем смерти самого Ахава и Иезавели. Бог на стороне маленького человека с его маленьким кусочком земли, когда сильный мира сего раскрывает несытый рот на чужое и даже не очень нужное. Это библейская тема и она не раскрыта. Вернее раскрыта наоборот, то есть закрыта. Наглую.

Депрессивный фильм с антибиблейскими смыслами и суицидальным послевкусием. Об этом всем нужно было поговорить. Не заладилось. Но мудрый народ в ажиотаже замечен не был. Обещанное синицами поджигание моря не удалось. И поскольку разговор наш был более о кино вообще, чем о конкретной грустной новинке, я позволю себе сказать следующее.

Новый фильм, это не тот, который сняли вчера. Новый для вас любой фильм, который вы не видели. Откройте посему для себя нового Курасава, нового Брессона, нового Дрейера. Впрочем,

фамилий слишком много для продолжения списка. Смотрите хорошее кино, друзья. Русский человек должен разбираться в хорошем искусстве.

Мысли о счастье

Понятия «много» и «мало» – это величины относительные. Иван Андреевич Крылов в Английском клубе, как утверждают современники, съедал бараний бок с кашей, галстука не развязав. Потом крестился на иконы и говорил: «Много ли человеку надо?» А ведь этой порции трем взрослым мужчинам с избытком. Много ли у меня здоровья, сил, денег? Это смотря на каком фоне. На ином фоне я – полный здоровья и сил богач, на ином – нищий доходяга. «Много и мало», повторяю, величины относительные. Куда точнее понятия «достаточно»–«недостаточно», «хватает»–«не хватает». Но мы вернемся к относительному. Вот много ли нужно (и чего?), чтобы быть несчастным?

Думаю, что нужно много мечтать и не замечать совпадения мечты с реальностью. Тогда несчастье заходит в душу, как «воздух в комнату квадратом». Еще, чтобы быть несчастным, нужно со скорбью смотреть на чужой успех: чужой команды, чужой страны, чужого мужа... Так мало нужно, чтобы быть несчастным, и так легко им быть.

Интересно, что для того, чтобы быть счастливым, мало просто «не быть несчастным». Отсутствие болезни, уголовного преследования, наличие жилья, семьи, здоровья еще не делают счастливыми множество людей. Те просто невнимательны и неблагодарны и не оценивают должно то, что имеют. Чтобы быть счастливым, нужно иметь в достаточном количестве всего, чего угодно душе, плюс – благодать. Благодать Божия делает сердце благодарным, а глаз внимательным. Зачем об этом говорить? Затем, что всем желательно быть счастливыми, все счастья ищут, но мало кто находит его и крепко берет в руки.

Великое счастье – видеть вокруг себя многих людей, которые лучше тебя самого. Ты смотришь на них, видишь их лучшими, но не завидуешь, а радуешься. Тот смелее, тот трудолюбивее, тот терпеливее, этот образованнее. Это тихая красота – созерцание чужих превосходств без зависти! И еще для счастья необходимо, чтобы правильная мысль вошла в сердце глубоко, словно якорь в глубину морскую. Вошла и там осталась. Все, кто шел по жизни прямо и честно, имели такую мысль в сердце. Да и не одну.

Мне, например, сейчас совсем не весело. Но ко мне приходит мысль, маленькая, как капсула с шифровкой. Я пинцетом аккуратно разворачиваю тонкую папиросную бумагу и расшифровываю мысленное послание:

«Ты сотворил меня, Господи, и в каждой капле крови моей, со всеми эритроцитами, гемоглобином, лейкоцитами, премудрости и информации больше, чем в библиотеке Ватикана. Волосы мои тобою посчитаны, а капилляры и вены, если бы сложить их в нить, вытянулись бы на 100 тыс. (!) километров. Я уже молчу про ухо и глаз, про мозг и сердце. Это всё – живое чудо высшей степени сложности. Вот такой я сложный и есть, и это – Твоих рук дело. Когда Ты меня (равно как и всякого другого) сотворил, Ты сделал дело невероятной премудрости. Сжался теперь, Отец. Ведь Ты уже сделал большое, сделай же теперь нечто маленькое. Большое – это то, что я был зачат, выношен, рожден. То, что я умею читать и способен молиться; то, что я жив до их пор и вот пишу эти строки. Всё это – большое чудо. А маленькое – это все нужды мои в земле изгнания, которые Ты утoughаешь. Это все боли мои и печали внутренние и теснота внешняя, от которых без Тебя мне не избавиться. Неужели Ты не поможешь в этом малом? Создатель зрачка моего, неужели Ты не сведешь меня в нужное время с нужным человеком? Создатель звезд и морей, неужели Ты откажешь мне в стакане молока или в нужной сумме денег? Я не верю в Твой отказ, но верю в Твою помощь. Огромное и ничтожное, малое и великое в руках Единого». Так заканчивается шифровка, и, пробежав по ней благодарным взглядом, я утешаюсь.

Теперь несколько времени я буду счастлив, потому что правильная мысль пошла в глубину и, как песок в якорь, зарылась на дне сердца. Теперь еще я думаю, что для того, чтобы быть несчастным, нужно помнить о смерти, но не иметь веры в ее победителя по имени Иисус. Для счастья же, напротив, не стоит бояться мыслей о смерти и о том, что всё кажущееся незыблемым улетит пылью по ветру. Стоит только надеяться на милость Христа, помнить Его крестную муку и Его Престол славы за гробом.

«Христос столько доброго сделал мне в этой сумрачной жизни. Чего ради, если я не откажусь от Него, Он откажет мне в милости в ином и лучшем мире? Творящий малое почему и здесь не сотворит великое, если Он уже дал мне веру? А что есть вера, как не ключ от дверей, за которыми милость?» Это текст предыдущей шифровки, которой я утешался не так давно и теперь привел ее на память. Спаситель мой чужд зависти и жадности. Залог Его щедрости – все дары, которые были до сих пор.

Но если я заговорю об этом с кем-то, а собеседник спросит в ответ: «А что такого сделал мне Христос?», – то нужно будет прекратить разговор. Всякий человек, с уст которого слетает или в сердце которого шевелится вопрос: «Что сделал мне Христос?», идет в сторону, противоположную счастью. В эту сторону не надо ходить. Там будет плач и скрежет зубов.

Счастье может стоять перед человеком на расстоянии вытянутой руки или брошенного тяжелого камня. То есть очень близко. А рядом на том же расстоянии, скорее всего, стоит человек, нуждающийся в нашей помощи. Если мы рванемся с ускорением в сторону

счастья, оно отойдет от нас с нашей же скоростью на прежнее расстояние. Но если обратимся к ближнему с радушием, оно само приблизится и окутает нас. «Забывай себя и найдешь покой», – говорит мне сердце. Я согласно киваю сердцу, но хмурюсь, потому что знаю, как плохо у меня это получается.

Посреди земли сухой под стоящим в зените солнцем, пекущим затылок, я – беглец из Египта и странник в землю, текущую молоком и медом, сижу и в который раз думаю о счастье. И о чем еще думать человеку? Одна мысль сегодня пришла ко мне, другая из прежних вспомнилась. Это всё на сегодня. У грешника не бывает много хороших мыслей. Их мало, и сами они малы, словно капля в том самом море, в глубину которого якорем вошла и опустилась память о Сотворившем большое и малое.

Отец Иоанн Кронштадтский

В музыке надо равняться на мастеров. В живописи, архитектуре, военном деле — тоже. Ну, и в священстве, тоже нужно равняться на мастеров. Лучший из лучших в священстве — это отец Иоанн Кронштадтский. Это священник из священников. Это человек, который более других, облечённых саном, выявил в своём служении, в своём личном подвиге сущность православного священства и её возможности. Это со всех сторон замечательный человек, и стоит похвалить его, вынося из этого какие-то практические мысли для своего поведения, для понимания Церкви, ради любви к ней.

Иоанн Кронштадтский родился в холодных краях, в бедной семье. Ничего такого, роскошно-великого вокруг него не было: бедное детство, тяжёлый быт. С ранних лет он был человеком Церкви. Обычный мальчонка, родился в семье причётника. По молитвам усердным ему было даровано разумение грамоты, подобно тому, как Сергей Радонежский получил разумение грамоты через усердную молитву и явление ангела в виде схимника. Также и Иоанн получил некое откровение разума, спадание пелены с глаз после усердной молитвы о даровании разумения книжной науки. Обычная жизнь в Архангельской губернии, церковно-приходская школа, епархиальное приходское училище, потом семинария, потом академия. Он так жил себе, ничем не выделяясь среди других людей, только что был прилежен, серьёзен быть может чуть более, чем сверстники, но ничего ещё не предвещало в нём какого-то великого светильника. А потом в нём разгорается серьёзнейшее желание служить Богу, молиться Богу, так сказать, целиком. Не просто что-нибудь Богу приносить (чуть-чуть Богу, чуть-чуть себе), а отдаться Богу полностью. И это своё желание он решает воплотить в священнической практике.

К тому времени, к концу девятнадцатого века, Русская Церковь начинает миссионерствовать. Миссионерство, вообще-то, не наш конёк. У нас трудно с этим делом. Мы никак не можем понять: как это делается правильно, кто должен помогать, кто должен организовывать — всё это держится на некоторых избранных энтузиастах. Одно дело, когда проповедуешь своим, а другое дело, когда надо куда-то ехать в далёкие края, учить язык, организовывать миссию среди иноземцев. Это уже совсем тяжёлое занятие. Иоанн разгорается серьёзным желанием проповедовать Христа людям, которые не знают Христа. Он хочет ехать на дальние рубежи отечества, к Китаю или к Маньчжурии, или в Японию. Но потом оглядывается вокруг себя и понимает, что его родная страна, его соотечественники — они не далеко убежали от язычников. Они только носят имя христиан, а на самом деле такие же язычники по жизни, кланяющиеся тельцу золотому, обожествляющие страсти, одним словом — Богу не служащие. Что такое язычник? Это человек, не служащий Богу, служащий себе и тем богам, которые удовлетворяют его корысть. Иоанн вдруг понимает, что ему нужно служить здесь. Зачем ехать далеко, если здесь то же самое? Он становится священником в Кронштадте.

Кронштадтская крепость, Кронштадтский порт — ворота, запирающие Петербург со стороны Балтики. Там моряки, туда ссылают людей неблагонадёжных, там полным-полно, по-нашему говоря, бомжей, воря всякого, люмпенов, проституток, и всех кого хочешь. И он начинает служить там, в Кронштадте, начинает отдавать себя пастве. Он заходит в нищие убогие клетушки, в которых живут люди, в полуподвалы и подвалы. Ведёт дневник, в котором подробно записывает все события своей внутренней жизни. Пишет: «Вспомни, человек, что Господь родился в пещере. Не гнушайся войти в ту пещеру, в которой сегодня живут подобные нам люди. Вспомни, человек, что сам из грязи создан. Не гнушайся грязи человеческой. Иди к тем, которые грязные, вонючие,

немытые, бедные, глупые. Иди к ним. Потому что ты такой же». И вот он идёт туда. Иногда без башмаков домой возвращается — отдаёт свои башмаки нуждающемуся. Иногда пальто своё вешает на плечи раздетого человека. Иногда приходит в жилища, спрашивая, в чём нуждаются: в лекарствах, одежде, деньгах, еде. Уходит и возвращается с пакетами еды, лекарств, с какими-то одежками. По сути, раздаёт себя, полностью, всего. Это было очень тяжело для его матушки, которая не была готова выйти замуж за святого. Нормальной женщине хочется выйти замуж за нормального человека, а выйти замуж за святого — это против правил, как бы. Надо самой быть святой. А кто готов быть святым? Она ужасно мучается всем этим, но Иоанн идёт вперёд, не оборачиваясь. Его даже вызывают в Петербург, к Победоносцеву — обер-прокурору Священного Синода. И Константин Победоносцев говорит ему: «Вы, батюшка, высокую ноту взяли. Многие до вас эту ноту брали, но потом пришлось сфальшивить». Отец Иоанн отвечает: «Не извольте беспокоиться, я не сфальшивлю, я донесу взятое до конца». Он имеет твёрдое горячее убеждение, что донесёт всё своё до конца. Он ежедневно читает Библию, молится, просыпается рано, ложится поздно, живёт не собою, но другими, и самое главное — постоянно служит Литургию. Литургия была для него началом и концом всей священнической деятельности. Он черпал оттуда силы и привлекал туда людей, которые забыли Бога. Он являлся таким евхаристическим предстоятелем, который настолько горячо служил (как говорили современники — огнебогодуховенно, т. е. как в огне стоит на службе), что народ к нему потёк. Его распознали, как святого, сначала вот эти самые бомжи, преступники, жители ночлежек — люди, которых мы видим в кинофильмах, скажем, у Чарли Чаплина. Такие персонажи чарличаплинских фильмов: жители ночлежек, опущенные, в штанах из мешковины, не мывшиеся неделями. Или, скажем, как у Горького в «На дне». И вот эти люди — жители ночлежек, жители притонов, жители вокзалов, жители портов и припортовых убогих жилищ — они вдруг распознали в нём святого.

Священники часто завидовали отцу Иоанну, духовное начальство сомневалось в нём, думали: «Что такое? Что за чудотворец тут ещё нашёлся?» Конечно, вокруг него была масса всяких кликуш женского пола, которые потом много беды ему принесли. Называли его чуть ли не Господом Саваофом, норовили угрызть его за руку, чтобы крови напиться, чтобы причаститься его крови. И много ещё делали всяких гадостей, которые весьма и весьма помешали ему по жизни и бросили тень на его светлый образ. Но узнали его, как святого, простые, забытые всеми, никому не нужные люди, которые сказали: «Если есть такие священники, значит небеса живы, значит небо не безучастно к нам», — т. е. небо откликается на их молитвы, небеса живут. Как страшно человеку вдруг для себя сказать: «Небеса мертвы, земля безучастна, я на земле один, я никому не нужен. Молись — не молись, никто не услышит», — вот если такое сказал себе человек, считайте, что вы имеете перед собой готового суицидника. Человек находится в глубокой депрессии, и чего он натворит, исходя из этого состояния, никому не известно. А вот когда мы знаем, что святые есть (при том, что мы знаем, что мы — не святые), мы радуемся. Потому что мы знаем, что Бог есть и небеса живы, и другая жизнь есть, и мёртвые воскреснут. И совесть — это не просто некий набор комплексов внутри человека, а Божий голос. И заповеди есть. И нужно любить Бога и ближнего, в этом все заповеди находятся. Вот чтобы человеку всё это сказать, подтвердить, оправдать — нужно повидать перед собой святого человека. Люди обрадовались Иоанну. А Иоанн, взявший на себя тяжелейшую ношу, понёс её.

Времена были не очень благоприятные. Революции, которые впоследствии разразились, сначала пятого года, потом семнадцатого — февральская и октябрьская — они в воздухе носились, они не были случайностью. Всё пахло бедой. Потому что целый комплекс ложных идей залез людям в головы. Люди хотели земного рая, люди поверили в науку, люди возгнушались своей Церковью, своим прошлым, захотели чего-то другого, захотели «наш новый мир построить». В общем, это

было очень серьёзное испытание для души любого человека, и многие были «унесены ветром», как книжка есть такая — «Унесённые ветром», многих просто унесло. И вдруг, Иоанн Кронштадтский явил миру идеал священника. Вообще, священник на Руси — это человек, от которого народ не ждёт святости. Это звучит парадоксально. Люди знают, что священникиотягощены семьёй, нуждой, священник делит крестьянский быт с крестьянами, или городской быт с горожанами. Он не обязан быть монахом, постником, столпником, чудотворцем. Лишь бы только в Бога веровал, служил искренне, любил людей, ну и далеко от паствы не отрывался. В общем-то, вот все требования, которые предъявлялись к священнику. Особой святости народ от священников не ждал никогда, и сейчас не ждёт. Люди знают, что батюшка есть просто батюшка, что Бог дал ему благодать, и через него Господь Сам творит всё, что нужно. А батюшка служит Господу, и через него Господь совершает. Люди ждут святости, скажем, от монахов, от юродивых, от князей благоверных, от епископов, которых чают знать святителями, т. е. проповедниками, постниками, милостивыми отцами. А священников слишком много, их кругом полно. Сказки про священников есть, шутки про священников есть, анекдоты про священников есть — да и ничего страшного. И вдруг появляется Иоанн Кронштадтский. И он показывает, каким может быть священник. Он постоянно молится, постоянно среди людей. Молится чудотворно, огненно молится. И зовёт с собой на молитву множество людей Божиих. Зажигает веру в тех, в ком вера погасла. Рождает веру в тех, в ком веры не было никогда. Укрепляет веру в тех, кто устал верить или склонился под тяжестью креста и остановил свой путь. Молится Богу, и Бог отвечает ему. А потом уже, после Литургии, из Литургии истекают другие вещи — помощь всякая конкретная человеческая (через руки отца Иоанна протекали миллионы рублей ежегодно). Одни приносили ему, и он раздавал другим. Раздавал ни кому попало, но осмысленно. Раздавал, зная нужду каждого: давал матери для детей, купцу для поправки бизнеса, священнику для перекрытия куполов, и т. д. Знал, кому что даёт, принимал миллионы и отдавал миллионы. У него на руках они не задерживались. Организовал «Дом трудолюбия», так называемый, в Кронштадте. Он понимал, что многой злобе научила праздность, что люди ничем не занятые, люди привыкшие вечно протягивать руки, отучившиеся работать, живущие подаянием — это паразиты, и они не исправятся до тех пор, пока не начнут трудиться сами. Поэтому, он всячески учил людей трудиться самим. Женщины могли шить, вязать. Мужчины могли заниматься столярной, слесарной работой. Каждый должен был делать что-то. И «Дом трудолюбия» обеспечил работой, жильём, деньгами, хлебом заработанным многое множество людей в Петрограде. Идея очень хорошая. Он переживал о женщинах, стоящих на панели, пытался ввести их в нормальную жизнь, чтобы они заработали себе приданное, вышли замуж, начали нормальную семейную жизнь и больше не сквернили и не позорили себя и окружающих. Постоянно занимался преподаванием закона Божиего в гимназиях, школах и училищах. Любил это дело. Плату за работу раздавал нуждающимся. Считал, что воспитание молодого поколения должно быть обязательно сопряжено с преподаванием закона Божиего. Горе человеку, который не знает Божиего закона. Горе человеку, который не знает, чего хочет Бог от человека. Такая многолетняя деятельность Иоанна (повторяю: начать-то можно каждому, а продлить эту деятельность и до конца её донести — это тяжёлая штука) длилась очень долго.

Он стал известен за пределами отечества среди инославных, среди людей даже и не христианской религии. Например, бывали случаи, когда Иоанн, плывя на пароходе по Волге, по другим большим рекам, останавливаясь на станциях, совершая молебны и проповедуя (к концу жизни его уже знали как всемирного проповедника Евангелия), заезжал в мусульманские или еврейские сёла, где неурожай держал людей в голоде, или же падёж скота наносил большую беду хозяйству. Он молился Богу об этих еврейских жилищах, о мусульманских жилищах, его молитва была чудотворной и здесь, и благодарные люди вносили его в свои памятные книжки, чтобы вечно за него благодарить Бога. Потому что он приносил им вместе с собой благословение. Его молитва не знала таких границ, которые разделяют человечество здесь, на земле, он как бы уже не здесь жил, как будто жил уже за пределами земной реальности, разодранной противоречиями. Он молился за всякого человека. Представьте себе, что в Кронштадте было целое почтовое отделение, на которое приходили письма и телеграммы именно к отцу Иоанну Кронштадтскому. Их было так много, что нужно было создать целое почтовое отделение, иначе в этом ворохе писем, которые приходили лично ему, утопали и пропадали отдельные письма, приходившие к кому-то ещё в Кронштадте. Каждое утро к нему в Андреевский собор приносили целые корзины записок и писем. Физически, вычитывая их, он должен был бы не отлучаться от алтаря по четыре, пять, шесть и более часов. Поэтому, иногда не успевая всё прочитать, он налагал на все эти записки руку и молился Богу, чтобы Господь помиловал, помянул, очистил, исцелил, укрепил, исполнил добрые просьбы людей, которые обращались к нему во всей этой корреспонденции. И всё это Господь исполнял по его молитвам. Таким образом, отец Иоанн очень долго ярко горел на светильнике Церкви, показывая нам, что может один простой священник. Ни епископ, ни архимандрит большого монастыря, ни профессор академии, а обычный простой приходской

священник. Он как бы показал возможности священства. Как, например, спортсмены показывают нам способности человека в быстроте, выносливости, в силе, в ловкости; как учёные показывают нам возможности ума человеческого в запоминании информации, в обработке информации, в творческом поиске ответов на какие-то вопросы; как любой мастер какого-то особого дела показывает нам возможности человека вообще — так отец Иоанн показал нам на закате времён, в начале двадцатого века — страшного века, кем и каким вообще может быть священник... Вроде бы ничего. Он должен молиться, проповедовать, исповедовать, крестить, венчать, ну и всё, кажется. Вот нас таких тысячи и тысячи. И вдруг зажигается такой яркий факел, горит некий пастырь, горит как свеча, но высоко поставленная. И мы понимаем, что ничего себе... А чем он отличается от нас? Да, в принципе, ничем. А почему у него получается, а у нас нет? Мы даже не думали, что такое бывает. Это почему так? Вот так... Так Господь берёт одного, чтобы привлечь многих. Есть такой закон Божий: Господь зовёт к себе одного человека, чтобы через одного привлечь многих или всех. Т.е. Господь ищет Себе, скажем, Авраама, Давида, князя Владимира, кого-то ещё, и потом через него призывает к Себе многое множество различных людей.

Безусловно, отец Иоанн не был одинок в том, что он нёс на себе крест молитвы за весь мир. Он сам говорил, что есть, например, Алексей Мечёв, ему известный, его современник, сопастырь и сомолитвенник, московский чудотворец. Была уже тогда Матрона Московская, которая уже вступала на свою стезю молитвенного труда. И много-много ещё других было святых епископов, монахов, которые все находились в некоем духовном сопричастии, они были одного духа. Но так ярко, как отец Иоанн, не горел из священства, в принципе, никто в истории. Он — совершенно уникален из всех священников. Но, и конечно, где одни восторгаются, другие скрежещут зубами. Там, где одним хорошо, другим — очень не хорошо. Поэтому, половина России его очень любила, а половина очень не любила. Его лютой ненавистью ненавидел целый ряд категорий людей, его называли и кликушей, и фокусником, и шарлатаном, о нём нелицеприятно высказывались многие литераторы, к сожалению, например, Николай Лесков — не худший писатель земли Русской. Он поддался этому общему настроению, и с неуважением, с издёвкой высказывался об отце Иоанне Кронштадтском. Его высмеивала еврейская пресса, его выставляли посмешищем в пьесах: писали специальные пьесы, в которых все понимали, что это про него, и он, таким образом, был подвергавшим насмешкам и напастям. Одним словом, видели в нём большую опасность, и он нёс крест такого массового поношения накануне революций. Это не было удивительным в тогдашней больной и готовой к трагедии России.

Сами видим и веруем

Поговорив с самарянкой у колодца Иакова, прикоснувшись осторожно к ранам ее совести и открывшись ей как Мессия, Иисус Христос позволил ей бежать в город, а Сам остался дожидаться учеников. Женщина сказала горожанам: «Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне всё, что я сделала: не Он ли Христос?» (Ин. 4: 29). Некоторые из них вышли посмотреть на Иисуса. И потом, убедившись, говорили ей: «Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он Спаситель мира, Христос» (Ин. 4: 42). Эти самые слова да пастырю в уши!

Начало веры – чужое слово. И сама вера от слышания, слышание же – от слова Божия. Верить слову о Боге нельзя, если сердце на слышанное не откликается. Но это лишь начало дела и первый посев. Потом, бывает, птицы клюют, терние глушит ростки и так далее. К тому же в первом внимательном слушании большую роль может играть уважение к говорящему (авторитет), ученость речи, простота и наивность научаемого... Далее необходимо уже самому «пойти и посмотреть». Необходимо пойти далее по пути приобретения личного религиозного опыта (это опыт соборной и домашней молитвы, опыт сопротивления страстям, практического исполнения заповедей), чтобы сказать со временем учителю: «Не только по твоему слову верую. Сам слышал и узнал, что Христос – Господь и Спаситель».

В этих словах очерчивается практическая задача пастырству: доводить своих пасомых до состояния той зрячей и опытной веры, которая держится не только на слове авторитета, но и на своем личном переживании благодатного общения с Богом. Это опасный путь, но это путь необходимый. Опасный потому, что уклониться вправо или влево, полезть высоко и низко после этого пасть – естественная опасность для человека, идущего духовным путем. Живущий духовной жизнью, по слову Нектария Оптинского, схож с канатоходцем. Но это и необходимая задача, поскольку мировоззрение «мудрого пескаря», пересидивающего весь век свой в безопасной и замершей тишине, ограниченного однажды усвоенным малым знанием, – это кратчайший путь к тому, чтобы загубить, закопать все свои таланты и сказать Богу на Суде: возьми назад Свое; прибыли от меня не жди.

Евангелие определенно содержит в себе риск. Хотя бы потому, что в притче о талантах требует от человека не просто возврата залога, а прибыли, причем стопроцентной (пять талантов от пяти, три от трех и один от одного). Конечно, если можно не рисковать, то нужно не рисковать. Но когда риск обязателен, то рисковать придется. «Простая вера простого человека», которую культивировал и отстаивал, к примеру, К.П. Победоносцев, слишком легко, как показывает история, сменяется безверием, особенно если последнее становится массовым и заразительным, подкрепленным государственной идеологией и карательными мерами. «Простая» вера кроме того еще и беззащитна перед мысленными капканами, которых чем дальше, тем больше в жизни. И, следовательно, верить по-детски можно безопасно только в детстве. Взрослый должен идти вперед, через терния – к взрослой вере и самостоятельному исповеданию, совпадающему в финале с исповеданием Кафолической и Апостольской Церкви.

– Вы нас учили, и мы верили вам. Верили потому, что видели: вера ваша не расходится с жизнью вашей. Вы сами живете тем, что проповедуете, и так, как учите. Но теперь мы верим не потому только, что это вы так сказали, а и потому, что опытно убедились в правде ваших слов. Мы убедились в том, что покаяние очищает душу и убеляет ее, как снег; в том, что Христос есть Добрый Пастырь и Властитель мира; что после смерти будет

жизнь; что у нашего спасения есть злые враги; что святые близки к нам, словно друзья и помощники. Это всё и многое другое мы теперь знаем сами. Знаем сердцем и опытом. Мы знаем это настолько, что попробуем теперь и других научить.

Только что перед вами был образец идеального обращения повзрослевшей паствы к своему пастырю, который дожил до духовного совершеннолетия своих пасомых. Он может считать свою жизнь прожитой не зря и может радоваться, поскольку для пастыря «нет большей радости, как слышать, что дети его ходят в истине» (см.: 3 Ин. 1: 4).

В тех же мыслях, думаю, пребывал и апостол Павел. Он хотел, чтобы те, кого он родил благовествованием, были безгрешны и невинны, словно дети, но чтобы по уму они были совершеннолетни и зрелы. Апостол допускает в теории, что может настать такое время, когда он сам уклонится от истины (!) и начнет говорить ложь, смешанную с правдой. Тогда, говорит он, ему не стоит верить. Тогда стоит вспомнить слова, сказанные им раньше, и держаться их. Так же велит он поступать, даже если Ангелы с неба проповедовали нам нечто, противное Евангелию. Вот эти слова: «Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1: 8). Перед нами не что иное, как требование веры зрелой и ответственной. Это не просто вера в правильные слова, услышанные однажды, но вера, пошедшая по пути дальнейшего углубления в сказанное. Это вера, глубоко на дно опустившая якорь. С такой верой можно противоречить Ангелу, искривляющему Евангелие. Без такой веры любое явление иного мира поработит и сокрушит человека.

Жить, без сомнения, и так тяжело – тяжело даже без сверхзадач. Наличную паству нужно хотя бы волкам не отдать на растерзание. Потом наличную и сохраненную паству нужно умножать и скреплять взаимными связями любви. Всё это тяжело до невыносимости. Ну а чтоб доводить пасомых до ясного исповедания истин Апостольского учения, то это уже почти фантастично. Однако фантастика одного поколения превращается в быт поколения следующего. Подводные лодки и космические корабли Жюль Верна были чистой литературной грезой. И вот они уже давно – часть быта. Новый грандиозный храм, подобный старому, на месте плавательного бассейна на «Кропоткинской» – это еще недавно – чистая маниловщина. А вот и нет! Реальность. Пойдите, пощупайте. Нужно дерзать и думать, ставить задачи и поднимать планку. Бог, конечно, любит и хомяков, и орлов. Однако орел – символ евангелиста Иоанна, а хомячку в собрании символов места нет. Будемте орлами! Будем учить людей! Наученные и просвещенные, они и Церковь укрепят, и Отечество отстоят, и нас самих вымолят. «Тебя спасают молитвы тех, кого ты учишь», – было сказано незадолго до смерти в видении Тихону Задонскому. Ради этого одного стоит потрудиться.

Рождество

Жестокость мира, она от демонов. Разврат мира, он от того, что весь человек стал плотью, и только плотью. И радость мира – шумная и надрывная радость, от которой тяжело, как с похмелья – это лишь декорация. Это аналог репродукции картины на стене, висящей только для того, чтобы закрыть дыру в обоях.

Для начала мир пуст. После грехопадения он пуст, как барабан; пуст, как опустошенный вором кошелек. Оттуда, из чрева пустоты, выползает та самая медленная и звенящая тоска, с которой если кто не знаком, то не сможет понять и ощутить сердцем, чему можно радоваться в Рождество.

Пустой мир и человек, сдувшийся как шарик. И если надо дальше жить, даже если и не хочется, но придется, то нужно развеселить себя чем-то. Пустота – от грехопадения. Суетный шум – от невозможности сидеть на месте и в тишине. Разврат – от погасания духа, от тотальной власти плоти и невозможности этой власти сопротивляться. А уже злоба – от демонов. В особенности – лукавая злоба, в которой улыбаются и держат паузу. В которой вынашивают замысел и строят планы. В которой жестокость не порывистая, а осмысленная, санкционированная, идеологическая.

Что еще есть вокруг, что ускользнуло из списка? Кого не назвали? Вот на эту землю, попадающую под описание, и пришел Христос. На развратную от отчаяния землю пришел Сын Девы, не имевший в Себе греха. На поглупевшую землю пришла Премудрость Божия. Туда, где пустота, пришел Тот, в Котором полнота. И поскольку земля из-за демонов стала лукава и жестока, милосердного Христа ждали на земле сети словесных уловок, крики распинателей и плетки солдат претории. Он это знал и все же Он пришел. Не отрекся. Не отказался. Прими благодарный поклон, Спаситель мой и Благодетель.

Мы празднуем Рождество, господа! Рождество, говорю, празднуем, товарищи! Братья и сестры, мадам и месье, Воплощение Сына Божия торжествуем! Нам праздники даны не для воспоминаний о событиях, а для сердечного участия в них — в этих самых празднуемых событиях. По замыслу и в идеале, мы не «вспоминаем» и едим, а соучаствуем и веселимся. И если праздник способен приобщить человека к радости пастухов, слышавших Ангельский хор, и волхвов, принесших дары, то Рождество способно заострить также и ту тоску дохристианского мира, от которой в томлении издыхало человечество. (Не издыхает ли оно вновь, только уже не как ждущее Искупителя, а как отрешившееся от Него, и следовательно более виновное?)

Предпраздничная тоска. Непонятная пустота, день за днем сосущая сердце. Смутное недовольство всем вообще и ничем конкретно. Шуба не греет, покупка не тешит, анекдот не смешит. Новости страшат, разговоры утомляют. Знакомо? Если нет, то чему вы радуетесь в Рождество? Книге нужен переплет и картине – рама. Так для радости нужен печальный контраст, потому что и сама радость это ответ Бога на печаль мира. Конкретный ответ на конкретную печаль. Речь не о личной печали, которая у всех своя, а о печали вселенской, которой дышат все без исключения. И благодать, та, что обрезает не крайнюю плоть, но сердце, делает человека внутренне чувствительным не только к движениям Духа, но и к тонкой печали века сего.

Эта печаль погибающего человечества, печаль мало кем осознанная, но несомненная, свела с Небес Сына Божия. Это Он сжалился на нашу бедность, на наше угасание, на наше

бесплодное ползание в пыли. Он ведь с Отцом и Духом не для того нас создал, чтобы мы жили вот так, как живем обычно. Пропасть лежит между тем, какими мы быть должны, и какими стали. И дело нужно было исправить, но не человеческой рукой. Слаба она. Дело нужно было исправить рукой Божественной. Рукой, на первых порах – младенческой. Это и есть Рождество.

Чувствуя странную, нездешнюю радость от того, что Он пришел, мы вполне обязаны обрезанным сердцем чувствовать и вкус той трагедии, которая привела к Воплощению, а затем к Крестному Страданию Иисуса и Его воскресению. Нечувствие радости есть точный диагноз неверия. И излишний праздничный шум это лишь звуковая завеса. Рождество тишины хочет. Тишины и простоты. Тишины, простоты и слез. Слез в тишине и радостного ужаса.

Ужас прогоняет тоску и приносит смысл. Ибо если и есть что-то подлинно ужасное (в смысле не бытовом, но библейском), то это Истина, завитая в пеленки, которую вдруг распеленали.

Говорить можно много, и если разговорился, то уже и хочется. Но надо ли? Что скажет человек, когда Ангелы поют, да и не в одиночку, но хором! Такое привычное, но совершенно неизвестное празднование. Морозное, елочное, в шарах и лентах, измучившее приближением, оглушающее приходом. Рождество пришло. Пришло Рождество. Пришло...

Радио Радонеж. Священное Писание

Христос Воскресе, дорогие братья и сестры! В студии протоиерей Андрей Ткачѳв.

Наша неисчерпаемая тема — это Священное Писание, и мы сквозь этот магический кристалл будем смотреть на окружающую действительность.

Подавляющее большинство христиан знает 50-й псалом, а, например, 51-й или 49-й, знают уже на порядок меньше. Шаг вправо, шаг влево — тѳмный лес, топь и болото. Я предлагаю вам такой принципиальный подход к изучению неизвестного: мы знаем псалом 50-й, шагок назад — 49-й, вперѳд — 51-й. Псалом 90-й знают многие: «Живыи в помощи Вышняго...», шагок назад — 89-й, вперѳд — 91-й. А что там? Таким образом, расширяется изведенное поле. То, что раньше было «терра инкогнита» - становится известным. Понятным до конца оно быть не может, оно достаточно глубоко и

неисчерпаемо, но всё-таки расширяется область христианского сознания, засеянная Божиим словом.

Мне интересно почитать сегодня с вами псалом 49-й. Здесь есть целый ряд откровений Божиих, касающихся судеб мира и стояния души перед Богом на суде, в том числе и на окончательном Суде. Псалом этот не Давидов, это псалом Асафа. Не все псалмы в Псалтири ведут своё родословие от Давида. Есть один псалом Моисеев, есть псалмы сынов Кореєвых, сынов Асафа, есть не надписанные псалмы — псалмы неизвестных авторов. Давиду принадлежит около половины псалмов, не более того. Итак:

1 Бог богов, Господь возглагола и призывает землю, от восхода солнца до запада.

2 С Сиона, который есть верх красоты, является Господь,

3 грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря.

Будем так по паре стихов читать.

«Бог богов Господь возглагола и призва землю от восток солнца до запад», — так по-славянски звучит первый стих.

«От восток солнца до запад хвально имя Господне» — это слова из одной книги малых пророков. «Бог богов» — обратим внимание на это название. Каких богов? Кто ещё? Ещё в Апокалипсисе говорится: «Господь господей». Кто такие господа, кроме Господа, и боги, кроме Бога? Это любопытная вещь. В древности богами — с маленькой буквы, маленький бог — называли людей, в руках которых находится власть над жизнью простого человека: судьи, цари, князья. В псалмах неоднократно эти люди называются богами. Если эти люди боятся Господа, то стараются служить и не переступать границы дозволенного. А если Господа не боятся, то похожи на судью из притчи Господа Иисуса Христа, где Он говорит, что был некий судья в некоем городе, который Бога не боялся, людей не стыдился, ему всё было совершенно безразлично — никакого нравственного закона, ни стыда, ни совести. Вот это те самые «боги». Кстати, если уж говорить о судьях, то многие вещи в Евангелии и в слове Божиим понимаются в категориях судебного процесса, например, дьявол — это обвинитель. Представьте себе, что вы будете стоять на суде, — представьте сегодня, потому что рано или поздно это будет, — Господь будет неподкупным Судьёй, а дьявол - обвинителем, он будет стоять между Богом и человеком и говорить: «Вот я знаю, что этот человек делал то-то и то-то, Ты не имеешь права его миловать, Ты не должен его прощать, он виноват в этом, виноват в том». Он будет лжесвидетелем, обвинителем, доносчиком, он будет клеветать Богу на человека и человеку на Бога. То же пишется в Откровении Иоанна Богослова, что сатана занимается двумя главными вещами: он клеветает Богу на людей и клеветает людям на Бога. Людям он говорит о Боге самые разные нелепости или гнусности, а Богу он тоже о людях дерзает говорить нечто: «Сколько Ты можешь миловать этих людишек, которых Ты любишь, которых Ты искупил, которые вообще о Тебе забыли?» Вот такое интересное выражение: «Бог богов».

По-славянски: *«Бог богов Господь возглагола, и призва землю от восток солнца до запад. От Сиона благолешие... его... приидет, Бог наш, и не премолчит...»*

3 грядет Бог наш, и не в безмолвии (т.е. с шумом придёт Его пришествие, не в тишине. — о. Андрей): пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря.

4 Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой:

На этих словах тоже можно остановиться, потому что когда Моисей произносил свои обличительные песни в последних уже частях Пятикнижия, он говорил: «Вонми, небо...» Т.е. небо и земля, слушайте, что я сейчас скажу. И Господь Бог тоже будет призывать небо свыше и землю судить народ свой. Почему? У каждого судебного процесса должны быть свидетели, которые могут одновременно быть помощниками обвинения, но люди постоянно меняются на земле. Если бы мы посмотрели на этот мир как бы в ускоренной плёнке, как это часто бывает, от востока солнца до заката солнца... Вот, стоит камера и снимает, а потом показывает нам всё это не за двадцать четыре часа, а ускоренно, скажем, за минуту. Есть такой способ медленной съёмки. Камера медленно-медленно снимает, видно как поднимается солнышко, облака летят, машинки начинают бегать, потом темнеет тут же, машинки включают фары. Если бы в таком ускоренном режиме всю историю человечества прогнать перед нашими мысленными глазами, то мы бы увидели, как поколения сменяют друг друга. Поколения как волны на берег набегают: одно нашло, потом откатывается, второе пришло, откатывается, третье пришло... Они теснят друг друга, выдавливают, молодые старых гонят, старые близятся к краю своей земной жизни, потом нарождаются новые, новые, как волны пенящиеся, они давят друг друга, и каждое поколение недолго задерживается на земле. О чём можно спросить наше сегодняшнее поколение? Только о том, что видели наши глаза. Уже о том, что, например, было лет пятьдесят назад, мы можем знать только из книг, документальных фильмов, исследований историков, из артефактов, разных домыслов и построений. Тем более, что было двести, триста лет назад, — этим уже занимается история. Мы этого не видели, мы можем быть свидетелями только того, что было при нас. Вот мы, например, были при развале Союза, при Ельцине, при Путине сейчас мы есть. Мы можем смотреть, сравнивать, делать выводы: когда что было, как что было. Мы свидетели этих процессов, а всё остальное знаем по книгам и прочее. А небо и земля — это постоянные свидетели, они вечно смотрят на человека. Небо не ветшает. Потолок может протечь, прохудиться, провиснуть и обрушиться, а небо не обрушивается, не провисает, не протекает, оно вечно стоит над человеком как некое литое зеркало. И земля стоит под ногами человека. Это вечные свидетели тех дел, которые совершаются сынами человеческими. Следовательно, чтобы судить людей, Господь Бог обращается к тем свидетелям, которые были постоянными наблюдателями всего того, что делается на земле, к нему и земле. Мы не можем спросить Ивана Ивановича Иванова, что делал Наполеон на Корсике до переезда в Париж, потому что Иван Иванович Иванов не может этого знать, а небо и земля знают. Продолжая аналогию, так можно сказать о каждом человеке. Поэтому: «вонми, небо- и возглаголю, внушай, земля, глаголы уст моих», мы в Великом посту в каноне это пели. Вот об этом и говорит Бог богов, Господь: Он хочет судить людей, и призывает свыше небо и землю судить народ Свой. Т.е. небо, слушай; земля, слушай, вы Мне свидетели, давайте вместе будем судить людей.

Что Он дальше говорит? Дальше двоеточие, открываются кавычки. Но нужно понимать, что любые знаки препинания — это уже некое толкование. Древний текст не имел разбивку на главы, на стихи, не имел запятых, двоеточий, не имел заглавных и прописных букв. Любые знаки пунктуации, любая орфографическая правка в части большая буква или маленькая — это уже некое толкование, способ написания — это уже передача смысла. Вот пишем «Бог богов»: Бог пишем с большой буквы, а богов — с маленькой. Это мы уже понимаем, о чём говорим. Так что надо понимать, что двоеточия, кавычки — это наши сегодняшние дела: в древнем тексте нет ни двоеточий, ни кавычек. Но, тем не менее, есть здесь и двоеточие, и кавычки. Господь сказал:

5 «соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве».

По-славянски: *«Соберите ему преподобныя его, завещающыя завет его о жертвах».*

Религиозная жизнь предполагает жертвоприношения. Евреи, вступившие с Богом в завет, имели устав о жертвоприношении. Без жертв нет религии. Наша Жертва — это Христос, Пасха наша — Христос пожертвован за нас. Наша Жертва Нового Завета — это Христос, распятый и воскресший. А тут ещё говорится о старозаветных службах:

6 И небеса провозгласят правду Его, ибо судия сей есть Бог.

7 «Слушай, народ Мой, Я буду говорить...»

В псалмах ещё задолго до всяких наказаний, обличений, вот такое провозглашается Духом Святым заранее:.

7 «Слушай, народ Мой, Я буду говорить; Израиль! Я буду свидетельствовать против тебя: Я Бог, твой Бог.

8 Не за жертвы твои Я буду укорять тебя; всесожжения твои всегда предо Мною;

9 не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих,

10 ибо Мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор,

Люди, когда у них совершается религиозная жизнь, более всего переживают о том, чтобы приносить жертвы правильно, о том, чтобы не ошибиться в жертвоприношениях, вовремя принести то, что нужно, и так, как нужно, не перепутать. А Господь говорит: Я тебя о жертвах обличать не буду, потому, что вообще не приму от тебя ни тельца, ни козла, потому что вообще всё Моё. Здесь мы предчувствуем, что Господь Бог возвестит нечто новое. Т.е. ты приносишь Мне жертвы — правильно делаешь, Я Сам тебе сказал: «Приноси Мне жертвы». А тут оказывается, что жертвы-то Ему особо и не нужны, и так всё - Его.

11 знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною.

Пользуясь случаем, вспомним, что вообще знает Господь. Псалмы гласят, что Он рассыпал по небу множество звёзд и всем им назвал имена. Мощнейшие телескопы современных астрономов осматривают самые дальние закоулки вселенной, доступные нашему изучению, но ученые не каждой звезде, наверное, дали имена, потому что звезд мириады. Господь же знает имя каждой звезды, Он их назвал. В книге Иова говорится, что Господь посчитал все капли дождя, и когда дождь течёт на землю, кропит или сильно, с шумом льётся, то Господь Бог знает число капель, которые падают на землю из соковищниц дождевых. Когда мы причёсываемся, мы забываем, конечно, об этом, но иногда можно вспомнить, что Господь посчитал волосы на нашей голове. А здесь в 49-м псалме говорит: «Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною». Т.е. всё, что есть в мире, это всё- Его. Кстати говоря, если среди вас есть любители смотреть передачи про животных, про кошачьих, про подводный мир, про птиц, про пингвинов - то не думайте, что вы согрешаете. Вот какую-то другую передачу смотреть — может быть, грешно. Есть такие передачи, которые на 100% грешно смотреть. Есть, что не поймёшь — грешно смотреть или не грешно, а есть такие, которые точно не грешно. Вот, если вам приятно смотреть на животных, на птиц, насекомых, — современные биологи, орнитологи наснимали множество удивительных, красивых вещей — как распускаются бутоны, взрываются почки, какая-нибудь ящерица ловит насекомых своим длинным языком.

Смотрите, это всё хорошее, потому что это всё Божие. Господь Сам сказал, что «Моё всё: Мои звери в лесу, Мой скот на тысячах гор. Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною». Это хорошо. Мы можем думать о Господе, когда смотрим на красоту окружающего мира.

12 Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе, ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее.

По этой причине не нужно хвалиться своими жертвами. Что толку, что приносишь волов, тельцов и прочее? Оно и так всё принадлежит Богу: вселенная и всё, что наполняет её.

13 Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?

Вопрос доходит уже до дерзости: «Что, Я их ем, что ли, этих козлов? Или пью их кровь, что ли? Нет».

А вот дальше уже начинается такая, что называется, наука: а что же делать? Ты меня поставил в тупик, Господи, Ты говоришь: «Принеси Мне жертву». Я принёс. А потом Ты говоришь: «Да не нужна Мне твоя жертва». Это что такое, вообще? Как надо? Сначала говорит: «Дай Мне это». — «На». Потом говорит: «Да Мне это не надо, Мне ты нужен. Мне нужно нечто большее, чем ты Мне дал». — «А что же Ты хочешь?»

Читаем дальше. И вот здесь начинается Божественное приказание:

14 Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои,

15 и призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня».

Вот тут четыре вещи прозвучало. «Принеси в жертву Богу хвалу...» Мы поём и читаем псалмы 148-й, 149-й, 150-й: «Хвалим, благословим, поклоняемся Господеви, поюще и превозносяще во вся веки... Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны: огонь, град, снег, голодь, дух бурен». — Это вот то, что мы читаем на утрене, это хвала Господня, это конец псалмов: псалмы заканчиваются сплошными похвалами Богу. Хвалите, хвалите, хвалите. Жертва хвалы — т.е. не просите и даже не кайтесь, главное — хвалите Имя Господне, хвалите рабы Господа. «...И воздай Всевышнему обеты твои», — если обещал что-нибудь Богу, то сделай. Плохо тебе, у тебя скорбь?— зови Господа, Он Сам сказал: «...Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня». Т.е. тебе плохо, ты Меня призвал, Я тебя избавлю, а ты Меня прославишь. Вот такая четырёхступенчатая связь. Я повторю ещё, это очень важно. Мне плохо, я говорю: «Господи, мне плохо. Где Ты, где Ты? Ты здесь? Ты слышишь меня?» И Он является и избавляет меня из беды. Говорю: «О, слава Тебе, Господи, слава Тебе!» — я хвалю Господа. Эти вещи нужно глубокими бороздами проводить по сознанию. Что же хочет Господь? Не ест Он мясо волов, не пьёт кровь козлов. Принеси Ему в жертву хвалу, воздай Ему обеты твои. «И призови Меня в день скорби, — говорит Господь, — Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня». Мы встречаемся с понятием «жертва хвалы». До сих пор была речь о жертвах кровавых: телята, голуби, козлы, овцы. А здесь — жертва хвалы. Т.е. кровь не льётся, а уста движутся: «Хвалим Тебя, Господи, благодарим Тебя! Ты нас сотворил, Ты — мудрый, Ты — великий, слава Тебе!» — Это великая мудрость. Научиться этому надо, рано или поздно, это не так просто. Нужно иметь широкую душу и умное сердце, такую внимательную голову, чтобы научиться Бога хвалить.

Кроме «жертвы хвалы» бывают ещё разные жертвы. Например, в 50-м псалме, следующем по счёту: «Жертва Богу дух сокрушен». Оказывается, не нужно резать никаких козлов.

Если сердце сокрушилось в тебе, как разбитая чашка, — сердце разбилось перед Богом, сокрушилось, поломалось, — то это жертва Ему: «Жертва Богу дух сокрушен». Почему? Потому что сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит.

Есть ещё такое в псалмах: «Пожертвуйте Богу жертву правды». «Жертва правды» — это всякие праведные дела. Например, вы в суде заступились за несправедно обвинённого человека, — это жертва правды. Или вы организовали сбор средств для человека, нуждающегося в экстренной операции, — это жертва правды. Или что-нибудь ещё такое, что касается человеколюбия и справедливости. Там, где есть человеколюбие и справедливость, там есть жертва правды. Вот такие жертвы можно приносить Господу Богу. Это то, что касается верующего человека.

Там дальше идёт ещё интересно. Господь к грешнику обращается отдельно:

16 Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои,

По-славянски: «Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими?»

Т.е. языком, устами хватаешься за Мои слова.

17 а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?

Т.е. как обглоданные кости кидаешь за спину: не нужно это нечто. Вроде бы проповедуешь всё правильно, уставы Мои говоришь, да: «Берешь завет Мой в уста твои, носишь на языке Моё слово, а сам ненавидишь наставление Моё, и слова Мои бросаешь за себя». Дальше идёт перечисление, какие вещи делает грешник, который пренебрегает законом Господним.

18 когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься;

19 уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство;

20 сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветишь;

Шесть. Это обращено ко всякому человеку, в т.ч. и к нам с вами, и говорится о том, что принимать слово Божие как эталон, но не исполнять его, весьма опасно. Очень совпадает по смыслу сказанное в 49-м псалме со словами апостола Павла в Послании к Римлянам, где он говорит иудею: «Ты хвалишься, что у тебя есть вера, ты почиваешь на законе, и ты хвалишься, что ты сумеешь лучше, и умеешь различать грех и праведность, но как же ты, уча других не прелюбодействовать, прелюбодействуешь; уча других не красть, святотатствуешь; уча одному, делаешь другое? Что это такое, вообще?» Как бы, научи себя сначала, потом научишь других. Вот такая жёсткая и совершенно справедливая тема, никуда от неё не денешься, мы её здесь слышим. Ещё раз перечислим грехи, которые Господь повторяет, потому что здесь грехи самые распространённые: «Когда видишь вора, сходишься с ним». Вор бывает разный: есть вор, который крадёт ведро картошки, и вор, который крадёт целую железную дорогу. Чтобы сойтись с вором, не нужно идти в шалман и там при тусклом свете настольных светильников, под табачный дым вспоминать, как: «раз пошли на дело, я и Рабинович», как в этих песенках поётся. Совсем не обязательно. Можно в галстук и в пиджак прийти в серьёзный офис, где будет сидеть такой же серьёзный человек в галстук и в пиджак: сели, раскидали пару каких-то

преступных, злодейских схем, как, например, вытащить пару миллиардов из бюджета. Нормально всё: попили чайку, поговорили, всё решили, сделали, подписали бумаги. Вот и всё, вот и приехали. Как говорил святой Косьма Итальянский: «Это раньше разбойники одевались в шкуры и жили в горах, но будет время, когда разбойники будут ходить в дорогой одежде по центральным улицам городов и никуда не прятаться». Это бандитская эстетика такая. Сколько Голливуд пота пролил, предоставляя нам пленительные образы вора, которые воруют - и это сходит им с рук. «...И с прелюбодеями общаешься». Прелюбодей прелюбодея замечает издали: «Ты куда идёшь?» — «Я туда». — «А что там?» — «А там это». — «Ух ты!» — «А я с вами могу?» — «Конечно, можешь. Деньги есть?» — «Есть». — «Пошли». Вот, приехали: с прелюбодеями общаешься. Вроде верующий же... Ну, верующий, и что, жизнь такая... Вот, написано про нас, братья и сестры. Кого это касается, пусть просигнализирует себе в совесть и имеет в виду: «Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство».

20 сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветнишь;

21 ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты...

Раз Бог молчит, я делаю — Он молчит, значит: «Да, наверное, Ему всё равно. А, может, Ему это тоже нравится? А может, вообще, ничего страшного?» Всякие мысли могут родиться. У малых пророков часто повторяется одна и та же мысль. Мы с вами говорили как-то раз в эфире, читая малых пророков, — что люди говорят: «Да ничего страшного нет. Вон гляньте на грешников, как они беззаконничают, раздражают Бога и живут, и Господь их не трогает, и всё у них получается. А мы Богу служим — работы много, толку мало, и ничего у нас не получается». Потом догадка возникает: «А, может быть, так и надо жить, как беззаконники живут? Не так, как мы, болваны: пытаемся что-то хорошее, а у нас ничего не получается. А, может вот, так надо жить, как они? Они творят, что хотят, на самом деле. А потом на голубом глазу приходят в тот же храм, и всё им сходит с рук». И когда всё это происходит и умножается, у людей возникает куча соблазнов и сомнений: «Что такое? Может, так и надо?» Что надо? Вот слово Божие говорит:

21 ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои.

Т.е. Я тебя обнажу, сорву с тебя покрывала, покажу наготу твою, и потом покажу глазам твоим твои же собственные грехи. Ты сам увидишь, кто ты. Вот, Борис Абрамович Березовский принял православное крещение. Я не знаю, что в душе у него творилось, но по крещению он был православным. Богу всякая душа дорога, мир ему в том мире, куда он ушёл, если это возможно. Но когда он творил, что хотел, только что парад на Красной площади не принимал, то, наверное, многие думали: «Глянь, чего творит. А что, вообще? Как это, вообще?» Но вот наступило время, перевернулась пара страниц исторических, по другому карты легли: как-то в ванне с полотенцем на шее, задушили, захлебнулся, — не знаю, что там произошло, никто не узнает, — и всё. Где деньги, где власть над миром, где эта феерическая наглость? Нет ничего. А кто думал ещё лет пятнадцать назад, что человек столь дерзко гениальный, столь нагло грешный и столь бесстрашно бесстыжий, гениальный бесстыдник, что он так, в ванне, с асфиксией, закончит свою жизнь? Господи, Иисусе Христе, помилуй нас. Вот и всё. «Ты это делал, и Я молчал; ты подумал, в конце концов, что Я такой же, как ты. Да ничего подобного. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои».

Дальше тоже про всех нас.

22 Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил (т.е. не вырвал душу, как ридиску с грядки. — о. Андрей), — *и не будет избавляющего.*

Вы понимаете, что значит «восхитил»? Вот, всё хорошо, потом — бац — уже нехорошо и ничего не вернёшь. Бедный Шумахер катается на своих болидах под восторги всего человечества, законно зарабатывает большие деньги, потому что в него влюблены миллионы любителей спорта, потом на отдыхе становится на лыжи и никак не может встать после этих лыж. Вот ни с того, ни с сего, на ровном месте... Ходил по краю всё время человек, смотрел смерти в глаза, наверное, очень много раз, потому что, по сути, спорт-то такой, на грани. Потом просто решил на отдыхе на лыжах покататься, и всё. Это только известные люди, мы о них можем говорить, потому что они известны. А ведь такое происходит постоянно с теми, которых никто не знает, они только Одному Богу известны. «Вот вырву тебя за волосы из земли, как картошку за ботву, и никто не избавит». Т.е. псалом — предупреждение.

22 Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил, — и не будет избавляющего.

Последний стих напоминает нам о том, что Бога нужно хвалить.

23 Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я спасение Божие».

«Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня...» На рассвете нужно приучить себя хвалить Бога за сияние нового дня. На закате нужно хвалить Бога за погасание уходящего дня, как и поётся на самом деле: «Свете тихий святые славы, Безсмертного Отца Небесного, Святого Блаженного Иисусе Христе. Пришедше на запад солнца, видевшие свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога». А утром: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» А ещё утром: «Благо есть исповедатися Господеву, и пети имени Твоему, Вышний: возвещати заутра милость Твою и истину Твою на всяку ночь...» Из всех молитв, может быть - первое, что стоит учить наизусть после «Отче наш» и «Богородице», это «Великое славословие»: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя великия ради славы Твоя». И там каждый раз есть меняющиеся прибавочки: «На всяк день благословлю Тя», «На всяку ночь благословлю Тя», «На всяк вечер благословлю Тя». В зависимости от того, когда ты читаешь это, там в конце говорят: «На всяку ночь благословлю Тя и восхваляю имя Твое во веки, и в век века». Вот: «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня...» Говорит: «Если Я отец, то где почтение ко Мне? И если Я царь, то где страх предо Мною?» Чтите Бога. Богочец — тот, кто хвалит Его, кто наблюдает за ногой своей, за путём своим. Т.е. смотрите, как опасно ходите. Куда идёшь? «Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет». Т.е. «Кто наблюдает за путём своим, тому явлю Я спасение Божие». Это псалом 49-й.

Теперь для домашнего задания. Берёте Библию на русском языке, а можно и на славянском — неважно, открываете 49-й псалом, прочитываете его внимательно, слово за словом, как прожёвываете, промалываете на мельнице своего ума, а потом сразу влёт, нераздельно, переходите к псалму, который вам хорошо известен — псалом 50-й. И читаете его уже совершенно с другим чувством: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей...» Псалмы ведь эстафету передают от одного к другому. А потом так же можете делать и с 90-м и 89-м: прочтёте 89-й, а потом сразу влёт заходите на вираж, на 90-й. Вам будет интересно читать псалмы, вам будет интересно молиться. Ваш ум, ваше сердце будет работать, ваша душа будет исполняться страха Божиего, ваша жизнь неизбежно будет меняться, вы будете двигаться от заезженных и накатанных путей к

путям новым и неизведанным. Вот таково моё сегодня к вам послание, братья и сестры, примите его от сердца к сердцу, потому что я ничего злого вам не хочу.

— *Христос Воскресе! Отец Андрей, Вы однажды сказали про богатство несправедливое, это «Приобретайте себе друзей богатством несправедливым» (Лк.16, 1-9). И потом, через два-три дня другой священник говорит: «Ну, нельзя же ведь в церковь приносить это богатство».*

— Из одной и той же ситуации может быть несколько выходов, и каждый из них может быть правильным. Если кто-нибудь скажет: «Вот это в церковь не несите, потому что оно с грехом заработано», — он может быть прав и за это получит благословение от Бога. Но есть и другие пути, если уж мы про это заговорили. Из истории епископа Нонна Гелиопольского: блудница, принеся к нему огромное количество нажитых блудом золотых вещей, жемчужин, дорогих одежд и украшений, спросила: «Куда мне это выбросить? Сжечь, что ли, это всё?» Он ответил: «Сжигать не надо. Пусть будет хорошо потрачено то, что плохо заработано». Плохо заработанное можно хорошо потратить. Поэтому и здесь тоже есть путь. Путь всегда несколько, может быть не всегда, но часто.

— *Здравствуйте, отец Андрей. Филиппа благословите, пожалуйста, именем Христовым. Дайте, пожалуйста, совет или напутствие. Мне тридцать лет, живу за рубежом, есть круг общения, человек двадцать — но все невоцерковлённые, неверующие. Когда приезжаю в Украину к родителям, иду в церковь, там ближайший по возрасту — лет на пятнадцать-двадцать старше. В посёлке живут пять тысяч человек, на службу ходят человек сорок, с ближайшими по возрасту разница десять-пятнадцать лет. И когда жена в жизненной оппозиции, и ты вроде себя чувствуешь православным, но ощущаешь, как у Селлинджера «над пропастью во ржи», «вечная весна в одиночной камере»... Тяжко, уже начинаешь унывать, когда не с кем пообщаться. Если можете, скажите пару слов в поддержку, спасибо.*

— Вы похожи на человека, сидящего в комфортабельной европейской тюрьме. Ясно, что наши тюрьмы и европейские очень разные, но тюрьма всё равно тюрьма. Можно оказаться в такой ситуации, где асфальт — как стекло, где тротуары моют шампунем, и в каждом аккуратном домике в окнах стоят горшки с цветами, все друг другу улыбаются, а всё равно — тюрьма. Вы находитесь в такой духовной тюрьме. Что нужно делать? Во-первых — надо спастись той техникой, которую придумали люди. Которая облегчает нам сумасшедшую жизнь в сумасшедшем доме — всеми музыкальными, информационными ресурсами, которые дают пищу вашей душе и дают вам отдохновение. Необязательно сидеть дома, можно ехать на велосипеде и слушать через наушники по радио какую-то приятную вещь. А вообще-то, ваша цель должна быть христианская вера, Иисус Христос. Господь должен быть для вас таким же необходимым, как вода для рыбы, но таким же, одновременно, и естественным. Чтобы вера ушла в ваше сердце так глубоко, так плотно осела на дно вашего сердца, чтобы Вы умели о Господе говорить, когда надо, но умели больше о Господе молчать. Потому что, чтобы вы жили Христом — говорить не с кем. Как у Тютчева написано: «Взрывая, возмутишь ключи, — Питайся ими — и молчи». Так бывает часто. В советское время была целая плеяда или целая когорта, скажем, тайных христиан. Были тайные монахини; монахи, которые работали в научных лабораториях, искусствоведами, архивариусами, преподавателями, лекции читали на кафедрах. О них никто и предположить не мог, что это люди глубокой молитвенной жизни, что Христос для них — цель жизни и главное сокровище. Они были интеллигентные, малоразговорчивые, приветливые, учтивые, но чувствовалось, что у них есть за душой особенное, чего нет у других, но чего никто не мог себе представить. Это могли быть скрипачи или пианисты, это могли быть такие, как пианистка Юдина, или философ,

профессор Лосев. Таких людей было много. Относительно, конечно, их всегда было мало, это сокровище, но, в принципе, их было не мало. И я думаю, что в этом целлулоидно-причёсанном обществе, в котором всё святое всем «до лампочки», нужно быть похожим на этих гигантов, этих последних могижан, на этих людей, у которых Христос живёт глубоко-глубоко в сердце. Они умеют молчать о Господе и не рассыпаться бисером перед людьми, не тратить лишние слова на лишние разговоры. Вам придётся к этому стремиться, как и всем христианам в цивилизованно-безбожном мире придётся стремиться к этому рано или поздно. Чем цивилизованнее и безбожнее будет мир, в котором нам предстоит жить или в котором мы уже живём - тем больше нам нужно будет уметь молчать о Христе и жить Христом. Т.е., пока можно говорить — нужно говорить. Подумайте над моим советом, дорогой брат, и Христос опустится глубже в ваше сердце, чтобы вы жили Им, а жена об этом не догадывалась.

— Христос Воскресе! Благословите, р.Б. Галина. Мой вопрос касается 50-го псалма, мы его каждый день читаем. Я недавно случайно прочитала у Феофилакта Болгарского про слова «яко да оправдишися во словесех Твоих». Я всю жизнь читала и думала, что это мы оправдаемся, а он пишет, что Бог хочет оправдаться за то, что Он Давиду разрешил совершить грех.

— Да ничего подобного нет. «Тебе Единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих, яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши...» — это значит: Ты оправдаешься в суде Твоём: я Тебе согрешил, и Ты будешь праведный в суде Твоём, Ты будешь праведный в приговоре Твоём. Т.е. «оправдишися во словесех Твоих». Если Ты войдешь со мною в суд, если Ты будешь меня судить, то на этом суде Ты оправдаешься в словесех Твоих, ибо я согрешил, я лукавое пред Тобою сотворил. Т.е. Ты будешь праведен в суде Твоём, и правда будет на Твоей стороне. Вот что означают эти слова. Когда мы будем судиться, и если мы будем судиться, Ты будешь прав, а неправда моя будет на мне. Я пред Тобою лукавое сотворил, а Ты — праведный. Не побрезгуйте почитать русский перевод, потому что множество вещей непонятно из-за перевода, из-за того, что мы же не мыслим по-церковнославянски, мы мыслим по-русски. А на русский язык Библия переведена святым человеком при Филарете Дроздове, были подняты огромные труды по переводу. Просто поинтересуйтесь смыслом непонятных слов, найдите параллельное место в русском переводе синодального библейского издания, и там многие вопросы снимутся.

— Отец Андрей, добрый вечер. Раб Божий Евгений, благословите. Из книги Бытие: «И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод...» Что за земля Нод? Про неё ничего не сказано. Откуда она взялась, как Каин мог в такой земле поселиться?

— В свете духовного размышления, которое нам даровано Новым Заветом, мы понимаем, что Каин отвернул своё сердце от Господа. Потому что, чтобы от Господа уйти, не нужно никуда уходить. Перемещение в пространстве не вменяется в обязанность человеку, который уходит от Господа. Он может сидеть на месте и отвернуться от Лица Господня. Вот Каин отвернул своё лицо от Лица Господня и пошёл в противоположную сторону, как блудный сын. От Бога же никуда не убежишь, и блудный сын мог никуда не ходить, он мог на месте всеми грехами разбогатеть. А что касается земли Нод, то нужно иметь справочную литературу, нужно поинтересоваться переводом. Я уверен, что там символический, какой-то очень многозначительный перевод, что означает эта земля. Скажем, — я фантазирую сейчас на ходу, я не знаю точно, что значит, — например, опустошение или сухость или безводность. Эта земля должна символизировать нечто, ибо Каин ушёл от Бога не ногами, а сердцем, и поселился в некой земле, и стал возделывать её и строить свою цивилизацию. Стоит взять библейский словарь топонимов, раз есть жажда буквальных глубоких знаний, и поинтересоваться, что это за земля Нод, что означает

слово «Нод» в библейском оригинале на еврейском языке. Спасибо за вопрос, надо и мне этим поинтересоваться.

— *Благословите, батюшка. Христос Воскресе! Хотелось бы услышать ваше суждение: что такое «православный фанатизм»? Например, есть религиозный фанатизм. Есть ещё люди — фанаты, скажем, Владимира Высоцкого. Что бы это могло значить?*

— Я такого термина не слышал, честно говоря, но слово «фанатик» происходит от слова «танатос» — смертник — готовый умереть за свои идеи и убеждения. В каком-то смысле, наш мученик — он фанатик, он готов умереть. Такой термин в быту отсутствует, насколько мне известно, по крайней мере, я его пока не встречал, но если вдруг кто-то будет этим термином оперировать, то, я думаю, у него может быть два смысла. Первое: это человек, который исповедует православную веру и, например, стремится к тому, чтобы в окружающей жизни восторжествовала некая реальность, которую он считает единственно правильной. И за это он готов воевать, ругаться, может быть драться, и может умереть. Во втором смысле: это человек, который имеет свои православные убеждения и готов исповедовать их, даже если ему угрожает смертельная опасность. В этом смысле он уже не фанатик даже, это будет «мартирос» — свидетель. Так бы я ответил.

— *Вопрос в связи с сегодняшним прочтением псалма 49, о том, что желательно хвалить Бога словами, а не приносить какие-то жертвы кровавые и прочее. Вот Каин принёс пшеницу, а Авель — кровавую жертву. Непонятно: Авель убил животное...*

— Я понял ваш вопрос. Вы просто отматываете историю в другую сторону и пытаетесь смотреть на историю Каина и Авеля с точки зрения морали, которая высказана при Давиде. На многотысячелетнюю седую древность вы смотрите глазами Псалмопевца, да ещё и в новозаветном понимании. Так нельзя. Вот уже только к моменту царя Давида люди начали понимать потихоньку, — а если бы они не начали понимать, Бог бы не подтвердил это Своим откровением, — что жертва — это ещё не всё. То, что жертва нужна, она хороша, она Богом приказана для принесения — это не обсуждалось. Но они понимали, что этого ещё мало, что сердце чистое, уста благодарные, мысли светлые — это более всего нужно. Вы сейчас пытаетесь на основании 49-го псалма оценить поведение первых сыновей Адама и Евы, таким образом, навязывая им ту мораль, которой у них ещё быть не могло. Это методологическая ошибка, так нельзя размышлять. Нельзя, например, с точки зрения Евангелия оценивать поведение Давида. Он был многожёнec, много раз убивал людей, но он был пророком, он был милостивым человеком. Был справедливый, милостивый, набожный, молящийся, имел открытое сердце к принятию пророчеств. С точки зрения Евангелия — он жуткий грешник, с точки зрения старозаветной морали — он праведный царь. Поэтому здесь не мешайте одно с другим. Я надеюсь, что вы поняли, о чём я говорю. А что касается ещё одного, то в отношении Каина и Авеля вопрос принятия и непринятия жертвы вообще никак не относится к тому, кто что приносил. Если бы Каин тоже приносил ягнят, то его жертва тоже была бы не принята. Если бы Авель приносил вместо Каина сноп пшеницы или ячменя, он был бы так же принят, как был принят изначально. Почему? Златоуст говорит, что призрел Господь на Авеля и дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Златоуст отмечает: смотри, возлюбленный, Авеля ставит сначала, а потом жертву: призрел на Авеля, потом на жертву. Бог смотрел не на приносимое, а на сердце приносящего, и сердце Авеля было мило Богу, Он принял от его рук, от его сердца это ягня, которое символически означало будущую Христову жертву. А на Каина и на жертву его не призрел. Как бы ни был ячмень хорош, как бы ни было лучше

сжигать в честь Бога колосья, а не резать глотку живому животному, сердце Каина было такое, что что бы он в жертву ни принёс, — хоть золотые горы, хоть тонну фимиама, — эта жертва Богу была бы неприятна, потому что сердце приносящего Ему не угодно. Вот о чём идёт речь. Но в целом, вопрос важный. Я думаю, что кто-то из слушающих нас, узрит для себя какую-то полезную мысль.

Христос Воскресе! — «Воистину Воскресе!» — сказали вы, и душа моя это услышала. До следующих встреч

Средневековый человек

«Я смешной человек» или «я — человек из подполья» — так зачастую высказывался о себе герой Достоевского, представляясь читателю. Заставляя своего героя говорить о вещах скрытых, но важных, Достоевский обращался его языком к тому читающему обывателю, который никак не считал себя «смешным» или же сидящим в подполе. Читающий Достоевского человек в личной самооценке, скорее всего, был серьезен и солиден. И сидел он за столом в гостиной или в присутственном месте среди важных бумаг, а не в подвале. Но, вчитываясь в плотный предлагаемый текст, он должен был на некоем этапе с удивлением найти между собою — солидным человеком — и человеком из подполья родственные черты. Он должен был понять, что и он тоже — «смешной человек», хотя на пальце у него перстень, крахмальный воротничок сдавливает двойной его подбородок, а за столом ему прислуживает горничная. И пусть он даже студент, мечтающий о всемирном счастье; пусть он банкир, грезящий о собирании всех богатств себе подмышку, он всё равно должен был почувствовать: «я смешной человек».

А я вот средневековый человек. Как вам такая фраза? Находите ли вы родство с ней? Вы, у которых в кармане iPhone, на столе компьютер, а во дворе — японский автомобиль? «Нет, — скажет Некто. — Я человек модерна и даже постмодерна». «Почему бы и нет? — возразит Иной. — Одно другому не мешает». Со вторым я согласен. Одно другому не мешает, господа. Не мешала же Королеву, отправлявшему ракеты с людьми на орбиту, маленькая монетка, которую он неизменно на запусках зажимал в кулаке и которая (как он верил) приносит счастье. Цивилизованные в электрическом свете, мы можем быть вполне доисторическими в ночной тьме. Но я не за бессознательное дикарство. Я за сознательный мир внутреннего человека. И в полной тьме, и в свете лампочки Эдисона можно сознательно носить в себе смыслы, чуждые эпохе за окном. Не модернистские и не постмодернистские смыслы. «Империя», «Средние века», «Страшный суд» — это ведь не пугалки и не ругательства. И если отшелушить ложные ассоциации от простых понятий, то мы, даст Бог, найдем вкус в оболганных именах и близость к немодным «трендам». Сейчас попробуем расшифровать «средневековый» термин.

Небеса для меня не мертвы. Они живы и дышат. Они внемяют голосам, раздающимся с земли. Оттуда — с Небес — приходит заслуженная кара и щедрое благословение. Самолеты, летающие по небесам, на дело не влияют, поскольку летают вовсе не по тем небесам, откуда приходят кары и благословения.

Ад для меня — реальность. Ему мало места в тех областях, где его заключили, — неважно, где они топографически. Ад обнаглел и хочет выйти из области снов и кошмаров в реальность, чтобы жить здесь и сейчас на правах действительности. Человек на земле хочет быть уже жителем Ада.

У Ада с Небом война. Ад хочет завоевать Землю, чтобы доказать Небу свою силу, а буде карта ляжет — объявить Небу полномасштабную войну. Погибшие безвозвратно земляне

Адом в счет не берутся. Земные дела, прочитанные под этим углом зрения, дают изобильную пищу для размышлений.

Добро и зло существуют реально. Они перепутаны, как два борца, сплетшиеся в схватке, но они реальны. Иногда зло красится «под добро», а добро так бесцветно, что его не замечают. Но они всё равно реальны и до конца никогда не смешиваются.

Смерть есть факт, но ею ничего не оканчивается. Она не самостоятельна и служит Богу, как и вообще всё служит Богу в средневековом понимании. Загробный мир реален не менее, чем мир «предгробный». Все миры не замкнуты, но взаимопроникают друг в друга и общаются.

Словно центр в круге, царствует в мире Бог. Все, кто служат Ему, приближаются к центру и одновременно – друг к другу. Все, кто удаляются от Него, улетают на периферию и далее, под действием силы центробежной, – вон из круга во тьму кромешную, идеже «плач и скрежет зубов».

Вот вам очень краткий перечень средневековых мыслей, могущих жить в человеке независимо от наличия или отсутствия у него в кармане iPhone, а во дворе – японского автомобиля. Да, чуть не забыл. Средневековый человек верит (знает, чувствует), что вся земная реальность подобна комедии (комедия не потому, что очень смешно, а потому, что в конце хорошо закончится) и вся эта комедия однажды придет к концу. Маски будут сорваны, грязь смыта, преступники пойманы. Зерно отделится от плевел, и средневековый человек очень не хочет улететь далече вместе с плевелами, уносимыми ветром, но хочет быть пшеницей, собранной в Небесную Житницу.

Изложенные мысли не есть модерн, ни постмодерн, для которых смысла нет, красота относительна, истина иллюзорна и мораль корыстна. Модерн – это мировоззрение самоубийцы, а постмодерн – жизнь после жизни. А то, что скупое изложено выше, – средневековые мысли в их классическом понимании, которыми можно жить, пользуясь со спокойной совестью при этом ватерклозетом и летая на самолете в отпуск. Они – эти мысли – изложены поверхностно, так, как в хрестоматии пересказывается «Война и мир». Но, надеюсь, мы не совали.

Мое предложение заключается в том, чтобы пользоваться современным миром, как мебелью в гостинице, не отвергать предлагаемые им холодильники и бигуди, но в глубине сердца жить простыми средневековыми смыслами. Средневековые люди, поверьте, не скучные. Среди них есть, к примеру, Гоголь и Паскаль. Всё великое и красивое, чем можно гордиться, чем – к слову – и гордится человечество, задумалось и вымолилось именно в средневековых кельях и мастерских. Средневековое мировоззрение делает человека многомерным, загадочным и нравственно ответственным, тогда как современные мировоззрения делают его сыном случая или обезьяны, жилищем глистов и наконец – пищей червей. По пути из роддома в могилу современные мировоззрения развязывают руки «случайному человеку» и толкают его на всё что угодно, зане (шепчут они) отвечать за прожитое некому.

«Я средневековый человек». Это звучит не смешно и не запоздало. Если вдуматься, то это звучит более гордо, чем глупый писк: я современный человек. Раз я живу в этом времени, то я по необходимости «современный человек». О чем тут спорить, и где здесь заслуга? Но выбор смыслов и нравственных приоритетов остается за мной, и в этом выборе я вовсе не хочу быть современным человеком. У меня есть варианты получше. Как вполне современный человек, я недавно приехал на метро к Боровицким воротам, постоял в

современной очереди и совершенно современно за билет расплатился карточкой. Но как совершенно средневековый уже человек, я вошел в Кремль и молился у царского места, у гроба Ермакова и ходил среди княжеских гробов в Архангельском. Всё в храмах Кремля мне было близко как современнику их полнокровной жизни. Так, собственно, я стремлюсь поступать всегда: не спорю с действительностью, которая мигает рекламой и одевает меня в синтетику, но стараюсь думать и говорить исходя из того, что (смотри выше): Рай и Ад – реальности; за гробом продолжается жизнь; миры взаимопроникают и соперничают; Бог царствует нам миром полновластно и утаенно. Утаенно, то есть не для всех явно, ради нашей веры в Него. Праведный верую жив будет.

Средневековый судья боится Небесного Судьи; у средневекового воина есть и земная Родина, и Небесное Царство; средневековый праздник поистине весел, а средневековый пост поистине строг. Каковы современные судьи, воины, праздники и посты, вы сами знаете. Знайте же еще и то, что взяточниками и разбойниками, развратниками и лицемерами людей делают мировоззрения, формирующие внутреннего человека. Ну а уже сами мировоззрения умные и сильные люди выбирают самостоятельно, слабые же и недалекие впитывают некритично, как рекламу.

К сильным и умным обращена эта «смешная речь из подполья». Как Левша, просивший передать государю, что англичанин кирпичом ружья не чистит, и я прошу передать современникам: «Не ешьте “Whiskas”».

Революция в уме

Есть единственная революция, которую я приму и благословлю; революция, о которой я порадуюсь. Это революция в сознании. Причем не всякая революция, но евангельская. Евангельская революция в сознании! Что это? Это выравнивание смыслов и помыслов во внутренней сокровищнице человеческого сердца. То, что достойно быть первым, поставляется на первое место, второе – на второе и так далее. Это очень нужно, поскольку обычно у человека голова в хвосте и ноги из ушей растут, отчего вся жизнь неизбежно путается и безнадежно смешивается.

Мужчину Бог создал первым, жену – второй. Истина прописная, но важно приучить себя делать практические выводы из прописных истин. Иначе истина рискует стать голой теорией, никак не влияющей на жизнь. Так не влияет на нашу жизнь и нравственность знание километров, отделяющих Луну от Земли. Извольте еще пример.

Мы, священники, за месяц или тем паче за год прочитываем центнеры записок с именами и просьбами помолиться. Обычное дело – записка с просьбой о семейном благополучии. «О мире и согласии в семье (имярек)». И обычное дело прочесть в такой записке имена супругов, стоящих в следующем порядке: Татианы и Сергея; Марии и Петра; Елены и Георгия... О Господи Иисусе! Да почему же женское имя сплошь и рядом стоит перед мужским, словно бы главное? Ведь не Адам от жены, но жена от Адама. И вы можете сказать: да не цепляйтесь вы к мелочам. Но эта кажущаяся мелочь – порядок имен – обнажает и делает явной застарелую болезнь сознания. Смеем сказать на этом примере, что сознание наших прихожан оказывается то ли феминизированным, то ли обезбоженным. То, что Адам был прежде Евы, они помнят, но выводов далее не делают и пишут Марфу прежде Спиридона.

Братья и сестры! Телега не должна стоять впереди лошади, если мы ехать хотим, а не просто стоять на месте. «Сергей» и в жизни, и в записке должен стоять перед «Еленой», а не позади нее. Таковы же отношения между Иваном и Марией, Петром и Наталией. Не надо отговариваться тем, что «мужик нынче не тот» и прочее. Он потому и не тот, что всю жизнь живет под мамкиной юбкой и позади женских плеч. Он и не женится зачастую потому, что на мамину пенсию у него всегда будет дома горячий суп и рубашка будет выстирана старческими руками той же матери. Мать в этом случае просто – спонсор бездельника и инфантила, но попробуй это докажи. И если даже церковные люди не поймут этого и не сделают жизненных выводов, то чего спрашивать от людей, для которых Библия – всего лишь литературный памятник.

Мужчина везде должен быть впереди. Так Бог приказал. На мужчине должна лежать основная тяжесть внешней жизни, тогда как на женщину ложится тяжесть внутренняя, семейная. Можно сказать, что муж пахнет ветром (он трудится на внешних рубежах), а жена – очагом (на ней забота о доме). И поскольку мужчину не только рожают, но и буквально «делают» женщины, то женщины должны добровольно отказаться от борьбы за первенство и без борьбы отдать его мужчине. Мало того – женщина должна (ради личного

счастья даже) всячески помогать воспитывать в муже, сыне и брате качества лидера, главы, ответственного и терпеливого человека. Эта элементарщина очень малому числу людей понятна, от чего сердце болит буквально.

Вот картинка из быта. За стол садится верующая семья, состоящая из молодого мужчины, его жены, матери жены и маленького ребенка. Теща разливает первое блюдо по тарелкам и первую тарелку дает самому маленькому! Муж, глава семьи, говорит теще: «Мама, первую тарелку – мне. Не потому, что я самый лучший и самый хороший. Просто я – глава этой семьи и единственный здесь взрослый мужчина. Первую тарелку, мама, мне! Вторую – вам, потом – вашей дочери, а только потом – ребенку».

Это совершенно правильные слова, рожденные библейским сознанием верующей души. Но знаете, какой была реакция тещи? Догадываетесь, небось. Было много вздохов и искренних недоумений, за фасадом которых читается: «Дети – это же наши боги, это наши домашние идолы, ради них живем». А зятья – это «мужланы и грубияны, гордецы и самодуры». «Чего это я должна ему служить и его слушаться?» И они ведь, женщины эти, так и дочерей своих учат: будь самостоятельна, мужу слишком не угождай и проч. Сами брошенные мужьями или ушедшие от мужей, они учат дочерей самовольству и бытовому феминизму. А потом удивляются: почему это семья у дочери распалась? Да и потом, молясь уже о соединении распавшейся семьи, опять привычно пишут «свою Свету» перед тем Ваней, который «зять».

Не может человеческое сердце без боли воспринять библейскую истину, согласно которой только до брака своих детей мы, родители, – самые близкие к ним люди. После женитьбы сына и замужества дочери вступает в силу Божье слово: «Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и будут одна плоть» (Быт. 2: 24). А мать и отец хотят и после заключения детьми брака оставаться на первых ролях, споря по сути с Богом и незаконно вмешиваясь в жизнь повзрослевших детей.

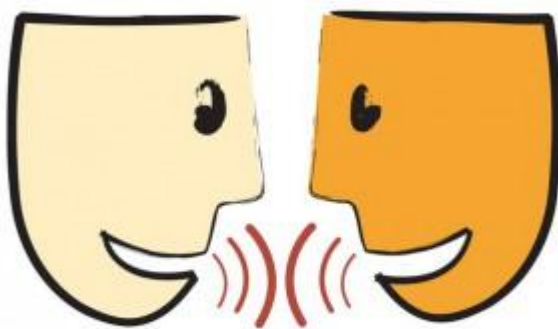
Рассказывая эту историю о неправильно мыслящей теще, которая, кстати, в церковь ходит, и зяте, говорящем правильные, но непривычные слова, я видел недавно в одной аудитории морщившихся женщин. Они слушали внимательно и кривили лица. Морщились они невольно, как от зубной боли. Видно было, как скребли их по высокомерному сердцу неожиданные и простые слова обычной истории. Видно было, что они сами давно и самочинно поставили себя на главное место в своих семьях, привыкли командовать и распоряжаться, привыкли то криком, то слезами добиваться своего. Это были хорошие и обычные церковные люди.

Спрошу вас и себя: если ребенок – главная ценность и если женщина всем управляет и командует, то где место мужу? Какое место ему отведете взамен прежнего и естественного – господственного? Неужели он создан, чтобы биологически осчастливливать дочерей, делая их матерями; дарить женам постельные радости и зарабатывать деньги (желательно большие), а в остальном стоять сбоку молча? Всё что ли? И неужели мамами наученные и женскими журналами наставленные, именно об этом «счастье» подсознательно мечтают и молятся тысячи девушек, желающих выйти замуж? «Кормит, любит, одевает, балует, ласкает, ни в чем не перечит, ибо я – хозяйка». Это, девушки, мечта не о реальном муже, но о Коте в сапогах, который пушист, ласков и по совместительству – чудотворец. С такой мечтой о браке придется остаться незамужней или в отчаянии выйти в конце концов за стареющего вдовца. Чтобы так не случилось, нужно в мечты о браке (мечты неизбежные, естественные и греха в себе не несущие) допустить библейскую идею служения, добровольного смирения и невидимой роли. Желай стать тенью мужа, желай стать ребром его и водвориться на естественное место –

ближе к сердцу его и под покров плоти. Желай отдать себя ему, чтобы потом раствориться в материнстве. Тогда будущее счастье из разряда невозможного переходит в разряд возможного, хотя и необязательного.

У меня нет иллюзий о качестве нашей повседневной жизни. И я готов выслушивать справедливые рассказы о том, каковы нынче мужчины и что им «только одного надо» и проч. Но мне в то же время понятно, что вся запутанность жизни есть плод запутанности ума и что в уме нужно провести евангельскую революцию. Стоит только с краешку подобраться к библейским смыслам и постараться сделать из них практические выводы, как тут же бытовое сознание наше начинает бунтовать и нервничать. Бунт этот есть обличение тайного нашего, подкожного безбожия. Приведенный пример – не единственный. Он просто на памяти и на слуху, как самый свежий. И мы существенно нуждаемся в перемене ума, в том тяжелом и медленном труде по переустройству внутреннего человека, чтобы нам понятными стали слова апостола: «Мы имеем ум Христов» (1 Кор. 2: 16).

Необходимость общения

Христиане должны общаться. Времена таковы, что скажи банальность, и прослышешь пророком, настолько естественное стало непонятным. Мужья не разговаривают с женами и жены – с мужьями. Некогда. Да и не о чем (как ни жутко звучит). Дети и родители не делятся новостями. Священники редко говорят между собой на темы молитвы, служения, заповедей. И в этом царстве увеличивающегося взаимного отчуждения и погружения в ненужность стоит сказать банальность, как она загремит громом среди ясного неба. Нужно общаться. Но общаться не в смысле «трепать языками», или «болтать о том – о сем». И не в смысле «мыть кости отсутствующему ближнему». Общаться так, как написал Павел евреям: «Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и к добрым делам. Не будем оставлять собрания своего, как у некоторых есть обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете наступление дня оного» (Евр.10:24-25)

Вы усматриваете наступление оного дня? Я хоть и слеп, как крот, но усматриваю. Особенно если перечитаю посмертные вещания Нила Мироточивого. Тот говорит, что сребролюбие – есть предтеча Антихриста. Сребролюбие это дух, тонко разливающийся и проникающий глубоко в помыслы, а проникнув, формирующий мировоззрение и весь

образ жизни. Нет сомнения, что такая анти-духовная работа кропотливо делается, спорится во множестве душ. Ее не видно по причине грубой завесы плоти, но она обнаруживает себя по разговорам и поведению. Бояться электронных печатей просто глупо в ситуации, когда в духе печати ставятся ежедневно, а мы бесчувственны к этому. Простота быта, бескорыстие, умение отдавать и делиться – вот дети противоположного сребролюбию духа. Пока эти качества есть – можно жить. Если же исчезнут, то хлеб станет не вкусен, и вода перестанет утолять жажду.

Итак, день оный приближается, и стоит увещевать друг друга, поощряя к любви и добрым делам. А что еще видно? Видно, что мы – люди – стали хлопотны и беспокойны, как падшие духи. Те покоя не имеют, и у нас смятение внутри и беготня снаружи. И не суета мешает нам жить, а мы сами погружаемся в суету, чтобы не слышать голоса совести. Суетой спасаемся, как ни абсурдно это звучит. «Спасаемся» от единого на потребу. И нужна суета грешнику, как холодный рассол наутро тому, кто вчера забыл меру в застолье. Ради суеты людской стихии напряглись, говорит преподобный Нил, и год бежит, словно месяц. Месяц бежит словно неделя; неделя, как день, а день, как час. Вы это видите? Видите. Даже не сомневаюсь. Ускорение времен всем заметно. Следовательно, необходимо усматривать наступление одного дня и увещевать друг друга.

Еще говорит Нил, что зависть есть печать Антихриста на сердце человека. Зависть глупцов наводняет площади мятежными толпами. Холодная зависть отпетых негодяев руководит глупой завистью «демократических» толп. И вот: «Там целая страна/ Наводнена/Убийствами и мятежами/пожарами и грабежами» (Крылов. Сочинитель и разбойник) Этот пожар безумия назван «пиршеством свободы». Его хотят щедро распространять, как и бессовестный сифилитик не стыдится делиться болезнью со здоровыми людьми посредством блуда. И если к вам придут глашатаи бесовской «правды и справедливости», придут, чтоб разжечь в вас зависть и недовольство, то знайте – в случае согласия с проповедниками вы тотчас окажетесь в расстрельных списках. Бесы не любят тех, кто им поддается. Они их используют, презирая. Перед наступлением одного дня безумие зависти и недовольства, быть может, охватит целые континенты, но уже и сегодня и вчера звучали и звучат голоса: «Хочу вот это, как у него», «Почему у них есть, а у нас нету» и прочее. Следует, поэтому, остужать друг друга словами истины и здравого смысла.

Но о чем нам говорить, сходясь и собираясь? Попробуйте говорить о Господе. «У каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование – все сие да будет к назиданию» (1 Кор. 14:26) Попробуйте научиться говорить о Господе, не фальшивя, и не съезжая в сентиментальность. Ведь какой-то опыт духовный есть у вас! Не может не быть, если вы христиане. Им и делитесь с осторожностью, подбирая слова. Вот Серафимы в видении Исайи боятся Господа и покрывают крылами лица и ноги. (См. Ис. 6:1-7) Но они любят Его и им сладко говорить о Нем. Поэтому Серафимы взывают друг ко другу: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его». Видите – они не даже не Богу поют, но «взывают друг ко другу», то есть говорят один другому о Господе. Так нужно поступать и людям. Покажите мне людей, говорящих об истине, и я скажу вам, что в день страха и гибели они будут укрыты Тем, о Ком беседовали со страхом во время мира.

«Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему» (Еф. 4:25) Говорить ложь не значит обязательно только лишь расхваливать залежалый товар или с корыстной целью подставлять ближнего под беду. Говорить ложь означает хвалить мнимые ценности: возвеличивать хитрость, превозносить грубую силу, воспевать безнаказанный разврат, поклоняться деньгам и успеху. Все это и многое другое –

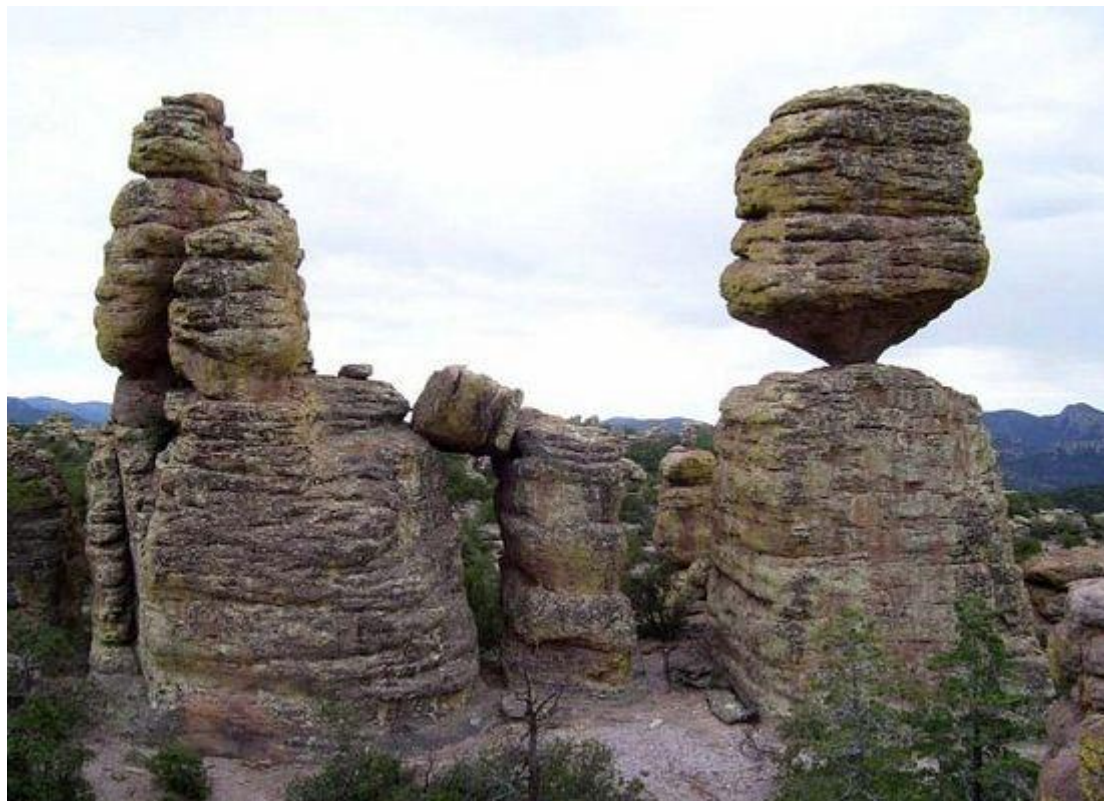
подлинная ложь, в которой плавает человечество, словно рыба в соленой воде. Говорящие о мнимом и ускользающем лгут друг другу, убеждая себя в силе того, что обречено огню, и в красоте того, что, по сути, безобразно. Поэтому говорит апостол: «отвергнув ложь, говорите истину». А не можешь говорить истину, не можешь прославить Бога без примеси фальши чистыми устами – молчи. Тоже – великое занятие, ценность которого многим из нас совершенно не известна.

Сменим же и мы разговор молчанием, и подумаем о том, что уже сказано.

Живая природа. Мертвый человек

Если бы у деревьев были органы речи – легкие, язык, губы, умение говорить, – какие первые слова сказало бы дерево? Его не носили во чреве и не кормили грудью. Тепла материнских рук и звуков материнского голоса дерево не знает. Слово «мама», как у многих людей, говорящим деревом не было бы произнесено первым. Так что бы оно сказало? Оно сказало бы: «Слава Тебе, Сотворившему всё! Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Оно и сейчас, дерево, – не имея ни языка, ни губ, но имея лишь ветви и листья – шумит ежедневно и ежечасно: «Слава Тебе, Сотворившему всё! Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Ветер дереву помогает. Как человек произносит членораздельные звуки при помощи выдыхаемого воздуха, так и деревья молятся с помощью ветра, движущего листья и перебирающего ветви. Вот почему хорошо молиться в лесу – там ты молишься не один. Вместе с тобой молится всё, что дышит, молится «всякое дыхание». А деревья именно дышат, больше всех дышат. Они – легкие планеты. Они дышат и по-своему молятся. Но если не молится человек, созданный, чтобы молиться, то дерево удивляется. Оно, качая ветвями, шепчет: «Мне бы твои уста, мне бы твой ум и язык. Я бы тогда молилось по-твоему, по-человечески». Так, еще прежде Страшного Суда, человека, который не славит Бога, шелестом ветвей своих ежедневно укоряют деревья.

Если бы был язык у камней, что бы сказали камни? «Слава Богу, создавшему всё!» – сказали бы камни. И даже если бы нужно было им растрескаться, чтобы это сказать, камни пошли бы на жертву ради осмысленных звуков. «Нас кладут иудеи на могилы вместо цветов; из нас можно строить жилища и храмы. Одним из нас, метко пущенным из пращи, Давид однажды поразил Голиафа. Благодарим Тебя, Боже, за всю ту честь, которой Ты нас почтил», – еще сказали бы они. Человек может быть камнем, а камень может заменить человека. Об этом говорит Писание. «Не думайте говорить в себе: „отец у нас Авраам“, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3: 9). Так обращался Предтеча к лукавым людям, приходившим послушать покаянную проповедь. И когда в день входа в Иерусалим Христос приблизился к подножию горы Елеонской, множество учеников стало славить Его в выражениях, подходящих одному только Мессии. Фарисеи тогда сказали Христу, чтобы повелел ученикам замолчать. А Он ответил: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19: 40). Так камень способен заменить собою человека с замершими на молитву устами и отвердевшим сердцем. Камни знают об этом и ждут: не дастся ли им уже благодать членораздельно прославить Бога? Еще сегодня мы ногами отбрасываем их с дороги, но завтра, если мы совсем перестанем молиться, камень скажет: «Не тронь меня. Ты забыл Творца и не славил Его. Достоинство твое отошло ко мне».

Птица села на подоконник у меня за окном и вертит быстрой своей головкой, как будто зовет обратить на себя внимание. Что бы сказала она, когда бы умела изъясняться по-нашему? «Я одна из певчих лесного хора. Каждое утро мы с сестрицами встречаем восход солнца совместной молитвой. Мы с сестрицами поем Тому, Кто создал солнце. Поем без регента и без нот. Но так весело-весело поем. Пусть наши птичьи мозги понимают немного, но это они понимают. Бога нужно прославить пением. Пением. Пением нужно прославить Бога. А ты? А ты почему не молишься? Почему? Почему ты не молишься? Почему?» Так она вертит головкой туда и сюда, то одним, то другим черным глазком косясь на меня через окно. И камни на улице, и деревья ближайшего сквера согласны с ее словами. Потом она улетает, а слова ее не оставляют меня. И ночью, подходя к окну, я слышу, как звезды шепчут: «Мы – лампы. Это наше небесное послушание. Мы мерцаем в ответ на ночные молитвы».

То, что нам кажется мертвым, живет. Сами себе мы кажемся живыми, но об этом можно поспорить. «Человек создал меня, — говорит мне стул, — и я с радостью служу человеку. Так же делают стол, и чашка, и ваза. Но ты, человек, не служишь Тому, Кто создал тебя, и нам всем за тебя стыдно». Среди стыдящихся стульев, говорящих камней и молящихся деревьев живет человек. Иногда он подлинно мертв, хотя бреется перед зеркалом, напевая шлягер, зашнуровывает ботинки и слушает по радио новости. И он не считает камни живыми до тех пор, пока не вынужден будет к ним обратиться, как к людям. То есть пока не закричит человек «горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?» (Откр. 6: 16–17).

Крику этому суждено раздаться, как говорит Откровение, после снятия шестой печати.

Радио Радонеж. «Лазарева суббота». Ответы на вопросы радиослушателей

Здравствуйте, братья и сестры. В прямом эфире протоиерей Андрей Ткачёв.

Наша тема заявлена днём сегодняшним: это суббота Лазарева — воскрешение Иисусом Христом Лазаря. Мы почитаем Евангелие от Иоанна, 11-ю и 12-ю главы, ну и попытаемся связать их с некоторыми словами, сказанными Христом заранее.

Итак, Лазарь был болен. Христос знал его болезни, не спешил его исцелять, не спешил туда, где он болел. И потом, когда уже знал, что Лазарь умер, Господь Христос говорит ученикам Своим: «Друг наш уснул, Я иду разбудить его». Ученики говорят: «Господи, если уснул, то выздоровеет». Иисус говорил о смерти его, а они думали, что об обыкновенном сне. Христос намеренно медлит на месте, поскольку прежние воскресения, которые Он совершил, были совершены в тот же день, когда человек умер. Сын наинской вдовицы был воскрешён в день погребения, а день погребения у евреев — это день смерти. Его несли уже на погребение, — он сегодня умер, сегодня его и хоронят, — Христос поспешил туда, остановил процессию, сказал: «Юноша, тебе говорю: встань».

Так же и дочка начальника синагоги Иаира: она только что умерла, Христос пришёл и говорит: «Девушка не умерла, но спит». Все ругались на Него, усмехались, зная, что она умерла, но Он взял её за руку и сказал: «Девушка, тебе говорю: встань (Талифа-куми)». Она поднимается. Здесь же Христос намеренно делает большую паузу для того, чтобы прийти к четверодневному мёртвому человеку, чтобы доказать Свою власть над смертью не только в день смерти, но и потом, когда уже смерть разъедает человека. В этом смысле уместно будет вспомнить тропарь Праздника: «Общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже. Тем же и мы, яко отроцы, победы знамения носяще, Тебе, Победителю смерти, вопием: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!» Христос возвещает общее воскресение прежде Своей смерти, Он показывает до Своей собственной смерти, что может воскресить человека, которого уже разъедает гниль, поедает тление. Он вместе с учениками идёт в Вифанию, причём это было опасное путешествие, потому что иудеи хотели Его убить. И Фома, решаясь идти с Христом, говорит: «Пойдём и мы умрём с Ним». Мы в прошлый раз говорили о том, что это касается не Лазаря, а Христа, потому что евреи много раз хватались за камни, чтобы убить Христа. Вифания была недалеко от Иерусалима, стадиях в пятнадцати. Это примерно три километра, если за стадий брать греческий стадий. Многие из иудеев пришли к Марии и Марфе, утешать их в печали по брату их. Вспоминаем Евангелие о пребывании Христа в доме Марфы и Марии: Марфа занимается хозяйством и готовит угощение Иисусу, а Мария, младшая сестра, при ногах сидит и слушает слово Его. И там диалог такой, что Марфа обижается на Марию. Христос говорит, что Мария благовую часть избрала, это не отнимется от неё, а ты «печешься и молвиши о мнозе». Первой к гробу своего брата пришла Марфа, по дороге к гробу повстречала Христа и говорит Иисусу: «Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». Заметим эти слова, потому что мы потом ещё раз их прочитаем, уже сказанные Марией.

21 ...Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

22 Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог.

Они между собою, над мёртвым сидя, и потом похоронив его, совещались, — а Христос был у них гостем; знали, что слова жизни исходят из уст Его; знали, сколько Он больных исцелил, сколько совершил разных знамений и чудес; думали, что если был бы здесь Господь наш Иисус, то конечно бы наш брат жил.

22 Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог.

23 Иисус говорит ей: воскреснет брат твой.

24 Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день.

Заметьте себе эти слова, потому что общая вера иудеев, равно как и всех христиан, равно как, кстати, и всех мусульман — это то, что будет Судный День — День стояния, так называемый, или Великий День Суда, — в разных традициях он по-разному называется, — когда мёртвые поднимутся из гробов, станут перед Господом своим и будут держать ответ за прожитую жизнь, за помыслы, дела и слова. Мы, христиане, веруем в это, веруют в это также и все авраамические религии. Но в чём разница между нами и ими? Разница в том, что дальше пишется:

25 Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь...

Т.е. мы знаем, Кто воскресит мёртвых — Христос; мы знаем, Кто будет судить мёртвых — Христос; мы знаем о том, Кто Судья и Кто Воскреситель. Вот в этом очень большая разница.

25 ...Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет.

Умрёт, но оживёт.

26 И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек...

Это Он и раньше говорил в Своих беседах с учениками и множеством слушающих Его, что верующий в Него на Суд не придёт, но перейдёт от смерти в жизнь. Это учение Иисуса Христа о некоем воскресении до смерти: что тело ещё не умерло, а душа уже должна ожить для вечной жизни. Т.е. «Всякий, верующий в Меня, не умрёт, но будет иметь жизнь вечную».

26 ...Веришь ли сему?

27 Она говорит Ему: так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.

После этого Марфа зовёт Марию, сестру свою, передавая ей через неких посланных, что Учитель здесь и зовёт её. Мария находится дома, плачет, вокруг неё много иудеев, тоже плачущих. Она слышит, что Христос пришёл, что Учитель здесь и зовёт её, она поспешно встает и бежит к Нему. А Христос находится на границе селения, куда Он подошёл, но ещё до гроба не дошёл. И иудеи, которые пришли плакать с ней вместе, поднимаются и бегут за ней тоже, бегут туда, куда бежит она, а она бежит к Иисусу, к Учителю, который зовёт её.

32 Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

Мария, точь-в-точь, слово в слово, повторяет слова, которые Марфа раньше сказала: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой». И та, и та, говорят одно и то же. Очевидно, они между собою, сёстры родные, потерявши брата, согласились и сказали друг другу эту фразу: «Ты знаешь, — сказала одна другой, — если бы был здесь Господь наш и Учитель Иисус, то не умер бы брат наш. Скольких Он поднял, скольких исцелил». И они, не сговариваясь, повторяют одну и ту же фразу: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой».

33 Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмущился

Множество чувств теснились в сердце Господа Иисуса Христа, Он Сам знал, что идёт умирать, скоро Ему придётся умирать. Он знал, что совершается написанное, что Он идёт по написанному. Потом, Он видел на сколько грех опозорил человека, — Он-то Сам в Себе греха не имеет, — на сколько грех мучает человека, в гроб сводит его, терзает его, позорит и смердеть заставляет. И Ему было больно видеть плачущих людей и эту толпу скорбящую, и Он восскорбел духом и возмущился.

34 и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! пойд и посмотри.

35 Иисус прослезился.

Это, пожалуй, единственное открытое текстовое упоминание о том, что Христос плакал нашими слезами. Есть ещё Гефсиманская молитва со слезами до кровавого пота, есть ещё многие слова о Его гневе или негодовании, удивлении, — Он удивлялся, негодовал, смотрел с гневом, — и Его эмоции нам Евангелие скупое, но передаёт. Вот такое открытое упоминание — единственное.

36 Тогда Иудеи говорили: смотри, как Он любил его.

37 А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?

38 Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней.

39 Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе.

Вот этот трупный смрад — кошмарный. Обонять ноздрями своими вонь от тела человека, близкого тебе и любимого — это труднопереносимо. Вообще, трупный смрад — это мистика, это не просто запах, это запах смерти.

40 Иисус говорит ей: не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?

41 Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня.

42 Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.

Здесь, дорогие христиане, заметьте себе, был некий внутренний диалог Иисуса Христа с Отцом, в ответ на который Отец сказал, что всё, что Сын попросит, Он сделает. И только после этого — а этого мы не слышим и не видим, это как Моисей молча молится Богу, а Отец с неба говорит: «Что ты вопишь ко Мне?» — Иисус возводит очи к небу и молится, а потом говорит вслух: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня». Очевидно, была молитва о воскрешении Лазаря, было некое сердечное собеседование с Отцом о том, что должно сейчас быть, а только после этого вслух говорится: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня». Сын и Отец — Одно, Они делают вместе то, что делают.

42 Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня.

Вслух сказанные слова — это печать некоего внутреннего тайного собеседования с Отцом.

43 Сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон.

44 И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком...

Тут мы вернёмся немножко раньше, в 5-ю главу Евангелия, где Христос говорит слово о будущем воскресении и, в частности, говорит следующее:

25 Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут.

«...Услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут». — Вот Лазарь услышал голос Сына Божия: «Лазарь! иди вон». Услышал и ожил. Христос заранее сказал об этом, и на Лазаре показал Свою силу. Дальше читаем 5-ю главу:

26 Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе.

27 И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий.

28 Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия;

29 и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения.

Итак, все услышат голос Сына Божия, все поднимутся из гробов, Господь всем скажет: «Выходите из гробов ваших». Как Иезекииль пишет, Господь через Иезекииля говорит: «Я выведу вас из гробов ваших». Вот мы видим на Лазаре, Кто же нас из гробов наших выведет — Иисус.

Вернёмся ещё раз к тропарию праздника: «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже». Речь идёт о всеобщем воскресении, но пока мест Христос всего лишь показывает Свою силу и говорит нам: «Вот Тот, Кто вас выведет — Я вас выведу из гробов ваших. Лазарь! иди вон». Это начаток умерших, начаток силы Господней, начаток славы Божией, начаток того, чтобы мы понимали, что во Христе есть воскресение, во Христе есть победа над смертью. До Своей собственной смерти Он говорит: «Я вас воскрешу». И когда убьют Его, Он воскреснет силою Своею, силою Отца и силою Своею, это сила одна и та же. У Них одна сила, одна премудрость, Одно Божество. Итак, 5-я глава здесь очень сильно сочетается с прочитанным, с тем, что Лазарь поднимается из гроба.

Кроме этого можно вспомнить о следующем. В начале мира Господь говорит: «Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле». И послушавши Господа, земля начала плодить из себя семена, траву, злаки, деревья и т.д. Какая связь между Лазарем, землёй и творением мира? Человек похож на зерно, и Бог есть Тот, Кто даёт зерну ожить в земле, когда зерно умирает. Т.е. колос роняет свои зёрна; из умершего, погибающего зерна вырастает ещё один колос: зерно даёт жизнь новым и новым колоскам и новым и новым зёрнам. И апостол Павел говорит, что как зерно, сеемое в землю, не есть тело будущего, но лишь зачаток будущего, и потом вырастает из него колос по роду своему, так и человек: сеется в немощи, восстанет в силе; сеется тело душевное, восстанется тело духовное. Павел сравнивает посев и жатву с воскресением мёртвых. И Тот Бог, Который мир сотворил и дал ему законы сеяния и жатвы, Тот же Бог поднимет людей из гробов их, как Он поднимает каждую весну зёрна из земли в виде колосьев. Это всё — дело Одного и Того же Бога, всё — Его премудрость, всё — Его власть, всё — Его сила. И вот Имя Его, Того, Кто творит это — Иисус Христос. «Лазарь! иди вон», — говорит Он,

и поднимается умерший. Господь говорит зерну: «Расти». — И растёт зерно, вырастает колос. Господь говорит мёртвому: «Поднимись». — И мёртвый поднимется. Господь всем скажет в конце времён: «Поднимайтесь из гробов ваших». — И все поднимутся. Как вышел Лазарь, вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком. Обвязывание покойника по иудейской традиции очень похоже на превращение человека в некое подобие куколки, в которую сворачивается гусеница, заползая на ветку. А потом, из этой куколки, заматанной как младенец спелёнутый, выпархивает бабочка. Это метаморфозис такой интересный, который говорит нам о том, что то, что ползает, будет летать: не красивое, мохнатое, ползучее — потом станет крылатым, пёстрым и порхающим. Господь превращает гусениц в бабочек, но прежде этого даёт гусенице свернуться клубком и превратиться в некое подобие спелёнутого ребёнка или связанного пеленами трупа, и из этого трупа потом выпархивает живое, крылатое, красивое существо. Это есть живой образ, живой символ. Так связывали и покойников, по рукам и ногам. И вот после возгласа Господа Иисуса Христа вышел умерший, к ужасу видящих его. А к этому времени возле гроба людей было много. Ну и там уже можно только додумывать, дофантазировать, что они почувствовали, что они в это время испытали, как отнеслись ко всему этому. Да и сам Лазарь семенил связанными ногами — выходил человек, носящий на себе уже явные признаки разложения. Лазарь ожил, опять вернулся к жизни. Потом мы почитаем о том, как он возлежал и ел с Иисусом, а это вообще удивительно.

Возвращаемся к 11-й главе.

44 ...Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет.

45 Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него.

46 А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус.

Вот здесь, дорогие христиане, пик дел Господних: если такая власть у Христа, если Он такое делает, если это Ему несложно сделать, то нужно либо поклониться Ему, либо убить Его. А какие ещё варианты?

47 Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит.

48 Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне...

Почему придут римляне? Да потому что люди уверуют в Миссию, поднимут бунт и скажут: «Теперь Миссия пришёл, чего мы ещё будем слушаться язычников? И не будем подчиняться им». А римская власть крепка, и они узнав, что начинается религиозный мятеж, обнажат мечи свои и начнут истребление народа. Такова логика.

48 ...и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом.

Они боятся, что весь народ истребится, если все вдруг поверуют в Иисуса.

49 Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете,

50 и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.

Он говорит, что лучше Одному Иисусу умереть, чем всему народу погибнуть: народ пусть живёт, а Иисус пусть умрёт.

51 Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ,

52 и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино.

Здесь мы имеем перед собою пример пророчества грешника. Валаам пророчествовал на Израиля: его позвали проклясть, а он благословлял. Аэндорская волшебница вызвала Самуила из преисподней: Самуил говорил правду Божию Саулу. Кайафа пророчествует... Для того, чтобы пророчествовать, — а мы так любим пророчества, так увлекаемся всякими прорицаниями, — не нужно быть святым человеком. Иногда грешный человек говорит правду Божию наперёд, сам не зная, что говорит. Иногда и ослица говорит правду Божию: Валаам бил её, она говорила: «Что ты бьёшь меня?» Она видела ангела, запрещавшего идти дальше, а Валаам этого не видел. Итак, не будем увлекаться пророчествами, особенно всякими прорицаниями, угадываниями будущего, потому что это не есть дело Божиих людей. Прорицание может даваться и грешному человеку, но оно, конечно, пользы ему не приносит. И заметьте, я вам когда-то говорил в передаче, что признаки пришествия Миссии — это: восставит храм, соберёт народ, исцелит сердце. Это самые главные три признака истинного Миссии. Всех людей, весь народ Божий Израиля соберёт воедино, храм воссоздаст и исцелит сердце. Христос всё это сделал. Он собрал весь народ Божий воедино, вот здесь мы читаем:

51 ...Иисус умрет за народ,

52 и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино.

Он будет умирать за всех людей мира, чтобы те, кто поверует в Имя Его, жизнь имели во Имя Его и собрались воедино в одном духе. Он восстановит храм, Он это сделал уже — Он воскрес из мёртвых. Говорит: «Разрушьте храм сей, Я в три дня воссоздам его». И когда Он воскрес, то воскресение Христово было настоящим воссозданием разрушенного храма, храма тела Христова. Воскресение Христа — это и есть воссоздание храма. Ну и Христос, конечно, исцеляет сердце, поэтому все главные признаки миссианства на Христе сходятся и на Христе исполняются. Но что интересно:

53 С этого дня положили убить Его.

Вот именно с этого дня положили убить Иисуса Христа. Надо убивать Его, потому что ничего не сделаешь, Он слишком силен.

54 Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями, а пошел оттуда в страну близ пустыни, в город, называемый Ефраим, и там оставался с учениками Своими.

12-я глава.

1 За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых.

2 Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним.

Удивительно, вчерашний труп — сегодня лежит за трапезой и ест: вчера вонял, сегодня ест; вчера смерть его ела, сегодня он ест хлеб. Лазарь был живой проповедью: любой человек, видевший Лазаря, мог спросить у него: «Это ты умер?» — «Да». — «Это ты четыре дня лежал во гробе?» — «Да». — «Это ты смердел?» — «Я». — «Это тебя Христос воскресил?» — «Меня». Ему не нужно было даже ничего говорить, это все знали, это все видели, это всё было открыто *перед сотнями людей, которые всё это знали. Лазарь был живой проповедью, поэтому решили и Лазаря тоже убить, живой свидетель должен был умереть. Вообще, очень важно, что человек может проповедовать двояко. Он может проповедовать словами: объясняя, назидая, пророчествуя, убеждая, доказывая. А может просто жить: вот он, смотрите на него, это он, тот, который там был. И всё это — проповедь. Бесноватый, который бился об стены, бесы, вышедшие из которого, вошли в свиней, и свиньи потонули в море — тот бесноватый хотел за Христом ходить, но Христос сказал ему, чтобы он шёл туда, откуда сам родом, чтобы пришёл в своё собственное селение и там находился. А зачем? Затем, чтобы любой мог спросить у него: «Это ты бесновался?» — «Я». — «Ты на цепи сидел?» — «Я». — «Это ты об стены бился и орал так, что нельзя было пройти мимо от страха?» — «Я». «И что же было? Кто тебя исцелил, Христос что ли?» — «Христос». — «А те бесы, что тебя мучили, где?» — «В свиней вошли». Вот всё, больше ничего не нужно. Вот моя жизнь, и я — проповедник. Я могу не читать ничего особенно умного, ничего особенного не говорить, просто где бы я не появился... «А, гляньте на него, это тот бесноватый»... «Это тот Лазарь воскресший». — «А, ух ты! Ничего себе... Вот какой сильный Христос!» Вот живая проповедь. Поэтому живую проповедь нужно уничтожить, живые носители истины должны быть истреблены с земли. Так считают враги истины. И они договариваются об этом убийстве, поэтому они положили не только Христа убить, но также и Лазаря. И потом, когда Христос пришёл в Иерусалим, когда Он сел на ослёнка, когда люди начали снимать одежды под ноги этому животному, постилать, резать ветви с пальм и махать Ему ветвями пальмы, всеми этими финиками, ваими — они собрались в основном, чтобы посмотреть на Того, Который воскресил Лазаря. Воскрешение Лазаря было движущим моментом для того, чтобы народ собрался и пошёл посмотреть на Иисуса, который торжественно входит в Иерусалим. «О, наверное, это Миссия. Вот Он только что воскресил Своего друга, который уже разлагался, и теперь на ослёнке, кротко, едет в город Божий, Иерусалим. Давайте Его поприветствуем, давайте войдём в Иерусалим вместе с Ним, потому что, видимо, сейчас наступает эра Миссии, наступает Царство Его». Вот такая вещь. Это чудо собрало вокруг Христа огромную толпу людей, как раз накануне осуждения Христа. Ну, о том, что дорого не стоит народная любовь, нужно будет говорить в ближайшее воскресение. Но именно воскресение Лазаря было кульминацией дел Христовых, и оно собрало в Иерусалим огромные массы людей — на Христа посмотреть, и оно же подвигло фарисеев на окончательное решение: убить Иисуса, а также убить и Лазаря. Там интересно, что ещё пишет Евангелие, глава 12-я:*

20 Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины (греки).

21 Они подошли к Филиппу, который был из Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса.

Слух об Иисусе уже достиг язычников, язычники приходили в праздник и спрашивали учеников Господних: «А где Иисус? Мы слышали про Него, нам интересно на Него

посмотреть, мы хотим Его видеть». Когда Филипп сказал об этом Андрею, а Андрей с Филиппом вместе Иисусу об этом донесли, то Иисус сказал им в ответ: «Пришёл час прославиться Сыну Человеческому». Он говорит о том, что теперь уже вера в Него и знания о Нём будут распространяться по всему миру. Но это, очевидно, чтение уже ближайших наших страстных дней, дней Страстной седмицы.

— Отец Андрей, что вы скажете по поводу воскрешения, если у человека была кремация?

— Если у человека произошла кремация, то, знаете, как у Исаии: «Что вы Господу Богу труды дадите?» — Мы лишний труд задаём Господу Богу. Ему придётся не из костей и распавшегося праха, а буквально из песка, из этой красной пыли, в которую превращается кремированный человек, воскрешать человека. Придётся Господу Богу лишний труд употреблять. Но, слава Богу, Бог трудится не утомляясь, Ему не трудно что-либо сделать, Он без труда сделает то, что захочет. И конечно же кремированные воскреснут, но укор за кремацию придётся потерпеть и выслушать то ли им самим, то ли тем, кто их кремировал, я уж не знаю. Но, конечно, мы поступаем, кремируя людей, не так, как Бог приказал. Он сказал, что прах должен вернуться к праху. А сжигать человека нет никакой нужды. Они конечно же воскреснут, потому что для Бога нашего нет ничего трудного и невозможного, но само по себе кремирование — не есть дело хорошее — нечто странное и, я бы сказал, ужасное.

— Батюшка, здравствуйте. Георгий из Киева. Христос посреди нас!

В Соломоновых притчах многократно упоминается, что мудрость неотъемлемо связана с праведностью: по мере накопления знаний человек становится мудрым и праведным. А глупые всегда нечестивы. Можете как-то прокомментировать? Потому что эта связь не на столько очевидна.

Второй вопрос по 142-у псалму: «Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей...» Исходя из этого видно, что в молитве не просто с одной стороны — молящийся, а с другой стороны — Господь Бог, а всё гораздо сложнее. С одной стороны, Господь внушает молитву, с другой — слушает. Прокомментируйте пожалуйста.

Третий вопрос по Киево-Печерскому патерику. Когда преподобный Никита был одержим бесами, то на язык цитировал Ветхий завет. Новый завет — ничего у него не получалось. Вопрос не столько в том, почему бесы боятся Нового завета, сколько в том, почему не боятся Ветхого завета. Можете прокомментировать этот эпизод?

— Огромное спасибо за серьёзные вопросы, задали нам вектор размышления на долгие времена.

Итак, притчи Соломоновы действительно рифмуют мудрость и праведность с одной стороны, и глупость и нечестие — с другой. Это действительно вещи, логически связанные между собой. Я не думаю, что вы сильно сомневаетесь в том, что это правда, потому что, допустим, нечестивых мы видим мудрыми в делах века сего. Вот здесь может быть соблазн. Как в 16-ой главе Евангелия от Луки говорится, что сыны века сего мудрее сынов Царствия в делах века сего, в делах своих. Но в подлинных вещах мудрость нисходит свыше, она не поселяется в душу, преданную греху, в злохудожную душу не входит премудрость. Человек, чуждый страха Божиего,

не имеет премудрости. Начало премудрости — страх Господень. Это постоянное аксиоматичное наставление, которое много раз повторяется в псалмах. Другое дело, что если опытом испытать это, то надо найти этому внутреннее практическое подтверждение. Мы можем называть мудрыми людей, которые богатеют всякими видами грехов, успешно устраивают свой бизнес, окружают себя безопасностью какой-то такой человеческой, какими-то ещё вещами, но мы ясно понимаем, что от смерти они не откупятся и никуда от конечного Суда не избежат, и ещё в этой жизни вкусят горького. И потом придётся расстаться с тем, что остаётся на земле, душа нагая встанет перед Богом. Вот это и есть премудрость. Премудрость заключается в том, чтобы распределить главное и второстепенное. Не называть второстепенное главным, потерпеть. Перед Лицом Божиим пишется памятная книга о всех, кто боится Его и творит заповеди Его. Это вечный соблазн для сынов человеческих, что многие, нарушающие Божий закон, кажутся успешными, и на этом основании люди говорят, что смотрите как хорошо нечестивым: они обманывают Бога, пренебрегают Его, однако устраивают дела свои со всех сторон безопасно. Но праведник знает, что перед Лицом Божиим пишется памятная книга о всех тех, кто творит заповеди Господни и любит своего Создателя. И когда будет День беды, День искупления, День посещения, тогда вы опять узнаете разницу между праведным и нечестивым. Есть мудрость века сего: земная, душевная и бесовская. Иаков пишет, что если кто-нибудь из вас имеет горькую зависть, ропот и прочее, то не гордитесь, не думайте, что вы мудры: «Не есть ваша мудрость небесная, но земная, душевная и бесовская». Вот разница между земной, душевной, бесовской мудростью и мудростью, сходящей свыше, которая, во-первых, чиста; во-вторых, смиренна, кратка, полна добрых плодов, заключается именно в том, чтобы мы переносили своё упование за границы видимой жизни, питались этой пищей будущей жизни уже в рамках этой жизни, насколько это возможно, и боролись за правду Господню. Мы должны подтверждать, что нечестивый не увидит славы Божией. Как бы ни казался он нам сильным и хитрым, но «Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни». А мудрость действительно увенчивает праведника, рано или поздно.

Что касается 142-го псалма, то вообще, Псалтирь — это книга хвалений и книга практического обучения молитве. «Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей, услыши мя в правде Твоей. И не вниди в суд с рабом Твоим...» — это пространное четырёхчасовое прошение Господу Богу псалма 142-го, последнего псалма Шестопсалмия. Он должен быть всем известен. Имеется ввиду, что вера в то, что Бог слышит всё — сохраняется у нас; однако мы хотим, чтобы Бог не просто слышал всё наше и в том числе молитвы наши, как Он слышит всё, но чтобы преклонил ухо Свое, внушил молитву нашу, внял ей внимательно. Об этом нужно усердно просить. Не нужно надеяться просто на то, что Бог всё слышит, а нужно просить, чтобы вопль наш вошёл во уши Его, чтобы Он внушил молитву нашу в истине Своей. Т.е. «...услыши мя в правде Твоей. И не вниди в суд с рабом Твоим...» Вообще, 142-й псалом, весь, целиком — это такая большая школа молитвы. Всякий внимательный человек найдёт для себя в каждом словосочетании, в каждом слове некое указание на то, как наше сердце должно вопить Иисусу о себе.

Что касается Никиты, то видите, Ветхий завет тоже страшен дьяволу как и Новый, потому что источником того и другого является Один и Тот же Господь. Однако, если прельстился человек и читает только Ветхий завет, не читая Нового, то конечно же понятно, что он не находится в благодати. Никита, действительно, по научению беса цитировал Ветхий завет на разных языках, а Новым заветом пренебрегал, не читал вообще. Именно это навело отцов на мысль, что не всё с ним в порядке. Но пренебрежение Ветхим заветом для читающего Новый — тоже не

извинительно. Библия представляет собой некое священное гармоническое единство, и читающий Новый завет — пусть читает Ветхий, а читающий Ветхий — пусть читает Новый. Кто у нас читает Ветхий, но не читает Новый? — Евреи, которые не признали Христа Миссией, и покрывало лежит на лицах у них, как пишет Павел во Втором послании к Коринфянам. Они не поняли, о чём там пишется. Они читают Закон по букве, мертвящие буквы читают — «Буква убивает, а дух животворит». Но мы, читающие Новый завет, не должны гнушаться Ветхим, потому что Тот же Бог вдохновил писателей на написание первого и второго. Поэтому, избегая обеих крайностей, будем читать и то и другое, и избежим того беса, который соблазнил Никиту. Да не соблазнит он нас. Знать Ветхий завет доподлинно, не зная Нового, нет никакого смысла. Но читать Новый завет, пренебрегая Ветхим, тоже опасно. Всё-таки нужно почтить оба Светила, освещающих небосвод: Светило великое для освещения дня и Светило меньшее для освещения ночи — Евангельское Солнце и Луну Ветхого завета. И то и другое должно быть на небосводе нашего сознания. Вопрос, на самом деле, больше риторический, потому что в самих вопросах были уже и ответы. Но я похвалю вас за то, что вы являетесь таким усердным читателем и почитателем Святых Писаний. Побольше бы таких христиан, было бы меньше беды и в вашем городе и во всех остальных городах, где живут верующие люди. Мир вам и благословение Божие.

— Здравствуйте. Благодарю вас за ваши проповеди, за ваши книги. Я хотела бы задать вопрос насчёт волхвов. Я читала «Закон Божий» Серафима Слободского, и там мелкими буквами было написано, что эти волхвы потом стали христианами. Может ли быть такое, что вы можете сказать?

— Я не могу сказать с уверенностью, стали ли они христианами или нет, приняли ли они крещение или нет — речь видимо идёт об этом. Потому что раз они получили внушение от Бога и пошли в далёкий путь, и пришли к Христу с дарами, и пророчески поздравили Его, Младенчика, и поклонились Ему, Этому Святому Ребёнку, и принесли Ему золото, ладан и смирну, то очевидно, что они уже христиане, они уже поклонились Христу прежде всех. Ещё не поклонился Христу ни апостол Пётр, ни апостол Павел, а эти люди уже поклонились Господу. Поэтому, очевидно, они в этом смысле — христиане. Или праведный Иосиф Обручник: он же наверняка не крестился. Он ухаживал за Пресвятой Богородицей как Её мнимый муж, охранял Её от людского презора, от лишнего разговора, Младенца Иисуса он учил читать и трудиться. Умер он не приняв крещения, потому что ещё не наступило время новозаветной благодати. Это конечно святой человек, без сомнения, причём очень святой. Святых святейшии даже, я бы сказал, потому что его Сын Божий называл папой. Это само по себе уже головокружительно. Поэтому что мы имеем ввиду под христианством волхвов? Дожили ли они до проповеди Апостольской? Я с уверенностью вам не скажу. Думаю, что они уже были не молодые люди, не юноши. Возможно, за те тридцать лет, которые отделяли жизнь их при поклонении Христу родившемуся, от будущей жизни Церкви, они упокоились. Но о них можно сказать, что они — богопоклонники, они поклонились воплотившемуся Господу. Мельхиор, Бальтазар и Каспар — так, кажется, предание называет их. Мощи их хранятся в Кёльне — тела их есть и являются объектом поклонения. Эти тела святых волхвов достойны почитания. Остальных деталей я не знаю, но они достойны поклонения при любом раскладе, так или иначе. Как люди, поклонившиеся Господу, пришедшие издали вслед за звездой к Его колыбельке, они достойны всякого почитания и могут считаться святыми людьми. Я бы так сказал.

— Отец Андрей, в одной из передач вы говорили о том, что особенно хорошая молитва — на кладбище, кладбище — это школа молитвы. Почему именно на кладбище?

— Если вам нужны доказательства, то видимо, я их вам не предоставляю, потому что вы этого не поймёте. Если бы вы сразу это поняли без доказательств, то вам понятно, о чём речь. Ну а как я вам докажу, что это школа молитвы? Если для вас школа молитвы — это что-нибудь другое, допустим, лес, поле, речка, горы, или храм Божий, или молитвенный уголок в собственном доме — ну пожалуйста, молитесь там, где вам хорошо. Я уверен, убеждён, и повторяю вслух всему народу, который слушает нас сегодня, что кладбище — это школа молитвы. Как почему? А только одна мысль о том, что лежащие здесь люди поднимутся из земли и воскреснут в день Страшного Суда — она уже заставляет думать о Страшном Суде и будущем воскресении мёртвых. Вот на кладбище придите и почитайте Символ веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Вот здесь они и поднимутся, те, которые легли. Каждый человек реализует себя в жизни едва-едва, на каких-нибудь там несчастных пару процентов. В основном-то кладбище — это кладбище талантов, кладбище зарытых способностей. Лежат люди, которые так и не стали теми, кем должны были стать. Должен был быть, например, каким-нибудь там известным физиком или писателем, а стал просто заурядным человечком, который так и не раскрыл своих талантов, так сказать. Вот лежат люди разных возрастов: есть могилы младенческие; есть могилы, облитые слезами сродников, потому что любимый человек умер; есть могилы забытые, заросшие, полуобсыпавшиеся с покосившимися крестами. Это книга жизни, вообще. Ходи и думай. Мне кажется, это настолько очевидно, что спрашивать об этом — это верх чёрствости. Если это непонятно само собой, то чего тут объяснять? Я, например, могу вам сказать, что любая больница — это школа милосердия. Да потому что лежат кругом порезанные, помученные, бедные, вонючие, без денег. Вы же в больницах бывали, ходили, сами лежали? А вы меня спросите: «А почему больница — это школа милосердия?» И я буду слишком удивлён: стоит ли объяснять такие очевидные вещи? Да потому, что там все страдают. Если у тебя есть возможность помочь им и ты хочешь помочь им — иди и помогай, потому что там море бездонное страданий человеческих. Это больница. А кладбище — это место слёзных молитв о людях, которые закончили свою жизнь и воскреснут с ужасом на Страшный Суд. И масса из них, вообще, не готова к тому, чтобы отвечать перед Богом за грехи свои. Неужели это не понятно? Это, по-моему, самые очевидные вещи. Тюрьма — это место скорби. Нужно ли это объяснять? Банк — это место царящего сребролюбия. Это нужно объяснять? По-моему, здесь ничего не нужно объяснять, это слишком очевидно.

— Приветствую вас. У меня три вопроса.

Первый вопрос по книге Откровение, глава 22, стих 11. Там написано: «...праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще». В чём различие между праведным и святым?

В Послании к Римлянам написано: «...все согрешили и лишены славы Божией». А в Первом послании к Фессалоникийцам, 2:12, написано: «...поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу». Что такое слава Божия?

Объясните пожалуйста значение слова «созерцать» на примере: созерцать красоту Иисуса.

— В чём отличие между праведным и святым... Праведный человек — это человек, творящий много праведных дел в отношении ближних своих. Это тот, кто платит чужие долги, вытирает чужие сопли, ходит дежурить над чужой кроватью, погрёбает бездомных странников, покупает одежду нагим, кормит голодных: его деятельность активно направлена на братьев и сестёр, находящихся рядом, ради Господа он любит ближних своих — это дела правды. **«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»**. Они защищают вдовицу, сироту, вступаются за неправедно осуждённых: это праведники. Святые более ориентированы на мир Божий и могут уходить из мира людей. Святой может много молиться, много молчать, много поститься, много изучать Писание, избегать всякой суеты и тревожения. У него может не быть столько добрых дел по отношению к ближним, сколько у праведника, но он весь в Боге, думает о Боге, восхваляет Бога, стремится к Богу, и как говорится в псалмах (псалом 41):

1:3. Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда

приду и явлюсь пред лице Божие!

1:4. Слезы мои были для меня хлебом день и ночь,

когда говорили мне всякий день: "где Бог твой?"

Святой и праведный — это люди разно ориентированные: праведный ориентирован на людей ради Господа, а святой ориентирован на Самого Господа. Святой, вообще, мало про людей думает, он думает только о Господе, это очень важно. Это такие люди, которые похожи на пророка Илию или Иоанна Крестителя, которые живут в пустынях, которые стремятся освятить себя. А слово «святой» значит «отделённый», «освятиться» значит «отделиться» — удалиться от тех, которые соблазняют тебя и могут привести тебя не туда. Вот у праведников есть соблазн смешаться с грешниками и потерять свою праведность из-за того, что они слишком близко с ними общаются. А святые боятся потерять молитву и удаляются от людей, любят всех, но от всех убегают. Как говорили Арсению Великому: «Всех люби, от всех беги». Вот такое, может быть, не совсем исчерпывающее, но, мне кажется, довольно принципиальное различие между праведными и святыми.

«...все согрешили и лишены славы Божией». Человек в настоящем виде опозорен грехом и, конечно, пребывает не в том состоянии, в котором мог бы состоять, если бы не согрешил. И святые, прославленные Богом, находятся, конечно, в качественно другом состоянии. Господь же призвал нас во славу Божию. Что значит слава Божия? Это та благодать, которая может быть усвоена человеком, и которая превосходит всякое разумение, которое выше того, что может усвоить человек. Благодать, которая меняет человека и наполняет его, превращает его в некую чашу или сосуд или храм, которая делает человека причастником Божеской жизни. Как апостол Пётр пишет во Втором послании, что мы стали «причастниками Божеского естества». Мы вкушаем благодать Божию, которая есть одновременно и слава Его. Т.е. «Бог прославляем в совете святых». И те, которые облагодатствованы, которые реально являются причастниками Божественной благодати — они достойно хвалят Господа, и Он окружён их хвалою. К этому мы призваны, этого мы лишились. Мы должны были так жить, но мы этого лишились. А сегодня во Христе Господь зовёт нас всех к тому, чтобы мы, попросившись с грехами, исполнились Духа Святого, исполнились благодати Божией и стали причастниками славы Его, Его будущей славы, будущего века — то, что ожидает праведные души в грядущем Царстве. Лишённые славы Божией через грех, как пишется к

Римлянам, мы призваны к тому, чтобы во Христе Иисусе наследовать Царство Божие и славу Божию, как вот вы процитировали послание к Фессалоникийцам.

Что касается «созерцать», то у этого слова есть два значения. Созерцать — значит внимательно размышлять — это первое значение, это более интеллектуальное понимание. Когда, например, человек носит в своём уме некую идею и рассматривает её со всех сторон, например, какое-то словописание. Пытается, с разных сторон его рассматривая, вытащить из него все смыслы. Это тоже созерцание некое такое. Это первая ступень созерцания, это интеллектуальный труд. Так математик может созерцать какую-то математическую задачу и думать только о ней. Его ум поглощён размышлением: созерцаю — размышляю, пристально размышляю над чем-то из поставленных задач. А в более точном и глубоком смысле, созерцание — это восхищение ума, при котором ум человеческий зрит, смотрит, видит нечто неописуемое и насыщается благодатью Божией, не имея слов, чтобы описать своё состояние. Это благодатное состояние, которое посещает некоторых избранных людей. Они как бы выхватываются Богом из обычного круга жизни, так что ум их — уже не на земле, а на небе. И они стоят перед Богом умом своим и насыщаются от Божией славы, — со вторым вопросом пересекаемся, — и тогда они понимают неизреченное и созерцают невидимое. Это уже область опытного богопознания, когда человеческий ум и человеческое сердце вовлечены в некую иную реальность, в иную жизнь. Когда тело продолжает быть на земле, а ум и сердце уже живут иной реальностью, иной жизнью. Вот это уже в точном смысле созерцание, как мы его читаем и говорим о нём, исходя из опыта святых отцов, оставивших нам некие краткие заметки о том, что с ними бывало. Язык мой, конечно, косноязычен для разговора на эти серьёзные вещи, но я надеюсь, что хоть что-то, хоть чуть-чуть, хоть чуть-чуть больше стало вам понятно. Я очень на это надеюсь.

Благословение воскресшего Христа да будет с вами! Христос, воскресивший Лазаря, и нас с вами воскресит силою Своею. Аминь. Ему слава во веки!

Неожиданные миссионеры

Миссия нужна. Миссия, как действие Церкви вовне, так же необходима для полноты бытия Тела Христова, как и евхаристическая жизнь внутри. Но для миссии должна быть полнота с избытком, так чтоб чаша переливалась через край. А если через край не льется? А если у нас, как у мудрых дев, которые в ответ на просьбу «дайте нам от елея вашего» отвечали: «идите к продающим и купите себе»? То есть, есть у нас все что надо, но не в таком количестве, чтобы щедро делиться. Кажется, именно так и есть. Для самих себя у нас всего хватает, но смело нести свет во тьму внешнего мира не очень получается. То ли опыта нет, то ли некоторое смущение связывает дерзновение, то ли сказывается опыт советской поры, когда все силы Церкви направлялись на выживание, а не распространение веры. Одним словом, с миссией, которая необходима, дела не очень просты. Но... Жизнь Церкви парадоксальна. Она не вкладывается в схему. Вернее, ее ученые. Историки и политики вечно укладывают в схемы, но она регулярно выходит за рамки, очерченные снаружи.

Сегодняшней миссией, к примеру, занимаются русские женщины. Как когда-то в Израиле после смерти Иисуса Навина и до времен Самуила судьи время от времени собирали вокруг себя народ и вели войны. Причем, если войну нужно было вести, а мужчин, достойных для роли вождя не было, Бог ставил во главу женщин, таких, как Девора. Вот и сегодня женщины миссионерствуют. Причем по всему миру. А что, спросите вы, нужно,

чтобы русская женщина миссионерствовала? А ничего особенного, отвечу я. Ей просто нужно быть крещеной, и православной, и красивой, какими они обычно и бывают. Нужно ей иметь в себе нечто такое, Некрасовым воспетое, чего давно уже нет в женщинах, родившихся под иным небом. И что тогда? А тогда она часто выходит замуж за иностранцев и уезжает жить в иные страны. Это потому, что дома ей, бывает, не с кем семью создать. А еще, иностранцы реально головы теряют от наших женщин, а женщинам, как детям, за граница кажется синонимом Рая. Из этих направленных отрезков складывается вектор уезда за рубеж. В общем, картина ясная и всем известная. Но какое же тут миссионерство? Самое настоящее, отвечу я вам. Не очень наученные вере на Родине, наши люди за рубежом учатся вере при помощи «госпожи тоски», она же – «госпожа ностальгия». Эта госпожа в чуждедальней стороне берет нашего человека за горло и душит. Потом присасывается к сердцу и кровь сосет. В таком состоянии наш человек ничего иного делать не может, как только плачет, скучает по березкам, молится и ищет русскую церковь. Таким именно образом многие, абсолютно равнодушные дома к религии отцов, за границей реально воцерковляются. Потом женщины рожают детей. Как вы думаете, они их крестят? Конечно крестят. Иногда и мужей крестят, а потом венчаются, и таким образом постепенно в далеких странах увеличивается православная паства. Там, где есть православный заграничный приход, большую, если не львиную долю в нем часто составляют эти самые наши в прошлом (или до сих пор) красавицы, полюбившиеся иностранцам, создавшие семьи за рубежом и теперь пытающиеся вести христианскую жизнь вдали от Родины. Все это смело можно назвать «неожиданным миссионерством». Это же можно назвать одним из парадоксальных проявлений бытия Церкви.

Это то, что есть. А вот еще что может быть, по части миссионерства неожиданного. В любом большом городе-миллионнике есть ВУЗы. В любом российском ВУЗе есть иностранные студенты. Из Африки и Азии, и Латинской Америки и Индокитая они приезжают сюда, чтобы вернуться домой врачами и инженерами. Вот я и думаю – не попробовать ли сделать что-то такое, чтобы за время пребывания на учебе в России часть этой многотысячной иностранной студенческой армии приняла бы и поняла бы Православие. Тогда вернутся они домой не просто врачами и инженерами, а еще и православными христианами. Тогда они будут искать у себя дома православные приходы (благо есть они на всяком континенте), будут активными их прихожанами, будут носителями двух культур – своей родной и русской приобретенной. А ведь известно, что наилучший миссионер это носитель именно двух или более культур, это человек, умеющий разговаривать на разных языках и думать разными полушариями. Предлагаю подумать вместе со мной – что бы такого умного сделать и как бы так помолиться, чтобы иностранным студентам полюбились за время учебы не московские клубы и бары, а московские храмы и монастыри. В случае, если мы об этом подумаем и об этом

помолимся, Церковь распространит свои лучи шире по миру, и Бог приложит к Церкви новых спасаемых людей. Какая чудная и неожиданная победа это будет!

Итак, пока одни расписываются в бессилии, а другие пугают себя и окружающих приближающимся Антихристом; пока умные приобретают знания, которыми никогда не воспользуются, а сильные тратят энергию на дела ненужные, кто-то продолжает разносить Благою Весть. Это может быть человек специально не готовившийся и даже не верящий в то, что он – проповедник Истины. Факт то, что до самых последних аккордов всемирно исторической оратории проповедь православия не умолкнет и не прекратится. Так что, если и люди умолкнут, камни заговорят, но проповедь все-таки не прекратится. Но не будем доводить дело до времен говорящих камней. Будем помнить Павлово слово «горе мне, если не благовествую», и переживать о том, чтобы ежедневно и ежечасно по соседству и вдалеке открывались духовные очи у самых разных людей и они говорили Христу: «Ты еси Бог наш. Разве Тебе иного не знаем. Имя Твое именуем».

Выгорание

Упавшего, опустившегося человека можно и нужно жалеть и миловать. Вместе с тем крайне опасно внушать павшему и опустившемуся человеку, что мы всем миром обязаны его миловать, а он имеет полное право требовать любви к себе и уважения. Так мы, чего доброго, на выходе получим какой-то собирательный персонаж из произведений Достоевского. Это будет нищий с апломбом или калека с претензией. Это будет грешник, не желающий каяться, но вооружившийся христианской риторикой. Если хотите – Мармеладов, который гордо скажет: «Да, господа, я падший. И вы не лучше, просто вы одеты чище. Да-с. Однако извольте меня любить таким, каков я есть, да поискренней любите и посострадательней. И права никакого нет у вас не любить меня, ибо я существо, глубоко страдающее». И прочее, и прочее. Нет. Жить и думать надо иначе. Упал – вставай. Болит – терпи. И не называй грех нормой, а болезнь – необходимостью. Милость – она есть именно милость, то есть незаслуженная любовь, а не официально заслуженная

пенсия. Это я говорю в тему о падших, кающихся, уставших и этих... как их? Выгоревших.

В том, что человек устает, нет никакого сомнения. В том, что человек может упасть, да так, что и не поднимется, тоже сомнений нет. Но в том, что мы должны мягко сдвинуть сознание в сторону падения как неизбежности, я совсем не уверен. Придумали слово «выгорание» и согнали в эту категорию всех подряд. Кто-то трижды женился, кто-то зело осквернился, кто-то просто устал служить и решил переквалифицироваться, как Остап, в управдомы, а мы всю эту разношерстную армию дезертиров поместили добрым словом «выгоревшие» и дружно их жалеем. Что-то здесь не так. Во времена оные некоторые фронтовики протягивали руку к прохожим со словами: «Я в танке горел. Дай рубль на водку!» Не приведи Бог увидеть расстриг, гордящихся своим «выгоранием на производстве». Мол: «Я Богу служил и перенапрягся. Теперь за скобки выпал, но вы уважать меня обязаны, ибо я жертва». А жертвы ведь разные. Вот попутал монашку бес, и она замуж вышла. А теперь живет в вечном страхе и с мыслью, что она Богу на Суде скажет? Или свалил с ног хитрый сатана какого-нибудь доброго игумена и подбил его влюбиться и детей наплодить. Но теперь тот тихо и со стыдом живет, и только Бог знает, какие молитвы из его сердца временами рвутся. Это одно. Здесь есть место и страху, и жалости. Но если такая же монашка, такой же игумен скажут, подбоченься: «Ну и что? Выгорели мы. Понятно? Нас жалеть надо», – а мы скажем: «Да-да. Мы вас жалеем. Бедненькие вы», – то это какая-то ложь и подмена смыслов, которую я понимать отказываюсь.

Во-первых, не надо никуда спешить. Ни с постригами, ни с хиротониями. Пусть лучше женатый мечтает о монашестве, нежели монах – о женитьбе. А то хотел, положим, ребенок в монахи (уж больно поют красиво и одежды черные на ходу так мистически развеваются). Его взяли и постригли с поспешностью. Потом он иеродиакон стал, потом – иеромонахом, потом игуменом. Всё быстро – за пару лет. Уже мечтать осталось только что об епископстве, а ему всего-то лет 25 от роду. И вдруг скучно стало молодому человеку, а потом сильно захотелось ему жениться. Вот тебе один из сценариев выгорания. Службы надоели, романтика улетучилась, естество о своих правах заявило. А ведь парнишку просто не стоило постригать и посвящать раньше возраста канонической зрелости и без искуса. Вот и всё. И таких сценариев много. Всюду на изнанке «выгорания» вы найдете поспешность, сырость, неосновательность стремлений, мечтательность. Со временем мечты рассеиваются, просыпаются страсти, нападает враг, и неосновательный человек, стоящий на песке, а не на камне, оказывается неготовым нести крест. Он думал, что в солдаты идут, чтоб на параде в красивой форме маршировать, а его на войну отправили. Вот он и сбежал с фронта под предлогом «выгорания». Осудим его?

Нет, воздержимся по заповеди. Но скажем ли, что это норма? Ни в коем случае. Не норма это, а грех, требующий покаяния, а не извинения.

Всех людей жалко, потому что у каждого в груди не видная глазу дымящаяся рана. Но сентиментальные слюнки по теме выгорания пора вытирать. Евангелие говорит: положил руку на плуг – вспять не оборачивайся. Еще говорит: поминайте жену Лотову. Да и мудрость народная говорит: семь раз отмерь – один отрежь. Думай крепко прежде принятия решения, а когда решение принял – сомнения прочь. Время служения, а не сомнения настало. Основатель ВДВ генерал армии Маргелов (дядя Вася, как называет его десантура) так сказал: «Сбит с ног – сражайся на коленях. Идти не можешь – лежа наступай». Неужели Церковь не достойна ждать от своих служителей такой же стойкости, верности и храбрости? Скажите десантнику, что есть «выгорание» и можно по этой причине оружие бросить. Сами знаете, что он вам ответит. Так чего же мы должны

духовное оружие бросать? Ладно бросать – оправдывать скопом всех тех, кто оружие бросил? И из-за чего бросил? Бабские прелести, зеленые доллары, ночные фантазии и физическая усталость. Кажется, список полный.

Про выгорание в слове Божиим притча есть. Притча о десяти девах. У тех пяти, что остались без елея, елей в лампадах выгорел. У мудрых тоже выгорел (ибо что еще делать елею в лампаде, как не выгорать?). Но у мудрых был запас, и они, подлив масла, пополнили светильники. У глупых же запаса не было. Следовательно (вонмем!): выгорание елея происходит у всех без исключения. Все рискуют потерять огонь в светильнике веры – так елей мало-помалу расходуется. Но весь вопрос в том, что подливать нужно регулярно масло в светильник, и накапливать запас, и держать его при себе. Выгорание будет катастрофическим и необратимым, если не заботиться о запасе масла. Это значит: твори добро во Христе, умножай молитвы, запасайся елеем Святого Духа сегодня – во дни изобилия веры. Потом неизбежно наступят дни скудости, дни сухости и тяжких испытаний. В те дни выживут те, у кого был запас. Некто из отцов сказал: «Умножай молитвы, когда ты помнишь Господа, чтобы, когда ты забудешь Его, Он вспомнил тебя». Мы живем сегодня ради добра, сделанного вчера. И если вчера мы не сделали ничего ради Христа, то сегодня чувствуем себя оскудевшими, а назавтра – выгоревшими. И кто не озаботился заранее о том, чтобы разбогатеть плодами Духа, тот будет наблюдать, как догорают последние капли его веры. Потом лампада закоптит, вспыхнет и угаснет. А человек отвернется от ворот Иерусалима и понуро пойдет в Иерихон. Так исполняется слово: имеющему дано будет, а у не имеющего забрано будет то, что он думает иметь.

Нет ни злорадства, ни осуждения по отношению к тем, кто пал. Есть только страх и жалость. Но есть усиливающееся неприятие от болтовни про выгорание. Есть чувство, что не от любви эта болтовня, а от лукавства. Приобретайте запас масла, возлюбленные, и пусть горит елей, но пусть не гаснут лампы у мудрых дев.

Найти себя в Церкви

Жемчужина начинается с песчинки. В почему-то приоткрывшиеся створки раковины попадает крошка песка или другой мелкий предмет, который со временем обволакивается быстро твердеющей, превращающейся в слои перламутра слизью. И ныряльщик находит раковину, словно приоткрывшую уста и держащую в них драгоценный шарик.

Песчинка. Если искать в человеческой жизни аналог такому появлению великого из ничтожного, то можно остановиться на мысли. Ведь что такое мысль, по расхожему мнению? Не песчинка ли? И сколько таких песчинок наносится на ум человеку за день различными ветрами? Разве можно за всеми уследить, со всеми разобраться? Но вот бывает – приходит к человеку мысль; приходит словно невзначай, ничего не обещая своим приходом. Кажется, пришла и уйдет, уступая место следующей случайной гостье, а затем и следующей. Но нет, не уходит. И другим места не дает. Вместо того чтобы уйти, она укореняется, привлекает к себе внимание, всю жизнь человеческую заставляет вертеться вокруг себя, как вокруг некоей оси. Прочие мысли, по обычаю приходящие к человеку, эта внезапно угнездившаяся гостья быстро гонит прочь, не терпя конкуренции, не давая никому делить с собою жизненное пространство – сознание человека. Жизнь того, к кому вот так властно пришла мысль, из бесформенного студня быстро превращается в летящую стрелу. Кстати, всюду, где жизнь подобна бесформенному студню (холодной манной каше, чернильной кляксе – сравните, с чем хотите), там нет у человека или общества господствующей мысли. Там же, где мысль есть, жизнь выпрямляется и стремится к полету. Лучше всего это движение сравнить с полетом стрелы.

Возможно, вам знакомо это состояние, когда невидимая, неосязаемая телесным чувством гостья (мысль) влияет на жизнь. Наверняка знакомо. Хотя бы в карикатурном виде прицепившейся к уму мелодии, которую вы, как подневольный человек, хоть сплевываете раз за разом, а не перестаете напевать целый день. И еще боитесь, что, проснувшись завтра, опять начнете напевать надоевший, но не отстающий мотив. Но мелодия – это не предел страха. Есть мысли, чье прилипание к уму несет гораздо большие угрозы или награды. Вот поймет вдруг человек, что жизнь протекает, проносится; что за спиной – туман, а впереди – неизвестность; что много сильного добра не сделано, а много глупостей и гадостей, напротив, сделаны. Еще поймет он вдруг, что человек не для суеты создан, а для иной жизни, которая со временем распахнется перед ним, а он вовсе к ней не готов. Если такая мысль войдет в человека вначале на правах гостьи, а затем останется надолго уже на правах хозяина, то увидим мы в жизни такого человека разительные перемены. Дай Бог, к лучшему. Примеров много. Их умножать не трудно. Вот злой пример: заподозрил мужчина жену в измене. Всё – прежняя жизнь закончилась. Начинается подозрительное присматривание к деталям одежды, прислушивание к разговорам, частое подглядывание на часы. Начинаются ночные кошмары, мечты о мести, поиск частных детективов, установка прослушек и видеокамер. Одна и та же мысль сверлит мозг ревнивца с завидным постоянством, и мы можем смело утверждать, что дело закончится либо расстройством психического здоровья, либо развалом семьи, либо событием криминального характера.

Мысль. Мало ли о чем думает человек! Главное – дела. Пусть думает, о чем хочет, лишь бы поступал правильно. Так говорит бытовая мудрость, достойная имени полного безумия. Ведь человек в области действия реализует и воплощает не что иное, как собственный внутренний мир, мысли свои, иными словами. Тайное в области ума становится явным чрез сферу деятельности. Желая исправить и упорядочить жизнь человека и общества, нужно искать выход не в том, чтобы ставить на каждом углу полицейского или камеру наблюдения. А также далеко не только в том, чтобы улучшать и совершенствовать законодательство, но и в том, чтобы помочь человеку разобраться с самим собой, войти в свой внутренний мир, попытаться навести в нем порядок. Одно из кратких прошений молитвы Иоанна Златоуста становится понятным: «Господи, дай мне мысль благою!»

Всё хорошее начинается с мысли, случайно (как бы случайно, если быть точным) приходящей к человеку. Кто читал жития святых, тот должен помнить, как много обращений совершилось во время слушания Евангелия в Церкви. Стоит человеку на службе и слушает знакомый, много раз слышанный текст. И вдруг в нем совершается внутренний переворот. Он слышит Евангелие впервые; оно звучит для него словно с Небес, а не из уст диакона; он слышит слово, обращенное к себе лично, и не просто слово, а подлинный Божий голос. Так было у Антония Великого. «Раздай всё и следуй за Мной» прозвучало для него, как гром. Так было у святителя Луки (Войно-Ясенецкого), который после многих лет архиерейства вдруг задрожал как осиновый лист, услышав в храме вопрос Христа Петру: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?» Так происходило,

происходит и будет происходить, поскольку слово Божие подобно мечу обоюдоострому: «оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4: 12).

Лучше всего, если мысль, начавшая руководствовать человеком, была бы из Святого Писания. Миллионы мыслей, рассеянных на пространстве Библии, есть миллионы семян. И Г. Сковорода, сочиняя свой «Сад Божественных песен», эпиграфом к каждому стиху ставил короткую цитату из Библии с пометкой: «Из сего зерна». Этим он не только указывал, из какого библейского зернышка произросло его стихотворное размышление, но и давал нам урок. Мысли Божии – зерна живые, из которых на земле ума могут вырасти и злаки, и цветы райские, и деревья. «Ваше житительство на Небесах есть» – вот вам зерно для долгих размышлений. «Христос вчера и днес Той же и во веки» – вот еще зерно. Добровольно избрать одну из мыслей Божиих для размышления в течение дня, чем не подвиг и не духовный труд?

Но бывают случаи, и не редкие, когда останавливает человека посреди суеты и дает пищу его уму и сердцу мысль другого человека. Разбирать великих людей на цитаты – одно из любимых занятий читательской публики. «Афоризмы и мысли великих людей» – книги с такими названиями вы наверняка видели в книжных магазинах. Не всякий будет штудировать Шекспира, но парочку цитат из него для поддержания разговора в образованной компании и для личного удовольствия может найти и запомнить всякий. Так же дело обстоит и с другими авторами. И печатной продукции, и сайтов с подобными подборками множество. Можно критиковать, и критиковать заслуженно, это современное явление умственной жизни, более похожее на слизывание сметаны, нежели на доение коровы. Но отметим справедливости ради, что даже такие поверхностные знакомства с королями, учеными, философами и литераторами часто приносят неожиданные достойные плоды. И вот какую цитату я хочу предложить читателю: «Люди мелкие ищут комфорта, популярности, денег; люди крупные – самих себя».

Автор приведенных слов – Иннокентий Смоктуновский. И это единственное, что мы скажем здесь об этом удивительном актере, достойном отдельного и предметного разговора. Нас интересует сейчас не он, но сказанное им слово. Ведь человек действительно потерян, но редко кто из нас ищет себя, размениваясь на поиски чего-то отвлекающего и неважного. Всю жизнь можно прожить в чьей-то шкуре, не свою жизнь прожить, так и не раскрыв для себя подлинное свое призвание и суть. В плане поиска жизненного пути, профессии человеку тоже стоит раскрыть свои подлинные таланты и наклонности. Этим он сослужит немалую пользу обществу. Худо будет, если человек мог бы быть хорошим плотником, а подался по моде в юристы или менеджеры. Мир потеряет хорошего плотника и приобретет еще одного плохого юриста. И так повсюду. Об этом много писал в свое время уже помянутый нами Г. Сковорода. Но мы далее поведем речь о том, как не только найти себя в жизни и профессии, но найти себя в Церкви. Вот эту мысль попробуем развить из упомянутого зерна.

2

Кто я в Церкви, и что Церковь для меня? Задавали ли вы себе подобный вопрос? Он несколько неожидан. Среди многих вопросов, задаваемых людьми, большинство состоит из вопросов типа «что ямы, что пиемы, во что оденемся?», а также «что делать?» и «кто виноват?». Церковь с трудом встраивается в этот ряд. Тем не менее, именно вопрос о Церкви является решающим для жизни личности и общества. Открыть для себя Церковь как Тело Христово и найти себя не просто в жизни прихода (например в качестве звонаря), а в жизни Церкви с большой буквы, Церкви Вселенской, Соборной и Апостольской, есть задача максимальной значимости.

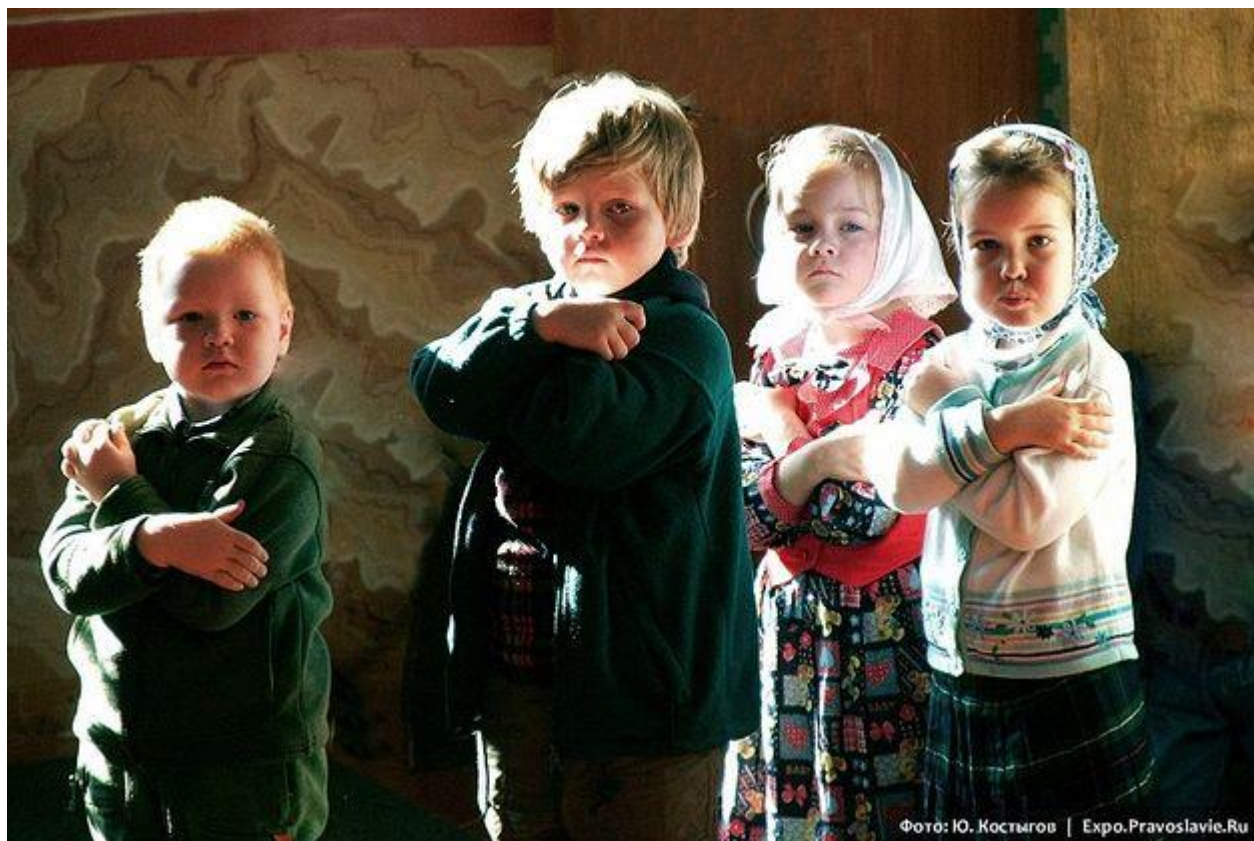

Природа Церкви евхаристична, то есть Таинство Тела и Крови Христовых является сердцем церковного организма. Свою церковность, таким образом, следует определить относительно Литургии – той службы, на которой совершается Причащение Святых Тайн. Всё остальное потом. Всего остального даже может и не быть. Одного лишь правильного отношения к Таинству Причащения достаточно, чтобы найти себя в Церкви.

Литургия – явление живое и в отношении к Церкви – всеохватное. Это не личное молитвенное упражнение отдельного христианина, а его причастность к целому, к Телу. Литургия связывает молящихся со всеми ныне живущими в вере и со всеми в вере усопшими. Как приносимая Жертва «о всех и за вся», она также рождает живое единство между святыми, окружающими Престол Божий, этими, по слову апостола Павла, «духами праведников, достигших совершенства» (Евр. 12: 23), и странствующими в пространстве земной жизни христианами. Всё церковное искусство рождено Литургией и вне нее не живет полной жизнью. Песнопения Церкви не для того созданы, чтобы исполняться на концертах, но в храме, на службе. Иконы пишутся не для музеев, но для храма. В храме они живут, становясь для молящихся людей окнами в иной мир. Они разговаривают с молящимися, зовут, учат, подсказывают. К Литургии зовет колокольный звон. Храмовая архитектура, как бы ни была хороша, как бы ни ласкала глаз, всего лишь зовет всей внешней красотой своей внутрь – на службу, и если не достигает этой цели, то остается украшением пейзажа. Само Писание не есть автономная книга для личного изучения. Писание – это Книга общины, Книга, которая читается на Богослужении, и вне его не может быть понята правильно и достаточно глубоко. Говоря кратко, можно использовать слова А.С. Хомякова, сказавшего, что «христианство понимает тот, кто понимает Божественную Литургию». Любому мирянину, следовательно, предстоит труд узнавания и понимания Евхаристической стороны жизни Церкви. Предстоит изучить со временем годовой и недельный круг богослужений, последование Литургии, вечерни и утрени, запомнить или уяснить смысл главных молитвенных текстов. В академическом смысле богословами большинство христиан быть не обязаны. Но если понимать под богословием практическую школу молитвы и духовного образования, то богословами призваны быть все без исключения христиане. В этом отношении отцы говорили: «Кто чисто молится, тот богослов».

Необходимый минимум – это еженедельное участие христианина в воскресной Литургии. Это вовсе не вершина, но некий нижний предел, ниже которого нельзя опускаться. И хоть реальность такова, что до нижнего предела многим приходится годами карабкаться, нужно сказать: ежевоскресное участие всех христиан в Литургии – это тот минимум, который способен реально сдвинуть в нужном направлении как жизнь отдельного человека, так и жизнь целых христианских

стран и обществ. Нам придется реально увеличить в разы количество действующих храмов, если хотя бы еще 5% крещеных людей начнут ежевоскресно участвовать в Литургии. В храмах с одной воскресной службой придется служить еще одну. И это всё делается, и еще больше делается, лишь бы только христианский народ переоценил и переосознал свою церковность с точки зрения слов Христа: «Примите, ядите: сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя».

Мы намеренно не будем касаться в данном тексте вопросов частоты Причащения, евхаристического поста и в целом подготовки к Таинству. Всё это введет читателя в лес частностей и противостоящих друг другу мнений. Вопросы эти следует обсуждать постепенно, по очереди и со всей серьезностью и обстоятельностью. Здесь же мы стремимся лишь указать те принципиальные, необходимые вещи, без которых воцерковление невозможно или возможно, но в нездоровом, неполном виде. Единственное, что одинаково касается всех христиан, – это такой способ жизни, при котором человек может уверенно сказать: «Каждый вечер субботы и воскресное утро я в храме. Дневной Апостол и Евангелие я прочитываю заранее, чтобы лучше вслушаться в него на службе. Проповедь слушаю внимательно, и если нет ее, то я чувствую, что мне не хватает живого слова. Неделя, прожитая без службы, вытягивает из меня все силы, и я с нетерпением жду воскресенья, чтобы припасть к источнику Жизни. Причащение так необходимо мне, что я удивляюсь, как это я жил когда-то, не приступая к Чаше Христовой».

3

Служение

Жизнь в Церкви предполагает служение. Христос пришел не принимать хвалы и услужливое почитание, а послужить Сам и отдать душу за избавление многих. Восходя в Иерусалим, Он говорит ученикам (те как раз спорят на тему: кто бы из них больший был в Царствии Божием), что логика духовной жизни должна быть противоположна мирскому мышлению. Там цари и владыки обладают низшими, а среди учеников Христовых больший должен быть слугой и самый старший – всем раб. На Тайной вечере Христос оmyвает ноги учеников, говоря, что если Он – Господь и Учитель – так поступает, то и апостолы должны действовать в том же духе. Служение, добровольная отдача сил и умений, желание более быть полезным в отдаче, нежели славным в приеме услуг и почестей, должны быть внутренним мотивом христиан. К этому влечет человека Дух Святой, Дух Христов, Которого если кто не имеет, тот и не Его (см.: Рим. 8: 9). Обрезанное сердце хочет служить, а не величаться.

Значит ли это, что всем нужно искать места среди церковных служек и тружеников? Нет. Для начала – среди звонарей, сторожей, просфорников и клиросных певцов всем места не хватит. Человеку стоит совершить переоценку своего повседневного туда с точки зрения христианской идеи служения. Во-первых, есть профессии, представители которых не столько работают, сколько служат. Например, военные, врачи, педагоги. Особый статус этих избранных видов деятельности подчеркивается тем, что люди, вступая в должность, дают присягу. Нет присяги плотника, как нет и клятвы строителя. Но есть воинская присяга, есть клятва Гиппократа и есть присяга священника. Педагог хоть клятв не дает, но является по факту одним из Атлантов, на плечах которых держится небо. Люди особых профессий не создают прибавочной стоимости и не производят товаров. Но они лечат, учат и защищают людей, без чего не только прибавочная стоимость, но и сама жизнь вряд ли возможна. Вот эти люди в случае желания найти себя в Церкви никуда могут не ходить. Им только стоит осмотреться на привычном рабочем месте и запастись желанием исполнять свои прямые обязанности во имя Христа и с помощью Христа. Церковь ведь сильна не только строгостью монахов и молитвенностью священников, но и высоким профессионализмом врачей-христиан вкупе с необходимым для их работы человеколюбием. Церковь сильна, если просвещенный верой педагог любит детей, которых учит, и душу им отдает; если воин смел и закален, а судья умен и честен. «Я хочу отдавать силы и знания. Господи, укажи мне поприще!» – вот образец необходимой молитвы. «Дай», «прости», «помоги», «исцели» – слова на молитве привычные и понятные. Но есть дефицит в звучании на молитве великого вопроса: «Господи, что мне сделать ради Тебя?» Там, где такой вопрос начнет звучать, Бог непременно через обстоятельства жизни начнет со временем давать ответы и подсказки. Способы послужить и потрудиться появятся и обнаружат себя.

Но не нужно думать, что только небольшое число избранных профессий позволяет людям служить Богу и ближним, не покидая рабочего места. В широком смысле слова это доступно весьма значительному числу людей с их многообразными занятиями. Для этого в основание деятельности человеку необходимо положить слово Христово, которое прозвучало уже в Евангелии и снова прозвучит на Страшном суде: «То, что вы сделали одному из малых сих, Мне сделали» (см.: Мф. 25: 40). Любое дело меняет цену в зависимости от внутренней мотивации. Есть притча о том, как при строительстве собора святого Петра в Риме нескольких человек спросили, чем они заняты. «Я камни ношу, зарабатываю хлеб для семьи», – ответил один. «Я строю собор святого Петра», – ответил другой. Притча заканчивается убежденностью в том, что, если бы не такие люди, как второй ответивший, долго бы собор не простоял. Теперь приложим сказанное к самым простым профессиям. Что делает водитель городского транспорта (автобуса, трамвая и проч.)? Возит людей и зарабатывает деньги. Правильно, но вспомним: «То, что вы сделали одному из малых сих...» Если водитель хоть раз на дню подумает: «Христа везу», дело сильно изменится. И почему бы не думать водителю, что Христос неузнанный, намеренно изменивший привычный вид Свой едет в салоне его автобуса? Не говорит ли нам Церковь учиться видеть Христа в ближних? Уверен, что и вождение будет осторожным, и выпившим водителем никогда за руль не сядет. Таким же образом повар на кухне кафе, или ресторана, или школьной столовой смело может солить пищу солью, а мысль свою – словами: «Для Христа готовлю». Поверьте, вкуснее и здоровее выйдет. Также и мастер по квартирным ремонтам может думать о своем труде аналогично: Христос будет жить в доме после моего ремонта. И закройщик верхней одежды, и продавец на рынке и так далее, кроме разве что торговцев наркотиками и содержателей ночных клубов. Эти уж точно не принесут в жертву Богу свой труд. Но и они могут думать, что Христос сейчас и здесь смотрит на них и на «труд» их. От этой мысли многое может измениться, вплоть до закрытия бизнеса и перемены образа жизни.

Только видя Бога в человеке можно вырваться из удушливых тисков эгоизма и вечной погони за выгодой. Без памяти о Боге нет человеколюбия, есть лишь бессильная сентиментальность или откровенное использование людьми друг друга. Без человеколюбия мир обречен на превращение в зверинец, если только звери не обидятся на такое сравнение. Итак, сфера нашей деятельности, работа – это не только способ заработка, но и область практического проявления веры. Это есть то самое церковное послушание, на которое мы поставлены обстоятельствами жизни. Ведь случись кому быть монахом, и там нужно будет трудиться кому за компьютерной клавиатурой, кому за рулем трактора, кому на кухне. И при этом нужно будет помнить Бога, монашеские обеты и держать молитву. То же самое, хоть и в уменьшенном виде, требуется от всякого мирянина. Он в Церкви не только тогда, когда в воскресенье в чистой рубашке и выбритый пришел на воскресную службу. Он в Церкви всегда, в том числе и посреди служебных и рабочих обязанностей, в спецовке, в поту, среди суеты.

4

Церкви близка история как наука. Здоровому церковному сознанию свойственна историческая чуткость. Где нет чувства истории, там есть бегство от нее. А бегство от истории – это всегда раскол, ложное катакомбничество, создание сект. Бегство – это трусливый отказ от решения творческих задач, которые ставит каждая эпоха. Поэтому, воцерковляясь, человеку нужно ощутить прошедшие века и почувствовать себя малышом, сидящим на плечах гигантов. Нужно, как сказал некто из мудрых, «понять время». Для этого нужно познакомиться с основными этапами истории Церкви Вселенской, с историей своей Поместной Церкви (Русской в нашем случае) и с церковной историей малой Родины. Последнее очень важно, поскольку современный человек склонен жить на своей земле родной с мозгами туриста. Живя в Новгороде, он может ничего не знать о гражданской и церковной истории родного края, но, к примеру, не раз побывать на Тибете или в Таиланде или хорошо разбираться в истории американского рок-н-ролла. Такое умственное бродяжничество как раз и исцеляется нахождением корней и укреплением связи с ними.

Церковное мышление именно масштабно, что составляет поразительный контраст современному типу мышления, ставшего раздробленным, мелким, секторальным. Вот как отвечал Александр Невский римским послам: «От Адама до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Давида, от Давида до Пришествия Христа Царя, от Пришествия Христа до Первого Вселенского собора, от Первого собора до Седьмого Вселенского и от Седьмого Вселенского до ныне всё знаем и крепко держим. В вашей науке не нуждаемся». Перед нами всеохватное мышление, внутри которого есть место и самому человеку сегодня, и всем праведникам и грешникам прошлого. В быту любая конкретная ситуация стремится затмить собою горизонт. Широкий же исторический охват позволяет совершить побег из плена сиюминутности. Не умеющий подобным образом мыслить человек, равно как и общество, рискуют утонуть в деталях и частностях.

Есть Родина, и есть малая Родина. Должно быть, следовательно, и малое паломничество по святыням малой Родины прежде всяких странствий по иерусалимам и афонам. «Я на Афоне три раза был», — говорит не без гордости некий свежеспеченный «паломник», который бежит умом за горизонт и не подозревает о том, что близ него расположено множество святынь общенационального и вселенского значения. Не будет лишним всякому человеку, желающему найти себя в Церкви, посоветовать: «Походи по окрестным храмам и монастырям. Не поленись зайти и в краеведческий музей, чтобы узнать, какой была история этого, родного для тебя края. Узнай местночтимых святых». Одним словом — осмотришься с любовью и вникни в то, где ты живешь. Я бы еще посоветовал походить на кладбища, даже если у вас лично там никто не похоронен. Там лежат в ожидании воскресения мертвые тела людей, которые молились до нас на этой земле, которые здесь плакали и смеялись, строили, садили, воевали, грешили и каялись. Они так же реальны, как и мы с вами. Только их пока не видно земному взгляду. Близость к этим людям через посещение кладбищ и заупокойную молитву дает человеку то ощущение корней, которое почти повсеместно утрачивается. Вечность ведь конкретна. И блаженный вход в нее возможен тем, для кого и прошлое так же конкретно, знакомо, понятно.

История Церкви, знакомство с Литургией, Священное Писание, поучения святых – всюду человеку не обойтись без книги. Начинать почитание книг стоит с внимания к Библии. К Библии же стоит и постоянно возвращаться. Если хлеб – царь среди пищи, то Библия – королева в мире книг. Ее чтению в прежние века препятствовала безграмотность многих христиан. Сегодня, когда безграмотность побеждена, препятствием является суетность ума, подкрепляемая общим увеличением темпа жизни. Безбожный нрав, неумение останавливаться на путях своих и концентрироваться мешают многим взять в руки Писание, открыть его и углубиться. А между тем это одно из самых важных занятий. Знакомство с Новым Заветом по дневным и воскресным зачалам, толкования, услышанные в храме или лично прочитанные, – это необходимейшая пища всех. Затем – Псалтирь. Готовая книга прошений, хвалений и благодарений, знание которой способно дать человеку неоценимую помощь в молитвенной жизни. Но и всё прочее оставлять за скобками не стоит. Читать можно и художественную, и научную, и философскую литературу. Святитель Николай Сербский говорит, что можно прочесть Библию раз, затем отложить ее и несколько лет читать всё вообще, что напечатано серьезного: драматургию, поэзию, философию, историю. Потом опять взять Библию и вновь ее прочесть. Вот тогда, говорит святитель, вы почувствуете разницу между словом человеческим, пусть даже самым умным, и словом Божиим! Тогда вы узнаете, что такое Библия!

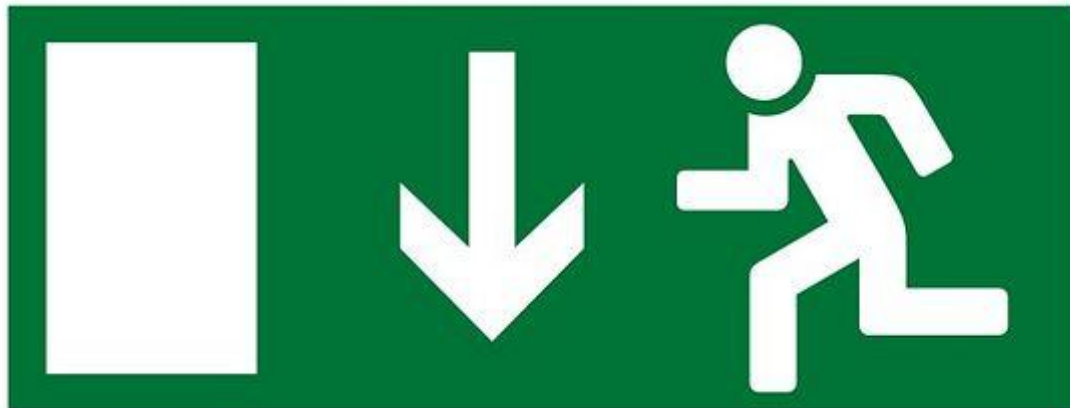
Есть люди широко известные в церковной среде и за ее пределами. Епископы или монахи, обычные священники или преподаватели духовных академий, они, будучи раскрытыми и яркими личностями, привлекают к себе массовый интерес нешаблонными словами о духовной жизни. Достаточно назвать такие имена, как митрополит Антоний (Блум) или иеромонах Серафим (Роуз). О них можно смело говорить, так как наши слова не несут для них самих угрозы тщеславия или гордыни. Это люди уже почившие, и там, где сейчас их души, тщеславие вряд ли вредит человеку. Но есть и ныне здравствующие люди Церкви, чье слово и дело привлекают к себе внимание многих. Так вот, если мы поинтересуемся «историями обращений» этих людей, то есть тем, как они нашли Христа, как Христос нашел их, мы узнаем для себя много важного. Например, у всех у них были какие-то встречи, оставившие неизгладимое впечатление. Были люди, встреча с которыми, слова и поступки которых явились определяющими и руководящими. Мы прикасаемся к той тайне и тому закону, который звучит примерно так: человеку нужен человек. Литургия нужна всем. И книга нужна всем. Без книг и Литургии христианство в принципе невозможно. Но еще нужен человек, который приведет вас на Литургию и объяснит, зачем она служится. Нужен человек, который даст или порекомендует нужную книгу и потом с вами ее обсудит. Нужен человек, который без книг и не на службе поговорит с вами раз или более, и его слова поведут вас по жизни в ту ширь и в тот свет, о существовании которых вы долгое время не догадывались.

Нужны люди, которые выслушают. Нужны люди, которые подскажут, отругают, помогут. Приютят, защитят, утешат, помолются. Они нужны всем нам на этапе вхождения в Церковь, они нужны и потом. Они всегда нужны. Но важно, чтобы и мы со временем становились для кого-то такими людьми: слушающими, утешающими, защищающими.

То, как откроется Церковь в своей нетленной красоте человеку, сформирует у этого человека на многие годы и отношение к церковной жизни, и способ возможного служения. Откроется вам церковная глубина через книги – быть вам в хорошем смысле церковным книжником. Быть вам рабом Божиим, много читающим, распространяющим вокруг себя благоухание церковного образования. Откроется вам Христос через Святую Службу – на веки веков станет для вас храм местом встречи с Живым Богом. Сами из него выходить не захотите и весь мир туда привести постараетесь. Посчастливится повстречать настоящего монаха – и тут жизнь выстроится по особой траектории. Но так или иначе, рано или поздно нужно, чтобы Церковь в своей неотмирности открылась человеку. Не будет этого – будет бытовое христианство, перемешанное с этнографическим материалом и обрядами, не затрагивающими ту глубину души, которая подлинно жаждет Бога и нуждается в уврачевании. Если же Церковь откроет лик свой очам человеческой души, откроет на малое время, чтобы не возгордился человек и не ослеп, но вместе и так, чтобы не забыл он этого видения никогда, то станет перед человеком во весь рост вопрос и задача – найти себя в Церкви. Кто я здесь, и как мне жить? Могу ли отдавать нищему копейку и ходить только к обедне или должен раздать всё и следовать за Христом, взяв крест? Могу ли сделать хоть что-то, если не могу принести и отдать много?

Это творческий вопрос. Творческий потому, что ответ на него нужно выстрадать каждому, и ответы эти будут разными. Со временем каждый, кто нашел свой жизненный ответ на этот вопрос, сможет написать (дай Бог) свою книжку с рекомендациями и изложением личного опыта. А пока изобилием подобных книг не может похвалиться ни одна церковная лавка, между створками нашего ума, словно между створками морской раковины, пусть песчинкой застрянет вопрос: нашел ли я себя в Церкви? Если нет, то: как этого достичь?

Чтобы не уйти...

«Умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой». Так говорили римляне о заклятом своем враге и гении войны – Ганнибале Карфагенском. Тот, как известно, сражения выигрывал, и при Каннах нанес Риму неслыханное поражение, и вообще покрыл себя славой великого полководца, но... Войну Риму всё же проиграл, потому и дал повод для подобных пословиц. И сказанное о нем не его одного касается. Можно выигрывать сражения и проиграть войну. Можно выиграть войну, но бездарно распорядиться плодами победы. И далее вглубь жизни по нисходящей линии: жениться, но не создать прочную семью; выучиться, но никогда не пользоваться полученными знаниями; построить дом, но не обжить его. Список велик. И нам, как людям верующим, интересна такая ситуация: человек в Церковь пришел, но в Церкви не остался. Вымыло человека из Церкви, выбросило, словно пробку из шампанского. Это случается сплошь и рядом. И у этого явления есть масса субъективных характеристик, знать которые мы не в силах, следовательно – оценивать не вправе. Но у этого явления есть и стандартные черты, которые можно описывать и наносить на карту местности в качестве заминированной территории. Итак, по какому минному полю, или шире – полям, ходить не стоит, ступив на землю Церкви?

Немало людей вошли в церковную ограду с тревогой о конце света. Это не предосудительно и даже неизбежно. Сама вера наша устремлена к будущему веку, то есть видит конец века нынешнего. Христос, как пишет апостол Павел, «когда пришла полнота времени... родился от жены и подчинился закону» (Гал. 4: 4). Полнота наступила с момента Рождества, и под знаком ожидаемого конца проходит вся история человечества. Более того, именно когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда-то и близок конец (см.: 1 Фес. 5: 3). То есть когда ожидание конца и ощущение его близости отойдет, придет на их место ложная уверенность в стабильности – тогда близок конец. Но сказанное как раз означает, что в отношении конца времен христиане должны быть, я бы сказал, напряженно-спокойны. Они не должны быть взвинченны и нервозны. Именно взвинченность и нервозность характерна для некоторых недавно пришедших, недавно воцерковившихся. Они не знакомы с историей. Им кажется, что сегодняшние события совершенно уникальны, тогда как на деле всё уже было не раз: и массовая тревога, и ропот против церковной власти, и умножившиеся грехи, и беды, вплоть до не погребенных трупов вдоль дорог. И всё это повторяется в духе, меняясь лишь в пропорциях и количествах, до тех пор, пока не протрубит последняя Архангельская труба. И о дне и часе том нам заповедано даже не испытывать, но в целом вести жизнь бодренно.

Эсхатологическая взвинченность опасна с нескольких сторон. Во-первых, те, кто не разделяет крайних взглядов, кажутся «ожидателю конца света» либо изменниками, либо людьми мирского духа. Ревностный язык не щадит тогда и патриарха с митрополитами, и духовников в монастырях и приходских храмах. Всюду мнится если и не заговор, то по крайней мере непростительное охлаждение. Дружественные связи рвутся. Из всех тем для разговоров остаются только темы масонов, кодов, знаков и близкого суда. Не только радость, но элементарное спокойствие уходит из жизни. И можно смело считать «закодированным» человека, всюду говорящего только на тему кодов. А каково разочарование «ожидателя», когда Суд медлит и времена оттягиваются! На Самого Господа, думаю, некоторые злятся, что Он не спешит прийти. Огорчаются, как Иона, даром ждущий разрушения Ниневии. И как было уже в истории, так бывает и на наших глазах. Ждавшие, но не дождавшиеся конца христиане склонны вместе с потерянной надеждой на скорое завершение истории утратить саму веру. Времена напряженного ожидания Суда часто сменяются временами плотского разгула, скепсиса, словно компенсирующего былые эсхатологические лишения и ожидания.

Вывод: не стоит строить всю веру и всё мировоззрение на одном лишь только последнем члене Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Стоит помнить о конце всегда. Но не стоит мыслями о конце вытеснять из жизни всякую радость, всякое творчество, всякую простоту и легкость, без которых жизнь может стать невыносимой независимо от близкого прихода или неприхода Антихриста.

Церковная изнанка. «Слишком человеческий аспект»

В храм можно войти главными, западными дверями, но служителям можно и через пономарку. Так и театр для зрителей начинается с вешалки, но для работников и артистов – с черного или служебного входа. Всюду есть возможность заходить не с улицы и открыто, но как-то и где-то вместе с «избранными». В отношении Церкви имеется в виду «естественное» для падшего человека стремление завязывать знакомства, обрастать связями, гордиться близостью к тем или иным церковным деятелям и иерархам. «Я знаю», «я был», «мы общались», «мы вместе ездили»... Всё это слишком по-человечески, и не стоило бы на этом акцентировать внимание, если бы не опасности, скрытые в явлении. Странно, но факт: можно так сильно обрасти «знанием» разных людей Церкви, что знание главного Человека Церкви – Иисуса Христа – отойдет на задний план. То, в чем Павел упрекал коринфян («я Павлов, я Аполлосов, я Кифин», – говорили они. – см.: 1 Кор. 1: 12), существует в виде реального соблазна и для всякого из нас. С одним епископом ездил в паломничество, с другим архимандритом сидел за столом на празднике, у того духовника был в келье, и вот уже началось «священное накопительство» знакомств и воспоминаний. Это потом можно будет пересказывать с видом знатока, это можно будет вменить себе в тайную заслугу. А ведь единственное, что имеет подлинную цену, – это знание Иисуса Христа как Главы Церкви и своего Спасителя. Всё остальное – инструментальный для этого познания.

Дальнейшие опасности парадоксальны. От любви до ненависти, как известно, один шаг. Ровно столько же и от страстного восхищения и обожания до вражды и ненависти. Чрезмерная близость к человеку опасна угрозой резкого разрыва с человеком. У англичан есть поговорка: «Ближе

знаешь – меньше читай». Отсутствие некоторой необходимой отстраненности от старца, духовника, священника, епископа опасно. Опасна эта не в меру сократившаяся дистанция именно человеческим (страстным) отношением к носителю сана. Она грозит превратиться в явление просто человеческое, слишком человеческое, а значит, по сути прелюбодейное (не в смысле непременно плотского греха, но в смысле измены Господу, что есть на языке аскетики – прелюбодейание). И если кто-то из нас начнет искать абсолютную святость в мире церковных людей, он может спровоцировать катастрофу в своей духовной жизни. Мы можем забыть литургический возглас: «Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». Христос – Единый Безгрешный. В этом смысле слова «Един Свят» – это не просто возглас службы, но руководящий принцип мышления. Абсолютной святости в людях искать нельзя! Сам поиск ошибочен, следовательно – результаты могут быть губительны. Результатом может стать разочарование, разуверение, крушение идеалов, отчаяние. И вот уже вчерашний собиратель «отеческих преданий» и «живых историй» сегодня оказывается циничным пересказчиком церковных анекдотов. Он устал, он поломал крылья, он обжегся ранним входом в алтарь или чрезмерной близостью к иерархам. Ему не на пользу пошли услышанные разговоры. Его уже трудно удивить, поскольку со всем он, кажется, знаком. На Литургии он рассеян, книги его не интересуют. Проповедь он не слушает, благословение берет только по привычке, вместо «здравствуйте» с духовенством.

Если вы не хотите, чтобы сказанное относилось к вам или вашим родным, не спешите вводить своих сыновей в алтарь, даже если настоятель предложит. Не спешите и сами близко сходить с церковными людьми. Окрепните в вере, наберитесь твердости и мужества. Научитесь видеть Христа не только в символах и знаках богослужения и церковного убранства, но научитесь замечать Его действия через людей, благодаря людям и вопреки им. Тогда всё остальное будет не страшно. Тогда остальное вас не оттолкнет, не обидит и не соблазнит. Но только тогда – и не раньше.

Церковь – это, при всей видимости, осязаемости, исторической огромности, есть предмет веры. Мы говорим: «Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». То есть главное в Церкви доступно не глазу, не уху и не рукопожатию, а сердцу. И как зрелище греха вне Церкви не разубеждает верующего в существовании Бога, так и зрение греха внутри Церкви не убивает у подлинно верующего человека веру в Церковь и любовь к ней. Такая встреча с грехом внутри ограды есть всегда вызов, и боль, и серьезное испытание. Его можно преодолеть, но его нельзя искать, и на него нельзя добровольно нарываться. Вот почему настырное желание всё знать, со всеми перезнакомиться, всюду быть вхожим и своим наказуемо умножением соблазнов и угрожает потерей веры.

Если Церковь сравнить с картиной, то нужно выбрать расстояние от себя до нее, чтобы видеть всё правильно. Чрезмерное удаление превращает картину в пятно. Но чрезмерное приближение открывает фактуру холста, отдельные мазки, но никак не красоту в видении общего и целого. Ищите такую точку обзора Церкви, с которой Невеста Христова будет видна в красоте своей. Но без особого приглашения не держайте подходить к ней ближе, чем на вытянутую руку. И даже после приглашения приблизиться не спешите. Если это воля Божия, приглашение повторится.

Горячность. Возможная чрезмерность усилий

Жизнь в Церкви – это не бег на спринтерскую дистанцию, так, чтобы рвануть с места, выложиться и достичь цели. Это даже не бег на длинную дистанцию, но, если уж говорить в подобных категориях, это кросс по пересеченной местности или даже марш-бросок. Мы движемся не по ровной дорожке, наматывая круги. Мы движемся вверх-вниз, то бегом, то шагом, не налегке, но с грузом или отягощением. Соответственно нам нужна не рывковая скорость, а терпение и жизненная выносливость.

Многими тысячами исчисляются те наши во Христе братья и сестры, которые в начале своего церковного пути «подвижничали» с максимальным напряжением и быстро растратили запас сил. Затем с роковой неумолимостью к людям, растратившим силы, подбирается уныние, а там уже недалеко и до кризиса веры. Вы легко узнаете их по потухшему взгляду, по скептическим интонациям голоса, по грустным историям о личных катастрофах, постигших тех или иных христиан. И всего этого можно было избежать или по крайней мере минимизировать потери, если бы существовало здоровое духовное руководство. Но поскольку каждый из нас чаще всего предоставлен сам себе, а те, у кого есть духовник, нередко имеют в их лице ригористов и любителей строгости, то и результат понятен. Каждый из нас, кто нашел Церковь Христову и кто

сумел, преодолев неизбежные сложности и соблазны, остаться в Церкви, призван к своему «малому учительству». Мы можем быть осторожными подсказчиками тем, кто делает в Церкви свои первые шаги. Стоит подчеркнуть слово «осторожными». Ведь неопит, если он (она) студент, будет рваться в монастырь и захочет бросить учебу в вузе. Наше дело успокоить его и убедить доучиться «за послушание». Неопит выбросит с полки одни книги и заменит их другими. Он начнет постигаться по монастырскому уставу и обяжет вокруг запястья четки. Он еще много чего сделает вплоть до поспешной попытки дать обет безбрачия или пуститься в странничество. А наше дело, в качестве старшего друга или брата во Христе, сдерживать, успокаивать и подсказывать. Мы должны действовать в духе слова, сказанного древними: «Увидишь новоначального, лезущего на небо, – сдерни его за ноги».

Принцип постепенности требует от человека постоянной усиленной учебы. И если «поле – академия солдата», то наша учеба – практическая литургика. Нужно сперва всем изучить чинопоследование Литургии и неопустительно бывать на службе в воскресенье. Оттуда – от посещения храма – начнется слышание слова Божия и знакомство с месяцесловом, то есть с именами и житиями празднуемых святых. Важнейшей вехой должен стать первый в жизни Великий пост. Великий канон, скудный стол, неядение в определенные дни, земные поклоны, Преждеосвященная Литургия, Страстная седмица с ее уникальными службами и наконец Пасхальная ночь должны и могут стать камертоном церковности. Затем, однажды пережив ту Христову ночь, что светлее дня, человек должен будет поддерживать пасхальное горение в своей душе каждое воскресенье и смотреть на воскресный день как на малую Пасху. Среда и пятница каждой седмицы смогут стать со временем малым аналогом Великой среды и Великой пятницы. Жизнь будет выстраиваться относительно главного – Воскресения Христова и подготовки к нему. Тогда можно будет заняться и всем остальным, от молитвы по четкам до изучения греческого. Но не раньше.

Великое дело также – прислушаться к слову: «Избери себе чтение». Духовные книги, которые мы читаем, должны быть таковы, чтобы написанное в них могло быть нами применено на практике. В случае если предмет чтения недостижимо высок, мы рискуем травмироваться попытками воплощения прочитанного, а затем рискуем впасть в уныние от чувства никудышности. Так, предупреждают святые, монах, живущий в общежительном монастыре, может читать книги об отшельничестве и мечтать о пустынном житийстве. Монах же, живущий в пустыне, может читать о смирении братьев в общежитии и смущать себя мыслями о превосходстве житийства среди братьев. Цель у лукавого и там, и там одна – поселить в человеке недовольство своим образом жизни и согнать с места. Далее однажды согнанный помыслами с места рискует уже нигде не найти покоя и с унылым видом странствовать с места на место. Что касается мирян, то схема та же. Они читают монашеские книги, мечтают о святом житии вдали от суеты и... создают проблемы себе и другим на ровном месте. Жены не хотят стоять у плиты и делить супружеское ложе. Мужья мечтают бросить работу и одеться в подрясник. И те, и другие тихо ненавидят всё, что вокруг них, и это мало похоже на подлинно духовную жизнь.

Вывод: читать нужно то и лишь то, что можешь применить на практике. Реальной проблемой нашей церковной жизни является острый дефицит книг, написанных для мирян, о мирянах и об их ежедневной духовной проблематике. Но дефицит дефицитом, а холодная голова холодной головой. В пушкинские времена святитель Филарет (Дроздов) в переписке и устно осаживал некоторых, не могущих понять, что XIX век не есть век V, а пригород Москвы не есть Фиваида или пустыня Египетская. Два столетия прошло, а необходимость доказывать это не отпала.

«Спасись не трудно, но мудро», – говаривал преподобный Кукша Одесский. В этой короткой фразе большая сила. Спасение достигается не столько чрезвычайностью усилий, сколько дозированным усилием в правильном направлении. Ключевые слова – «правильное направление», поскольку множество сил, брошенных в пустоту, никакого эффекта не дают. Мы все нуждаемся в трезвении. Не в смысле воздержания от спиртного (что тоже уместно и желательно), а в смысле трезвого взгляда на мир и себя в нем. Об этом трезвении молится священник сразу после освящения Даров. Он просит, чтобы Великие и Святые Тайны были людям «во трезвение души». Это столь важно, что просьба об оставлении грехов поставлена после просьбы о трезвении. А ведь, казалось бы, прощение грехов – самое желаемое. Нет. Противоположность трезвению – прелесть. В общем и целом это то состояние души, при котором человек признает ложь за истину, обманывается в главном. Человек может быть уверен в своей святости, в правильности своего пути, в непогрешительности своего образа мыслей и проч. Тогда он будет идти по жизни, как паровоз по рельсам, и остановить его или заставить свернуть будет невозможно. Вот такой негибкой твердости новоначальному и нужно опасаться. Затвердевать,

набирать скорость на выбранном пути человеку можно только после приобретения опыта, после преодоления неизбежных ошибок, после приобретения опытного смирения.

Не жить только ожиданием конца света; не искать в людях той беспримесной святости, которая есть у одного лишь Господа; обижаясь на людей, не переносить обиду на Церковь; в друзья к сильным не лезть; сплетни не переносить, слухами не интересоваться. Учиться и думать, познавать церковную жизнь через нужную книгу и Литургию. Никуда не спешить, внешние условия жизни не менять с революционной решительностью, так как всё внешнее поменяется само в зависимости от перемен внутренних. Запасаться терпением и вырабатывать в себе житейскую выносливость. Что еще забыли? Наверняка многие слова не сказаны, и мудрые добавят от себя или оспорят нечто из сказанного. Вспомним в конце поднятого разговора еще одну заповедь отцов: «Пойми время»

Разные времена требуют от христиан разных трудов. И мы не как бесчинные и самовольные подвижники творим, что хотим, но как сыны Церкви должны делать то, чего Церковь ждет от нас. Есть времена тихих и тайных молитв, времена мужественного исповедания, если тебя раскрыли. Есть времена (вернее – были) массового подвижничества и аскетизма. Есть времена внешнего благополучия, подаренные Богом для того, чтобы подготовиться к грядущим скорбям и заняться исцелением внутренних недугов церковной жизни. Монашество, семья, образование. Бывает, что каждое из этих явлений цветет или приходит в упадок. Что сегодня? Каков общий фон истории? Мы не будем давать ответов на этот вопрос, поскольку задача понять время обращена к каждому. От того, как кто время поймет, так он и жить будет. Разные ответы родают разные образы поведения. Один захочет переехать из города в деревню, а другой пойдет учиться на богословские курсы. Один побоится жениться, а другой, напротив, и своих детей нарожает, и брошенного из детдома усыновит. Кто-то захочет убежать на Запад, а кто-то, наоборот, начнет думать о миссионерстве на Востоке. Ответы будут разными, и суд о них будет выносить Господь. Не предвосхищая Его суд, лишь повторим вопрос-задачу: «Пойми время». И поскольку мы потратили некоторое количество времени и слов на тему того, как неопиту не выйти вон из Церкви, попробуем потратить время и силы на следующую тему, органически вытекающую из первой. А именно: что в Церкви делать? Чем в ней заниматься? Как найти свое место в этом своеобразном Ноевом ковчеге, где так много совершенно разных живых существ – хищников, травоядных, больших и маленьких, таких разных и непохожих, собранных под одну крышу чувством общей опасности и общим для всех желанием – спастись.

Знаем по опыту, что множество людей живут на свете с чувством ненужности, с чувством брошенной или забытой вещи. Такие люди живут словно и не своей жизнью. На контрасте – чувство присутствия в нужном месте и в нужное время, чувство собственной, пусть маленькой, полезности дает ощущение «ключа в замке». Все на своих местах, и всё как надо. Хотелось бы и в Церкви чувствовать себя, как ключ в замке. И этот вопрос требует отдельного разговора.

Поморская быль

Лет тому -надцать видел я в телевизионном окне интервью с ныне уже покойным академиком Панченко А.М. Он сидел в каком-то дворике, то ли московском, то ли питерском, и рассуждал вслух о многих вещах. В том числе – об огромности нашей страны. Не в бердяевском смысле: о влиянии необъятных просторов на широту русской души, – а по-бытовому: вы только представьте, какая она огромная – Россия! Человеку, никогда не бывшему за Уралом, не летевшему над Восточной Сибирью или не ехавшему сквозь нее сутками в поезде, трудно произнести с должным пониманием слово «Россия». И я сам из этих. Путешествовал привычно в рамках европейского птичьего двора, и никогда не случалось оказаться в таких местах, которые по площади соперничают с целым континентом, а по плотности населения – с полупустыней. И вот наконец сподобился.

Я был в Архангельске. Был наездом, as usually, даже наскоком. А если по способу передвижения, то налетом. Но все-таки был. Раньше ведь я что про те края знал? Только то, что в мультфильмах видел: «Смех и горе у Бела моря», «Морожены песни», «Поморская быль». А теперь хоть и мало, но сам у Двины постоял, на серое небо посмотрел, подумал... это один из тех городов, имя которого церковно по определению. Мы с детства слышали по радио, что «в Петропавловске-Камчатском полночь», а ведь не всякий понимал, что апостольские имена звучат по радио ежедневно. А еще есть в России город Златоуст, названный в честь самого великого и известного проповедника. Есть Благовещенск, названный в честь того Дня, когда Архангел сказал Деве: «Радуйся, Благодатная». Архангельск в этом же ряду. Имя городу дал монастырь в честь Небесного Архистратига. История воплощена в гербе, на котором Михаил с мечом в руке смиряет не умеющего смиряться Денницу.

«У нас крепостного права не было, – говорит мне по дороге из аэропорта встречавший священник. – И монголов у нас не было». Уже этих двух фактов довольно для понимания того, что народ здесь особый. Европейскую шутку здесь могут не понять, а если и поймут, то залиристо хохотать не будут. Не принято. Здесь были люди суровые и торговые. Белое море лентяев не кормит. Смельчаков кормит, и то не досыта. Вот когда торговля пошла, тогда, надо думать, хорошо было. Но нет такого «хорошо», которое испортить нельзя. Основав новую столицу на Балтике, Петр I смирил архангельцев тем, что запретил им торговать. Все потоки торговые перенаправил в новую столицу согласно сказанному: «Все флаги в гости будут к нам». Архангельск затих и присмирел. При Екатерине опять начал расправлять крылья, но уже не в прежнюю ширь. А в советские годы отсутствие крепостного права и монгольского ига компенсировалось с лихвой жестокостью советской власти.

«Мы горько шутим, – говорит всё тот же священник (удивительный во многих отношениях, кстати), – что большевики по алфавиту Церковь гнали. Нас, на букву “А”, взяли плотно в оборот. А вот в Ярославле почти ни одного храма не разрушили. Видно, по пути от “А” до “Я” силы кончились». Так или нет, а атеизм на Севере лютовал. Снесли всё, что успели и смогли. И за несколько поколений пропаганды воспитали людей так, что теперь нужны серьезные усилия для возвращения к молитве и церковной жизни суровых и простых северян.

Парадокс, но спасению Церкви в этих краях послужили украинцы. В советские годы расселяясь по огромным просторам, многие выходцы из Закарпатья, с самих Карпат, с Волыни и проч. нашли здесь место служения. А Север таков, что, увидев его впервые, насторожишься. Подумаешь:

скорей бы домой. А пожив чуток, уезжать не захочешь. Так многие говорят. Кстати, вся Россия такая. Это не нравится, то не нравится, здесь сурово, там неприветливо. А между тем сердце уже прикипело и влюбилось. И придет время уезжать – не захочешь. Так, думаю, было и у многих отцов, и у многих офицеров, и у многих моряков. Но родные места тоже не забудешь. Поэтому внимание многих к Украине приковано, и все спрашивают: «Как там? Что там? Почему такое случиться могло?»

Архангельский собор – украшение города, взорванное большевиками, – восстанавливается. Здание епархиального училища, в котором провел несколько лет учебы Иоанн Кронштадтский, передано Церкви. Ради связи с праведным батюшкой и чтения, на которые я был приглашен, называются Иоанновскими. Неподалеку (по местным меркам), в Северодвинске, закладывают новые подводные крейсера, от одного взгляда на которые, по словам очевидцев, душа трепещет от гордости за воскресающую Родину. А еще есть здесь то самое Верколье, где жил праведный отрок Артемий. И есть «Кемьская волость», которая так нужна была шведам и которую, по сюжету фильма об Иване Васильевиче, самозванец Бунша отдать им не смог. Вообще здесь всего много есть, поскольку территория области превышает территорию Франции.

Но я там был недолго и видел мало. Видел заснеженные кресты на кладбище из окон храма, где служили с владыкой раннюю. Видел учащуюся молодежь в институте, где проходили чтения, и подивился обилию иностранцев. Видел лица простых людей, не показавшихся мне вовсе суровыми, когда беседовал с ними вечером и отвечал на вопросы, одинаковые во всех частях нашей страны. К уверенности в том, что страна наша огромна, добавилось у меня еще одно ощущение этой огромности. К чувству того, что Церковь наша живет и развивается, добавилось еще одно доказательство. Не без мысли о необходимости еще очень многих трудов, впрочем. И куда бы еще ни пришлось лететь или ехать, всюду, надеюсь, будут встречаться мне реальные святые люди, не подозревающие о своей святости. Такие, каких я мельком увидал в Архангельске.

Засыпая в самолете (вылет ни свет ни заря), думалось мне, что народ наш внутренне богат и есть у него будущее. А еще перед закрытыми глазами стоял герб Архангельска, и мысль, обращенная к Михаилу, шептала: «Не оставляй нас, Архангеле».

Отверзу уста моя

Среди текстов, которые читают священники, часто встречаются слова об «отвержении уст». Обычно вот так говорится: «дай нам благодать во отвержение уст наших». И на этих словах стоит остановить свое внимание.

Их можно найти в тех утренних молитвах, которые тайно (про себя) читают иереи во время звучания в храме шестопсалмия. Это выражение есть в Литургии святого Василия. «Дажь нам слово во отвержение уст наших во еже призвати Духа Святого на хотящие предложитися Дары». И можно найти еще много мест в молитвенных текстах, где этот смысл ярко подчеркнут. Дай мне, Господи, благодать, чтобы уста мои открылись на Твое прославление. Получается, что для призвания Бога, для того, чтобы просто разлепить уста

и сказать «Господи», нужна особая благодать. На этом я и хочу, хоть и кратко, остановиться.

Еще одна оговорка. Не только священникам, но и мирянам, эти слова известны. А то ведь подумают, чего доброго, что у священников есть свои тайные и закрытые источники знаний (требники, служебники и проч.) Нет. В смысле – требники есть, а тайных знаний нет. То, что знает священник, может знать и мирянин. Никакие тайные дисциплины священству не преподаются. Вот и в псалме покаянном (50-м), который всем известен, говорится: «Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою». То есть закон один: «Ты мне откроешь уста, а я прославлю Тебя этими устами, открытыми Тобою».

Открытие уст – что может быть проще? Открытие уст, это такая невинная, ежедневная и привычная процедура, что требовать для нее особой благодати как-то не сразу начнешь. Человек с плачем открывает уста в час выхода из чрева, и потом только с перерывом на сон не может их закрыть во всю жизнь до самого дня смертного. Гляньте на себя. Гляньте вокруг. Люди сплошь и рядом открывают (отверзают) свои уста; попросту говоря, расширяют рты, не спрашивая ни у кого никакой благодати и помощи. Впору бы просить противоположной благодати, а именно: благодати держать язык за зубами. Или: благодати закрыть рот вовремя и не открывать его не по делу. Так мы, кстати, и просим Великим постом: «дух празднословия не даждь ми». Вот где насущная нужда, всем понятная и не вызывающая противоречий. И если сложить это «открывание» и «закрывание», да связать их с благодатью Божией, то получится, что без благодати Божией ни закрыть рот вовремя, ни открыть его не получится. Человек будет открывать и закрывать уста не во время и не по делу. Нужно будет молчать, а он как раз будет стрекотать без умолку. Потом настанет черед говорить, а человек замолкнет вдруг, словно в рот воды набрал. И это потому, что живет человек без благодати Божией. Благодать нужна, чтобы органы речи действовали в согласии с нравственным законом, а не беспорядочно.

Бытовое сознание шепчет мне в левое ухо: «Не делай проблем на ровном месте. Захочешь – откроешь рот и скажешь, что хочешь; захочешь – закроешь рот. Ты – хозяин рта своего, равно, как и легких, и языка. И всего прочего». А Дух веры говорит мне: «Без благодати Господа даже уста разлепить не сможешь. Захочешь помолиться и не сможешь, потому что это Бог дает молитву молящемуся. Знай это, и на язык смотри, как на кимвал, на легкие – как на мехи органные, на голосовые связки – как на струны. Ты – инструмент. Сложный и красивый инструмент, но без игрока бесполезный. Играет же на нем Господь. Смирись».

Призвать Бога от всего сердца, это тоже что спастись, как написано: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Иоиль 2:32). Эти слова святой Павел относит к Господу Иисусу (См. Рим. 10: 8-13) И можно ли спастись без благодати? Даже вопрос абсурден. Категорически нет. Значит и призвать Господа с верой без благодати нельзя. Захочешь и не сможешь, поищешь и не найдешь. Ссохнутся празднословные уста и сердце тщеславное окаменеет, если Бог благодати не даст.

А ведь и вчера было, и сегодня есть полным полно людей, которые болеют особой немотой – немотой на призывание имени Божия. «Как пройти к гастроному?», — спросить могут, а «Где Ты, Господи?», — не спрашивают. Это подлинная болезнь, и людскими средствами она не лечится. Одно лекарство – благодать Божия. Надо просить: «Дай им, Господи, благодать во отвержение уст, да призовут Тебя, Единого Истинного Бога, и спасутся». И о себе самих стоит думать со страхом и без самонадеянности. То, что сегодня, вчера и третьего дня я призывал Бога, вовсе не значит, что этот подарок у меня

навсегда в кармане. Вовсе это не значит, что я с легкостью и всегда призову Спасителя по имени.

Имя человеку – немощь. Человек может ожесточиться. Человек может устать. И в уныние впасть может человек. И веру утратить тоже может. Любой человек. А тогда не призовет уже он Бога, просто не сможет. И самые простые слова дадутся ему с такой тяжестью, что будет это очень и очень удивительно. Поэтому о, вы, призывающие Господа! Не вмените себе свою молитву в заслугу. Она есть дар свыше. Да и вообще «всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1:17) Вместо того, чтобы считать молитву своей собственностью и гордиться ею, лучше будем в простоте просить у Бога благодати во отвержение уст. Будем просить для себя и «для того парня», т.е. для тех немых, которые пока Господа не призвали. Да дастся и им благодать, вначале для наполнения сердца. А потом, когда в сердце тесно станет, уста сами по благодати заговорят. «От избытка бо сердца уста глаголют» (Мф. 12:34)

Больше всего миру не хватает веры

Современный человек духовно голоден, он испытывает небывалую жажду слов Господних, и мы должны стать теми, кто откроет перед ним Библию. Об этом рассказал известный проповедник протоиерей Андрей Ткачев на встрече с общественностью в Архангельске.

В беседе отец Андрей обратил внимание на необходимость христианской проповеди: «Миру не хватает многого: ресурсов, денег, терпения... Но больше всего миру не хватает веры. Как говорит в своем послании апостол Павел, вера рождается от слышания, а слышание от Слова Божия (Рим. 10:17). Посещая церковь, мы не должны быть духовно подобны глухонемым, которые сначала не слышали Слова Божия, а потом не смогли передать его другим. “Горе мне, если я не благовествую!” (1 Кор. 9:16). Мы не имеем права молчать. Сейчас проповедуют все – театры, политические трибуны, реклама полны призывами, они навязывают людям свои идеалы, интересы и взгляды. А христиане молчат. Так не должно быть! Христианство – это словесная религия, мы должны стать теми людьми, которые откроют человеку Библию, откроют ему Слово Божие».

По словам священника, в человеке одновременно живут вера и неверие: «В Евангелии мы слышим слова отца, который подошел ко Христу с просьбой исцелить его сына: “Верую, Господи,

помоги моему неверию!» (Мк. 9:24). Федор Михайлович Достоевский считал, что если человек не может отнести эти слова к себе, то он не христианин. Между верой и неверием лежит огромное поле. Сегодня мы веруем сильно, а завтра с нами что-то плохое случается, и мы верим уже чуть меньше. Человек постоянно находится в борьбе за свою веру. А вера – это еще и доверие. Господи, Ты знаешь все, знаешь, для чего нужно это страдание, эта потеря. Ты знаешь, как лучше, и я Тебе доверяю. Всю свою жизнь мы должны проверять себя, а в вере ли мы? И к концу жизни мы должны оказаться на высшем пике веры. Наш переход в Вечность должен стать ее победой, ее торжеством. И мы должны готовиться к смерти, как спринтер готовится к решающему забегу, как боксер – к финальному бою. Веруем ли мы, любим ли, исполняем ли заповеди, несем ли другим Слово Божие?»

Говоря о ситуации на Украине, отец Андрей подчеркнул, что относиться к происходящему необходимо с состраданием: «Нельзя внутренне отделять себя от Украины, необдуманно повторяя чьи-то слова осуждения, навешивая какие-то ярлыки. Нужно понимать, что корень всех человеческих катастроф лежит в грехе. Революцию творят зависть, жадность и глупость. Разве этих страстей нет и в нас самих? Есть! Поэтому я прошу вас, молитесь об Украине, молитесь и о своей стране, чтобы Господь уберег ее. Чтобы то зло, которое есть в каждом из нас и действует подспудно, не взяло верх над добром и не разразилось бедой».

Миссионер предостерег верующих от ложного восприятия христианства: «Нужно понимать, что жизнь верующего человека комфортной быть не обещает. Это иллюзия, будто бы если человек начал ходить в Церковь и молиться, то Господь обязан помогать, что все будет сразу хорошо. Господь никому ничего не обязан. Он возьмет тебя за руку, проведет сквозь Чермное море, заведет в пустыню, а потом толкнет тебя в плечи и скажет: “Путешествуй!” – и так до самой Земли Обетованной! И путь будет долгим. Жизнь человека – это путешествие из Египта в Палестину, из земли рабства в землю свободы. Нам нужно осознать жизнь верующего как борьбу, как постоянный труд».

Отвечая на вопросы о семейной жизни, священник подчеркнул важность иерархичности в семье: «В семье нет равенства. Муж не равен жене, он – глава семьи. Дети не равны родителям, они должны слушаться, а если не слушаются, то могут быть наказаны. Так же и в церкви: епископ не равен священнику, а священник – мирянину. Подчиненный не равен начальнику. И в этом нет несправедливости, в этом – гармония и красота. Церковь – тело Христово. В теле рука не равна глазу, но у всего есть своя функция, и все работает вместе, слаженно. Это благословенное неравенство! Представьте себе, что в лесу все деревья – одинаковые. Я бы не захотел там гулять!»

Представьте, что по небу плывут одинаковые квадратные облака. Творец создал все прекрасным, разным. В природе все объединяет красота, а неравных людей объединяет любовь. И вот, муж – это глава семьи, его надо слушать всегда, когда речь не идет о совершении греха. Большая печаль современных женщин – это то, что их мужья не приходят в Церковь. “Как быть с мужем, если он не соблюдает церковные правила, уставы?” Благодарить Бога, что он у вас есть, любить его, молиться за него. Если он хоть иногда заходит в храм Божий – радуйтесь! И не надо своей «святостью» отдалять себя от родных людей. Если муж вас зовет в кино посмотреть “Поддубного”, а вы хотели подольше помолиться или что-нибудь духовное посмотреть, идите на “Поддубного”, берегите мир в семье!»

Также миссионер отметил, что зачастую проблемы в семье возникают из-за чрезмерного влияния родителей на своих взрослых детей. По мнению священнослужителя, как только юноша или девушка создает свою семью, родители должны «сделать шаг назад» по слову Господню: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей» (Быт. 2:24). Если родители пытаются управлять своими взрослыми детьми, сеют раздоры, то молодые люди должны найти в себе мужество и сказать: «Дорогие мама и папа, спасибо вам за жизнь и за воспитание, но теперь у меня своя семья, и я слушаю мужа, я держусь своей жены, воспитываю своих детей».

Православным девушкам, желающим создать семью, отец Андрей посоветовал возложить упование на Господа, молиться и деятельно готовиться к замужеству, сознавая свою будущую роль: «Я знаю, как трудно сейчас воцерковленной девушке найти воцерковленного молодого человека. Это почти невозможно, потому что их почти нет. Но вспомните, что у Бога нет ничего невозможного. Встаньте перед сном на коленки, скажите от всего сердца: “Господи, я замуж хочу! Я хочу детей”. Вы ведь хорошего просите, брак – это святое дело. И Бог, как любящий Отец, даст вам мужа тогда, когда вы к этому будете готовы. И сами готовьтесь к этому – учитесь шить, варить борщ, полюбите порядок и чистоту. Вышивайте и на каждый стежок молитесь: “Боже, дай мне хорошего верующего мужа и детей, чтобы все это я делала не для себя, а для семьи”. И будьте внимательны – может, тот, от кого вы отворачиваетесь, и должен составить ваше счастье. Не нужно искать какого-то идеала и сужать диапазон поиска до одних воцерковленных мальчиков. Возможно, вашего мальчика предстоит воцерковить именно вам».

Неотъемлемой частью жизни современного верующего, по убеждению проповедника, должна стать воскресная литургия: «К Богу нужно идти до беды, а не во время беды. Бог – это не скорая помощь, которую вызывают, когда становится плохо. Бог необходим человеку каждый день, как хлеб, как воздух! Поэтому каждое воскресенье будьте в церкви, научитесь радоваться этому дню, как празднику. Нельзя «баловаться» верой, приходя в храм только на Пасху, Рождество и за святой водой. По воскресеньям храмы должны быть переполнены, иначе может случиться беда. О чем мы можем говорить, о какой ситуации в стране или обществе можем спорить, если мы не молимся, и нас нет в храме на воскресной литургии?»

Обращаясь к аудитории, отец Андрей призвал всегда и за все благодарить Господа: «Мы постоянно просим Бога о чем-то. Дай нам это, дай нам то. А по-хорошему мы должны каждую минуту благодарить Его! Никто до нас не жил так комфортно, ни у кого не было столько благ. Задумайтесь! Вы когда-нибудь благодарили Господа за то, что у вас есть стиральная машина? Что вы не стираете своими руками, в том числе зимой, в том числе в проруби? Что вас и ваши больные ножки на восьмой этаж везет лифт? Прежние поколения и мечтать не могли об этом! Мы должны благодарить Господа больше, чем просить у Него, потому что у нас есть уже очень многое! Поэтому сегодня вечером, когда вы придете домой и откроете в ванной кран, и оттуда потечет горячая вода, которую вы не таскали из колодца, скажите от всего сердца: «Слава Тебе, Господи!» Посмотрите на своего мужа, поправьте одеяло у своих спящих детей и поблагодарите Бога!»

Напомним, что отец Андрей Ткачев посетил Архангельскую епархию в рамках X Иоанновского православного форума в честь 185-летия со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Протоиерей Андрей Ткачев (г. Москва) — выпускник Киевской духовной семинарии. Ведущий Автор более 20 книг — сборников проповедей, эссе, рассказов. Член редколлегии и постоянный автор журнала «Отрок.ua». До недавнего времени возглавлял миссионерский отдел Киевской епархии и выступал ведущим нескольких телевизионных проектов на киевском телевидении. Покинул Украину в июне 2014 года из-за многочисленных угроз экстремистов его семье. С августа 2014 г. — сверхштатный священник храма Воскресения Словущего на Успенском вражке г. Москвы, преподаватель Закона Божьего в Православной гимназии Святителя Василия Великого.

Скорбеть и вздыхать

Велико ли дело – сидеть на месте, «скорбеть и вздыхать»? Нет, по видимости. Чего тут великого? Но иногда возможность чего-либо великого отнимается от людей решительно. Ни одного великого дела, никаких священных порывов. Одна лишь слабость и немощь, как при оккупации или во дни одинокой старости. Остается только нечто смиренное и неяркое, как вот это – «скорбеть и вздыхать». Но именно это и является фактором спасения.

В 9-й главе пророчества Иезекииля изображается истребление Иерусалима. Перед этим Господь показал пророку в видении грехи жителей города, и вот они весьма велики. Мерзость за мерзостью Бог открывал пророку тайную изнанку жизни, говоря: «Стану действовать с яростью; не пожалеет око мое, и не помилую» (Иез. 8: 18). Это страшные слова, противоречащие нашей подкожной уверенности в том, что Бог всегда нас примет, лишь только позови. Страшные слова, поскольку бывают времена, когда и молитва не спасает начавшего вопить грешника. «Хотя бы они взывали в уши Мои громким голосом, не услышу их» (Иез. 8: 18).

Представляете, люди грешат, традиционно разворачиваются спиной к святыням и делают вид, что Бога нет. Прямо как Павел говорит: «Дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью» (Еф. 4: 19). А мы раз за разом говорим: «Кайтесь, молитесь, пока не поздно. Обратитесь к Богу всем сердцем вашим». Говорим в той уверенности, что Бог примет человека в любом случае. Но... «Не услышу их», – говорит Господь через пророка. Причем так говорит не только Иезекииль. Иеремия тоже говорит: «Наведу на них бедствие, от которого они не могут избавиться, и когда воззовут ко Мне, не услышу их» (Иер. 11: 11). А вот Исаия о том же: «Когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови» (Ис. 1: 15). И вот, когда наказание уже определено и

вопли поражаемых грешников никого уже на милость не приклонят, остается нечто удивительное.

В ушах пророка раздался голос: «Пусть приблизятся каратели города, каждый со своим губительным орудием в руке своей... И между ними один, одетый в льняную одежду, у которого при поясе его прибор писца... И сказал ему Господь: пройди посреди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак» (Иез. 9: 1–4).

Трогательно вспомнить об этих словах на вечернем богослужении, когда есть полиелей и помазание. Тогда священник, как некто одетый в одежду писца, ставит маслом священный знак креста на челах молящихся людей, и это очень похоже на картину, описанную пророком. Но вернемся к тексту. После нанесения знаков на челах скорбящих голос обращается к карателям: «Поражайте, пусть не жалеет око ваше и не щадите; старика, юношу и девицу, и младенца и жен бейте до смерти, но не троньте ни одного человека, на котором знак, и начните от святилища Моего» (Иез. 9: 5–6). Вот когда «бесполезная скорбь о происходящих мерзостях» превращается в причину спасения. Знак поставлен, и меч пущен. Меч обойдет тех, кто запечатлен скорбным знаком.

Происходит то, что было с Лотом, ибо и он, прежде чем спастись из обреченного города, ежедневно мучился в сердце своем, видя и слыша дела беззаконные (см.: 2 Пет. 2: 7–8). Не обличал, не кричал, не агитировал, но скорбел и мучился. Оттого и был выведен за руку непосредственно перед пролитием огня и серы. Человек, оказывается, может быть спасен уже самой печалью о происходящем, даже если он не в силах никак повлиять на ситуацию.

Ветхий Завет пугает нас своей непосредственной жесткостью, и мы спешим отвернуться и убежать в теплые объятия новозаветной благодати. Но убежать не надо, потому что Ветхий Завет и Новый не противоречат друг другу. Они связаны внутренним единством, и Один и Тот же Бог действует в обоих. Кто достоин новозаветной милости, тот примет милость. Кто ожесточился до края, того найдет ветхозаветная строгость. И надо всматриваться в картины, изображенные пророками. Это картины правды и истины, происходящие и сегодня.

Еще стоит заметить, что поставление печатей на челах и следующее за тем истребление похоже на Пасху, на историю Исхода. Только там знак ставился на косяках дверей, а не на челах. И там была кровь ягненка, а не чернило невидимого писца. Там Ангел истребления прошел между египтян, то есть поражал врагов народа Божия. А здесь сам народ превратился в злодеев и противников, за исключением малого остатка. И святость Божия, не могущая жить среди грешников, покидает тех, кто был специально избран, возвышен, прославлен.

Не всем дано влиять на окружающий мир могущественно и действенно. Но всем вменено в обязанность иметь сердце чуткое, обрезанное и давать явлениям жизни нравственную оценку. В случае, если всё плохо, но сил влиять на ситуацию нет, от человека требуется, по крайней мере, скорбь, печаль и воздыхание. Это одно уже отмечает человека в глазах Божиих. За это одно меч губителя пройдет рядом, но не заденет кающегося, в день, когда милость уступит справедливости.

Когда я думаю об усопших...

Когда я думаю об усопших... Что это больше – вопль, или стон, или вой? Вспомните, как вам плохо, когда вы реально пали, сделали то, что нельзя было делать. Что происходит в это время? В это время вы знаете, какого вкуса смерть, потому что во рту у вас именно горечь смертная. И в ноздрях у вас запах смертный, а сами вы – на грани. И чем докажешь тогда, что ты не в аду? Разве что тем, что ходишь, здороваешься, пытаешься улыбаться. Между тобой и покойником, правда, разница велика. Все же ты жив, а живому псу лучше, чем мертвому льву (Еккл. 9:4). Но только представь, что мука в душе все та же, а возможность покаяния отнята навсегда. Представь, что всякое утешение удалено от тебя: и утешение разговором, и утешение пищей, и вообще всякое мыслимое утешение. И еще представь, что ты стал прозорлив с опозданием. Ты стал прозорлив себе на беду. То есть теперь ты ясно понимаешь, что в жизни сделал не так; что вообще сделал такого, чего не стоило делать. А сколько нужного и полезного вообще не сделано! И вся жизнь на ладони. И все ясно, как днем. Только толку нет от этого знания. Есть только горечь о жизни, прожитой пусто, словно это и не твоя жизнь. Что тогда будет делать человек? Он будет выть и стонать. Он будет горько жаловаться и плакать. Не этот ли вопль слышен, как только задумаешься об умерших?

Тот плач не несет утешение. (О, Небо! Ведь проливая слезы на земле, мы истинно утешаемся, и изливаем душу, и находим тишину. Но тот плач есть плач неутешный. Какое страшное слово!) И это не один человек, и не два, но множество, ускользающее от подсчета. И когда думаешь об усопших, то вроде бы слышишь этот, то ли вопль, то ли стон. Слышишь звуки запоздалого раскаяния и сожаления о жизни, прожитой на ветер, пусто, ни к чему.

Не всегда, далеко не всегда это бывает. Иначе и жизнь была бы не жизнь, но сплошное прислушивание к страшным звукам. Но если бывает так по временам, то невыносимо жалко бывает и ушедших за видимую грань. И словно роса на душу приходит тогда и звучит заупокойная христианская служба. Все эти панихиды, эти родительские субботы, эти заупокойные ектении на Литургиях, эти приношения на панихидные столы. Девять дней, сорок дней... все они ложатся на душу, как потерянный пазл, без которого никак не сложится общая картина. И ты понимаешь, что Церковь это любовь. Любовь не сентиментальная, но простая и настоящая. Зрячая любовь. Это любовь главным образом к беспомощным, в том числе и умершим, оттуда — из невидимого далека, протягивающих руки с мольбой.

Невольно подумаешь и о себе, однажды имеющем уйти отсюда и пересечь черту. Кто о тебе помолится? И хватит ли этих чьих-то молитв, чтобы упасть на душу прохладой, как роса – на землю? И еще: становится ясно, почему святые плакали о себе так горько при жизни. Тайнства будущего века приоткрывались перед ними, и они ощущали себя уже на Суде, а потому плакали горько о себе самих, как о нераскаянных покойниках. Теперь им

тихо и радостно. Но плачут те, кто попрыгуньей-стрекозой лето красное пропел и повеселился. Сколь ни виноваты они в своей незавидной участи, а их тоже жалко. И Церковь, ранее, говорившая им: «Покайтесь», теперь говорит Богу: «Помилуй их по великой Твоей милости».

Надо думать об усопших, надо думать. И надо замирать, прислушиваясь: не услышишь ли стон, или вой, или плач. Ибо много их, «упавших в эту бездну, разверстую вдали». А когда согрешишь и затоскуешь смертельно (ибо грех рождает смерть), поблагодари Бога, что ты еще не умер, что есть для тебя покаяние. И если услышишь насмешливый шепот тех, кто всего сказанного не понимает, то оставь их с их замершей душой и оглохшим сердцем. Как Данте говорил: «Взгляни и — мимо!» У нас так много работы, что жалко времени на бесполезные споры. Надо думать об усопших, надо. К тому же скоро Димитриевская поминальная.

Уходя из храма

Представьте себе картинку. Пришла семья из церкви в воскресенье домой. Стол накрыт, на весь дом пахнет вкусно. Мама говорит: «Мойте руки и садитесь скорей». Руки помыли, усаживаются. Но потом вдруг голос: «Стойте. Ты, Маша, — дочке, — перескажи, что сегодня из Апостола на службе читали?» Маша тык-мык, пару нечленораздельных звуков произносит и упирается взглядом в пол. Следующий вопрос. «Ты, Коля, — сыну, — расскажи, что на проповеди священник говорил?» Коля издает примерно те же звуки, краснеет и смотрит в пол. «А что читали из Евангелия?» Тут компания оживает, поскольку с евангельской историей все более-менее знакомы, она на слуху, ее пересказать легче. В конце мама говорит: «Еще раз вот так придете с пустой головой к столу после службы — останетесь с пустыми желудками. Читайте “Отче наш” и садитесь».

Это была фантазия на тему «Как заставить ленивого христианина приложить сердце к библейскому тексту, чтобы он уходил из храма обогатившимся, а не таким, каким зашел». Впрочем, не такая уж это и фантазия. Прежние поколения, не отравленные ложной мягкостью и, следовательно, не потакавшие лени на каждом шагу, понимали: не заходит мудрость в душу через голову — надо искать другие пути. Через мозоли на руках, через след ремня на известной части тела. Через пустой желудок, наконец. Ведь разве это хорошо? Да что там хорошо! — разве это терпимо, чтобы выходящий из храма со службы человек не помнил смысл прочитанного Евангелия и Апостола? А ведь сплошь и рядом не помнят. Проверьте — встаньте в дверях и поспрашивайте. А ведь если бы помнили, то были бы подлинные богачи. Если бы помнили, то размышляли бы об

услышанном, познавали бы сладость сказанного Давидом о блаженном муже: «Поучится в законе Господнем день и ночь». Евангелие из Книги превращалось бы постепенно в достояние помнящей и любящей души и уже хранилось бы не на бумажных листах только, но на плотных скрижалях сердца.

Сам человек никогда этого не сделает, за редким исключением, и до этого не додумается. Ему напомнить надо, подсказать. Для этого священство и есть. «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник (ангел) Господа Саваофа» (Мал. 2: 7). Священство напоминает людям о Боге и о воле Его. Как крест всегда сияет на небе и взоры тянет к себе, как колокол регулярно звонит и зовет людей в церковь, так и священство призвано напоминать людям о Господе постоянно и будить их чистый смысл к трезвению, внутреннему поучению, молитве. И поскольку запоминается лучше не то, что в середине звучало, а то, что прозвучало под конец, можно отпускать людей из храма, напомнив или прочитав еще раз дневное зачало Писания. «Думайте теперь о том, что услышали. Домой придя, хорошо сделаете, если найдете время еще прочесть что-то из Писания: пророков, или псалмы, или Евангелие. А потом отдыхайте. Готовьте с детьми уроки на завтрашний день, идите в гости или гостей принимайте, гуляйте в парке. Катайтесь на велосипеде. Что хотите в день отдыха делайте. Только бы день воскресный прошел свято, мирно и безгрешно».

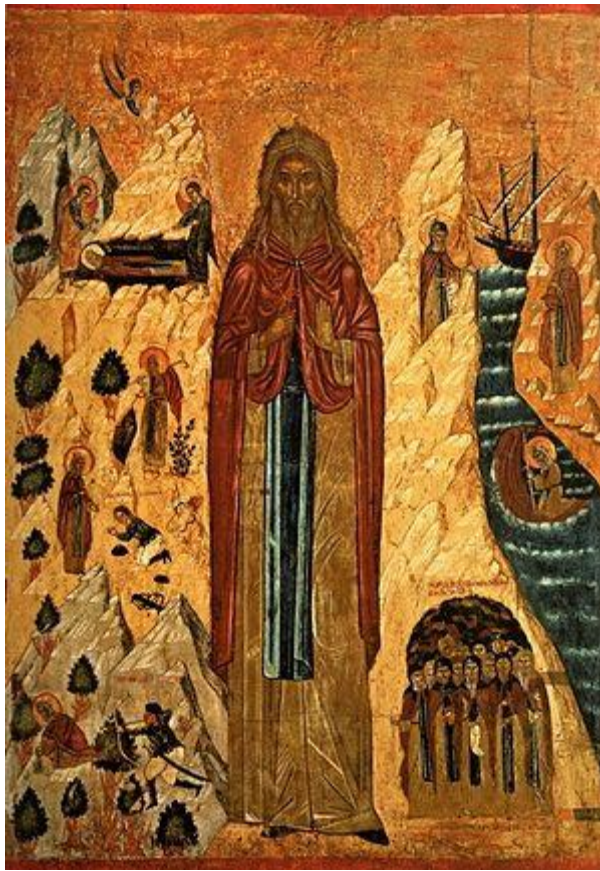
Если вы и не слышали ничего подобного, нет причины унывать. Коль скоро принцип вами узнан, вы можете теперь понуждать себя на деятельное изучение слов Господних. Можно до службы прочесть рядовое зачало Апостола и Евангелия. Тогда на самой службе чтение врежется глубже в сознание, засияет ярче, запомнится сильнее. И такой человек без напоминания, сам уже после службы захочет прочесть еще что-то. Уговаривать его не надо будет. Сладость и силу Писания он уже ощутил. И сознание, засеянное словами Божиими, словно поле – семенами, рано или поздно принесет плод свой. Об этом мне сладко мечтается и конкретно думается.

Вопрос не в формальности – когда, что и сколько читать. Вопрос в принципе: слово Божие, голос Христов нужно полюбить. А поскольку у нас нет и быть не может ни одной требы, ни одного молебна, тем более ни одного Таинства, на которых бы не звучало слово Божие, то начинать нужно с того, что под рукой. Готовишься к воскресному дню – поупражняйся в Писании. Выходишь из храма – проэкзаменуй сам себя: что помнишь, что понял, чем проникся? Среди дня не раз себя одерни, возвратись от месива различных помыслов к тем текстам, которые наизусть знаешь. Если всё это делаешь, то садись в воскресенье за обеденный стол, и пусть тебе будет вкусно. А если не делаешь, не садись за стол. Голодом понудь себя к богомыслию. Таким образом сердце наше верно поймет сказанное Христом в пустыне: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4: 4).

Из Лавсаика о лошади и о Причастии

В интереснейшей и очень древней книге с непривычным названием «Лавсаик» есть одна история. (Вообще там множество историй, одна другой слаще и удивительней). Речь о преподобном Макарии Великом и об одном из славных дел его.

Некую замужнюю женщину возжелал один мужчина. Женщина была христианка и по имени, и по жизни. Любитель запрещенных удовольствий получил от нее твердый отказ, и захотел отомстить за унижение. Обратился он к колдуну, или как их еще называют, волхву, чародею. И тот в ответ на просьбу наслал на верную своему мужу женщину своеобразную порчу: все, смотревшие на нее, видели перед собою не человека, а лошадь. Нет, природа женщины не изменилась. Но какой-то могущественный бесовский обман действовал в глазах всех, начиная с мужа и заканчивая прохожими на улицах. Все видели перед собой животное. С этой бедой муж и пошел со своей женой-лошадью к Макарию.

Монахи, увидевшие пришедших, возмутились. «Зачем ты привел к нам эту лошадь?». И только один святой видел перед собой женщину, приведенную мужем. Бесовская лесь в глазах Макария картину мира не меняла. Он устыдил монахов. Ладно — мирские люди подвержены обольщениям. На то они и живут среди суеты, многих забот и разного обмана. Но обольщение, подействовавшее на монахов, обличало в них недостаток духовной силы и опыта. «Не лошадь перед вами, но человек, над которым посмеялся диавол». Сказав это, святой отец помолился над чашей воды, призвал имя Божие и вылил воду женщине на голову. Словно смытая грязь, обман сошел. Перед мужем, монахами и Макарием стояла пристыженная, испуганная, настрадавшаяся женщина.

Святой похвалил ее за верность мужу и твердость в исполнении заповедей. Он открыл и причину случившегося: колдовство и месть отвергнутого сластолюбца. Но сказал он и еще нечто. «С тобой случилось это», — сказал Макарий женщине, — «за то, что ты уже (тут я боюсь ошибиться в точных сроках, так как пишу по памяти) столько-то недель не причащалась Святых Тайн». Названный им срок никак не превышал одного-двух месяцев. Макарий наставил женщину впредь не лишать себя столь надолго (!) Причащения и еженедельно бывать в храме на службе.

Когда эту историю мы однажды обговаривали в кругу клириков, один из них остроумно заметил: Так вот почему вокруг так много лошадей ходит! Шутка родила вначале смех, а потом раздумье. Действительно, мы причащаемся редко в сравнении с древней практикой, и правы те, у кого болит по этой причине сердце. Так же правы и те, кто побаивается, кто отмечает качественные различия в духовном состоянии и в образе жизни древних христиан и современных. «Как бы нам высотой дерзаний», — говорят они, — «совсем не сломать хребет нынешним хромлющим чадам Божиим». Иными словами — не порвало бы «вино молодое» Божией благодати «ветхие мехи» слабеньких христиан, тех, кто далеко не апостольского духа. Грех не прислушиваться и к этому голосу. Но

оставим на время формальную сторону вопроса о частоте Причащения. Не будем, то есть, разбирать вопрос того, столько раз причащаться в месяц или в год. Поглядим лучше на то, что может происходить от оскудения благодати.

От оскудения благодати (даже если не действуют колдуны, которые все же действуют) у людей меняется восприятие мира. Они видят не столько Божий мир, сколько бесовские мультики. Мы, правда, не видим вокруг себя лошадей, но зато называем людей и ослиами, и баранами, что не намного лучше. Один человек в глазах другого человека может вполне выглядеть пауком, демоном, ожившим мертвецом, витринным манекеном. Кинематограф работает над воплощением этих разновидностей бесовского видения мира. Но не он один виноват. Виновата вообще безблагодатность. Для начала красота не воспринимается, и великое достойно не оценивается. Природа, со всей своей роскошью, становится лишь фоном и картинкой, а не чудом и не стихами, которые слушают. И если в глазах наших от безблагодатного жития появляются то ли линзы, то ли бельма, то, что же тогда говорить о содержании мыслей наших?

Самая дикая идея уже принимается в обществе за истину или хотя бы – рабочую гипотезу. Любая ложь не вызывает ни умственного сомнения, ни нравственного отторжения. Мысленная картина мира населяется уже не лошадьми. Нет. Лошади красивы и благородны. На них может воссесть святой Георгий или святой Димитрий. Мысленная картинка мира населяется уже большими грезами, болотными испарениями и ночными кошмарами. Это цена безблагодатности.

Можно смело, ради ясности изложения, заменять слово «духовность» словом «благодатность». Ибо иной скажет: «Раз я балет люблю, то я человек духовный». Но «Я человек благодатный» он о себе из-за балета не скажет. Количество словесных подмен уменьшится.

Итак, за жизнь без благодати мы платим испорченной картиной мира. Пленяющие нас миражи и оставленные нами без внимания великие вещи – тоже следствие этой платы. Длиться до бесконечности подобная ситуация не может. Это рано или поздно очень плохо закончится. А чтоб было иначе, нужно, как говорит бывшей «лошади» преподобный Макарий, не оставлять церковной молитвы и не лишать себя Святого Причащения по маловажным предлогам. Вопрос частоты пусть решается отдельно, но «мультики» врага обязаны без следа таять в воздухе.

О молитве

Вот какие слова я услышал однажды и вспомнил совсем недавно. «Кто молится только тогда, когда молится, тот никогда не молится». Это не дзен и не «словесный туман» под мудрость. Это — чистая правда. Хотя восточные мудрецы любят подобный образ изложения мыслей, и формальное сходство есть. «Стыдно знать только то, что известно», — сказал, к примеру, один из них. Польза подобных глубоких и парадоксальных высказываний в том, что вздрогнув от их звучаний, ты потом можешь думать об услышанном. Ум будет занят, и мир с неизвестной доселе стороны начнет если и не открываться, то хотя бы приоткрываться. Итак, стыдно знать только то, что известно; и если мы молимся только тогда, когда молимся, то вовсе не молимся.

Рисуем иллюстрацию. Вот я молюсь. Зажигаю, то бишь, лампаду, открываю книжечку, становлюсь перед образом. Произношу священные слова. Затем оканчиваю, и отхожу по своим делам, которых у всякого, даже у лентяя, много. Среди дел звонит мне кто-то и сообщает новость, которая меня совсем не радует. И я привычно в таких случаях выхожу из себя, что-то ненужное говорю в трубку, что-то еще более ненужное говорю сам с собой, когда звонок окончен, и так далее. Ситуация всем знакомая. А в духе выше сказанного, хорошо было бы, если бы я встретил новость с терпением и призыванием имени Божия. То есть, если бы я молитвенно встретил неприятную информацию. Это трудно, но это и есть христианство. А помолиться перед образами, чтобы вскоре дать волю языческому нутру, это слишком обычно, но слишком далеко и от истины. Это как раз значит: молился только когда молился, а отошел от молитвы и действуешь в немолитвенном духе.

Еще пример: молитва в храме. Где еще и приближаться к Богу, как не в Доме Отца, который одновременно – Дом молитвы. Хор поет, свечи горят, люди (каждый в меру личной веры и духовного опыта) внимают службе или творят личную тайную молитву. Это – умный Рай. То же самое, только усиленное многократно и лишенное всего смертного и непреображенного, ожидает нас и в Царстве Отца. Рай Божий и Царство грядущее есть Царство молитвы и умного перед Богом предстояния. Там это будет вечно, а времени самого не будет уже. Но здесь – в месте изгнания – события сменяют друг друга. Приходит и молитве конец. Отошел человек от храмовой молитвы, унес (надеемся) что-то с собой в тайных запасниках души. Но вот встретился ему на улице, не то что бы враг, а так... Не очень приятный человек. Встреча совершенно естественная даже для святого человека. Только святой потому и святой, что встретит глазами человека и духом молитвы удержит сердце в рамках Божиих заповедей. А простой человек (намеренно не строю антитезу «святой – грешный», а «святой – простой») что сделает? Простой человек примет встречу без радости, и еще не успеет вспомнить о молитве, как пустит в сердце что-то лишнее. Он – простой человек – тоже молился пока в храме стоял, а на улицу вышел и внешние впечатления принимает по-мирски, не по Духу. Это тоже значит: молился только пока молился.

И так во всем. Один среди обычных трудов Бога помнит, другой Бога вспоминает, лишь крест на церкви увидев, а третий едва Бога в Пасхальный день помянет. Есть еще и четвертый, и пятый, но об этих уже и говорить нужно в каком-то отдельном слове. И получается, что вообще молящихся людей не так уж много от общего числа. А уж тех, кто дух молитвы пытается сделать руководящим принципом жизни, кто хочет саму молитву сделать от жизни не отдельной, тех совсем капля. Но капля это не ничто. «Капля море освящает». Причем и точные, исчерпывающие исчисления в таких вопросах невозможны.

Зато возможно нам сердцем уразуметь, что иное есть молитва, а иное — молитвословие по книжке и в известные часы. Иное есть обращаться к Богу время от времени, а иное – упражняться в памяти Божией, чтобы помнить Творца твоего всегда. Ходить перед Ним, как было Аврааму велено. В этом духе различения хорошего и лучшего, большего и меньшего и сказал некто, что «кто молится лишь когда молится, тот никогда не молится». Слово «никогда» здесь резко звучит и может напугать иного. Но это полезная остротка. Отчаяние от нее не родится, а вразумление – может. И мы эти смиряющие и научающие слова, без труда (ибо они кратки) сделав стяжанием своей памяти, можем кое-какие вопросы нашей внутренней жизни с мертвой точки сдвинуть. Помогите, Господи.

Миром Господу помолимся

Удивительно, насколько насыщена прошениями о мире и требованиями мира наша служба! В одной только начальной ектении (она же «мирная») слово «мир» встречается многожды. Это и начальное «миром Господу помолимся», что точнее было бы перевести с греческого «в мире Господу помолимся». Это и следующее затем прошение о свышнем мире, т.е. о мире, сходящем сверху, от Бога. Потом – о мире всего мира, что по-русски звучит как масло масляное, но в греческом является прошением «о мире космоса» и лишено намека на тавтологию. Кстати, этот молитвенный призыв «о мире всего мира» просочился в свое время в советские плакаты, и многие когда-то регулярно встречали глазами призыв «Миру – мир!», написанный белой краской на кумаче. Потом, после «благорастворения воздушных и изобилия плодов земных» опять в службе слышна просьба о временах мирных. И это не считая многочисленных «мир всем» и возгласов, в которых Господь именуется Царем мира. Столь частое призывание мира и напоминание о нем, о чем говорит? Говорит о том, что не хватает нам мира. Внутри отдельно взятого сердца человеческого – раздор, мятеж и множество печалей. Между людьми в семьях и коллективах – то затухающие, то разгорающиеся, все время тлеющие распри. По ерунде, по мелочи. Так, просто от одной только общей немирности существующие. Враждуют анекдотически и непримиримо тещи и зятья, невестки и свекрови. Враждуют начальники и подчиненные. Ропщет боец на прапорщика и прапорщик – на подполковника. Косо друг на друга смотрят чернявые и русые. Богатые тихо презирают бедных, и бедные, то тише, то громче, но одинаково люто ненавидят богатых. И этот синонимический ряд конфликтов и противостояний можно продолжать и продолжать. А чтобы не тянуть слова в бесконечность, сказал однажды молодой поэт, погибший до седины, что «где бы ты ни был, и что б ты ни делал – между Землей и Небом – война».

Нося в себе самом, под ложечкой, под сердцем, а скорее – в самом сердце, начатки распри и семена раздоров, человек обречен на ссоры в быту, а человечество – на конфликты локальные и глобальные. «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4:1-3) И вот при этом всем Церковь постоянно просит мира, молит о мире, призывает мир. Вы скажете – где плод? Где, собственно, мир? А плод в том, что мы не едим друг друга поедом и буквально. Чудный Гоголь обмолвился однажды, что люди не едят друг друга на завтрак, не превращаются в настоящих каннибалов только потому, что постоянно служит Божественная Литургия. Благодать Божия совершает свое удерживающее действие и не дает людям совершенно оторваться от нравственного закона, сравниться с демонами. Это и есть плод. Кто сам молится, тот понимает сказанное.

Но кто вовсе не молится, тот говорит надутые фразы, типа: «Почему Бог зло не уничтожит? Где вообще ваш любящий Вседержитель, если в мире столько зла?» Этот вопрос, как неправильно сформулированный, недостоин ответа. А молящийся человек должен сердцем понимать, что молитвы Церкви – тайный источник всего благого, и крепкая, может быть, единственная узда на всякое действие сатанинское. Поэтому Церковь каждый час. Даже и в сию самую минуту на разных языках и голосах взывает, молится, просит о мире, и просьбы эти не бесплодны, не бесполезны.

У человека мира нет. В сердце нет, в мыслях нет. На бумаге, правда, есть. В декларациях и мирных договорах есть. В тех договорах, которые неизбежно будут нарушены по праву сильного или по иным соображениям, и превращены в макулатуру. А по жизни и в реальности мира нет. У Бога есть мир, и Сам «Он есть мир наш», как Павел о том неоднократно говорит. И Церковь постоянно просит о том, чего либо нет, либо не хватает, но что очень нужно. Спасибо ей за это. Когда-нибудь Церковь уйдет из мира, спрячется, скроется, как Крылатая Жена из Апокалипсиса, и тогда всякая плоть почувствует, что жизнь потеряла смысл. Верующие и неверующие почувствуют. Потому что жизнь без Церкви это тоскливое и невыносимое ожидание неизбежной гибели. Кое-где об этом уже знают, и не из книг, но из опыта. Знают, ждут конца, а выводов правильных делают...

Оглянитесь вокруг. Если увидите крест, выглядывающий по-над крышами, если услышите звон колокольный, если просто почему-то захочется вам в храм пойти, знайте – в храме и сейчас, и вчера, и позавчера о мире всего мира молятся. Присоединяйтесь к этим бесценным прошениям. Именно ради них над нашими головами пули еще не летают.

Христос – семи Церквам

День рождения Церкви Христовой – Пятидесятница. Всё, что говорит Христос в Евангелии, сказано до излияния Святого Духа на апостолов. Если Моисей в Пятикнижии, начиная от сотворения мира, писал не то, что видел, но то, что открывал ему Бог, то апостолы писали то, что лично видели. Однако писали не сразу, как пишут репортеры, а записывали позже, не доверяясь одной лишь памяти человеческой, но под действием Утешителя, о Котором Христос сказал, что Тот «от Моего возьмет и возвестит вам» (Ин. 16: 14) Итак, притчи Христовы, Его беседы с народом и с отдельными людьми (Никодимом, самарянкой), Первосвященническая молитва, чудеса и знамения были произнесены и совершены до Креста и Воскресения. А затем под действием Духа Святого они были закреплены в виде текста святыми писателями – Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. В этом смысле интересно обратить внимание на слова Христовы, сказанные Им уже после совершения Искупительного Подвига. Этих слов, если сравнивать с евангельскими словами, немного, и они кратки. Вот Христос является Павлу (будущему апостолу, а тогда – гонителю) по дороге в Дамаск. Происходит диалог, о котором даже в книге Деяний Павел затем упоминает несколько раз. Можно думать, что в последующей жизни своей апостол языков многократно повторял множеству разных слушателей то, что произошло с ним тогда, по пути в Дамаск. Диалог Христа и Павла (Савла в ту пору) имеет несколько характерных особенностей.

Во-первых, Христос называет будущего апостола по имени: «Савл, Савл ! Что ты гонишь Меня?» (Деян. 9: 4) Христос знает того, к кому обращается. И само обращение подобно тому, как призывал Бог по имени Авраама или Самуила. Имя призываемого человека повторяется дважды, так, чтобы и внешнее ухо услышало, и «сокровенный сердца человек» (1 Пет. 3: 4). Весь человек в своей таинственной сложности призывается. А вот Савл не знает Говорящего с ним. Отсюда вопрос: «Кто Ты, Господи?» В ответ Господь называет Себя по имени: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9: 5) Затем следует еще вопрос: «Что повелишь мне делать?» – и указание Господа на то, как нужно теперь поступить Савлу.

Вот несколько черт, которые мы запомним: Христос знает, к кому обращается; вступая в диалог, Христос называет Себя, открывается; затем звучит повеление – что дальше делать. Эти характерные черты нам пригодятся, когда мы попробуем повести разговор о других словах Христа Спасителя, тоже прозвучавших после Его Воскресения. Речь пойдет об обращении Господа к Ангелам семи Церквей. Слова эти находятся в Откровении Иоанна Богослова, во 2-й и 3-й главах.

Послание Христа Церквам имеет одну структуру. Сначала Христос открывает о Себе нечто, именуясь неким новым именем, еще не звучавшим: «Так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч» – или: «Так говорит Первый и Последний». После откровения нового имени Христос говорит, что знает того, к кому обращается: «Знаю твои дела». После этого идет речь, обращенная к конкретному слушателю, которого знает Господь, и речь эта носит обличительный, строгий характер. Вскрываются и именуются недуги, произносятся сдержанные и редкие похвалы. Затем совершается призыв к конкретному образу действий и дается обетование награды для тех, кто исполнит сказанное. Так повторяется семь раз.

Люди, бравшиеся за объяснение Апокалипсиса, никогда не дерзали на полное и исчерпывающее его толкование. Они знали, что слово Божие вообще, а последняя книга Библии подавно, способны высказывать с прокрустова ложа «исчерпывающих» объяснений и схем. Тем не менее, были неоднократные попытки увязать обращение Господа к семи Церквам с семью эпохами бытия Вселенской Христовой Церкви, с семью периодами жестоких гонений на христиан во времена до Константина и проч. Ничего плохого в этих попытках нет, но и ждать от них конечных ответов вряд ли стоит.

Мотив написания данных строк следующий. В слово Божие нужно всматриваться, словно в зеркало, в поисках своих природных черт и изъянов, требующих исправления. Над каждой страницей можно спрашивать себя: «Где здесь я?» Или: «Где здесь обо мне?» Если там нет ничего ни для меня, ни про меня, то стоит ли мне изучать это? Сказанное Господом в отношении Церкви Пергамской или Ефесской было бы для меня бесполезно, если бы смысл сказанного исторически исчерпывался указанной Церковью и конкретной эпохой. Но в том-то и смысл, что сказанное ефесянам касается меня и тебя; сказанное о филиadelphийцах тоже относится к тебе и ко мне. Итак, ни на что не претендуя, а также помня твердо, что Апокалипсис не читается в храмах по причине сугубой сложности объяснения, обратим внимание на слова Христа семи Церквам Азии, рожденным проповедью Иоанна Богослова. Это, как мы говорили чуть выше, слова Господа, не просто пришедшего совершить спасение, но слова Господа, уже претерпевшего Крест, умершего и воскресшего. Уже восшедшего на Небеса и умолившего Отца послать в мир Утешителя. Это слова Господа, общающегося с уже рожденной, с уже живущей на земле Его Церковью.

Ангелу (считается многими, что епископу, с чем и мы нимало не спорим) Ефесской Церкви Христос открывается как Державный семь звезд в деснице Своей, ходящий посреди семи золотых светильников. Господь знает его дела, и труд, и терпение. А также то, что Ангел Ефесской Церкви «не может сносить развратных». Обратим на это внимание. Плохо понятая свобода или, что хуже, корыстно понятая свобода, возвещаемая Евангелием, уже в апостольские времена стала для многих «поводом к распутству». Об этом часто пишет апостол Павел. Более всех учившему о христианской свободе, противоположной игу закона, ему и более всех приходилось настаивать на отличии свободы от вседозволенности. Еретики же, появившиеся чуть ли не сразу, именно идеей свободы оправдывали любые практики, вплоть до самых неудобопроизносимых. О них Петр писал: «Произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления» (2 Пет. 2: 18–19).

В Ефесе также испытали некоторых, назвавшихся апостолами, и нашли, что они лжецы. Тоже характерная черта древней Церкви. Пришел человек и говорит: «Я видел Господа, я был с Его учениками». Начинает рассказывать, его слушают, окружают почетом. По каким критериям отличить истинного свидетеля дел Божиих от возможного проходимца? Нет ни грамот, ни документов, ни фотографий. Нет никаких способов идентификации, столь распространенных ныне. По чудесам? Опасный критерий. Источник чудес – Бог, и святые люди-чудотворцы вовсе не владеют правом творить, что хотят и когда хотят. Единственный критерий – нрав. Древнейший памятник христианской литературы «Учение двенадцати апостолов» говорит, что если некто пришел к вам как пророк и просит денег, он – лжепророк. Если назвался апостолом и пользуется уважением, но задерживается надолго, не идет дальше с проповедью, то он – лжеапостол. Другими словами, корыстолюбивый нрав, желание пользоваться благами и славой есть обличение лжепроповедника. В Ефесе таких распознали.

В Ефесе не только распознали обманщиков и развратников. Там ради Господа трудились и многое перетерпели, были строги и внимательны, но всё же не остались без упрека. «Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою» (Откр. 2: 4). Это «оставление первой любви», возможно, есть то самое, знакомое всем привыкание и охлаждение в вере, которое сменяет период первого

горения. Все, кто уверовал, горели. Но кто не знает, что такое остывание? Это и есть оставление первой любви. Оно отчасти неизбежно, но оно не невинно. Оно названо падением. «Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела».

Прочитав эти строки, мне менее всего нужно думать теперь об Ефесе. Я вспоминаю свои «прежние дела», свой огонь и ревность, свою радость, свою легкость и смелость, которых было когда-то так много. Они как-то боком-боком, незаметно с годами ушли из жизни, уступив место расчетливости, суете, усталости. Призыв Откровения слышу как слово, обращенное ко мне. В случае, если слово будет пренебреженно, Господь обещает вскоре прийти и сдвинуть светильник Ефесской Церкви с его места. Исторически Церкви возрастают и приходят в упадок. Там, где раньше цвело благочестие, ныне может быть полная духовная разруха. И для того, чтобы светильник был сдвинут с места, не обязателен явный грех. Достаточно одного лишь ослабления ревности, затухания огня первой любви. Даже изгнание лжеапостолов и сопротивление разврату недостаточны для церковного здоровья.

Напоследок Христос произносит утешение. Утешение специфическое. «Впрочем, то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу» (Откр. 2: 6). Ненависть свойственна только тем, кто любит. Кто не умеет любить, тот не умеет и ненавидеть. Толерантный теплохладен, то есть безразличен. Христос же умеет ненавидеть, и хорошо тому, кто ненавидит то же, что и Христос. Очевидно, и любить такой человек будет то же, что Христос любит. Николаиты же, скорее всего, те самые проповедники разврата, прикрывающие распутство словами о любви и свободе. Это ранние извратители Евангелия, во всякой эпохе имеющие своих подражателей.

Слово Христа к Церквям – это слово полководца к воинам. Христос Сам воевал и одержал победу. Поэтому, давая обетования, Он обращается к «побеждающему»: «Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия» (Откр. 2: 7). Кто ведет борьбу с грехом, кто не дает погаснуть огню первой любви и веры, тот во Христе приступит к источнику бессмертия, от которого был отогнан согрешивший Адам (см.: Быт. 3: 22–23). Библия совсем не случайно начинается книгой Бытия и оканчивается Откровением. Начинается творением неба и земли и оканчивается видением нового неба и новой земли. Начинается повестью об отгнании человека от древа жизни и заканчивается обещанием вкушения от него. Длинный путь истории завершается в Апокалипсисе. Но завершается он не так, чтобы нам только созерцать завершение. Нам самим указана работа и борьба. Обетования даны «побеждающим».

(Продолжение следует.)

«Ангелу Смирнской Церкви напиши...»

Ангелу Смирнской Церкви Христос открывается как Первый и Последний, Который был мертв и се жив. «Первый и Последний» означает, что куда бы ни обратился человек, Христос перед ним. Совершенно невозможно убежать от Бога или скрыться от Него. Уходя в сторону, Христу противоположную, отвергаясь начал, человек может думать, что Христос остался за спиной у него. «Христос смотрит мне в спину, – думает человек, – Христос – это прошлое мое (моего народа или всего человечества)».

Как же удивлен бывает человек (народ, человечество), когда, пройдя тяжелый путь, казалось бы, прочь уводящий от Господа, опять встречает человека Христа на пути, и уже никуда не отвести глаз от Его взгляда. «Всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. 11: 36), – говорит апостол Павел. Принужден будет это сказать и любой другой человек. Как сотворенные Богом, мы все имеем Его в начале. Но как ожидающие суда от Него, мы не иного, но Его Самого встретим и увидим в конце. Умерший за нас и воскресший, Сын Божий будет судить нас. Судить будет не по слуху уха, но по правде и истине. Таким образом, обращение к Церкви Смирнской есть обращение к любому, кто имеет уши, чтобы слышать.

Христос и здесь проявляет Себя как знающий дела тех, к кому Он обращается. Дела же Смирнской Церкви таковы: терпение нищеты, скорби и злословия от называющихся иудеями, но по сути являющихся сборищем сатанинским. Говоря о нищете, Господь добавляет: «впрочем ты богат». Можно думать, что это богатство даров Духа, существующих обычно в условиях внешней тесноты и быстро теряемых в роскоши. Вот, в виде иллюстрации, посмотрим на Петра и Иоанна, идущих в храм на молитву (см.: Деян. 3). У ворот, именуемых Красными, они видят хромого и неходячего человека, обычно просящего милостыню. Петр говорит ему: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян. 3: 6). Ступни человека тотчас укрепились, и он вошел в храм, скача от радости и хваля Бога. Сила апостольского чудотворения находится здесь в ярком противоречии с наличием у человека золота и серебра. Если бы Петр мог сказать, что «серебро и золото есть у него», вряд ли он имел бы силу и власть укреплять именем Христа расслабленные тела человеческие. Исходя из сказанного, можно понимать слова Христа Смирнской Церкви так: «Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (телесную, житейскую). Впрочем, ты богат (дарами Духа, удобно сохраняемыми в условиях простоты и бедности)».

Злословие так называемых иудеев – это скорбь, постоянно сопровождавшая Церковь в ее раннем периоде развития. Иудеи, не принявшие Иисуса как Христа, считали христиан не более чем ересью, отпочковавшейся от Синагоги. Их злоба тенью ходила за христианами, и там, где они могли вредить, они вредили делу евангельской проповеди. Орудиями иудейского коварства традиционно была власть (в случае, если у иудеев был доступ к власти имущим и авторитет в их лице) и чернь. Последнюю к ненависти возбуждали слухами и клеветой. Ученик Иоанна Богослова Поликарп, бывший епископом в той самой Смирне, о которой идет речь, в середине II века претерпел за Христа мученическую смерть. Описание его страдания (кстати, первое подробное описание христианского мученичества) содержит упоминание и о злобе иудеев, одобрявших сожжение Поликарпа (святой был сожжен за имя Христово).

Отметим также, что слово спасения было вначале обращено к иудеям. О Христе, пришедшем в мир и ставшем Человеком, сказано: «Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1: 11). Подлинное иудейство находит свое завершение и исполнение во Христе. Поэтому подлинный израильтянин, «в нем же лъсти несть», есть тот, кто узнает во Христе Иисусе Царя Израилева (см.: Ин. 1: 47–51). Прочие же, уходящие в неверие или запоздало держащиеся законной буквы, в случае, если озлобляются на Церковь Христову, рискуют стать врагами благодати и вместе с дьяволом составить некое таинственное сборище врагов. Эти люди вовсе не охватывают собою весь Израиль по плоти. Напротив, число их, быть может, очень невелико. Однако имя, данное им в Откровении: «сборище сатанинское», – наводит на мысль, что они не нейтральны по отношению к Церкви и Евангелию, а настроены крайне враждебно. Бог да покроет нас от их коварства, равно как и от коварства прочих врагов Евангелия.

Далее Христос увещает не бояться ничего и предупреждает об угрозе тюремного заключения. Оно коснется некоторых, будет недолгим (дней десять) и будет направлено на то, чтобы искушить Церковь. Слово «не бойся» достойно того, чтобы лечь на дно души неким подобием якоря и не позволять душе носиться туда и сюда от страха. «Не бойся, только веруй», – говорит Господь Иаиру, когда весть о смерти дочери уже прозвучала (см.: Лк. 8: 41–59). «Не бойтесь», – сказал Христос ученикам, когда шел к ним по водам, а они от страха возопили (см.: Мф. 14: 26). «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть», – говорит Господь и Ангелу Смирнской Церкви, а через него и нам всем, много терпящим от малодушия и боязни.

Перед лицом у христиан Смирны – скорби, и впереди обещана тюрьма, темница. Но чтобы не робеть, Господь велит готовиться к еще большему, то есть к самой смерти. Кто приготовился к худшему из зол, того меньшие беды не поколеблют. «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2: 10). Это слова, повторяющие евангельскую мысль о том, что сберегающий душу свою, потеряет ее. А тот, кто положит (погубит, пожертвует) душой своей ради Христа и Евангелия, тот в жизнь вечную сохранит душу свою. И сама мудрость христианская на вершинах своих заключается в том, чтобы не бежать от смертного мрака, но войти в него с верой и именем Христа. Там, на обратной стороне смертной тьмы, – радость всех, кто одержал во Христе победу.

Обетование, оканчивающее это короткое обращение, таково: «Побеждающий не потерпит вреда от второй смерти». Это означает, что побеждающий, то есть воинствующий с грехом оружием, полученным от Христа, умрет по общему обычаю и уплатит общий долг. Не ранее, чем в Грядущем Царстве проявится внутреннее богатство рабов Божиих. В этом же мире они смиряются, терпят общие людям скорби, и еще «не открылось, каковы они будут» (1 Ин. 3: 2). Оттого умрет и праведник, однако умрет в надежде воскресения и вечной жизни, в предвкушении их. Со временем же услышит голос Сына Божия и, услышавши, оживет. Тогда побеждающий войдет в жизнь и веселие, войдет «в радость Господа своего». Прочие же, ленивые и скверные, боязливые и неверные, чародеи и убийцы (все эти типы грешников особо поминаются в последних строках Откровения), воскреснут тоже. Но, не имея части в Царстве Христа и Господа, будут отогнаны в огонь вечный, что и будет смертью после воскресения, то есть смертью второй. От этой второй смерти не потерпит вреда тот, кто верует и живет по вере, кто ведет борьбу и получает раны в надежде получить венец от Христа – Победителя смерти и ада.

(Продолжение следует.)

«Ангелу Пергамской Церкви напиши...»

Кратко и чрезвычайно энергично слово Христово, обращенное к Ангелу Пергамской Церкви. Это слово к тем, кто живет в непосредственной близости к средоточию злых сил. «Ты живешь там, где престол сатаны» (Откр. 2: 13). Это могли быть некие скверные «святостища» людей, поклоняющихся демонам. Это могли быть те «священные» места, где приносились жертвы бесам, вплоть до блудных практик и человекоубийства. Простое капище со скульптурным изображением идола и горящим огнем на жертвеннике вряд ли заслужило бы пугающее имя престола сатаны. Как благодать апостольского века была чрезвычайной по силе очевидного действия, так и сила демонского противодействия должна была вооружаться против Новой жизни адекватно. Тяжелый крест – жить вблизи концентрированных бесовских сил – выпал Церкви Пергама. Жизнь такая есть практическая аскетика. Близость к местам концентрации злой силы способна научить человека молитве лучше, чем долгий искуc в тишине и относительном спокойствии. Кто знаком по опыту с инфернальным холодом бесовской близости и различных страхований, тот знает, как быстро отгоняется от человека лень и расслабленность, как неожиданно превращается человек в подвижника, чей ум бодр, чья жизнь чужда легкомысленности.

Монашество более всего похоже на войну с нечистой силой. Оно есть дело строгое и воинское по преимуществу. Это умный труд и битва. Именно для этого у монаха в руках четки, получая которые при постриге он слышал, что принимает меч духовный. Слово «меч» несколько раз повторяется в обращении к Ангелу Пергамской Церкви. Христос открывается со следующим именем: «Так говорит Имеющий с обеих сторон острый меч». Меч этот есть слово Христово. Вонмем! Сам Христос есть Слово Божие. Он Сам есть Слово, даже когда молчит. И поэтому учит Христос делом и примером не менее, чем произнесенной речью. Когда же Он отверзает уста Свои и действует посредством человеческих слов, то это – меч в устах Его. Меч – это слово в устах Воплощенного Слова!

Праздных, вредных, лишенных смысла, не требующих проговаривания слов не произносил и не произносит Спаситель. Его слова – это стрелы, всегда летящие в цель. Это меч, отточенный с обеих сторон. Вот как говорит об этом апостол Павел: «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4: 12). Это определение стоит выучить наизусть, чтобы ходить перед Богом и помнить, что мы для Него полностью открыты. Открыты до разделения составов и мозгов, до суда над помышлениями и намерениями сердца. Самые тонкие действия человека, такие как операция на глазе, могут отдаленно приблизить нас к пониманию того, как глубоко проникает и действует Слово Божие. Ему всё открыто. Оно привычно и не утруждаясь проникает туда, куда человек долго и с большим трудом пытается проникнуть хотя бы отчасти.

Иисус, вооруженный мечом. Иисус, готовый выйти на брань. Иисус, имеющий власть и силу духом уст Своих убить клеветника. Очевидно, этот образ не совпадает с образом Спасителя, явленным в Евангелии. Там Он – Агнец, пришедший взять на себя грехи людей. Там Он трости не доломит и льна курящегося не угасит. Его могущество хотя и действует, но оно настолько укутано в смирение, что оставляет возможность сомневающемуся сомневаться и неверующему не верить. Здесь же – по Воскресении – Христос выступает как имеющий власть и как не имеющий нужды таиться и скрывать силу. Смерть уже Им побеждена. Смерть уже не имеет над Ним никакой власти. Оттого смиренный Агнец являет Себя по временам как Триумфатор и Непобедимый Воин. Этот образ должен ободрить христиан, стесненных отовсюду враждебной силой. Мы верим не в Того, Кого схватили и распяли, а в Того, Кто сильнее всех и Кто победил нашу смерть тем, что позволил Себя распять.

Воинские команды кратки. Кратко говорит и Христос, что Он знает дела Ангела в Пергаме. Тот не отрекся от имени Христова даже перед лицом мученичества местных христиан. Один из них – Антипа – назван свидетелем верным. На языке Церкви «мученик» – это в первую очередь не тот, кто терпит боль и бывает умучен до смерти. В первую очередь это «свидетель», то есть тот, кто посреди мученичества исповедует свое знание Христа как Господа и демонстрирует непобедимую верность Христу.

Пергамские христиане живут там, где временно избрал себе место пребывания сатана. Это нежелательное соседство не во власти местной Церкви. Зато в их власти чистота вероучения и плотность своих рядов. И здесь не всё гладко. Христос упрекает предстоятеля местной Церкви в том, что есть у него там и ранее упоминавшиеся Николаиты, и те, кто держится учения Валаама. Николаиты – новые еретики, появившиеся после проповеди Евангелия, очевидно, в силу неверного понимания или корыстного толкования слова Божия. А вот держащиеся учения Валаама – это люди, живущие здесь и сейчас, но по имени отсылающие нас к истории странствования Израиля по пустыне.

Движение еврейского народа в Обетованную землю было победоносным до тех пор, пока серьезные грехи не выросли стеной между Богом и народом. Возмущенный грехом, Господь отнимал благодать и отворачивал лицо Свое от согрешивших людей, которые вскоре после этого узнавали и силу врагов, и тяжесть наказания. Закономерность эта не утаилась и от противников. Те поняли, что достаточно ввести Израиль в грех против Господа, и поражение избранного народа останется делом одного лишь времени. Догадка эта должна была бы более держать самих евреев от греха, а не помогать врагам навлекать на головы Израиля гнев Божий. Но враги пользуются нашей слабостью лучше, нежели мы умеем избегать поводов к ослаблению себя через грех (мы говорим о евреях, но думаем-то о себе, о Церкви Христовой как Новом Израиле). Валаам как раз и был тем мудрецом, который «научил Валаака ввести в соблазн сынов Израилевых, чтобы они ели идоложертвенное и любодействовали» (Откр. 2: 14). «Держащиеся учения Валаама» среди пергамцев – это те, кто действует в духе Валаама и учит христиан непотребствам. Собственно, это те же Николаиты по образу действий, и лишь имя их овеяно древностью. Точно так же и всякая «новая ересь» лишь носит новое имя. По сути же она неизбежно копирует теорию и практику древних заблуждений.

Престол сатаны поблизости, Николаиты и Валаамиты внутри. Состояние незавидное. И на все беды одно великое лекарство – покайся! Христос говорит: «Покайся! А если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих!» (Откр. 2: 16). Слова «а если не так» есть голос угрозы. Но в чем угроза, если Христос обещает прийти и сразиться с ними, то есть с грешниками? Ведь «с ними», а не «с тобой»! Дело в том, что, допуская грех в среде своей, люди срачиваются с грехом. И уже трудно бывает со временем определить, где грех, а где обычные дела человеческие.

Христос же знает разницу этих вещей. И если Он придет с мечом, чтобы воевать и очищать, то меч Его пройдет по живому. Он будет временами резать так, как режет хирург, отделяя гнилое и заразное от чистого и здорового тела. Это будет нарушение греховного спокойствия и болезненное очищение для тех, кто сам очищаться не спешил. Вот почему очищаться нужно самому, не дожидаясь Христовой хирургии. И вот почему, когда время хирургии пришло, поздно просить об удалении меча (скальпеля). Нужно терпеть молча.

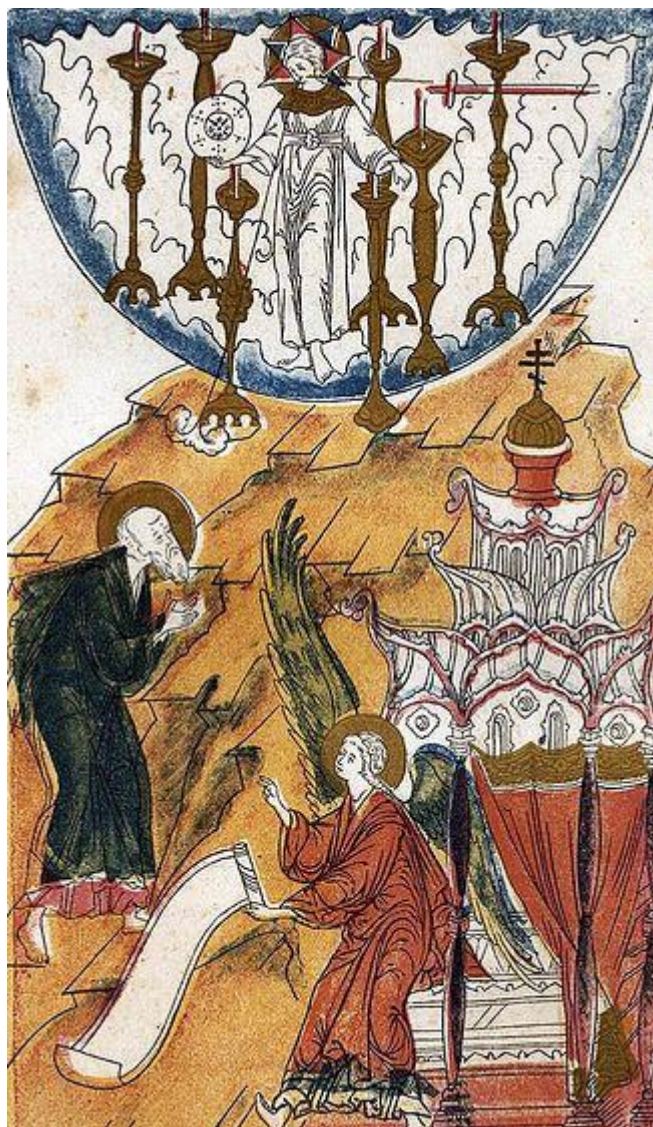
Обетование для побеждающего – сокровенная манна. Если имя Валаама воскрешает негативные страницы странствия по пустыне, то напоминание о манне – это пример непрекращающегося чудесного покровительства Бога над людьми Своими. Побеждающий, иными словами, будет напитом, насыщен, будет иметь каждый день всё необходимое (ибо и манна появлялась не с запасом, но на каждый день). Господь, и наказывая, не перестает хранить и благодетельствовать. Кроме того, насыщенный манной человек будет еще и переименован. Белый камень с написанным на нем именем, которого никто не знает, кроме получающего, – последнее обещание.

Давать имена означает со стороны дающего проявлять власть и знать сущность. Имя должно отобразить природу существа того, кому оно дается. Кроме того, новое имя есть знак новой жизни. Если человек деятельно изменился, он не может жить со старым именем, так как вырос из него. Перемена фамилии при выходе женщины замуж, новое имя в монашестве – явления именно этого порядка. Некое общее переименование ожидает и нас по вступлении в иную жизнь, где Бог назовет нас так, как мы должны называться по внутренней сути, а не так, как привыкли называть нас люди. Власть эта – давать имена – принадлежит Христу, поскольку «дана Ему всякая власть на небе и на земле». Поэтому Он и в начале евангельской истории переименовал Симона в Кифу, то есть Петра, а сыновей Зеведея назвал «сынами грома».

Меч Божиего слова, престол сатаны, учения Николаитов и Валаама вкупе с развратом, родящимся от этих учений, сокровенная манна и новое имя для побеждающих – таковы главные слова из обращения Христа к Ангелу Церкви Пергама. Таковы главные слова, касающиеся и нас. Поскольку и мы питаемся манной (Причащением) и будем переименованы. Поскольку Николаиты с Валаамом растиражированы по миру. Поскольку сатана – реальный участник человеческой истории. И, наконец, поскольку острейший меч слова Божия не ржавеет и не притупляется. Им да научится всякий из нас пользоваться, и от его острия всякий враг да отбежит.

(Продолжение следует.)

«Ангелу Фиатирской Церкви напиши...»

«Общим местом» многих толкователей Апокалипсиса является желание представить семь Церквей Малой Азии в виде семи периодов исторического бытия Вселенской Церкви. Семь этих периодов должны идти в строгой последовательности, и следующий период в силу исторической преемственности должен вытекать из или связываться с периодом предыдущим. Такая позиция понятна, но очень уязвима. Уязвимость — в неизбежности натяжек, когда недостающее додумывается, а существующее подгоняется под выбранную систему. Если Ефесский период — ранняя Церковь апостольского и ближайшего к апостольскому времени, то Смирнская Церковь — это что? И когда это «что» начинается? С эпохи царя Константина? Если да, то какому периоду соответствует сказанное о Церкви Пергама: концу эпохи Вселенских Соборов или падению Византии вообще? Где, то есть, точный конец одной эпохи и неизбежное начало следующей? Так ли исчерпывающи слова, сказанные о семи Церквях, чтобы в них вместить целые века церковной истории? Вопросов очень много. Кроме того, любители линейно-временного толкования семи Церквей как семи эпох обычно эсхатологически настроены. Они ждут конца. Следовательно, свою собственную эпоху они характеризуют либо как Филадельфийскую (предпоследнюю), либо как Лаодикийскую (последнюю). Тогда получается, что сказанное о пяти прежних периодах имеет в основном исторический, а не бытийно-жизненный интерес. Это изображение того, как мы «шли, шли — и дошли до современного состояния». С этим нельзя соглашаться. И вообще семь Церквей Азии сосуществовали во времени. Все они были рождены проповедью Иоанна Богослова. Слово, сказанное к ним, прозвучало в одно время, за раз. И все они в ту пору были. Потому, не сбрасывая вовсе со счетов теорию семи эпох, отразившихся в слове Христа Церквам, можно смело думать и иначе. Это картина жизни различных церковных общин, диагноз их внутреннего состояния, при том что все они, такие разные, существуют рядом друг с другом.

Первая Церковь (Ефесская) упрекается в утрате первой любви. А четвертая (Фиатирская) хвалится за то, что «последние дела ее больше первых» (Откр. 2: 19). Значит ли это, что после угасания первого горения через два на третий период непременно возрастет ревность? Не думаю. Это скорее говорит о том, что в одно и то же время у живущих рядом христиан может быть совершенно различное устройство. Пока один охладевает, другой рядом с ним вооружается решимостью. Это вполне соответствует словам Господа о том, что две будут молоты на жерновах, и одна останется, а другая возьмется. Двое будут и на селе – один возьмется, а другой останется (см.: Лк. 17: 34–36). Итак, Церковь Фиатире похвальна по причине того, что есть в ней улучшение, что само по себе есть чудо не малое. Угасание, истощение и ослабление со временем нам более понятны. И по логике, и по личному опыту. А тут – последнее лучше первого. Прямо как на браке в Кане: принесенное к концу вино лучше того, что пили вначале. Очевидно, что это плод благодати и место действия Духа Святого. Но – горе нам! – нет такой похвалы, рядом с которой не было бы уместно порицание. Христос говорит, что Ангел Церкви Фиатирской попускает некоей жене Иезавели «учить, вводить в заблуждение рабов Моих, любодействовать и есть идоложертвенное» (Откр. 2: 20). И опять, как в случае с Валаамом, мы вынуждены вспоминать Ветхий Завет.

Та историческая Иезавель, поминаемая в книгах Царств, не учила и не пророчествовала. Она, пользуясь властью, покровительствовала жрецам культа Ваала. Она преследовала Илию, подталкивала к грехам Ахава. Это она научила Ахава клеветой и кровопролитием отобрать виноградник Навуфея. Она, подобно Иродиаде Нового Завета, была смертельным врагом друзей Божиих, пользуясь властью супруги царя. Но она не учила и не пророчествовала. А эта, помянутая в Откровении, именуется пророчицей и действует широко, а Церковь ей это позволяет. И что это? Очевидно, вопрос не решится поиском прямых и буквальных соответствий. Эта Иезавель не царица. Источник ее влияния вовсе не государственная власть. Она «пророчица». Время ее действия – время Нового Завета, когда жене уже не накинешь на роток платок и когда появляется возможность жене, как и мужу, действовать с дерзновением на поприще учительства. Вот вам неожиданный плод свободы. Златоуст говорил об этом много. Он говорил, что люди обычно стремятся с жадностью к тому, что им не принадлежит. К примеру, женщины – к власти. Не имея прямого доступа к самой власти, они ищут тайной (чисто женской) власти над теми мужами, какие имеют власть. Приводить ли примеры? Над сказанным стоит поразмыслить, но мы идем дальше.

Иезавель из Фиатире не хочет властвовать «по-женски». Она властвует пророчески. Очевидно, с некоей силой и внутренним правом, источник которых мы скоро упомянем. Силой она действует столь очевидной, что упрек Христа смягчен. Господь говорит: «Имею немного против тебя» (Откр. 2: 20). То есть не сказано: «Я в гневе на тебя за то, что ты позволяешь...» Или: «Как же ты мог позволить пророчествовать такой жене, как эта?!» Нет. Всё совсем иначе. «Знаю твоё терпение, труд, любовь. Знаю, что последние дела у тебя больше первых. Но имею против тебя немного». Немного. Почему?

Эти слова не исчерпают поднятую тему, да и не претендуют на это. Но думаю, что в целом заслуживающий похвалы Ангел Фиатире столкнулся в лице Иезавели с таким врагом, который ему не под силу. Иезавель приводит людей к худшему из возможного – любодеянию и идолослужению. Но при этом она знает Господа. Христос говорит: «Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покалась» (Откр. 2: 21). Перед нами образ некоей харизматической личности, которая смело и хитро мешает истину с ложью, убедительно проповедует и увлекает в некие практики многие души. Серьезнейший враг! Поэтому и упрек минимален. Поэтому и имя «пророчицы» выбрано не случайно. Историческую, «ту» Иезавель боялся сам Илия! Следовательно, бывают такие враги, которых мы не одолеем или даже не до конца распознаем и даже – Боже, сохрани! – позволим им «пророчествовать». И что же тогда? А тогда Сам Христос вступится за Свою Церковь, о чем и говорится далее: «Вот Я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью» (Откр. 2: 22–23) – очевидно, это духовные дети, известные своим родством и хвалящиеся им. То есть Христос Сам действует силой карающей и вразумляющей там, где слуга Его, в целом достойный похвалы, не способен на качественное противодействие обману. «И уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим». Смирительное действие Господа будет известно многим, многих устрасит и отрезвит. Так стоит понимать сказанное. «Сердца же и внутренности» – это те самые «сердце» и «утроба», о которых мы, каюсь, говорим: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей».

Церковь Фиатире изображена на пороге «чистки». Скоро Господь будет проверять и просеивать. Одни будут поражены смертью, другие положены на одр, третьи повергнуты в великую скорбь. Тем же, кто верен Богу и слову Его, сказано: «Держите, что имеете, пока приду». Те, кто верен

Богу, не знают неких «глубин сатанинских»! За это и помилованы. Вот, оказывается, где причина силы Иезавели и почему сама Церковь Фиатире не способна помешать ей «пророчествовать». В Пергаме был престол сатаны, но там было не так опасно. Одно дело – «престол», другое – «глубины». «Глубины» – это погружение, это проникновение в учение и практику, откуда, как правило, уже не вылезает. Это капитуляция перед тремя искушениями в пустыне и согласие на службу сатане в обмен на удовольствия, на власть и на обманчивые «чудеса». Бороться с такими капитулянтами весьма опасно. Очень поэтому важно, что Господь не ждет и не требует от фиатирских христиан особых подвигов. И особыми скорбями их очищать не будет. «Не наложу, – говорит, – на вас иного бремени; только то, что имеете, держите, пока приду». Верность требуется этими словами. А еще – осознание скудости своих личных сил и понимание того, что кроме терпеливой стойкости в этих условиях Господь больше ничего не ждет от тебя и не требует.

Тем не менее, тот, кто держит лишь то, что имеет, тоже воюет и совершает подвиг. Стояние в вере – это движение. Ему будет тоже «дана власть над язычниками». Под язычниками евреи понимали чуждый мир греха и неведения Бога. Вы уже заметили, как много отсылок к ветхозаветному тексту содержится в последней книге Библии. Нам необходимо постоянно держать в сознании ветхозаветный контекст. Так вот, в свете Нового Завета под «язычниками» мы понимаем господствующие страсти: сребролюбие, плотские похоти, безмерную гордыню, лукавство и проч. Страсти мотивируют поведение сынов века сего. Дух Святой должен быть мотиватором нашего поведения. И тот, кто усыновился Богу во Христе, будет способен сокрушать твердыни греха, как жезл крушит глиняные сосуды. Этот последний образ взят из 2-го псалма, который в ряду псалмов является первым мессианским.

Последнее обетование: «И дам ему звезду утреннюю». Слова эти хорошо читаются в контексте сказанного Петром апостолом во 2-м послании: «Вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему (пророческому слову. – прот. А.Т.), как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» (2 Пет. 1: 19). Апокалипсис – книга сама по себе пророческая. Кроме того, это книга, насыщенная пророческими образами Ветхого Завета. Обращаясь к этому удвоенному пророческому слову, мы вносим свет в темноту наших сердец. Это дает нам силу и возможность жить, доколе звезда утренняя (Сам Христос) не явится во славе. Явление Его будет и явлением нашим. То есть мы явимся такими, какими быть должны, а не такими, какие сейчас есть. «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3: 4).

В целом кажущееся печальным и продолжающим траекторию нисхождения слово Христа Церкви Фиатире более обнадеживает и бодрит при близком рассмотрении, нежели иные слова, сказанные другим Церквам. Имеющий уши да слышит.

«Ангелу Сардийской Церкви напиши...»

Обращение к Ангелу этой Церкви напоминает обращение к Ангелу Ефеса. Там говорит «Держащий семь звезд в деснице Своей», а здесь – «Имеющий семь духов Божиих и семь звезд». Но, несмотря на сходство обращения, заключающееся в упоминании семи звезд, общий тон речи иной. После привычного для всех семи обращений «знаю твои дела» звучит чрезвычайно грозное слово: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3: 1). Нам уже приходилось говорить о том, что смертей есть несколько. Отсыл «проклятых в огонь вечный к диаволу и ангелам его» в слове о Страшном суде (см.: Мф. 25: 41) тождественен смерти второй, то есть гибели после воскресения. И слова Отца о вернувшемся блудном сыне «мертв был и ожил, пропадал и нашелся» означают, что существует смерть духовная, которая вполне может обладать человеком при всех признаках телесной жизни. Об этом же говорит однажды сказанное Христом: «Оставь мертвых погребать своих мертвецов». Сказано о мертвецах духовных, погребаящих тех, кто умер и телом, и духом.

Подобным образом телесно жив и носит имя живого Ангел города Сарды. Но духом он мертв! Мертв не настолько, чтобы ничего не понимать. Иначе бы не было обращено к нему и слово. Но он настолько духовно болен, что иных выражений Христос не ищет. Ты мертв! Исходя из поиска смыслов для себя, а не простой исторической правды о веках минувших, мы читаем «ты», но со страхом спрашиваем: «Не я ли, Господи?» (Мф. 26: 22).

Евангелие вообще обращено к пораженному смертью человечеству. Это призыв: «Восстани, спящий, и освятит тебя Христос!» Уже сегодня человек, услышавший сердцем слово Божие и

ощутивший силу его, подобен Лазарю, выходящему из гроба. Он еще связан по рукам и ногам, он еще не вполне свободен и даже смердит. Но он уже ожил! Таково действие Евангелия.

Вопрос духовной мертвости (омертвелости, если угодно) с укором стоит перед нашим лицом. Дилемма современности «быть или казаться» может быть прочитана христианами в редакции «быть живым во Христе или только изображать из себя живого?» Мы можем вспомнить и вопрос Ангела женам-мироносицам: «Что ищите живого между мертвыми? Его нет здесь» (Лк. 24: 5–6). Широко применяя сказанное к жизни, можно прийти к выводу, что Христос не обретается между теми христианами, которые духовно мертвы, хотя и носят имя, словно живы. Потому-то многие не находят Христа, что ищут Его между христианами, не подающими подлинных признаков обновленной жизни. Всё это действительно и обидно, и страшно, и больно. Но раз диагноз поставлен Словом, то и лечение будем искать в Слове. Бог далее повелевает: «Бодрствуй!» И не только это, но и: «Утверждай прочее близкое к смерти!» Тот, кто начинает каяться, становится невольным примером для многих. Петр не только принят обратно в лик апостольский, но и получает особое повеление: «Паси овцы Моя». Поэтому и Давид, начав покаяние с «Помилуй мя», заканчивает словами: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся». Покаяние творит учителей. Начнешь каяться сам – сообщишь дух покаяния и рядом стоящему. Вот почему связаны два повеления: «Бодрствуй» и «Утверждай прочее близкое к смерти».

А кроме «Бодрствуй!» еще и: «Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся». Сколько глаголов в повелительном наклонении! Бодрствуй, утверждай, вспомни, храни, покайся. Попытаемся пройти глазами и сердцем по этим словам. Ведь и нам есть что вспомнить, есть что хранить, есть в чем покаяться. И если этот труд вовремя не будет сделан, то Христос обещает прийти внезапно, как недруг. «Иду на вы», – говорил, не таясь, древний князь врагам перед нападением. «Найду на тебя», – подобным образом заранее предупреждает Христос. Ангелу Пергамской Церкви Он говорил: «Приду к тебе и сражусь с ними (с развращенными)». А здесь не так. Здесь и придет к Ангелу Сардийской Церкви, и сразится с ним же, а не с кем другим.

Не просто говорит «найду», но «найду, как тать», то есть как вор. Приду в неизвестное время, когда ты не готов, когда ты уверен в себе и греховно расслаблен. Приду, когда ты, как одна из безумных дев, уйдешь за маслом для лампы, чтобы вернуться и услышать из-за закрытых дверей: «Не знаю тебя».

Много строгого и страшного уже прозвучало. Все эти угрозы и страхи имеют предел, поскольку к угрозам Христовым редко не подмешивается Им же приготовленное утешение. В Сардисе, оказывается, есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Христом в белых одеждах, ибо они достойны (см.: Откр. 3: 4). Как и при упоминании Валаама, Иезавели, манны, тут, при упоминании о малом числе людей, чуждых греха, мы вспоминаем ветхозаветную историю. В данном случае историю Илии. Пророку, утомленному борьбой с нечестием, Господь в утешение говорил, что соблюл Себе среди массового развращения семь тысяч мужей, не поклонившихся Ваалу (см.: Рим. 11: 4). В Писании вообще есть понятие «избранного остатка» (в книге Исаии). Это те, кто верен Богу, хотя бы подавляющее большинство утратило верность Завету. Подобным образом и в Сардисе, где одни мертвы, а прочие близки к смерти, есть несколько избранных. Они не осквернили одежд, под которыми можно полагать одеяние души. Одно из песнопений Страстной седмицы пояснит это лучше. «Чертог Твой вижду, Спасе, украшенный, и одежды не имам, да вниду (войду) в онь (в него). Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя». Вот эта душевная одежда, необходимая для входа в Небесный чертог, и была чиста у нескольких христиан Сардиса. Пусть их не семь тысяч, как в случае с Илией. Но ведь и Сардис – не Израиль. Это город, а не народ. А городу, как видно из истории Лота, достаточно малого числа праведников, чтобы не быть стертým с лица земли. Важно другое. Важно, что избранный и священный остаток неистребим. Он неведом миру, но ведом Богу, и его наличие оправдывает существование человечества.

Ту же белую одежду Господь обещает и побеждающим. В белое одет новокрещенный человек. Белые ризы надеты на ставленника в священный сан. Бела невеста в день венчания. То благодать очищает и убеляет человека. Таково ее свойство. «Омыеши мя, и паче снега убелюся». Поскольку мы уже были одеты в белое в день Крещения, поскольку души наши были уже реально белы в этот день соединения со Христом, то и обещание белых одежд тождественно звучавшему ранее призыву вспомнить, «что ты принял и слышал». Вспомни, то есть, что ты уже был бел, и покайся, и потрудишься вернуть себе чистоту. В награду за труды Господь опять оденет тебя в белые одежды. И имя победителя уже не изгладится из книги жизни. На торжественной перекличке победителей

Христос обещает вслух исповедать имена Своих верных тружеников перед Отцом Своим и Ангелами Его (см.: Откр. 3: 5).

И поскольку наличие обычных ушей вовсе не гарантирует человеку присутствие в душе веры, которая от слышания, Христос заканчивает обычно: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам».

«Ангелу Филадельфийской Церкви напиши...»

Человек не может затворить то, что Бог открыл. И наоборот – закрытое Богом человек не может открыть. С этого начинается слово Христа к Ангелу Церкви Филадельфийской. Практическое применение сказанного к нашей жизни может заключаться в том, что под дверями мы понимаем спасительное покаяние, открытое всем людям. Понимаем возможность дверями веры и покаяния войти в общение с Отцом и Его Сыном Иисусом Христом (см.: 1 Ин. 1: 3). «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», – так и поем мы в дни Великого поста. Всё время бытия человечества после Воскресения Христа из мертвых, после Его восшествия на небо и ниспослания Духа Святого на учеников и апостолов есть время открытых дверей Божиего милосердия. Нет смысла закрывать эти двери, да и невозможно их закрыть. Бог милует человечество во Христе. Двери, ведущие к престолу благодати, открыты. «Оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа» (Деян. 17: 30–31). Когда же наступит тот самый, ожидаемый и трепетный час Суда, двери милосердия затворятся. Вот тогда-то поздно будет пытаться их открыть, толкать в них и ударять, сопровождая стук криком: «Господи, Господи, отверзи нам» (Мф. 25: 11). Нужно понять времена и пользоваться временами милости, зная, что они неизбежно сменяются временами справедливого суда. Благодать Божия и всепрощение должны рождать в человеке благодарность и умножать веру. Если же нет, если увеличивается только наглость от безнаказанности и дары Божии пренебрегаются, то закрытие дверей должно будет стать страшной переменной для беспечных. Вздоргнем и убоимся!

Имя, с которым Господь открывается, – Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов. Слово «ключ» в Новом Завете ассоциируется главным образом со словами Христа Петру: «Дам тебе ключи Царства Небесного». Здесь же речь идет о ключе Давидовом. Выражение встречается в книге Исаии, где речь идет о полноте власти, отнимаемой у недостойных и передаваемой тем, кто более ее заслуживает. Ключ Давидов – это полнота власти во Святом Городе, право всем распоряжаться и управлять. Христос называется имеющим ключ Давидов потому, что Он Царь на Давидовом престоле. О Нем Марии в день Благовещения говорит Гавриил: «Даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его, и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1: 32–33). Имеющий престол Давида имеет и ключ Давида, открывая для одних ворота Святого Города и закрывая их перед другими.

Перед Ангелом Филадельфийской Церкви дверь отворена. Ее никто закрыть не может. Хотя собственных сил у него немного. Ангел Церкви заслуживает похвалу за то, что сохранил слово Христово и от имени Его не отрекся. Ему, маломощному, но верному, назначен необычный подарок – вразумление иудеев. Вновь, как и в словах Ангелу Церкви Пергамской, иудеи названы сбирисцем сатанинским. Они, хотя и названы лжецами, сумеют рассмотреть и понять, сумеют заметить, что Бог благоволит к Церкви Филадельфии. Увидев это, они придут и поклонятся в ноги христианам как возлюбленным Божиим.

В этих словах мы встречаемся с примером успешной миссии. Миссия среди иудеев чрезвычайно трудна. Отгороженные ото всех своими обрядами и законами, прячущиеся в свою избранность и непохожесть, за долгие столетия ставшую крепкой, как броня, иудеи не принимают в большинстве своем Евангелия. Между тем они не перестают присматриваться к христианам. И бывает так, что недоверие сменяется интересом, а интерес – восхищением. Там, где так бывает, нужно, чтобы Бог явил Свою силу и святость. Нужно, чтобы через человека, как через промытое стекло, виден и узнаваем был Бог, действующий и милующий. Сила же Божия «в немощи совершается», как говорит блаженный Павел, раскрывая перед взором христиан тайну своего смирения и рассказывая о сатанинском жале в своей плоти (см.: 2 Кор. 12: 7–9). Поэтому немощной Церкви

Филадельфии, Церкви, у которой сил немного, дана особая милость – стать для иудеев очевидным примером любви Божией и правоты Евангелия. Эти слова могут относиться к тем финальным актам исторической всемирной драмы, когда остаток Израиля уверует во Христа. Тогда, в конце истории христиане не будут сильны, но и малого свидетельства будет достаточно для спасения тех, кто хочет спастись.

Христос обещает сохранить христиан Филадельфии от «годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле» (Откр. 3: 10). В молитве «Отче наш» мы научены просить Бога «не ввести нас во искушение». Это голос благоразумия и смирения. Мы должны знать о своих немощах и несовершенствах. Знать и просить Бога не ставить нас в такие ситуации, в которых немощи наши становятся очевидными и мы падаем под напором враждебных сил. Однако искушиться, то есть пройти через испытания, нужно и отдельному человеку, и всему человечеству. Если быть верным Богу сегодня, в условиях относительного спокойствия, если в малом быть Ему верным и вопреки немощам не отрекаться от имени Христова, то в час всеобщего испытания, может случиться, Господь укроет нас от беды. Укроет так, как уже укрывал в свое время Ноя в ковчеге, как спасал от огня трех отроков, как миловал и хранил иных святых в иных ситуациях.

«Се, гряду скоро; держи, что имеешь». Спросим себя: «Что я имею?» Если имею веру, то вместе с ней имею всё вообще: надежду, усыновление Богу, грядущее Царство. Если же не имею веры и только обманываю себя, то втайне ужасаюсь будущего и не вижу впереди ничего для себя утешительного. За веру нужно бороться. «Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит. Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя» (Евр. 10: 37–38). Как среди 40 мучеников Севастийских нашелся один дрогнувший, и как венец, предназначенный одной голове, увенчал другую, так может быть и с нами. Первые становятся последними, последние – первыми. Чтобы нам не плакать со временем, видя себя без плода, а иных на нашем месте, Господь говорит заранее: «Держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» (Откр. 3: 11).

Побеждающий будет всегда в храме Божиим. Побеждающего Бог обещает сделать столпом, то есть крепким и надежным, держащим на себе полезную тяжесть. На нем будут начертаны святые имена: имя Божие, имя Небесного Иерусалима и новое имя Христа. Об именах мы говорили в связи с Церковью Пергама. Там Господь обещал дать новое имя побеждающему. А здесь не победившего переименовывает, но открывает ему нечто таинственное касательно Отца, и Себя, и Небесного Города.

Откровение имен – это возвешение тайн. Кто знает имя, тот проник в суть и в глубину. Вспомним Иакова, который всю ночь боролся с Богом, требуя открыть ему Имя. Узнать имя Божие всегда означало сделать свой голос слышным для Господа: «Я зову Тебя по имени, Боже, и Ты непременно слышишь меня». Эта награда дастся смиренной Церкви Филадельфии. Напомним, что она лично слаба, но сквозь нее просвечивает любовь Божия, заметная иудеям. Она имеет немного, но держит крепко, что имеет. За верность будет избавлена от всеобщего испытания. Если в названных чертах вы узнаете нечто близкое и знакомое, узнаете себя самих или ваших братьев по вере, значит, мы не зря читаем Писание. Значит, мы имеем уши, чтобы слышать, что Дух говорит Церквам.

«Ангелу Лаодикийской Церкви напиши...»

Мы подошли к последнему из семи Господских слов, обращенных к Церквам Азии. Знаменательно, что именует Себя Христос в этом последнем слове тем именем, которым и мы обычно завершаем молитвы. «Так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия» (Откр. 3: 14). При всей привычности к этому слову и частом его употреблении, Аминь есть имя Божие и требует соответственного к себе отношения. Оно запечатывает царской печатью все обетования Божии, так как «Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас... не был “да” и “нет”; но в Нем было “да”... Все обетования Божии в Нем “да” и в Нем “аминь”» (2 Кор. 1: 19–20).

В предыдущих шести словах многие далеко не везде могли найти и узнать себя. Не всем дано терпеть гонения или обращать иудеев, не все способны распознать современную Иезавель или Валаама. Названные победы и поражения Церквей не в каждой душе могли найти отклик и понимание. А ведь Писание есть зеркало, в котором каждый ищет увидеть природные черты свои (см.: Иак. 1: 22–24). Но вот в словах Христа к Ангелу Церкви Лаодикии многие найдут себя без труда, хотя и не обрадуются этому. Иные, быть может, вздрогнут, как от прикосновения к нерву, услышав эти строгие слова обличения как себя самого, так и целых общин, а может, и целой эпохи. «Ты ни холоден, ни горяч», – вот первые слова обличения, и мы узнаем в них черты распространившегося безразличия.

Поверхностность в суждениях, неспособность надолго увлечься каким-то хорошим делом, ранняя усталость от жизни, апатичность стали приметам эпохи. Избыток ли информации изнуряет людей, обилие бытовых удобств вкупе с невыносимой суетой ли нас убивают, не важно. Важно, что в отношении веры и нравственности мы более, чем кто другой, рискуем оказаться «никакими». И если слова эти относятся и к христианам тоже, то беда. Для Христа, пришедшего огонь низвести на землю, и для Духа Святого, сошедшего на апостолов в виде огненных языков, даже холодный лучше теплого. «О, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15–16). Теплота растаявшего масла, потекшей сладости, что-то съестное и потерявшее вид и вкус мыслится при словах о такой неприятной теплоте. У римлян о людях противных и никудышних говорили: «Это дважды сваренная капуста». И Господь именно грозит выплюнуть (по-славянски: «изблевати») такового.

В чем же причина такой неприязни? Гордость. «Бог гордым противится», – говорит апостол Иаков. В Откровении же Господь уже не столько противится, сколько гнушается самохвалами из числа Своих учеников. «Ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3: 17). Как это удивительно и как узнаваемо. Святые люди, словно тяжелые корабли, нагруженные духовным добром, смиряются. А люди пустые, легковесные, в добре нетвердые, относящиеся к разряду «ни то ни се», гордятся так, будто взяли в плен Наполеона. Вот и портрет Ангела Лаодикии таков. Он тепл, то есть противен Христу, к тому же он жалок, слеп, нищ, наг. Но сам о себе он говорит (главным образом это внутренние речи, слова сердца): я разбогател и ни в чем не имею нужды. Так поднимает к небу ветви бесплодное дерево, и, наоборот, склоняется к земле, смиряется дерево, отягченное плодами.

Христос дает совет такому бесплодному гордецу, уверенному в своем богатстве. Христос советует купить у Него золото, чтобы обогатиться, белую одежду, чтобы прикрыть наготу, и глазную мазь, чтобы прозреть и начать видеть. Это что? Можно разойтись во мнениях, но, начав с конца этого списка, думаю, что в глазной мази узнаем слезы. И если заплачем о себе, то увидим себя и мир вокруг ясно, без бесовского обмана. Белые одежды – это обновление крещальной чистоты, возможное через покаяние. Кроме того, всякое доброе дело, сделанное ради Господа, есть если и не одежда, то хотя бы белая нитка, из которой со временем уже могут соткаться одежды для прикрытия наготы. Золото же, очищенное огнем, думается, есть вера в бесценного Христа, Который в огне крестных страданий совершил наше спасение. Христос на кресте есть «золото в огне», и кто верует в Христа распятого – «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие», – тот имеет веру благоразумного разбойника. Итак, гордый и слепой человек! Помни Голгофское Таинство и с разбойником вместе говори Христу: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем». Это будет покупка золота. Этим обогатишься. Кайся в грехах своих и поспеши творить без показухи и тщеславия посильное добро. Таким образом оденешься в белую одежду и срам свой прикроешь. Наконец, плачь о себе слезами Адама, изгнанного из Рая, и тогда сможешь видеть мир и себя в нем такими, как они есть, без иллюзий, навеваемых падшими духами.

Всё сказанное до сих пор можно выслушивать, лишь опустивши голову. Но вот звучит и нечто такое, от чего можно поднять лицо. Ведь нет такого укора от Христа, который бы Он Сам не растворил утешением. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся».

Значит, это Ты меня любишь, Господи? Меня, который жалок, нищ, слеп и наг? Меня, умудрившегося при всем своем убожестве говорить в сердце своем: я разбогател и ни в чем не имею нужды? Все упреки, все жгущие слова, от которых стыдно и страшно, Ты произносишь от любви? Именно так. И повеление: «будь ревностен и покайся» – не что иное означает, как то, что все, узнавшие себя в Лаодикийском Ангеле, ничем не хуже всех остальных. Если только покаяние будет деятельным, если только ревность будет искренняя и уравновешенная рассуждением, то не

будет таких даров, которых бы христианин лишился. Упавший – вставай! Заблудившийся – возвращайся! Спящий – проснись! Осквернившийся – плачь, но не отчаивайся! Тебя любит Господь. Как слепец Вартимей при вратах Иерихона, и ты услышь слово: «Не бойся, вставай, зовет тебя!» (Мк. 10: 49).

Теперь прислушаемся: нет ли стука в дверь? Вроде бы нет. Но на самом деле есть. Не в дверь дома, но в дверь сердца постоянно стучит Господь. Стучит осторожно, стучит не так, как стучит полиция или загулявший хозяин дома. Стучит Христос, как путник, которому негде голову приклонить. «Се, стою у дверей и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20). Эти слова воскрешают в душе образы Песни песней, где Возлюбленный стучится в двери невесты, и она, слыша стук, не помнит себя от радости. Таким личным, интимным словом неожиданно завершается обличительная речь. Господь согласен стать собеседником, сотрапезником того, кто услышал Его голос и открыл в ответ на стук. Вот почему так драгоценны бывают душевные и тихие речи друзей за самым скромным столом в вечерние часы. Если вам известна радость таких дружеских тихих застолий, знайте, что это образ прихода Христа как путника и друга к тем, у кого есть уши, чтобы слышать.

Но Путник или Странник, Пастырь или Агнец, всё же Он – Царь. Он победил и сел на престоле. Поэтому окончание семи великих слов – и этого обличительного последнего – и обетование побеждающему таково: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом на престоле Его».

И мы, подойдя к завершению семи слов, воистину не знаем, что делать дальше. Продолжить ли нам чтение Откровения, или же вернуться к перечитыванию всех семи слов разом? А ведь далее есть еще и семь печатей, и семь чаш гнева. Есть семь трубящих ангелов, и в Евангелиях есть семь слов, произнесенных распятым Господом на Кресте. Есть целое море Божественных Писаний. Море, которое не выпить. Море, в котором можно утонуть, если броситься в него дерзко. Каждая капля этого моря живительна и неистощима. Запасемся же любовью к слову Божию, к слушанию и чтению его, потому что через эти маленькие буквочки, ровно, по-солдатски ставшие в ряд, не кто иной, как только Сам Христос благоволит беседовать с нами.

Аминь.

Чтобы понять, как сгорит мир, достаточно зайти на любой форум

Разговор сегодня пойдет об Интернете – самой, пожалуй, опасной среде, где этот грех тщательно культивируется и считается неотъемлемым атрибутом общения.

Наибольшее количество грехов, которые совершаются человеком, – это грехи, связанные со словесной стихией. Человек и лжёт, и клянёт, и злословит, и говорит неправду по сто раз на дню. Особенно тогда, когда считает себя правдивым. Он утверждает: «Я правду говорю», и в это время лжёт, того не понимая.

Человек – существо испорченное, а вся человеческая жизнь словесна – без слов она невозможна. Неважно, чем Вы записываете свои письма – рунами, зарубками на дереве, алфавитной письменностью или же Вы вообще писать не умеете, но человеческая жизнь словесна и, будучи повреждённой грехом, она отражает грех на всех уровнях.

Можно заняться отслеживанием новых грехов, которые появились в нашей жизни благодаря цивилизации, городам и техническим новшествам. Например, Интернет – это тоже словесное общение.

Это – помойка, в которую человек прячется и ныряет, как крыса по трубам. И там он находит для себя объекты критики, объекты ненависти, выливает всю свою злобу. Если по этому критерию просмотреть Интернет-пространство, мы увидим подосознание, вывернутое без стыда. Совершенно грязное, циничное, неприкрытое нутро человеческое, когда люди говорят друг другу что-то обидное или критикуют, не пытаясь выслушать оппонента.

Люди говорят совершенно цинично, поскольку не лицом к лицу, а на удалении, грязно, поскольку один на один с клавишами. А на самом деле пространство наполняется внутренней грязью. Люди выворачивают наизнанку свой внутренний мир, и он удивительно до чёрного грязен.

Это, кстати, внутренний мир нормальных людей – ну, не бомжи же с серийными убийцами сидят в Интернете. Обычные порядочные люди совершают фокус этого выворота в виртуальном пространстве.

Жозеф Деместр, после Французской революции бежавший в Россию, говорил: «Я не знаю, как выглядит душа закоренелого негодяя, но знаю, как выглядит душа обычного порядочного человека. Должен признаться, она ужасна».

Какие интересные слова о хорошем, «порядочном» человеке – «душа его ужасна». И нам сегодня не нужно быть людьми недюжинных способностей для того, чтобы это всё понять, потому что виртуальное пространство полно сокровенных, выговоренных излияний, вываленных при помощи клавиш тайн обычных сердец людей, которые убеждены в своей порядочности.

Обратите на это внимание, братья и сестры. Для того, чтобы понять, что мир когда-нибудь сгорит, не нужно ждать, что мир будет пить кровь младенцев – нужно только почитать какой-нибудь форум или залезть в чат, или в обсуждение какой-нибудь политической, культурологической или исторической мысли. И всё ясно – этому миру вечно стоять не придётся. Потому что он уже горит.

И для того, чтобы человеку не сгореть вместе с этим миром, он должен потушить огонь своего собственного злоречия, злословия, некритичного осуждения тех, кого он не знает, поверхностного суждения о том, что он знает плохо, и так далее.

Это – такой специфический грех для сегодняшнего дня, но специфична в нём лишь форма. То есть, Интернет-общение родило некую форму. А по сути – те же самые страсти: предубеждённость, упёртость, слепота, глухота, гордость, обида. Это всё древнее, здесь ничего нового.

Вообще все грехи только формально отличаются друг от друга. Человек может согрешить в батистовых чулках и туфлях с пряжками или в джинсах и шлёпках на босу ногу. Соответственно,

это будет грешник XVII-XVIII и грешник XXI столетия. Вопрос только в форме одежды, а по сути – одно и то же.

Поэтому, если у вас есть такая иллюзия, что наш мир изменился, хочу вас разочаровать. В корне он не изменился, поменялся только на поверхности, которая увлекает людей до определённого возраста.

А словесная наша стихия требует непрямого очищения молчанием. Оно даст человеку познать себя. Когда человек замолчит, его внутренний диалог не прекратится. Он будет разговаривать сам с собой, с воображаемыми врагами, что-то кому-то объяснять, хотя никого не будет рядом.

Это будет почти сумасшествие. И тогда человек увидит это за собой – что он не молится и не читает стихи, когда не с кем разговаривать, а просто тихо незаметно беснуется – что человек болен на самом деле.

И вот как милостыня обличает сребролюбие, пост укрощает плоть, так молчание обличает словесные грехи. Нужно это тоже за собой заметить и тогда со временем будет ясно, что делать дальше. Однозначно, что молчать – больше, чем говорить и говорить лучше, чем мы говорим сегодня.

Желаю вам заметить это за собою и начать сей великий труд, без которого трудно будет пройти в Царствие Небесное.

Конгресс интеллигенции уполномочен...

Перепополняясь тревогой о судьбах мира и Родины, конгресс интеллигенции 5.09. от Рождества Христова 2014 года метнул в информационный океан бутылку с бумажкой, в которой — крик души против войны, самоизоляции России и реставрации тоталитаризма. Подписи прилагаются.

Все как-бы понятно. Смесь подлинной тревоги со смердяковским отношением к Отечеству. Наши вечно виноваты. Слово их даже как-то со стороны сказано, словно не в России живут. «Остановить российскую агрессию!» Театральный жест (удельный вес людей, связанных со сценой, в списке велик). Благие намерения а-ля «Раба любви» в исполнении Елены Соловей: «Господа, ведь так же нельзя». Короче, годы идут, люди стареют и седеют, но ничего не меняется. Как у Чехова, лакей за многие годы превратился из юноши в дядьку, но все произносит по требованию барина одни и те же каламбуры. Можно и мимо пройти этих пафосных криков, точь-в-точь, как у чеховского персонажа: «Умри, несчастная». Но можно и остановиться. Людей не будем разбирать. Не гоже это. Скажем несколько слов хотя бы о названии.

Слово «конгресс» происходит от латинского «собираться вместе». В известном смысле любая тусовка – тоже «конгресс», если кому-то пошутить хочется или пустить дым в глаза. У многих во дворе на лавочке у бабушек что ни день — «конгресс», а на спортплощадке вечером – у тех, кому выпить негде. Но ныне (o tempora!) можно составить конгресс, нигде ни с кем не собираясь. Чисто виртуально. Ты меня уважаешь? И я тебя уважаю. Ты мне хлопал? Я тебе сильно хлопал. У тебя кипит разум возмущенный? И у меня кипит. Лайкни вот это, плиз. Спасибо. Если не мы, то кто же? Отечество в опасности. Потом посты и перепосты со вздохами и пафосным сердцебиением. Вот тебе и готово виртуальное единство масс, объединенных техническим прогрессом.

Теперь ко второй части. Интеллигент это что, должность? Нет. Почетное звание? Скорее да. Но кем данное? Тут вопрос. Уж точно не самим собой самому себе. Какой Гришка Отрепьев научил людей не краснея причислять себя к когорте носителей высших интеллектуальных и нравственных качеств? Ведь именно так – через соединение нравственных и интеллектуальных высот — многие из нас по старинке определяют интеллигенцию? Сейчас этот термин уходит помалу в небытие. Интеллектуальная составляющая ассоциируется с соответствующим понятием «интеллектуал», а нравственное совершенство мало кого интересует. Нравственный плюрализм. Греши, не хочу. Но в истории России «интеллигенция», как понятие и как явление сыграло такую роль, что на одной инерции еще долго проживет в языке. Самое время титул носить тем, кто в гении не вышел, а к святости и не стремится. «Я вам на гитарке сбацил, значит, я – ум, честь и совесть нашей эпохи»

Конгресс интеллигенции следовало бы, справедливости ради, наименовать «виртуальным сообществом людей, занятых в гуманитарной сфере». Это было бы длиннее, но зато смиренно и соответствовало бы действительности. Даже можно было бы добавить «малочисленное виртуальное сообщество...». И здесь у меня по ходу добавление. Там, где напротив имен стоит род занятий, напрочь отсутствуют технологи крупных предприятий, физики-теоретики, микробиологи, доктора философских наук, геологоразведчики, нейрохирурги... Ну, вы поняли. Отсутствуют люди, от нравственного и умственного богатства которых зависит не просто наш эмоциональный мир, а само наше существование. Их сотни тысяч. Они что, не чем-то не вышли, чтобы в интеллигенцию попасть? Может умом инженер-мелиоратор от танцовщицы безнадежно отстает? Или им, в отличие от режиссеров, клоунов и дизайнеров судьба страны не интересна? А может они все скопом и не патриоты вовсе, а патриотический ген бродит в жилах только у авторов песен под гитару? В общем, для меня это звоночек. Серьезный, то есть, вопрос. Человек водит большегрузные суда или выращивает лес, и не дерзает сказать, что он – носитель лучших качеств, а потому «извольте слушать, что я взвизгну!»

Или так скажем. Если конструктору воздушных суден судьба страны интересна не меньше, чем автору сатирических скетчей, и даже больше, но конструктор письмо не подписывал, то это о чем говорит? Мне это говорит как минимум о существовании разных патриотизмов, из которых один нервно-взвинченный и (пардон) сопливый от эмоций, а другой – серьезный и проявляющий себя только по делу и конкретно.

В Украине российские работники интеллектуального труда, проливающие виртуальный пот и слезы за всеобщий мир и безопасность, любимы так, что не знаю, с чем сравнить. Хочешь в Украине прославиться? — Путина поругай, и вся «безумная больница» наградит тебя шквалом аплодисментов. Все. А что артисту нужно, кроме аплодисментов? Его и хоронят под эти звуки. Но должен вам сказать, что в «недемократичной России» отдельные певцы и переводчики свободно высказывают свое мнение о разных вопросах. А вот по соседству их украинские «братья по духу» открыто и не стесняясь призывают нацистские сотни к прямой физической расправе над каждым, кто не согласен с властью и способен аргументировано высказать свое несогласие. Таковы тамошние друзья здешних поборников гражданских свобод.

Правозащитникам же вообще не стоит письма подписывать. Им стоит на Украину ехать и бить в колокола. Там страх, кровь, голод, отчаяние, порожденные незаконно воцарившейся властью. Всякий человек, назвавшийся громким именем правозащитника, обязан дать правовую оценку и вооруженному захвату власти, и геноциду собственного населения, и еще сотням кошмарных

явлений, ставших на Украине повседневностью. Иначе какие же вы правозащитники? Другое имя вам надо давать.

У интеллигенции должны быть и ум, и совесть. Одобрять же происшедшее на Украине можно только при отсутствии чего-то одного. Так бывает. Душа болит, а думать нечем. Одни эмоции. Или другой вариант: все вижу, все понимаю, но держу линии партии (виртуального конгресса), ибо... Там могут быть разные аргументы. А может у людей и ум есть какой-никакой, и совесть, но дуэт этих двух драгоценных голосов души мощно перекрывает третий голос (шепот, шелест...). (Не удивляйтесь – шелест может многие оркестры заглушить). Одним словом, что-то третье звучит в душе самозваного интеллигента так, что первых двух голосов уже и не слышно.

«Се, стою у двери и стучу»

В 1854 году английский художник Уильям Холман Хант представил на суд публики картину «Светоч мира». Вы наверняка знакомы с ее сюжетом по многочисленным подражательным вариациям, год от году имеющим тенденцию становиться всё слащавее и слащавее. Лубочные подражания, как правило, называются «Се, стою у двери и стучу» (Откр. 3: 20). Собственно, на эту тему и написана картина, хотя названа иначе. На ней Христос ночью стучится в некие двери. Он –

путник. Ему негде «главу приклонить», как и во дни земной жизни. На главе у Него венец из терния, на ногах сандалии, в руках – светильник. Ночь означает тот мысленный мрак, в котором мы живем привычно. Это «тьма века сего». Двери, в которые стучит Спаситель, давно не открывались. Очень давно. Свидетельство тому – густой бурьян, растущий у порога.

Зрители в год представления картины публике восприняли полотно враждебно и смысл его при этом не поняли. Им – протестантам или агностикам – почудилась в картине навязчивая стилистика католицизма. И нужно было, как это часто бывает, кому-то зрячему и внимательному рассказать о смысле полотна, расшифровать его, прочесть, как книгу. Таким умным толмачом оказался критик и поэт Джон Рёскин. Он объяснил, что полотно аллегорично; что Христос до сих пор удостоен такого же внимания, как и нищие, стучащиеся в двери; и что самое главное на картине – дом – это наше сердце, а двери ведут в ту глубину, где живет наше сокровенное «Я». В эти-то двери – в двери сердца – стучится Христос. Он не вламывается в них на правах Хозяина мира, не кричит: «А ну, открывай!» И стучит Он не кулаком, а фалангами пальцев, осторожно. Напомним, что кругом ночь... И мы не спешим открывать... И на главе Христа – венец из терний.

Отвлечемся теперь на минуту, чтобы сказать несколько слов о многочисленных подражаниях и вариациях на тему. О тех самых, которые вы, несомненно, видели. Они отличаются от оригинала тем, что, во-первых, убирают ночь. На них Христос стучит в двери дома (догадайтесь-ка, что это – сердце) днем. За Его спиной виден восточный пейзаж или облачное небо. Картинка радует глаз. По причине ненужности светильника в руке у Спасителя появляется посох Доброго Пастыря. С головы исчезает терновый венец (!). Двери, в которые Господь стучит, лишены уже тех красноречивых зарослей бурьяна, а значит, их открывают регулярно. Молочник или почтальон, видимо, стучат в них каждый день. И вообще домики имеют тенденцию становиться чистенькими и ухоженными – такими буржуазными из канона «американской мечты». На некоторых изображениях Христос просто улыбается, словно пришел к другу, который Его ждет, или даже Он хочет подшутить над хозяевами: постучит и спрячется за угол. Как это часто бывает в подделках и стилизациях, трагическое и глубокое смысловое наполнение незаметно уступает место сентиментальному наигрышу, по сути – издевке над первоначальной темой. Но издевка проглатывается, и подмена не замечается.

Теперь к смыслу. Если Христос стучит в двери нашего дома, то не открываем мы Ему по двум причинам: либо мы просто не слышим стука, либо слышим и сознательно не открываем. Второй вариант рассматривать не будем. Он вне нашей компетенции, а значит, пусть существует до Страшного суда. Что же до первого варианта, то у глухоты есть много объяснений. Например, хозяин пьян. Его пушкой не разбудишь, не то что осторожным стуком нежданного Гостя. Или – внутри дома громко работает телевизор. Не беда, что двери заросли бурьяном, то есть давно не открывались. Кабель протянули через окно, и теперь футбольный чемпионат или социальное шоу гремят с экрана на всю катушку, делая хозяина глухим к остальным звукам. Ведь правда же, есть у каждого из нас такие звуки, слыша которые мы гложем для всего остального. Это очень возможный и реалистичный вариант – если не для 1854 года (года написания картины), то для наших 2000-х. Еще вариант: хозяин просто умер. Нет его. Вернее, он есть, но он уже не откроет. Может быть такое? Может. Наше внутреннее «Я», подлинный хозяин таинственной хижины, может находиться в глубокой летаргии или в объятиях настоящей смерти. Кстати, прислушайтесь сейчас: не стучит ли кто в двери вашего дома? Если вы скажете, что у вас звонок на дверях есть и он работает, а значит, к вам звонят, а не стучат, то это лишь обличит вашу непонятливость. В двери сердца никто к вам не стучит? Прямо сейчас? Прислушайтесь.

Ну и последнее на сегодня. На дверях, в которые стучится Христос, нет наружной ручки. Это заметили все при первом осмотре картины и поставили художнику на вид. Но оказалось, что отсутствие дверной ручки – не ошибка, а сознательный ход. У сердечных дверей нет наружной ручки и наружного замка. Ручка есть только внутри, и только изнутри дверь может быть открыта. Когда К.С. Льюис говорил, что ад заперт изнутри, он, вероятно, отталкивался от мысли, заложенной в картину Ханта. Если человек заперт в аду, то он заперт там добровольно, как самоубийца в горящем доме, как старый алкоголик-холостяк в бедламе пустых бутылок, паутины и сигаретных окурков. И выход наружу, на стук, на голос Христа возможен только как внутренний волевой акт, как ответ на Божий призыв.

Картины – это книги. Их читать надо. Не только в случае полотен на евангельский сюжет или христианских аллегорий. В любом случае. Пейзаж ведь тоже текст. И портрет – текст. И умение читать не ограничивается умением разбирать слова в газете. Читать нужно учиться всю жизнь. О чем это говорит? О том, что работы у нас много, и жизнь наша должна быть творческой, и

неосвоенные поля для деятельности давно заждались тружеников. Если вы согласны, то, может быть, мы расслышали стук?

Претыкание слепому

Есть светофоры, сопровождающие перемену цвета звуковым сигналом. Это сделано для слепых людей. Они не видят, но слышат звук и переходят дорогу без опасности для жизни. Этот маленький бытовой штрих есть дело большого человеколюбия. Есть также сурдоперевод новостей на ТВ. Это для глухих. Они не слышат, но читают по рукам и губам, и это тоже не просто бытовая деталь, а исполненная заповедь о человеколюбии. Пандус в транспорте, уборная для инвалидов в аэропорту, всенародный сбор средств для пострадавших от потопа (пожара, войны) – это знаки того, что мы причастны к Слову Бога и знаем о законах отношения к ближним. Одновременно следует сказать, что, сколько бы человеколюбивых и трогательных явлений ни окружало нас, человеколюбие предстает перед нами настоящим морем, которое не вычерпашь некоторым набором добрых дел. И заповеди о любви к ближнему не так просты, как может показаться. В них нужно вникать, их нужно делать предметом пристального изучения. От этого труда со временем родятся плоды вкусные и неожиданные.

Вот книга Левит говорит нам о глухих и слепых: «Не злословь глухого и перед слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся Бога твоего. Я Господь» (Лев. 19: 14). Самый поверхностный слой смысла прост. Не говори плохо о том, кто не слышит твоих слов и не может поэтому выступить в свою защиту. В этом смысле глухой против злословящего абсолютно беззащитен, и беззащитных трогать нельзя. Таким же беззащитным предстает и слепой, который упадет, как только зрячий этого захочет. Чтобы у нас не было охоты смеяться над беззащитными, Писание говорит: «Бойся Бога твоего!» Писание часто говорит о страхе Божиим, когда ведет речь о милосердии и запрете на притеснение слабых. Увидишь пьяного, захочешь сказать что-то резкое и обидное – вспомни Бога твоего! Перед тобой – слабость человеческая, но и ты не сильнее его. Разве что кажешься лучше в этот краткий момент. Бойся. У тебя тоже будут периоды немощи. То же самое

касается нищего, ободранного, беглеца, больного, калеки. Встретившись с немощью, вспомни Господа и побойся задрать нос. Это наказуемо. Однако недостаточно только поверхностным смыслом исчерпать значение заповеди. Она глубже.

Зададимся для начала вопросом: каким нужно быть негодяем, чтобы на пути слепца класть бревно, кирпич или вырывать яму? Что за странные удовольствия ограничивает Закон? Даже согласившись с тем, что человек часто бывает, по Достоевскому, «дрянь», то и тогда стоит признать, что патологическое лукавство и сладострастная жестокость не составляют правила, что они веселят лишь патентованных извращенцев, а большинство нормальных людей такие поступки пугают и отталкивают. Так о чем говорит Писание?

Дело в том, что во многих вопросах мы являемся слепцами, тогда как некто из ближних в этих же вопросах зряч. Например, продавец хорошо знает о качестве продаваемой продукции. Знает, что качество невысоко. Вы же не знаете ничего и соблазняетесь упаковкой, рекламой, товарным видом. «Это хорошая вещь?» – спрашиваете вы в качестве слепца, как бы простукивая перед собой мостовую. «О, да!» – получаете вы уверенный ответ от продавца, который лучше всех знает, что вещь ерундовая. На ваших глазах произошло нарушение заповеди. Слепцу (то есть вам) поставили претыкание, и слепец преткнулся, купив заведомо плохой товар. Вы когда-нибудь покупали ведро ягод, где сверху были ягоды свежие, а внизу – гниль? Вот это оно и есть. Не трудно понять, что множество сетевых маркетологов, коммивояжеров и прочих ежедневно вместе с маслом мажут на хлеб обман покупателей и нарушение заповедей. Они вам будут петь соловьями о своих фильтрах для воды, утюгах, подтяжках и прочем товаре, имея в виду только личную выгоду за счет вашего обмана. Не думаю, что транснациональные корпорации поступают честнее, хотя и методы там несколько иные, и барыши, мягко говоря, побольше.

Еще пример: права и обязанности сторон при подписании договоров. Юридические документы сопровождаются часто целыми простынями мелкого текста, разобраться в которых трудно даже специалисту. Вам говорят: «Прочитайте внимательно», а вы ни одного слова не понимаете. Потом говорят: «Ну, подписывайте быстрее. Там всё нормально». А там далеко не всё нормально. Там написано, что вы то и то заплатите, и еще больше заплатите, если какую-то мелочь в срок не принесете или чего-то с опозданием сделаете. Там может быть написано, что вы всю недвижимость в залог оставляете, а еще и почку собственную в придачу вместе с детьми и родственниками. Что, думаете, не может быть такого? Думайте, что хотите, но я говорю – может. И потом те, кто торопил вас, говоря «Подписывайте. Там всё в порядке», придут с требованиями и угрозами, и вы прозреете, но с опозданием. Примеров – пруд пруди. И всё это – насмешка зрячих над слепыми. Всё это, если хотите, эпизод из фильма «Брат-2». «Мы, русские, в Нью-Йорке друг друга не обманываем», – говорит главному герою дядя, сдавая якобы исправный автомобиль в аренду. Автомобиль безнадежно ломается через несколько десятков километров.

Зрячие врачи могут долго лечить слепого больного, если в их интересах не его здоровье, а его длительная зависимость от дорогих процедур. Зрячие политики могут что хочешь обещать слепому электорату и потом до коликов в животе хохотать, празднуя победу на выборах. Зрячие труженики СМИ могут не прятать натренированный взгляд от экрана и говорить на «черное» – «белое» и на «белое» – «черное». Профессии, живущие обманом, измеряются числами с несколькими нулями. Да и вся хваленая демократия западного образца на наших глазах из подобия Рая как-то стремительно превратилась в некое «Шоу слепых на полосе препятствий», где зрячие зрители на трибунах ухохатываются, наблюдая за смешными падениями тех, кого они обманули.

Обманутые девушки на всех языках и во все времена говорят обманщику примерно одно и то же. Они укоряют: «Но ведь вы же говорили, что любите меня». «Ну, говорил, – отвечает тот. – Мало ли что в известные минуты мужчина говорит. Вы свободны, крошка». «Ведь вы говорили, что война скоро закончится и что я или моя семья получим большую компенсацию, если буду ранен или убит», – говорит одноногий или одноглазый солдат, чудом уцелевший в мясорубке. «Говорил, – отвечает чиновник или военный туз. – Но война затянулась, и бюджет пуст, и нужно подождать. И вообще иди отсюда пока цел и радуйся, что живым остался!» «Вы ведь знали то, чего я не знаю, однако толкнули меня на скользкий путь и теперь не хотите помочь», – на разные голоса кричат упавшие в яму слепые. «Да, знал. Ну и что? Не я такой – жизнь такая. Надо было быть умнее и осторожнее», – отвечает сверху, с края ямы голос зрячего человека, в чье темя уже, быть может, нацелилась молния возмездия.

Стоит также сказать, что, если вы узнали себя в образе обманутых, не спешите себя жалеть. Дело в том, что заповеди универсальны. Они обращены ко всем, и тот, кто слеп в чем-то, обязательно зряч в другом. Торговца могут обмануть с налогами, но сам торговец может обмануть покупателя с весом и качеством товара. Продавец тканей обманул закройщика. А закройщик отыгрался на клиенте. Девушка может быть обманута мужчиной, но и мужчина может быть обманут девушкой или женщиной. Слепые и зрячие постоянно меняются местами, и весь мир предстает опутанным сетями взаимного корыстного обмана. Вот почему нужно изучать заповеди и смотреть на себя и на ближних в их свете. Иначе слишком легко будет приписать себе кристальную честность, а своим недругам – черное коварство. Уверяю вас, это будет ложная и далекая от истины картина мира. Каждому из нас нужна глазная мазь, чтобы помазать очи и видеть (см.: Откр. 3: 18).

Возвращаясь от сурдоперевода и звуковых сигналов на дорожных переходах к глубине реальности, скажем, что обман незрячих, насмешка над чужим невежеством и его корыстное использование – это тотальное явление нашей цивилизации. Это явление стоит распознавать и выводить на свет Божиих слов, чем истребляется всякая неправда и тонкое обольщение. Тяжесть же греха насмешки над беззащитностью слепого (неведающего) такова, что в одном из мест Писание прямо угрожает за это грешнику проклятием. Это было после перехода евреев через Иордан. Тогда Израиль был разделен на две части, чтобы произнести с вершин двух гор благословения и проклятия. Среди проклятий было такое: «Проклят, кто слепого сбивает с пути!» Как и в прежних случаях, в ответ на это слово весь народ отвечал «Аминь!» (Втор. 27: 18).

Вернуть человеку Библию

Что читать во время поста? Достаточно ли Священного Писания или этого мало? Почему книги Ветхого Завета настолько важны для нас?

Священное Писание нужно вернуть человеку. Оно создано для того, чтобы питать, греть, наставлять.

Все Писание – боговдохновенно и существует для обличения, назидания, вразумления, наставления в праведности. Человека обязательно нужно вернуть книге, а книгу – человеку. Нужно, чтобы они встретились. Под книгой я имею в виду главным образом Библию.

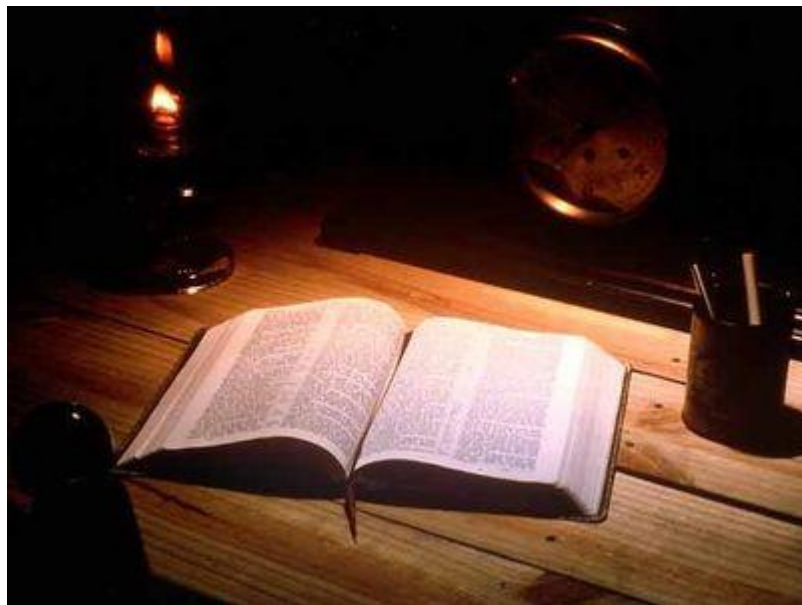
Церковь определяет по части чтения в посту следующие книги Ветхого Завета: Бытие, Притчи, Исая, Иов – это Ветхий Завет. Еще Псалтырь должна читаться много раз для того, чтобы она в свое время была выучена наизусть целиком или в значительных долях каждым христианином. Это та книга, которая у всех нас должна быть на языке, в уме и, желательно, в сердце.

Ветхий Завет мы очень плохо знаем. Мы и Новый-то плохо знаем. Но мы хоть читаем его регулярно, у нас есть возможность проповедовать на темы из него и изучать его. Все-таки корпус апостольских чтений и Евангелия прочитываются за год полностью. А вот Ветхий Завет мы читаем мало, а он чрезвычайно полезен.

Если вы не читали книгу Исход, то возьмите и прочтите книгу Исход. Это будет полезнее, чем, скажем, тараторить какое-то правило заезженное, которое не оставляет следа в голове, а просто вычитывается.

Прочтите книгу Бытия, прочтите книгу, например, Иеремии, прочтите малых пророков, прочтите Соломоновы книги, Экклезиаста, Песнь песней. Займитесь Писанием. Это живые слова. Тетрадку заведите для выписывания, для того, чтобы задавать вопросы, для того, чтобы приставать с этими вопросами к священникам, даже если они от вас убегают.

Из этого изучения Писания могут родиться со временем некие группы по изучению Писания. Когда два или три человека собраны вместе, и слова Писания находятся между ними, то Слава Божья осеняет их. Так говорили в древности. Именно эти слова, перефразируя, приводит Христос, когда говорит, что «где двое и трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Христос – это Живое Слово, живая Тора. И Его слово – это живые слова. Сделайте Писание для себя любимой книгой, светильником для ног своих, как говорит Давид: «ибо светильник ногам моим закон Твой и свет стезям моим».

Все остальное нужно читать постоянно. Нужно читать хорошую литературу: Чехова, Тургенева, Бунина, непременно Достоевского. Нужно читать и дневники, и беллетристику, и исторические труды, и философию. Много всего. Человек должен книгами питаться.

Но в посту нужно читать главным образом Библию, многим следует открыть её для себя как «терра инкогнита». То есть открыть её для себя как неизвестный материк.

Хорошо бы ошалеть от счастья, что есть такая книга, и разговаривать о ней с людьми. Хорошо бы запоминать из нее кусочки некие, и потом по дороге на работу думать о прочитанном, прислонившись головой к оконному стеклу в трамвае или троллейбусе.

Если у вас будет такая любовь к книге, как у Сковороды: «Невеста моя, ластовица весенняя, голубка моя – Библия», то вопрос «что еще читать» отпадет. Там все есть.

Я и другие

Когда-то в Украине был кинематограф. В 70-х годах прошлого столетия работа кипела особенно бурно. В павильонах, помнивших Дзигу Вертова и Александра Довженко, не сквозняк гулял, яко же ныне, а сновали люди, воздух грели софиты, гримерки и монтажки гудели, как улей. И пусть художественные фильмы украинского производства на «Оскар» не номинировались, эфир все же был заполнен собственным продуктом достойного качества. Особенно хороша была анимация и документальное кино. «Врунгеля» и сегодня любо-дорого смотреть, равно, как и многое другое. Мне же вспоминается один научно-популярный фильм по социальной психологии производства 1971 года. Называется фильм «Я и другие». Режиссер – Феликс Соболев из Харькова. Психолог, ставивший эксперименты в кадре – россиянка Валерия Сергеевна Мухина. На лицо — плодотворный союз, иллюстрировавший когда-то популярный лозунг об украино-российской дружбе: «Навеки вместе». В фильме разыгрываются модели социального поведения, приводятся примеры манипуляции сознанием и влияния коллектива на личность. Очень отрезвляющее зрелище. В сети фильм есть, и пытливый зритель без особых трудов найдет его при желании. А я вам напою Карузо на кухне, как умею.

Перед группой детей, сидящих кружком, стоят две пирамидки: одна белая и одна черная. Только один из детей – испытуемый. Все остальные научены говорить, что обе пирамидки белые. Вопрос: долго ли испытуемое дитё будет утверждать очевидное, и насколько голос большинства способен заставить человека назвать черное белым? Что вам сказать? Детки милые, но ужас подлинный. Очевидность сдается социальному диктату быстро. Очень скоро испытуемый ребенок называет белую пирамидку черной. Не без внутренних мучений он это делает, но делает. Причем, когда ему уже потом говорят: «Возьми черную пирамидку», он тут же безошибочно берет вещь нужного цвета. То есть он не дальтоник, и чувство реальности не утратил. Просто, как говорят грузины, скажет тебе сто человек, что ты паровоз, и ты ответишь «Ту-ту-у-у». «Вот тебе бабушка и Юрьев день» в смысле «Вот тебе, поборник свободы и демократии подлинная цена личностного выбора, и объективная реальность вместе с осмысленными действиями».

Дело ведь не в детях и не в пирамидках. Дело во взрослых. Вспомним классика. Между только что родившимся малышом и ребенком трех – четырех лет дистанция огромная. А между семидесятилетним стариком и четырехлетним ребенком расстояние всего в пару шагов. От деток с пирамидками мы никуда не убежали, хотя бреемся, имеем паспорт и говорим басом. Назвали, положим, люди врага (назначили), выбрали виновного во всех своих бедах, выписали простой рецепт от серьезнейшей болезни, и попробуй тут демократическому большинству сопротивляться. И ты видишь ясно, что пирамидка-то черная, как смола, и если скажут тебе на нее пальцем показать, покажешь и не промахнешься. Но когда вся площадь, все телеканалы, вся страна (вернее та её часть, что поместилась в телеэкраны) кричат повсюду «Обе белые! Обе белые!», то нет уверенности, что ты не поведешь себя аналогично испытуемому ребенку.

Крайне еще интересно, какие фильмы умные снимали в тоталитарном СССР, когда «ни пикнуть, ни твякнуть», когда информацию и фильтровали, и разбавляли, и дозировали. Вы не думали, отчего это? Вот отчего умный продукт все равно просачивался через едва приоткрытые двери, через малюсенькие щелки и доходил до серьезного зрителя? Веселил и бодрил его. До сих пор, кстати, бодрит (найдите фильм, гляньте и убедитесь). А нынче при «торжествующей свободе» то, что раньше в Киеве снималось, как научно-популярное

кино, снимается уже в формате реалити-шоу. Крик стоит: «Обе белые! Обе белые!» Только никто уже не скажет «Стоп! Снято!» и не объяснит суть эксперимента.

Там еще есть один сюжет «Ученый или убийца». Стоит фотопортрет мужчины старшего возраста. Лицо умное, волевое. Кто такой – не известно. Одной группе испытуемых говорят, что это жестокий убийца и просят обрисовать его психологический портрет на основе внешности. Ну, начинается сочинение на тему. О жестокости говорит волевой подбородок, взгляд говорит еще о чем-то. Открытый лоб говорит о том, что он умен, а значит, особо опасен. Физически, наверное, очень силен. Немногословен (об этом говорят морщины), находиться вблизи такого человека страшно и так далее. Посмотришь – все верно, как будто.

Потом тот же портрет показывают другой группе, но уже сопровождают показ легендой о том, что «перед вами великий ученый». «Опишите его психологический портрет на основании внешности». И вот тут оказывается, что подбородок говорит уже о нестигаемой воле исследователя, взгляд – о непрестанной работе ума. Морщины, избородившие высокий лоб, это знак постоянной думы о страждущем человечестве. Одним словом, на таких людях держится вселенная, и если всемирное счастье когда-нибудь будет, то именно благодаря таким светочам человечества.

Интересно, что если взять хорошее черно-белое портретное фото, фактурное такое, на котором схвачена неизвестная тебе личность; отпечатлен человек живой, с говорящими глазами, с говорящей линией рта, то можно проверить себя. Можно придумать черную и злую легенду и посмотреть сквозь нее на фото. Фото оживет в соответствии с легендой. Потом можно придумать легенду белую и пушистую или благородно-страдальческую. Тоже сработает. «Разведчик» превращается в «шпиона» в соответствии с тем, кто смотрит, кто говорит, кто оценивает деятельность.

В общем, вот такие фильмы когда-то в Киеве снимали, когда в Украине был еще кинематограф. Слово для нас снимали, для людей, которым будут в оба уха дуть про свободу и счастье, а жизнь их при этом будет походить на жизнь бройлерных кур на птицеферме. И пища одинаковая, химическая, и выход только в одну сторону — лапами вверх и в целлофане. До свиданья, братья и сестры. Приятного просмотра заинтересованному читателю.

Лучше бы не трогать

Грузия к санкциям против России не присоединилась. Мудро. В противном случае басня о слоне и Моське будет настырно приходить ко всякому на память. Оно надо умным людям? Украина же к санкциям присоединилась... Помолчим, вздохнем и продолжим. Дела с санкциями не ограничиваются экономикой. Звучат также угрозы распространить запреты и ограничения на деятельность общественных и религиозных организаций. Понятно, что Русская Православная Церковь опять оказывается в зоне риска.

Со сцены Майдана уже не раз звучали крики «любвеобильных» пастырей о лишении храмов УПЦ МП регистрации. В прямом эфире разных телеканалов гости студий и ведущие позволяют себе не редко самые дикие высказывания в адрес Украинской Православной Церкви. Так называемая «гидность» победивших революционеров вполне уживается с враньем, хамством и сознательным разжиганием межконфессиональной вражды. Те, кто декларирует сильную любовь к Украине, видимо, решились совсем ее доконать, распространяя внутренний украинский пожар еще и на религиозную область.

В лучшие времена политики соглашались не трогать Церковь, оставляя ее жить по внутренним законам, не противоречащим нормам общежития. В худшие времена политики либо занимаются удушением Церкви в объятиях и попытками превратить ее в домашнюю прислугу для государственных интересов. Либо открытым гонением на Церковь по причинам несогласия с ее видением мира или упорным нежеланием превращаться в выше упомянутую прислугу. Москва здесь вторична, как фактор нелюбви. В 17-м веке, к примеру, в Речи Посполитой поляки не стеснялись называть православных христиан агентами Турецкого султана (!). Это потому, что Юго-Западный край церковно подчинялся Патриарху Константинопольскому, а сам Константинополь был под властью турок. При изменившейся политической конъюнктуре православных, глазом не моргнув, объявят агентами любой державы и любой спецслужбы, даже самой фантастической, зане все это лишь поверхностные поводы, а причина в другом. Причина в сатанической ненависти к Православию по существу. И это не столько дело сознания, сколько подсознания и безбожных интуиций.

И все-таки не надо трогать Церковь. Ради сохранения на карте мира той самой Украины, которую якобы так любят националисты, Церковь трогать не надо. Ведь совсем все прахом пойдет, если оставшееся Святое начать лапать своими не совсем чистыми верхними конечностями. Про Советскую власть нередко говорят: «Не трогала бы Церковь, до сих пор бы достояла». Или еще говорят: «Все было хорошо (заводы работали, жилье строилось, дети бесплатно в спортивные секции ходили и т.д.). Одно плохо – с верой воевали». Про Украину же можно сказать так: «Все плохо (список на сорока листах прилагается). Одно только хорошо – веру не трогают». И вот это единственное «хорошо» может растаять, как первый снег.

Если сравнить народную жизнь со зданием, то небрежное, тем более – преступное отношение к религиозным основам, равносильно разрушению фундамента. Не устоять такому дому. Быть ему по необходимости грудой кирпича, и хорошо бы жителям успеть на улицу повыскакивать. Все мало-мальски думающие люди понимают, что любой мир хрупок и требует, чтобы его берегли. Понимают так же люди, что ломать легче, чем строить, при том, что далеко не все поломанное можно потом восстановить. Неужели находящиеся при власти люди этого не понимают? Понимают. Они не глупее нас. Только они не свободны. Я не про Америку намеки забрасываю. Что до Америки, то это очевидно и в намеках не нуждается. Я вот о чем.

Однажды крепко согрешив, человек рискует попасть в такую измененную реальность, в такое зазеркалье, что уже станет делать вовсе не то, что хочет. У дьявольских анти-систем есть своя внутренняя дьявольская логика. Заставит сатана человека сказать «а», значит, заставит потом сказать и «б», и «в», и все прочее по списку. А человек глупый думает:

«Скажу «а», а «б» говорить не стану». Станешь, милый, все станешь говорить, что прикажут. И не сомневайся, раз уже влип. Вот это и произошло.

Думали «Выйдем на площадь, а там и победим». Нет. Следующий шаг: «Малой кровью обойдемся – и наша взяла». Опять нет. «Больше крови и тогда уж – победа». Снова нет. «Война! Война все спишет! А если победим, то победителей не судят». И тут нет. И вот где-то посреди этих не прекращающихся безумств вытягивается новый фант. «Что делать этому фанту?», — робким голосом, уже ничему не радующиеся, спрашивают мнимые хозяева положения. Рогатый хозяин отвечает: «Церковь гнать. Крови было много. За кровь спасибо. Уважили. Теперь – Церковь гнать». «Какую?», — спрашивают первые лица. «Настоящую гоните. Она одна и есть. Остальные меня не интересуют».

Меру беззаконий злодеям нужно дополнить. Хрестоматийный злодей всегда должен начать с мелочей, а потом замахнуться на святое и с шумом погибнуть. Пока святое не трогает, вроде еще живет. И логика самоубийства влечет его порвать именно оставшуюся пуповину. Поэтому стоит еще и еще раз сказать: «Не надо. Не троньте Церковь. Ради той страны, о которой вы кричите, что любите ее «понад усэ». Ради своих бессмертных душ. Ради того, чтобы не повторять историю Амана. У евреев спросите (слухи ходят, что националисты в Украине как-то дивно с евреями передружились), они вам расскажут, если конечно они настоящие евреи. Расскажут, как величался один нехороший человек, как он грозился и придумывал казни. А потом как он повис на виселице, приготовленной им же, но для других.

Бог вступает за обидимых и бессильных. Бог мстит за их обиды сильным и гордым. Как хранил Он Израиль в древние времена от врагов многочисленных и высокомерных, так умеет Он постоять и за Новый Израиль, за Церковь Христову, которую кто только не гнал, однако она жива, а враги ее стали пищей червя неусыпающего. В общем, спросите про Амана у евреев, и не надо трогать Церковь.

Христианство невозможно выдумать

Христианство невозможно выдумать. Это не философия, не придуманный культ. Это факт, яркий, как вспышка. Имя этого факта звучит непривычно, странно, удивительно: Бог стал человеком. Если говорить словами Писания, то «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1: 14).

Бог! Слыша это великое слово, человек вспоминает все превосходные качества. Всесильный, премудрый, вездесущий. От Него ничто не скрыто, Он знает и видит всё. Он содержит всё и управляет всем. Одно из Его имен – Вседержитель. Что будет, если Он сойдет на землю? Древний праведник представил это, и вот какие слова вырвались из его души: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел! Горы растаяли бы от лица Твоего, как от плавающего огня, как от кипящего воду» (Ис. 64: 1–2).

Но вот Он сошел, и не растаяли горы. Зато Ангелы запели: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2: 14).

Он сошел странно и тихо, как роса на иссохшую землю. Он родился без семени мужа от Духа Святого и Девы Марии и стал человеком. Три мудреца с Востока совершили долгий путь и принесли Ему дары. Особая звезда вела их к месту Рождества. Звать Бога в воплощении – Иисус Христос.

На Личности Иисуса Христа и на фактах, с Ним связанных, стоит и утверждается христианская вера. Христос – единственный, едиnorodный Сын Небесного Отца. Он во всем, кроме греха, стал таким, как мы – люди, чтобы усыновить нас, как братьев, Своему Родителю. После Своего Воскресения Он говорит ученикам: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему». Во Христе мы усыновляемся Творцу неба и земли и теперь можем обращаться к Нему: «Отче наш». С этих слов и начинается молитва, которой научил Христос апостолов.

В раннем детстве Он успел побывать беженцем, и на руках матери в Египте спасался от меча иродовых солдат. Потом, вернувшись в землю Израиля, Он прожил скромно и незаметно до 30 лет – до возраста, позволявшего проповедовать.

Перед Ним в силе и в духе пророка Илии вышел на проповедь Иоанн Креститель. Громкий голос Предтечи, как львиный рык, с царственной силой призвал людей к покаянию. Так было нужно, потому что душа, не кающаяся, замершая в грехах, не способна к вере. Люди калялись и под руками Иоанна окунались в иорданскую воду. Туда же, на Иордан, пришел и Иисус Христос. Не требуя покаяния, Он вошел в воду, как один из грешников. В это время сошел на Него в виде голубя Дух Святой и Отец Небесный сказал: «Ты Сын Мой возлюбленный! В Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3: 22).

После этого Христос провел в пустыне 40 дней в посте и вышел на проповедь. Эту проповедь можно сравнить с яркой вспышкой света для людей, привычно сидящих в темноте. Так и говорил пророк: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Мф. 4: 16). Христос говорил о том, что приблизилось Царство Небесное. Наступило время каяться и веровать в Евангелие. Слово Свое Он подтверждал делами.

Что сказать об этих делах Иисуса Христа? Со временем один из евангелистов заметит, что если бы описывать их подробно, то и весь мир не вместил бы написанных книг (см.: Ин. 21: 25). Христос выгонял демонов, исцелял всякие болезни, умножал хлебы, ходил по водам, воскрешал мертвых. Он так и говорил: «Всё предано Мне Отцом Моим» (Мф. 11:

27). И то, что действительно всё отдано Отцом в руки Сына, мы видим по той власти, с которой Христос воздействует и на мир духовный, и на мир материальный.

Он знает человеческое сердце. И это знание ужасно, потому что грязны сердца людские. Однако Он никого не судит, никого не презирает и никого не гонит вон, кроме диавола. Только падшему духу говорит в пустыне Сын Божий: «Отойди от Меня, сатана» (Мф. 4: 10). Людям же говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные». Грешники тянулись к Нему, потому что Он не только не унижал и не насмехался над падшими, но прощал им грехи и приносил ту радость и легкость, которую никто кроме Бога дать не может. Кротость Христа в обращении с грешными, но кающимися людьми лучше всего выражается словом пророка: «Трости надломленной не преломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12: 20).

Одинаково нетрудно было Сыну Божию, смиренному, но всеильному, обращаясь к грешнику, сказать: «Отпускаются тебе грехи», – и, обращаясь к парализованному человеку, сказать: «Встань и ходи» (см.: Мф. 9: 1–6). И в том, и в другом случае слова Христа были делом – и грехи действительно прощались человеку и болезнь уходила.

В этих трудах Христос провел около трех лет. Как свеча, зажженная и поставленная на подсвечнике, Он не мог утаиться. О Нем слышали всюду. Но не любовью и не радостью откликнулись сердца многих в ответ на Его приход и Его деятельность. Приближалось время Ему стать Жертвой. Он знал об этом. Более того – для этого Он и пришел. Он знал не только о Своей смерти, но и о том, как именно Он умрет – на Кресте. Об этой крестной смерти Христос говорил заранее: «Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12: 32).

Его предал один из учеников. Христос был схвачен, но не просто убит, а судим и несправедливо осужден на смерть. Перед распятием Его жестоко били римские солдаты в претории. Вместе с Христом были распяты два злодея. В это время солнце не захотело светить на землю, и камни, словно негодуя, с шумом трескались. Люди же у подножия Креста говорили: «Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя. Иных спасал, а Себя не можешь спасти?» Наконец, сказав: «Совершилось!», Христос приклонил главу и отдал дух.

Он был оплакан Матерью и малым числом учеников и поспешно погребен недалеко от места страдания. Двери в гроб Его были закрыты большим камнем. Для тех, кто любил Христа, жизнь потеряла смысл. Для тех, кто Его ненавидел, настало мрачное тожество.

Оно длилось недолго. Ни гроб, ни смерть Христа не удержали. Он воскрес! Он жив, и смерть над Ним не имеет больше никакой власти. Яркой вспышкой в ночи греха было Христово Рождество. Вспышкой света для сидящих во тьме был Его выход на проповедь. Но самой яркой вспышкой стало его Воскресение. Доныне и вовеки сияет и будет сиять свет Божий из пустого гроба, в котором на малое время уснул Безгрешный Господь.

Вот оно, христианство! Теперь проповедь о Воскресшем предстояло разнести по всему миру. Нужно было возвестить людям всех племен и народов победу над смертью и новую жизнь, начавшуюся во Христе. Кто уверует, примет крещение и отпущение всех грехов, тот обручится с Иисусом как с Царем грядущего Царства. И совершилось всё это, когда Дух Святой сошел на апостолов, когда была им подана непобедимая сила и смелость свидетельствовать о Христе умершем и воскресшем.

Духовная свобода, братская любовь, предчувствие будущей жизни – вот что такое христианство. Ненависть к греху, любовь к праведности и стремление к святости – вот что

такое христианство. И это не частная собственность одного или нескольких народов. Это дар Божий для всего человечества. Наш народ к этой радости приобщился со времен Владимира.

Радио Радонеж. О разумном, добром и вечном так, как его понимает Церковь

Добрый вечер, братья и сестры, у микрофона протоиерей Андрей Ткачёв. Мы с вами говорим о разумном, добром и вечном так, как его понимает Церковь.

У нас сегодня две специальные темы: Мариино стояние и Суббота Акафиста — память великой женщины, долготерпеливой и христоносной страдальцы Марии Египетской и Похвала Пречистой Богородицы. Влечёт меня и то и другое. Как Павел говорил: «Не знаю, что мне делать, умирать или жить, с вами быть или к Христу уйти, разрешившись. Влечёт меня и то и другое». Вот, как бы перефразируя: влечёт меня и та и другая тема, и та и другая тема — достойнейшие. Обе темы вместе — поднимать невозможно, хотя между ними есть мостик. Мария Египетская пошла на покаяние не иначе как через помощь Богоматери, смогла прожить свою жизнь в пустыне сорок семь лет не иначе как с заступлением Богородицы. В самые жуткие моменты своей жизни она видела Её как бы живой перед собою. Силой воображения, силой ума, вспоминая, ставила себя перед Лицом Богородицы и останавливалась, когда её мучило что-либо. Матерь Божия — покровительница грешников, вытаскивает со дна ада людей, взыскует погибших, ищет отчаянных, нечаянной радостью веселит человеческие души. Поэтому есть мостик между тем и тем.

Начну всё-таки про святую Марию Египетскую, которая чрезвычайно должна быть близка всем людям мира, потому что нет такого греха, который был бы более общ для всех взрослых людей мира, чем грех блуда или поползновения на блуд, что действует через ум, через глаза, через всё остальное, культивируется обществом, переименовывается в норму и т.д.

Итак, что мы можем с вами сказать о святой Марии Египетской на общую пользу? Хвалить её лишний раз не стоит, потому что чего хвалить того, кого Бог похвалил. Похвалили — хватит, теперь давайте извлечём какую-то общую пользу из жизни этого человека. Меня лично удивляет, что она семнадцать лет грешила изо дня в день, совершенно отвязавшись ото всех нравственных законов и принципов, не останавливаясь, и ничто её не смущало и не мучило: она абсолютно спокойно, при полном молчании совести, блудила как сошедшая с ума, как неистовая кобылица, и ничего её не тревожило. Тут люди согрешат — съедят какую-нибудь печенюшку, а потом прочитают, что в состав печенья входит сухое молоко — потом спать не могут: ах, пост нарушили. Ерунду какую-то сделают — клопа раздавят — потом ходят на исповедь с этой ерундой. А тут человек творил непонятно что и совесть в нём молчала. Понимаете, как интересно: совесть может молчать в человеке. Блуд был в её отношении к нему так жгуч и так неистов, что она ни о чём больше и не думала, была отдана блуду всецело. Сегодня в храме мы служили вместе, поминали лермонтовские строки:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,

Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,

И царствует в душе какой-то холод тайный,

Когда огонь кипит в крови.

Да, большинство людей грешат и как бы так, на всякий случай, каются, так сикось-накось, всё в полсилы, всё никак. Она, — вот интересно, подражать этому конечно невозможно, — была очень цельная, цельная в грехе и цельная в покаянии. Вот уж грешила так грешила, что называется. Но потом уже каялась так каялась. Нет никаких полутеней, полутонов: всё так, как на войне. Это достойно удивления, потому что это эксклюзивный случай в истории человечества. В остальном — люди блудят и подыскивают себе извинения, думают: «Ну а что, я одна что ли такая (или один)? Все такие. Ну чуть-чуть поблужу, чуть не поблужу, вот уже вроде я и хорошая». А тут — нет. С низкого старта — вперёд, на ускорение, семнадцать лет подряд без перерыва. И что ещё очень важно: преподобная Мария не искала денег за блуд. Вот это прошу отметить. Это чрезвычайно важная мысль, она является ключевой для понимания её спасения. Она не искала денег за блуд, а деньги, вообще любовь к деньгам — это корень всех зол. Как говорит апостол Павел: «Корень всех зол — сребролюбие». Любовь к деньгам — это такое корневище, такой узел морской, на который завязано всё. Любящие блудить — любят деньги, потому что либо тратят деньги на блуд, либо блудом зарабатывают деньги. Кто чего там любит, тот ищет денег, потому что деньги открывают все двери. «Ишак, гружённый золотом, открывает ворота любого города», — говорил отец Александра Македонского, Филипп. Мария за блуд денег не брала, была «честной блудницей», если такое словосочетание имеет место быть. Но имеет, да, потому что она именно так и поступала. Она считала, для себя рассудила, что блуд — это самое жгучее сильное удовольствие, способное быть смыслом жизни. Говорят: «Какой смысл жизни?» — «А кто его знает...» — «Зачем мы живём?» — «Да кто его знает...»

Какой-то фильм был советский, и там старый сребролюбец поёт песенку: «Все ищут ответа — где главный идеал. Пока ответа нету, копите капитал». И вот старый Фёдор Карамазов, Карамазов - старший, любил денежки именно для чего? Для того, чтобы Грушеньку попользовать, так сказать, да и других таких молодых девчонок купить. Ему деньги нужны были зачем? Чтобы радости купить себе. Вот этот слюноточящий старичок, который опустился на дно разврата — ему нужны были деньги как средство. И в нашем сребролюбивом мире деньги — это главная ценность у большинства людей. Надо делать деньги, их надо делать, делать, делать, стремиться, достигать, добывать — какая разница, как — побольше, побольше, это будет хорошо, и деньги нужны, деньги нужны. Это ведь не сегодня придумано, это всегда было, апостол Павел в I веке сказал, что корень всех зол — сребролюбие. Так вот: Мария этого не думала, она себе рассудила, что блуд лучше денег, блуд лучше всего, это хорошо и смысл найден. Следовательно, денег не брала. Она пряла, чего-то ткала, песни пела, весёлая была с утра до вечера, жила в бедности и в разврате, а денег не брала. А если бы брала? Если бы она начала блудом зарабатывать? Во-первых, она бы озолотилась очень быстро. Потому что, судя по всему, она была женщина энергичная, красивая, неотразимая, бойкая, ну к тому же ещё бессовестная до края. Т.е. вообще нет никаких тормозов. Ну конечно она бы заработала каких-то денег на всём этом. И тогда что? Тогда всё, тогда не было бы у неё покаяния, потому что если к цепям блуда добавить цепи сребролюбия — сделать блуд ещё средством заработка — всё, тогда уже не вырвешься. Она и так семнадцать лет боролась с помыслами, главным образом с помыслами блуда, в пустыне, как с дикими зверями. Семнадцать лет, день и ночь, каждый день, без передышки. Как блудила без передышки, так без передышки боролась с помыслами. И победила. А если бы она брала деньги за это, тогда — всё, не было бы Марии Египетской.

Как например, как-то раз мы беседовали с отцами, давненько уже, про Серафима Саровского. Вот он в пустыньке своей топориком деревья рубил, лопаткой грядочки копал, псалмы пел, молился и т.д. Пришли эти бесчинные крестьяне - злодеи, крещёные, православные, русские, — не чеченцы какие-нибудь приехали или дагестанцы, — русские мужики, крещёные, христиане, чтобы старца ограбить: «К тебе люди ходят, у тебя деньги есть». Он с топориком был, а сам был человеком крепким, плотником сколько лет прослужил, послушание пронёс в монастыре. Он бы мог отмахаться от этих троих, от шестерых бы отмахался, но он свой топорик бросил. Он было поборолся с этими мыслями — была мысль погнать их всех, но сказал: «Делайте, что хотите». Они взяли этот же топорик и обухом дали ему по голове сзади, поломали кости черепа, истоптали его ногами, избили бедного, истаскали за бороду, думали, что убили, пошли в келью, перерыли её — там нет ничего — ну и всё. Почти что убили человека, по сути. То, что он остался жив — это некое чудо очередное. Ну и мы говорили: а вот если бы он взял этим топором, не рубил бы никого, а погнал бы просто? Мог бы, но может быть у нас бы не было тогда такого Серафима Саровского, который есть у нас сейчас. Может быть он и погнал бы их, но тогда уже, возможно, и отнялось бы что-то от него. А так — он добавил к венцу своих трудов, в корону своих подвигов. Так ещё одна жемчужина, ещё один изумруд, бриллиант вошёл в свою оправу, в венец совершённых трудов святым Серафимом. Конечно никто бы не осудил его за то, что он защитился от злодеев, но что-то бы потерялось. Так вот: если что-то сделается, то что-то прибавится или что-то отнимется, и потом этого уже не добавишь и не исправишь.

Святая Мария просто жила для блуда, а не зарабатывала блудом. Это разные вещи: служить блуду и найти в нём главную ценность — это одно, а другое — это зарабатывать блудом. Это совершенно разные вещи. Те, кто зарабатывают блудом, обычно не каются, или каются, но это уже другие истории. Вот есть такой корень спасения — отсутствие в душе сребролюбия. Это очень важно. И некая честность — честный грешник: честно грешит, но потом за честную душу и зацепиться можно.

Мы знаем много таких случаев, например, мученика Вонифатия знаем. Весёлый, красавец, балагур, любитель пошутить, будучи рабом богатой молодой незамужней госпожи, жил с ней в беззаконной связи. Она — верующая, он — как бы ещё вроде нет, или верует, что не видно по нему. Первого января по новому стилю мы празднуем память его. Она с ним живёт, но совестью мучается, говорит: «Иди на восток, там сейчас гонения на христиан, там многих убивают за Господа, найди тело какого-то мученика, бери, привези, построим церковь, будем иметь мученика ходатаем за свои грехи». А он возьми да скажи: «А вдруг меня привезут тебе, примешь?» — «Ты не шути, сейчас не время шуток. Ты иди, бери деньги, помощников, и иди за мощами какого-нибудь страдальца». А он не шутил, он пророчествовал, сам того не понимая. И пошёл, и увидел как людей за Христа убивают, а мы сейчас тоже видим, как их убивают. Вот ИГИЛ, на берегу моря поотрезал головы коптским христианам в большом количестве. Вот так вот. А он взял и встал на место мученика. Вот иди встань туда, где головы отрезают, а ну. «Я тоже христианин, я тоже хочу пострадать», — сказал он, у него родилось такое желание. Он был очень милостивый человек. Опять-таки, Богу нужно зацепиться за что-то. Он когда по вечерам, сидя дома, не знал, чем заняться, он выходил на улицу и искал нищих, приبلудных, бедных, голодных, бездомных, заводил их в дом, кормил, одевал, давал им поспать, упокоивал. Была в нём какая-то простота и человеколюбие — Богу нужно зацепиться за что-то. И действительно, замучили его за Христа. Друзья его по всем кабакам в городе обыскались, а он лежит с отсечённой головой на площади. И они взяли его, его голову отсечённую, говорят: «Прости нас». И у него лицо просветлело в их руках. Привезли его к госпоже: «Вот мученика, за Христа замученного, везём тебе». — «А кто это?» — «Это наш друг общий, Вонифатий». Вот такие случаи известны в Церкви, когда

Бог ищет, за что зацепиться Ему в человеке: в Марии зацепился за отсутствие сребролюбия, в Вонифатии — за милосердное сердце.

А дальше уже начинается история спасения. Была история греха, в которой оставались светлые пятна, Господь нашёл светлое пятнышко, вцепился в него и за светлое пятнышко вытащил человечка. Помните в «Братьях Карамазовых» легенду о луковке? Когда Мать Божия в день Благовещения ходит с архангелом Михаилом по аду и ищет, кого бы из ада вытащить. Ищет, у кого есть добрые дела. И там в аду была какая-то женщина жадная, злая, которая когда-то где-то какую-то луковицу бросила нищему, это было единственное доброе дело. Говорят: «Вот у неё есть луковка». Эту луковку взяли, говорят: «Держи эту луковку». И давай её тащить из ада за эту луковку. И вытаскивают её, а души другие за неё зацепились, тоже хотят из ада вылезти и вслед за ней вытаскиваются, а она давай их руками - ногами отталкивать и кричать: «Это моя луковка, это меня вытаскивают из ада!» И луковка порвалась и она обратно упала в смолу. Такая интересная легенда, ещё старых времён. За что зацепиться Господу? Хоть за луковку, но главное, чтобы ты не был самолюбивый, эгоистичный, чтобы ты других в это время от себя не отталкивал.

Есть, правда, в житиях святых история такая интересная, где говорится о блудницах, которые собрали богатство блудом. Вообще, блудом занимаются с двойной целью: получить удовольствие и заработать денег. Так оно и есть. Что первое, что второе — не важно, но обычно две цели присутствуют. Так вот одна такая была, которая много заработала, а потом пришла к епископу, который обратил её к христианству, научил её покаяться. Она принесла с собой целый мешок, целый ворох, может быть какой-то платок, в который было завернуто много золотых браслетов, жемчужных нитей, бусин всяких, того-сего — всё заработанное похотью. Принесла, к ногам его положила, говорит: «Что с этим делать, отец?» Он сказал очень важные слова, их тоже стоит запомнить: «Пусть будет хорошо потрачено то, что плохо заработано». Можно взять, психануть, это всё в море выбросить. А зачем выбрасывать? Всё равно же можно распорядиться этим правильно. Поэтому пусть будет хорошо потрачено то, что плохо заработано. Заработано с грехом пополам, а потрачено пусть будет хорошо, и таким образом искупится и очистится тот способ зарабатывания.

Итак, для нас очень важный пример в Марии: было за что зацепиться Господу — за полное отсутствие сребролюбия, за некоторую честность даже в блуде. Ведь даже в блуде можно быть честным. Можно быть в блуде не честным, можно быть честным. Один просто блудит, потом хитрит и изображает из себя целомудренного, а другой честно блудит, и вот этот, может быть, честный человек да и быстрее спасётся, потому что у него совесть проснётся рано или поздно. Сложная тема здесь, конечных формулировок не произнесёшь, это всё очень тайно и очень серьёзно.

Также очень важно, что мы узнали об этой истории благодаря Зосиме, который всю жизнь прожил — уже под шестьдесят ему было — в молитве, посте, воздержании, псалмопении, ночном бдении. И пришла к нему гордая мысль: «Наверное я один такой, наверное таких больше нет». И он с этой мыслью был наставлен ангелом пойти в некий монастырь, где живут монахи получше, чем он. А в этом монастыре был обычай — уходить в пустыню, Зосима для того-то туда и пришёл, чтобы пойти в пустыню и найти там Марию. И вообще тогда замолчать, познать, что есть ещё более лучшая, чем он, лучшая, чем все остальные. Видите как интересно: приходит человеку помысел, что он лучше, что он, наверное, самый-самый-самый. Такой помысел может приходиться к самым разным людям, причём он грызёт тех, кто действительно самый-самый в какой-то отдельной области: поёт человек красиво, или хорошо деньги умеет зарабатывать, или хорошо самолёты водит, или хорошо

дома строит, или хорошо картины рисует. Может прийти такая мысль, и не раз, и не два. Она может прийти и уйти, а может прийти и остаться, что я — самый-самый. Ради того, чтобы спасти человека от подобных мыслей и нужно, чтобы он повидал того, кто лучше его. Великая радость — находить в жизни тех, кто лучше тебя. Радость мало кому знакомая, потому что узнавать тех, кто хуже тебя, и на их фоне сиять сомнительным сиянием — это понятно, а вот радоваться о том, что находятся люди, которые лучше тебя — это не всем понятно. Теоретически — всем понятно, а практически — не всем. Когда, например, специалист на производстве лучше меня — его хвалят, а ты радуешься: вот как классно, какие золотые руки у человека, светлая голова, такое доброе сердце, такой хороший человек. И радуешься. Вот великая радость, доступная смиренным душам. Эта мысль — что нет таких как я — посещала самых разных людей, поэтому если вас посетит, вы не удивляйтесь. Эта мысль от врага, она посещает самых разных людей, например, Антония Великого, или Макария Великого. Антоний Великий, если помните, ходил к сапожнику в Александрию. Господь повёл его в Александрию к некоему сапожнику. Привёл его Дух Святой, как Симеона Богоприимца в Храм Иерусалимский. Он пришёл к этому сапожнику, говорит: «Мир тебе, брат. Скажи мне, чем ты Богу угождаешь, как спасаешься?» — «Ты наверное меня с кем-то перепутал, я вообще ничего хорошего за собой не знаю». — «Нет-нет, ты не отворачивайся, не увёртывайся. Я — старик, из пустыни пришёл к тебе, расскажи мне, чем ты угождаешь Богу». — «Да ничем, я вот помолюсь с утра, сажусь работу делать. Смотрю, люди по улице идут, думаю: вот человек хороший, он наверное спасётся; и вот человек хороший, он тоже спасётся; наверное если и погибнет кто-нибудь, то я один погибну. Вот с такими мыслями я свою работу работаю». Антоний поклонился ему и ушёл. Понял, что смиренная мысль заменяет все подвиги. И подвиги, в принципе, нужны ради рождения смиренных мыслей, а не для того, чтобы достичь чего-нибудь другого. Так же было у Макария, который нашёл двух сестёр, которые жили в замужестве. Раньше они хотели быть монашками, но их выдали замуж и они, живя в браке, договорились ни о чём мирском не говорить, и ни разу ни одного злого слова друг другу не сказали за всё время, что жили. И Макарий сказал: «Я понял теперь, что Господь ищет не чёрные ризы, не белые ризы, не монашеских обетов, не немонашеских обетов, а ищет смиренного сердца и простой души, ищет такого вот практического богоугождения».

Приходит мысль, что ты лучше всех, пришла к Зосиме, Зосима пришёл в монастырь, чтобы смириться, ангел повёл его, а монастырь был нужен для того, чтобы уйти в пустыню на Великий пост и там найти великое сокровище. Вот такая многоходовая комбинация. Смотрите как Бог решает многоходовые комбинации, какой Он, вообще, гроссмейстер, как Он интересно расставляет фигуры на доске и как Он движет их, имея великие цели. Тот заболел, тот пришёл, тот не пришёл, тот опоздал, тот выучился на врача, тот выучился на инженера — это всё многоходовки. Потом из этого всего Господь творит великие комбинации для того, чтобы посрамить врага, умножить число спасённых, возвеличить правду, возвеличить добродетель, поправить дьявола. Через людей поправить дьявола, как это Иов сделал. Показать дьяволу: «Видел раба Моего Иова? Он не просто любит Меня, потому что Я его во всём благословил, он просто любит Меня. Вот посмотри на него». Иов прошёл через огонь и доказал свою верность. Хотя много кричал, много всякого произнёс непонятного и сложнопереводимого, но в конце концов Богом был похвален и получил великую славу. Вот таким образом мы уже нашли ещё один урок. Не просто честность Марии, за которую зацепился Господь, чтобы вытащить её — отсутствие сребролюбия. Также видим как интересно: к Зосиме пришла греховная мысль, он пошёл в монастырь, потом в пустыню, потом нашёл святую Марию.

Ещё очень интересная, важная здесь вещь: Зосима был нужен для того, чтобы, с одной стороны, открыть Марию миру, с другой — чтобы её образ мог стать примером и

для других грешников. Представьте себе: любой блудник, любая блудница, уже до почернения, до посинения, так сказать, подгнивающая в разврате, вдруг читает житие Марии Египетской. Это же откровение, это же просто песня, это прохлада, это роса небесная на иссохшую душу: «Это что? Я могу быть помилован?» Понимаете, многие люди грешат от отчаяния. У Николая Сербского есть цитата из одного разговора с неким стариком. Старик, всю жизнь в грехах проживший, говорил, что в юности грешил из любопытства. Ну понятно: то узнать, то узнать, то попробовать. «А в старости грешу от ненависти к себе, от отчаяния: я уже отчаялся исправиться, я уже не буду лучше, не могут быть лучше такие как я», — говорит старый человек, проживший всю жизнь в грехе и начавший грешить из любопытства. Это страшное откровение. И вдруг такой человек прочитывает житие Марии Египетской. И всё: «Ничего себе... Это что, я могу покаяться? Меня может Господь простить? Боже, какая красота!» Это же чудесно. Зосима пошёл в пустыню, чтобы найти сокровище: он был дайвер, он глубоко нырнул, чтобы вытащить жемчужину со дна моря наверх.

Но не только это. Он ещё пошёл в пустыню, чтобы Марию причастить, потому что ей нужно было причащаться. Она два раза в жизни причастилась. Сорок семь лет проживя в пустыне, она причастилась в первый год захода в пустыню, накануне перед переплытием Иордана, и в последний год своей жизни, перед смертью. И Зосима ей нужен был как иерей. Если бы он был дьякон или просто монах, то это бы не подходило. Нужен иерей, который мог бы взять в сосуд Святые Тайны, принести к ней и преподать ей Причастие. Причём без исповеди, — она уже рассказала ему свою жизнь, она покалась, Бог простил, — без длинных молитв, они почитали только «Символ веры» и «Отче Наш». Всё, больше ничего не нужно. И он преподавал ей Святые Тайны и она посуху прошла Иордан, пошла на тот берег умирать. Вот ещё насколько важно Причастие. Мария, когда он её повидал в пустыне, уже молилась, поднимаясь от земли на локоть. Она уже стояла на воздухе и молилась. Она знала помыслы человеческие, называла Зосиму по имени, хотя ни разу с ним до этого не встречалась. Она говорила о том, что пусть игумен Иоанн в вашем монастыре будет внимательным к делам своим и братии: называла по имени игумена, которого в жизни не видела. Она цитировала Писание, которого никогда не читала, — она не прочла в жизни ни одной книжки, — потому что Дух Святой её вразумлял. Она знала помыслы Зосимы, когда он подумал: «Уж не дух ли это какой, призрак, привидение». Она говорит: «Не призрак я ни какой, я просто человек, грешная женщина. Не думай, что я призрак или дух». Она слышала помыслы, знала имена, знала жизнь других людей, знала Писание, которого не читала. — Святой человек. И вот этому святому человеку всё-таки не хватало Причастия, она хотела причаститься. Причастие нужно грешнику, потому что мы причащаемся в оставление грехов. Но Причастие нужно и святому, оказывается. Оказывается, реально святой человек тоже нуждается в Причастии, потому что это жизнь для него. Потому что никто из творения не свят по природе. А всякая тварь святая, например, ангел или человек — свят по Причастию, по приобщённости к Святыне, по причащённости к Богу как к корню святости, как к источнику святости. Вот такая очень интересная вещь. Нужно пересмотреть своё отношение к Причастию: Причастие нужно грешнику, Причастие нужно святому. Мария в первый раз причастилась в церкви Иоанна Крестителя на берегу реки, когда переходила Иордан. А если бы она, кстати заметьте, поисповедовалась, то её священник прогнал бы палкой из храма, этот кошмар он бы не выслушал до конца, сказал бы: «Иди отсюда, зараза, таких как ты здесь быть не должно». А она причастилась без исповеди. И причастилась ведь, и без исповеди. А если бы не причастилась, может быть у неё сил бы не хватило там в пустыне прожить сорок семь лет. Она не видала там ни одного человека и даже ни одного зверя. Она только видела перед собой свои грехи и Богородицу умными глазами. И молилась, плакала и т.д. Понять это, конечно, думаю что невозможно в нашем состоянии, нашим умом, нашей душой. Она причастилась в состоянии крайних грехов при

начале покаяния, и причастилась в конце своей жизни, перед отходом в вечность. Причастие нужно и тем, которые погибают от грехов, и тем, которые уже молятся, стоя на воздухе, поднимаясь на локоть от земли. И тем и тем нужно Причастие, Причастие нужно всем, таким образом. Нужно пересмотреть своё отношение к Причастию и возблагодарить Бога за то, что Он даёт нам такой дар, которого все не достойны, и хорошие и плохие, и святые и не святые.

— **Добрый вечер, Ольга из Москвы. Я вчера слушала радио «Вера», там митрополит Иларион, ссылаясь на Исаака Сирина, говорил, что когда Бог хочет приблизить человека к Себе, Он посылает ему искушение. А вот как же мы читаем в «Отче наш»: «Господи, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Как это соотнести? Пожалуйста, объясните.**

— Очень хорошо было бы, чтобы вы позвонили в саму передачу на радио «Вера», чтобы владыка митрополит может быть сразу и прокомментировал это, потому что, думаю, у него бы это получилось лучше, чем у меня. Но я думаю следующее. Конечно, человек, идущий к Господу, встречает много препятствий. Эти препятствия бывают от дьявола, безусловно, от немощи человеческой, но также и Господь может нам всё это попускать, чтобы проверить наше произволение. Что такое в молитве «Отче наш» «...не введи нас во искушение»? Это голос нашей немощи. Если перевести на наш повседневный русский язык, то это значит «не дай нам попасть в такую ситуацию, где немощь наша обнаружится; не дай нам попасть в такие условия, где будет ясно, что мы слабы, грешны, глупы и никчёмны». Мы не хотим попадать в такие ситуации. Но когда мы идём к Господу, Господь проверяет наше произволение и смиряет нас тем, что мы попадаем часто в такие ситуации, в которых совершается процесс самопознания. Мы ведь не знаем себя, пока не попадём в разные ситуации. Никогда не узнаешь какой там арбуз, пока его не надрежешь, не вытащишь из него кусочек сердцевинки. Вот эти искушения как бы вырезают из нас некий кусок сердцевинки, показывают: а вот там что-то, а вот там гнило или спело. Со своей стороны, нужно просить, чтобы этого было как можно меньше, потому что нормальный человек не хочет искушаться, он хочет жить в мире и покое, говорит: «Господи, не введи меня во искушение». Впрочем, Твоя воля да будет, на самом деле, и если я к Богу иду, то я попадаю в тысячи таких ситуаций, где я сам себя узнаю. Плод искушения — это самопознание: «А вот здесь, оказывается, я слаб оказался; оказывается, вот здесь у меня нет сил, здесь я ничего не понимаю». И всё это узнаётся для того, чтобы деятельно исправляться, чтобы я деятельно совершал некий труд по исправлению. Вот так я бы примирил эти две позиции. Ну конечно хорошо бы, — если там передача была в прямом эфире, — чтобы сразу докладчик и дал ответ. Мне кажется, что мы с вами не погрешили, когда только что поговорили об этом.

— **Слава Иисусу Христу! Благословите, отче. В одной из своих недавних речей вы упомянули речь покойного митрополита Владимира, в которой он говорил, что Церковь должна объединиться вокруг Литургии, этим она выполняет главную миссию в мире и государстве. Я согласен и не согласен. Я думаю, при всём моём уважении к владыке, что было большой, даже роковой ошибкой, что Украинская православная Церковь Московского Патриархата при правлении митрополита Владимира практически полностью устранилась от гражданской жизни общества, чем в итоге поплатилась, так как раскольники и автокефалисты активно принимали участие в гражданской жизни украинского общества. Это обвинение не к вам, так как вы как раз были выразителем идей и чаяний своей паствы, я обвиняю общую политику Украинской православной Церкви Московского Патриархата за всю ближайшую историю независимой Украины.**

— Ну что же, конечно устранившись от жизни общества иногда невозможно, но если возможно, то нельзя, потому что плоды устранения потом будут плохие. Устранение может привести к тому, что нам скажут... Знаете, как часто говорят священнику: «Ну я же у тебя кадило не забираю, чего ты лезешь туда, чего ты лезешь сюда, чего ты о том и об этом говоришь? Ты кадилом маши, кропилом кропи, чего-то там пой-читай, вот и всё». Так они нам говорят, потому что все слишком привыкли, что Церковь, вообще, не пар из уст, как говорят на Украине, они это произносят по поводу тех или иных вещей. Например, аборт. Это же проблема какая? Социальная, медицинская или духовная? — И социальная, и медицинская, и духовная. А ювенальная юстиция, забирание детей из семьи, это проблема какая? Социальная, семейная и духовная? — Социальная, семейная и духовная. А насилие в школе, например, когда дети избивают друг друга, издеваются, снимают на мобильные телефоны и в интернет выкладывают, — целая волна была в какое-то время по Украине, — это что такое? Это проблема информационной заражённости через всякие боевики, сериалы — культ насилия на телевидении, плюс невоспитанные дети — нет воспитательного момента в образовании. Это проблема чья? Школы только или это проблема школы, семьи и Церкви? — И семьи, и школы, и Церкви — это общая проблема. Если Церковь своей работы не делает, то происходит то, что не хотелось бы, чтобы происходило. Поэтому, конечно, упрёки — это жёсткая вещь, их неприятно слушать, но трудно не согласиться, что мы должны заниматься всем, чем можем заниматься и всем, чем должны заниматься. Пока не поздно, потому что потом бывает поздно, потом уже «тапки приплыли» и «поливайте фикус». Да, это печальная тема.

— Здравствуйте, это раба Божия Нина из Подмоскovie. Наступает Пасха, а у меня не бывает праздников: как начинается Светлый праздник — обязательно у меня случается несчастье. Ну не было ни одного такого Праздника, чтобы у меня не случилось несчастье.

— Какого характера несчастье?

— Я вам приведу примеры. Я живу в коммуналке, в первый день Пасхи сосед душил соседку, на второй день вынесли гроб, хоронить молодую женщину с пятого этажа. Следующая Пасха...

— Стоп-стоп, Нина. Если бы сосед вас душил, у вас бы не было Праздника, но если он душил соседку, то почему у вас нет Праздника? Там может быть у вас сосед с соседкой сожители или ещё что... Ну гроб сносили, и что теперь? А если человек работает в морге, что у него, Пасхи нету? Он каждый день гробы видит перед собою, ну представьте себе. А если человек работает ещё где-нибудь в подобном месте, где он со смертью на вась-вась. Допустим, в похоронном бюро — что, Пасху не празднуют? Они постоянно с трупами возятся, копают могилы и т.д. Что это за детский лепет на лужайке? Тот душил соседку, а там гроб сносили, Праздника у неё, понимаешь, нет. А когда у вас будет Праздник? Это вообще непонятные вещи, что это такое? Какой-то детский голос женщины, прожившей больше половины жизни. Повзрослейте, поумнейте, в конце концов. Ну снесли гроб, ну выйдите вместе... Если бы была молитва за человека, который умер в пасхальные дни, ну поучаствуйте в молитве. Допустим, снесли возле подъезда, пришёл священник, отпели, побудьте на погребении. Если у вас есть лишних пятьдесят рублей, дайте родным на похороны, поучаствуйте в их скорби, может им помочь чем-то надо. Вот ваша Пасха будет заключаться в том, что вы поможете кому-то когда у них в доме беда, умер кто-то. Ну что это такое? Я даже не думал, что православные люди могут такие слова сказать. Мне не нравится то, что вы сказали. Пасха настолько большая, красивая, что её вообще украсть нельзя. Люди в тюрьме сидели, в лагерях, в окопах, и Пасху праздновали. Трупы

кругом, грязь кругом, жрать нечего, пули свистят, а они Пасху празднуют. А у вас умерла соседка — у вас Праздник забрали. Что это вообще такое? Даже непонятно мне такие вещи слышать.

— Здравствуйте, отче. Поздравляю вас с праздником Феодоровской иконы Божией Матери, палладиума нашей святой царской Руси, благодаря которой мы надеемся, что опять возродится царство.

Я как-то ждала этого слова от вас, но оно не прозвучало, может быть вы как-то по-другому считаете: не является ли поведение Марии Египетской в ранней юности просто-напросто беснованием?

Вы говорите, что поскольку она была в этом смысле не сребролюбива, то это, так сказать, положительный момент. Мне кажется, что современная молодёжь, да и не только, которая практикует промискуитет, тоже это всё делает абсолютно бескорыстно.

По поводу исповеди Марии Египетской. Ведь тогда же исповедь, — собственно, и до сих пор, — не была связана с Причастием. Слава Богу только в нашей Церкви вот так исторически сложилось, что сначала исповедь, что мне кажется совершенно логичным, и не только мне.

— Всё понятно, всё правильно. Начнём с последнего. Слава Богу, что у нас исповедь с Причастием связаны. У всех развязаны, у нас связаны. Если бы Мария была русской, она бы не спаслась в таком случае, при нашей практике литургической. Потому что любой батюшка, который бы начал выслушивать её исповедь, погнал бы её вон, и никакого Причастия перед уходом в пустыню не было бы. А если бы не было Причастия перед уходом в пустыню, то не было бы и самой пустыни, судя по всему. Поэтому вопрос остаётся открытым. Остаётся вопрос того, что Дух дышит, где хочет, Он безусловно дышит в наших условиях, когда исповедь с Причастием связаны, но в случае с Марией это было бы препятствием. Это, по-моему, без сомнения.

Молодёжь с этим промискуитетом — прыщавые сопляки по большей части, и все эти их блудные упражнения — это смесь безделья и веселья, плюс того самого любопытства, о котором я сказал ранее, когда цитировал Николая Сербского. Так вот, молодёжь грешит из любопытства, плюс от праздности и в поисках веселья. Никакой настоящей радости они от этого не получают конечно, потому что совесть человеческая неподкупна, она мучает их, и все те грехи, которые они творят за месяц, за год, за два года, Мария успевала натворить за день, за два, за неделю. Поэтому здесь и рядом не стоит степень греховности её и всей этой сопливо-прыщавой юности, которая за папины деньги по кабакам сидит вместо того, чтобы на парах сидеть и учиться.

А насчёт беснования — да нет, не была она бесноватой. Если бы она была бесноватой, то так бы про неё и было сказано в житии. А кто бы с бесноватой блудил, кто бы на бесноватую позарился? Бесноватый — это человек, который не владеет своим телом, своей волей, который вытворяет непонятные вещи: хрипит, пищит, кусается, душит любовников, вгрызается в них зубами, пеной исходит, бьётся головой об стенку, падает на пол и корчится. Что вы, бесноватых не видели что ли? Это была красивая молодая женщина, в двенадцать лет, девчонкой малой она ушла из дома и семнадцать лет безобразничала, жила в блуде. Двадцать девять лет, молодая женщина в цвету, в соку. Какое беснование может быть? Она была совершенно здоровым человеком: и умом здоровая и телом здоровая, и оказалось, что у неё в глубине и душа была очень здоровая.

Поэтому — нет, это слишком простое решение вопроса — списать всё на бесов. Вот там кто-то грешит — а, это бесы, бесы, он бесноватый. Да никакого тут беснования нет. Человек сам, в своём естественном состоянии способен на вещи, которые с бесами не связаны. С бесами всякий грех конечно связан, так или иначе, прямо или косвенно, но не стоит поспешно списывать на беснование греховные фантазии человеческие, не стоит. И жестокость человеческая бывает бесовского происхождения, но бывает и человеческая жестокость. Там дьявол стоит и радуется: «я б такого не придумал».

— **Добрый вечер, благословите, это Александр, Харьков. Хотел бы вам, во-первых, сказать большое спасибо за моё воцерковление, так как я — бывший ваш прихожанин из Киева, сейчас живу в Харькове.**

Отец Андрей, у меня вопрос к вам по Евангелию. Евангелие от Марка, 9-я глава:

38 При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами.

39 Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня.

Как это соотносится с этими бабками, гадалками: к кому-то можно ходить, к кому-то нельзя?

В акафистах и в канонах всегда — там, по-моему, седьмая песнь или восьмая — вспоминаются отроки. Практически во всех. Почему именно седьмая песнь всегда закрепляется за ними?

У меня умерла бабушка и мне кажется, что священник, который её отпевал, был из раскольничьей церкви. Что с этим делать, как быть?

— Вы узнайте, если вдруг бабушку отпевал раскольник, то совершите заочно отпевание в каноническом храме. А когда будете на могилку приезжать, земличку отсвященную высыпьте на могилу. Сначала узнайте, действительно ли это правда. Продолжайте за неё молиться. На поминание заупокойное это не влияет. На Литургии поминание, на панихидах — это не влияет, поминайте бабушку. А если узнаете, что отпевал раскольник, пусть отпоёт её потом канонический священник.

Отроки благочестивые в печи, которых Рождество Богородиче спасло есть — это седьмая и восьмая песнь любого канона. Но здесь нужно понять, что это песни Священного Писания, из которых первая — это песнь Моисея при переходе через море, вторая, которая только в посту читается — это песнь Моисея обличительная, третья — это песнь пророчицы Анны, четвёртая — это песнь Аввакума, пятая — песнь Исаии, шестая — молитва Ионы, седьмая и восьмая — песни отроков, девятая — песнь Богородице. Это библейские песни, лёгшие в основу всех канонов, структура их одинакова для всех канонов, слова меняются, смысл остаётся. Зная смысл этих песен, вы можете с любовью и вниманием слушать любое песнопение в церкви, потому что будете знать, что поют. Так что нужно будет почитать соответствующую богослужебную литературу, чуть больше вникнуть и всё.

По Марку. Девятая глава Евангелия от Марка:

38 При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами.

39 Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня.

В традиции иудеев были экзорцисты и изгонятели бесов. И Христос говорил им: «Если Я силою вельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями...» У них было заклинание Именем Бога Святого, Бога Живого, Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова — они выгоняли бесов Именем Божиим. И когда Иисус Христос прославился как изгонитель бесов, чудотворец и воскрешающий, то наверняка многие люди захотели Именем Иисуса, воскрешающего мёртвых, Именем Иисуса из Назарета, Именем Иисуса, выгоняющего бесов, тоже выгонять бесов. И они начали это делать. И апостолы возревновали об этом, а ревность была им присуща как простым людям. Они любили Учителя, они не хотели, чтобы слава Его уходила к чужим. Они поэтому здесь сказали: «Не ходит с нами, давай запретим». Христос говорит: «Не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня». Человек, сотворивший чудо Именем Иисуса, и почувствовав силу Имени Иисуса, увидев собственными глазами действие Имени Иисуса, не сможет вскоре злословить Иисуса и быть Его врагом. Вот такой здесь смысл. Надо понимать, что Церкви ещё не было, Новозаветная Церковь родилась в Пятидесятницу, в день сошествия Святого Духа. Всё, что до этого — Ветхозаветная иудейская Церковь — постепенно уходила в тень, и уже появлялась языческая Непоплодящая Церковь, которая должна была возвеличить Христово Имя, поэтому находилось такое междуцарствие: иудеи уходили, язычники ещё не пришли. И всякий, творящий чудо Именем Иисуса, должен был по опыту знать, что Имя Иисуса — это великая Святыня, Иисус совершает чудеса и Имя Его чудесно. Он уже не враг тогда Господу. А если враг, то не сегодня, не завтра, а через пару лет, когда всё забудет. Так что поскольку Церкви ещё не было, а Имя Иисусово ещё только подобало усвоить человечеству, то Господь хвалит этих людей, которые Его Именем совершают чудеса, и запрещает апостолам делать им выговоры.

Что касается бабок и прочего — это уже другая ситуация. Существует Церковь Христова, к которой человек либо принадлежит, либо не принадлежит. И глава Церкви — Христос, и Церковь — тело Его, и человек, принадлежащий к телу, принадлежит и к главе. И тогда Именем главы тела Церкви человек может творить то или иное. Но если он чужой и к Церкви не принадлежит, но пытается Именем Иисуса творить то-то или то-то, то Церковь имеет право сказать, что ты — человек не наш, и своим людям сказать, что к этому человеку вы не ходите. Так что здесь может быть некий паразитизм на святости Имени Господня, который Церковь должна пресекать по мере своих сил, что, собственно, и совершает: Церковь пресекает паразитизм на Имени Господнем по мере своих сил. Нужно ещё понимать, что Иисус Христос слышит всякого человека и Он слышал всякие истории, когда какой-нибудь там башкир некрещённый пасёт стада и говорит миссионеру православному: «Я — мусульманин, но я люблю вашего Иисуса Христа, Он такой добрый ваш Иисус Христос. И когда я потерял барана, я говорю: Иисус Христос, дай мне моего барана. И смотрю — баран пришёл». Вот типа такого. Христос слышит тех, кто призывает Его Имя Святое, поэтому и сегодня — ну если это не делается в целях волхвования или исцеления за мзду — Он слышит всякого, призывающего бескорыстно и по вере. Таких случаев — миллионы и сотни миллионов, когда люди призывают Господа, не будучи христианами, и Он откликается на их призыв. Но здесь не должно быть именно момента зарабатывания, момента чудотворства ложного, исцеления и всякого такого. Не должно быть. Там, где это есть, там нету благодати.

Завтра Святая суббота, пятая суббота Великого поста. Через неделю уже будет суббота Лазарева, а там, глядишь, уже и вступим в Страстную седмицу. Так быстро пролетает время жизни, оглянуться не успеешь, как придётся умирать каждому человеку, рано или поздно. И на Посту это видно: Пост пролетает как один день. Не успеешь пропеть «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», как наступает время говорить «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Всем кающимся желаю иметь Марию Египетскую помощницей, и всякому верующему человеку вообще, желаю иметь Божию Матерь помощницей. Сегодня вся Церковь святая, сколько нас ни есть, христиан, мы все говорим Богоматери: «Радуйся благодатная, Господь с Тобою! Радуйся, Невесто Неневестная! Радуйся и не оставляй нас. Мы Тебя печалим конечно, печалим часто, мало Тебе радости приносим, Владычица Богородица, но Ты радуйся, потому что Сын Твой воскрес. Радуйся, потому что много святых душ вокруг Тебя. Радуйся, потому что и мы покаемся и будем лучше. Будем лучше, рано или поздно». До свидания, до скорой встречи. Христос да будет с вами! Аминь.

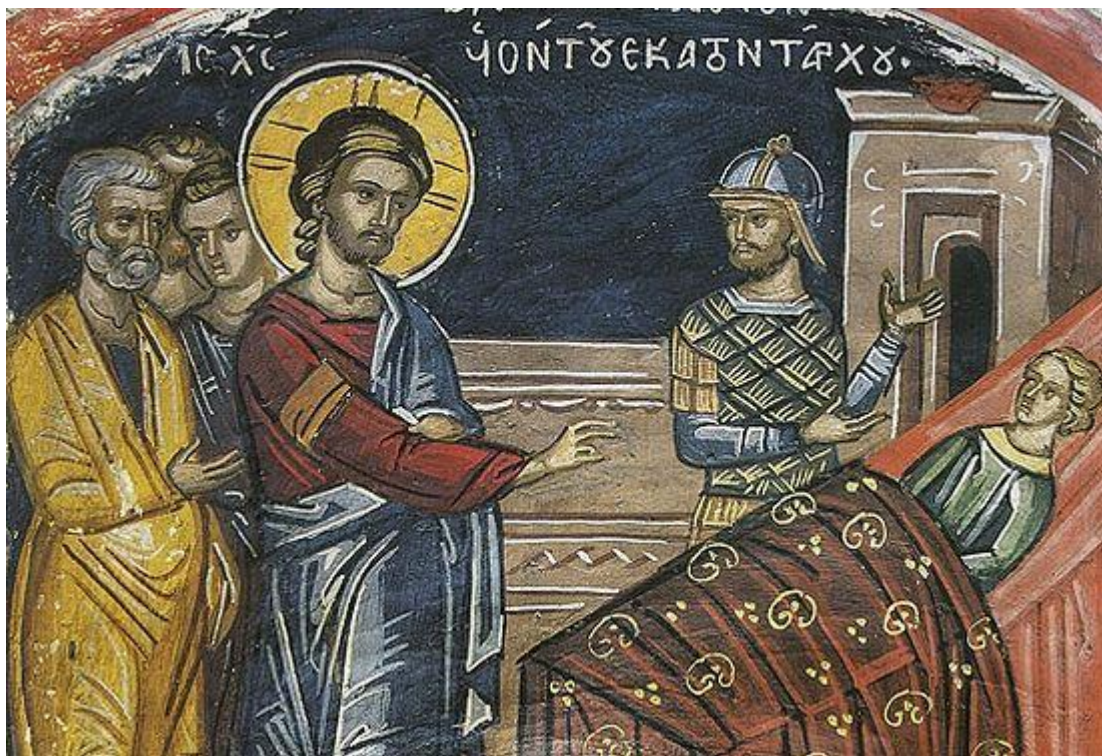
Три сотника

Один сотник заставил Господа Иисуса Христа удивиться. Христу открыта глубина сердца, Он повелевает стихиями, отгоняет смерть... Его трудно удивить. Но когда сотник сказал: «Только скажи слово, и исцелится отрок мой», – Христос удивился. Такой веры Он не нашел даже в Израиле, среди потомков пророков, а тут – язычник, римский воин...

Второй сотник уверовал там, откуда убежали все апостолы, кроме одного Иоанна. Жители Иерусалима, в тот час стоявшие под Крестом, словно договорились исполнять Давидовы пророчества. «Раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий» (Пс. 21: 14). И еще: «Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесать все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий (Пс. 21: 17–19). И вот когда одежду делили, и жребий бросали, и пасти раскрыли, как алчущий лев, и сделали зрелище из Невинного, другой сотник произнес: «Воистину, Человек сей был Сын Божий». Звали того сотника Лонгин.

Третий сотник был богат милостыней и молитвой. Его звали Корнилий. Слова, сказанные о нем Лукой, напоминают слова, сказанные об Иове: «Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу» (Деян. 10: 2). К нему в полдень пришел ангел, но сам ничему Корнилия не учил (Богу угодно, чтобы не ангелы, а люди вразумляли людей). Ангел только повелел найти в Иоппии Симона, именуемого Петром: «Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой» (Деян. 10: 6). Этот третий сотник расширил границы проповеди. Он убедил Петра проповедовать Христа не только иудеям, но и язычникам, потому что Корнилий на глазах апостола стал причастником Духа Святого. И «если Бог, – сказал Петр, – дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?» (Деян. 11: 17).

Не римский солдат и не римский генерал, но каждый раз один лишь сотник фигурирует в евангельских рассказах, содержащих похвалу римским военным. Центурион – так красиво и будто позванивая амуницией звучит это слово по-римски. У центуриона под рукой плюс-минус сотня солдат, отсюда и название. В отношении к нашему офицерству центурионы похожи на командира роты в самом скромном варианте и командира батальона на вершине возможностей. По социальному же статусу они – старшины или прапорщики, впрочем, боевые прапорщики, которым у нас полковники с уважением руку жмут. Римские писатели изображали центурионов выносливыми вояками, далеко и сильно метаящими дротик или копье, орудуя мечом и щитом, но главное – умеющими вдохновить воинов и поддерживать дисциплину как во время походной жизни, так и в критических боевых ситуациях. Между тем от сотника требовалось не лезть в бой, очертя голову, и даже не искать боя. Он должен быть осторожен и осмотрителен, и только если бой неизбежен – стойким до смерти.

Все это уже важно для ответа на наш вопрос: почему центурион? Центурион опытен. Он не лезет в бой, как мальчишка, и не пьянеет от тщеславия, как полководец на победном пиру. Он часто видел смерть и поэтому должен беречь людей. Свой путь к командной должности он проходит по ступеням, а не прыжками. Сотником нельзя стать, не достигнув 30 лет. А время до 30 проведено в походах, тренировках, схватках,

беспрекословном послушании. Смерть не раз приходила к нему, чтобы потрепать то по плечу, то по щеке. И всякий раз от ее прикосновений оставался новый шрам. Оттого смотреть в упор на сотника трудно – глаза сами опускаются. Вся тяжесть организации повседневной жизни в легионах ложилась на плечи этих людей. Разбивка лагеря, чистка амуниции, тренировки, увольнения – все по его окрику. Спорить с ним легионерам или просто прекословить было нельзя под угрозой немедленной казни. Даже если сотник замахнулся для удара, провинившемуся угрожает смерть, если он дернется защищаться. Одних людей такое кровавое и суровое ремесло учило ценить хрупкую человеческую жизнь. Таким был, вероятно, капернаумский сотник, с великой верой просивший об исцелении отрока. Иные, без сомнения, черствели, и таковых всегда больше. Оттого не все сотники вообще ходили за Иисусом, как и не все блудницы омывали Его ноги слезами. Все это были редкие, но очень характерные и не случайные примеры.

Самый важный человек в любом ответственном и многолюдном процессе – это представитель срединного звена. На строительстве – это прораб, находящийся в середине между начальником строительства и армией каменщиков, штукатуров и крановщиков. На производстве – это начальники цехов, которые ходят на ковер к директору и сами распекают рабочих и мастеров в скромных каптерках. В образовании – это директор школы, сдавленный снизу детьми и учителями, а сверху – министерством и контролирующими органами. На судне, где все важно, посередке окажется боцман или кто-то из помощников капитана. Центурион именно таков. Без них жизни нет. Все, что в человеческом обществе движется и живет, движется и живет благодаря опыту и энергии представителей срединного звена. Такие, как он, хорошо знают жизнь нижних чинов, ибо сами родом оттуда. И они же близко знакомы с высшим начальством, от которых получают приказания и к кому входят с докладом. По сути, они знают все, насколько эти громкие слова относятся к человеку.

У нижних чинов в римской армии нет и не может быть, кроме редких исключений, личной инициативы. Чтобы солдату уверовать, нужно, чтобы вера пропитала саму солдатскую среду, чтобы солдат солдату на ухо в дозоре или на отдыхе рассказывал о Воскресении. Это совершилось со временем, и на это ушли столетия. До тех пор, пока вера не пропитает все общество, не просочится в армию и не станет внятной для всякого слуха, простому солдату нет возможности заинтересоваться новым учением, вникнуть в него. У него даже нет времени размышлять о нем. Поэтому римских солдат возле Христа мы и не видим. Сотник в более выгодном положении. У него больше личной свободы, денежное довольствие его превышает солдатское в несколько раз. У него не только денег больше, у него больше свободного времени, этого подлинного богатства, без которого не происходит развитие личности. У сотника есть возможность вникать в религиозные учения оккупированных стран, приглашать для беседы адептов, размышлять, читать. Если говорить собирательно, то у этого грозного рубаки, уже заработавшего пенсию и достигшего второй половины жизни, многое способствует пробуждению интереса к вечности, к Богу.

Но тогда напрашивается мысль, что высшее начальство еще более предрасположено к заинтересованности Евангелием и к усвоению его. Ведь у них еще больше личной свободы, плюс они образованны. Почему же восхваляются не консулы и проконсулы, не прокураторы и императоры, а сотники? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить, с каким страхом слушал Пилат крики толпы: «Если Этого не отдашь, ты не друг кесаря!» Пилат в Евангелии выглядит не более свободным, нежели разбойники, обреченные на смерть. Вот и ответ. Большие люди связаны еще большими страхами, нежели люди маленькие. У них больше времени и денег, но пропорционально к этому богатству они богаты страхом. А еще: развращением, умножившимися похотями, тщеславными

мечтами. Есть среди них льстецы и хитрецы, которые снуют вдоль стен по коридорам дворцов, а во время войны живут вдали от поля боя в дорогих палатках с обозом слуг и любовниц. Есть те, которые готовы слушать мудрецов и проповедников, но не ради истины, а чтобы время до ужина убить. Сотник отличается от всей этой развращенной знати так же, как отличается бригадир нефтяников с буровой площадки в Северном море от столичного мажора. Нужно думать, что в случае прихода в веру обоих (мажора и бригадира), образ жизни их еще очень долго будет сильно отличаться. Добавим, что среднестатистический сотник не склонен мечтать о себе. Ему известна высота планки, выше которой прыгать не стоит. Именно эта высота не известна тем, кто уверен о себе, что правит миром. Эти на глубинах безумия способны соперничать с Самим Господом Богом. А приближенные их, подобно Пилату, боятся доносов в Рим; подобно Сенеке, пьют только проточную воду, опасаясь яда.

Итак, не великие и не малые, не одетые в пурпур и не выстроенные в шеренги в отливающих на солнце латах, а сотник, один лишь сотник выступает на страницах Евангелия из плотной римской массовки. Он выходит вперед и от лица всего римского мира, уже стоящего на пороге новой веры, говорит Христу: «Я не достоин, чтоб Ты вошел в дом мой. Только скажи слово!»

Ну, а мы, глядя на него, а также на двух его братьев по оружию и вере – Лонгина и Корнилия – начинаем смутно понимать кое-что. А именно: как важен во всяком серьезном деле закаленный человек средних лет, помещенный в самую середину сложного коллектива, хорошо знающий свое дело, не хватающий звезд с неба, но достигающий главного – Богопознания.

Что я мог сделать один?

Бывает, что учишь-учишь какой-то предмет в школе или ВУЗе годами, а на выходе остается от него в памяти какой-то «пшик», и даже цвет обложки учебника говорит сознанию «прощай». А бывает, увидишь что-то мельком или услышишь, и останется это в тебе надолго, сам не знаешь – к чему или зачем. Очень по-лермонтовски получается:

Есть речи, значение темно иль ничтожно

Но им без волненья внимать не возможно...

Так однажды в перестроечные годы (годы перемен, «минуты роковые», будь они неладны) увидел я мельком кусок пьесы по телевизору. Кусок без начала и конца. Выходит юноша на сцену и, разводя руками, говорит: А что я мог сделать один? Потом выходит с другой стороны сцены из-за кулис другой человек и говорит: А что я мог сделать один? Потом тетка какая-то выходит и тоже говорит: Ну, а что я могла сделать одна? И так довольно быстро сцена наполняется разномастным народом, произносящим одну и ту же фразу: А что я мог\могла сделать один\одна? И мало ли я видел всяких пьес? А вот, поди ж ты – засела в меня эта картинка сценического действия без начала и конца, без имени автора и названия, случайно увиденная по телику в те годы, когда всю страну «позвали всеблагие, как собеседников на пир».

Вспоминается это сегодня потому, что многое множество равнодушных людей тревожно спрашивают себя и окружающих: Что можно сделать сегодня, когда новая большая война, быть может, на пороге; когда человеколюбцы и демократы брешут так, что листья жухнут и опадают на месяц раньше срока; когда в воздухе пахнет серой в то время, как на Юго-востоке пахнет порохом и разлагающейся плотью? Речь не о тех, кто

потерял родных и близких, кто увидел не по телевизору, а живьем настоящее лицо настоящего фашизма. Эти будут воевать, и грех сказать, что они воевать не должны. Но что делать другим, тем многим, которые нутром чувствуют, что «бой идет не ради славы» — ради гораздо более ценных и важных вещей? Власть размещает беженцев — спасибо ей. Журналисты и аналитики ведут информационное сопротивление, что важнее многих реактивных залпов. А миллионы простых людей, что могут сделать, кроме сдачи денег, вещей и продуктов на пункты сбора помощи? Короче, ситуация, как в перестроечной пьесе неизвестного автора: А что я мог сделать один?

Докладываю: человек, даже самый маленький, самый никчемный с точки зрения глянцевого журнала, есть таинственное средоточие и узел, в который завязаны все (буквально все) процессы, происходящие в мире. Таким человеком являешься и ты, и я, и любая бабушка, несущая кефир в авоське, и любой дворник, машущий во дворе метлой. В груди у каждого из нас есть сердце, к биению которого прислушивается Господь и к движениям которого присматривается. Даже одиночные мольбы и вопли, слезы и благодарения, благословения и молитвы Богу слышны и вняты. Они на жизнь влияют. Тем более, вопли собранные вместе.

Человек зажат условностями и всюду видит себя несвободным. Это факт. И только в области молитвы и веры человек совершает выбор и проявляет подлинную свободу. Благодаря молитве человек — говорит Паскаль — сам становится причиной. «Сделай вот это», — просит Бога человек, и Бог делает. Значит, человек — причина произошедшего, а Бог — исполнитель намерения. И эта привилегия совершенно демократично разделена на всех без изъятия. Нет ни имущественного, ни возрастного, ни иного ценза, кроме одного — веры. Есть вера — приступай к престолу благодати и проси, чего сердце хочет, чего совесть требует. Это подлинное оружие маленького человека. Было бы очень печально, если бы все поверили в то, что миром правит английский парламент, Римский клуб и Обама с Меркель. Только они, плюс — минус пару соответствующих фигурантов. Такую «дезу» нам впрыскивают в подсознание. На самом деле это не так. Обама умрет, и Меркель умрет. Все люди вообще умрут и будут судимы справедливым судом. Что они, что мы — прах земной. Сами небеса совьются, как свиток, и звезды будут однажды падать, как незрелые смоквы, а творящий волю Божию пребывает вовеки. Давайте будем смотреть на мир взглядом верующих людей. Маленьких, но верующих. У нас есть молитва — давайте постучим ею в двери Небесного Правосудия. Постучим не умиленным шепотом, а плачем, воплем, сильным внутренним криком.

От земли, говорит Писание, вопит к небу кровь Авеля. Вверх, неся жалобу, поднимается вопль Содомский и Гоморский; и удержанная плата работников тоже вопит к Богу (Иак.

5:4). Сами вопли обманутых жнецов тоже доходят до слуха Господа Саваофа (там же). Плач человеческий, таким образом, есть не просто соленая вода из глаз, а движущий фактор мировой истории. Значит, плачьте, люди, если вы неравнодушны к происходящему; плачьте, ибо наступило время плакать. Юмористические передачи пусть умрут в погасшем экране, а Псалтирь пусть откроется. Самое время. И не нужно думать, что мы можем молиться только о вещах пушистых и воздушных, сладких и приятных во всех отношениях. Иногда можно молиться и том, чтобы отлились кошке мышкины слезки. Ведь и Сам Христос есть не только Врач и Добрый Пастырь, но и Камень. Такой Камень, что если «кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» (Мф. 21:44). Раз-да-вит!

Согласен, что я человек маленький. Я даже комар, а не человек. Но «бессильному не смеяся. И слабого обидеть не моги. Мстят сильно иногда бессильные враги». Вот я крепко помолюсь Богу, чтобы Он вступился за обидимых и беззащитных, а заодно крепко наложил Свою руку на хребты тех, кто льет кровь, как воду и лжет, не краснея. Кто делает из войны повод для обогащения и вытирает ноги об обманутых людей, превращенных в пушечное мясо. Не я один помолюсь. Другие комары, подобные мне помолются, дадут залп из нашего общего и единственного оружия. И знаете, что будет? Треснут и рассыплются хребты у злодеев по соседству, и быть может даже у кукловодов по ту сторону Атлантики. Слишком уж они обнаглели от привычки к тому, что по причине географической удаленности чужая беда им за шиворот оловом не льется. Ужо погодите. На свете всяко бывает, и земля, как футбольный мяч – круглая.

«Илия», — говорит Иаков, — «был человек, подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть месяцев. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плод свой» (Иак. 5:17-18) Не с небом воевал пророк, а через засуху смирял Ахава. Видимо это был лучший способ дать царю-идолопоклоннику ощутить свою слабость и зависимость от Бога. Мы сегодня засухи просить не будем. Пусть синоптики делают свои обычные прогнозы и не ошибаются. Мы просто помолимся о том, чтобы смирились нынешние цари-идолопоклонники, « совещающиеся вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2:2) Ободримся тем словом, что «Илия был человек, подобный нам». Критический недостаток личной святости попробуем компенсировать многочисленностью и искренностью молящихся голосов. Запасемся терпением, поскольку хоть и в мгновение слышит нас Бог, но не в мгновение исполняет просьбы, зная для всего времени и сроки.

Вот, приходят свежие новости, кислые для злодеев и ободряющие для простых людей. Значит, кто-то в тылу крепко молится, пока бойцы на фронте храбро дерутся.

Крушение кумиров

В 23-м году прошлого века под Берлином прошел съезд русской молодежи. На этом съезде С. Франк зачитал доклад под названием «Крушение кумиров». Позже, в расширенном и дополненном виде, доклад стал отдельной работой, смысл которой горек и ясен – революции, войны, разруха, эмиграция есть плоды мысленного идолопоклонства и, одновременно, болезненное очищение от него. Работа предваряется цитатой из Иоанна Богослова: «Дети, храните себя от идолов». И как все, что сказано умно и по делу, работа эта актуальна и в наши дни.

Первым идолом Франк называет «идол революции». Нам сегодня *post factum* легко критиковать все, что связано с идеями и практикой социализма-коммунизма. Нам легко подбирать аргументы и доказательства. Куда тяжелее было в предреволюционную эпоху. Тогда всякий мыслящий человек, не согласный с необходимостью революционного социального переустройства, становился неким еретиком. Он подвергался обструкции, над ним едко и зло смеялись, его презирали. Что уж говорить о тех, кто сознательно выступал за сохранение тогда действовавших порядков? Эти до всяких Сталинов становились «врагами народа», ибо известно, что никто так не жесток и не беспощаден, как тучи либеральных мух, мелких по одиночке, и ужасных в большом количестве. Гражданский пафос! Любовь к народу! Сияющие глаза студентов, не начавших бриться и забывших умыться! Мы теперь знаем, что за всей этим массовым и несокрушимым психозом уже маячили со всей неумолимой логичностью и разрушение государственности, и миллионы жертв, и тысячи тюрем с лагерями. Тогда это видели лишь единицы, которых удостоивали смеха и не удостоивали внимания.

А что сегодня? А сегодня, словно в насмешку, многие продолжают думать, что «Все люди выходят добрыми из рук Творца», а зло есть лишь производное последствие ненормального общественного строя. То есть думают так же, как тогда, бессознательно пользуясь формулировкой Руссо, самого, естественно не читавши. Зло определяют, как нечто связанное с властью. Себя автоматически исключают из числа носителей зла (что есть катастрофическая ошибка) и остается только шаг шагнуть до демонстраций, флагов, транспарантов, бантиков на груди. Это конечно, если очередной ленин в plombированном вагоне приедет с западного направления. Ну, а там все по накатанному: расстрел мирной демонстрации, волна народного гнева, остановка промышленности, вши, окопы, слезы матерей... Кто виноват? Кроме прямых преступников, облеченных явной и тайной властью, все, кто верил в революцию, как метод достижения счастья.

У меня нет желания пересказывать статью (есть надежда, что досужие найдут и прочтут). Меня интересует актуальность мыслей, высказанных почти сто лет назад по, казалось бы, иному поводу. Итак, революция это идол, это алхимическая реторта, превращающая добрые намерения в концентрированное зло. Идол второй – политика. Под этим именем Франк понимает массовую уверенность в том, что некие политико-экономические союзы способны утолить окончательно голод души человеческой по основательному счастью. Крушение кумира «политики», по Франку, есть крушение веры в какой бы то ни было идеал общественного порядка, немедленное и полное осуществление которого уничтожало бы зло и водворяло бы на земле добро и правду. Отсюда не стоит – говорит автор – бежать ни в толстовство, ни в анархизм. Не стоит отрицать необходимость государства и различных межгосударственных союзов. Стоит только лишиться отношение к этим союзам того идолопоклоннического элемента, с которым, например, в Украине отнеслись к Евросоюзу и НАТО. Возведенные в ранг «богов», эти подлинно ложные боги, а значит и жилища бесов, требуют себе конкретных жертв из конкретной человеческой крови. Нужно

вернуться к классической формуле Евангелия, повелевающей отдавать кесарю только кесарево, и не больше, а Божие – Богу. Стоит также отдать поклон В. Соловьеву и процитировать его слова о том, что смысл государства не в установлении на земле Рая, но в недопущении установления на земле Ада.

Третий идол по Франку – культура. Позволю себе пространную цитату, ибо она похожа на отрывок из свежей, а не столетней давности, газетной статьи. Итак, «Мы восхищались культурой Европы и скорбели о культурной отсталости России. В Европе мы во всем усматривали признаки «культуры»: в обилии школ, во всеобщей грамотности, в том, что каждый рабочий и крестьянин читает газеты и интересуется политикой, в твердости конституционно-правового порядка, в уважении власти к правам граждан, в жизненном комфорте, в удобстве путей сообщения, в высоком уровне научных знаний, в широкой гласности и чувстве собственного достоинства, в Трудолюбии и промышленном богатстве, в общей налаженности и упорядоченности жизни — и еще во многом другом, что было бы слишком долго пересказывать. Конечно, мы не закрывали глаз и на темные стороны европейской жизни — мы замечали в ней и эгоизм, и мелочность, и мещанскую пошлость и ограниченность, и обилие «буржуазных предрассудков», и жестокость репрессий в отношении нарушителей буржуазного права и морали, и слепой и хищнический национализм. Но в большинстве случаев нам казалось, что эти темные стороны суть еще непреодоленные остатки прошлого, которые сами собой постепенно будут устранены дальнейшим развитием культуры». Себя самих русские люди с некоторой долей ложного смирения причисляли к «недоделанным европейцам», и считали, что будущее наше все равно там, только для этого нужно потрудиться. И тут грянула Великая война.

Она показалась сначала случайностью, досадным промахом, который вот-вот потухнет, истратив заряд. Потом стало очевидным, что европейский человек вцепился в горло исторического соседа с упорством долго не евшего хищника, и это не закончится ни скоро, ни легко. Фантастическое количество жертв, война в воздухе, на суше и в море, тотальное господство не просто желания победить врага, но уничтожить его, вычеркнуть из числа существующих, превратить в пыль — все это сильно потрясло дотеле благодущные умы. Сама цивилизация стала проклятием, потому что кому нужна эта хваленая машинная точность, достижения химии и покорение воздуха, если работают они на сверхмощную артиллерию, газовые атаки и бомбардировки с воздуха.

А потом была революция в России, говорить о которой трудно из-за слез. Потом – революция в Германии. Потом – Версальский мир, показавший, что «правда и справедливость это пустые слова», что корысть, эксплуатация и лицемерие есть набор констант европейской политической жизни. Одним словом, наступило горькое прозрение. И ведь сказано это до Второй Мировой войны, до Хиросимы, до Вьетнама и проч. Теперь, говорит Франк, мы видим шофера или швейцара с газетой, но уже не восхищаемся его политической грамотностью. Мы знаем ей цену. Мы слышим речи парламентских ораторов, которыми когда-то восхищались, и нас тошнит как от их пустозвонства, так и от своей глупости: «Надо же было купиться на такую дешевку!» Прозрение наступило.

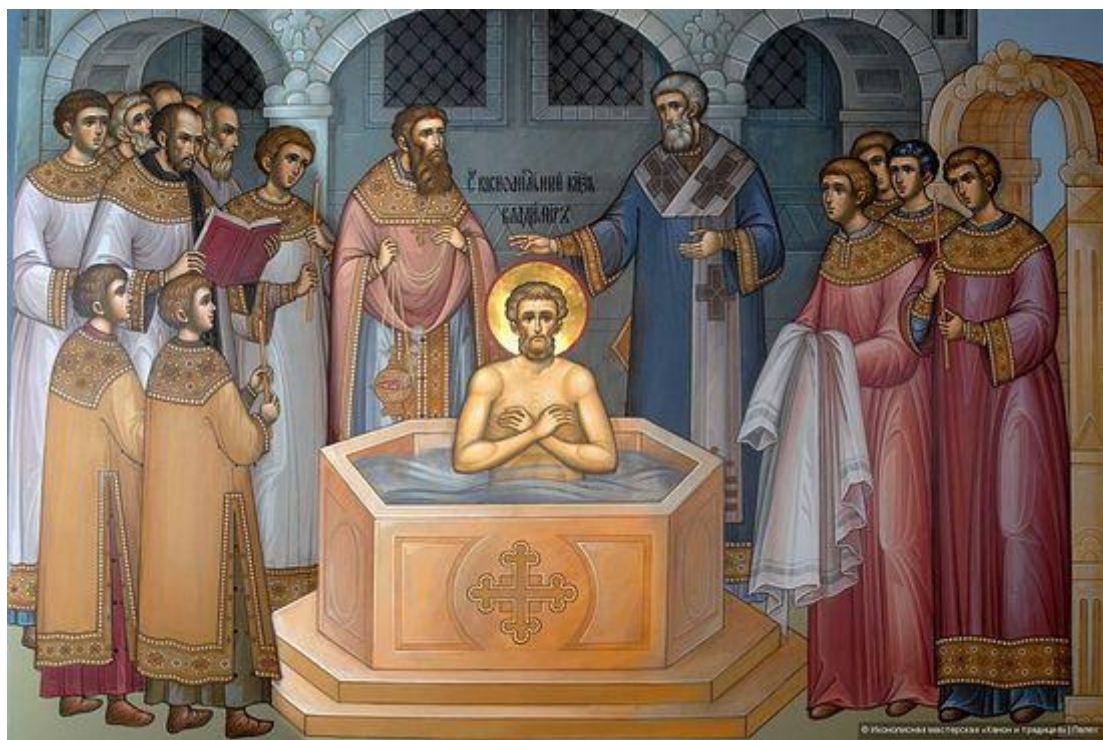
Франк много чего пишет, и пишет ярко, выстрадано. Поэтому я в очередной раз высказываю надежду на то, что пытливым найдет и прочтет. А мы скажем – третий идол пал. Последний идол в списке – идейность. Долгие годы считалось, что человек без идеи это примитивный обыватель. Чего от него ждать? От идейных ждали всемирной справедливости, а от безыдейных только песен под гитару. 20-й век показал, что ложная идейность несравнимо страшнее всякой безыдейности. Ложная идея это бес, антонов огонь, чума информационного века, оружие массового поражения. 21-й век только продолжает доказывать эту странную истину. Идейные террористы, идейные фашисты, националисты... Им имя легион. Они не спорят и не слушают другую сторону. Другая сторона у них и заклеимена и приговорена. Вопрос лишь в сроках. Бычной чужевечности от них не жди, как будто не обычная мать их грудью кормила. С простым договоришься, с идейным нет. Простой простит и забудет, идейный расстреляет. И все потому что идеи ложные, узенькие, бесовские. Все зараженные ими смертельно опасны уже не для отдельного человека – для целых стран и континентов, и трудно найти кого-либо более опасного чем они.

Букв мною уже написано много. Я планировал меньше. Поэтому, оставляя удивительную статью Франка на проработку и личную оценку умного читателя, подхожу к главному. Когда разочаруется человек в заблуждениях молодости, в идолопоклоннических кувырканиях перед истуканами глиняными, серебряными и пластмассовыми, когда тошно станет ему оттого, что жизнь он прожил лживо и даром, что остается ему? Ему остается найти Бога. Та пустота, в которой он оказался после крушения ложных ценностей, это и есть среда встречи с Подателем Жизни. Пустота сия

провиденциальна. Это та пустыня, где происходят самые важные в истории диалоги, подобные диалогу близ горящей Купины. И в самом крушении идолов заложен тот положительный смысл, что иначе нельзя познать Единого, как только перешагнув через бесчисленные обломки рухнувших Астарт, Ваалов и Перунов. Пустота, горечь и одиночество есть предварительные условия обретения Бога. А вместе с Ним – всего доброго вообще, ибо Он – источник всего доброго. Он Сам ждет этих множественных обращений, для чего попускает лжи разоблачиться, скомпрометироваться, завоняться. Словно говорит: «Уходи оттуда, человек. Не там смысл, не там полнота и счастье»

А если не произойдет обретение, не произойдет встреча? Если не поймет человек, не заметит, отвернется? Что ж. Тогда вариантов нет. Человек такой погибнет. Погибнет страшно, бессмысленно и навсегда.

Пастыри о духовном родоначальнике русского народа

Крещение князя Владимира. Иконописная мастерская «Канон и традиция»

Древнерусские книжники называли князя Владимира равноапостольным, ибо подвиг его вполне соизмерим с апостольским: великая страна его стараниями была просвещена светом христианской веры. Однако как тогда, так и сегодня есть те, кто негодует о выборе князя Владимира. Кажется, что выбери князь Владимир не Православие, а, например, иудаизм или мусульманство, жить русскому человеку было бы легче. Корреспондент портала Православие.Ru попросил архимандрита Алипия (Светличного), протоиерея Артемия Владимирова и протоиерея Андрея Ткачева поразмышлять о том, что было бы с нами, выбери князь Владимир другую веру.

**Вера для него стала чем-то единым,
была дороже воздуха, солнечного света, пищи и питья**

Протоиерей Артемий Владимиров, старший священник и духовник Алексеевского женского монастыря, член Союза писателей России:

— Будем помнить, чем отличалась эпоха средневековья, когда в X веке Киевская Русь приняла Православие. Нынешние люди, смилившиеся с наименованием «потребителей» и «обывателей», даже не представляют себе, чем жило сердце князя Владимира, когда он, находясь в мучительных поисках веры, желая осмыслить свою жизнь, искал духовных учителей, за которыми мог бы последовать. Сегодня принято говорить о его широкой натуре, о том, что без горячительного нет веселья на Руси. Но мало кто знает, что ещё с ранних лет, слушая рассказы своей благочестивой бабушки, княгини Ольги, будущий великодержавный князь задумывался о служении всемогущему Творцу неба и земли. И, видимо, ждал своего часа. Вера для него стала чем-то единым, была дороже воздуха, солнечного света, пищи и питья. Ему как гениальному правителю, стратегу и милостивому владыке, отвечавшему за тысячи человеческих душ, стало в определенный момент очевидно, что развитие государства, укрепление Киевской Руси невозможно на обветшавшем фундаменте язычества, сопровождавшемся разгулом страстей и раздробленностью племен. Поэтому князь Владимир, как свидетельствует его житие, со вниманием выслушал доводы всех приглашенных им проповедников и учителей веры.

Считаю излишним отвечать на вопрос: не лучше ли бы вовсе обойтись без религий? На этот вопрос ответил еще в античные времена древний историк Плутарх. В своей книге он пишет: «Много я обошел народов и царств, но не нашел ни одного племени, которое тем или иным образом не выражало своего почитания Богу, не служило Ему, не молилось бы на понятном для них языке».

Только современный обыватель, уходящий в компьютерное зазеркалье, может предполагать, что религия обедняет человеческую душу — напротив, именно она как поклонение Богу возвращает человеческое достоинство, дает ему нравственные силы осуществлять свое разумное служение людям, препятствует поклонению греху и пороку, а ведь это неизбежный удел всякого циника.

Читая жизнеописание святого князя Владимира, мы видим, что он последовательно отверг как талмудический иудаизм с магометанством, так и латинство, окончательно отпавшее от Православия в XI веке. Из самого текста видно, что для князя Владимира, быть может, еще не разбиравшегося в богословских тонкостях, большое значение имел эстетический фактор. Славянство, наделенное Богом чувством красоты и пониманием гармонии, в лице посланных князем Владимиром гонцов в Константинополь было покорено богослужением в великой Софии,

ибо посланцы не знали, где они находились: на земле или на небе. Их выразительный рассказ о великолепии храма, о красоте пения, о пышности самой службы, предрешил выбор прозорливого князя в пользу византийского православия.

Ни занудные причитания иудейских священников, ни намаз магометан, ни психологическое давление западных проповедников не смогли привлечь князя на их сторону. А вот икона Страшного Суда, принесенная греками в Киев с объяснением конечных судеб человечества, евангельская нагорная проповедь и возвещенные Христом шесть дел христианского милосердия: голодного накормить, жаждущего напоить, нагого одеть, странника ввести в дом, посетить болящего, навестить заключенного — нашли отклик в сердце киевского кагана — так называли современники своего правителя.

Впоследствии святой Владимир явил такую разительную перемену в жизни, отрешившись от пережитков и излишеств предыдущего языческого периода, что греческие священники сочли необходимым умерять пыл христианского благочестия в правителе, убеждая его не выпускать из тюрьмы находившихся там разбойников, указывая на печальные социальные последствия этой монаршей милости.

Почему же мы прославляем святого князя Владимира в чине, равном апостолам? Именно потому, что он является родоначальником и духовным отцом русского народа. Его молитва, произнесенная над берегами Днепра во время массового крещения киевлян, явила свое действие и в последующих веках. И сейчас, когда Киевская Русь переживает один из самых драматичных моментов своей истории, когда ее лидер повернулся к Западу, давно живущему во тьме неоязычества, мы верим, что тысячелетние корни этой земли, соединяющие Великую, Малую и Белую Русь, не пересохнут, но дадут свои свежие побеги. Верим, что произойдет, пусть не без скорбей, слез и крови, отрезвление части украинского народа, и он вновь вспомнит о своем историческом призвании, о своей славянской миссии: пребывать в неразделимом единстве с прочими православными славянскими народами, ибо наше неделимое Отечество, как сказал недавно Святейший Патриарх Кирилл, есть отражение тайны Святой Троицы. Наши три братских народа, имея свой самостоятельный политический статус и бытовую культуру, в сущности своей являются единым православным народом, восходящим к Святой Руси, и заслуга в этом принадлежит преимущественно святому равноапостольному князю Владимиру, память которого мы совершали и будем совершать с благодарностью к нему как к нашему отцу во плоти и по духу.

**«Духовная составляющая —
бесприоритетный вариант в объединении народа»**

Архимандрит Алипий (Светличный), настоятель храма святых апостолов Петра и Павла на Нивках в Киеве: — Выбор князя Владимира был связан с очень многими факторами. Это и геополитика, и возможность породниться с императорским домом Константинополя, и, конечно же, духовные позывы. Заметим, что греческая религия уже давно и прочно вошла в жизнь древних русичей, и те не возражали против присутствия христианских храмов в своих городах. «Местные» язычники, скорее всего, были довольно мирными в соблюдении языческих ритуалов. Лишь «заезжие» боги вроде Перуна требовали человеческих жертвоприношений. Возможно, из-за этого была какая-то ссора между жрецами киевского пантеона. Иначе князь не стал бы искать новую веру для своего народа. Создавая новое государство, великий князь думал о том, чем объединить разные племена. И бесприоритетным вариантом в то время стала именно духовная составляющая.

Почему Православие? Во-первых, бабка князя Владимира приняла Христа в Царьграде. Во-вторых, Константинополь и греческая Таврида — ближайшие торговые соседи. При этом в Риме творились безобразия с папами — скандалы, утрата духовного авторитета. Иудаизм в глазах князя был повержен в лице хазар. Ислам был еще слишком молод и агрессивен, а князю нужна была стабильность в стране.

Выбор произошел скорее по наитию. Эстетический восторг перед греческим богослужением у посланцев решил дело. Князь поехал креститься. Причем не просто принимать христианство, а по своему обычаю добывать его силой. Именно так он ранее создал пантеон богов в Киеве, захватив их у разных покоренных племен. Возможно, и христианская икона могла бы стоять посреди языческих идолов! Но Бог действовал Своим Промыслом, и князь был покорен слепотой. Поэтому Владимир вошел в Херсонес без традиционного грабежа, и в крещальную купель — со смиренным.

Вместе с князем и Русь прозрела. И хотя она до сих пор не все ясно видит, но близко стоит к Богу, от того и прозвана «Святой Русью»!

Ну, а кто сегодня желает стране другой судьбы посредством новой религии, тот уже опоздал на тысячелетие — выбор сделан. И наши православные народы внесли свой вклад в культурную копилку мира уникальным искусством, навеянным Православным исповеданием веры; в мудрость мира вошли учения великих подвижников Церкви; о загадке человеческой души спорят на основании трудов великих русских писателей, живших в традициях Православия.

А то, что воспользовался этим хитрый и ушлый западный мир, переняв многие достижения русских смекалистых самоделкиных и ученых, то это другой разговор.

Так уж случилось, что прислушался князь к своему сердцу, повлекла его душа в мир Божьей красоты, а слепота дала возможность внимательнее взглянуть внутрь себя, чтобы убедиться в правоте выбора веры.

Кто критикует его, тому самому стоило бы на время уйти от пустого соблазна и пожить прежде в тишине своего сердца, познавая величие Православия, чтобы убедиться не только в его истинности, но и будущности.

**«Следует признать православную веру
как совершившийся факт тысячелетней истории Руси»**

Протоиерей Андрей Ткачев: — Я думаю, что не стоит даже упражняться в фантазиях на тему того, что было бы с нами, если бы князь Владимир выбрал иудаизм или мусульманство. Следует покориться воле Божией и признать православную веру как совершившийся факт тысячелетней истории Руси и не утомлять себя бесплодными фантазиями. Для тех, кто недоволен выбором: сегодня мы живем во времена религиозной свободы: хочешь отказаться от христианства — в общем-то, никто кроме Христа и собственной совести тебя не удержит — отказывайся. Хочешь иметь четырех жен — имей, многие имеют и больше. Хочешь отвязаться от всех нравственных принципов — отвязывайся. Тебя будет держать только Уголовный кодекс, но только потом будет Страшный Суд, на котором придется отвечать за свои грехи. Сегодня мы живем во времена религиозной свободы, когда никому ни о чем жалеть не приходится. Люди свободно избирают веру, у них есть такая возможность, но наша прожитая история такова, что мы выбрали Православие. Поэтому мечтать о том, что было бы иначе, не стоит.

Было у отца два сына

С этих слов может начинаться сказка, может — библейская притча. В ответ на веление отца идти и работать в винограднике, один сын говорит «иду», но не идет. А другой говорит «не пойду», но потом, раскисавшись, идет и работает. И в притче о блудном сыне оба брата противостоят друг другу, как ночь и день. Младший обижает отца и губит свою часть имения, а старший верно и неотлучно служит родителю, но нет в нем ни любви, ни жалости, а одна только обида и зависть. Так получается, что куда ни глянь, если есть два брата, то отношения между ними драматичны и противоречивы. Каин поднимает руку на Авеля, Иаков крадет у Исава первородство, Фарес и Зара устраивают борьбу в утробе Фамари за право родиться первым. И если смотреть на дело с библейской точки зрения, то вряд ли захочется лепить «братство» вместе с «равенством» и «свободой» внутри одного революционного лозунга.

Было два сына и у того отца, которого яркими красками написал незабвенный Гоголь. Разумеется Тараса Бульбу и детей его — Остапа и Андрея. Эти двое тоже антагонисты под стать библейским. Одна у них кровь, одна утроба их выносила, на одной лавке в бурсе они выслушивали уроки, сдобренные тумакami, но разные у них характеры и судьбы. А обратить на это внимание стоит потому, что написанное Гоголем не есть «слова, слова...», а работа с глубинными архетипами, действующими на больших исторических просторах.

Остап крут. Особых авторитетов для него не существует, и это он готов с батькой на кулачках драться. А Андрей более тонок, более нежен, что не мешет, однако, ему быть храбрым рубакой. Но в оконцовке именно Остап остается предан и народу и вере, а Андрей меняет веру, рубит своих и бесславно погибает от руки собственного отца. Причина — любовь к полячке, но поскольку речь не об амурных фактах, а об архетипах, можно договориться нечто самим Гоголем прямо не сказанное. Остап это образ Восточной Украины, а Андрей — Западной. В этом смысле влюбленность в полячку есть образ влюбленности в чужую культуру, это плененность чужими красотоми, ради которых все свое способен человек возненавидеть.

У каждого Андрея своя полячка, своя причина для измены. Исторически наши люди влюблялись во время оно во все французское, салонное. Засоряли язык и говорили картаво, напяливали на себя чулки с париками и плакали над французскими романами. А ведь и верой пренебрегали, нахватавшись легких мыслей у энциклопедистов. Целая эпоха ушла на это. Потом пришел Наполеон и вышиб клин клином. Затем сменились времена и стали влюбляться во все немецкое, научное. По Шиллеру учились чувствам возвышенным, Гегеля толковали, как Библию. В эти двери и Маркс со временем вошел. Нашим же современникам хорошо известна влюбленность в Америку, «где я не буду никогда». Не в Европу, заметьте, а в Америку. Не в Моцарта, а в Пресли. Не в Каллас, а в Монро. Нас действительно очень «долго учили любить ее запретные плоды». Все кокакольно-джинсовое и рокнрольно-голливудское изрядно пропитало в свое время сознание миллионов наших людей, и тот кто выздоровел, знает, как не проста и длительна реабилитация. А значит нам должна быть внутренне понятна трагедия Андрея. Он опьянел без вина, он подумал, что Рай нашел. Потом он позволил перемениться своему внутреннему миру, и лишь потом стал предателем. Его не ругать надо. Его надо опознать в самом себе, в истории своих внутренних скитаний. Его стоит заметить и в своих современниках, которые вытягивают шею, вглядываясь в прекрасное далеко, которые любят все чужое и не замечают красоты и истины у себя под носом.

По Гоголю Украин фактически две, как два сына у Тараса. Украина едина в том смысле, что из одной колыбели вышли обе ее родные половины, и она же разделена судьбой и характером двух братьев. Разделена она не по линии Днепра, а по сердцу, и это есть подлинное разделение, поскольку через сердце мост не перебросишь. Разделение никем не придумано. Оно фактически существует, и нужно быть слепым, чтобы идеологией отмахиваться от фактов. Вовсе не нужно смотреть друг на друга в прицельное устройство, чтобы заметить разницу. Достаточно посетить два места — Львов и Хортицу. Хортица это козацкие места. Там весело жилось и сладко спалось Тарасу с сыновьями. Деревянный чостокол и такая же деревянная церковь. Куры в пыли, неприхотливый быт, смесь военного братства и монастыря, а иногда — безудержное гульбище, вот что такое Хортица. А Львов это место, куда, образно говоря, переселился Андрей после перемены веры. Магдебургское право, мощные улицы, высокие костелы, прохладные внутри, с белыми свечами на алтаре. За каминную трубу плати, за лишнее окно плати, что с возу упало на торговой площади в базарный день, то переходит в городскую казну. Закон жесток, но иначе людское море внутри городских стен не сдержишь. Все хорошо, но все совершенно другое.

Стоит напомнить, что люди, покуда не научатся по-настоящему любить ближнего, «другое» и «иное» склонны воспринимать, как «чужое». А уже «чужое» склонны воспринимать, как синоним «вражеского». «Чужой» почти всегда враг. На него смотрят с опаской. Белой вороне смерть в стае ворон обычных. Всюду и всегда в истории жители городов, прячась за стенами, с опаской смотрели в степь: не скачут ли кони, не идет ли вражеское войско? Степь и город противостоят друг другу всегда. Помирить их почти невозможно. И вольный дух воинственной, аскетичной Хортицы, этой славянской Спарты — полная противоположность торговому духу изящного Львова, обвешанного каменными кружевами. И Андрей, влюбляясь в полячку, влюбляется не в нее только, но во все, что стоит за ней: моду, манеры, культурную пышность, ученую казуистику образованных прелатов. Отныне его словарь будет все больше пропитываться польскими терминами и обрывками латинских молитв. А Остап с Тарасом как прежде пахнут ветром и по ночам зачарованно смотрят на Млечный путь. Они ловят рыбу в запрудах Днепра руками, вдыхают роскошные запахи степи и согласны драться с любым количеством врагов в любое время суток. Особенно — за веру. Кто же может сказать, что Остап и Андрей едины, и ничто их не разделяет?

Кстати, однажды войска Хмельницкого во время освободительной войны фактически осадили Львов. Осадили его, как польскую крепость, хотя доля украинского населения была в городе значительна. Но «Андрей» не вышел тогда за стены воевать с «Остапом». И перспектива осады горожан не прельщала. Мещане (поляки, украинцы, армяне и евреи) откупились от казацкого войска, и Хмельницкий пошел дальше, оставляя Львов в тылу. Таковы исторически могут быть отношения двух разных Украин — степной и городской; восточной и западной; православной и католической, вышедших из одной колыбели, но разошедшихся в разные стороны. И странно, что во Львове сегодня громче всех поют о «козацком роде» (не было во Львове козаков). Странно и то, что там же громче всех говорят о голодоморе (не было голодомора во Львове, но был он гораздо восточнее, в другой стране тогда) Ну да ладно. Странности перечислять — бумаги не хватит. Вся жизнь есть некая странность, в зависимости от точки зрения. Вернемся к Гоголю.

Героический эпос изобилует смертями, и смерти эти таковы (выписаны так), что героика у читателя вытесняет страх. Кто опьянеет от книг, тот рискует легкомысленно отнестись к смерти. Это опасно. Но и тот, кто книг не читает, тот не сможет осмыслить реальность и будет ошибаться. Реальность же такова, что героизм в ней присутствует, но ничего до конца не вытесняет. Тарас сгорел на костре, зажженном поляками, Остап погиб на дыбе, Андрей раньше другой родни умер от пули, выпущенной его могучим батькой. Таков конец главных действующих лиц «Русской Илиады».

А что сегодня? Сегодня умершие от пуль и сожженные украинцы исчисляются уже сотнями и сотнями. Есть и замученные, умершие под пытками. За что? Почему? Быть может потому, что братское единство достигается не повторением политических мантр, не финансовой помощью и «ценными советами» иностранных благодетелей, а правильной реакцией на реальность, которую вначале предстоит почувствовать и определить. Если различия внутри народа есть и они значительны, не нужно уперто твердить, что различий нет, а говорящие иначе — враги и террористы. Достигать единства ценою сожжения Хортицы или ценою осады Львова, ценою уничтожения одной из Украин — нельзя. Нужно сохранять и то и другое, и желательно с жителями, а не в виде опустелых безлюдных строений.

Не знаю поздно сказаны эти слова, или вовремя, но людям не нужно было бы жать на спусковой крючок, если они чаще листали страницы бессмертных литературных произведений.

У горшечника

Восточный город – это огромный мир, подлинный улей. Улочки обязательно тесные ради тени, без которой – беда. Хорошо бы и потолок высокий в доме иметь. При высоком потолке жаркий воздух вверх поднимается, а внизу прохладно. Но высокий дом – роскошь. У всех простых людей дома тесные и низкие. В них только ночевать хорошо, а жить – на улице. Там же и работать. Прямо за порогом сидят на улице под навесом и жестянщик, и чеканщик, и сапожник, и продавец сладостей. Жены их – за спиной, в доме, и лиц своих не показывают. А эти стучат молоточками, скрипят и шумят прочим инструментом, переговариваются, однообразные мелодии под нос напевают. А еще дети в уличной пыли визжат и галдят, и музыкант вдали по бубну быстрыми пальцами бьет, и осёл чей-то нет-нет да вскрикнет ослиным своим голосом. Так наступает вечер, затем – ночь, затем – новый день. Люди веками вот так работали, спали, ели, искали нехитрых развлечений в одном и том же обжитом и многолюдном замкнутом пространстве, внутри стен.

А если выдавался у них праздный день, то как они отдыхали? Как и мы, хоть не было еще в помине ни аквапарка, ни игровой приставки. Нет для взрослого и жизнью битого человека большего развлечения, чем смотреть на горящий огонь, бегущую воду или другого работающего человека. И когда ты в думу погружен, а возле тебя чьи-то ловкие руки колдуют над кожей, или деревом, или глиной, то странные мысли рождаются в твоей голове, и неясно, что этим мыслям причина: твои ли думы или ловкие движения чужих работающих рук. Любил, размышляя, ходить по мастерским астроном, более известный как поэт, а еще более – как певец сбродившего сока виноградной лозы, по имени Хаям. Точнее – Омар Хаям, а еще точнее – Гиясаддин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури, но это уже совсем сложно и мало кому интересно. О чем он думал, глядя на работу ремесленников, говорят его стихи. Он часто думал о том, что человек смертен. При этом он вспоминал, что сотворен человек Богом из праха, точнее – из глины. И значит, Господь – немножко Гончар. Даже и не немножко. Он – Гончар и Чудотворец, оживляющий глину. Поэтому ходил Хаям часто наблюдать за работой горшечников, гончаров. И думал при этом об ушедших поколениях, о своей будущей смерти, о том, справедлив ли мир, Богом сотворенный, или есть в нем какая-то ошибка. Страшные вопросы. А гончары перед ним мяли руками и ногами глину, топтали ее и били кулаком, размягчали и шлепали звонко на гончарный круг, что крутится, как звездное небо, на которое так часто по ночам смотрел из окон своей обсерватории Хаям. И строчки сами собой рождались в его уме:

*Те гончары, что глину мнут ногами,
Хоть раз бы пораскинули мозгами – Не стали б мять.*

*Ведь глина – прах отцов.
Не стоит так вести себя с отцами.*

Гончары знали, что он чужак. Знали, что муллы считают его вольнодумцем и говорить с ним небезопасно. Впрочем, султаны любят его. В Исфахане, Бухаре, Самарканде – всюду он почетный гость. Но говорить все-таки с ним опасно. Да и работать надо. Так думали горшечники, не поднимая глаз от гончарного круга. А поэт-астроном уходил молча, как и пришел, глядя под ноги и связывая в голове новые строки:

*Эти камни в пыли под ногами у нас
Были прежде зрачками пленительных глаз...*

Точно так же, как в Бухаре заходил к гончарам в XI веке от Христова Рождества поэт и астроном Хаям, заходил к ним и живший гораздо раньше в Иерусалиме пророк Иеремия. Заходил, правда, не для отдыха, а потому что так повелел ему Бог. «Встань, – сказал, – и сойди в дом горшечника, и там Я возведу тебе слова Мои». И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале» (Иер. 18: 2–3).

Иеремия не был поэтом и астрономом. Он был пророк. Он носил в себе боль знания о будущем – о разрушении Иерусалима, – и с этой болью, с утраченным вкусом к жизни он ходил по улицам города. Смотрел, как идет дым из очагов, которые скоро остынут; как горячо спорят соседи о вещах, совершенно не важных в свете того, что случится с ними вскоре. Когда горшечник работал, Иеремия думал обо всем этом. «И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось сделать» (Иер. 18: 4). И пока искусный человек привычно добился от глины того, чего хотел, придав ей нужную форму, было слово от Бога к Иеремии, слово, которое слышал Иеремия, но не слышал работающий гончар. «Не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику сему? – говорит Господь. – Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке, дом Израилев. Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему»» (Иер. 18: 6–8).

Иеремия всё понял и всё всем пересказал. Но люди ничего понимать не хотели, и Иерусалим превратился в груды развалин, а гора Дома Господня стала лесистым холмом. Безымянный горшечник, за работой которого наблюдал пророк, вероятно, ушел в Вавилон в числе прочих пленников и там, в земле изгнания, тоже делал горшки. А может, сгинул при осаде города. Но слова пророчества остались написанными. Зачем? Что я должен понять из них? Что я – глина, всего лишь говорящая глина, и «горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: “что ты делаешь?”; и твое дело скажет ли о тебе: “у него нет рук”?» (Ис. 45: 9).

Но вот, я препираюсь, и многие из тех, кого я знаю, тоже препираются с Создателем. Мы не то что недовольны жизнью, что было бы мелким бунтом, но мы часто недовольны всем миропорядком и готовы его «исправлять». Это как если бы кастрюля заговорила с хозяйкой о рецептах борща и стала вырываться из рук. Люди именно так и говорят: «Что Ты делаешь?» – и думают, что всерьез способны давать Богу советы, как править миром. Вот это, говорят, должно быть так, а не так, а вон то вообще быть не имеет права. Откуда это? Может, это оттого, что мы не видали, как действительно работает горшечник? Может быть, кузнецы и гончары, работающие на наших глазах, научили бы нас чему-то такому, чему не учит ни школа, ни телевизор?

Я хожу по улицам городов и без толку желаю найти мастерскую горшечника. Не могу найти. Часовую мастерскую – могу, и пиццерию – могу. Могу найти спортзал и парикмахерскую, табачную лавку и магазин CD-дисков. А гончарню – не могу. При этом мысли Хаяма тревожат меня, и тревога Иеремии о народе мне отчасти понятна. Все мы глина: и я, и ты, и Америка, и Китай, и Россия, и Израиль. Гордиться нельзя. Никому. Нужно смиряться и трудиться. Нужно трудиться и каяться. Слава от Бога труженику будет, никуда не денется. А преждевременно гордящегося можно легко перекалificarовать из кувшина для молока в кувшин для помоев. Ведь одни сосуды в честь, а другие – нет, как написано: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим. 9: 21). И кто, думаю я, бунтует больше: ночная ваза или горшок для топленого масла? И кто я сам такой? И

куда вообще мне идти со своими мыслями, чтобы посмотреть на вращающийся гончарный круг и вдруг прозреть, увидеть разом простой ответ на связку сложных вопросов?

Не нашел я гончаров и их мастерские, но нашел Иеремию и Хаяма. Еще нашел Давида, сказавшего о Христе: «Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника» (Пс. 2: 9). Нашел и Откровение Иоанна, где о Господе сказано: «Он был облечен в одежду, обагренную кровью. Имя Ему: “Слово Божие”». И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облеченные в виссон белый и чистый. Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным» (Откр. 19: 13–15). Много я нашел, не найдя ни одного гончара в округе. И Хаям остался мне близок. Вот, например:

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

Расширенный список грехов, или Как готовиться к исповеди

Как не превратить подготовку к исповеди в желание жить в барокамере

Грех познаётся не от того, что мы берём книжку и изучаем разные проявления греха в человеческой жизни. Вернее, он может так познаваться, но не будет оплакан, определён как враг. Грех познаётся только под действием благодати.

Если Вы уже причисляете себя к верующим людям, то наверняка Вас тревожит вопрос исповеди – того, что там говорить. Да и вообще – грех со всеми его ответвлениями Вас наверняка тревожит.

Так вот, превращаться в следопытов и выискивать грех не надо. Существуют своеобразные методические рекомендации с точными перечнями всех грехов. Как есть справочники всех болезней, и они очень объёмные. И один вид этих справочников – их объём, убористость текста, сложность языка и обилие информации могут испугать человека: неужели вот так болеют люди?

Такие же списки можно наколупать и в человеческой душе. А чем более усложняется жизнь и общество, тем больше возникает специфических ответвлений греха – информационные грехи, цивилизационные болезни. И получается дурная бесконечность. Абсолютно дурная, абсолютно бесконечность.

И человек думает: «Ну, в чём же мне каяться?» И получается – либо он вообще ни в чём не виноват, либо уж настолько виноват, что писать это всё надо не на бумажку, а в книжку.

Мне кажется, что это – такая серьёзная запятая на пути всякого христианина и, если к этому неправильно подойти, дальше уж никуда не пойдёшь.

В качестве робкого совета бы рекомендовал людям поменьше читать «расширенных списков грехов с их ответвлениями и модификациями». Чтобы не впасть в такую любовь к чистоте, которая родит у Вас желание жить в барокамере.

Можно любить чистоту, но надо понимать, что любая чистота относительна, и всегда будет какой-то уголочек, где есть какая-то пылинка-соринка. Если же пытаться достичь абсолютной чистоты, то можно заболеть на эту тему.

Как обнаруживается грех? Только при наличии яркого солнечного освещения. Грязь видна только при дневном свете и при ярком солнце. Если светит, например, фонарик или электрическое освещение, ни пыль, ни грязь на полированной поверхности себя не обнаружит.

Грех познаётся не от того, что мы берём книжку и изучаем разные проявления греха в человеческой жизни. Вернее, он может так познаваться, но не будет оплакан, определён как враг. Грех познаётся только под действием благодати. Когда благодать Божия реальным образом коснётся человеческой души – только тогда человек будет читать свою, а не чужую жизнь, как книгу. Тогда на нём исполнится пушкинское слово:

...с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю,

«Не смываю» – в том смысле, что эти строки уже есть, и делать вид, что их не было – глупо.

Так вот, под действием Божественной благодати человек может совершить переоценку своей жизни и прочесть свою книгу как книгу греховных поступков.

И хороших тоже. Ведь человек – не бес. И когда говорят: «В моей жизни всё было – один грех», – то субъективно он говорит правду, но объективно это не так. И, кроме, может быть, Нерона или другого такого же странного упыря и чудовища, человека без добродетелей не бывает.

Поэтому хочется пожелать, чтобы человек был объектом воздействия благодати, и искал её, а не энциклопедических знаний о грехе. Чтобы он искал благодати, которая откроет ему именно его жизнь, а не жизнь другого человека. И тогда станет возможно чтение в книге его жизни тех строк,

которые пока ещё не смыты, но которые реально смыть в случае, если прольются благодатные слёзы.

Возникает вопрос, а как эту благодать искать. Но вы, главное, ищите – «ищите и обрящете, стучите и отворят вам, просите и получите». Здесь нужно искать тех, кто умнее тебя, беседовать с ними и усиливаться на покаянную молитву, упражняться в различных добродетелях через силу (потому что все добродетели творятся через силу) – ну, и так далее.

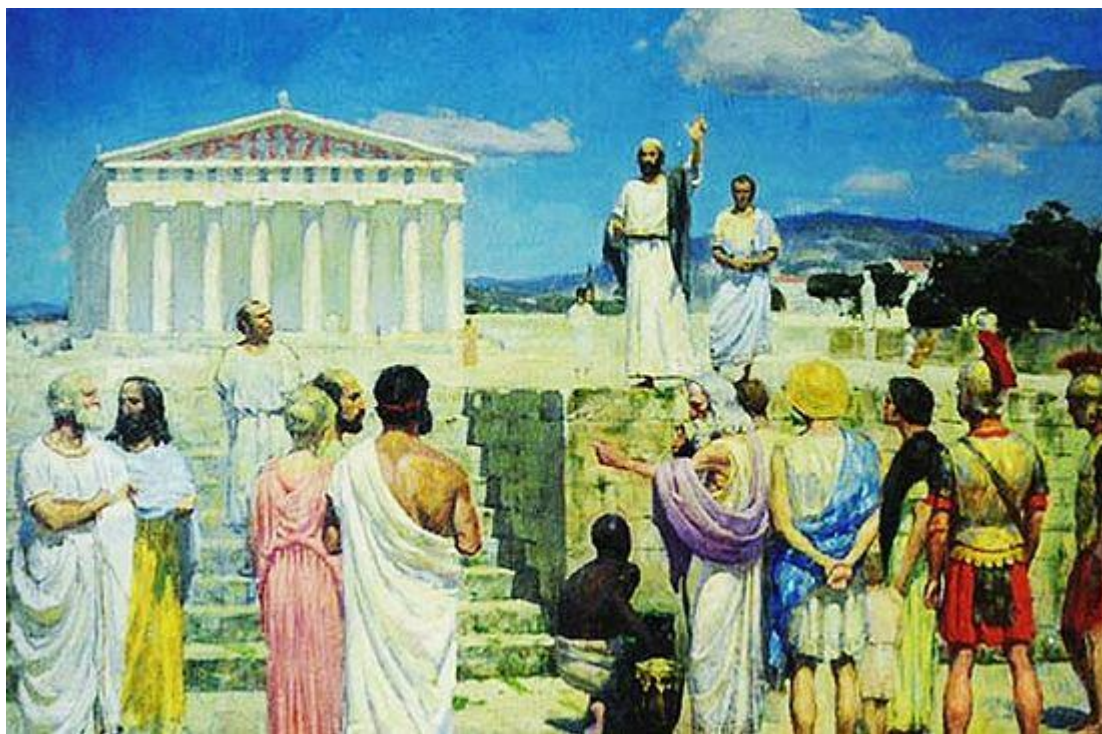
На каком-то этапе Господь встречает человека, даёт ему меру благодати – и тогда происходит познание себя во грехе и познание того, что, собственно, нужно лечить.

Потому что, если, например, блудник распознает в себе сребролюбие и начнёт с ним усиленно бороться, то он может всю жизнь прозаниматься тем, что не самое главное. Ему бы с блудом разобратся. И так далее.

Познание себя возможно только в благодати, а не по справочникам, а благодать реально подаётся, поскольку Бог есть, и Он жив, и он вступает с нами в общение. Вот такую цель можно поставить человеку для того, чтобы он не блукал справа налево и не искал дополнительной литературы в том вопросе, который до конца в литературе изложен быть не может.

А вопрос познания души в свете Духа Святого не может быть изложено до конца посредством письма. Поэтому не ищите книг – ищите Духа Святого, и в Духе познаете своё окаянство – глубокое и истинное. Тогда, мне кажется, покаяние будет не бесплодным – оно будет цельным и плодотворным. Чего желаю всякому христианину.

Ревность

Как-то незаметно проникла к нам в сознание и прочно укрепились там мысль, что проповедь Евангелия должна рождать одни сплошные сладкие плоды: умиление, умиротворение, слезные восторги и мягкую пушистость. Между тем Павел спрашивает коринфян: «Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?» (1 Кор. 4: 21). То есть жезл (палка, если угодно) предполагается. Иначе зачем и у епископа посох? Да и как может не предполагаться, если Сам Христос, будучи Пастырем добрым, не только сладко играет на проповеднической свирели, но и носит в руках жезл. Им Он

пасет народы, защищает Своих овец и сокрушает некоторых врагов, как горшки глиняные, о чем говорят много и псалмы, и Откровение.

Трудно об этом слушать и читать современному человеку. Сладострастным он стал, и всё Евангелие для него скукожилось только до одних сладеньких и далеких, как сказка, слов. А всё перченное, всё пресное и горькое, как те хлебы и травы, с которыми положено Израилю Пасху есть, отдалилось от современника. Обнищал он внутри, снаружи обогатившись. Оттого трудно понять еще, что побочными целями проповеди апостола Павла могло быть, к примеру, желание возбудить в людях ревность. «Ревнуйте, – говорит, – дарований больших», – и зовет верных к подвигам любви, которые выше мученичества и говорения на языках. Или еще: «Как Апостол язычников, я прослаблю служение мое. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?» (Рим. 11: 13–14). Речь не о том, что мы ассоциируем с «ревностью» в делах амурных, в вопросах семейной верности и проч. Речь о другом. Сам Бог есть Бог Ревнитель. «Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: “до ревности любит дух, живущий в нас”?» (Иак. 4: 5).

И вот Павел проповедует, чтобы возревновали люди, подобно Илии. Он словно говорит о том, что вот ты был поставлен высоко и позван еще выше, но пренебрег призванием, поленился, расслабился. А поскольку святое место не бывает пустым, иные заняли место твое, иные, следовательно, и награду твою получают. Представляешь, какой позор – потерять первородство, как когда-то Исав! Быть позванным – и не пойти. Но пойти и с вернуться с полдороги – еще хуже.

Для апостола Павла это один из источников непрекращающейся боли. «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мечение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян» (Рим. 9: 1–4). В этой печали, в мучении сердца и согласии быть отлученным от Христа ради братьев Павел подобен Моисею, который соглашался погибнуть сам, лишь бы народ сохранился и не был бы уничтожен за отступление. И почему Павел мучается? Потому что без ножа режет его контраст между тем, кем должны быть иудеи, и тем, кем они по факту являются. Ведь, пишет далее он, им «принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетование; их и отцы, и от них Христос по плоти, суший над всем Бог, благословенный вовеки, аминь» (Рим. 9: 4–5). И вот для того, чтобы возбудить в сродниках ревность, разжечь в них желание устремиться ко Христу, он неумоимо проповедует язычникам.

Представьте себе, что некий греческий проповедник, видя (Бог да не допустит) полное духовное обнищание своего собственного народа, уходит в бедные африканские деревни и там благовествует, крестит, служит Литургию, изменяет нравы. Он имеет право сказать сродникам: «Греки! Как низко вы пали! На вашем и моем языке написано Евангелие, на наших землях проповедовали апостолы, от нас вышли самые известные и великие отцы Церкви, богослужение во всей красоте своей сформировалось у нас. Мощи лежат в храмах, иконы с грустью смотрят на вас. Богословие прежде текло у нас реками, а теперь едва сочтется малым ручьем! Что же это? Видя вас полумертвыми, не желающими воскреснуть через покаяние, я проповедую далеким народам и чужим людям. Не только для того, чтобы они спаслись (это необходимо и обязательно), но и для того, чтобы вы проснулись. Не стыдно ли вам? Другие получают ваши венцы. Возревнуйте о прежней славе и исправьтесь!» Вот именно так обращался святой Павел к евреям, не терпя видеть своими глазами, как первые становятся последними. Точно так же потом он говорил и новорожденным в Духе христианам: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить» (1 Кор. 9: 24). Не спите, бегите.

Даже со спортсменов берите пример (ристалища – аналог легкоатлетического стадиона). Те потеют, изнуряются ради суетной похвалы, а вы как войдете в Небесное Царство с ленью и без борьбы? Невыносимо ведь будет потом, как вы, гордившиеся заслугами предков или иной благодатью, явленной в веках, увидите себя обойденными или даже изгоняемыми вон. Таков смысл. В том же духе говорил и Христос, удивившись вере капернаумского сотника: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8: 11–12).

Русских это касается или одних только евреев и греков? Касается. Нас тоже должен без ножа резать контраст между тем, к чему мы призваны, и тем, как по факту живем. К нам напрямую относятся многие слова Откровения. Например: «Вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр. 2: 5). Помни Суворова, но и сам закаляйся. Чти Сергия Радонежского, но упражняться в пениях, бдениях и пощениях тоже не ленись. Удивляйся мудрости святителей, но сам приобретать мудрость чтением и размышлением не отказывайся. Гляди, корейцы читают Евангелие и африканцы поют псалмы, вон в той части света усыновляют брошенных детей, а в другой – отказываются от мяса. А ну как эти аскеты, человеколюбцы и молитвенники далеко нас всех обгонят – со стыда не сторим ли, в хвосте оказавшись? Ты наследник великих предков, но если сам не пополнил общую копилку, а только брал из нее и хвалился чужой славой, то куда пойдешь на Суде – направо или налево? Посмотрите, какие огромные просторы обжили и освоили прежние поколения, какие храмы построили, какие книги написали, каких врагов разбили наголову! Посмотрите в глаза крестьян на старых фотографиях! Ведь сегодня не на каждом профессорском лице столько же спокойного ума и подлинного благородства. Теперь посмотрим на нас сегодняшних. Сил уже не всегда хватает не то что развивать прежние труды и осваивать новое, но даже удерживать то, что есть.

Почему? От духа расслабленности, проникшего в плоть и кость. Нужно проснуться и потрудиться. Теплым быть нельзя. Теплый противен, как растаявшее мороженое. Нужно быть крутым кипятком, чтобы чай заварить, либо до ломоты холодным, чтобы освежиться и взбодриться. Об этом тоже Откровение говорит: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15–16). Коммунист был холодным к Богу, но холодный, говорит Господь, лучше теплого, потому-то в те годы и в космос полетели, и БАМ построили, и фашисту хребет сломали. Теплый того не сдюжит.

Людей нужно бодрить, а не убаюкивать. Это апостольский дух – «Не возбужу ли ревность?» Людям, конечно, часто хочется, чтобы чесали их, как котенка, за ушком. И это всем понятно, так как все мы «одним миром мазаны». Каждый на суду совести скажет: и я такой. Но у Бога иные суды, иные мысли и намерения. Он говорит: «Посему Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих» (Ос. 6: 5). Вот как – Он бьет и поражает, а мы, даже слыша такие слова о Боге, весьма удивляемся.

Не удивляйтесь. Лучше проснитесь и возревнуйте о Господе Вседержителе и славе Его, поищите прежде всех прочих поисков Царства Божия и правды его. Бойтесь тех, кто льстит и ласкательствует, а к предупреждающему звуку трубы прислушайтесь. Главное ведь, чтобы никто не похитил венцов наших, никто не съел на наших глазах того, над чем трудились наши руки. И для этого нужны бодрость духовная и духовная ревность – истинные плоды настоящей проповеди Евангелия.

Ненасытность

Какое общество взрывоопасно? — Состоящее из хронически недовольных людей.

А какие люди хронически недовольны? — Ненасытные и неблагодарные. Говорю «хронически», так как время от времени недовольным бывает самый шелковый и лучезарный человек. Такой похмурится и отойдет, поссорится и примирится, поплачет и утешится. От него нет большой беды. Большая беда — от «хроников» ненасытности и неблагодарности.

Слова эти короткие, но смысла в них много, следовательно требуется «разжевать». Ненасытный вечно устремляется к тому, чего нет, тут же после факта обладания пренебрегая тем, что уже есть. Ненасытный — самый бедный человек, ибо вечно страдает от недостачи. Ненасытный по необходимости завистлив, так как зрит то, что есть у других и чего нет у него. В обществе потребления ненасытность распаляется самим стилем жизни, в котором высшая ценность — потреблять. Реклама палит гортань, как некоторые напитки, специально придуманные для разжигания, а не утоления жажды. Вообще рискну предположить, что идеальным членом общества потребления является совершенно ненасытный и вечно неудовлетворенный человек без метафизических вопросов, бросающийся на всякую новинку и на всякую цацку, как балованное дитя, и указующий пальчиком: «Хочу!»

Если речь идет только о товарах и услугах, то все вопросы упираются в покупательную способность. Если же ненасытность вкупе с завистью ищет пищи для недовольства в социальном расслоении, в неудовлетворенном тщеславии, в мнимом правдолюбстве, в идеологической ненависти, то тут уже самое время говорить о взрывоопасности. Как ты успокоишь человека которому все свое приелось, как родная жена (хоть бы и писаная красавица), а все чужое вожаделенно, как известной Лисоньке — высоко висящий виноград? Кто из нас не слышал, не принимал участия в подобных диалогах на самые разные темы:

— У них (стране предполагаемого счастья) кругом чистота, а у нас даже грубый сор не метут.

— Неправда. И у нас метут.

— Да, но у них метут и моют, а у нас только метлой машут.

— Да что ты! И у нас моют.

— Но у нас водой, а у них — шампунем.

— погоди, и у нас шампунем будут мыть скоро.

— Да-а-а. У нас шампунь украдут или разбавят...

Итак далее, и так далее. Вечно недовольный человек именно неблагодарен. То, что у него есть, пренебрежено им, и те, с помощью которых он пользуется тем, что есть, не заслуживают в его глазах благодарности. Вылезши, скажем, из землянки и переселившись в коммуналку, он очень скоро забудет о сырости подвалов и начнет тяготиться новыми условиями. Оно и понятно. Человек ищет, где лучше. Но и получив со временем отдельную квартиру, он не сумеет оценить позитивную динамику переселений. Подвал совсем уйдет

из памяти, коммуналка останется в сознании синонимом недавнего бытового ужаса, а отдельное жилье вскоре поблекнет от жажды получить хорошую квартиру в элитном доме. И это тоже ничего. В вынужденной бедности нет красоты. Но и в притуплении вкуса от сладостей тоже нет ничего хорошего.

Потом, когда, даст Бог, и очередная мечта сбудется, воображение нарисует загородный дом, виллу, яхту, дворец в Майами (нарисовать воображение может все, что Сатана Христу на горе искушений показывал), а неблагодарное сердце откажется выстраивать в сознании цепочку неуклонного стемления вверх. Драгоценные слова «Слава Богу!» он тоже произносить не поспешит. Со стороны же динамика изменений будет всем заметна. Люди скажут: «Счастливчик». А сам подлинный счастливчик будет хмур, раздражен, ненасытен, ворчлив и на многие пакости согласен, поскольку главные доминанты гнилого сердца — ненасытность и неблагодарность.

Из «Москвича» в старенькую иномарку, из старенькой в новенькую иномарку пересело постепенно множество наших людей, но градус благодарности не особо увеличился. Из далекой и недоступной в близкую и знакомую превратилась для нас в короткие годы заграница. Все красоты мира, все знаковые архитектурные сооружения от башни Эйфеля до диковинных пагод Востока были сфотографированы миллионами наших граждан лично. В моем детстве об этом и не мечтал никто. Но благодарности особой за кардинально улучшившийся образ жизни я не слыхал. И вы вряд ли слыхали. Не научены мы благодарить. Научены ворчать и искать новых удовольствий.

Лично мне все сказанное напоминает до боли известный сюжет — сказку «О рыбаке и Рыбке». Сказка написана, чтобы беду на себя не кликать, не так ли? Говоря по совести, трудно не узнать себя в Старухе. По факту — нет, по факту никто из нас Рыбок не ловил и стремительно из курной хаты в царские покои не переселялся. Но по сердцу мы — Старухи. Сердце только тогда и обнаруживает ненасытность, злую бездонность и неблагодарность, как под дождем нечаянных милостей. Представьте себя в красках на месте Старухи, и, быть может, совесть ваша тихо, грозно скажет вам: «Ты тоже вел бы себя так же».

Некоторые вопросы есть к Старику. Еще на стадии желания супруги превратиться в столбовую дворянку Дед мог бы стукнуть кулаком по столу и поставить Бабу на место. И даже если он — законченный покаблучник (подлапотник даже — каблуков у Бабы не было), и тогда он мог, движимый неотмщенным нравственным чувством, поросить Рыбку: «Преврати ты ее, Государыня Рыбка, в жабу. Ненасытная она у меня, и добром это не кончится». Но ничего подобного Дед не просил. Он продолжал свое опасное у злой жены послушание.

В литературе есть еще одна ценная вещь, где фигурируют Рыба и Старик, и сложные между ними отношения. Я имею в виду «Старик и море» Хемингуэя. Трудно представить, что этот старик — рыбак с Кубы, поймай он не рыбу-меч, а Золотую Волшебницу, вел бы себя подобно своему русскому коллеге по ремеслу. Тот старик был крут. Он бы и жену на место поставил, и у Золотой Рыбки бесконечных глупостей бы не просил. Но это я отвлекся...

Важно сделать некий вывод. Не все же ругаться и бесплодно критиковать. Суть возможного вывода в том, что сколько в ширь не богатей — все мало будет. Чтобы успокоиться, поблагодарить за то, что есть, отказаться от большего, ежели наличного хатает с головой, нужно богатеть вглубь. Писание говорит об этом: в Бога богатеть. Если мощна толстеет, а мыслишки по-прежнему куцы, то это у человека (общества) экстенсивное развитие, это пожирание ресурса. Такова вся хваленая современная цивилизация, внутри которой этика безнадежно отстала от техники, а метафизика изгнана вон. И обречен на несчастье живущий внутри этой цивилизации и по ее законам человек. Сыт он, одет он и почти всю работу за него делают механизмы, но недоволен он, потому что не знает — зачем живет, внутреннего роста нет в нем. Остается только завидовать тем, кто имеет нечто пока недоступное. И в любом случае общество бедных внутри и недовольных снаружи людей — опасное общество.

Но вернемся к Старухе. Ходила бы она в церковь, хватило бы ей и одного нового корыта. А там, глядишь, сама Рыбка по доброте подарила бы и «домик в деревне». Читала бы бабка Псалтирь, хватило бы ей и мещанского статуса. Он уже бы показался страшен и большее бы отсеклось. Были бы у бабки внуки, а не только затюканный дед, выше дворянства после свалившегося мещанства не полетела бы ее мысль. Да и во дворянстве была бы она милосердна к таким же горемыкам, как сама она до чудесного улова. Все было бы другое, если бы кроме жадности, или вместо нее, была благодарность, молитва, сдержанность в желаниях.

Нужно, чтобы человек был и внутри, по Чехову, красив. Глубок, что ли... Нужно чтобы и общество состояло из людей, работающих над собой, богатеющих в глубь. По крайней мере нужно, чтобы количество таких людей в обществе не умаялось ниже некоего критического предела. Иначе продолжают и человек отдельный, и общество подобных ему преступно не замечать обилие окружающих благ, продолжают вести образ жизни вредного и жадного человека, как тот Демон у классика, о котором сказано: «И ничего во всей Вселенной благословить он не хотел»

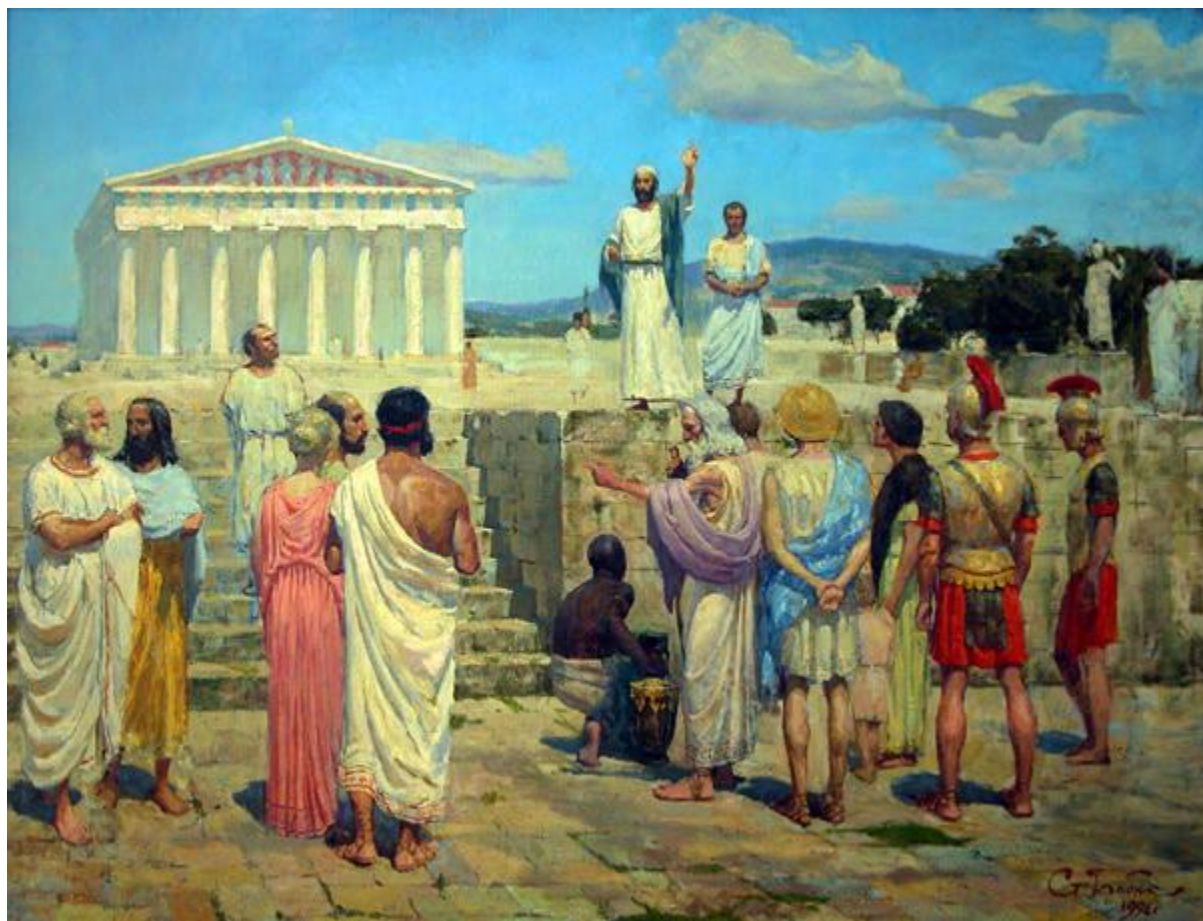
Так какой же человек мил? — Благодарный.

С каким человеком приятно жить по соседству? — С благочестивым и довольным тем, что есть. Ему и податся большее. И большее будет не во зло.

Язычники — спасутся ли?

Возможно ли спасение для иноверцев? И если да, то как они знают, что есть воля Божия?

Павел не просто говорит о законе, написанном в сердцах. Он говорит о том, чем наличие этого внутреннего закона свидетельствуется. А именно: «о том свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую».

Бабюк Станислав . Апостол Павел проповедует в Афинах

«Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа» (Рим. 2:14–16).

Это говорит святой Павел по поводу вопроса, мало кого не интересующего среди верующих людей: спасутся ли язычники? «Дело закона, написанное в сердцах»! Красиво, не правда ли? Это, по сути, то самое, на что ссылаются, не зная «матчасти» люди, говорящие о том, что «у них Бог в сердце». Весьма многие, словно сговорившись, повторяют часто слова о том, что внутри они близки Богу и ничто внешнее над ними не довлеет, поскольку внятного внутреннего голоса Бога им довольно.

Но Павел не просто говорит о законе, написанном в сердцах. Он говорит о том, чем наличие этого внутреннего закона свидетельствуется. А именно: «о том свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую». Совесть и мысли. Одна говорит вполне внятно, еще внятнее говорят мысли. Они (мысли) совестью иницируются, а потом их можно записывать в виде дневника или письма, после чего будет видно – какой именно закон написан в сердце человека. Тогда можно будет и пообсуждать тему, и поспорить, и отшелушить ненужное.

Однажды, попав на Мальту, Павел со спутниками насладился многим человеколюбием со стороны местных жителей. Это реальная иллюстрация того, о чем пишет он сам в указанном выше месте послания к Римлянам. Для начала история: «Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас» (Деян. 28:2).

Когда подобным образом поступают дети Авраама, это одно. Они научены принимать странников, помня, как праотец в виде путников принял под кров шатра Самого Бога. Закон гостеприимства – один из важнейших для семени Авраама. Но когда язычники принимают с милостью нуждающихся

чужаков, то цена у этого дела иная. Она больше. Это есть то самое «дело закона, написанное в сердце».

Дальше – больше. «Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его. Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно, этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить» (Деян. 28:3–4).

Перед нами реакция на событие с четко выраженной нравственной составляющей. Человек только что спасся от смерти в воде, и вдруг ядовитый гад кусает его за руку. В глазах жителей Милита (Мальты) Павел – убийца. Его суд Божий не оставляет жить! Смерть от укуса воспринимается как казнь от Бога, а грех, за который посылается смерть – убийство. Перед нами очевидная связь с Ноевым законодательством, когда после Потопа именно пролитие крови называется грехом достойным такого же ответа – пролития крови самого убийцы (См. Быт 9:5). Жители Милита, возможно, не живут по законам кровной мести, но угрозу жизни после недавнего спасения воспринимают именно как казнь, и казнь за пролитие крови. Перед нами – нравственный закон среди тех людей, которым Богооткровенного нравственного закона еще не дано.

Потом Павел стряхивает змею с руки. Все наблюдают за ним, ожидая воспаления и смерти, но вот он жив. И тогда язычники радостно бросаются в другую крайность – признают Павла богом. Это уже и раньше было, когда в городе Листры Павла язычники наименовали Гермесом, как начальствующего в слове, а Варнаву – Зевсом. (См. Деян. 14:11-13).

Но нам сейчас да будет главной темой тема морального облика язычников, описанных весьма краткими словами. Вот они милосердны, то есть знают о деятельной добродетели, о человеколюбии. И вот они связывают наказание с грехом, а возможную смерть – с карой Неба за убийство. Перед нами портрет тех, у кого «дело закона написано в сердцах».

Сам Павел – фарисей и сын фарисея. Ему легче всего отгородиться от всех иноплеменников, но именно для проповеди им он избран и послан. Ему предстоит знакомиться с язычниками, всматриваться в них. Ему предстоит не отгораживаться от них чувством избранничества, но идти навстречу и благовестить им Бога, спасающего всех. Сверхтяжелая задача для еврея с фарисейским воспитанием. Но, очевидно, мера благодати соответствует.

И возникает вопрос. До некоторого времени все язычники для Павла одинаковы. Все они отчуждены от Бога и детьми не считаются. Но вот он познал Христа и к язычникам послан. Теперь для Павла «есть язычники» и «есть язычники». Одни вполне доказывают свою чуждость Богу и совести тем, что «дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью» (Еф. 4:19). Другие, не имея обрезания на плоти, имеют обрезанное сердце и, очевидно, отзовутся на слова проповеди о Праведнике, в котором нет греха.

Такова цена морали вне Церкви. Мораль сама по себе не спасает, но стремление к нравственной чистоте ведет человека. Движет его на поиск конечной Истины. Которая во Христе Иисусе. Нам самим, идя куда-либо с проповедью, лучше идти к тем, которые странноприимны и гнушаются кровопролития, а не к тем, кто коварен, жесток и любит насилие.

Итак, слова Павла сохраняют вечную в земных реалиях актуальность. Мы спасаемся верой и только верой. Но сама вера входит удобнее и легче в душу милосердную, в сердце, открытое к принятию веры нравственного закона.

Петр и Феврония

За что воюет Америка? – За полный бак горючего и за доллар как всемирную резервную валюту.

За что воюет Европа? – За право Джона залезть в постель к Майклу и назваться его женой. А еще за право аквариумной рыбки не быть зажатой.

За что воюет радикальный ислам? – За победу шариатского государства на всем земном шаре.

А Россия? Она воюет или нет? Если да, то за что? Она воюет, будьте уверены. Но без касетных бомб и химического оружия. Она воюет за семью, брак и верность. Это вам не полный бак, не аквариумные рыбки и даже не шариатское государство. Это круче.

У войны всегда есть идейная подоплека. Мировая гегемония, торжество неких идей, финансовая глобальная власть и проч. Россия же заметила в последнее время, что из-под ног человечества вымывается почва. Другими словами – семья исчезает. Столетиями жили-были дед и баба, внуки и внучки, мамка с папкой, братья и сестры. А тут вдруг нарисовалась перспектива, согласно которой нет больше никого. Одни только странные персонажи, потерявшие остатки ума от половых излишеств. Жизнь, то есть, заканчивается. Вполне рукотворный и даже оргазмический конец света. И вот Россия выступает за то, чтобы жизнь продолжилась. Никак иначе этого не сделаешь, как только выступив «за» сохранение классической семьи.

В этой войне ни в кого не надо стрелять. Россия и не хочет. На вопрос «Хотят ли русские войны?» ответ тот же. Не хотят. Следовательно, воюют литургически. Объявляют праздник, назначают собрание, возносят молитвы, говорят проповеди. Плод от такой войны большой, нежели от войны обычной. И люди целы, и диавол посрамлен. Кровь не лилась, но умы очистились. Теперь хорошо бы, чтоб включились в войну и мобилизовались простые граждане и гражданки, чтобы они стали не просто потребителями праздничных удовольствий, но и сознательными участниками торжества.

О чем речь? О том, что семья, как воздух, не замечается и не оценивается по достоинству, пока она есть. Если же нет ее, то исчезает монашество и священство, засыхает нива жизни и жить становится незачем. Искусства замирают, науки чахнут. Только наркоторговля цветет. Следовательно, нужно воспеть семью как подобает. Обратив на нее внимание.

Лучшее дело – брать пример с тех, кто достоин выступать в качестве примера. Это святые. Тут, правда, была загвоздка. Большинство святых у нас – монахи. А монахи, подавляя плоть и борясь за ее преображение, не слишком склонны хвалить жизнь по плоти. Обаче, нашлись те, кто в монашестве умер, но в супружестве пожил; те, кто соединил одно и другое; и то сделал, и другого не забыл. Это Петр и Феврония.

В монашестве они – Давид и Евфросиния. Так и Владимир с Ольгой в Крещении – Василий и Елена. Но кто об том помнит? Петр и Феврония оставили брак вопреки сословному неравенству. Вещь и сегодня актуальная, поскольку бедные с богатыми всегда похожи на рыб и птиц. Одни живут в воде, другие летают в воздухе. Птицы рыб едят, а рыбы птиц – нет. Таковы же и отношения между богатыми и бедными. Брак между ними так же успешен, как отношения между карасем и аистом. Однако в случае Петра и Февронии получилось. Как у Исаии: лев возлег рядом с козленком. Значит, благодать побеждает, благодать меняет природу и ломает вековые барьеры. Полюбил сегодня богат простушку или богатая дама простака, так чтобы избежать будущих почти неизбежных проблем – призывайте на помощь Петра и Февронию. Они помогут.

Петр от Февронии уклонялся, а она его и желала, и искала. Нашла наконец. Здесь тоже закон: муж жене нужен как воздух, как оправдание жизни. Мужу жена нужна меньше. Нужна, но меньше. «Идешь к женщине? – спрашивал Ницше. – Бери плетку». Такова мудрость норманнов. Видимо, в виде обратной стороны медали сегодня хлещут бабы, одетые в кожу, бывших викингов плетями. Русь от этого безумства да будет свободна! У нас ни муж без жены, ни жена без мужа. Однако Феврония за супруга боролась, а он упирался (читай житие). Так и сегодня жены воюют за пьющих мужей, ждут возвращения в семью блудящих мужей. Всем им да поможет своей молитвой святая Феврония.

Жизнь хороша, но умирать надо. И будущая жизнь обещает быть краше нынешней. Ради красоты грядущих благ принимали издревле люди монашеский образ. Идеальные супруги жизнь заканчивают идеально – в иночестве. Умирают в один день. Жить счастливо и умереть в один день – это ли не идеал? А не умереть, но вечно жить в Боге – это ли не идеал во второй степени? Нашим именинникам это дано, подарено, так как они достойны.

Что такое христианский брак? Это жизнь двух душ в одном теле (плоть едина). При этой жизни люди не прячутся от Господа, но живут, насколько можно, перед Лицом Его. Они вместе и – перед Богом. Вот земной брак. А когда перейдут в пакибытие, от земных к небесным, то будут перед Богом. Однако и вместе. На земле – вместе, но перед Богом. А в вечности – перед Богом, но вместе. Таковы Петр и Феврония. И таков Промысл Бога, что облеченные властью люди услышали шепот Духа над душою своею и родили праздник. Праздник как указание смысла. Праздник как плотину против грязных вод разгула и узаконенного разврата. Праздник как попытку дать будущим поколениям перспективу жизни, настоящей жизни, а не скотской и не бесовской.

В день праздника, православные, идите в храмы. Идите, держась за руки: жених и невеста, муж и жена, родители и дети. Благодарите Бога за чудо семейной жизни, подаренное вам. Молитесь о детях своих, чтобы будущий их брак был единственным и удачным.

Поминайте тех, кто родил вас: отцов, матерей, дедушек и бабушек. Выстраивайте через молитву и память живые связи с теми, кто жил до вас и будет жить после вас. В этом переплетенном единстве народ становится непобедимым и цельным. Древняя Русь входит в сегодняшний день, чтобы укрепить и освятить его. Будущее угадывается сегодня, и это будущее будет благодарно сегодняшнему дню за то, что мы с вами не разменялись на погоню за одной лишь прибылью и удовольствиями, но поискали и нашли подлинные смыслы жизни.

Далек XIII век, в котором жили Давид и Евфросиния. Но близок Муром, где их мощи лежат. Близок и Господь ко всем призывающим Его во истине. Призовем, православные, Господа в эти дни и помолимся как о своей семье, так и о всякой семье христианской. Это наша война, и победа в ней есть победа жизни над смертью, победа Эдема над Содомом.

Трубу к устам твоим

С кем сравнивают священников те, кто их любит? С воинами или с докторами. Защищайте нас, говорят, и перевязывайте раны наши, смягчив их предварительно елеем. Терпите смрад от ран наших и не бойтесь жертвовать собою ради наших бессмертных душ, как и Господь делал. Всё это и высоко, и правильно. Однако и головокружительно для исполнителей.

От воина требуется много специальных знаний и мужество. По крайней мере – много специальных знаний и выносливость с самообладанием. Следовательно, нам учиться и тренироваться надо. От доктора тоже требуется много специальных знаний и большая любовь. По крайней мере – много специальных знаний и много терпеливого человеколюбия, снисхождения, если угодно. В обоих случаях это особые профессиональные требования и высокие моральные ожидания. Между строк читаем: учитесь и тренируйтесь, пастыри, упражняйтесь и усиливайтесь трудиться. Всем при этих словах хорошо, только одному священнику страшно.

А с кем сравнивают священников те, кто их не очень любит? С «продавцами религиозных услуг» и обманщиками. Вот это, спрашивают, сколько стоит, а это – сколько? В ответ слышат: это стоит столько, а больше меня ни о чем не спрашивайте. Это тоже очень понятно, потому что эпоха весьма материалистична. У одного из всадников Апокалипсиса есть даже мера в руке, и сказано: «Хиникс пшеницы за динарий». То есть всё подсчитано, и именно в таком мире точных подсчетов мы живем. Было бы глупо делать вид, что это не так.

И уж совсем не поймешь, с кем сравнивают нашего брата те, кто нас совсем не любит. Даже очень не любит. Эти истощаются в злословии и готовы, в целом историю не любя, приписать нам к осуждению и Галилея, и инквизицию, и Иудин ящик. Короче – всё плохое вообще. Никуда не деться. Потерпим.

Но с кем сравниваем себя самих мы сами? Что у нас по части самоидентификации? Кто мы: «работники культа» или «соль земли»? Дармоеды или хребет нации? Солдаты и доктора или скорее продавцы и психологи? А может, все-таки хранители нравственного кода и исторических смыслов? Предлагаю на эту тему послушать Иезекииля. По его Духом осолонному мнению, мы – стражи Дома Господня, люди, стоящие в дозоре. Теперь время дать слово самому пророку:

«И было ко мне слово Господне: сын человеческий! изреки слово к сынам народа твоего и скажи им: если Я на какую-либо землю наведу меч, и народ той земли возьмет из среды себя человека и поставит его у себя стражем; и он, увидев меч, идущий на землю, затрубит в трубу и предостережет народ; и если кто будет слушать голос трубы, но не остережет себя, – то, когда меч придет и захватит его, кровь его будет на его голове. Голос трубы он слышал, но не остерег себя, кровь его на нем будет; а кто остерегся, тот спас жизнь свою. Если же страж видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, – то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража» (Иез. 33: 1–6).

Надеюсь, читатель осилил длинную цитату из непростого автора. Стоило осилить. Уж больно важен смысл. Если некий сторож святынь кричит: «Осторожно! Враг рядом! Вот этих мыслей бойтесь и вот эти разговоры тушите спешно!», то стоит прислушаться. Не послушаетесь – меч наестся вашим мясом, а сторож спасет душу свою. Он кричал и трубил, но слушающие были легкомысленны. Если же он не трубил, не кричал и вообще вел себя как неверующий, то кровь-таки прольется и меч врага будет сыт. Причем погибший погибнет «за грех свой». Но взыщет Господь жуткий долг с онемевшего не ко времени пастыря. Что же получается? Получается нечто очень страшное, живое и интересное.

Получается, что пастырю кричать надо в любом случае. Кричать надо хотя бы в видах спасения своей души. Хочешь спастись – не смей молчать. Слушают его или нет – даже не важно для него самого. Он исполняет заповедь. Услышат – спасутся. Не услышат, не захотят, то есть, слушать, – погибнут, но сам трубач спасется. Мы, те, кто говорит к народу, болезненно переживаем пренебрежение нашим словом. Ты годами кричишь, молишь, просишь, язык о собственные зубы стираешь в кровь, видя приближение врага, а народ не чешется. Ну что ж. Так тому и быть. Видя со временем пепелище, поплачь, затем вытри слезы и живи дальше – ты спас душу свою. Самый лучший вариант, вестимо, когда ты кричишь – и все слышат. Слышат и действуют. Но этот вариант редок.

Кричи, пастырь, труби. Вроде просто. Однако, прежде чем трубить и кричать, нужно видеть. Не просто крик важен, и не просто звук трубы нужен. Нужно, чтобы трубили по причине приближающегося неприятеля. Если кричать без всякого толку, то отобьешь у людей желание делать выводы из твоего крика. Пастырь, значит, должен быть зрячим. Духовно зрячим. Слепой или подслеповатый пастырь трубить не будет по определению. Что он, дурак, что ли, шум поднимать? Или наоборот – будет шуметь на всякий случай, не видя врага и не ощущая его приближения. Мы прикасаемся к еще большей проблеме: пастырь, желающий народ предупредить и душу (хотя бы свою) спасти, должен смотреть внимательно, он должен быть зряч, как тот орел, что символизирует в наших храмах Иоанна Богослова. А чтобы ничего вдаль не видеть и прохлопать врага на подступе, не нужно быть слепым по старости или по болезни. Можно иметь здоровые глаза, но смотреть всю жизнь перед носом и играть в преферанс на компьютере или лазить по прочим сайтам. Можно пилочкой ногти пилить или переписываться смс-сообщениями. Можно, то есть, заниматься ерундой. Вывод: занимающийся ерундой пастырь есть виновник гибели народа, а также гибели своей собственной души. Таков вывод из Иезекииля.

Вернемся к нему: «Когда Я скажу беззаконнику: “беззаконник! ты смертью умрешь”, а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, – то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей. Если же ты остерегал беззаконника от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, – то он умирает за грех свой, а ты спас душу твою» (Иез. 33: 8–9). Смотрите, как легко спастись пастырю! Он только и должен что сказать беззаконнику нужные слова! На практике же это гораздо сложнее. Нужно, во-первых, слышать (!) Господа и Его обличающий голос. И нужно не бояться человека, ставшего на путь, ведущий во тьму. А вдруг это друг твой, сын твой, отец твой, благодетель твой? Всем ли ты готов говорить правду Божию, не взирая на лица? Лишь тот, кто никому никогда правды не говорил, может ляпнуть, что это легко.

Беженцы

Их сегодня в мире 50 миллионов человек. Такие цифры назвала ООН 20 июня в Международный день беженца. Для сравнения, это на 6 миллионов больше, чем в 2012 году. А причины для покидания насиженных мест не изменились. Это вооруженные конфликты и изменение климата. Вообще впервые со времен Второй мировой в мире такое огромное число людей, изгнанных из родного дома. Сегодня к списку стран, где эта беда чувствует себя вольготно, добавилась Украина.

Уверен, что многие из наших современников наивно верили, что голод, война и прочие кошмары имеют в наши дни отношение только к странам третьего мира. Мы, де, цивилизованные и умненькие, более не способны на зверства, следовательно, и страдать от них не будем. Что сказать? История крушит идолов и возвращает нас к насущным смыслам Евангелия. Там сказано: «ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня» (Мф. 25: 35). Жаждающие и алчущие странники стучатся сегодня в наши дома, и относиться к этому нужно по-христиански. Небо и земля пройдут, а актуальность слов Писания не пройдет. Цивилизация не решила ни одной проблемы, но только задрапировала их в широкие одежды комфорта. Будьте внимательны. Что еще скажем?

Во-первых, вспомним, что Господь наш, испивший чашу скорбей и страданий человеческих, был также и беженцем. Причем с самого детства. На руках Мамы и в сопровождении Иосифа, на ослике, Он бежал в Египет от меча солдат Ирода. Уже этот факт заставляет нас смотреть на беженцев особым взглядом. Христос стучится в дом к людям, принимая вид женщины с ребенком на руках, старика, многолюдного семейства. Нужно и принимать Христа, глядя на Него духовными очами. Оценки в количестве беженцев разбросаны по цифрам. Одни говорят – 400 тысяч. Другие – 50. Но пусть даже и 50, что чрезвычайно занижено. Это значит, что 50 тысяч раз Христос пришел в Россию за последние недели. Христос пришел, специфически произнося звук «г», разговаривая с южно-русским акцентом. Но это Христос. Приходя в чей-то дом как беженец, Он приносит Свое благословение с Собой. И вывод один: Россия, не пренебреги благословением Божественного Беженца. Прими благодать.

К самим беженцам тоже есть с чем обратиться. Многие из вас вернутся домой, но еще большее число – нет. И не потому, что вы разлюбили свою малую родину, а потому, что пришедшие к власти там сделали всё и еще больше сделают, чтобы ваша жизнь на Украине стала невозможной. И значит, даже те, кто хотел бы вернуться в свой пусть разбомбленный, но родной дом, не смогут этого сделать. Придется обживаться на новом месте. Вы принесли с собой скудные пожитки, документы, немножко денег. Вы принесли детей на своих руках, некоторые родили их в пути, но это не всё. Вы принесли опыт и жизненные навыки. Ведь вы в большинстве своем работяги, обычные простые люди, труженики. Вы со временем отблагодарите свою новую родину ежедневным созидательным трудом. Среди вас есть педагоги, инженеры, садовники, художники. Вам предстоит полюбить новое место жизни, страну, вас приютившую, и потрудиться на новом месте так, чтобы закрылись рты у всякого скептика, чтобы отпали сомнения в необходимости принимать вас даже у самого едкого зложелателя. А ведь такие будут и уже есть. Итак, дорогие вынужденные переселенцы, руки у вас работящие, души у вас широкие, и крестики у вас на груди! Вы не иждивенцы. Вы и себя прокормите, и окружающим со временем полезны будете. Старое забудется, а новое начнется. Новая земля станет краше прежней. Обживайтесь и не унывайте. Новая родина ждет ваших трудов.

Еще одна сторона процесса – власть. Человека бумажкой убить легче, чем кирпичом. Выставьте список бесконечных требований к беженцу – и вы легко убьете его. А ведь это в основной своей массе славянин, крещеный человек, подлинный брат или сестра, по одной лишь нужде и спасая жизнь пересекший границу. Для российской демографии его приход – переливание свежей крови. Для российской экономики – появление новых, неленивых рук.

Трудности уйдут, а люди останутся. В общем и целом всё происходящее – милость Божия для России. Чиновник должен это понимать? Обязан. А раз обязан, не имеет права убивать человека холодом, закрывать перед ним дверь, выматывать душу его словами «завтра зайдите». Главное богатство страны – это не пушки и ракеты, не нефть и газ, не балет и кинематограф, а люди. Будут люди – всё будет. И вот Господь посылает партиями и пачками новых людей на новую (старую) историческую родину. К этому можно ведь отнести как к возвращению евреев на Обетованную землю. Не в смысле «понаехали», а в смысле «милости просим», и без вас это не начнется. Немцы из Поволжья вытаскивают конопатых немцев с русой шевелюрой, у которых десятая часть крови немецкая. Поляки ищут живых соотечественников, и если нет их, то разыскивают и облагораживают могилы мертвых. А русские, что, хуже? Свои приехали. Мать детей под крыла собирает. Неужели их бумажками мучить, а не облегчить законное пребывание? Это вызов. Это историческая задача.

Нас Бог не забыл. Нужно, чтобы и мы Его не забыли. Россия, прими Христа в образе беженца, стучащегося в дом твой. Беженец, принеси с собою Христа на новое место жизни, принеси Его в мыслях твоих, в молитвах твоих. Христе Боже, сделай так, чтобы горький сегодняшний день стал со временем сладким в устах наших, чтобы через скорби и нежданные беды укрепилась Церковь, умножился народ Твой, посрамился и опозорился враг, рассыпались помыслы и кости его, как сухой песок.

Много можно еще сказать, но много не надо. Вот на ослике едет под окнами у нас Маленький Христос на руках Богоматери. Рядом идет Иосиф. Какие справки потребуем у Них? Каких документов попросим? Кто кому больше нужен – мы Им или Они нам? Ну-ка, подумаем внимательно.

Выпускному вечеру посвящается

Молодой учитель физики Сергей Витальевич сидел на кухне и напряженно смотрел в окно. За окном не было ничего особенного, но Сергей Витальевич ничего особенного и не рассматривал. Он смотрел в окно тем ничего не видящим взглядом, которым смотрит человек, напряженно думающий о чем-то. Белый лист бумаги и ручка лежали перед ним.

Директор школы поручил ему непривычное задание – от лица учителей школы сказать слово выпускникам на выпускном вечере.

Свой предмет Сергей Витальевич знал хорошо, и дети его любили. Не было у него и страха перед аудиторией, но оратором он не был. Тосты произносил редко, анекдотов не любил. Одним словом, публичных выступлений сторонился. Теперь, казалось бы внимательно глядя в окно, а по сути ничего перед собой не видя, он напряженно думал: что бы такого сказать?

Так бы и сидел он на кухне перед чистым листом бумаги неизвестно сколько времени, если бы не жена. Несколько самых сложных и самых важных начальных лет они уже прожили в браке. Брак, слава Богу, состоялся. Супруги притерлись и сумели не растерять тот начальный запас тепла и романтики, с которым многие пускаются в опасное супружеское плавание и которого многим хватает как раз на год-два. Марина была самостоятельна. Тенью мужа ее было назвать сложно. Но она была умна, умела вовремя замолчать, уступить супругу. Умела она и дать в нужное время нужный совет. Качество редкое и драгоценное. Вот и сегодня, выйдя из ванны с тюрбаном из махрового полотенца на голове и застав мужа за белым листом бумаги, она быстро сообразила, о чем бы таком важном можно было бы сказать выпускникам.

– Сережа, скажи им, что во взрослой жизни, куда они так стремились, главное – не ошибиться в выборе спутника жизни. Поступление в институт, карьера, друзья – всё это важно. Но если в личной жизни они будут неудачниками, то всё остальное их радовать не будет. Раскрась эту тему, пожелай им счастья, скажи, что с них спрос уже как со взрослых, и всё. Долго не затягивай.

Идея пришла молодому физику по душе. Вскоре он уже писал своим быстрым, размашистым почерком текст прощального слова. Мало того – по ходу работы новые, неожиданные мысли пришли к нему, и он ощутил подлинную радость первооткрывателя, радость писателя, поймавшего вдохновение. Вот что вышло из-под его пера.

«Дорогие дети! В последний раз мы обращаемся к вам этими словами. Вы уже не дети, а взрослые люди. Взрослая жизнь казалась вам далекой, а школьные годы бесконечными. Но вот школа остается за спиной, а новая жизнь, одновременно манящая и пугающая, поджидает вас прямо за школьным порогом. Сегодняшний день – очень важный рубеж, и

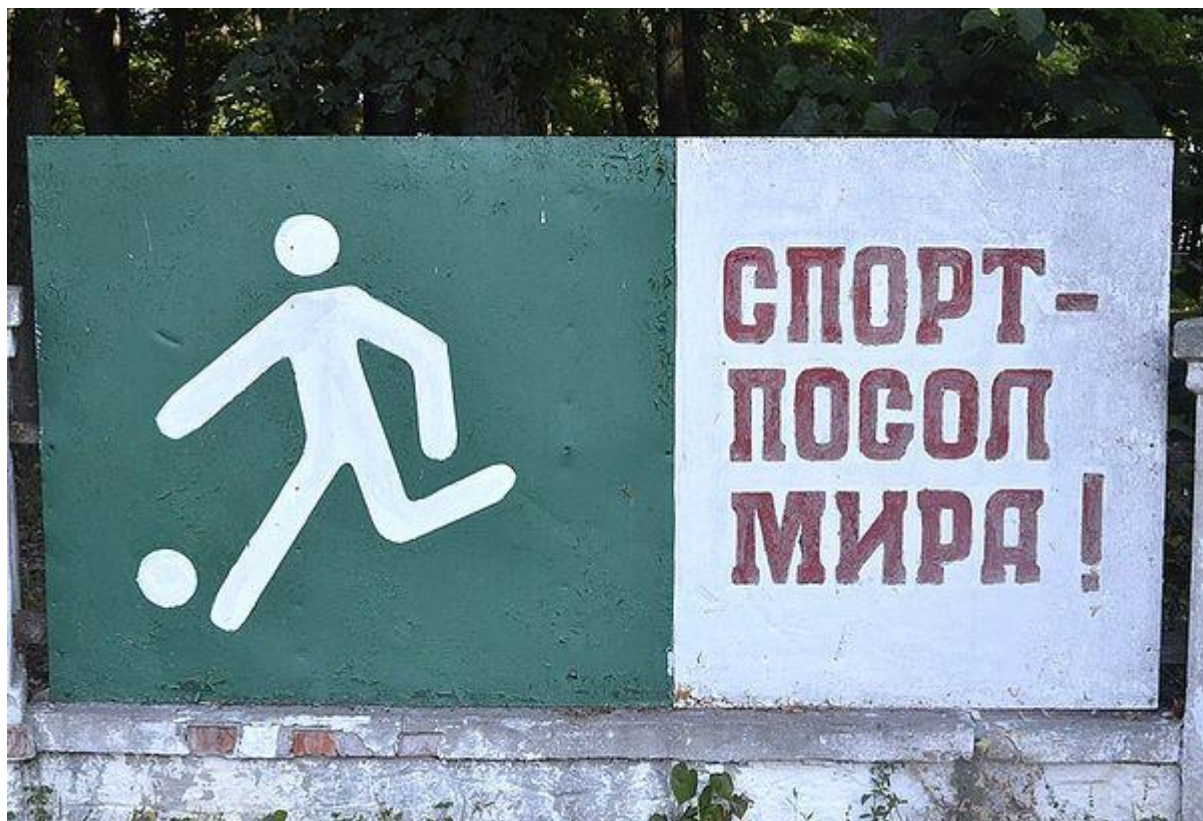
уже не первый рубеж в вашей жизни. Самый первый рубеж – это рождение человека. Помните ли вы (хотя это и не мой урок, а урок биологии), что в период жизни в мамином животе все мы находились в темноте, в воде и головой вниз? И дышали, и питались мы тогда через пупок. Это настоящая фантастика! Потом, когда мы родились, это была неслыханная перемена. Мы стали дышать самостоятельно, нас осветило солнце, мы отделились от материнского организма! Первый рубеж был взят, хоть мы этого и не помним. Потом рубежами были подъем с четверенок на две ноги. Это тоже было нелегко. Мы падали, набивали шишки и горько плакали. Этого мы тоже не помним. Рубежом были и первые произнесенные нами слова, смешные и неумелые, но чрезвычайно радостные для родителей. И вот опять рубеж, который вы уже не забудете, но будете помнить всю жизнь. Дети (позвольте в последний раз вас так назвать)! Взрослая жизнь – это не свобода и вседозволенность, а ежегодное увеличение ответственности! Какие, как вы думаете, рубежи вашей будущей жизни будут самыми главными? Поступление в вуз? Карьера? Новые друзья и новые впечатления? Это важно, но есть самое важное. Это самое важное – выбор спутника жизни. Если мальчики встретят свою настоящую любовь, если девочкам будет подарено семейное и материнское счастье, то всё остальное встанет на свои места. А если вы ошибетесь в этом вопросе, если будете несчастны в этой части жизни, боюсь, ничто иное вас не развеселит и не сделает вашу жизнь состоявшейся. Поэтому позвольте пожелать всем вам – всем без исключения – в начинающейся новой жизни найти настоящее семейное счастье и обязательно привести к нам в школу ваших будущих деток!»

Выпускной прошел хорошо. Слово Сергея Витальевича было принято на «ура». Растроганные мамы спешили к нему, чтобы покрыть его раскрасневшиеся щеки благодарными поцелуями. Дети тоже говорили «спасибо», хотя и смущались. А потом были еще речи, напутствия, вручения аттестатов, прощальный вальс, слезы, общая фотография, заверения в вечной дружбе, альбомы... Вечером был ресторан. Было шумно. Общее возбуждение было таково, словно детей отправляли на фронт. Музыка заставляла разговаривающих кричать друг другу на ухо. Дети держались отдельно от родителей, но пили как взрослые, некоторые дерзали курить, уже не скрываясь. И всё это никто не останавливал, хотя чувствовалось некоторое общее смущение. Потом была встреча рассвета...

На следующий день директор собирал педагогический коллектив. Было обычное собрание и обычные разговоры: план работы на лето, график отпусков, ремонты классов, долги перед библиотекой. Уже распуская людей, директор попросил Сергея Витальевича задержаться. – Вы сказали очень хорошее слово на выпускном, Сергей Витальевич. Всё очень правильно, и тема поднята важная. И изложили вы ее как настоящий лирик, хотя вы и физик. Хе-хе. Но прошу вас, если будем живы-здоровы на следующий год, непременно говорите (а я уж буду опять вас просить подготовить слово, так и знайте), пренебрежительнейше говорите о том, что напиваться и безобразничать на выпускном нельзя. Нельзя орать на улицах ночного города, нельзя в фонтанах купаться, нельзя вести себя по-дикарски в такой важный и незабываемый день. Ведь не в безобразиях же праздник, согласитесь. Я сейчас еду в райотдел милиции. Там через час собирают директоров школ района. Будут доводить информацию о выпускниках, задержанных этой ночью за неподобающее поведение. Кажется, есть кто-то и из наших красавчиков или красавиц. Ну, не умеют наши люди пока праздновать без буйства, без ненужных глупостей. Пока. Так что подумайте над моими словами и развеите их в небольшую речь на следующий год. Времени у вас предостаточно.

О, спорт, ты – мир...

«Пусть лучше молодые люди соревнуются на спортивных площадках, нежели убивают друг друга на полях сражений». Такова была одна из главенствующих мыслей господина Пьера де Кубертена, возродителя Олимпийских игр. Дело было вскоре после франко-прусской войны в конце XIX-го века. Мне хочется говорить об этой функции спорта – об аккумуляции энергии войны и попытке перевода ее в мирное русло.

Человек – существо падшее, и война для него – одно из губительных, но естественных внутри греха состояний. Он и сам с собой воюет, и любая семья это поле битвы время от времени, и животных он терзает, и природу насилует. Как же человеку вокруг себя с оскалом не смотреть? И спорт, как состязание, изначально связан с войной. В мирное время мужчины и юноши метали копья, пускали стрелы в цель, скакали на лошадях и колесницах, бегали с оружием в руках, боролись и бились на кулаках сначала в виде тренировки. Лишь со временем эта удал молодецкая, отпочковавшись, превращалась в захватывающее зрелище. По крайней мере, мне так кажется, и если не верите, примите мои слова просто как гипотезу.

Другие виды деятельности, ныне являющиеся спортом (покер и стрип-денс не в счет), тоже связаны не с удовольствием от жизни, а с выживанием, с повседневной тяжелой деятельностью. Это гребля, плавание, поднятие тяжестей. Здесь нет оружия и схватки, но в любом случае это трансформированная энергия борьбы за жизнь, превратившаяся в зрелище. Казалось особняком стоят игровые виды спорта, там, где летает воланчик, где рукой, ногой или ракеткой бьют по мячу. Но я хочу сказать, что и эти виды спорта являются трансформацией аккумулированной энергии войны. Под шумовой фон с бразильских трибун на ЧМ сегодня эти слова могут кого-то особенно заинтересовать.

Есть войны тотальные, народные, Отечественные. Их ведет весь народ без изъятия: партизаны и подполье в тылу врага, трудовой фронт в собственном тылу, схватки на всех

фронтах. И нет такой области, которая бы уклонилась от военной нагрузки. Все для фронта! Все для победы! Но есть и войны классические, когда не весь народ воюет, а только армия. Народ же переживает о состоянии дел на фронтах, читает сводки и бюллетени, но в кафе и театры ходить не отказывается. Так «воевали» парижане во Вторую мировую или русская интеллигенция в Первую. Спортивные зрелища похожи именно на этот вид «диванной» войны. Команда – это «армия» наших. Болельщики на трибунах – это «народ», сердцем и горлом переживающий о событиях на поле, но сам на поле бесполезный. Команда противника это условный «враг». Болельщики «врага» – народ, воюющий с нами. Это некие Фрицы, Гансы, Джоны, чужаки, одним словом. Здесь же и пища для национализма, расизма, ксенофобии.

О том, что футбол действительно насыщен энергией войны, говорит, кстати, и такой факт, как футбольные ультрас. Эти явно не согласны с лозунгом «О, спорт, ты – мир!». У них на это свой взгляд, и не получается у них чисто и невинно радоваться на спортивном празднике жизни. (Любопытно, что болельщики такого заводного спорта, как хоккей, совершенно не похожи на футбольных болельщиков. Правда хоккеисты в ходе игры эффектно и часто дерутся сами, в отличие от футболистов. Видимо в эти драки энергия войны и сливается, даруя болельщикам остаточный мир.)

Есть еще одна занимательная вещь. Казалось бы, что такое футбол? Ну, мяч, ну поле. Бегай, бей, старайся попасть в сетку. Но я уже предвижу как заерзали, завозмущались любители этого спорта. «Что вы несете? – скажут они, – Футбол это красота. Это искусство, в котором есть место расчету, стратегии, но есть и импровизация, личное мастерство». Вот и я об этом. Специалисты знают и рассказать увлеченно могут о рисунке игры, о планах на матч, о комбинационных схемах и проч. Если послушать разбор матча в исполнении специалиста, то получится нечто похожее на разбор шахматной партии. А что такое шахматы? Шахматы это игра стратегов, это, в индийских корнях своих, интеллектуальное упражнение полководцев. Пехотинцы, офицеры, конница... Так же и в футболе: нападение, защита, обманные комбинации, контратаки.

«Ты что хочешь нам сказать?» – спросите вы. Я хочу сказать, что спорт – и игровой, и боевой, и индивидуальный, и командный – питается энергией войны, легче – соперничества и противостояния. Но эту энергию он не преобразует. Что взял, то же и отдал. Чистый аккумулятор – зарядился электричеством и отдал электричество же. Поэтому никакого мира спорт никогда не приносил и принести не может. Вечно его (спорт) втягивают в политику, и страсти в нем бурлят, и деньги бешеные крутятся. А кто преобразует? Ну, это трудный вопрос. Зеленый лист преобразует. Поглощает свет, углекислый газ и воду, а на выходе дает органическое вещество. То есть он берет одно, а отдает качественно другое. Вот таких видов деятельности человек и не придумал, и не изобрел. Человек понимает, что ему все время угрожает война, одна другой циничнее, одна другой разрушительнее. И пытается человек спастись от них, но не выходит. Кубертен спортом спасался, хиппи свое противоядие придумали. Говорили «Make love, not war». Но и у этих тоже ничего не вышло, кроме нескольких сносных мелодий на фоне тотального блуда, наркотиков и пропавшей молодости. Война осталась.

И вот уж не знаю, то ли в насмешку, то ли по совпадению, то ли есть какая связь мистическая, но целый ряд кровопролитных и циничных войн на наших глазах было развязано под Олимпиаду, во время нее или несколько времени спустя. Нападение на Цхинвал началось во время Олимпиады в Пекине. Майдан вывел градус беснования за точку кипения во время Олимпиады в Сочи. В 1984 году Зимняя Олимпиада в Сараево прошла под эмблемой миролюбивого Вучко, а уже в начале 90-х этот город скорее напоминал Сталинград. Или всемирный праздник дружбы и спорта превращается в место

бойни, или время проведения всемирного спортивного торжества совпадает с бойней на другом конце земли. Не знаю, что именно, но что-то в этом есть.

Я вовсе не выступаю против спорта. Я за него. За массовый, за любительский, за профессиональный. И за своих я болею, что в боксе, что в футболе, что в хоккее. Я своим, то есть нашим, горячо желаю победы. Но хочу сказать, что если мы ищем мира в спортивных зрелищах, то мы не там ищем. Мир не оттуда подается. Литургия начинается призывом помолиться «О свышнем мире и спасении душ наших». «Свышний мир», это — «мир сверху», мир, ходящий из горнего мира, от Бога. Если оттуда он не придет, то ниоткуда больше не придет. Это исключительно Божий дар, как и премудрость или смирение.

Сказанное выше не стоит воспринимать, как критику спорта. Наоборот, моя бы воля, бросил бы клич: «Православная молодежь, марш в спортзалы! Марш сжигать лишний вес и дурную силу, которую некуда девать. Марш бороться с ленью и побеждать, во-первых себя самого!» Чем не составная часть национальной идеи?

Сказанное следует понимать в качестве попытки расставить смыслы на свои места. От спорта не следует ждать того, что спорт, в принципе, дать не может. Мира, любви друг к другу, международного примирения, упразднения расизма он дать не в силах. Не в силах потому, что сам он есть — энергия войны и гордого соперничества, одетая в спортивную форму и решающая свои проблемы на специально подготовленной спортивной площадке.

Сколько?

Одно слово «Вперед», и войска сшибаются в атаке, после которой многим придется подняться только на Страшный Суд. Одно слово женское «да» и мужчина берет ее под руку, чтобы идти к алтарю — начинается новая жизнь для двух людей, от которых затем родятся новые люди. Несколько слов Иисуса Навина: «Стань солнце над Гаваоном», и совершается нечто непонятное ни физику, ни лирику — законы природы меняют свой ход, чтоб Израиль совершил мщение. Одно слово, два слова — и жизнь, как река, меняет направление своего течения. Слово не просто сопровождает человеческую деятельность — слово рождает реальность и управляет ею. Это касается не всех слов, а тех, о которых сказано: Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря. (Еккл. 12:11) Но сколько вообще говорит человек, сколько слов произносит за день, за жизнь?

Вопрос не праздный, поскольку качество и количество всегда находятся в некоторых противоречивых отношениях. Чем больше ворох конвейерного ширпотреба, тем тяжелее отыскать в нем нечто уникальное, ценное. Чем хуже мы относимся к словам, тем тяжелее в нужное время сказать одно нужное слово, чтобы было оно как игла и как вбитый гвоздь. Итак, сколько говорит человек? И если мы получим приблизительный ответ, из-за спины первого вопроса выглянет второй: о чем так много\мало говорит человек?

Ученые разных кафедр оказывается давно интересуются этим вопросом. Например, вопрос этот исследовали психологи из Университета Аризоны. И не только они. Тем же вопросом интересовались дотошные японцы и еще много кто. Исследования опровергли, как всегда бывает, ряд ложных стереотипов. Например оказалось, что мужчины болтливы почти так же, как женщины. Стыдно, но факт. Вестимо — показатели болтливости варьируются в зависимости от того, горожанин исследуется или селянин, образованный человек или простой рабочий, представитель горячих народов (итальянец) или холодных (финн). Дело во многом заисит и от профессии. Болтунами оказались менеджеры по продажам (оно и понятно), парикмахеры (это уже занятно), офисные начальники, журналисты. Зато в молчуны попали продавцы, что несколько удивительно. И еще удивительно то, что сельские люди говорливее горожан. Но все-таки: сколько?

Пропуская вниманием явных молчунов, который обходятся в день полутысячей слов, и проходя мимо тех, у кого рот не закрывается (эти выбрасывают изо рта, что из твоего пулемета, до 40 и больше тыс. слов в день) в среднем за день человек произносит 15-16 тыс. слов. Нет сомнений, что цифра эта условна и, применимо к разным людям, может серьезно колебаться в одну или другую сторону. Но много это или мало, и с чем сравнить? Любые цифры нужно попытаться овеществить, сделать результат наглядным. Сказали мне недавно, что миллиард от миллиона в купюрно-долларовом воплощении отличается так же, как грузовой вагон отличается от чемодана-дипломат. Теперь легко представить абстрактные цифры.

Я сам не производил исследования, но верю общему направлению подсчетов и результатам. Верю не до последней цифры, но доверяю порядку цифр. Итак, досужие умники, считавшие то, что редко кто считает, говорят: Все произнесенное человеком за целую жизнь, в случае переноса на бумагу дает (!) тысячу томов по 400 страниц в каждом. Вот, передо мной две книги, которые я сейчас читаю. Это «Записки революционера» П. Кропоткина издания 1906 года (в ней 460 страниц) и «Письма» Флобера 1956 года издания. В ней 490 страниц. Около тысячи книг такого объема наговаривает каждый человек! Восхитительно! Но тут же известным персонажем из табакерки выскакивает другой вопрос: А что он там наговаривает? Если весь словесный шум и мусор собрать на бумагу, то получится не переписка Флобера, а нечто такое, от чего бумага покраснеет, как флаг коммунистической партии. Итак, все мы — писатели, только книг этих лучше бы не читать.

Соединим попутно идею наговаривания текста и сам написанный текст. Техническая революция подарила нам диктофон, и можно говорить, не утомляя руку, а потом расшифровывать сказанное и класть слова на лист. Так что говорение и писание вовсе не далеки друг от друга. И пишущий по сути говорит, и говорящий пишет.

Один режиссер говорил мне в виде грустной шутки, что вечной карой для работника искусства может быть вечный (!) просмотр своей халтуры или глупостей, которыми он на земле наполнял воздух и сердца людские. Это вовсе не шутка. Это подлинный ужас — смотреть на себя со стороны и понимать, какими глупостями и гадостями ты занимался всю жизнь. Если кто-то думает, что это только актеров и журналистов касается, он ошибается. Смысл сказанного выше заключается в том, что мы все без исключения — писатели (кстати, и актеры тоже). Вдруг нам придется со временем прочесть все нами сказанное, превращенное в текст? Вдруг это и будет составной частью наших нравственных мучений? Искренно желаю, чтобы в данном случае рукописи горели, ибо если они не горят, то горят со стыда те, кто их написал.

Если вы принимаете в виде посылки ход изложенных мыслей, то вы поймете без труда, почему один из видов духовной практики — молчание. Поймете вы и строгость слова Спасителя: Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься. (Мф. 12:36) Все это, быть может, поставит некие фильтры в нашем сознании, и мы осторожнее станем относиться к слову. А если и родит наше глупое сердце соответствующий членораздельный звук, то может быть мы вспомним, что у языка две преграды — губы и зубы, и удержим в себе ненужное, прикусив язык.

И последнее на сегодня. Культура молчания так же полезна, как культура поста. Ожиревший мир думает о диетах. Загазованный мир думает об экологическом топливе, а еще додумался устраивать кое-где «день без машин», когда люди ходят пешком или пересаживаются на велосипеды. Но болтливый мир тоже должен, ради экологии души, устраивать дни тишины (не путать с днем перед выборами), должен уменьшать общее количество сказанного. Во-первых, это уменьшение уменьшит общее количество греха. А во-вторых, тот кто умеет сдерживать язык, если уж заговорит, то заговорит качественно. Видимо таким и был Иисус Навин, сказавший солнцу над Гавоном: «Стань!»

Верные, об оглашенных помолимся...

Оглашенные как чин у нас отсутствуют. Не у нас одних. Вообще отсутствуют и давно. Не знаю, возможно ли в нашем информационно передозированном, урбанизированном, а значит густонаселенном, торопливом мире, полном одновременно и суеты, и отчуждения, воссоздать оглашенных как чин. То есть не просто батюшке учить и готовить к крещению людей на приходе, что необходимо, а собрать их вместе, внести в списки, регулярно изучать догматы и знакомиться с Писанием. Научить регулярно посещать богослужение и смиренно уходить на слова «Оглашенные, изыдите», а потом крестить всех подготовленных в Великую субботу и подвести к Евхаристии в белых одеждах и со следами мира на омытом теле к радости всей общины. Всё это в полноте и всюду воссоздать трудно, особенно в масштабах такой огромной Поместной Церкви, как Русская. Трудно как для духовенства (уж очень специфичен труд учительства и тайноводства), так и для мирян. Для последних потому, что, как сказано выше, живем мы в мире быстром и пустом, напичканном событиями, но бессодержательном. И от Церкви множество людей на каком-то подсознательном, столетиями воспитанном уровне ожидает треб, а не мудрости; обряда и кратковременного умиления, а не учения о новой жизни и соответствующей практики. Но молитвы об оглашенных у нас есть.

А раз молитвы есть, то нужно наполнить их каким-то практическим смыслом, чтобы не бились слова в потолок, чтобы не блуждало сердце на молитве. Какой же смысл привязать к этой ектении?

Если у кого-то есть друг (друзья), которые годами ходят вокруг да около храма, но внутрь не заходят, читают много всякой религиозной литературы, ищут, одним словом, то, быть может, самое время поминать их на этой ектении? Яко да Господь помилует их... Огласит их словом истины... Откроет им Евангелие правды... Они, положим, слышали уже о Христе, быть может уже и веруют, но мучатся, как в свое время блаженный Августин, от того, что не готовы отдать Богу сердце и жизнь. Таких людей с двоящимся сердцем и

пытливой душой много. Молитва толкнет их, придаст то мягкое ускорение, которого всем не хватает для последнего решительного шага. Давайте поэтому подумаем: может, в самый раз поминать их в указанное время Литургии? Поминать в голос с именами.

Или еще одна распространенная ситуация. У кого-то (много таких) родственник – сын, брат, жена – отошел от Церкви и пристал к какой-то религиозной группе вне Православия. Родственники традиционно переживают и спрашивают: как молиться? Давайте подумаем: может, не обязательно служить только специальные молебны? Может, на Литургии вместе с оглашенными поминать таких людей в том случае, если не ушли они в сатанисты, или иеговисты, или сайентологи (список нужно внимательно уточнять)? В число верных их включать нельзя, да и сами они уходом в страну далече себя из списков верных на время вычеркнули. Но и вовсе чуждыми их Христу и Церкви считать никак нельзя в случае ухода, скажем, в баптисты. Все-таки крещены и от Крещения не отказывались. Конечно, каждый случай – отдельный. И разбираться нужно со всеми случаями отдельно, рассуждать, что тоже труд немалый, и ложится он целиком на священников. Общие правила, которые работали бы безотказно, вывести трудно.

И есть у меня еще одна мысль в контексте начатой темы. Кто не рассуждал с выплеском самых разных эмоций на тему множества приезжих в Москве. Те из приезжих, чья кожа иного цвета и чей говор несет в себе ноты степи или ветер с гор, чаще всего мусульмане. Ну, не христиане точно, за исключением грузин и армян. Вокруг этого явления плотно роятся вопросы и проблемы. Как сделать мультикультурное общество мирным? Как помочь пришельцам инкультурироваться? Как самим у себя на Родине не раствориться в иноплеменном море? Эти вопросы должно ставить и решать государство. Но и у христиан есть свои вопросы к теме. В каком-то смысле люди иной культуры, проживающие в христианской стране, – это оглашенные. И чем более страна заслуживает имени христианской, тем больше происходит это мягкое оглашение через повседневное общение, через слух и зрение, через атмосферу праздников и будней, через саму жизнь.

Мигранты разнообразны, как сама жизнь. Некоторые из них, быть может, так и не выучат язык, так и закроются в своих кварталах или уедут, заработав денег, домой. Особенно в первое время по приезде они будут жаться друг к другу, искать своих, сильно скучать и проч. Но постепенно многие из них разговариваются, привыкнут, найдут друзей среди местных; создадутся и смешанные семьи. И здесь уже есть смысл говорить о возможном оглашении. Отметим, что в каждом народе есть люди более и менее чуткие к нравственным вопросам, люди более и менее открытые к поиску Бога и общению с Ним. Вот те, что более открыты, будут прислушиваться и присматриваться, заходить в наши храмы, брать со временем книги. И вот думается мне: не попробовать ли подумать о множестве людей, которых мы привычно считаем чужаками, как о возможной пастве? А если получится выдавить из себя подобные мысли (ибо это нелегкая задача), то не думать ли о них на той самой ектении об оглашенных? Например (про себя) вот так: «Помяни, Господи, большое множество иноплеменных и иноверных рабов Твоих, среди нас поселившихся, имже отверзи умные очи к познанию Тебе, Истинного Бога и Спасителя. Научи нас всех братской любви друг ко другу и приложи спасаемых к Святой Твоей Церкви».

Безусловно, вопросы поднятые непросты, и мы ничего не решаем окончательно в этих строках, но лишь предлагаем тему для размышления и обсуждения. Однозначно лишь то, что жизнь движется мыслью, и силу мысли недооценивать нельзя. Как только мысль начинает двигаться в ту или иную сторону с постоянством, вся жизнь разворачивает свой курс в сторону, указанную мыслью. Какие же мысли движут нами внутри поднятой темы? Их немного, и вот они: 1) желание, чтобы слово Божие росло и люди от всех племен и

языков входили в Церковь и 2) стремление насытить пониманием и личным отношением всякое слово и действие в Божественной Литургии.

Мы с вами святые по призванию

Проповедь протоиерея Андрея Ткачева в день Всех Святых, 15 июня, в храме мученицы Татианы в Москве

Христос Воскресе! Церковь празднует Пасху 52 раза в год – ровно столько воскресных дней есть в году, и Пасха празднуется каждое воскресенье, поэтому мы, не согрешая, ничего не отменяя, ничего не нарушая, можем приветствоваться пасхальными словами в день малой Пасхи – в воскресный день.

Сегодня мы совершаем с вами память Всех Святых, от века Богу угодивших, ведомых и неведомых. Думаю, что неведомых больше, чем ведомых. Этот праздник логически вытекает из предыдущего воскресенья, которое было воскресеньем сошествия Святого Духа на апостолов.

Дух Святой сошел на Господа Иисуса на Иордане в виде голубя, а до этого голубь участвовал, настоящий голубь, не Дух в виде голубине, а настоящая птица – голубь – участвовала в истории мира при потопе всемирном.

Я бы хотел вам сказать о том, что Дух Святой ведет себя примерно так с человеком, как вел себя голубь, выпускаемый Ноем из ковчега. Как вы помните, вода шла очень долго, горы размокли, и темные тяжелые воды, насыщенные трупами людей и животных, били о стенки ковчега. Потом вода перестала, а все было покрыто этой водной стихией, и чтобы найти сухое место, Ной выпускал из ковчега птиц.

Сначала ворона, потом голубя. Голубь летал и прилетал. Ной вынимал руку из ковчега... Кстати, голубь возвращался обратно, потому что не было для ног его места покоя. Потом однажды он улетел и прилетел с маленькой добычей – с масличным листиком во рту. А потом улетел – и уже не возвращался, что означало, что он нашел для себя место покоя, и уже вода начала сбывать, уходить с земли.

Вот точно так же ведет себя Господь, Дух Святой, Дух Животворящий, с человеческой душой. Он летает и прилетает, он приходит и уходит, он ищет себе место покоя. Не находит его. Приходит к человеку и уходит от человека. Опять приходит и опять уходит. Много раз на дню Дух Святой посещает человека и отходит от него, не находя для себя места покоя, потому что человек словно покрыт грязной водой потопа – грехами всякими.

В некоторых душах Господь находит маленькую жатву – некий масличный листочек во рту приносит с собою. Это значит, кто-то что-то доброе сделал. То, что доброе человек сделал, это от Духа Божьего. Апостол Павел говорит, что мы не можем не только сделать, но и помыслить ничего доброго от себя, но всё — дарование от Господа.

Человек говорит: «Простил врага» и считает это великой жертвой. Или смирившись над стариком, больным, нищим, беглецом, пришельцем и так далее – это великая жертва. Человек хотел сказать гадость и прикусил язык – это великая жертва. Человек заработал сумму X и X разделил на 10, отдал в руки неимущему – это великая жертва. Все это масличные листочки во рту у Духа Святого, в клюве у Великого Голубя. А вот если он уже прилетел и не улетаёт, нашел место покоя и никуда не уходит, то это уже святость. Дивен Бог во святых своих, это Бог Израилев. Святость – это когда Бог живет в человеке. Святость не зависит от человеческих трудов, святость есть дар Божий. И к святости призваны все люди.

Вот мы с вами являемся святыми по призванию. Когда священник в алтаре служит службу, он говорит: «Святая святым». «Святая – это двойственное число. Это имеется в виду Кровь Господня и Тело Господа. Святая – святым. Кому? Вам.

А как бы перепугавшись этого призвания, люди говорят: «Что вы! Что вы! Един свят! Един Господь! Иисус Христос во славу Бога Отца». То есть не я святой, Господь свят. А мы святы по причастию. Господь свят по природе, а мы святы по причастности к нему. Кто с Богом, тот свят.

Что мы можем сказать о святости, христиане? Во-первых, скажу, что святость парадоксальна. Святость неузнаваема при близком рассмотрении, в упор. Святого и грешника очень легко перепутать. На примере самого святого – Господа Иисуса. Мы видим, что Его святость была непонятна и отвергнута, то есть святых не понимают. Мы думаем о святых что-то, а святые – это другие, они совершенно иные, они совершенно не такие, какими мы себе хотим их представить.

Порядочность – это не святость. Святость больше. Праведность – это не святость. Святость больше. Святость удивительна и парадоксальна. Есть святые, которые святы от чрева мамы. Например, Иоанн Предтеча. Он знал Господа, когда еще был во чреве. Господь был во чреве девы Марии, Предтеча был во чреве Елизаветы, и Предтеча уже игрался во чреве, потому что радовался о Христе в темноте утробы.

Человек живет в материнской утробе в воде и головой вниз, в темноте и ест через пупок, а рот, нос и уши закрыты – это самое фантастическое состояние человечества. То есть не нужно фантастику читать, нужно просто почитать, как пребывает ребенок во чреве мамы. Предтеча был свят еще во чреве. Большинство святых святы святостью, приобретенной во взрослом возрасте. Например, мученик Вонифатий был грешником, потом отправился и кровь за Христа пролил. Большинство святых – это люди, которые пережили опыт греха, и болезненно, с тяжестью, с мукой этот опыт греха во Христе преодолели. Таких святых большинство.

Меньшинство, гораздо меньше – это такие, как преподобный Сергей Радонежский, которые с детства в среду и пятницу грудь не брали и постились с самого маленького возраста, и пошли-пошли-пошли наверх. Но таких очень мало. Большинство святых – это люди, которые пережили опыт греха, и потом изблевали этого змия из себя и перемучались борьбой со своим собственным опытом греха.

Что еще можем сказать о святости? Скажем о ней, что она тяжело приобретается и легко теряется. Приобретается святость десятилетиями, теряется за полминуты. Одно лишнее слово, один ненужный взгляд, одно движение гнева – пропали труда десятилетий. Давид, сколько святой был человек, один взгляд на купающуюся женщину – и совершил прелюбодеяние, убийство, ребенок, рожденный от блуда, умер, и пошли кошмары дальше. Один взгляд святого человека может перечеркнуть всю святость прошедшей жизни. Вы это знаете по себе, как тяжело мы добываем добродетели и как легко их теряем и по прошествии многих лет мы наблюдаем, что мы ничего толком не приобрели.

Однако, дорогие христиане, сегодня у нас должно зажесть желание опять стать святыми. Мы должны, во-первых, назвать для себя своих врагов. Какие наши грехи? Наши домашние. Враги человеку – домашние его. Самые родные наши грехи, самые любимые наши безобразия, самые родные наши мозоли – это наши грехи. Пожалуйста, сегодня вспомните, какие грехи вами наиболее любимы, какими грехами вы более всего грешите, и от чего вы не собираетесь избавляться, и начинайте избавляться от них сегодня, потому что грехи есть главный наш враг. Когда мы умрем – это они нас в рай не пустят. «Рада бы душа в рай, но грехи не пускают». Поэтому сегодня пересмотрим свою жизнь и постараемся, постараемся опять начать войну с тем, с чем мы воевать не хотим.

Потом вспомним, кого из святых мы знаем. Мы знаем много святых, скажем Николая Чудотворца, Серафима Саровского, царственных страстотерпцев, но вы спросите себя сегодня – кого из святых я чувствую? Потому что есть святые, которых я не чувствую, а есть святые, которых я чувствую, как родных.

Случилось так в моей жизни, что я служил в храме великомученика Георгия 12 лет и каждый день читал ему акафист, но я его абсолютно не чувствовал. А потом, спустя пять лет после того, как я покинул тот храм, где я служил, храм святого Георгия, однажды на праздник великомученика ко мне пришло чувство, что я его люблю. Я познал Георгия через 17 лет, после того как я был священником, минуя 12 лет ежедневных ему молитв, то есть я его не чувствовал.

Есть святые, которых чувствует человек, например, Ксению Блаженную или Иоанна Кронштадтского или Великомученицу Варвару, или святую Татьяну. Спросите себя, каких святых не просто чтите, а чувствуете, любите, потому что мы – родственники с ними. Если человек переезжает в другой город, ему нужно там кого-то знать, ну, хоть кого-то, хоть пару номеров телефонов, чтоб было, где кости бросить, чтобы было, у кого хлеба попросить. Когда мы переселимся в другую жизнь, нам нужно будет знать тех, кто там живет. Кто там живет? Филарет Московский там живет, Татьяна Великомученица там живет, те, которые лежат в Успенском соборе Кремля – Алексей, Петр – митрополиты московские, они там живут, мы должны их знать. Мы должны знать тех, кто уже сегодня живет в Царстве Небесном. Это родные нам люди, мы их узнаем.

Закончу сегодня тем, что читал у одного афонского монаха, он сказал так: «Если я попаду в рай, если такое удивительное событие совершится, и так я попаду в рай, я удивлюсь там трем вещам: первое, что я в раю, неужели я в раю; второе, я удивлюсь, что я увижу там тех, кого никак не ожидал там увидеть; и третье, я удивлюсь тому, что я не увижу там тех, кого 100 % ожидал увидеть».

Вот такой он, рай, удивительный, непонятный, превосходящий всякое разумение, в котором мы с вами должны жить не за наши заслуги, а за заслуги Господа Иисуса, за его воплощение от Девы Марии, за его смиренную жизнь на земле, за его великую проповедь, явленную в чудесах и знамениях, за его кровь, пролитую на Голгофе, за его святое Воскресение. В день Страшного суда мы должны будем не только бояться, но и радоваться, потому что мы узнаем его, любимого нами, и кровь его, и плоть его в нас сегодня, мы причастились. Мы узнаем святых, которых мы любим, призываем на молитву. Мы многое узнаем, и радостей наших никто не возьмет от нас. Поэтому, призвав вас к святости, желаю вам рано или поздно войти в рай.

Вот сегодняшнее евхаристическое собрание – это рай пред раем, это на пороге рая маленький рай. Поэтому каждое воскресение будем собираться в храмах здесь или в другом месте, будем насыщаться Евхаристией, будем стремиться к тому, чтобы быть святыми, ибо воля Божия – есть святость наша, чтобы мы воздерживались от всякого греха. Будем стремиться туда, где Татьяна, Филарет, Иоанн Кронштадтский, царственные страстотерпцы, Николай Чудотворец, Серафим Саровский, чтобы мы были с ними вместе у их ног, как говорится в одной древней молитве: «Собери нас, Господи, под ноги святых твоих когда хочешь и как хочешь, только без стыда».

Аминь. Христос Воскресе!

Сон Раскольниковова

Люди перестали пахать и сеять. Люди перестали здраво воспринимать окружающий мир, потому что мозг их воспалился от горячечных видений. Споры и крики заполнили воздух. С легкостью стали основываться партии и союзы, чтобы вскоре с той же легкостью распасться посреди взаимных упреков и обвинений в предательстве. Хозяйство пришло в упадок. Митинги и мятежи переросли в поножовщину и пожары. Но и когда, озаренный бессмысленным пламенем самоуничтожения, мир приблизился к своему концу, люди продолжали спорить и кричать до хрипоты, уверенные в своей правоте и никого не слушаая.

Перед вами вольный пересказ той картины, которая в страшных сонных видениях представлялась на каторге Родиону Раскольникову. И до чего же она похожа на репортажи из печально прославившейся восточно-европейской столицы, той самой, что еще недавно дерзала себя сравнивать по святости с Иерусалимом. Крики о справедливости не смолкают, а хозяйственная жизнь стоит. Споры разгораются на каждом шагу, и каждый из спорщиков не слушает другого. Еще бы! Каждый спорщик изначально уверен в абсолютной правоте собственной персоны и абсолютной неправоте оппонента. Раскручивается маховик злобы и непонимания. Соседи ссорятся, семьи рвутся. Хищный глаз гордеца-неудачника рыщет вокруг в поисках виновных. Страна рассыпается под звуки мантр о близком и неизбежном счастье. И обугленные здания в центре города – всего лишь указание на обуглившиеся души людей, уверенных в своей самоубийственной революционной правоте.

А где же причины столь неприглядной картины с непонятным и угрожающим будущим? Сколько бы нам ни говорили «британские ученые» об алхимической важности политики, экономики и сексуального здоровья, все взлеты и падения человечества коренятся в духе. И успехи связаны со свободой чад Божиих, а провалы – с беснованием, с порабощением духа человеческого духу падшему. Раскольникову именно так и грезилось. «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные».

Раскольников – убийца. Можно подумать, что поделом ему бесноваться и метаться в жару ночных видений. Но это будет слишком быстрый и поверхностный ответ. Раскольников не родился убийцей. Он стал им по причине ложной и глубоко усвоенной идеологии. Вообще не патологическая кровожадность, а ложная идеология плодит и творит самых опасных и злодеев, и преступников. Если каторжные сны убийцы-идеалиста до мелочей совпадают с реальными буднями целого народа, то можно предположить, что и причины их страданий схожи. Ложная идеология!

Раскольников – правдолюбец. Мир в его глазах несправедлив, и он решается заняться исправлением мира по своим нравственным лекалам. Обратим на это внимание, ибо правдолюбцы и идеалисты очень опасны. Они благотворны, если верят в Бога и с Ним – Единым Человеколюбцем – пытаются лечить язвы мира. Если же они безбожны, как Сальери, и, как Сальери, раздражены несправедливостью, то их потуги эту самую справедливость установить будут пахнуть серой.

Раскольников согласен на кровь, и даже более. Именно кровь он воспринимает как цену за право на переустройство мира. Он не собирается убивать кого попало. Он выискивает жертву среди тех, кому отказывает в праве на жизнь. Старуха для него – паук, не более. И не убивать ее, а давить он собирается. А кто из нас пауков не давил? Человека вначале расчеловечивают, прикрепляя к нему ярлык «низшей расы», выродка, каторжника, злодея, насекомого... Потом его убивают с неслыханной легкостью, ибо смерть его уже не только не грех, но и чуть ли не добродетель. Отметим для себя и эту черту.

Далее. Топор, раскроивший череп старушки, раскроил и еще один незапланированный череп – Елизаветы. Перед нами еще один закон, неумолимый и жестокий: от рук людей, лихо наводящих справедливость, непременно падут замертво невинные люди, отчего общая несправедливость только увеличится. Бес посмеется, люди заплачут, а близорукие Робин Гуды вдруг обнаружат, что они не гармонизаторы Вселенной, а обыкновенные злодеи. Они почувствуют себя в шкуре Каина, и теперь стонать и трястись им до смерти. Стонать, трястись и придумывать себе оправдания. «Мы не знали», «мы не догадывались», «так получилось», «нас обманули». Весь ад полон подобных звуков. Собственно, Раскольников – это и есть Каин, только Каин покаявшийся, что далеко не каждому «каину» удается.

Наконец, ничто из запланированного Раскольниковым не удалось. Получилось нечто совершенно неожиданное и страшное. Так и в революции выходит всегда (!) не то, что хотели, а нечто неожиданное и страшное. И будет он теперь метаться в собственном аду, который носит под сердцем, пока не сдастся властям от непомерного груза вины и от тошноты ложных идей. Вот откуда, из этого ада, пришли к Раскольникову на каторге пророческие сны о трихинах, обладающих умом и волей, о пожарах и мятежах, о гибели мира от рук самоуверенных слепцов.

Что же роднит литературного убийцу и вполне осязаемый столичный город, вступивший в очередную руину? Очевидно – ложная идеология. Идеология злобного превосходства, выросшая из комплекса неполноценности.

– Мир несправедлив, ибо я лишен того, чего заслуживаю, а заслуживаю я очень многого. – Так сказала идеология, с которой согласилась восставшая часть народа.

– В общем и целом я очень хорош, а беды мои и исторические неудачи коренятся не во мне, а во внешних причинах.

– Так продолжила идеология, и народ кивнул одобрительно. – Виновны в бедах моих вот эти, и эти, и эти (чаще всего все более успешные соседи).

Далее только остается брать в руки топор (Герцен звал к нему), булыжник (он же – орудие пролетариата), тротуарную плитку, коктейль Молотова (даром что бренд коммунистический). Далее будет пролита первая кровь, как правило – невинная. Она никого не остановит, но только распалит странный аппетит и во многих пробудит зверя. Далее крови будет больше, больше, больше, ибо ящик Пандоры будет раскрываться шире, шире и шире. Далее впору думать о том, что написано в Откровении – там, где скачут всадники и под одним из них – конь бледный. Но пока ситуация не в финале еще, но в развитии. Центр города стоит обуглен, и так же, надо думать, обуглены мысли многих жителей. Хозяйственная жизнь остановлена, и грядущая осень угрожает новой волной бунтов. Страна распадается и агонизирует в крови, к которой уже привыкают. Но счастья хотеть не перестают, и спорят, спорят, не слушая и не уважая собеседников.

Сон Раскольникова становится явью там, где вчера еще играла музыка, цвели каштаны и били фонтаны. И кто бы мог подумать в нашем эгоистическом и материалистическом мире, что такой жуткой разрушительной силой обладает эфемерная вещь под названием «ложная идеология»?

5 вопросов о смерти — накануне Троицкой родительской субботы

Тема смерти, болезней и ухода наших близких, нашей собственной кончины, не является излюбленной и популярной в СМИ. Но приближающийся важный день церковного поминания умерших — Троицкая родительская поминальная суббота (в этом году — 7 июня), считаем, достаточный повод, чтобы затронуть все эти вопросы.

«Нужна культура размышлений о смерти, культура разговора о ней, культура правильных мыслей о смерти», — считает известный миссионер и проповедник протоиерей Андрей Ткачев. Свои 5 вопросов мы ему и адресовали...

Вопрос 1. Что делать, если боишься смерти?

– Отче, что делать, если человек, находящийся на одре болезни, боится смерти? Что ему можно сказать, как утешить?

– Сказать-то ему можно много, а можно и ничего не говорить...

Бояться смерти – это совершенно понятное состояние. Христос трепетал и ужасался смерти, греха не имея, она совершенно чужда была Ему. Нам она более родная, потому что мы грешные.

Но здесь, знаете, разговоры и философия помогают до некоторой поры. Страх смерти сначала нужно принять как данность, нужно перемучиться этим страхом, перепотеть холодным потом этого страха.

И в этом тоже есть некое наказание. Писание говорит, что «боящийся несовершенен в любви» и «в страхе есть мучение». Все виды мук, которые испытывает человек, – это побочные последствия греха, это последствия, в общем-то, нашей порчи. Поэтому и муки страха – это муки, связанные с нашими грехами.

Поэтому первое, что нужно – пусть человек побоится, пусть ему будет страшно. А что сделать, чтобы ему не было так страшно? Нужно побыть с ним рядом, если он хочет этого, или нуждается в общении, если его мучит одиночество, умноженное на страх.

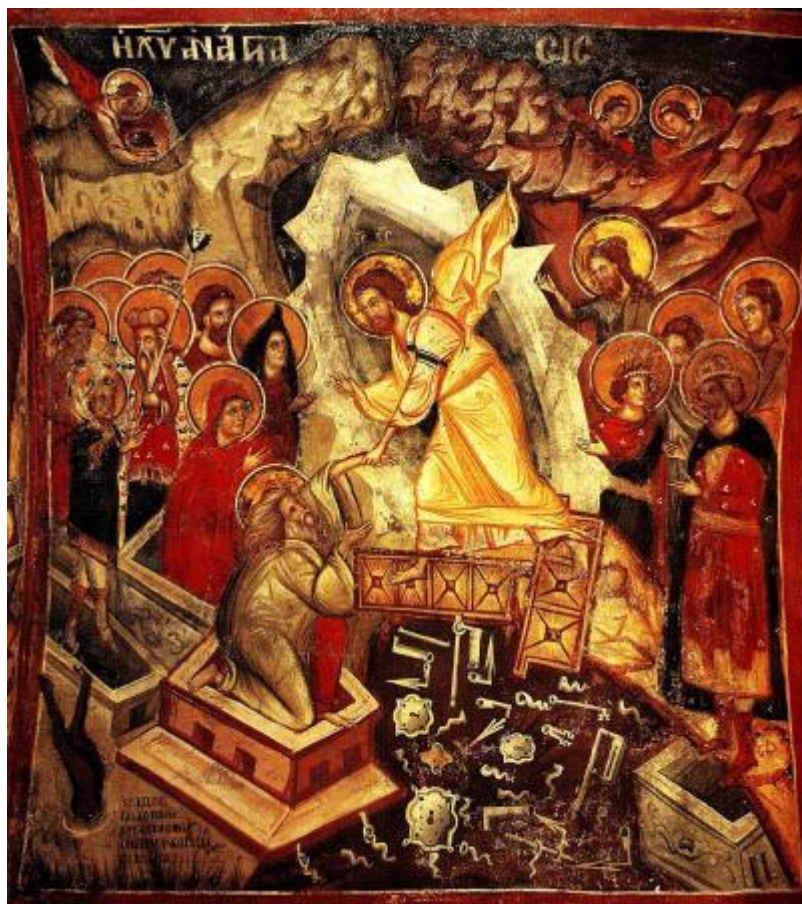
Нужна молитва за него и его личная молитва.

А дальше нужно обязательно идти на врага, а не прятаться от него. Потому что враги растут в количестве и в силах по мере прятанья от них.

Как и в любой житейской проблеме, с любой бедой: если наступает какая-то проблема, и ты убегаешь от нее, то она превращается в гиганта, а ты — в лилипута. Ежели ты останавливаешься и идешь на проблему, она имеет свойство уменьшаться в размерах.

Поэтому нужно идти на страх. Перебоявшись, переболевши, перемучавшись им, нужно прыгать вперед, как прыгает на врага загнанный в угол зверек. Зверек убегает, пока его не зажмут в угол. Потом даже самый маленький зверек превращается в агрессора и бросается на того, кто на него нападает.

Вот так и человек должен вести себя в некоторых моментах. То есть, надо бояться. А когда уже бояться нет сил, тогда нужно идти на проблему, но идти с молитвой.

Христос ведь есть в смерти тоже. В жизни есть Христос, но и в смерти теперь есть Христос. С того момента, как Он умер на кресте, Он вошел в область смерти.

Бога не было в смерти, пока Христос не умер. А сегодня, когда в жизни Христа есть опыт смертной тени, теперь Он там тоже есть. Поэтому с Христом можно не разлучаться и в смерти. *«Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста»*, — это строки из псалма, который читается перед Причастием. То есть, в тени смертной есть Христос. **Вот с именем Христа и нужно входить в эту смертную тьму...**

Нам же всё равно придется входить в смертную тьму, поэтому нужно будет входить в нее с именем Христа и со страхом. Как не бояться грешнику? Нельзя не бояться грешнику... Это противоестественно. Это наглость, или глупость, или святость подлинная и беспримесная. Либо человек беспримесно свят, либо он нагл, либо он глуп, если он не боится смерти. А нужно ее

бояться... Как на войну идет человек – боится, но дерзает. Его целуют на прощание, он боится, но идет туда, где страшно, потому что идти нужно.

Так, видимо, нужно относиться к смерти. Нужно, чтобы у нас была культура разговора об этом, культура размышления об этом, культура, которая не табуирует разговор о смерти. Попробуй, заговори о смерти в кругу друзей-знакомых ни с того, ни с сего — многое узнаешь о себе и о людях.

Поэтому нужна культура мыслей об этом. Если человек мыслит о чем-то заранее, то встречаясь с этим фактом в жизни, терпеливо ее переносит.

Нечаянная беда очень страшна. Страшна та беда, которая приходит несказанно, неведомо. А когда человек готовится к операции за месяц, то когда идет на операцию, он уже перебоился и ложится под нож. Но если вдруг ни с того ни с сего тебя огородили диагнозом, то конечно, это ужасно.

Так что нужна культура размышления о смерти, культура разговора о ней, культура правильных мыслей о смерти.

Вопрос 2. Думаете ли вы о смерти, боитесь ли ее?

— Вы сам боитесь смерти?

— Конечно. Я не боюсь ее теоретически, когда сижу в кресле с чашкой чая. А когда она дышит на меня, я боюсь. Пару раз она на меня дышала.

— Думаете о смерти?

— Очень много. Больше чем о жизни, мне кажется...

— А что думаете?

— Думаю, например, о том, что качество человеческой души проверяется по тому, как легко человек просыпается.

В греческой мифологии смерть и сон – это братья-близнецы. Каждый раз мы просыпаемся, как бы «воскресая из мертвых». И я так думаю, что те люди, которые просыпаются бодро, осеняя себя крестным знаменем и радуясь солнышку, в день страшного суда поднимутся как медные пяточки. А те, которые просыпаются тяжело, жутко, нудно, еле разлепляют глаза, потом опять их залепляют, закрываются одеялом и крадут еще пару минут, чтобы поспать, – я из таких, кстати, то, мне кажется, такие еще не готовы умирать и воскресать.

Но хочется, чтобы Господь не оставил. В Великом каноне говорится: «Да не буду стяжание ни брашно чуждему, Спасе, Сам мя ущедри». «Стяжать и брашно чуждему» – это значит взять в собственность, которую надо пожрать. Дьявол приобретает человека в некую собственность, которую пожирает.

По сути вся церковная культура – это культура о смерти и победы над смертью. А все культуры, существующие в мире человеческом, все типы цивилизации произрастают именно из этого зерна, из того, как относятся к смерти люди.

Для тех, у кого богов много, для тех смерть – перевоплощение и смена их телесных оболочек. Многобожие как-то связано с реинкарнацией.

Те, для кого бога нет, для тех и душа смертна. Те верят, что из них лопух вырастет и все.

А те, у кого Бог один, верят в уникальность своей души и после смерти. Именно отсюда вырастает культура зерна во всем ее многообразии и того, что изучает человеческая цивилизация. Она изучает отношение к конечным вопросам: зачем я живу? Что будет дальше?

Вопрос 3. Как «отпустить» умирающего, если совсем не готов с ним расстаться?

– Бывает, что дорогой человек умер или вот-вот умрет, а его родные говорят: «Не могу отпустить». Что можно сказать человеку, который не может «отпустить» умирающего или умершего родственника?

– Мне кажется, что аналог смерти – расставание. Одна певица, имени называть не будем, пела в песне: «Как же мне все это преодолеть, расставание – маленькая смерть».

Вот расставание – это подлинная смерть, также, как и все рубежные состояния, которые переживает человек. Например, превращение юноши в мужчину через какую-то инициацию, например, через службу в армии. Или превращение девочки в девушку через естественные процессы. Или первая близость мужчины и женщины, женитьба. Почему во всех культурах плачут, когда девушке косу расплетают? – «Мне с плачем косу расплели, и с плачем в церковь провели». Потому что это некое умирание: она умирает как девушка и рождается как жена; одно забывается, второе рождается.

Это перемена места жизни, прощание с родным домом и навсегда уезд в другую страну. В этом смысле аэропорты, морские, речные порты, вокзалы – какие-то погребальные места. Там умирают мечты, там льются слезы, там разрываются души.

Если с этой точки зрения смотреть на все эти вещи, то мы много раз в жизни умирали, чуть-чуть, для того, чтобы потом умирать по-настоящему и иметь для этого некий опыт.

И, конечно, приходится отпускать от себя и детство, и повзрослевших детей... Выдавая замуж дочь или женив сына, родители плачут, потому что прощаются с ними, по сути это уже не их дети.

Поэтому, чем быстрее отпустишь, тем легче будет примириться с этим, потому что все равно не удержишь. Удержать не удастся, поэтому здесь нужна мудрость и терпение.

Но бывает, мы не хотим отпустить. Например, когда мама вмешивается в жизнь вышедшей замуж дочери, то она поступает эгоистично и мешает дочери жить...

Если мы не хотим примириться со смертью кого-то или смириться с отъездом кого-то навсегда, то мы тоже поступаем эгоистично: мы хотим, чтобы он/она/оно светило нам, и мы им пользовались. Он как бы безразличен сам по себе, нам интересна лишь его функция по отношению к нам, чтобы нам было хорошо рядом с ним/с ней/с ними. Нужно этот эгоизм обличить и вскрыть его.

Что полезного нужно извлечь? Души срачиваются, срачиваются сердца, и когда один уходит, а другой остается, то тот, который уходит, как бы тянет другого за собой. Когда умирает или пропадает из нашей жизни кто-то очень дорогой, то сам факт срачивания душ затягивает тебя самого на грань жизни и смерти. Ты сам делаешь шаг за грань. Только Бог еще терпит тебя здесь, поэтому ты остаешься, а он уходит.

Что нужно и полезно было бы сделать? Хорошо было бы, чтобы смерть наших близких увела из наших жизней, вырвала и унесла, в лету утопила суету какую-то, грязь, какую-то ненужность. Нельзя же после похорон вернуться домой и смотреть ComedyClub, нельзя после похорон пойти в боулинг, нельзя после похорон планировать ближайший уикенд.

То есть похороны или расставание оглушают человека, заставляют его думать о чем-то большем, плакать, в конце концов. Когда человек плачет, он становится добрее.

И вот можно желать, чтобы смерть или разлука уносили из нашей жизни ненужное. Чтобы уходящий от нас покойник забрал с собой какую-то частичку нашей глупости, нашей суетности. Чтобы мы стали лучше, чтобы мы грозно очистились. Как гроза очищает воздух, так вот чтобы эти грозы очищали человеческую душу.

Вот к этому нужно стремиться, а не удерживать человека близ себя как собачку. Лучше всего любить собачек: ты их кормишь, купаешь, шьешь им смешные тулупчики и тапочки на зиму, а оно на тебя добрыми глазами смотрит и никогда с тобой не спорит.

Вот таких собачек-людей хотим и мы видеть возле себя. Чтобы «я тебя люблю, а ты молчи!» Служи моим интересам, носи мне тапочки, что называется. Это, конечно, гадкие виды любви, и от них нужно избавляться.

А в мире много беды, но беда оцеломудривает человека...

Вопрос 4. Какой смысл в таком количестве смертей, захлестнувших Украину?

– В нашей стране сейчас столько смертей... Гибнут молодые. Какой смысл в этих смертях? Можем ли мы думать, что Господь нас наказывает или Он от нас отвернулся?

– То, что наказывает, это однозначно. То, что есть за что, тоже однозначно.

Злая воля человеческая ограничивается Богом не абсолютно, Бог оставляет человеку большую долю личной свободы. Он позволяет человеку и народу самоопределяться в пространстве и времени. И мы ведь не всегда хорошее выбираем. Скорее всего, наоборот, мы выбираем нехорошее. Потом пожинаем плоды своего выбора. И здесь уже Бог смотрит на нас, какие выводы мы сделаем. Ты хотел? – На. Нравится? – Не нравится. – Ну, делай выводы, давай, иди в другую сторону.

Так происходит некая нравственная школа, часто для человечества очень кровавая и неприятная. Гибнут лучшие очень часто.

Почему в Ветхом Завете Господь Бог благоволил приносить в жертву не крокодилов и бегемотов, а ягнят и голубей? Может быть, для того, чтобы содрогнулось сердце человеческое — что за твои грехи развратника, кровопийцы или сребролюбца нужно голову голубя свернуть или ягненка резать. Жалко должно быть, по идее, они же не бешенных собак резали. Умирали невинные.

Поэтому смерти бывают разные. Смерть бывает наказанием, безусловно, за грехи. Смерть бывает наказанием кому-то. Как смерть Ромео и Джульетты примирила Монтекки и Капулетти. Иногда люди не примирятся, пока кровь не прольется.

Но в сегодняшней ситуации гадость заключается в том, что люди привыкают к телевизионной картинке о смерти, привыкают к калькуляции потерь с обеих сторон. Телевизор испортил человека, СМИ вынули из него душу и вставили туда что-то другое, перезаправили как картридж какой-то дрянью. И я боюсь, это грозит некой неисцелимостью и уж совсем плохими событиями.

Поэтому ответственность лежит на христианах в полном смысле слова – на качественном христианстве. Потому что только качественное подлинное христианство правильно расставляет акценты над именами.

А люди действительно испорчены. Благодатных одежек, которые защищали бы их от медиавоздействия, на них нет. Они стали телевизионно кровожадны, политически уперты, зашорены, недоступны для входа в них другой информации. А сердце их совершенно беззащитно, и этим сердцем дьявол играет, как мячиком.

Уж сколько кричали миру о том, что компьютерные игры воспитывают кровожадность в ребенке. Ведь летчик, стреляющий из своей кабины СУ и Мига, по сути играет в компьютерную игру. Он же не видит, кого он убивает: просто нажимает на кнопку и смотрит на экране, куда попала мина или управляемый снаряд. Это то же самое, что нажимать на клавиши компьютера, который убивает виртуально людей, и они на твоих глазах разрываются на части.

Гораздо сложнее убивать в реале – воткнуть в человека нож или бить по голове кирпичом. Но для этого есть наркотики, без которых не обходится ни одна война. Там, где в продаже оружие, стрельба и кровопролитие, обязательно есть наркотики. Потому что без наркотика 98% людей не будут нажимать на курок, если, конечно, в них не произошла какая-то внутренняя мутация.

Идет накручивание греховного маховика, это все говорит о близкой гибели народа. Это внутренний змей, пожирающий народ изнутри. У этой беды есть свои названия.

Поэтому нужно останавливаться. Уже сегодня мы вошли в ту стадию, когда никакое количество жертв не успокоит ни одну сторону. Когда на Майдане погиб парень Нигоян, был крик: «О, пролилась кровь, есть первые жертвы». А потом начали говорить о БТР-ах, о том, что руки отрубают в пыточных камерах, – и никого это уже не останавливает, и любые цифры никого уже не пугают.

Нужно говорить «СТОП» и прекращать всё это властной рукой. И, что называется, с тряпкой и веником вымывать информационный мир, потому что он сделал людей кровожадными — те же компьютерные игры, индустрия насилия через боевики и вообще вся эта телевизионная картинка с чрезвычайными новостями.

Уже и журналистская этика не стесняется показывать трупы после аварии, например, чего раньше никогда не было. Разбилась машина, лежит труп на дороге, мозги на асфальте – они показывают это в течение дня, даже не ночью, без всякого предупреждения о том, что «уведите детей от телевизора».

Люди осатанели просто. У них нет молитвы, у них нет цели в жизни, а есть какая-то демоническая кровожадность. Не звериная кровожадность — зверь много крови не льет. Зверь то, что нужно, съест, а лишнего не вместит в себя.

У человека кровожадность совершенно другая – бесовская. Мы открыли бесу дверь в наш дом, и теперь бес командует нашими мозгами. А если он командует человеческими мозгами, от человека добра не жди.

Вопрос 5. Традиционный... И что делать?

– Вы сказали о властной руке, об очистке информационного пространства. Но ведь мы с вами понимаем, что этого не произойдет. Боевики не перестанут крутить по телевизору,

жертв взрывов на весь экран так и будут показывать. Надежды на исправление информационного поля нет. Что остается?

– Тогда необходим исход. Исход человека в свою внутреннюю пустыню.

Должна быть внутренняя пустыня в таком случае. Человек должен заходить в себя и закрываться переборками от того мира, который хочет командовать всеми. Когда человек имеет внутреннее убеждение в другом, тогда он имеет внутреннюю защиту — благодаря молитве, может быть, хорошему воспитанию, не знаю, чьим-то молитвам о нем...

Да, он будет страдать, будет выглядеть белой вороной. У него будет отличное от других мнение, он будет бояться лишний раз его высказывать, чтобы не наражаться на споры и ссоры. И будет страдать, как Лот в Содоме. Собственно, такой и будет жизнь христианина в последние времена.

Вспомнили о последних временах... Сколько лет мы потратили на глупую борьбу с идентификационными номерами, с тремя шестерками. Так стыдно потраченного времени! Хочется кричать: «Перестаньте этим заниматься! Проблема не в этом, проблема – в другом». Проблема в том, что на службе стоит 50 человек, а причащается только двое – бабушка и ребенок. Вот проблема где. Не кричите о глупостях, кричите о главном.

И поскольку мы так постоянно ошибаемся и не о главном кричим, то нужно понимать, что последние времена – это тоже реальность. И жить христианам в них приходится. О последних временах можно было говорить и 200 лет назад, и вчера, и сегодня, и завтра о них можно будет говорить, но без истерики, спокойно.

Так вот жизнь последних времен человеку обещана как Лоту в Содоме. Как пишется у апостола Петра в послании, что «праведник, видя и слыша дела беззаконные, непрестанно мучился в сердце». Не имея возможности ничего изменить, он мучился в сердце – яркий портрет нормального человека в ненормальном мире. До тех пор, пока ангел не скажет: «Уходи быстрее, беги, не оборачиваясь». Сценарий такой.

Религиозная гениальность

Огромные просторы – это не только малая плотность населения на квадратный километр и угроза того, что дороги будут плохими. Огромные просторы – это еще и непереносимое наличие большого числа соседей, с которыми соприкасается большое государственное тело. Россия граничит со множеством стран, относящихся к разным, зачастую совсем несходным цивилизациям. Современная же ситуация в мире обещает долгосрочную

перспективу выживания, тем более – развития, для стран, являющихся носителями цивилизационных моделей. Всё, что существует на политической карте мира в парадигме «производство – потребление» и этим исчерпывается, обречено на бесцветное существование в тени тех государств и объединений, которые являются носителями смыслов. Смыслы же рождаются не на бирже, а в религиозном лоне. С этой точки зрения сама биржа есть некое воплощение религиозной действительности.

Любимая наша держава и – в соответствии с гимном – великая наша страна является носителем культурно-цивилизационного кода, ядро которого – Православие. В то же время она граничит с множеством религиозно-цивилизационных миров. По сути – со всеми существующими. Такое соседство угрожает проблемами, но и обещает некое богатство нематериального, то есть бесценного, характера. Для сравнения: США граничат только с Канадой и Мексикой, то есть с бывшим врагом, а ныне бедным родственником – на юге и флегматичным двоюродным братом – на севере. И всё. Во многом их политическая наглость сформулирована географией, то есть отстраненностью от главных очагов, в которых вывариваются и выплавляются смыслы. Еще в «Утопии» Т. Мора блаженная страна была выведена как государство, со всех сторон защищенное морями или океанами, государство, всюду вмешивающееся и ни с кем не граничащее.

С этой точки зрения (соседства и рождаемых им зависимостей, угроз и выгод) заинтересованной стороне стоит рассмотреть историю отдельных стран. Или же всех стран вообще. Кашу маслом не испортишь. Вот Чехия, скажем, окружена сплошной Европой, так что скучно даже. Зато англичане и японцы расположились тоже среди вод, что позволяет первым пытаться командовать (издали и исподтишка) всем миром, а вторым – ото всех отъединиться не только географически, но и ментально. Россия же – она нас интересует – пышным своим и масштабным, то мускулистым, то рыхлым местами, телом соприкасается почти со всей вселенной. И это обильное касание не может остаться без разнообразных последствий.

Одно из необходимых последствий, на которое вынуждает Россию судьба, то есть смесь истории с географией, есть религиозная гениальность. Взаимообогащение, с одной стороны, и тайное внутреннее соперничество – с другой, есть следствие соседства культур или цивилизаций. Соседство с исламом, к примеру, несет не одну лишь угрозу войны, как может показаться людям, воспитанным на CNN. В исторической ретроспективе это может быть знакомство Европы с Аристотелем, компасом и астрономией. Ныне, близко живя среди мусульман, мы, к примеру, можем переосмыслить и переоценить целый ряд вопросов, связанных с семьей, взаимоотношений между поколениями и проч. Можно серьезно отрезветь и перестать ругаться по матери. То есть можно нравственно развиваться и обогащаться. Каждой серьезной мировоззренческой системе сопутствует своя уникальная этика производственных отношений, семейная этика и система отношений между полами, поколениями и социальными слоями. Близкое знакомство с этими явлениями так же обогащает, как основательное знание еще одного иностранного языка.

Перечислим бегло те духовные миры, соседство с которыми подарено России. Идя на Юг от тех холодных вод, в которых на шлюпке часто плавал митрополит Иннокентий (Вениаминов), мы приблизимся к границам страны Восходящего Солнца. Далее двинемся вдоль границы на Юг, а потом на Запад, по дороге, таким образом, последовательно встречая и дзен, и синто, и конфуцианство, и ламаизм. (Очевидно, без хороших специалистов по Востоку России просто не обойтись). Далее мы войдем в плотный исламский пояс (незнание ислама для нас просто непозволительно) и вынырнем на Кавказе, чтобы глотнуть христианского воздуха в Грузии и Армении. Потом нас ждет

Западный мир, то есть мир, сложно смешанный из католицизма и Православия, из униатства и разномастного протестантизма, из современного атеизма, бытового басурманства и неоязычества. Всё это последнее тоже нужно знать и описывать в книгах, как описывают историю болезни. Западный регион заканчивается религиозно где-то там, где Кант по вечерам смотрел на звездное небо. Вот нам и картинка, некий беглый карандашный набросок, который означает, что нам должно быть «внятно всё: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Можно перефразировать и дополнить: «Суфийский острый смысл и сумрачный конфуцианский гений». Миров, как сказано, много, и сама география вынуждает к близкому с ними знакомству.

Представьте себе мужичка, который никаких особых духовных академий не заканчивал, но знаком с бытовым исламом и восточной философией, а также понимает мессу на латыни по той простой причине, что с мусульманами в армии служил, с китайцами на торговом судне ходил, а с католиками в Италии на заработках близко сошелся. Это будет интересный человек, не правда ли? Такие знатоки тайн у нас раньше были сплошь из матросов, которые все моря обходили и все говоры слышали. В Европе они начали свое бытие то ли с Марко Поло, то ли с крестовых походов. Сегодня же никуда не нужно особо плыть или ходить. Всё под боком, всё – на границах. Только вникни и осознай соседский опыт. Вот таким и должен быть русский народ, исходя из его географического положения и исторического соседства, – интересным и опытным, который и послушать интересно, и с которым в разведку не страшно пойти.

Большинство народов лишено такой цивилизационной роскоши. Большинство народов имеют одного-двух исторических соседей (они же – недруги), с которыми ассоциируют понятие враждебной инаковости. Проще говоря, с ними ассоциируют смысловое наполнение слова «чужой». Так, бояясь столетиями, враждуя, воюя, стремясь поглотить врага или сопротивляясь ассимиляции с ним, народы приобретают в конце концов свое лицо и характер. Говоря о борьбе, имею в виду не только борьбу на полях сражений, но и культурное соперничество. Наша же цель в этих строчках – обозначить путь, указанный Промыслом и географией. Согласно Провидению и географии у России и есть та самая тютчевская «особенная статья». У нее есть свой путь, имя которому – вселенская религиозная грамотность. Эта грамотность рождает опыт и чуткость к трагедии человеческого бытия. Она – залог доброго соседства. Она – ресурс смыслового обогащения. Она – способ избавиться от ненужных конфликтов, рожденных хамским пренебрежением к чужой культурной традиции. Этой последней болезнью Запад болеет «в полный рост», то упражняясь в бесхребетном мультикультурализме, то сжигая Коран и публикуя карикатуры на Мухаммеда. Россия обязана быть сильнее, умнее и внимательнее. Именно образованный религиозно человек силен и умен, он же и внимателен (если хорошо образован).

Итак, гляньте, возлюбленные, на карту своей Родины. Спросите себя: «Какой из пограничных религиозных миров мне совершенно не понятен?» Получив ответ, можете заняться поиском путей для восполнения пробела. Только по воскресеньям в храм ходить не забывайте!

Перепутали – обознались

Что такое «Ревизор», стиснутый до одного слова? Это – «перепутали». Или – «обознались». Эка невидаль: перепутал человек анальгин с аспирином. Или хлопнул по плечу на улице не того человека: обознался. Но если речь идет о «людях вообще», то перепутать и обознасть уже не так безобидно. В конечном пределе это тема Антихриста,

который придет, воцарится, сядет на шею, не разуваясь, не по причине злых заговоров и политического сетевого маркетинга, а по причине того, что мы «обознались».

У Вампилова в «Провинциальных анекдотах» на людей магически действует слово «метранпаж». И они начинают суетиться, словно в присутствии коронованной особы, и смутная память о том, что есть еще где-то виконты, инфанты, фрейлины, заставляет их напряженно и спешно облагораживаться. Конечно, получается смешно, по типу: «Вельми понеже. Зело на самолет опаздываем». Конечно, облагораживание обращается холуйством, и это тоже хлестаковщина. Это мелкий позор неграмотности, а метранпаж – всего лишь одна из типографских должностей. Но это характерная ошибка, и смех от этого анекдота – гоголевский, сквозь слезы. Потому что нечто общее и трагичное сквозит в единичном случае. Потому что признать конюха королем можно только тогда, когда настоящего короля принимаешь за конюха.

Вот еще не узнали в сказке козлята волка, потому что волку голос кузнец перековал, и зубастый враг стал «по-маминому» блехать. Не узнал Исаак Иакова, потому что ослеп под старость. А еще потому, что Ревекка ему вкусного наготовила, якобы от Исава; и потому, что младшенького и любимого обложила по рукам козьими шкурами. «Голос? Голос Иакова, а руки – руки Исавовы». Овечий голос и козлиная шерсть. Прямо Страшный суд какой-то, на котором впору запутаться. Благо, Христос будет судить не по слуху и не по наложенной шерсти, а по истине. Он не ошибется, но мы-то, мы ведь ошибаемся.

Не только ведь Хлестакову из страха статус завышают грешники, не только Антихриста за благодетеля принимают и поспешно коронуют. Христа тоже не узнают. Лука и Клеопа шли с Ним рядом и разговаривали, и сердце в них горело от Его слов, но узнали Его не ранее, как Хлеб из Его рук приняли. И на берегу когда Он стоял по воскресении, а они в лодке копошились, не узнал Его никто кроме Иоанна. Тот узнал не по чертам лица, а сердцем дрогнувшим, и Петру шепнул: «Это Господь». Тогда только Петр в воду бросился и поплыл. И на горе в Галилее, увидев Его живым, «поклонишася Ему, овии же усумнешася». Вот я и говорю: не узнавали, не узнаём до сих пор. И как день сменяет ночь, так два слова загораются на горизонте человеческой истории, сменяя друг друга: «перепутали» – «обознались».

Христос лик Свой скрыл, чтобы Его не по чертам лица, как сыщики, люди находили, а по сердечному взыгранию. Так маленький Предтеча во тьме материнской утробы взыграл еще при приближении непраздной Марии – в полном мраке одним сердцем Господа

почувствовал. Антихрист же напротив – маскируется и драпируется. Голосок в «мамин» перековывает, шкурку овечью меряет, руки за спину прячет, чтоб не заметили люди отсутствия на этих холеных ручках язв гвоздиных. Но есть еще тысячи случаев и состояний, когда совершается удивительное и непредсказуемое по теме «обозначились – перепутали».

Какой-то разбойник, говорит древний Патерик, решил лихо ограбить женский монастырь. Лихо и со смехом. Нарядился в монаха и представился старцем, в ответ на что принят был, как Ангел Божий. Ноги ему вымыли, трапезу предложили, заботой окружили и боялись на него глаза поднять. На это и расчет был. Но случилось так, что эта вера сестер и подлинная любовь, явленная ложному старцу, перевернули в нем сердце. Действительно из вора в подвижника превратился тот человек. И дело даже не в том, что от воды, в которой ему ноги омыли, окропленная, исцелилась одна из тяжело болевших сестер. Дело в том, что силой доверчивой любви овечья шкура, надетая на волка, к волку приросла и даже сердце в нем изменила.

Подобным образом у того же Вампилова в «Старшем сыне» дерзкое хулиганство перерождается в любовь. Выдал себя шутник-студент за сына незнакомому и глубоко несчастному человеку. Выдал, чтобы только переночевать, а потом полжизни ухаживать от воспоминаний. Но паче чаяния прикоснулся к открытой ране и не захотел уже из грима и роли выходить, чем и развернул целый ворох судеб, включая свою, в чудесно-неизвестную сторону. Это, конечно, не «Судьба человека», где мальчонка бросается на шею усыновившему его главному герою с криком: «Папка, родненький! Я знал, что ты меня найдешь!» Но это тоже «судьба человека». Это, если угодно, исправленная хлестаковщина, которую венчает не стыд прозрения, а радость узнавания. И первоначальную издевку неожиданно вытесняет подлинное чувство. Наивное, но подлинное и потому могучее.

Играть вообще опасно. Тонкая пленка между игрой и реальностью всякую секунду шепчет: «Не балуй – сейчас порвусь». Вот дети играют в Литургию и произносят страшные иерейские слова над импровизированным алтарем. И что? Огонь сходит на игрушечную «чашу» и песочную пасочку, заменяющую просфору, потому что слова молитвы, как и слова любви, не просто идут вслед за жизнью, а саму жизнь тянут за собой. И в «Тени воина» у Куросавы крестьянин, точь-в-точь похожий на внезапно погибшего сёгуна, должен сыграть его роль. Ну, чтоб войско среди войны не деморализовать. А он, бедняга, и войны боится, и лошади от него шарахаются, и даже брови нахмурить грозно у него не получается. Но учат его и муштруют, потому что роль ему отведена короткая, но великая. И вот в конце концов наблюдаем мы превращение крестьянина в подлинного сёгуна и следующую за этим настоящую самурайскую смерть – единственный критерий подлинного самурая. Так что игра – это дело опасное. Опасность здесь – стать поистине тем, кого изображаешь, и вызвать к реальности тех, чьи имена опрометчиво назвал.

Я когда-то жалел, что не бывать мне на настоящих венецианских карнавалах. Не сегодняшних коммерческих подделках, а на тогдашних – подлинных. Теперь осматриваюсь и понимаю, что нынешняя реальность тогдашние карнавалы за пояс заткнет. Ой, заткнет! Тогда мир только на несколько месяцев шумно опрокидывался вверх тормашками, и сословия смешивались, и грани стирались, и лица скрывались за твердым оскалом масок. А сегодня карнавал не прекращается, человек играет в реальность и реальность превращает в игру, и сословия смешались, и черное названо белым, и лиц за масками не разглядеть. Только мало в этом веселья. Весело простолюдину графиню ущипнуть, если вскоре всё на места встанет и опять графиня будет графиней, а

простолюдин – простолюдином. Если же нет больше ни дам, ни рыцарей, ни звездочетов, ни аббатов, а кругом только чернь веселящаяся, то это уже совсем не карнавал. Это что-то другое. Боксеры, актеры и футболисты лезут в президенты и даже ими становятся. Подлинное лидерство вынуждено маскироваться в шоуменство, а шоумены корчат из себя лидеров. И не к добру, ой, не к добру эти перевертыши. Плакать потом придется: не признали, ошиблись, перепутали.

Заигравшись в чужие роли, изображая из себя то, что ты не есть, и принимая поклонение от тех, кто тебя с кем-то перепутал, человек не может быть счастлив. Он как-то непрочен, этот человек. Вроде и на земле он даже не стоит, а мыльным шариком в воздухе летает короткое время. И женат он не на той, потому что в маску влюбился; и занят не тем, потому что не сердца в свое время послушался, а ученого социолога. Правду такой человек не замечает, потому что она простая, как воздух, а ложь пьет стаканами, потому что она шипит, как кока-кола, и не утоляет, а распаляет жажду. Конечно, он Антихриста примет, человечек этот. В толпе примет, за компанию, там, где щемящая совесть успокаивается на время множеством таких обманутых болванов. Конечно, человечек Христа не заметит. Проглядит просто по слепоте куриной. И там обознается, и здесь перепутает. Наорет на того, кому впору руки целовать, и до не приличия обцелует того, кого стоит за ухо из общества вывести.

И что такое после этого жизнь, как не загадка? Она, без сомнения, по Шекспиру, сцена, и мы на ней – актеры. Только заигрались мы и не заметили, как вышли в пьесе про войну на сцену настоящие автоматчики, навели в сторону зала оружие, и после команды «Огонь!» полетели в зрителей настоящие пули, а не шоколадные конфеты. И когда отделит занавес злую сцену от корчащегося и хрипящего растерзанного зала, будет на занавесе написано: «Обознались вы. Перепутали».

Зло умеет напоследок посмеяться над теми, кто его за добро принял...

Цитата из Иеремии

Спросил однажды Господь: «за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?». И услышал в ответ: «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (Мф.16.13-14)

Из упомянутых пророков сказано об Илии и Иеремии. Об Или более понятно. Он должен «прийти прежде и устроить все». Без его прихода конец не наступит. А Иеремия? Он чего в списке?

Он тоже пророк, связанный с временами последними. Он оплакал разрушение Иерусалима, которое многократно предсказал. Он спрятал Ковчег Завета, который ранее дней, непосредственно предшествующих Судному Дню, никто не найдет. Его обличающие и плачевные по тональности речи могли быть очень созвучны многим словам, сошедшим с уст Сына Божия. Поэтому и принимали Христа люди «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков».

Илия книг не оставил. Предтеча – тоже. Если им подражать, то только образом жизни, что и есть монашество, как говорил о том Антоний Великий.

А вот Иеремию книгу написал, и почитание его может проявиться во внимании к словам, надписанным его именем. Прошу вас, берите чаще в руки Библию, чтобы читать ее внимательно. Вот, к примеру, возьмем сегодня книгу Иеремии. Все сразу в ней охватить не потщимся, ибо надорвемся. Возьмем одно только слово. А именно:

«Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6:16)

На этих словах и остановимся.

Обращены они, как видно, к людям идущим, но идущим не туда. Поэтому и сказано: «остановитесь на путях ваших». Идущий же «не туда» есть человек сбившийся, неправильно сориентированный. Видно навигатор не перезагружен. Нам это понятно. Незнакомые трассы, малоопытные водители, сложные развязки, большие скорости, психованная жизнь. Один случайный поворот руля – и человек унесся на много километров от назначенной цели. Нужно возвращаться, тратить время и нервы, искать правильный путь. В духовной жизни все тоже самое, только серьезнее.

Во-первых, мы не перестаем идти, даже если сидим на месте. Сидишь в кресле, смотришь кино, и мысль твоя движется в сторону сюжета, хотя тело плотно влипло в обивку сиденья. Это значит, что вся внутренняя твоя жизнь движется куда-то, а потом, когда ты встанешь из кресла, и само тело твое пойдет туда, куда прежде совершила путешествие душа. Итак, смотришь ли новости, читаешь ли книгу, рассуждаешь ли о жизни вообще или об отпуске – в частности, всюду ты движешься. Иеремию говорит: «остановись».

Зачем? Затем, что «знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» (Пс. 1-6) Вдруг путь твой (то есть образ целой жизни твоей) есть путь нечестивых? Тогда погибать тебе непременно вместе с путем, который ты выбрал. И священная цитата на тему того, что Бог есть любовь, здесь не поможет. Целые страны и народы погибают за глупость свою и нечестие свое, и исчезают так, словно корова слизала их языком. Словно и не было их никогда. Даже сегодня совершается это, и лично я в это чуть ли не в окно наблюдать могу. Тебе ли одному, отдельно взятый человек, всеящему меньше комара, не погибнуть вместе с путем, который ты выбрал, в случае, если путь этот ведет во дно адаво? Остановись!

Один захотел разбогатеть и ради этого готов горы свернуть (или кровушку пролить). Это – его путь. Все у него цели подчинено. Ему сказано: остановись, пока не поздно. Другой власти хочет. Третий человек, то ли по сопливости лет, то ли по крайнему маломыслию, решил уехать навсегда в ту страну, которая сегодня кажется ему Раем. И лишь об этом его ночные сны и дневные мысли, как у Остапа – о Рио. Это – путь. И выбравшему этот путь тоже сказано: остановись. Съезди на месяц туда, где для тебя — Рай. Поработай, пожуй чужого хлеба, погляди на чужой закат. Потом решишь, что дальше. И таких примеров множество. Все наши планы, мечты, весь страстный зуд и все алчные фантазии попадают под окрик пророка: Стой!

Как много смысла в коротких приказах Бога! Ведь тот обман, который приводит в конце концов людей к жизненному краху и вечной гибели; который состоит на поверку лишь из двух компонентов – свинства и злодейства – , весь этот обман кажется человеку в момент греховного одушевления «истиной в последней инстанции». Чтобы эту маску сорвать, нужно прислушаться к слову: «остановитесь на путях ваших»

Далее не менее важное продолжение: «рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему».

Рассмотрите и расспросите – не что иное, как раскройте глаза и уши, ибо смотрят глазами, а слушают ушами. Спрашивайте, думайте, всматривайтесь. Читайте, конечно. Задавайте обдуманные вопросы, и выслушивайте ответы, не перебивая. Ищите доброго пути, без капканов, без разбойников, без трупов по обочинам. Все это уже было в прошлом. Было в преизбытке. Жизнь не поменялась, и 5-й век от 21-го в глубине своей не отличается. Современность всего лишь тем отличается от древности, что обвешана цацками, а так – что пригород Сан-Франциско, что центр Содома – все едино.

Если остановитесь и расспросите, если присмотритесь, и что доброе найдете, то «идите по пути». Вот к какому труду зовет нас Писание устами плачущего пророка. Но хотите ли знать, что говорится далее? «Но они сказали: «не пойдем». И поставил Я стражей над вами, сказав: «слушайте звука трубы». Но они сказали: «не будем слушать».

После чего Бог, отвергнутый в советах, обещает: «Вот, Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их; ибо они слов Моих не слушали и закон Мой отвергли» (Иер. 6:19)

Смотрите, что такое «пагуба». Это – «плод помыслов» тех, кто был уверен о себе, что хочет добра и стремится к счастью. Мы можем цитировать Иеремию, зная плачевную историю первенца Божия среди народов – Израиля. Но строки эти сегодня пишутся среди народа, который тоже обречен на горькую чашу за то, что сочинил себе свое гордое и примитивное счастье, не совпадающее с волей Божией. Исчезнет этот народ или нет – вопрос открытый, как в одну сторону, так и в другую. Но очевидно, что зло, пришедшее к нему есть «плод помыслов его». И останавливаться он не хотел, не хотел ни спрашивать,

ни советоваться, ни всматриваться. Вот так, задрав штаны, помчался за «новым комсомолом» и уже подбежал к краю, и уже машет с разгону руками, балансируя на краю.

Было время, после плохо выслушанных слов Иеремии ходили люди в окрестностях Иерусалима и посвистывали, говоря: «Надо же! Какой город был, а теперь одни руины!»

Тема эта имеет повторение, и где вчера был мир и гордая мечта сыра о купании в масле, там сегодня – трупный запах и предчувствие катастрофы. И отчего же это? Оттого, говорит Иеремия, что «Изумительное и ужасное совершается в сей земле: пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это. Что же вы будете делать после всего этого?» (Иер. 5: 30-31)

Самые страшные здесь слова: «народ Мой любит это (всякое беззаконие)»

Вот я и говорю: русские люди, не повторяйте чужих ошибок, ищите путей по истине добрых, читайте Писание с любовью и вниманием. И если увидите пустыню на месте когда-то цветущих городов, то смело ставьте там щит с напоминанием: «Здесь во время оно забыли Господа и строили земной рай».

Иллюстрированные журналы

Они появились в XIX веке, и чего там только не было. Выкройки модных новинок, портреты известных людей, зарисовки путешественников из стран дальних и диковинных. Томные барышни, никуда не спеша, слюнявя пальчик, читали эти журналы с подругами. И если название журнала заканчивалось на твердую гласную, то «ер» стоял в конце по правилам старой орфографии.

Это было «обыкновенное чудо» – священник ехал причащать больного на дом. Слыхали вы сказку о дубе, на котором висит сундук, а в сундуке – утка, а в ней – яйцо, а в яйце – игла, где на кончике – смерть Кощеева, то есть греху и смерти наказание? Ну, так действительность бывает чудеснее этой сказки. Вот, едет машина, а в ней сидит

священник на месте пассажира, а на груди у него – мешочек, а в мешочке – Дароносица, а в ней – Святые Дары, в которых – Сам Христос, Который есть смерти и греха победитель.

Много было журналов в советское время. Были журналы толстые, убогие, с множеством букв и без всяких иллюстраций. Например, «Роман-газета». Были журналы специальные, такие как «Обогащение руд», или «Спортсмен-подводник», или «Лен и конопля». Но простой человек, затерявшийся в толпе и ничего не смыслящий в обогащении руд, читал «Огонек», «Работницу» и «Крокодил». Всюду было много иллюстраций.

Больной лежал в чистой постели у стены в комнате на двенадцатом этаже. Дальние села за городской чертой были видны из окна его спальни, как на ладони. А еще – ломти распаханых и засеянных полей, нити дорог, перина туч, висящая над горизонтом. Остывший чай с малиной стоял у него в головах на столике, и еще – куча лекарств, начатых и нетронутых.

О чем они говорили – священник и исповедник? Этого мы не узнаем. Вот они соприкоснулись головами, больной с усилием шепчет что-то, а священник слушает его, склонившись. Но стоит нам подойти ближе, как звуки гложут, и мы ничего не слышим. Бог не дает. Это – Таинство.

Обыкновенное чудо свершилось, и вновь в машине ехали двое. За рулем – сын только что причастившегося больного, на месте пассажира – священник. На груди у него по-прежнему был мешочек, а в мешочке – Дароносица, но Святых Даров в ней уже не было.

Сегодня в журналах на глянце сплошные красоты. Спасителю на горе Искушений показал Сатана во мгновение ока все царства мира со славою их. «Поклонись, – говорит, – и все Тебе дам». Нынешний глянец – продолжатель того шепота и уменьшенный филиал тех видений. Яхты на бирюзовых волнах, роскошные виды далеких стран, интерьеры дорогих отелей, красавицы, одиноко загорающие на пляжах, красавицы, пьющие вино на террасах, красавицы, одетые так, что кажутся раздетыми...

Не иначе, сделано всё так, чтоб родилась у обывателя мысль: «Хочу всё это! Всё без остатка! Кому поклониться?»

Машина уже стояла у храма, но священник всё не выходил. Они с водителем разговорились. Тот сначала повел речь о том, что «и в церкви всё не так». Священник, на удивление, сильно спорить не стал и даже поддакнул разок. Потом сын только что причастившегося больного поведал о своих духовных исканиях, которые были словно под копирку списаны с таких же «исканий» бесчисленных современников. Какой-то популярный буддизм, какие-то бесполезные медитации, голодания, несколько раз – посещение протестантских собраний из любопытства. В конце концов – преждевременная усталость и скепсис. Но поскольку чем-то жить надо – работа, с упоением, до одури, без выходных. Священник слушал молодого человека из одного лишь уважения, без особого интереса, даже с некоторой внутренней мукой, одним священникам известной. Впрочем, одна интересная идея тогда всё же прозвучала.

– На прежней работе у нас время от времени были тренинги. Их было много, но запомнил я только один. Нас рассадили за столы по одному, а на столах были разложены журналы. Причем всякие: и советские типа «Огонька», и современные про уютный дом, и мужские – с девочками, рекламой часов, виски... Нам дали по листу ватмана и ножницы. Говорят: «Вырезайте из журналов в течение пятнадцати минут всё, что вам нравится, и

выкладывайте вырезки на ватман». Через пятнадцать минут это баловство закончилось, и ведущий тренинга говорит: «Вот перед вами коллаж из вырезок. Знаете, что это? Это ваш внутренний мир». Мужики – глядь на листы, а у них у всех вырезаны одни только девки в купальниках, машины дорогие и небоскребы. Больше ничего! Тогда я невольно собой загордился. Потому что я из «Огонька» одних рабочих и спортсменов повыврезал: оленеводов, сталеваров, бегунов каких-то. Просто мне работающие и мужественные люди всегда нравились. Такой мой внутренний мир: я работать люблю и считаю, что это не плохо.

Это действительно не плохо. И вскоре после того, как эта история прозвучала, они расстались. Священник ушел в храм. Машина поехала обратно. А вечером того же дня священник дома попросил у жены иллюстрированных журналов, тех самых – с интерьерами, макияжами, рецептами, видами туристических маршрутов. Жена, не без удивления, пару журналов дала. И батюшка листал их минут пятнадцать, хмуря лоб и решая про себя какую-то задачку. Словно выбирая что-то...

Пара слов о добре

Хочу сказать нечто о добре. Нелегкое это дело. И чем более оно кажется простым, тем более угрожает сломать зубы тому, кто укусит этот «бублик» смело и без подготовки.

Есть две главные заповеди. Это всецелая любовь к Богу, и любовь к человеку, как к себе самому. Сразу одернем себя: любить человека нужно только частично – как себя самого, а Бога – всецело: умом, душой, сердцем. И сначала нужно полюбить Бога, а только потом – человека.

Это не математика, где перемена мест слагаемых фиолетова для результата. Здесь от перемены мест все меняется головокружительно.

Очень легко можно соблазниться любовью к человеку, как главной заповедью. Еще бы! Ведь человека видно. Вот он! Грей его и питай его. А Бога, мол, «никтоже виде нигдеже». Оттуда рукой подать и до забвения о Боге вообще или сомнения в Его существовании. Дескать, мы ближнего любим, а остальное нам неведомо. За любовь к человеку и помилованы будем (если что).

История не дает нам права легкомысленно относиться к этой теме.

Вот ведь что такое теоретический коммунизм? Это горячее человеколюбие к абстрактному человеку при полном неверии в Бога Живого.

«Бога нет, но человека любить надо», — вот вам и весь коммунизм, данный на блюдечке. Каким образом эта безобидная, на первый взгляд, формулировка превращается со временем в идейную базу для создания концлагерей и репрессивных государственных машин – отдельная и непростая тема. Но очевидно, что усилия по любви к человеку без одновременных и приоритетных усилий по любви к Богу (хотя бы уж памяти о Нем) есть движение в тупик идеологически обоснованной антропофагии.

Кто из нас не хочет добра? Все хотят. Но добро наше, то такое кисельно-жидкое, то такое многоликое, что поневоле затоскуешь о критериях.

Августин Блаженный как-то обмолвился, что добрый творит добро, ибо ищет добра. Это и коню ясно. Но злой человек тоже творит зло, потому что тоже хочет добра! Он хочет не подлинного, объективного, а «своего добра», ложно понятого, горбатого.

Люди обрастают коррупционными связями «ради будущего детей», лезут в чужую постель, чтоб «пожалеть одинокую женщину», поднимают вооруженную руку на представителя иной веры (расы, народа), чтоб «своих возвеличить, а чужих уничтожить». Они уверены, что правда на их стороне.

Есть свой остаточный нравственный кодекс и у мафиози. Есть он и у тех, на ком нет места для лишнего клейма. Вот я и говорю, что поневоле затоскуешь о критериях.

Чтобы избавиться от марева ложных «добрых привидений», В. Соловьев предлагал мыслить триадами, а точнее соединять слово о Добре со словом о Красоте и Истине. Это действительно помогает. Например, Правда без добра это Ложь. Вам по телефону (или по телевизору) «доброжелатель» злорадно сообщает некую правду, чтобы убить вас новостью. Он не любит вас. Он просто говорит вам то, от чего заболит ваше сердце, а его – подлое — возрадуется. Се — разновидность злой истины, в которой нет Добра. И

Красота без Истины и Добра есть лишь ловушка и прикрытие разврата. Присмотритесь к живым портретам некоторых записных красавиц, чтобы не ходить далеко за доказательствами. Итак, если мыслить триадами, ибо Бог наш – Троица, а не просто Монада, то (спасибо Владимиру Сергеевичу) можно во многом разобраться.

Есть и еще одна тема внутри поднятого разговора. Чтобы не ошибиться с добром и вместо ладана не вдохнуть пары аммиака, нужно помнить, что все в мире имеет источник, начало. Что касается нравственных понятий (добра, истины, красоты), то они рождаются не от атомов или химических реакций, а от Личности.

Еще раз спрошу риторически: Кто из нас не хочет добра? И риторически отвечу: Все хотят. Ну, так давайте вспомним, что у добра есть Живой Источник – Господь. Если эту простейшую, но и важнейшую мысль упустить, то легко при благих порывах стать идолопоклонником.

Мы – дети демократической (не к столу будь сказано) эпохи. Но представьте себе, что мы стоим перед царем. Ничего, кстати, сложного. Холуи всего мира на каждом шагу стоят перед мелкими начальниками так, как будто перед ними находятся сразу три царя.

И вот мы воображаемо стоим перед царем (любим, но настоящим) и... восторгаемся складками его одежды и блеском его короны. При этом самому царю не оказываем никакого внимания. Даже его и не видим будто. Только охаем и ахаем: «Ах, какой перстень! Ох, какие пряжки на туфлях!».

Думаю, вы согласитесь, что это сильно похоже на оскорбление величества (во всех монархиях доньше – тягчайшее преступление). Оскорбляет Величество восторг перед мелочами и пренебрежение главным. Вот так же все мы, люди, часто склонны оскорблять Величество Божие, даже не замечая этого.

Например, мы можем говорить, что верим в любовь, красоту, справедливость... так, будто это совершенно автономные понятия, а не атрибуты Божества. Совершенно естественно сказать: «Я верю в Бога, следовательно, верю в любовь. Я верю в вечность и красоту потому (и только потому), что верю в Бога». Но неестественно верить просто в вечность. «Просто вечность» без Бога страшна. Из холодных льдинок слово «вечность» собирал в ледяном дворце пленный мальчик Кай.

И «просто красота» без Бога двусмысленна. Она способна раздавать пощечины общественному вкусу, потом схлопываться в Черный квадрат, а потом воскресать в Манеже кощунственными опусами какого-нибудь концептуалиста. И это, конечно, еще не конец. Потому что, как Митя Карамазов сказал брату Алеше: «Для многих именно в Содоме и есть красота». Содомская «красота», кстати, ни в какой Правде и Истине не нуждается.

Стоит прочувствовать всю серьезность этой темы, поскольку это тема веры, как таковой, и идолопоклонства, вере противостоящего. Эта тема требует мысленных усилий. Именно их и требует эпоха. А иначе, как горько шутил тот же Соловьев, рождаются максимы типа: «Люди произошли от обезьяны, поэтому мы должны любить друг друга».

Вера в Бога предполагает культивирование всего доброго, от Бога исходящего и в Нем имеющего совершение. А вера во что угодно, даже очень хорошее (нация, наука, семья), без соотнесения этой веры с Единым Бессмертным, неумолимо превращается в разновидность служения идолам. Идолы, между прочим, всегда кровавы и требуют жертв, поскольку не самобытны, и живут приношениями извне.

Идолопоклонство вообще не есть стояние на коленях перед Зевсом или Венерой. Это служение ложной идее и превознесение ложных ценностей. Притом, что в Европе сегодня нет, слава Богу, капищ Астарты или Дагона, Европа вот уже несколько столетий есть подлинная фабрика идолов. Именно так ее называл св. Иустин (Попович).

И буде мы узнали себя в любителях «голой истины» и поклонниках «чистой красоты», нам стоит переосмыслить свою любовь. Переосмыслить то, как она относится к Богу и связана ли с Ним?

Так много в мире гордых поклонников автономной истины и развратных любителей автономной красоты. А добра подлинного, теплого, как свет в окне, и пахучего, как свежесваренный чай, не хватает. При этом, в кого ни ткни, всяк уверен, что в чем – в чем,

а в добре-то он толк знает, «потому что сам человек добрый и никому кроме добра ничего не сделал».

Я предлагаю думать об этом внимательнее и говорить больше, чтобы не путаться в трех соснах и не плакать с опозданием.

Откуда могут браться духи-мстители?

У Акакия Акакиевича нагло отобрали шинель! Он в нее душу вложил! Он, можно сказать, на время в настоящего Пигмалиона превратился, в творца и кудесника, чтобы из коленкора, и ваты, и кошки (которую издали можно было принять за куницу) сотворить свою Галатею.

Ведь он же и голодал по вечерам, учась питаться духовно, то естьнося в мыслях вечную идею будущей своей шинели. И когда она легла ему на плечи, только что сшитая, только из рук портного, как Афродита – из пены, как живая и красивая женщина из мертвого и холодного мрамора, то и радовался Акакий Акакиевич так, словно он женился. Гоголь прямо и говорит, что радовался он так, словно «он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу». И вот эту шинель, столь дорого давшуюся, столь мучительно выношенную, забрали у Башмачкина нагло, дав ему понюхать на вечерней улице промозглого Питера кулак величиной с чиновничью голову. И даже коленкой его под зад не побрезговали угостить на прощание.

И здесь мы встречаемся нос к носу не с привычным посягательством на чужое имущество, а с какой-то катастрофой, которая тем грандиознее, чем невероятнее. Попробуй-ка угадай, сколько труда вложено в эту одежку! Вор лихо снял ее и, видимо, лихо пропил или продал в ближайшие часы. И никогда, даже до самого Страшного суда, не узнать этому вору, сколь дорогую вещь он содрал с плеч невзрачного человечка. Да и не с плеч даже, а из самого сердца. Иной золотой портсигар по цене с такой шинелью рядом не станет, потому что получен легко, без идеи и без душевных мук.

Задумайтесь над этим, воры и не воры. Для вас вещь – тряпка дешевая, а для человека, вами обиженного, в ней, возможно, вся жизнь помещается. В чашке, в книжке, в записках, в фотоальбоме вся жизнь человека поместиться может. Это потому, что у каждой вещи,

кроме тех цен, которые котировками рынка определяются, есть еще своя внутренняя цена, которую чтобы уразуметь, нужно думать, думать, смотреть на мир и утирать слезы.

Вы, пожалуй, помните, что Акакий Акакиевич горя своего не перенес. Умер он, и промозглый чиновничий город спокойно сделал вид, что он и не знал совсем о существовании этого маленького человека. Но душа его не просто была гонима вон из мира нестерпимой горечью обиды. По каким-то неведомым нам законам алхимического превращения чувств стал Башмачкин в мире теней мстителем и карателем.

Позвольте мне отвлечься.

Объем движущегося тела по мере роста скорости движения уменьшается. Поэтому пистолет маленькими пулями, а не корявыми булыжниками стреляет. Если же скорость движения тела к скорости света стремится, то объем движущегося тела стремится к нулю. И при чем здесь Башмачкин? А вот вы обождите. Есть объем у души человеческой или нет, про то трудно сказать в XXI веке. Об этом лучше нас мыслили средневековые ученые в коричневых грубых рясах и с лысинкой на голове. Допустим, объем у души есть. Почему не предположить, что, отделяясь от тела, душа человека, даже и Башмачкина, развивает скорость света и превращается в ноль? А потом превышает скорость света (мне почему-то кажется, что это именно так и происходит) и... переходит в царство теней и «перевертышей». Как бы наизнанку выворачивается.

Еще Лоренц не вывел свою формулу, когда ходил по улицам Северной столицы черноглазый писатель с длинным носом, вглядываясь в лица прохожих и ища в них себе жертву, то есть персонажа. И найдя своего Пигмалиона-чиновника, этого аскета и платоника, Гоголь не просто лишил его шинели. Гоголь его умертвил беспросветным горем. Но это не всё еще... Гоголь, умертвив, превратил Башмачкина в мстительного духа, который уже не созерцает вечную идею шинели, а сам срывает их материальные воплощения с плеч прохожих.

Сила печали, преобразуясь в силу гнева, в секунды разогнала душу Акакия Акакиевича до скорости света и даже превысила ее. Тогда, по формуле Лоренца, стал Башмачкин гневным духом, который, дыша могилою, мог сказать даже очень значительному лицу: «Поймал я тебя за воротник! Отдавай теперь шинель!»

«Ты зачем нам это рассказываешь? Зачем, как при Гоголе говорили, пули льешь?»

Ну, во-первых, иногда можно и без большого резона поговорить. Так, словечками переброситься, посмеяться без греха, чтоб с ума не сойти. Но есть, конечно, у меня и мысль...

Самое первое: маленького человека обидеть не моги. Он – брат твой. И чем он меньше, тем он тебе роднее. Его бы заметить не худо, всмотреться в него. А обижать его поначалу легко, но потом – опасно. Вот и не отнимай у него ни язык, ни Родину, ни жену, ни шинель, ни пенсионную карточку. У него ведь душа бессмертная есть, и в этой душе могут таиться такие порывы и переливы, что никто из нас о них совсем не догадывается. Так вот обидишь его, смахнешь с дороги маленького человека, словно букашку, а он самый тебя же в образе мстителя за очередным жизненным поворотом и встретит. С гневом встретит и с силой. Дай Бог тогда, чтоб дело одной только шинелью обошлось...

«Концентрированное Евангелие» Беседа о Страстной седмице

Страстная седмица – время духовно насыщенное, но и преисполненное многочисленными «недуховными заботами». Как не растерять пасхальный духовный настрой в суете? И вообще какой – нет, не должна: этот императив не применим к Празднику Праздников, – а хотелось бы, чтобы была Пасха Светлая?

– Наступила Страстная седмица – время, когда Иисус Христос идет навстречу человеку. В дни Великого поста человек шел ко Христу, продираясь сквозь собственные грехи и болезни сердца, а сейчас все это на втором плане, все сконцентрировано на Нем. Как пережить это время по-настоящему глубоко?

– Протопресвитер Александр Шмеман, вспоминая об архимандрите Киприане (Керне) – известном литургисте, которого называли «православным доминиканцем», то бишь ученым монахом, – писал, что отец Киприан жил только Страстной и Светлой седмицами. Он был несколько нелюдимым, сторонился общения. Будучи монахом, в любом семейном кругу чувствовал себя неуютно, старался скрыться, убежать. А вот на Страстной неделе оживал, расцветал. Мне кажется, это важные слова, характеризующие богослова, поскольку Страстная и Светлая – это концентрат наибольшей скорби и радости одновременно. А все остальное – этакая гомеопатия.

– Дни Страстной седмицы чрезвычайно насыщены – и событиями, и переживаниями, эмоциями. Особенно начиная с Великого четверга, когда вспоминается Тайная вечеря, суд над Иисусом, приговор, затем в Великую пятницу распятие, вынос плащаницы, в Великую субботу Господь во гробе, и уже менее чем через сутки – Светлое Воскресение, Пасха. Как успеть прочувствовать весь этот стремительный путь Страстей Господних – от мрачной скорби к ликованию о Воскресшем Христе?

– А как было в действительности в эти дни? Там все настолько быстро происходило, события сменяли друг друга с ускоренным темпом. В воскресенье народ кричал: «Осанна Сыну Давидову!», в среду блудница помазала Христа миром, в четверг Господь установил Таинство Евхаристии, потом молитва в Гефсиманском саду, взятие под стражу, хождение к Пилату, Ироду и обратно, битье, издевательства, ночной суд, распятие, покой Субботы и утро первого дня Воскресения. Дни, как видите, архинасыщенны, крайне сжаты. А потом все распрямилось, как пружина, и вот весь

мир живет уже две тысячи лет благодаря тем событиям, зная или даже не зная об этом. Если бы Страсти Господни продолжились хоть на один день, никто бы не выжил. Апостол Петр был на грани безумия от скорби и собственного предательства, Иуда повесился, не дотерпел до Воскресения. Все были перепуганы, растеряны, находились в ужасной скорби. Если бы Господь воскрес на пятый день, Он не нашел бы ни одного апостола. Это для нас сегодня покой Великой субботы разбавлен знанием о грядущем Воскресении, а ужас распятия скрашен пониманием того, что Христос на самом деле жив. Апостолы же этого знать не могли – для них все было очень жестко, кошмарно, уныло. Мы вспоминаем эти события, переживаем их. Цель богослужений Страстной седмицы – не благочестивая память, размышления о чем-то, а включение нашей личности в само событие. Вообще же в Евангелии все идет очень плотно: Христос говорит, проповедует, исцеляет, воскрешает мертвых, ходит по водам, умножает хлебы, направляется к страданию... И ведь еще далеко не все из Его деяний записаны! Евангелие – пища сильнейшей концентрации. Поэтому и Страстная неделя в этом смысле – концентрированное Евангелие.

– Многие в это предельно важное время отвлекаются на кулинарную сторону Праздника Праздников – в спешке закупают продукты, выискивают лучшие рецепты куличей, красят яйца – зачастую в ущерб пребыванию на богослужениях. Как в этой бытовой круговерти не забыть о главном – о Христе?

– Избыточная тревога о столах – обличение маловерия. Излишние мысли в сторону того, что поесть и попить, колбасные и творожные выверты сознания говорят о том, что мы мало понимаем, что такое пост, Евангелие и Кто такой Христос. И это будет судить нас в свое время. Страстная неделя требует отнятия внимания от второстепенного. Если и возрождать что-то в церковной традиции, то делать это нужно не с точки зрения «священного» быта, а начинать надо с Литургии, Евангелия, с глубоких переживаний христианской общиной всех событий относительно Страстей Христовых. Ну, а быт – так или иначе – будет добавлен, оформлен и украшен: окна будут чистыми, занавески свежими, яйца сваренными и выкрашенными.

– А если в семье много детей? Для них же хочется устроить настоящий праздник. Как быть в таком случае?

– Страстная неделя все-таки не детская и требует предельной концентрации. У детей свои праздники – Введение во храм Пресвятой Богородицы, Вход Господень в Иерусалим.

– Тем не менее, мамочкам хочется успеть к Пасхе все приготовить.

– Нельзя давать человеку перечень нормативов, который он должен успеть выполнить за пять дней до Пасхи, как то: успеть причаститься, исповедаться, помыть окна, приготовить праздничный стол, постричь детей, надеть белые платочки, вовремя прийти на службу, освятить куличи, похристосоваться и тому подобное. Надо понять, что тут нет шаблона, в который нужно вписаться. Успел, не успел – это детали. Не стоит на это отвлекаться, так как не это главное. Ну

не успеете вы что-то сделать из этого списка – не велика беда. У всех по-разному встреча праздника происходит, и слава Богу, что это так. Мне думается, что время очень строго относится к тем, кто хочет создать некий «священный» быт и по этому эталону жить из года в год – этого не будет. Сам Бог этого не хочет.

– Что здесь имеется ввиду?

– К примеру, если у вас нет красивой дорогой ткани, чтобы сшить ризу, то нужно шить из того, что есть. Или нет у прихода благовонного ладана, хорошо пахнущего, то надо кадить сушеной хвоей. Нужно как можно меньше заикливаться на внешнем – не успел сегодня, значит, успеешь завтра, если приложишь усилия. Ну, а если и завтра не успеешь, то не стоит сильно терзаться из-за этого. Все внешнее – относительно; если из-за этого мучиться, всю жизнь можно растратить. Но это что касается внешних вещей, мы не говорим сейчас о богослужении и Таинствах, которые не терпят отлагательств. Меня больше интересует другой момент: праздник должен быть словесным. Григорий Богослов говорит, что мы ученики Слова и поэтому не имеем права праздновать бессловесно. Другими словами, праздник должен сопровождаться пояснениями, поучением, чтением, проповедью. Парадокс, что на Пасху в нашей Церкви традиционно нет проповеди, тогда как это центральный христианский Праздник Праздников и Торжество Торжеств. Вот в Светлую седмицу мы разговляемся, для многих начинается «праздник живота». Но Пасха продолжается каждое воскресенье – мы празднуем ее 52 раза в год! И Евангелие, в котором говорится о воскресшем Христе, читается регулярно вечером в субботу, когда у нас почему-то нет традиции проповедовать. И получается странность: у нас почти нет проповеди по текстам о Воскресении. Мы не объясняем воскресное Евангелие! Вот если этим озаботиться, многое встанет на свои места. Есть закон, который изрек, если не ошибаюсь, блаженный Августин: если Бог на первом месте, то все остальное тоже на своих местах. Если же Бог на втором, третьем, пятом месте, то все остальное вверх тормашками. Наша жизнь, в общем-то, тоже вверх тормашками, потому что зачастую у нас Бог идет в довесок к куличам, а не наоборот. В этом мы коллективно виноваты. Поэтому и ответственность за то, что мы выгнали Бога на периферию сознания, должна быть общая. Даже во время Пасхи мы думаем о чем угодно, но не о Христе.

– А почему так сложилось, что на Пасху, действительно, в основном не бывает проповедей?

– Проповедь – это труд. А трудиться – значит потеть, усиливаться, терпеть поражения и неудачи, потом опять начинать трудиться и так по кругу. Гораздо легче прочесть готовый текст, закрыть книжку и продолжить службу. Вот только чтение без объяснения – это нередко работа на воздух, впустую. Священное Писание предполагает чтение с пояснениями. Необъясненное же чтение, как непрожеванная пища, теряет львиную долю своего смысла. К сожалению, в церковной среде до сих этот вопрос далеко не всеми осмыслен. Между тем сама жизнь требует подобного осмысления, требует, чтобы мы спешили осознать самое главное.

– Наверное, так все-таки не везде.

– Если где-то вышесказанных упущений нет, а есть нечто другое, лучшее, то это, быть может, исключение. В традиции же некое молчаливое благочестие. Храмы стоят, мощи в них лежат, колокола звенят, книги читаются, на службах поют, а так, чтобы человек получил разумную словесную пищу, – этого очень мало. Отчасти именно этим объясняется рост сектантства, протестантизма. Да и те же мусульмане любят читать, говорить, проповедовать, наставлять, общаться на религиозные темы.

– Возможно, это и есть главный недостаток нашей Церкви? Ведь некоторые прихожане не понимают богослужения, внутренней сути праздников, основного смысла поста.

– Бесспорно. И это не недостаток, не минус, а минусаще!

– Многие думают, что раз они пришли в храм, то им должны все объяснить, разжевать, по полочкам разложить. А почему трудно взять в руки книгу, прочитать, к примеру, что такое Литургия, каков ее главный смысл? Сейчас издано огромное количество православной литературы – доступно практически все, и этим нужно уметь пользоваться. Разве люди не сами должны заниматься своим просвещением? Почему у нас такие требования к батюшкам, к Церкви?

– Понимаете, книга не может объяснить все и никогда не заменит полноценного личного общения. Книга – вспомогательный материал, который сопутствует качественному общению. Что касается просвещения прихожан, о которых мы сказали, что их мало учат, то, как известно, спрос рождает предложение. Люди сами виновны в своем невежестве, если у них нет голода и жажды по отношению к истине. Как накормить сытого? Как научить того, кто учиться не хочет? А ведь знание дарует подлинную радость. Когда человеку что-то объясняют, он радуется. Он вдруг осознает, что он кому-то не безразличен, он нужен, его любят, раз учат. Плюс человек ощущает радость узнавания. Мы лишаем людей огромного счастья от того, что они многого не знают. А вместе тем, ничего из кармана не вынимая, можно приобщать человека к великой радости. Ничего материального, вроде квартиры, машины, кредитной карточки, не появилось. А радость подлинная – обретение смысла, бодрость, желание жить. И человек в момент понимания преподанного ликует – это так называемое «умное ликование». К этому ликованию может примешиваться печаль о том, что так поздно узнал правду Божию. Пойми я что-то в 15 лет, а не в 50, возможно, и жизнь по-другому бы прожилась, многих ошибок бы не было...

Есть люди, которые уходят из Православия, скажем, в ислам. Что их там привлекает? Простота, общительность, насыщенность жизни законными требованиями, которые поясняются и объясняются. Ну, и некая «умность» – мусульмане ведь вовсе не глупые. Мы, православные, возможно, и придумали для самооправдания, что они все жестокие, упертые и страшные. На деле-то все иначе и все сложнее. Если бы все было примитивно, не было бы прироста исламских общин за счет бывших христиан. Люди ислама на практике читают, говорят о вере, рассказывают, что-то ищут, бегут от невежества.

– Получается, наша Церковь может окрестить, а потом «отпустить» в другие конфессии?

– Да, это наши потерянные «овцы». Чтобы общение было полезным, продуктивным, нужно вначале спланировать вокруг какого-то дела – отремонтировать, создавать, помогать. А когда все более-менее отремонтировано и построено, тогда надо собираться вокруг книги и Чаши. Чем бывают привлекательны для людей протестантские общины? Тем, чего нет у нас! Учителем. Священник должен быть еще и учителем, а не только совершителем Таинств, и учительство должно быть восстановлено в правах. «Начни говорить, и появятся люди». Достоевский в «Братьях Карамазовых» в главе «Русский инок» в завещании старца Зосимы говорит о том, что приходской иерей должен сам идти в дома людей, не гнушаться ими, читать им Евангелие, жития

Марии Египетской, Алексия, человека Божия... Оттуда, от слова Божия, жизнь воссияет. Поэтому нужно воскрешать учительство как труд и важнейшую часть церковной жизни.

Дионисий Ареопагит говорит, что достойным основанием восхождения на высшие степени священства является постижение тайн Священного Писания. То есть некнижный человек даже диаконом быть не должен. Если же у человека есть ненависть к знанию, пренебрежение им, непонимание его необходимости, то он будет разорителем церковного стада. Можно стать формальным требоисполнителем, обращающим внимание на внешнее (длину ряс, бороды, широту рукавов), по сути – на оцепивание комаров при проглоченном верблюде. Это будет сомнительным делом. Время таково, что внешнее без внутреннего теряет всякий смысл. Не стоит даже стесняться дергать (осторожненько) батюшек за рукав и просить разъяснить то, что написано в Библии. Люди нуждаются в том, чтобы их вовремя снабжали духовной пищей – объясняли, читали, говорили им о том, что они только что «съели». Другими словами, накормили, как мама-птица – птенцов, из клювика.

Гляньте, раньше священник зачастую был на голову выше по знаниям, чем его прихожане. Читать умели не все, а батюшка читал и объяснял Евангелие! Он мог быть одним из самых образованных людей. Если же сравнить с нашим веком, то прихожане сплошь и рядом имеют высшее образование, порой и не одно, владеют несколькими иностранными языками. Как теперь быть священнику выше паствы хоть на чуток? Теперь трудно, но задача стоит: выше быть надо. Перед современным священством, таким образом, стоит сверхзадача – быть образованнее и начитаннее своих теперь уже умненьких и продвинутых прихожан. А еще – посолить свою ученость благочестием. Нужно копать глубже, двигаться выше – в горня. Если священник не стремится к этому, то будет давать людям в пищу некую «жвачку», которую человек с высокими запросами кушать откажется (просто напросто будет искать другой приход). Чтобы так не происходило, чтобы люди не искали глубин вне Церкви и не находили «глубин сатанинских», священник вынужден поставить учительство и самообразование на первое место. Это общецерковная задача.

– Возвращаясь к Страстной седмице. Помимо долгих служб, сугубо скорбного настроения этих дней, христианин призывается к большему молитвенному подвигу, внутреннему созерцанию, а для этого нужно отбросить всякое житейское попечение. Как сосредоточиться не на куличах, а на молитве и при этом все успеть?

– Ну, мечтать о том, чтобы совсем отложить всякие заботы и житейское попечение, – как-то не трезво. Жизнь тяжела, и тяжесть эта не случайна. Вся тварь покорена суете, и все творение вздыхает, ожидая окончательного искупления. Даже в мелочах всего не перечесать: зубы приходится чистить, и ботинки шнуровать, и постель перестилать, и счета оплачивать, и так далее

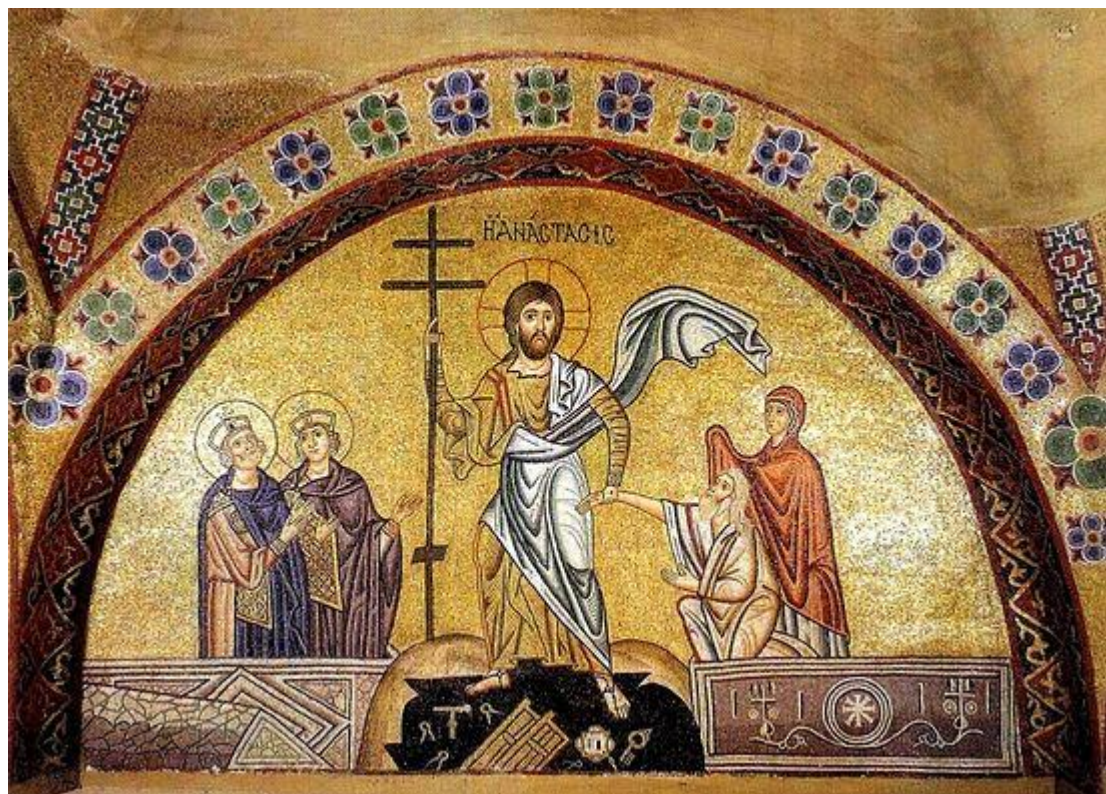
почти до бесконечности. Хорошо бы от всего отрешиться. Но вот попробуй, как блаженный Василий, нагим зимой походить. Быстро смиришься и побежишь домой принимать теплую ванну. Тогда окажется, что то, что ты считаешь суетой, на самом деле дар Божий. Все дело в том, как на что смотреть. Довольно будет и того, что мы в храме на службе усиливаемся отлагать всякое житейское попечение. Дальше за пределами храма дело усложняется. Привезли в магазин хлеб. Это суета? Да, но еще и милость Божия. Сердечко вдруг прихватило, и вовремя приехала «Скорая» – это вообще суета сует, но вместе с тем и величайшая милость. В суете и «Скорая» по городу ездит, в суете и уставший диспетчер звонки принимает по тысяче в день. (Улыбается.) Но все это милость, которую нужно превратить в сознательное служение. А все мирское забыть, дай Бог, только на время службы и получится.

Теперь смотрите: если мы изначально поставим себе высокую планку наподобие домашнего монашества, попытаемся превратить городскую квартиру в келью, а себя в тайного подвижника, то мы родим в себе большую скорбь от того, что недотягиваем до завышенного идеала. Оттого у нас часто такой вид постный не только в постные дни.

Мы с вами говорим о предметах духовных, следовательно, о предметах опасных. Меч не только врага сечет, им и сам можешь пораниться. Огонь не только кашу в печи варит, он может и дом сжечь. Будем внимательны к себе, последовательны и неторопливы. И в отношении «отложения всякого попечения» тоже. А вообще Богу предстоять нужно учиться везде: по пути на работу, за рулем, в магазине, у зубного врача (там-то вообще самое место молиться). Можно, наверное, и в кресле у парикмахера какую-никакую молитву творить. Не все ж на себя в зеркало любоваться.

– Отец Андрей, как понять, хорошо ли человек попостился, подготовился к встрече Светлого Христова Воскресения? Нужно ли вообще о таких вещах думать, ставить себе оценку за проведение поста, или Бог неприметно для нас принимает наши постные подвиги и труды? Должны ли мы испытывать особые ощущения во время пасхального богослужения?

– Должны испытывать, но не должны выжимать чувства из себя искусственно и насильно. Не стоит изображать из себя волевыми усилиями то, что должно происходить по дару свыше. Радость Пасхи, смесь слез и улыбок на лицах, ликующее сердце – это и есть награда за пост и за веру в целом, за стояние в ней. Разные народы радуются по-разному. Во время схождения Благодатного огня в Иерусалиме арабы, скажем, танцуют, кричат, бурно выражают восторг веры. Но есть и радость тихая, менее заметная внешне. Это наблюдается у нас, так как наш культурный код более сдержан. Мы предпочитаем внутреннее ликование. И тем не менее, лица должны быть светящимися, слезы – искренними. Одним словом, пасхальная радость призвана быть подлинной и для работавших с первого часа, и для пришедших в час одиннадцатый.

Быть виноватым и укорять себя — в чем разница?

Чем отличаются чувство вины и самоукорение? Как не превратить самоукорение в аутотренинг?

Самоукорение — это добродетель, это аскетическое упражнение. Укорять себя можно и нужно непрестанно. Так говорят отцы. Нужно трудиться в том, чтобы совершать внутренний труд по части самоукорения.

Чувство вины и самоукорение — немножко разные вещи. Для чего нужно самоукорение? Для того, чтобы не гордиться. А кому нужно не гордиться? Тому, кто склонен к этому. А кто склонен к этому? Наверное, все, но все в разную меру.

Побитый боксер, уходящий с ринга, и боксер победивший, уходящий с ринга с поднятыми руками, по части гордыни в разных условиях. Один находится в подавленном состоянии, другой – в приподнятом. Именно тот, кто победил должен укорять себя, должен себя сдерживать и смирять. Если же не смирит себя, то вскоре тоже будет побит.

Что же касательно чувства вины, то простому человеку вечно макать себя за шиворот куда-то носом может быть опасно. Человек может загнать себя в какую-то крайность.

Иногда его нужно утешить, поддержать, поднять в собственных глазах: «Да, у тебя получится все!» Обычно такое детям говорится, но люди инфантильны. Они и в старости часто детьми остаются. Их ободрять, а не прессовать надо.

Самоукорение – это внутреннее усилие. Боже вас сохрани, показывать наружу своим постным видом, что вы самоукоряетесь. Вы должны быть таковы, как сказано Господом о посте: «Лицо свое умой и голову помажь, и явись людям с веселым лицом», а внутри будь постящимся. Потому что Бог видит тайное. Если ты натянул на себя постную физиономию, посыпал голову пеплом, Боже сохрани, таким являться на люди.

Самоукорение – это тайна сердца. Я должен себя укорять всегда, потому что я вижу, что каждый мой шаг несовершенен перед лицом Бога моего.

И даже посреди самих добрых дел своих я вижу, что они дырявые, как сыр. Гоголь говорил: скорбь самая сильная не от того, что в мире много зла. Самая большая скорбь оттого, что в добре добра нет, что добро дырявое. То есть внутри самого добра, как червяк в яблоке, хранится зло. Страшно, то, что зло всюду и даже в добре. Когда человек знает, что самые добрые движения его души дырявы, гнилы, в какой-то процентной доле, что они несовершенны, вот тогда он понимает, что ему по-настоящему гордиться нечем. Это и есть здоровое самоукорение.

Что же касается вины, то эта тема любима миром, раскручена. Немцев, к примеру, заставляют с пеленок себя чувствовать виноватыми перед евреями. Хотя родились уже два поколения людей, которые не виновны в гитлеризме.

Нас убеждают, что кто-то должен чувствовать какую-то вину о прошедшем перед кем-то еще. И слово «вина» – какое-то фрейдовское. И про вину я не собираюсь вам говорить. Мы виноваты собственно перед всеми, как классик говорит: «Всяк за всех виноват».

Мне приятнее говорить об укорении себя самого. Это мой внутренний труд, это труд внимания себе и наблюдения за стопами своими. Это труд, ведущий к ясному пониманию, что никогда, даже в самых добрых своих состояниях, я не бываю абсолютно добрым. Всегда сохраняется иррациональный остаток для греха. И мне всегда есть в чем себя укорить, на себя шикнуть изнутри. Чтобы не гордиться. И еще для чего? Чтобы не осуждать.

Когда человек убежден в своей полной правоте, он демонизирует мир. Тогда у него все пальцы получаются указательными, и он видит всех остальных виноватыми. Если он своих грехов не видит, он видит чужие грехи.

В молитве Ефрема Сирина в посту говорится нам: «Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Если я не буду укорять себя, я буду укорять всех. Тогда весь мир плох, а я хорош.

И тут мы переворачиваем всю систему ложных ценностей, укоряя себя. Мы начинаем спокойней смотреть на окружающий мир. У нас увеличивается доля спокойствия по отношению к миру, сострадание может даже появиться.

Нужно для этого, чтобы луч Солнца правды, луч Христа проник в вашу душу, и вы увидели то, что мы сказали: в добре добра не хватает, не все хорошо внутри человека, там кошмар сплошной. Если вы этого не увидели, то укорение себя будет имитацией и аутотренингом. Стоит молиться Богу, чтобы он открыл наши очи, и мы увидели себя и мир в немножко более правильном виде, нежели мы видим сегодня.

Укорять себя надо. Но при этом нужно улыбаться ближнему и не натягивать на себя постную личину. Нужно поститься в тайне Богу, который видит тайное и воздает человеку явное.

Истории обращений

В работе с людьми внутри наших приходов очень важно знать, как тот или иной человек пришел к Богу и в Церковь. Это нелегкий труд – выслушивать множество рассказов в первом лице, особенно при тотальном неумении людей отделять главное от второстепенного. Но если часть некая этого специфического собирания информации будет проделана, станет возможным анализ обращений и воцерковлений, возникнет некая приблизительная типология, очертятся закономерности. Проявятся также болезни церковного сознания, облегчится диагностирование, станет возможным лечение.

Дело в том, что способ обращения открывает некую тайну о человеке и предсказывает способ будущего служения.

Кто открыл для себя Христа воскресшего и обновляющее действие благодати через Литургию, тот, скорее всего, после обращения продолжит движение в этом направлении. Он будет ревнителем богослужения, будет и других звать именно на Литургию, а не, скажем, в паломничества или книжные лавки.

Подобным образом люди открывают для себя мир веры, благодаря святоотеческой письменности, горечи утраты близких и утешения, рождаемого церковной молитвой, благодаря проповеди, благодаря авторитету друзей или родственников.

То, что действует на одного, может слабо действовать на другого. О. Павел Флоренский мог сказать, что раз есть «Троица» Рублева, значит есть Бог. А кто-то вообще не понимает, как такие фразы можно произносить, и подозревает в них некое духовное шарлатанство.

Одному человеку книга «строить и жить помогает», а другой вполне сочувствует грибоедовской реплике: «Собрать все книги, да и сжечь!». При этом у него может быть своя теория относительно правильной жизни, по-своему выстраданная и требующая внимания.

Все это очень интересно с точки зрения типологии наших прихожан и, так сказать, выявления мозаичного портрета Соборной Церкви. Однозначно при этом вскрываются и болезни. Учителей и проповедников, например, ищут реже, чем старцев и экзорцистов; чудес жаждут больше, чем наставления в вере. Обнаружение подобных болезней указывает одновременно и на первоочередные задачи. Было бы хорошо, чтобы человек (каждый) сам дал себе отчет о своем приходе к Богу и Церкви. Это нужно для свидетельства: «Со мной было то-то и то-то, и...». Уж что-что, а такой рассказ есть в запасе у каждого.

Апостол Павел многократно говорил и напоминал о том, как нашел его Христос. Напоминал о бытности гонителем, о неожиданности вмешательства Христа в его жизнь и проч. Очевидно, что степень чудесности наших обращений гораздо меньше, но и у нас есть свое чудо, и за нашу душу Христос умер.

Умея рассказать о своем обращении (лучше, если не вызывая зевоты), человек должен выслушать или прочесть ряд повествований об иных обращениях. Почему? Да потому, что мы эгоисты, и думаем, что как у нас было, так и у всех должно быть. А это неверно. У всех все по-своему. И главное – за всеми наблюдает Господь, всем желает в разум истины прийти. Сегодня человек кажется врагом благочестия, а со временем он может стать

одним из рыцарей Церкви, для которого покамест нужен долгий опыт блужданий на стороне. Мне кажется, мы совсем не умеем думать в эту сторону.

Для примера возьмем жизнь Августина блаженного.

Он был хорошо образован и любил знание, но не ради самого знания, а ради тщеславия и высокого социального статуса. Потом, когда собственно желание проникнуть в суть жизни и постичь Бога родилось в нем, он попал к манихеям. Разве не повторяется эта ситуация в тысячах и тысячах примеров и сегодня, когда пробужденные для поиска истины люди ищут ее где угодно, только не в недрах Кафолической Церкви? Манихейство растянулось на многие годы. Затем была встряска, произведенная Цицероном. Его «Гортензий» открыл совершенно новые горизонты перед умственным взором Августина. Да услышат это обскуранты и ненавистники философии. Без Цицерона не было бы будущего обращения блаженного отца. Следующее откровение – неоплатоники, точнее – «Эннеады». После Плотина верить манихейским басням не получалось. Далее – проповеди Амвросия в Милане (Медиолане тогда). Философы рождали жажду благодати и цельного знания, отменяли предрассудки и мифы еретиков, а проповедь святого отца давала душе понять, что полнота жизни и благодати – в Церкви, Соборной и Апостольской. Была еще борьба с самим собой и опыт познания собственной немощи, порожденной грехом. И только когда чаша была полна, и не хватало только одной капли, настало время последнего толчка и вслед за ним – обращения.

Чудная, длинная, полезнейшая история, показывающая как непросто человеку найтись в Боге; как реально длинен путь домой для блудного сына. Вот и нам нужно учиться с бережностью и вниманием относиться к людям, ищущим Бога, и не затруднять, но облегчать им путь.

В зависимости от того, как долго человек шел к Церкви, и с чем по пути успел познакомиться, чем переболеть, будет более-менее понятно, как сможет человек послужить Богу (и как не сможет, соответственно).

Итак, знаем ли мы свою паству? Осознают ли люди, входящие в нашу паству, себя самих и могут ли свидетельствовать о Промысле Божиим на основании личной, им самим лучше всего известной истории?

Люди все реже ведут дневники и не пишут писем («мыльная почта» и СМС-ки сделали свое дело). А подобный анализ и скромные автобиографические исследования, о которых мы говорим, как раз требуют работы с бумагой и пишущим инструментом. Человеку было бы недурно простым языком в небольшом формате описать свой путь до момента Встречи со Спасителем. Эти рассказы было бы неплохо прочитать священнику (-кам) (читать легче, чем слушать то и дело уходящего в сторону от темы рассказчика). Потом эти свидетельства хорошо было бы проанализировать.

Польза от подобных литературно-биографических упражнений проста. Она даст нам, как уже сказано, мозаичный портрет Соборной Церкви и одновременно просканирует «среднего прихожанина» на предмет обнаружения самых распространенных болезней. Вряд ли в Церкви найдется хоть один думающий человек, могущий сказать, что это неважно.

Задача не из простых

Человек может любить и может знать, что он любит. Человек также может любить, сомневаясь, спрашивая себя самого: «Любовь ли это?» Подобная рефлексия не есть запудривание мозгов себе самому или собеседнику, но есть поиск критериев для определения собственных состояний.

Нравственно и умственно человек пребывает в некоей системе мысленных координат. У него должны быть четкие понятия относительно, например, счастья, и мы бываем свидетелями или участниками таких жарких споров, при которых один изображает свой идеал, а другой с презрением отвергает предложенную картину. И о чем еще могут спорить ожесточенно люди, если не о противоположно понимаемых понятиях Любви, Счастья, Истины?

Говорят, перед смертью Чингиз-Хан высказался о счастье в том духе, что оно заключается в том, чтобы видеть спину убегающего врага, брать его имущество, насиловать его женщин и т.д. Говорил ли он этого в действительности, утверждать не буду, но факт, что подобные примеры бесчисленны. Помыть руки в крови своего врага или сплести канкан на его могиле могут считать пределом счастья и в наши теоретически нежнейшие времена.

При этом другой человек, который тоже в известных ситуациях может поддаться пьянству страстей или азарту военного кровопролития, скажет: «Нет, это вовсе не счастье. Счастье в ином». И далее разговор с выяснением смысла понятий может продолжиться. Перед нами пример ситуации, в которой внешние события идентифицируются на основании внутренних критериев, некоего «знания о знании».

Такие критерии очень важны. Нужно не просто любить, но знать, что любишь, то есть давать себе отчет в том, чем отличается твое состояние от опьянения чувственностью или легкого увлечения. Скажем, ненасытное желание брать и пользоваться, есть признак страсти, а желание отдавать и жертвовать (здоровьем, жизнью, имуществом, силами) указывает на любовь. Таковы, по крайней мере, христианские координаты, а другие мировоззрения, пожалуй, представят иные критерии.

Поднятая тема имеет важность всюду, где сталкиваются мировоззрения. Человек или общество, положим, веруют в Бога. Они не дают себе труда обезопасить мир своей веры и полагают, что верить – так же естественно для человека, как для птицы – летать. Это вовсе не ложная мысль. Она скорее райская, неповрежденно-чистая. Но мы не в раю. В нашем мире за веру нужно умно бороться. И вот к человеку, пребывающему умом в наивном раю, приходит собеседник и начинает разговор. (Все катастрофы начинаются с разговора) Наш верующий человек впервые слышит о себе, что он просто глуп и суеверен, что его вера – сказка, а смысл бытия лежит в совсем иных областях. Война развязана, хотя и не объявлена.

Человек может встревожиться, может почувствовать, что посягают на целостность его жизни, на традиционные ценности и святыни. Он может ввязаться в спор, борьбу, для чего начнет подбирать аргументацию, спрашивать знающих, думать. Спокойствие уйдет надолго. Другой на его месте может неожиданно скоро согласиться с услышанным, и начать перенимать новый стиль мышления, а потом и жизни. Если объектом внедрения неслыханных учений и умных новшеств будет не отдельный человек, а целый народ, то

всегда будет немало тех и других: встревоженных и озабоченных с одной стороны, и плененных - с другой. Будут также и представители промежуточных состояний.

Человеку, таким образом, коль скоро его верования соотносятся с Истиной, предстоит дать себе отчет о своих верованиях. Он должен знать, во что он верит, а во что не верит (например, верит в воскресение мертвых и не верит в перевоплощение). Границы его веры должны быть очерчены, так чтобы вторжение на территорию веры обнаруживалось сразу, а не тогда, когда противник уже сжал вокруг мировоззренческого ядра кольцо блокады. Нужна догматическая грамотность, к которой должна присоединиться затем и грамотность историческая. Отсутствие подобной грамотности делает народное тело открытым и уязвимым в самых жизненно важных местах. Человека не нужно калечить, убивать или превращать в раба, если его можно обмануть. В обманутом состоянии он и так будет калекой, трупом или объектом манипуляций в зависимости от воли обманувшего.

Одним из недопустимых отношений к вере есть сведение ее к одним лишь ощущениям и переживаниям, то есть превращение веры в нечто специфически бабское, не умное, не умеющее говорить, но лишь слезящееся в свои лучшие минуты. При таком состоянии люди могут обладать сокровищем, но не отдавать себе полного отчета в том, чем они обладают. Любая продажа первородства, любая успешная культурная экспансия случается только на фоне непонимания того, чем ты обладаешь, что можешь потерять, и в чем неравнозначность предлагаемой тебе замены.

Когда в новейшее время мудрецы сказали, что знание это сила, они имели в виду специфически понятое знание и такую же специфическую силу. Имелось в виду позитивное знание ради покорения природы и управления ею. Православные христиане тоже должны говорить о знании, но в ином смысле и ради других целей. Для нас знания – средство избавления сознания от современного идолопоклонства. Для нас знания это не столько сила, сколько свобода. И просветление небес над Родиной возможно только по мере просветления ума у граждан, значительная часть которых является православными христианами.

Есть времена, когда нужно молча идти в плен (читай книгу пророка Иеремии). Есть времена возвращения и восстановления храма (читай Ездру и Аггея). И есть настоятельная нужда в обращении к закону и откровению, то есть к воспоминанию забытого и узнаванию непознанного духовного опыта. Этот труд должен перерасти рамки факультативных упражнений узкого круга узких же специалистов, и стремиться к тому, чтобы стать всецерковным трудом. Вся полнота Церкви призвана богословствовать, и немые в отношении богословия эпохи тождественны египетскому рабству.

Вообще обозримое будущее будет все более предъявлять требований к уму и сердцу человека. Оно, как сфинкс, будет загадывать путникам загадки, угрожая сожрать всякого недотепу. Это будущее будет таким, что 1) игнорировать его или бежать от него будет все тяжелее, а то и совсем невозможно; 2) характер его будет настолько агрессивно-привлекателен, что оно будет просто таки врываться во внутренний мир людей на правах хозяина. Кто захочет сохранить здравый смысл, память о Боге и нравственную свободу, должен будет обладать светлой умной организацией, духовным опытом, знанием и дисциплиной. Всех остальных можно будет только пожалеть.

Итак, прежде нежели мы, как требует того верховный Петр, сможем дать иным ясный отчет о нашем уповании; прежде, чем кто-то спросит у нас этот самый отчет, мы должны дать отчет самим себе и о предмете нашей веры, и об ее уникальности, и пройденном

нашей страной историческом пути, и о всей уже прожитой истории Церкви. Это задача не из простых, при том, что она вполне конкретна и ничуть не фантастична.

Свобода слова

«Свобода» нынче любимое слово. Мало того, что это – любимое слово, но оно же еще и возводится в квадрат, давая в результате набившее оскомину сочетание – «свобода слова».

Это очень сложное понятие. Для того, чтобы говорить о свободе слова, нужно также говорить о его – слова – ценности. Иначе свободно произносимые слова, лишённые смысла или носящие извращенный смысл разрушат мир до основания, кстати, без всякого «а затем...».

Есть свобода слова, а есть культура слова. Культура же есть, в свою очередь, некая несвобода. В культуре возделывания земли нужно пахать не когда хочешь, а когда надо, и сеять не что-нибудь, а то, что вырастет и плод принесет. И всякая культура есть набор ограничений, подобных обрезанию ветвей на лозе. Иначе нет ее – культуры, и нет плода, и ничего вообще нет, кроме хамской болтовни. Такая «свобода» слова становится фактором исчезновения культуры слова и, вместе с нею, культуры мышления. Это – антропологическая катастрофа. С удовольствием (но без радости) перехожу к примерам.

*

Мат нынче уже не мат, а признак свободы словоизлияний и отсутствия догматизма в речевой деятельности. Если кто-то когда-то, обладая зачастую подлинным талантом, дерзал «сюсюкнуть» нечто из нецензурного, то делал это со страхом и изредка. Так изредка, как редко, например, бывают на базарах и вокзалах нобелевские деятели пера и шариковой ручки. А ведь в это же время на базарах и вокзалах многие люди всю жизнь живут. Живут и общаются соответственно. И вот, что получается: некто, услышав из именитых уст родной до боли глагол или соленое существительное, решает, что его способ речевой активности отныне канонизирован. Его фаллическое мышление отныне мнится ему классическим, и как Журден удивился, узнав, что говорит прозой, так и подобный персонаж узнает с радостью, что говорит на языке всемирной литературы.

*

Теперь дам место пространной цитате. Она принадлежит Дмитрию Бобышеву – известному поэту из числа «ахматовских птенцов». Речь пойдет об одном столкновении поэта с небезызвестным Юзом Алешковским, столкновении, имевшем место где-то на конференции в Лос-Анджелесе, и произошедшем по поводу ненормативной лексики в русской эмигрантской литературе. Слово участнику перепалки:

«Разумеется, мат — явление сугубо отечественное, но процветал он прежде лишь в быту. В эмиграции нередко могли оскорбить свои тексты Аксенов или Довлатов, в ту же сторону срывались порой и другие вольные литераторы, но Юз Алешковский сделал сквернословие основным стилистическим приемом, а сам он стал некоей “антизвездой” абсценного карнавала и, конечно, ближайшим предтечей карнавала российского. Помню, как в кулуарах того же лос-анджелесского форума я наконец решил высказать Алешковскому, да и другим литераторам, там присутствовавшим, свое мнение об этом

речевом явлении вообще — и в быту, и в литературе. Я сказал, что в каждом бранном слове слышу и буквальный, и символический его смысл и потому совершенно не приемлю словесную похабщину»

Прошу вас обратить внимание, что отношение Бобышева к слову молитвенное, мистическое. Названный предмет оживает и является в слове. «Имя вещи есть сама вещь», - сказал бы А.Ф.Лосев. Следовательно, скверное слово, это не «пар из уст», а практическая магия и поедание-изрыгание словесных нечистот. Как же отреагировал Алешковский?

«Глядя в глаза и явно провоцируя, он обложил меня отчетливым матом. На провокацию я не поддался, а лишь сказал, что разделяю взгляд о. Сергея Булгакова, который предполагал, что вот именно это самое расхожее глумление над образом матери и, следовательно, образом Богородицы, а следовательно, и всей земли нашей, в каком-то тайном, магическом смысле оказалось причиной российских катастроф и злодеяний»

Это место прошу отметить или даже законспектировать. Наш недисциплинированный в мыслях и слове народ, достоин того, чтобы быть названным «народом черноротых», если взять во внимание тонны словесных помоев, изливающихся ежесекундно из русских ртов. Эти помои льются всюду, и святынь не щадят. Словесные гадости мы и за грех не считаем. О! Какое это заблуждение!

Итак, внимание! Здесь один из корней, той разветвленной системы нераскаянности и бытового безбожия, которые сокрушили Русь и издеваются над нею доселе. Речевой этикет редко проявляет нас, как Святую Русь, но чаще, как преддверие ада.

Бобышев молодчина. Он правильно мыслит и правильно действует. А что же визави?

«На это Алешковский покрыл матом и христианскую святыню, и нашу с ним общую родину. Я, видя, что он полностью саморазоблачился перед братьями-писателями, а в их числе и перед Довлатовым, плевать посчитал неприличным, повернулся и ушел. Я был уверен, что уж кто-нибудь из присутствующих такую красноречивую сцену обязательно опишет, и в этом не ошибся. Ошибся лишь в том, что недооценил изощренного писательского умения лжесвидетельствовать. Тот диалог все-таки описал Довлатов (и поздней эпизод был опубликован), только я в нем присутствую под своим именем, а мой оппонент выступает как “писатель Н.Н. с присущей ему красочной манерой”. Таким образом, свидетель скрыл имя обидчика, а оскорбленного меня выставил красоваться среди опозоренных святынь. Пользуюсь случаем, чтобы восстановить тот эпизод в его полноте»

*

Все, ради чего я завел этот разговор, сводится к паре тезисов. А именно:

- 1) Качество жизни человека, как существа умного, прямо зависит от культуры его мышления.
- 2) Культура мышления человека выражается в культуре или бескультуре его слова.
- 3) «Черноротые» люди не могут быть счастливы, поскольку их словесная жизнь обличает их одержимость.

4) Разница между «черноротым люмпеном» и «черноротым интеллектуалом» отсутствует напрочь. При этом «интеллектуал» хуже люмпена, и если у разболтанного народа появились писатели-сквернословы, то ждите беды.

Употреблять слово «свобода» в его Евангельском контексте мы все еще не научились. Зато бесовские смыслы этого слова, несущие осквернение и разрушение, падшему человеку гораздо ближе. Но область действия слова есть область христианской ответственности, поскольку христиане – служители Бога-Слова воплощенного, и словом «свобода» должны пользоваться не для оправдания греха, а для приведения жизни в соответствие с Божиим замыслом.

Читайте хорошие книги

Оцените мысль: «Нехватка придает достоинство вещам. Будь земля на каждом шагу усеяна жемчугом – его начнут топтать, как гальку. Покрой бальзамовое дерево все горные склоны – бальзам станет плебейской жидкостью. У всех вещей с увеличением числа и массы настолько же падает цена. И наоборот, от нехватки самые низменные вещи бывали драгоценными: так среди жаждущих песков Ливии чуточка влаги в руках римского полководца вызывала всеобщую зависть»

Это слова Франческо Петрарки, и они пришли к нам из далекого 14-го столетия. Оглядываясь на историю, Петрарка приводит многочисленные примеры того, как осажденные жители городов ели крыс и прочих малосъедобных в обычное время животных, давая, таким образом, необычайно высокую цену мерзким в мирное время тварям. Скользя мыслью по жемчугам, воде и хлебу, Петрарка далее говорит, что те же закономерности наблюдаются и в социальной жизни. И там «на безрыбье рак – рыба». И там «одноглазый царствует над слепыми». То бишь, если нет достойных лидеров в народе, или система так выстроена, что умного затопчут, а доброго задушат, то ничтожество будет управлять массами. И это даже будет относительно похвально, потому что вовсе не править нельзя, а хаос во сто крат хуже скудного, но упорядоченного существования. В общем, у древних все, как у нас.

*

Слова Петрарки, впрочем, не звучат для нас новостью. Мы помним (обязаны помнить), что ели жители осажденного Ленинграда, какова вообще бывает цена банки сгущенного молока или пачки рафинада в известных исторических условиях. К тому же мы сегодня поголовно блещем экономической грамотностью и знаем, что, к примеру, умножение денежной массы часто сопровождается обесцениванием денежной единицы. Мы знакомы со словами «инфляция», «девальвация» и прочее. Рассуждаем о глобальном кризисе и шулерстве с резервными валютами. Помним (наверное), как Гарин в известном романе А. Толстого имел целью диктовать свою волю всему капиталистическому миру при помощи превращения золота в грязь средствами облегченной добычи. Короче, люди мы грамотные и соотношения между количеством, стоимостью и рыночной ценой для нас не тайна. Как говорил поэт, «нам внятно все: и острый галльский смысл/ и сумрачный германский гений»

*

А еще мы знаем, что слово «массовая» в соединении со словом «культура» означают что угодно, только не культуру. Здесь тоже умножение товарной массы неумолимо связывается с потерей качества и переходом в антикачество, в мир перевертышей.

И хоть все слова эти не новость, все-таки для осмысления реальности произносить их нужно. Ведь эпоха наша – эпоха массового потребления. В этой эпохе (как и в любой другой) нельзя просто жить. Ее понять надо.

Всего сегодня нужно много: услуг, товаров, развлечений, новостей, телеканалов, одежды в шкафу, дисконтных карт в бумажнике. А раз всего много, то и качество этого разнообразия падает. Товары широкого потребления не зря сокращают в названии и производят, как «ширпотреб». А вот наконец теперь отметим, что все сказанное касается не только товаров и услуг, властей и банкнот, но и слов.

*

Эпохе товарного изобилия с кажущейся логической неизбежностью соответствует эпоха свободы слова. Вроде бы все хорошо с точки зрения освобождения личности и приближения к счастью. Много хлеба, много масла, много радиостанций в FM диапазоне. Это ли не рай или его подобие?

Но эпоха свободы слова есть неизбежно эпоха умножения слов. А эпоха умножения слов есть эпоха их обесценивания (см. выше). А обесценивание слова, это - угроза тотального слома межличностной и внутриобщественной коммуникации. Кто не понял, пусть прочтет эпилог «Преступления и наказания» с видениями Раскольникова. Неумение понимать друг друга приводит к всеобщему пожару и каннибализму. Если все говорят, но никто никого толком не слушает; если все говорят не для того чтобы быть понятыми и не потому, что есть что сказать, а чтобы самовыразиться, то к чему мы придем, как не к новому прочтению текста о Вавилонской башне?

На раскладках в газетных киосках – куча печатной продукции, но читать может быть нечего. Как героиня Любви Орловой в фильме «Волга, Волга», плавающая посреди реки, просила воды, так и обыватель, погруженный в море слов, может не иметь пищи для ума и сердца. «Все есть, но ничего нет», - вот, как называется наша эпоха.

Конечно доступ к источникам открыт. Он облегчен неслыханно, но при этом возросли требования к самому человеку. Раньше его опекали, а теперь бросили. И человеку предстоит научиться работать с источниками, анализировать, отсеивать, отбирать главное, копать вглубь. Кто его этому научит? Если никто, то он утонет в море пустой болтовни, и пока я пишу, а вы читаете эти строки, кто-то очередной уже захлебывается.

*

Да, господа, мы живем во времена слова, умноженного в количестве, но обесцененного по качеству. И люди уже даже удивляться перестают, что ни клятва верности, ни признание в любви, ни исповедание веры уже вызывают такого доверия, как прежде. «Что ты читаешь, Гамлет? Так. Слово, слова, слова...». Просто «словами» стало все написанное: и Библия, и Конституция, и воинская присяга. Только векселю еще верят да торговому контракту. Но это до тех пор, пока золото не стало грязью или бумажные деньги не засыпали мир по пояс.

Сейчас нам уже трудно представить тот бывший страх тоталитарного режима перед печатным словом, когда «Ксероксы» всюду на учете, а за пару страниц машинописного текста Самиздата можно сесть в тюрьму. Именно запрет на слово «вскипятил» многих гениев и дал им выплеснуться. Как ни странно, но тот тоталитарный страх системы перед словом сказанным и напечатанным – верный показатель подлинной ценности слова. И ведь предполагалось борцами с системой, что систему-то мы уберем, сломаем, но ценность слова, и гражданственность, и бескорыстие оставим. А вот не получилось. И система рухнула, и ценности, которые она подавляла, стали заметно испаряться. Очень странно.

*

Значит ли это, что нужно «гайки крутить»? Нет, не нужно ничего крутить. Хотя бы потому, что бестолку. Резьба сорвана. А вот, что нужно, так это вернуть ценность словам и смыслам. Об этом говорил Конфуций. Об этом говорил Платон. «Верните словам подлинный смысл», - говорили они.

Область словесности есть область особой христианской ответственности, поскольку мы поклоняемся Богу Слову Воплощенному. Честно говоря, это – наша работа, не по страху, а по совести. А начать нужно с обязательного чтения хороших книг. Мы вот на малом объеме к скольким именам прикоснулись? Петрарка, Алексей Толстой, Достоевский. Платон, Конфуций, Ортега-и-Гассет (не упоминался лично, но подразумевался в разговоре о массах), Блок (не упоминался лично также, но был процитирован). Короче, как говорил классик: «Читайте хорошие книги, жизнь сделает все остальное».

Илья и Емеля

Ты лежал на печи? Я нет. Хотя, все же лежал однажды, только летом и печь была нетоплена. Это было пару лет назад в редкие дни отдыха, в селе на Черниговщине. Лежал я на печи недолго, и глубоких переживаний это лежание в душе не оставило. Так многое из народной жизни, что было раньше живым и повседневным, что лечило, грело, формировало, ныне ушло в этнографические предания. Ничего не поделаешь. Жизнь меняется, и консервировать ее не получится, да и не надо это. А о печи я вспомнил по поводу двух широко известных персонажей – Емели и Ильи Муромца.

Первый просто лежит и все у него удастся, чему виною щука. Золотая рыбка – не хищница, но общение с ней рано или поздно заканчивается фиаско. А щука зубаста, но с ней все ладно выходит. И Емеля приобщен ко всем благам, вмещающимся в его кругозор, не покидая теплого места. Жизнь, что называется, удалась. Есть критические мнения по поводу русской души и ее стремлений, ярко выразившихся в этой сказке. Стремления просты – все иметь и с печи не слезить. Но это не только русская черта. Скатерти-самобранки, ковры-самолеты, горшочки с неоскудевающей кашей встречаются во многих культурах. Есть еще чудесные плоды, возвращающие молодость или дающие возможность понимать язык всех животных, есть мертвая и живая вода. Есть, наконец, борода Хоттабыча, каждый волос в которой чудотворен. Так что русские люди в этом отношении – такие же люди, как все. Они мечтают отдохнуть от тяжелого труда и скудной жизни и получить вдруг много всего и сразу. Если мечта плоха или не умна, то плохим и не умным является все человечество. Я лично думаю, что сказка трудолюбию - не помеха, и можно весь день махать косой в поле или молотом в кузне, а вечером слушать, зажмурившись, бабушку-рассказчицу, с той самой печи рассказывающую старые сказки.

Вот Илья! Это уже не мечта, а пророчество. Сказка об Илье это скульптура, угаданная в глыбе, а глыба – русский народ.

Он лежит на печи не от лентяйства. Он болен, точнее – расслаблен. Только лежит он не у купальни Вифезда, куда раз в год ходит для возмущения воды Ангел. Он лежит на печи, и родители его стары. (Не есть ли это указание на то, что мы приобщились к Христианству гораздо позже многих народов, и те, кто дал нам веру, уже успели постареть?) Могучее тело, прикованное к ложу. Что может быть печальнее? И старики трудятся ради куска хлеба, а молодой сын не может им помочь. О, горький хлеб болезненного нахлебничества! И почему Ангел приходит только к купели, а не к печи, и только во граде Давида, а не в пределах Среднерусской равнины? Но, чу! Что это? Слышны голоса поющих. Не прокаженные и не слепые просители милостыни, а странники идут рядом с домом Ильи. «В Русалим они идут, Херувимскую поют. Аллилуйя. Аллилуйя. Херувимскую поют»

Одним Бог дает силу духа, другим – силу физическую. Нужно сочетать дары, потому что никому не дается все, но всем - частицы. Слабые телом, странники сильны молитвой. Они не принадлежат одному месту, «не имут зде пребывающего града и грядущего взыскают». Странничество – разновидность добровольной смерти ради Господа и дополнительный источник духовной силы. И вот они просят у Ильи воды напиться. Тот, из одного послушания, ступает деревянными ногами на землю и – чудо. Медленно идет, не падает, к колодцу, приносит воды и пьет сам. С каждым глотком набирается силы. Дальше вы все знаете. Дальше Илья корчует пни и рубит деревья. Силу проверяет. Потом становится воином и защитником. И с помощью Бурушки-Косматушки он «утреню-то слушает во Муроме, а обеденку стоит в стольном Киеве».

Думается мне, что мы уже многое сделали, но еще больше должны сделать. Вот мы – сильный и умный народ - лежим на печи не от лени, не от мечты о дармовом счастье. Лежим и прислушиваемся – не зазвучит ли неподалеку бесхитростный мотив псалма из уст пилигримов. Нас должна поднять молитва и глоток воды из своего же колодца. Ну а тогда: «Прощай, матушка. Благослови меня, батюшка. Стонет земля и защиты просит. Поеду я. Пора потрудиться»

Тут вроде и сказке конец, но нет. Только сел Илья на Бурушку, прибежали девки да бабы с другого конца села. Кричат Илье: «Куда ты? Ложись опять на печь. Скоро всем счастье будет. Говорят, в наш пруд волшебных щук запустили, и те по-заморски разговаривают и все желания исполнить обещают, лишь бы ты на коня не садился. Ложись на печь»

*

Давно сказку народ сложил, давно ее рассказал, а до сих пор слова в воздухе звучат и смысл их не стареет.

Не Сего, но Варавву

Когда угроза реальной смерти нависла над совершенно невинным Иисусом Христом, Пилат хотел воспрепятствовать этому злодейству. Повинуясь голосу совести и внутреннего беспокойства, прокуратор придумывал способы отпустить Невинного. И возможность, казалось бы, была. Был обычай на праздник отпускать приговоренного к смерти, чтобы милосердием, отказа от пролития крови почтить Бога.

Матфей говорит так: «На праздник же [Пасхи] правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом?» (Мф. 27:15-16) По всей видимости Пилату, воспитанному на Римском праве, и в голову не могло прийти, что еврейский народ станет с неистовыми криками требовать смерти для Христа, даже если при этом придется отпустить очевидного злодея.

Римское право это вам не египетские пирамиды. Те замерли в песках, и интересны только туристам и ученым. А Римское право живет доныне, поскольку на его базе сформирована вся современная юриспруденция. Принципы неотвратимости наказания, адекватности кары преступлению, необходимости доказательства для вины, адвокатура и многое другое, было рождено римлянами, исходя из естественного нравственного закона, о котором в послании к Римлянам говорит апостол Павел. Эта система мышления и юридической практики вынашивалась и рождалась столетиями, и была так точно скроена и так крепко сшита, что действительно живет до сих пор. Человек, усвоивший эту систему, по праву считает себя цивилизованным. Для него естественно ждать и от других народов, что те познают лучшее и смирятся под крепкую руку Римского права на основании свободного выбора. С евреями же все произошло с точностью до наоборот. Они любили свое и презирали чужой, в независимости от качества. Их поведение было непредсказуемо.

Пилат презирал этот народ, которым правил по воле Императора. Презирал, но и боялся. Боялся религиозной фанатичности, бытовой упертости, непонятного культа, боялся так, как любой человек боится того, чего не понимает. Кроме того, после Вавилонского пленения евреи стали всемирным народом. От Инда до Пиренеев их можно было найти всюду. Множество их было и в Риме, даже близ венценосных особ. Пилат боялся их влияния и жил, стиснутый страхом и ненавистью.

Нет славы в преступлении, и нет чести в убийстве невинного.

«Правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших. Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие»

Ужасна и непонятна эта абсурдная кровожадность. Двойное преступление совершается на наших глазах: Праведник осуждается на смерть даже ценою помилования явного убийцы. Эти два греха подобны сросшимся сиамским близнецам: осудить невинного и оправдать преступника. Если делается одно, то с неумолимостью происходит и другое. Но обратим внимание на одну заметную черту современности – благоговение перед злодеями. Оставим на время разговоры о том, кто виновен в смерти Праведника. Давайте подумаем о том, не причастны ли и мы к тому настроению ума, при котором убийца вызывает у народа теплейшие чувства сострадания, вопреки другим, не менее значимым нравственным требованиям.

Не убийцы ли – наши киногерои и народные любимцы? Не злодеев ли романтизирует массовое искусство, и не перед киношными ли преступниками преклоняются толпы

простых людей? Сериал про Мишку Япончика, киноверсию о Соньке Золотой Ручке, фильм о Бони и Клайде, трогательную историю о Леоне-киллере, и целые саги о Капоне, Корлеоне и душещипательные исследования о Джеке-Потрошителе предлагает нам киноиндустрия. Менты с бандитами который год гоняются друг за другом, как Том и Джерри, на таких скоростях, что не разобрать, кто мент, а кто бандит. О ком еще снимать? О ком писать? О ком говорить? Ну, как же! О злодеях, о людоедах, о серийных убийцах, о томном взгляде человека с автоматом, о снимателях скальпов, которым в детстве не додали любви, и только о них. Общество смотрит, то есть активно потребляет, это творческое варево разного художественного достоинства, но одинаковой идейной наполненности, с нескрываемым удовольствием.

Это есть своеобразное продолжение избрания Варравы и распятия Иисуса, разыгрывающееся на уровне чувства и мысли при помощи изобретения братьев Люмьер. И не говорите мне, что смотрят то, что предлагают. Не правда это. Смотрят только то, что любят, с чем внутренне согласны. Остальное – мелочи.

*

Кому по-настоящему интересен Христос? Жалкому проценту населения.

Кому интересен современный Варавва? Огромным массам средних людей.

Ах, как же он дошел, бедненький, до кандалов и смертного приговора? Кто сбил его с пути в раннем детстве или юности? Несправедливое ли общество или родители виновны больше? Какие муки испытало его сердце после первого кровопролития? Где найти психолога с адвокатом для исцеления его страдавшего сердца? Не напишет ли он, часом, книгу о своей захватывающей жизни? И не снимет ли известный режиссер кино по этой книге?

Узнаете?

Так кого же отправлять на Крест, господа? Варавву или Иисуса, называемого Христом?

- Варавву! Варавву!

- А что же сделать Этому Идеалисту и поборнику высоких истин, которые на хлеб не намажешь?

- Да пропят будет!

- Вы уверены?

- Да распят будет!

Именно этот тайный крик не замолкает на огромных пространствах истории.

*

Так кто же, все-таки, виновен, господа, в смерти Невинного Сына Божия?

Святая Русь

У меня есть предложение – ограничить использование священного словосочетания «Святая Русь». Может быть, даже ввести временный мораторий на его использование, ради трезвой оценки сложившейся ситуации. Не спешите ругаться. И не велите казнить. Велите слово молвить.

Великие формулы не только окрыляют, но и стреноживают. Что до Святой Руси, то, принятая некритично, от одной только любви «к себе особенному», эта формула не дает видения будущего и искривляет отношение к прошлому и настоящему.

«Святая Русь» прошлого это ни в коем случае не картинка, списанная с действительности в любом, наугад выбранном месте от Иркутска до Вологды. Это, что угодно: прозрение, пророчество, словесное выражение тоски по идеалу. Это, наконец, говоря языком современности – декларация об исторических намерениях. Но нигде и никогда Русь не была абсолютно святой на всем протяжении своего исторического бытия. Она была, как весь падший мир, грязна и грешна, наивна и красива, глупа и перевернута с ног на голову. Были, конечно были, и частые вспышки святости, подобные блеску звезд на черном небе. И звезд было много, так что и созвездия из них составить можно. Но ведь и черноты никто не упразднил. Черноту ночи и блеск звезд нужно удерживать в памяти одновременно. Здесь – мудрость для имеющих ум.

Если этого простого образа не понимать, то люди будут рисовать в воображении какие-то идеальные картинки, что у Буратино в Букваре, потом сравнивать яркие краски фантазий с повседневной серостью, и впадать, кто в депрессию, кто – в отчаяние, а кто - в шпиономанию.

Если вы думаете, что «все хорошее уже было», а теперь остается либо это «хорошее» реставрировать, либо горько рыдать о невозможности полной реставрации, то спешу вас уведомить: в вашем сознании живет мысленный идол. Потрудитесь его разрушить, чтобы не быть идолопоклонником.

То же самое в отношении сегодняшнего дня. О какой святости можно говорить, если на многие миллионы крещеных людей приходится всего лишь 3 – 4% (даже не 5%) регулярно ходящих в храм людей? Святость ведь – термин многозначный. Он означает избранность и призванность. Он означает также отлучение от повседневного и скверного. Он означает, наконец, совпадение фактического состояния с желаемым. То есть, если из ста крещеных людей ходят в храм ежевоскресно пятьдесят, то святость половинчата. Если семьдесят – слава Тебе, Боже! Если восемьдесят пять – мы у цели. Девяносто пять – Аллилуйя! Святость очевидна, хотя и не полна. Но 5% - это позор, а не святость. Так откуда пафос? Ведь зазор между потенциальным и реальным состоянием дел огромен. И если бы наши люди потратили хотя бы половину времени, проведенного у телевизора, на чтение Псалтири, а половину денег, потраченных на оккультную литературу, на литературу великую и серьезную, то святость можно было ощутить в воздухе, как запах с кухни. А так...

Учить нужно людей, и самим учиться! Каждый день до последнего издыхания! Когда уже наконец, эта простейшая мысль станет очевидной? А если очевидное не исполняется, то откуда большее возьмется?

Между тем адепты повсеместного использования термина «Святая Русь» считают, что «у нас особенная статья», независимо от того, сколько абортот делается в год на тысячу семей, и сколь малый процент людей реально является участниками воскресной Евхаристии.

Это какой-то опасный вид фантазии (на языке аскетике – прелесть), считать себя принадлежащим к святости, вопреки всякой внутренней и внешней очевидности.

Теперь подчеркну, что мораторий на использование термина я предлагаю ввести только временный. В идеальном плане бытия русский человек действительно часто томится стремлением к святости и мучается от невозможности быстрого достижения желаемого. Нужно ведь, чтобы не только был Бог и Его Царство, но чтобы также была ощутимой связь между Ним и Его Царством с одной стороны, и нами – с другой. Нужно чтобы Царство Небесное воплощалось в зримые и ощутимые земные формы, хотя бы и частично, хотя бы и приблизительно. Без этого и жизнь – не жизнь, а одна свиноферма с теплой водой и электрическим светом. Но...

Есть одно «но».

Проблемы мира не рассасываются сами собой. Повседневная жизнь требует повседневного же труда, и ничего не согласна отпустить даром (кредиты ограничены, плюс – имеют процент). Другими словами – нужно трудиться. Формула «Святой Руси» тем и опасна для восторженных самолюбив, что она как бы дает все сразу и без труда. И так, дескать, святые мы. Это лживое ощущение незаработанной святости, святости без пота и крови, стреноживает наше движение, лишает нас энергии в учебе и труде, заставляет осуждать других и хвалить себя, превращает нас, по сути, в голого короля, который собой доволен, но другим смешон. А книжечку раскрыть не пытались? А все школы в районе с беседами обойти? А ноченьку в слезах на коленях простоять не за свои даже грехи, а «за себя и за того парня», пробовали?

Отвечают: «Зачем нам? Мы в простоте спасемся. По факту, так сказать, принадлежности к святому семени». Одним словом – полнота чисто еврейских интуиций, в полной мере заслуживающих проклятия за гордость и духовную бесплодность.

Прошлое наше, буде мы его любим трезво, а не как подвид самолюбия, не дает нам права на всегдашнюю гордость. Прошлое требует знаний, ума, слез и ответственности. Настоящее наше еще более запрещает нам пользоваться готовыми самоопределениями, включающими слов «святость». Настоящее наше требует труда и снова труда. Потому те, кто не привык сыпать словами, в отрыве от смысла, должны доказать свою любовь к Церкви и Родине повседневным трудом и отсутствием пафоса.

P.S. Слово «Святая» не случайно рифмуется со словом «Русь». Но эта рифма – пророчество, а не голая констатация. Труженик, а не крикун-идеолог имеет право на соединение двух этих слов в одну полнзвучную фразу. Да и то – в конце жизни, после понесенных трудов, а не на митинге или в полемическом запале. Иначе, лучше не повторять лишний раз этих слов, памятуя, что «от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Трубу к устам твоим...

Все священники должны упражняться в составлении и произнесении проповедей. Здесь стоит сказать «Аминь», и властным жестом запретить возражать всем, у кого нашлись возражения. Возражения не имеют право на существование. Поэтому возвращаемся к пункту №1.

Все священники должны упражняться в составлении и произнесении проповедей.

Труд этот разнообразен. Например, нужно постоянно читать проповеди великих: Григория, Василия, Филарета, Иннокентия, Игнатия и т.д. Из прочитанного нужно делать выписки, и самые полюбившиеся места заучивать наизусть, как стихотворение в школе. Так мысль оттачивается, так возникает пища для сердечного размышления.

Но если ограничиться только этим занятием (каковым занимается до крайности мало людей из нашего брата), то возникает соблазн превращать беседы, лекции и диалоги в бой на дубинах. Дубинами будут выступать цитаты из полюбившихся отцов.

- Тот так сказал – Хрясь!

- А вот этот так сказал – Хрясь!

Это печальное зрелище. К тому же – бесплодное. И нужно, кроме уже сказанного и написанного кем-то, пусть даже и великим, подбирать свои личные слова для своих собственных наболевших чувств. Не может же у человека в сани ничего не болеть в душе, если он не чурбан, не слепец и не сумасшедший!

Все, что болит и о чем думается, нужно записывать. Запишите эту мысль и не бойтесь тавтологии. Запишите: все, о чем думается, нужно записывать.

Кто пишет, тот два раза читает – говорили римляне. И Цицерон (тоже из тех краев человек) говорил: Писать нужно для того, чтоб потом говорить, как по-писанному. Не тык-пык, а как птица поет.

Да сколько же можно жить в одном обряде без живого слова? Сколько можно терять паству и отправлять ее в протестантский темный лес по причине нашего привычного бессловесия?

Но это я так – увлекся. Не гневайтесь. Вернемся к теме.

Нужно болеть душой, читать, писать и думать. Люди - проповедники бывают двух ярко выраженных типов. Одни говорят и потом записывают сказанное. Другие пишут и затем говорят.

Вторые – из благословенного разряда обычных. Им нужно составить план, подобрать цитаты, найти концовку красивую и сочную и потом, оформив все в виде конспекта или плотного текста, выучить. Это правильный путь для абсолютного большинства. Причем подчеркнем вопрос с концовкой. Горе и беда, стыд и мука, когда человек начал, а закончить не может. Кружит вокруг да около, мучит слушателей, заходит на посадку и опять взмывает вверх, как «некая птица, что в силах взлететь, но не в силах спуститься». Поэтому – концовку нужно обдумывать заранее и особенно тщательно. Вообще нужно

натягивать проповедь, как струну – с двух концов. И проговаривать ее нужно про себя. И несколько раз пройти умом по уже готовому и осознанному плану. Это – колоссальный труд, и наша всеобщая лень к делу проповеди есть не что иное, как бегство бездарности от священного труда в дебри требоисполнения. Стыд сплошной, а не Православие.

Но это я опять увлекся.

В зависимости от места произнесения, наши словесные труды могут быть «проповедью», «словом» и «беседой».

Проповедь должна быть о Писании и лучше, если сразу после прочтения Писания. Нужно раскрыть тему, воодушевить на продолжение молитвы и избежать длиннот.

«Слово» же бывает на всякий случай: на посещение приюта, на освящение дома, на выпускной вечер и т.п. Оно горячее и емкое. Оно похоже на экспромт, но Боже сохрани «молоть» экспромты. Все экспромты должны быть продуманы, отложены в памяти и непринужденно произнесены на подъеме, соответственно моменту.

А беседа уже может быть длинной, после службы, во внеслужебное время. И здесь нужно хорошо владеть темой, предметом разговора. Это чтобы раскрыть тему со всех сторон, и не дать разговору расплзтись, расплыться по разным ответвлениям. Здесь, кроме знаний и подготовки, нужно и ораторское искусство, и умение управлять аудиторией, держать ее внимание.

Всему этому нужно учиться, и лучше – на практике. И вот когда практика отшлифует теорию, а душа изрядно устанет от проповеднической пахоты, придет вторая пора. Это когда сначала говорят, а потом записывают.

Схема такова. Человек (священник) думает над темой в одиночестве. Думает и молится, подыскивает цитаты, выбирает выражения, обороты и проч. Потом он идет в собрание верующих в назначенное время, и после молитвы говорит слово. В процессе говорения, благовествования он слышит и ощущает, что Господь открывает ему самому, и через него – всем, некие истины, которые он не продумывал и не готовил заранее. Эти истины выплывают из темноты и начинают сиять, как звезды. Это великие моменты! Проповедник ощущает помазание на слове своем, и приобщается в малую меру к пророческому дарованию. Следовательно, потом ему с необходимостью предстоит записать свои мысли и слова, чтоб опыт не растворился в воздухе, чтоб он остался, как некий фонд, как зернохранилище для будущих поколений.

У нас меньше времени, чем кажется. Духовная лень, приправленная самодовольством, есть подлинное проклятие. И если горы обрушатся на наши головы, давайте не будем искать виновных. Проповедь, проповедь в духе и силе – это задача. Мы замолчим – камни завопят.

Но говорить нужно не как придется, и что припомнится или приснится. Нужно готовиться. Готовиться, значит: молиться, думать, писать и читать. А еще: делиться прочитанным, тревожиться, ужасаться, но не отчаиваться. Упавши, встать, и дальше идти, на ходу перевязывая раны.

Сегодня этим нужно заняться, сегодня. И отговорки не принимаются. Их просто нет, если мы – ученики Воскресшего, а не Его убийцы.

Что такое праведность в миру? Ко Дню всех русских святых

Было время, когда живописцы интересовались только возвышенными сюжетами. Например батальными сценами. Дым, кони, люди, трупы, искаженные гримасы, массовый героизм и массовая гибель. Или портреты важных особ, лучше всего – венценосных. Гордые осанки. Носик ввверх, плечики расправлены. На лицах зачастую – смесь вырождения с остаточным величием. Или аллегорические изображения грехов и добродетелей. Например, как наряженная кривда спихивает с дороги скромную правду. Или античные зарисовки, благо мифология так богата, что тему для творчества даст и морализаторам, и любителям голой натуры, и эрудитам в области античности. Еще были натиюрморты, кой-какие пейзажи (не всеми любимые, как жанр), да что-то еще. Но вот случился сдвиг в сознании. Живописцам вдруг стал интересен маленький человек. Вот продавщица фиалок, или девушка, собирающая виноград. Сколько в ней свежести и наивности! А вот веселый зеленщик (да хоть бы и молочник) на узкой улице старого городка. Вот ростовщик звенит монетой, на которой в свете свечи как будто угадываются капли крови. И так далее. Сюжетов бездна. И нельзя сказать, что раньше не было картежников, молочников, прачек, ростовщиков, старух, бранящихся с молодухами. Были они, просто искусству не было до них дела. Искусство занималось предметами возвышенными. И академики потом поднимали вой и гвалт, вполне законный и неизбежный, кстати. Они кричали, что пошло рисовать балерин, завязывающих пуанты, и рабочих, купающихся за городом. Мелко это – обращать внимание на едоков картофеля и любительниц абсента. Но дело было сделано. Не художниками, а всей эпохой. Эпоха повернулась лицом к сюжетам, до тех пор презираемым и оттого незаметным. Маленький человек в сознании эпохи стал большим, а большие умалились, окарикатурились.

Я говорю об этом потому, что мы обычно видим не то, что есть, а то, что готовы увидеть. Сказали деточке: «Смотри, деточка, это птичка», и деточка одну птичку только и видит. А там еще и облака есть, и ветер ветви раскачивает. Но ветер и облака будут замечены лишь когда на них укажут. Таковы законы мышления. И вот в преддверии праздника всех Святых в земле Русской просиявших я хочу сказать, что нам необходимо кое на что обратить внимание. Важное место во святых у нас занимают благоверные князья. Но их уже давно нет и скорее всего не будет. Это область истории и предания. Точно так же нет благоверных царей и благочестивых цариц. Вот нет и все. Не повод для преждевременной смерти, хотя жаль несказанно. Еще у нас есть много юродивых. В этих живых обличителях ложной религиозности Русь, видимо, нуждалась постоянно. Отсюда и множество. Самый яркий идеал Руси – иночество. Свет мирянам – инок, свет инокам – ангел. Аминь! Иноки и сегодня есть, хотя из-за общего плотоугодия, расслабления, отсутствия духовного руководства им нынче тяжелее всех. И подлинное монашество, как всегда – редкость. А вот мирской идеал святости у нас не выработан. Словно в миру и спастись нельзя, а только в черных одеждах, да за каменными стенами в три м етра толщиной. А ведь миряне в школах преподают, пожары тушат, больных лечат, книжки пишут и печатают, дома строят, церковными хорами управляют, храмы расписывают. Продолжать можно долго. Таким образом на повестку дня выходит любопытная задача. Нужно сформулировать для христианского общества, что такое праведность в миру, каковы обязанности мирянина в повседневной жизни, без порыва с миром и ухода в обитель. Нам будет трудно жить, если мы этого не сделаем.

Например, нужно сформулировать идеал мужа и отца. Не только ведь мужчина-монах или мужчина-полководец святые и подражания достойны. А смиренный и двужильный

работяга, не пропивающий зарплату, воспитывающий детей да еще и молящийся Богу перед сном разве не свят? А далеко ли многодетная мать ушла от мученицы? Ну ладно, не от мученицы, так хоть от игумении небольшой обители? Как по мне, то еще вопрос – кому тяжелее? Учитель – чем не святая профессия? А доктор в идеале разве не ангел? Умен, добр и вовремя приходит на помощь. Знаю, слишком хорошо знаю, что можно заурчать, зануть, зашипеть в ответ про власти, да про законы, да про нехватку денег. Но власть, законы и деньги именно таковы и не инаковы, что мы все на деньги научились сводить, а смысловые стержни из жизни вынули. Вот у нас при такой дьявольской калькуляции вселенная и рассыпается на составные. Нужно сказать человеку, где он Богу служит, а где он – бытовой сатанист. Нужно объяснить человеку, как к святости стремиться, не меняя прописки, и не меняя пиджак на рясу. Нужно найти и показать человеку живые примеры подлинного и современного христианства. А то мы все вычитываем из старых книг на трудном языке ну очень далекие примеры. А он, человек-современник, никак в толк не возьмет, как эти примеры к себе самому приложить, и как на них жизнь построить.

Гораздо больше на Руси было незнатных святых, нежели узнатных и канонизированных. Это тоже нужно помнить. И когда мы сегодня видим, что повседневность с лубочной картинкой не совпадает, нужно менять фокус зрения – замечать невинность, жертвенность, бескорыстие и мужество в повседневности. Ведь не в одеждах же, в конце концов, и не в длине бороды скрылось Православие. Оно в исполнении заповедей, в памяти Божией. Оно в молитве, которую не задуть, в Литургии, которая служить не перестанет. Одним словом, с праздником вас, возлюбленные. Вы же, святые Божии люди, на наших землях для Рая воспитавшиеся, помолитесь Христу о даровании нам разума отличать главное от второстепенного, и умения извлекать великое из ничтожного. Тогда по слову Иеремии, будем, как Господни уста.

Дух празднословия не даждь ми...

Какая разница, говорить или молчать? Почему поддерживать светские беседы вредно для души? Что происходит с жизнью человека, не умеющего контролировать собственный язык?

В церковнославянском языке беременная женщина называется «непраздной», то есть «занятой». Причем, не чем-нибудь занятой и наполненной, а носящей в себе благословение. В этом смысле говорит Исаия: *«Так говорит Господь: когда в виноградной кисти находится сок, тогда говорят: «не повреди ее, ибо в ней благословение»* (Ис. 65:8). Соответственно, «праздный» — это пустой и лишенный благословения, ничего в себе не носящий. Дух празднословия есть именно такой дух — праздный, ничего важного в себе не носящий, выветривающий из души те остатки теплоты, которые есть еще в ней.

Празднословная эпоха — говори, что хочешь — далеко не безобидное явление. Ее дух, к примеру, враждебен молитве. Митрополит Антоний (Блум) не зря одно из слов озаглавил вопросом: «Может ли еще молиться современный человек?» Читать молитвенные тексты, конечно, может. Но вот собираться в молитву целиком, напрягать ум, удерживать внимание, стоять перед Богом, может ли?

В немалой степени анемичная молитвенность современника есть плод словесной разбросанности, истощения попусту словесных ресурсов. В известном смысле сказанное о браке и семени, может быть применено к языку и словам. *«Пусть не разливаются источники твои по улице, потоки вод — по площадям»* (Прит. 5:16). Там, в притчах, по контексту видно, что речь идет о верности в браке, о брачном целомудрии. Но слово — это тоже семя. Оно зачинает дела, оно творчески меняет мир. Его тоже нельзя лить по площадям как мыльную воду.

Для того, чтобы было о чем говорить, нужно, чтобы было о чем молчать. Тихое и медленное созревание слова в тайном мраке внутренней жизни так же необходимо, как полносрочное

донашивание ребенка. Иначе мир будет наполнен выкидышами, не способными выжить и окрепнуть.

Празднословие же не терпит молчания, враждует против него. Дух празднословия в тишине ощущает угрозу. Так и летучие мыши, если бы умели говорить, кричали бы «Выключите свет!» Болтовня есть явление фоновое, безразличное к смыслу — лишь бы что-то звучало. Это синоним отчуждения всех ото всех, потому что родным людям молчание не тягостно. Чужие, да, те обязаны заполнять тишину болтологией, чтобы не чувствовать неловкость. Отсюда вывод: торжество бессмысленных разговоров есть доказательство отчужденности людей друг от друга и глубокого внутреннего одиночества.

Раньше рисовали агитплакаты на тему: «Сколько воды вытекает за сутки из незакрытого крана, если толщина струйки равна спичке?» Точную цифру не скажу, но объем утрат в результате получается устрашающий. Вернемся к нашей теме, вооружившись аналогией. Вместо незакрытого крана — не закрывающийся рот. Толщину струйки определить сложно, тут уже спичка не помощник, но струя пересыхает только на время сна. Каковы потери? Подсчет здесь вряд ли возможен, но потери огромны.

Больно смотреть, когда машина, везущая зерно, по дороге высыпает сквозь щели в бортах килограммы драгоценного груза. Так же больно смотреть, когда теплотрасса, усеянная наспех залатанными дырами, греет зимой воздух на улице, а батареи в домах едва теплые. Такие потери сродни болтовне «на воздух», сродни разговорам без цели и смысла. Можно, кстати, предположить, что связь между теми и этими потерями глубока и реальна. Ведь все хозяйственные люди молчуны. Они конкретны и практичны.

Среди фермеров, рыбаков, лесорубов, шахтеров найти болтуна большая редкость. Практичность и немногословность некоторых северных народов вошла в анекдоты, но смеется хорошо известно кто. У молчунов, как показывает опыт, не только слова, но и вода, тепло, налоговые сборы тратятся разумно и экономно. А ведь мы тоже далеко не южане, но «варежку» прикрывать не умеем. Может отсюда и многое другое?

Путь из Египта болтовни в Палестину молитвы лежит через пустыню молчания. Но это не молчание немого. Это молчание, при котором совершается внутренняя работа собирания помыслов. Как говорит Давид: *«Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь; я стал говорить языком моим».* Но прежде этого было вот что: *«Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста*

мои, доколе нечестивый предо мною. Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвиглась» (Пс. 38).

То есть, сначала был нем и безгласен. А потом сердце воспламенилось, в мыслях появился огонь, язык заговорил доброе и важное. Такова последовательность, и если сердце в человеке не горит, то очевидно, что он не умеет по временам быть немым и безгласным.

Священники и мерседесы

Приходской священник чем-то похож на участкового доктора. Задерганный, уставший, бегают туда-сюда, то на причастие к больному, то на похороны, то на крестины. Жена его дома не видит, отчего законно бурчит. Быт заедает. Времени и сил на все не хватает. И работа-то важная, что у врача, что у священника. Архиважная, но не броская. Не футбольный форвард ведь и не модный певец. А тут чье-то больное воображение раз за разом изображает священника не иначе, как в «Мерседесе». Обидно, честное слово. Вы много участковых врачей в «Мерседесах» видели? Есть, конечно, врачи и на дорогих машинах, но это явно не сельский фельдшер и не педиатр районной поликлиники. И при том, что есть и «черные трансплантологи», и врачи, превращающие «дядю» в «тетю» и наоборот, как-то не поворачивается язык всем врачам кости мыть. Как-никак лечат, спасают, оперируют, консультируют. И скромно живут в подавляющем большинстве. А священникам кости мыть очень даже получается. Почему?

Видно потому, что к врачам чаще ходят, смертные тела к осмотру представляют. Говорят «А-а-а» с ложкой во рту, выполняют команду «дышите – не дышите», и проч. А с Церковью знакомы издавна, по отцу Федору из «12-ти стульев» и по сказке Пушкина «О попе и работнике его Балде». Оттого не известен большинству безверных соотечественников скромный быт большинства иереев, едущих на маршрутках и в автобусах.

Да, собственно, какая разница, на чем ездит доктор, если я к нему лечиться пришел? «На чем хочешь, катайся, но хворь мою одолеть помоги», — я так думаю. И здесь все понятно, поскольку с болью личной и со страхом за жизнь любимых все знакомы в некую меру. А вот с болезнью своей души, с гнилью нутра своего знакомы не все. И этих, незнакомых, вечно **тянет найти зло мира за пределами себя самого**. Этим Незнайкам, то есть тем, кто не знает, что зло мира в них самих живет, когда-то пел молодой Мамонов: «Не убивайте мух! Источник заразы – ты!»

За священников обидно, и вообще обидно. Потому что у народа нет таких профессий, на которые смотрели бы с восхищением. Геолог, космонавт, ученый, милиционер, педагог, доктор... Ведь эти имена когда-то были овеяны идеей трудового подвига, общей пользы и народной любовью. «Кто такой шахтер? – Это смелый человек, который работает под землей, чтобы в наших домах было тепло. Кто такой учитель? – Это умный и добрый человек, который открывает перед нами двери в большую жизнь» И так далее. А сегодня? «Кто такой шахтер? – Это бедолага, который за копейки лезет под землю, и рад бы сбежать с работы, но некуда». Кто такой учитель? – Это неудачник,

работающий за копейки и вымещающий свою обиду на детях» Кто такой милиционер? – Это тот же бандит, который ходит в форме. А политик? – тоже бандит, но не в форме, а в костюме» И так до бесконечности. Старшее поколение не уважают, потому что оно жило при тоталитаризме. Современников не уважают, потому что всюду мерещатся воры и жулики. Интересно, как при таком мировоззрении воспитать в собственных детях уважение к себе самому, если никто никого «идеологически» не уважает, презирает в принципе? С какой стати при такой парадигме, воссавшейся в кровь с детства, не отправить потом старика в дом престарелых, когда время приспел?

Вот и первый урок приспел. Слушайте те, кто любит всех ругать, а себя хвалить! Слушайте те, для кого ничто не свято, кроме личного банковского счета! Инвестируйте в дома престарелых, пока не поздно. Не исключено, что вам там доживать придется. Или меняйте мировоззрение.

Бед и неправд вокруг много. Кто ж спорит? Но если только видеть чужое зло, не получится ли так, что гневно и жарко критикующий всех и вся человек – ангел, невесть как затесавшийся в толпу грешников? Он праведно гневен. Он знает, кого и за что карать. Хотелось бы видеть ангелов во плоти вокруг себя во множестве, и ищу я их. Не нахожу, правда. Ангелу молиться свойственно, а критиканы не молятся. Ангел высших не злословит, и Михаил Архангел даже диаволу «не смел произнести укоризненного суда, но сказал «Да запретит тебе Господь» (Иуд. 1:9) Беззаконники же «идут в след скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших» (2 Пет. 2:10) Опять приходим к тому, что небрежет о себе человек раздраженный и завистливый, и Слова Божия не знает, иначе бы помнил, что в его глазу – бревно, а в чужих глазах – лишь сучки.

Но пусть не знает Писания «правдолюбец». И Библия у него есть, но ученик он паршивенький. Хоть историю-то своего народа знать он должен. Должен, но не знает. Или забыл, что прекраснотушные мечтатели, разрушавшие прежний не идеальный царский строй привели однажды своим безумием и мелкой одержимостью к власти такую редкую шайку негодяев, которая из миллионов людей всю кровь по капельке высосала. Или забыли? Или память коротка? Это же совсем недавно было. Опять дровами к чужой печке стать стремитесь? А знаете ли, что человек на мир смотрит не объективно, а сквозь стеклышки и линзы своего греховного опыта.

В некоем монастыре видел монах, как в вечерней темноте через забор один из братьев перелез и к селу направился. «Это блудник пошел в мир блуд творить», — подумал он. Ту же картину другой увидал. «Это вор из братьев пошел в село украсть что-нибудь», — подумал этот. Третий подумал: «Это кто-то из рабов Божиих пошел тайком милостыню раздавать». Почему на одну и ту же картину три такие разные реакции? Потому что всяк по себе судил.

Для блудника весь мир блудит. Для вора весь мир ворует. Для раба Божия весь мир угождает Создателю. Проверим же и мы себя по этому лекалу. Если нам кажется, что все воруют, значит, воры мы по внутреннему состоянию сердца своего. Если для нас все блудят, то значит и мы тоже. И если тебя или меня сегодня во власть пустить, то есть, как в анекдоте «я встану, а ты сядешь», ох и удивим же мы мир «бескорыстием». Я прямо уже сейчас вижу, какой мы, сегодняшние борцы, явим пример «трудолюбия, чистоты и человечности».

У нас в городе на Новый год центр разукрасили гирляндами – загляденье. И вот, слышу однажды, как два мужика в метро разговаривают.

— Помнишь, какой унылый город был на прошлое Рождество. Ни огонечка, ни гирляндочки.

— Так «они» ж о народе не думают. Только по карманам тянут.

— Зато в этом году как все красиво!

— Так «они» ж столько накрали, что могут теперь и огоньки развешивать.

Дальше я отошел. Стало вдруг и смешно, и грустно, и неинтересно.

Как говорится «картина маслом». Если в голове дырка, то ни хорошими законами, ни подарками, ни деньгами ее не зашьешь. Если же в душе моль дырку проела, или «жаба» из души радость высосала, то хоть весь мир туда засыпь — душа все равно голодной останется.

И вспомнил я Златоуста, сказавшего: «Все зло мира – от незнания Писаний» Действительно, знали бы мужички сказанное у пророков, мудрее были бы их речи, красивее была бы их жизнь. Например, такие слова: «Вот, душа надменная не успокоится, а праведный своею верою жив будет» (Авв. 2:4)

Покаяние: дурная бесконечность или творческое озарение?

Статья протоиерея Павла Великанова «Покаяние нераскаянное» вызвала широкое обсуждение — что такое сегодня исповедь постоянного прихожанина, в чем надо каяться и надо ли каяться в несделанных добрых делах? Публикуем отклик на статью протоиерея Андрея Ткачева.

Наша исповедальная практика сплошь и рядом явно не удовлетворяет потребностям качественного улучшения церковной жизни и внутреннего роста прихожан.

«Если попасть к особо ретивому духовнику, который начнет в... душе многокилометровые дыры бурить, в надежде отыскать чего-нибудь эдакое, то можно целую гору из этих отвалов собрать. Но опытные знают: ничем хорошим такие „глубокие погружения“ в пучины души, как правило, не заканчиваются. Вот и кочует „оптимальный“ список с грехами из одних рук в другие, вполне органично отражая и типичное состояние души, и её стандартные немощи».

Так пишет прот. Павел Великанов в статье «Покаяние нераскаянное». Далее он продолжает:

«Когда я еще был „свежерукоположенным“ священником, то старался убеждать прихожан в крайней важности и необходимости тщательной подготовки к каждой исповеди, проверке совести по исповедным книгам, подробном составлении списка прегрешений с их последующей „сдачей“ батюшке. Пока не столкнулся с совершенно неожиданным открытием: оказывается, в какой-то момент церковной жизни личности это „выворачивание“ души наизнанку становится настолько привычным делом, как для гимнаста — утренний шпагат. Причем настоящий смысл этого открытия души духовнику бесконечно далёк от действительного покаяния, — и слава Богу: вывернули душу, посмотрели, ничего особо нового не появилось, всё нормально, свернули обратно — и отправили к причастию».

Эти слова, как я думаю, рождены сострадательным пастырским опытом, и в очередной раз обозначают серьезную проблему. Не столько решают, сколько, именно, обозначают. Скажу и я то, что думаю, по этому поводу.

Шаблонность и механичность иссушают жизнь. В Церкви же они просто действуют убивающее. Как манекен — не человек, так и механическое соблюдение поведенческих и обрядовых привычек не есть духовная жизнь. Шаблонность, имитирующая жизнь, но жизнью не являющаяся, в отношении исповеди проявляется, в частности, в том, что:

— заученно повторяются покаянные формулировки, без надежды на исправление (дурная бесконечность),

— исповедь превращена в «пропуск» на Причастие,

— непозволительно смешаны исповедь, как таковая, и монашеская практика «откровения помыслов», что превращает священника в «самочинного старца».

Это — на поверхности лежащие вещи. На глубине их еще больше.

«Нет терпения, нет смирения, рассеянно молюсь, не имею любви к ближнему», — это уже не крики души, но словесные штампы, привычно кочующие из бумажки в бумажку, из исповеди в исповедь.

Будучи сами по себе весьма серьезными диагнозами внутренней жизни, эти слова, как роса — солнечного тепла, боятся постоянных повторений. Они должны подразумеваться, но не имеют права повторяться раз за разом. Иначе происходит обесценивание смысла.

Вы можете себе представить, что человек однажды скажет: «У меня раньше не было терпения и смирения. Теперь они уже есть. Вот любви пока нет. В этом и исповедуюсь»?

Такие слова невообразимы. Нам всегда будет не хватать терпения, смирения, внимательности, любви... Так зачем же повторять эти самоочевидные вещи раз за разом? Именно дурной бесконечностью, то есть повторением без конца и смысла веет от такого «покаяния».

Человек может сказать: «Я впал в блуд, но мне больно, и я плачу. Я не хочу жить в грехе и имею волю каяться. Не хочу повторять этот грех. Мне очень стыдно». Думаю, это — покаяние, вернее — часть его. Так думать и говорить можно и нужно. Но нельзя сказать: «У меня не было любви и внимания на молитве. Я в этом каюсь. Теперь у меня будет и любовь и внимание». Что-то глупое и больное послышалось бы нам, если бы такие речи прозвучали под епитрахилью. Но именно эти речи подразумеваются, раз мы требуем из раза в раз повторять «формулу отсутствия великих добродетелей».

Человек может годами твердить перед Евангелием, что «не имеет смирения», и параллельно будет ненавидеть невестку, считать себя лучше всех, ждать того дня, когда Америка утонет в океане, а все грешники попадут в горячую смолу. И все это будет жить в человеке одновременно. Неисцеленные струпья будут туго перебинтованы красивыми словами из хороших книжек.

Насколько лучше заниматься собой и знать свои собственные душевные недуги, чтобы называть не то, что у всех вообще есть (например — гордость), а у тебя именно сейчас есть (например — ропот среди усилившихся болезней).

И ведь не скажет человек: «Я гордый», а непременно скажет: «У меня гордыня». Сама речь будет какой-то шаблонной, неживой, как после инструктажа. Холодом веет от таких «кающихся». А другой вздохнет: «Устал я, батюшка. Устал. Но не унываю. Буду держаться», — и тепло тебе будет при этих словах, потому что они простые. А все простое пахнет теплым хлебом.

Священники, подгоняемые жаждой великой духовности, действительно часто требуют от людей какого-то неслыханного покаяния, странно забывая о той разнице, которая пролегает между скитом Антония Великого и жителями «хрущевки» на окраине райцентра. Есть какая-то нетрезвость, какая-то педагогическая бестактность в требовании от простого человека чего-то великого и достойного святцев. Причем — сразу и без подготовки.

То открытие мыслей (откровение помыслов), которое предполагает отслеживание движений души в течении дня, бодрствование над собою, память Божию, и затем принесение себя на суд духовника — вещь редкая даже и в монастырях. Такая практика требует обоюдной зрелости священника и христианина. Более того, от священника она требует великой опытности и чуть ли не святости, а от исповедника — подвижнического устройства души. Это — редко, это не размножишь на ксероксе.

Если священник высокодуховен, а исповедник слаб и слеп, как только что родившийся котенок, то нужны любовь и осторожность со стороны пастыря. Любовь, осторожность и время.

Если мирянин строг к себе, жизнью бит, опытен, начитан и не экзальтирован, а священник слабоват, от мирянина требуется мудрость и понимание — он не у старца в келье, а на коленях перед Евангелием. Покаялся, принял благословение — и слава Богу! Христос жив!

Если оба серьезны и опытны — духовник и исповедник — лишних слов не будет. Будет то, что нужно. Это — тихая радость со слезами на глазах.

А если духовник сырой и исповедник зеленый; если оба нахватались по верхам каких-то цитат и трепещут конца света; если с ними по отдельности говорить трудно и нужно с нуля и с азов начинать, то сколько карикатур может возникнуть на этой почве — подумать страшно.

Человек Евангелие еще не прочел, ему говорят: «Борись со страстями», не поясняя — как. Человек Отче наш только выучил и еще смысла не понял, а ему говорят: «Твори умную молитву».

Одним словом, человек в первый класс пошел, а его спрашивают по программе института, да еще ругаются. Так у нас и в школах учат — повышают планку требований, как будто поставили цель вундеркиндов плодить, а уровень образования все падает и падает.

Вот вам и формула: завышение требований без любви и снисхождения не ведет людей вверх, но калечит их и убивает те остатки живого, которые еще есть.

Люди хотят причащаться и боятся. «Что я на исповеди скажу? Вроде бы грехов особых не было» И начинают выковыривать из себя то, что можно в бумажечку написать: нет любви, нет терпения, осуждаю, объедаюсь. Это не здоровое явление. В нем нет простоты, а есть ложная установка на «оцеживание комаров». Коль скоро вы это заметите, не сомневайтесь — верблюд уже проглочен.

Вместо того, чтобы радоваться, что грехов особых у человека не было, а причаститься он хочет, мы буквально запугиваем людей и требуем, чтобы они все, как один, выдавали «на гора» тонны затаившейся грязи.

Настоящее покаяние — это много слез и мало слов. У нас же привычна обратная ситуация — много слов, а глаза сухие. И действительно глубокое покаяние с внутренней болью, со слезой не может повторяться с той же регулярностью, с какой читаются вечерние молитвы. Это же насколько нужно быть деревянным человеком, чтобы не понимать: глубокое покаяние — редкое чудо и подарок, а не регулярное занятие, как визит к стоматологу.

Надо священнику самому никогда не каяться и не выть о себе самом, как о покойнике, или напрочь забыть об этом ранее бывшем опыте, чтобы шаблонно относиться к людской исповеди, грехам, слезам, открытым тайнам. Священник ведь не только некто, принимающий исповедь. Он ведь и сам — кающийся. И если так, тогда многому можно научиться в режиме сострадания. А если не так, то на эту беду нет лекарства.

Одного композитора как-то награждали коммунистические вожди медалью за успехи в творчестве. Цепляют на грудь железку и спрашивают: «Как долго вы писали вашу последнюю песню?». Композитор отвечает: «По вдохновению, ночью — за четыре часа» «А, так вы можете шесть таких песен за сутки писать, раз одну написали за четыре», — сказал вождь оторопевшему автору. Нам смешно, что такие элементарные вещи, как непрогнозируемость вдохновения, не понятны глупому человеку. Но над кем смеетесь? Над собою смеетесь.

Нужно много лет учиться и потом много лет думать и томиться на медленном творческом огне, чтобы наконец разродиться шедевром. Шедевр будет не написан, а записан за четыре часа. Писаться же он будет годами.

Так же и в покаянии. Нужно много трудиться и мучиться, и переходить постепенно от молока к твердой пище, и страдать, и бороться, чтобы однажды дойти до перемены и изменения. Покаяние — это великое творчество, и столь любезный большевистскому сознанию план, с расписанием требований и регламентацией вздохов, здесь совершенно неуместен.

Какие люди мне нравятся

Нравятся мне люди, которые не боятся стареть. Это умницы и это воины. Без подтяжек, без липосакций, зато с мыслью в глазах, с внуками, с конкретным делом в руках. Такие, быть может, и умирать не побоятся. Хотя смерть — непрощенная дама и капризная и напугать способна кого хочешь. Но все равно, если человек встречает старость без истерик, значит, есть нечто за душой у человека.

Еще нравятся люди, вокруг которых чисто. Чисто в доме, чисто на прилегающей к дому территории, чисто на рабочем месте. Дал Господь Бог под начальство и ответственность каждого человека небольшой кусочек земли, и нужно на нем навести и поддерживать порядок. Если видишь свинарник вокруг, значит, у людей внутри такой же свинарник. Грязь в мозгах и смрад в глубинах сердца неизбежно проявятся через кучи пустых бутылок вокруг, горы фантиков, лужи разлитых напитков и надписи на заборах. Поддержание порядка на маленьком кусочке земли есть манифестация стремления к внутренней чистоте или даже проявление этой уже имеющейся внутренней чистоты, пусть и относительной.

Нравятся люди, могущие удивить, не мечущие все козыри на стол в первые пять минут знакомства. Думаешь: прост человек и до крайности обычен. Даже не интересно. А он вдруг со

временем открывает все новые и новые грани характера, и видно, что много у него этих граней. Просто он не выпячивает все сразу и не красуется без толку.

Хороши те, кто делает что-либо своими руками и не только не боится всякой работы, но и любит ее. Работяги обычно – молчуны. Основательный человек не любит тратить силы в разговорах. Он знает, что ничто так не опустошает и не обессиливает душу, как бесплодная и беспредметная болтовня. «Либо разговоры разговаривать, либо дело делать», – так он думает, и нравится мне он из-за этого.

Еще нравятся те, кто в разговорах не хвалит себя и не жалуется. Значит, не самовлюблен человек. А если даже увлечется и расскажет о себе больше, чем обычно, то стыдится и старается разговор в другое русло перевести. Тот, кто про себя «любимого» без конца языком не треплет, тот слушать умеет. Умеет слушать, потому что знает: на свете кроме него еще другие люди есть. И другие люди ему при случае с удовольствием душу свою изливают, потому что чувствуют: он не посмеется и не расскажет другим то, что услышал.

Нравятся мне те, кто свою норму в спиртном знает. Под стол не падает, в свинью не превращается и другим не дает, приключений «под градусом» не ищет. Такой человек с компаниями переборчив и с кем попало пить не станет. Очень нравятся мне такие люди.

Еще нравятся те, кто много книг прочел не потому, что ученая степень требует, а потому, что душа книгу любит, невзирая на, может быть, самую простую профессию.

Если эти люди мне нравятся, значит, они есть. Не может же нравиться мне или другому человеку то, чего нет в природе. Такие люди есть, это так же точно, как то, что Бог свят! Но их не очень много, потому что то, чего очень много, всегда теряет в цене и перестает удивлять. Если бы золото было по цене камня, то никто бы из него украшений не делал и денежным эквивалентом не считал.

Люди, которые мне нравятся, есть, хотя их могло бы быть и больше. Мир должен стоять на чем-то, так вот он, возможно, на них и стоит. Мне нравятся тещи, о которых с любовью говорят зятья. Такое тоже бывает. Бывают погребения, на которых зятья рыдают об усопшей теще больше, чем родные дочери. Не фантазирую, но говорю, что видел. Редко, но видел. Еще видел начальников,

по которым на похоронах убивались сотни подчиненных. Убивались так, будто отца родного хоронили, и понимал я в это время что-то, что еще слов не нашло, чтоб высказаться.

Герой России майор Сергей Солнечников,
ценой своей жизни спасший солдата

Случалось видеть очень умные и проницательные глаза под офицерской фуражкой или под рабочей кепкой. Но бывали и бараньи глаза под профессорской лысиной. Чин и звание в вопросах душевных качеств никакой роли не играют. Думаю, все согласится.

Очень нравятся мне те, кто любит и хвалит не только своих (семью, народ etc.), но готов учиться даже у врага и хвалит всех, кто объективно того заслуживает. Такой человек даже на войне убитому врагу скорее честь отдаст, чем на могилу ему помочится, и за это благородство Бог именно такому человеку победу даст.

Есть еще много таких черт, которые непременно бы понравились, если бы мы их замечать умели. Но добро прячется, добро в тишине живет и в second-hand-е одевается. Может и не обязательно в second-hand-е. Это я так – к слову, ради иллюстрации скромности. Подлинное добро, как шедевр в картинной галерее, тряпочкой от солнечного света завешивают, поскольку и картины, и подлинное добро от прямых лучей портятся.

Мне кажется, что если детям дать тему сочинения «Какие люди мне нравятся», то они напишут или заезженные фразы о теоретическом добре, или откровенную чушь про звездную шелуху. Сочинение на эту тему хорошо бы задать взрослым. Они бы по необходимости стали размышлять над нравственной проблематикой, выкапывать из глубин подсознания какой-то личный опыт, анализировать его, стали бы думать сердцем и царапать заскорузлой рукой на бумаге страшно некрасивые буквы (писать-то отвыкли). Это был бы великий опыт. Как бы его внедрить? Как бы заставить людей отказаться от той мысли, что разговоры о нравственности приличны только в школе с желторотиками, а во взрослой жизни, мол, никто уже не только в нравственность не верит, но даже говорить о ней отказывается.

Это – жуткая ошибка. Взрослому человеку нужно говорить и думать на нравственные темы постоянно, поскольку взрослая жизнь целиком состоит из решения нравственных задач различной сложности.

Честное слово, так бы и задал я всем взрослым сочинение на тему «Какие нравственные качества я ценю больше всего». Или «От отсутствия каких нравственных качеств страдают я и моя семья?» Потом устроил бы всенародное обсуждение, награждение победителей, новый этап конкурса с иной темой по тому же профилю. У СМИ появился бы серьезный проект, заполняющий эфир и от проведения которого не стыдно. Поверьте, это не было бы бесполезным занятием. Вы когда-нибудь письма из тюрьмы читали? Да ведь это почти в полном объеме – сочинения на

нравственную тематику, написанные с опозданием. Были бы они написаны в свое время, не пришлось бы по прошествии многих лет упражняться в каллиграфии и рассуждении о том, как нужно жить, из-за колючей проволоки.

Итак, всенародный труд по написанию сочинения на нравственную тему можно считать открытым. Я свое уже написал.

О блудной страсти. Беседа с отцом Андреем

Почти неделя времени между днями памяти двух великих киево-печерских подвижников — Преподобного Иоанна Многострадального (31 июля) и Преподобного Моисея Угрина (8 августа). Оба они известны своей молитвенной помощью в борьбе со страстью блуда. Преподобный Иоанн так противостоял ей, что закопал себя на весь Великий пост по грудь в землю, а она в виде змея нападала на святого, так что всё его тело горело нестерпимым огнем. А Преподобный Моисей, поступив в Киево-Печерскую Лавру уже сильно покалеченный за свое желание сохранить целомудрие, имел от Бога дар одним ударом посоха исцелять иноков от бушевания плоти.

В наши дни мы в землю не закапываемся, значит ли это, что блудная страсть для нас не так актуальна, как много сот лет назад для печерских подвижников? Если есть разница между голодом телесным и перееданием с излишествами, то, может, не всякое плотское движение является признаком блудной страсти? Где граница ответственности человека за свои желания, если, например, женщине Сам Господь сказал: «К мужу твоему влечение твое»?..

Эти и другие вопросы мы решили задать протоиерею Андрею Ткчеву, публицисту и проповеднику, настоятелю двух киевских храмов — во имя Преподобного Агапита Печерского и во имя Святителя Луки Крымского, объединенных в один приход, известный своей активной миссионерской деятельностью.

«Мы все капитулянты перед блудом. Потому и войны нет, что все сдались»

— Отец Андрей, для кого разговор об этой страсти актуален, если он сегодня актуален вообще?

— Один человек просил о помощи другого человека: я мучаюсь от разных помыслов. А тот ему говорит: если бы у тебя не было помыслов, у тебя были бы дела...

Если человек не распознает у себя помыслов блуда, которые он ощущает как вторжение в себя и что-то чужое, значит, он настолько погружен в блуд, что даже этого не замечает.

— Но ведь видимых проявлений нет. Нельзя сказать, что, например, в православной среде нравы распущены...

— Нет видимых проявлений по части совершения блудных дел, в этом смысле? Во-первых, это только «кажется». А во-вторых, уровень биологической активности человека уменьшился. Раньше пост нужен был, например, для реального ослабления плоти, потому что человек был силен и здоров. В каком-то недавнем для нас XIX веке мужчина, как пишется в житии старца Силуана, мог съедать на Пасху яичницу из 200 яиц, убивать кулаком быка-трехлетку (у Шолохова такие казаки есть в каждой станице).

А за последнее столетие человек серьезно упал в витальной силе, он стал слаб. И ему сейчас пост не нужен как способ обуздания плоти — плоть и так немощна. Пост уже переключился на информативную сторону: нужно ограничиваться от информации, отсеивать ненужное, дать покой голове, глазам, языку; молчать, удаляться от раздражителей, искать тишины.

Что касается блуда... Нет поползновений на какие-то жуткие безобразия? — Ну и слава Богу, что нет. Но мне кажется, что мы — дети современной цивилизации — все капитулянты перед блудом. Потому и войны нет, что все сдались (это если говорить в макромасштабах). Этот фронт сдан, и поэтому воевать не с кем. А вот войну ощущают те, кто вдруг сказал Богу: «Все, я иду к Тебе,

Боже, прочь от всякой скверны». И пошел. И начал делать что-то такое, что чуть-чуть похоже на то, как боролись Печерские подвижники. И вот тогда эта дремлющая, бездельничающая злая сила, вдруг с удивлением обнаружив одного не умершего «могиканина», приходит к нему и начинает с ним воевать. И тогда с ним происходит буквально то же самое, что было у Иоанна Многострадального.

Иоанн так мучился, что не мог смотреть на лица: ни на мужские, ни на женские, ни на детские. То есть, он просто не мог смотреть на людей, не мог среди них находиться. Любое пребывание среди людей, слышание голоса, прикосновение к любой человеческой части тела – плечу, руке, – погружало его в какую-то геенну. Для этого он ушел в пещеру и жил там очень долго, чтобы, не видя никого и постясь, убить, по крайней мере, в себе источник раздражения. И этого тоже было мало, потому что это все жило внутри. Он закапывался в землю, и тогда уже к нему диавол пришел как змей.

Эта борьба сохраняет свою актуальность для всех людей. Где есть борьба, там есть обнаружение диавола. Когда борьба есть, тогда он обнаруживает свое присутствие. Зачем обнаруживать свое присутствие рядом с неборющимися людьми? Чтобы они умерли от страха?..

Как по мне, так этот вопрос вполне понятен. Наша цивилизация – это цивилизация людей, капитулировавших перед многими грехами и перед блудом в частности.

Перед сребролюбием мы капитулировали. Перед самолюбием – тоже. Мы любим себя, хотим жить комфортно, любим деньги, и блуду поработились в разных его формах, включая мысленную.

– И что делать?

– Хороший вопрос. Прежде всего, надо быть честным с самим собой, мне кажется. Не нужно из себя изображать то, чем ты не есть. Не нужно изображать из себя христианина первых веков. Не нужно из себя изображать победителя над страстями. Нужно ничего из себя не изображать и честно попытаться понять: «Кто я такой на самом деле?».

Поняв, кто я такой, нужно понять, что я могу. И вот этот честный образ жизни перед лицом Божиим, будет, наверное, спасительным.

Что делать? Господь не поменялся, Он во веки тот же. Нужно искать Его, и на пути к Нему найти и себя самого, потому что мы себя не знаем. Возможно, это звучит очень обще, но нужно спрашивать, где Господь. Написано у пророков, что наказаны будут священники за то, что с раннего утра не спрашивали, где Господь. Нужно искать Бога и стремиться к Нему. И только на этом пути человек начинает обретать себя самого, и скрытое в нем проявляет себя.

В свернутом виде все грехи в нас присутствуют, и покаяние нужно принести Богу не только за содеянные тобою факты греховной биографии, но и за то, что скрыто присутствует в тебе, чего ты сам о себе не знаешь.

Есть такой сказочный оборот: готов ли ты отдать мне то, о чем ты сам у себя дома не знаешь? Как правило, люди готовы. И то, что люди о себе не знают — оно либо самое дорогое у них, либо самое страшное в них. По части грехов, наверное, самое страшное в нас — это то, что мы о себе не знаем. А самое дорогое — это то, что мы меньше всего ценим. Наверное, так.

Думаю, что все мы, люди, пребываем в преступном состоянии души и ума, при котором не знаем о себе ни хорошего, ни плохого. Лучшее в себе мы не ценим, страшного в себе мы не боимся. Поэтому и спасти человека, наверное, нельзя, потому что он сам себя не знает. Кого спасать, если вместо тебя, человека, одна сплошная иллюзия, одни сплошные представления о себе и набор масок...

Духовная жизнь обнажает человека. Она не превращает его автоматически в подвижника, но снимает с него маски. Наши рахитичные, какие-то паралимпийские попытки изобразить великанов духа — они уродливы на самом деле. Наш пост, наши молитвы, наше духовное обучение, вообще, наш образ жизни — часто бывают уродливы, к сожалению.

Такие слова, как «искушение», «гордыня», «ад», «утешение», «благодать», «рай», «страсть», «посещение Божие», «увядшая страсть», «проснувшаяся страсть» — это все не какие-то архаичные термины, а реальные явления. И настоящие страсти — они тебя как псы грызут, и как осы жалят...

Чтобы положительно наполнить жизнь человека, нужно всю евангельскую лексику, которой мы так легко пользуемся, наполнить внутренним переживанием, живым ощущением. На самом деле, оно все есть. И вот тогда человек понимает, какой он, и в общей сложности это все рождает два слова: «Господи, помилуй!»

«И обжорство доходит до тошноты. Блуд же опасен тем, что не имеет конца»

— Отче, мы ушли вглубь темы, а можно несколько вопросов, которые на поверхности? Есть голод, когда хочется есть, а есть страсть, которая называется обжорство. Так и в этом случае: где разница между плотским голодом, который испытывает человек по своей природе, и блудной страстью, которая его борет. Как их различить?

— Дело в том, что древние считали, что телесные потребности человека в плане сексуального общения с противоположным полом так же естественны, как вкушение пищи. Что дыхание, что еда, что питье, что насыщение сексуальных потребностей и желаний — равноприродны, соответственно, не стыдны, не порицаемы, и нечего тут тень на плетень наводить. Так они считали.

Но апостол Павел говорит — и в этом есть новизна христианства — что «пища для чрева и чрево для пищи, но и то, и другое Бог упразднит. А вот тело не для блуда, но для Господа, и Господь для тела».

Новый Завет как бы вторгается, вбивает клин в эти понятия и говорит, что будет другая жизнь — без еды. Но вот тело не для блуда, а для Господа, и Господь для тела, поэтому благодать, реально действующая на человека, дает ему новый план бытия, при котором возникают новые интересы, а старые исчезают. Человек не упраздняется как мужчина, не исчезает как женщина, но

у него появляется нечто главное в жизни, и это главное заставляет молчать то, что раньше громко говорило. Благодать, не изменяя природы, наполняет человека другим смыслом.

Наверняка каждый из нас знает по себе такие состояния, когда плоть молчит, если мы заняты чем-то серьезным: трудом, воспитанием детей, написанием научной работы, чтением хорошей книги или долгим выстаиванием служб в Великий пост. Тогда у тебя все второстепенное в стороне, и плоть молчит, покорствуя духу. Она находится как бы в священном рабском состоянии и исполняет свою работу.

Но нам известно и другое состояние, когда плоть начинает заявлять о своих правах как взбунтовавшийся плебс: «Я хочу!» Душа пытается что-то пиццать в ответ, но ее не слышно. Плоть встает на дыбы, и все: человек уже одержим какими-то другими желаниями, не знает, что ему делать, как на огне томится... Нам всем известно и то, и другое. Мы все можем сравнить эти два состояния.

Есть борьба со страстью, когда страсть проснулась и требует своего, а ты не даешь ничего — вы схватили друг друга за горло и оба друг друга душите. Это ныне редкая вещь.

Читаем в патериках о том, что люди как борцы на арене схватывались со страстью: она их давит, а они — ее. Она человека разжигает, а он берет и не ест, например, весь день. Она его дальше жмет, а он спать ложится на пол, а не на кровать. Она его дальше жмет, а он начинает поклоны класть. Она то, а он — это, и он ее задавил или она его — по-разному бывает.

Мне кажется, современные люди совершенно разучились это делать. По части борьбы мы совсем потеряли опыт. Я извиняюсь, но и среди монахов трудно найти человека, который бы эту борьбу знал и вел бы ее терпеливо.

Есть другой вид борьбы: когда ты не борешься со страстью непосредственно, а как бы не замечаешь ее, продолжаешь делать свое, что-то хорошее. Например, ухаживаешь за больными. И пока ты за ними ухаживаешь, страсть подавлена благодатью и не проявляется.

Вот так, мне кажется, можно различить степени борьбы. То есть, можно идти выше нее, не замечая, а можно бороться с ней.

А как разграничить, естественно желание или нет? Сказано: «попечения о плоти не превращайте в похоти». Потребности в еде и одежде — естественные, но могут перерасти в обжорство, в лакомство, в щеголянье какое-то.

Блуд опасен тем, что не имеет конца. И обжорство доходит до тошноты. Любой самый толстый человек, если даже не решится бегать по утрам, может сделать липосакцию. А вот блуд имеет тенденцию развиваться все больше и больше, доходит до самых диких форм удовлетворения расплодившихся страстей, о существовании которых в себе человек даже и догадываться не мог. Блуд расширяет поле своей деятельности и на каком-то этапе меняет человека так, что тот уже не может смотреть на мир более-менее чистым взглядом, но в каждом видит сексуальный объект. Блуд меняет сам взгляд на мир.

И в этом смысле нужно оценить роль брака. Естественной преградой для блуда является брак — не аскетизм, а именно брак. Брак вводит половую сферу в четкое русло, дает ей некий закон. В этом смысле брак неоценим, особенно тогда, когда у человека пропадают силы и возможности бороться с блудом. Тогда достоинства брака возрастают.

Были времена, когда люди были духовно более сильны и могли себе позволить относиться к браку пренебрежительно. У апостола написано: неженатые думают, как угодить Господу, а женатые — как угодить жене/мужу. Апостол всем рекомендовал оставаться как он — холостым.

Но сегодня, когда мы все меньше и меньше можем служить Господу, достоинство брака возрастает. Брак уцеломудривает человека, совершает самое первичное и необходимое насыщение сексуальных потребностей, причем насыщение законное, Богом подаренное, не давая похотям развиваться в нечто противоестественное.

«Думаю, в Царствии Небесном нас ожидает освобождение от томления плоти»

– Вы упомянули о словах апостола, что и пищу, и чрево Господь упразднит. А есть идеи, как будет обстоять дело с другими телесными желаниями? Денется ли куда-нибудь то «жало в плоть», о котором говорит апостол, и в котором многие подразумевают сексуальное общение между мужчиной и женщиной?

– Не знаю, денется ли. Здесь уместно рассуждать, как бы это было, если бы не было грехопадения. А как это будет потом, это трудно для размышления, это вопрос будущего, которое еще не подарено, оно только определено. Думаю, человека ожидает такая метаморфоза, сравнимая с превращением гусеницы в бабочку. Когда меняется все совершенно, когда ползающее существо становится крылатым.

– Все будут «пребывать как ангелы»?

– Думаю, да. Евангелие так учит. Нас ожидает освобождение от этого томления, связанного с плотью и всеми этими делами. Все это временно и функционально отомрет, потому что функция исполнит себя.

Вот Достоевский говорил (да и не только он), что человечество, размножаясь, стремится к некой цели. Поскольку человечество – это нечто единое. Один человек не может внутри себя, в одной своей жизни вместить достижения цели всечеловеческой. Каждый льет воду на общую мельницу. Мы потому и размножаемся, что сообща стремимся к общей цели. Ты сделал какую-то часть работы, оставляешь после себя потомство, и оно продолжает делать эту работу. Каждый что-то добавляет в эту копилку общечеловеческую.

В этом есть очень правильная интуиция. Почему западное общество перестало размножаться? Не хотят люди выходить замуж и жениться. Если женятся, то не хотят рожать, а если рожают, то одного-двух и говорят: «Стоп, хватит». Почему? Потому что они ощущают себя достигшими цели. Общество развито, что еще нужно? Интересно только разве что переселиться на другие планеты или раскодировать геном человека. «Мы живем комфортно и хорошо, наши права и потребности сбалансированы».

Человечество, размножаясь, стремится к некой цели, это однозначно. Почему монах не должен размножаться? Потому что он (или она) достиг цели, он Христу уневестился. Христа нашел? — Нашел. К Нему прилепился, за колени обнял? Что ты еще хочешь, куда тебе размножаться? Все! Достигший цели не размножается. А находящийся в пути продлевает себя в потомстве.

Поэтому в Царствии Божием упразднится необходимость размножения. Размножением человечества, достигшего Рая, будет воскрешение мертвых. Их уже столько было рождено, что все воскресшие, которые жили до этого, и составят полноту человечества.

А вот порассуждать, как бы это было, если бы не было грехопадения, вот это любопытная штука, может, не такая и легкая для размышления, не очень безопасная, но интересная.

Насколько мне известно, западные богословы, например, блаженный Августин, считали, что человек без похоти бы размножался, если бы не согрешил. Он бы бесстрастно привлекал к себе свою подругу так, как друг обнимает друга. И все это у людей не было бы связано с каким-то стыдом, страхом, накалом страстей, сердцебиением, бессонницей, мучительными фантазиями воспаленного воображения, ревности и прочего. Разум все это контролировал бы.

То есть, западные богословы думают, что человек контролировал бы умом все происходящее, все было бы, так сказать, холодно и бесстрастно.

А восточные думают наоборот, что это было бы так же естественно, как функции, скажем, глотания, моргания, которые не контролируются умом. Ум ведь не вторгается в 90% того, чем занимается тело.

Так бы и здесь было: функция размножения была бы отдана туда, где нет греха, но нет и ума, потому что грех возникает там, где есть ум.

Интересная тема для размышления: как бы это было, если бы мы не были грешны. Немножко понять, как бы это было, можно глядя на по-настоящему любящих людей, которые не изменяют друг другу, которые по любви женились. Впрочем, и у них есть место греху, потому что они тоже временами ревнуют, ссорятся, завидуют.

«Брак задуман Богом не для того, чтобы нести его как кандалы. Многое Богом создано, чтобы человек наслаждался»

– Вы говорите, брак сдерживает. Но брак тоже разный бывает. У одних всё легко — друг друга любят, и жить вместе в удовольствие, и заботиться друг о друге. А у других всё через силу: с трудом радость, с трудом близость, с трудом общение. Можно ли сказать, что те, кто в браке все делает через силу и заставляя себя, достойны порицания, а правильный образ жизни ведут те, у кого все легко?

– Нет, скорее, наоборот. Тот, кто через силу все делает, достоин похвалы, потому что все, что делается по долгу, через силу, имеет большую награду, чем то, что делается по любви и легко.

– Но почему бывает так? Ведь естественно любить детей, супруга/супругу, приходить домой, заботиться... Почему в какой-то момент всё может поменяться?

– Понимаете, мне кажется, что все естественное стало редкостью не сегодня и даже не вчера. Мы сейчас находимся в очень сложной ситуации, когда то, что естественно, уже перешло в разряд Красной книги. Умирает естественность.

А брак, заключенный не по любви или быстро растерявший любовь — это вообще катастрофа, это тюремное заключение. Я с трудом представляю, как вообще живут миллионы людей, находящиеся в браке по нужде, под давлением обстоятельств, по привычке, ради детей...

– Христиане попадают в эту категорию в первую очередь, потому что они не могут разводиться в принципе.

– Совершенно верно. Христиане одними из первых попадают в эту категорию, и они связаны большим количеством моральных обязательств. В таком случае, они, к сожалению, превращаются в рабов на галере. Тем, наверное, и спасутся те, кто донесет этот тяжкий крест до конца.

Но мне кажется, брак не для этого создан. Брак задуман Богом не для того, чтобы нести его как кандалы, а на пороге Рая эти кандалы сбросить и в Рай войти. Многое Богом создано, чтобы человек наслаждался и через радость познавал бытие. Бытие как источник радости и Бога как источник бытия.

Но, видимо, все так испортилось, что можно только охать и вздыхать о том, как самое святое превращается в обузу. Почему так? Это не наших мозгов дело, мы не сможем дать комплексный ответ. Может быть, люди спешат выйти замуж и жениться. Может быть, брак заключается под давлением каких-то внешних обстоятельств — напором родителей или преждевременной беременностью. Может быть, личная незрелость толкает в объятия друг друга людей, и потом они, повзрослев, вдруг понимают, что рядом чужой человек.

Здесь очень много может быть всего. Но, однозначно, брак, не скрепленный подлинной любовью, — это наказание.

– А что делать?

– Это еще более тяжелый вопрос, нет на него ответа. Потому что мы имеем дело с конкретными супружескими парами. Но раз уже брак заключен, рождены дети, то что уж тут...

Хотя люди-волонтеры ничего не боятся, сбрасывают с себя всякое ярмо, которое им кажется несносным, ищут новое счастье, пытаются пускаться в авантюры, или же, сохраняя видимость брака, ищут жизнь посередку на стороне.

Сегодня очень возросла ответственность за вступление в брак.

– А насколько хорошо может быть в браке?

– В браке может быть хорошо до почти райского состояния. Брак – это реальное, максимальное подобие союза Христа и Церкви.

Но и самый серьезный брак должен пройти через серьезные испытания. Горечь возможной утраты должен пройти брак, потому что цена всего определяется страхом реальной потери. Либо это угроза смерти через болезни, либо разлуки через измену... Охлаждение чувств и потом их воскрешение – через все это должен пройти даже самый успешный брак, мне так кажется.

Я вот что думаю: важно, чтобы каждый человек на каждом этапе своей жизни вырос и адекватно взрослению менял отношение к миру и к себе.

Что имею в виду. Например, 3-летний ребенок. Его научили верить в Бога, у него есть какая-то вера в то, что есть Иисус Христос, есть Мать Божья, есть заповеди, есть какие-то обязанности. Потом ему будет 7 лет. Он пойдет в школу, попадет в социум за пределами семьи. Его вера должна вырасти, то есть, 3-летняя вера в 7-летнем возрасте его уже не будет удовлетворять. Появляется много вопросов: почему в мире так много зла; почему есть вещи, которые я делать не хочу, но должен; а что об этом говорит Бог; Он смотрит на меня всегда или нет; что такое грех и так далее.

Потом будет 14 лет, и вера 14-летнего человека должна быть 14-летней. Потом будет 25 лет и в 25 лет человек не может верить 14-летней верой. Ему нужно верить адекватно. Потом ему будет 50, потом он должен будет умирать, и в каждый этот период вера должна быть адекватной. То есть, вера старика не равна вере ребенка.

Тоже самое, мне кажется, и с любовью. Люди познакомились, и у них есть своя некая доля любви. Если они желают на этой доле любви прожить всю свою жизнь, то это глупо. Потому что когда они женятся, через месяц у них уже будет вторая мера любви, совершенно отличающаяся от той, которая была на момент встречи. А потом они прожили два-три года, успели побить тарелки, попытались уйти к мамам, или еще что-то такое было, они узнали друг друга более глубоко – и в хорошем, и в плохом. И надо пройти через это все и любить друг друга с большей степенью ответственности. Если их любовь не подтянется вслед за ними, и опыт жизни не подтягивает к себе опыта совместной любви, тогда эта любовь останется в прошлом, отомрет как рудимент. Вот, собственно, и есть главная коллизия брачной жизни. Нужно, чтобы чувства выросли вместе со взрослеющим человеком.

Потом, я думаю, люди должны влюбляться заново друг в друга после определенного периода, например, каждые 5-7 лет. Потому что, когда нам было 22, у нас была одна любовь. Когда мы дожили до 30, у нас многое изменилось и в теле, и в мозгах, и в условиях жизни. Возникает необходимость влюбиться друг в друга заново.

Почему, например, супругам нужно иногда отдыхать вдвоем без детей, или вырываться куда-нибудь без никого, или просто находить время, чтобы разговаривать друг с другом? Потому что людям нужно заново узнавать друг друга. Люди – достаточно глубокие существа. Я могу прожить с кем-то бок о бок, имея к человеку какое-то примитивное отношение. Потом вдруг происходит нечто, и я говорю: «Слушай, ты такой интересный человек. Я 20 лет живу рядом с тобой и не знал тебя». Человек открывается, и ты вдруг удивляешься – ничего себе! У него в глубине масса каких-то свернутых талантов, нераскрытых потенциальных возможностей.

В извращенном виде мы это можем видеть, когда кто-то другой влюбляется в твоего партнера. И он видит в нем то, чего ты уже не видишь. Ты замылил свое око, а благодаря его глазам вдруг с ужасом для себя открываешь, что рядом с тобой — чудеснейший человек. Но другой раскрыл для тебя это, он увидел, а ты – нет. И тогда этот третий открывает тебе глаза на то, чем ты

обладаешь. Но лучше, чтобы было без этого. Лучше тебе самому открывать свои глаза на близкого человека.

Одним словом, это все движется к старости, и на каждом этапе есть возможность как бы заново узнавать человека, заново в него влюбляться. Думаю, несколько таких американских горок – вверх-вниз с захватыванием духа – у человека в жизни должно быть. Иначе брак распадется. Я больше чем уверен, что человеку в жизни нужно влюбляться больше, чем один раз. И лучше всего влюбляться в собственную жену (мужа).

«В жизни есть вещи, на которых ты должен сказать: нет, стоп, я дальше не иду. Потому что дальше наступает точка невозврата»

– А можно задать вопрос о влюбчивости? Что это? Можно сказать, что это разновидность страсти блуда?

– Понимаете, я думаю, никто из блудивших не начинал блудить, потому что так изначально решил. Все намного сложнее, хитрее. Вообще, блудит душа, а не тело. Тело послушно покоряется душе. То есть, блуд начинается в мозгах, в сердце, в сознании, а потом уже подключается вся остальная физика и механика. Причем подключается послушно и неизбежно: как жена мужу в классическом браке — так материя подчиняется духу. Поэтому никто не может списать блуд на одну только телесную функцию. Как Сковорода говорил: «Не осуждайте мир, сей труп ни в чем не виноват». Мы сами виноваты во всем, что делаем, мир вообще здесь не играет роли.

Так вот, что касается влюбчивости, то здесь много интересных вещей. Влюбчивость, мне кажется, соответствует какому-то незакончившемуся детству, это свойство неповзрослевшего человека. Если это девушка, то это такие широко раскрытые глаза, а ее духовный портрет можно нарисовать с бантиками.

Влюбчивый человек — это любопытный человек с детским устроением ума, он хочет, чтобы его любили, чтобы на него обратили внимание, уделили ему какое-то время, отдали какую-то эмоциональную часть своей жизни. И сам он смотрит детским взглядом на мир, и чужое кажется интереснее, чем свое. Как говорят, «чужа жінка – вічна дівка», она всегда интереснее.

Еще раз повторюсь: это свойство неповзрослевших людей. А поскольку люди взрослеют несинхронно со старением тела (телесно он может уже давно повзрослеть, а душевно, быть может, еще и не начинал этого процесса), то могут влюбляться до старости.

Но если для какого-то возраста это совершенно естественно, то в другом возрасте это уже будет патологично. Все это должно когда-то закончиться. Если к 40 годам человек этого не перерос, то он, похоже, задержался в развитии.

А физический блуд приходит потом. Например, женщина влюблива и эмоционально не может скрыть интереса к кому-то. Человек платит ей той же монетой или из-за элементарной галантности, или с ответным интересом. Но там уже дух от плоти недалек. И вообще, сено с огнем находиться долго рядом не могут, даже если сено мокрое, оно все равно подсохнет и вспыхнет. Физика подтянется за психикой.

Есть такой роман, рекомендую почитать, Кобо Абе «Женщина в песках». Жуткая книжонка такая, про неизбежность некоторых вещей. Роман-абсурд, роман о капкане, о котором ты даже не догадывался... Человек попадает в песчаную яму, в которой живет некая женщина – страшно некрасивая. И человек понимает, что ему оттуда не выбраться, и что он обязательно будет спать с этой женщиной, хотя она ужасная, и будь он на воле, никогда бы на это не дерзнул.

Вот так все временами происходит. Существуют некие неизбежные вещи, от которых ты не увернешься, если все предыдущие шаги уже сделаны в эту сторону. Представьте это в виде горки, трамплина. Пока ты идешь по лестнице, поднимаешься на этот трамплин, ты можешь в любой момент остановиться и спуститься вниз. И когда уже зашел на трамплин – это последняя точка свободы, ты еще можешь спуститься вниз. Но когда уже оттолкнулся от трамплина, тогда свобода закончилась, началась необходимость. Ты пролетишь его до конца, оторвешься от него, а там приземлишься или рухнешь – здесь есть варианты.

Так и в жизни человеческой. Есть точки, на которых ты должен сказать: нет, стоп, я дальше не иду. Но есть точки невозврата, после которых кончается свобода и начинается необходимость. Как правило, тогда уже физика вступает в свои права и просто механически совершается блуд, который уже до этого в душе совершился.

Почему говорится: видел – захотел, значит, уже прелюбодействовал в сердце своем. То есть, там, в глубине, все уже совершилось, теперь вопрос, как оно актуализируется, каким образом тело будет вовлечено в то, что уже произошло в сердце.

«Кризис начинается с главного, а главный в мире – мужчина»

– Скажите, а насколько можно говорить об ответственности женщины за желания, если Господь Еве после грехопадения в качестве проклятия сказал слова «к мужу твоему влечение твое». По этим словам выходит, что у женщины тяга к мужчине больше, чем у мужчины к ней...

– Женщине мужчина больше нужен, чем женщина мужчине, это факт. Мужчина нужен женщине сущностно, она влечется к нему не для удовольствия, а для жизни. Иначе она просто жить не может.

А мужчина влечется к женщине для удовольствия. Сущностно он без нее, хоть и со скрипом, но может.

Поэтому на женщине, соответственно, греха меньше — в силу своего неизбежного влечения к мужчине. Как птица хочет в небо, так и женщина хочет замуж или под крыло. Ее и обвинять в этом смысле не за что.

Почему женщина на Востоке носит паранджу? Потому что мужчина смотрит на женщину как на объект вожделения. А у женщины при взгляде на мужчину похоти нет, есть поиск хозяина, есть поиск силы и мудрости. Поэтому ей разрешается смотреть на мужчин, а мужчинам на нее смотреть нельзя. То есть, его взгляд нечист, а ее – чист.

Хотя в нашем мире все двоится, троится и требует уточнения. В средние века женщину классически считали источником всех бед. «Дьявол сам не смог, значит, бабу подослал» — так говорили. И великие мужи падали через женщин, потому что женщина умеет подобраться туда, куда не может подобраться никто. Это правда. Но это не значит, что все женское естество виновато.

Что до ответственности... Мне кажется, что ответственность за весь мир лежит на мужчинах. Я бы не упрекал женщин вообще ни в чем в контексте данного разговора. Я бы сказал, что вся тяжесть за бытие, за мир, лежит на плечах мужчин. И если они самоустраиваются от ответственности за мир, тогда все идет прахом. И женщины были бы у нас прекрасней и удивительней во всех отношениях — начиная от красоты и заканчивая сообразительностью, если бы мужчины были настоящими мужчинами — ответственными, хозяевами слова, мудрыми, сильными, терпеливыми, за кого не стыдно спрятаться.

Кризис начинается с главного, а главный в мире – мужчина. Лучшее если портится, тогда нечего обвинять тех, кто на вторых ролях. А женщина в мире на второй роли.

– И в третий раз за этот разговор задам вопрос: что делать? Понятно, что нужно правильно воспитывать будущих мужчин — маленьких мальчиков...

Страшно сказать, но во многих случаях ничего уже не сделаешь. В макромасштабе изменения часто невозможны. Слишком давно все испортилось и слишком давно запуталось. Состояние такое, что делать что-то нужно, а сделать ничего нельзя. Это состояние перед грозой...

Если почитать историю, литературу, то перед самыми жуткими изменениями мира – перед мировыми войнами, катастрофами – лучшие люди мира ощущали эту двуединую мысль. Когда надо что-то делать – это первое. И второе — а сделать уже ничего нельзя. И умножение усилий лишь увеличивает хаос.

– Отец Андрей, лично мне близки Ваши мысли, и в целом то, что Вы говорите. Но очень многие видят в Вас пессимиста, говорят, что Вы слишком нагнетаете. И на эти Ваши слова можно возразить: «Ну не все так плохо. А отец Андрей грозитя какими-то несчастьями»...

– Да я не грожусь. Но я не могу не говорить о том, что вижу. Если человек розовощек, а анализ показывает, что у него туберкулезная палочка, то его розовощекость не вводит доктора в состояние благодущия по части его будущего здоровья.

Так и священнику должны быть видны палочки Коха, которые размножаются в нашем народе. Мы слишком больны, чтобы надеяться на какие-то утешительные перемены.

Мой пессимизм уравнивается, к счастью, тем, что я священник. Глубокое мое многолетнее убеждение заключается в том, что из главного у нас есть Литургия. И поставление Литургии на должную высоту, превращение ее в мерило церковной жизни и мировоззренческое мерило – это цель. Она – как палочка-выручалочка, прикосновение которой к любой стороне жизни может менять мир чудотворно. Это то, где Бог вмешивается в жизнь.

Моисей, когда видел пыль от фараоновых колесниц на горизонте, понимал, что это конец. На самом деле, конец. В его планах не было разделения Красного моря. Это не была ни его инициатива, ни его инженерная мысль.

Так и мы — видим какой-то процесс. С точки зрения математического анализа, нас очень быстро ждет катастрофа. Мы находимся в нехорошей точке на духовной карте. И было бы ложью сказать, что все не так.

Но есть Бог. И кто-то говорил из историков, что полная прогнозируемость процесса прямо пропорциональна его бездуховности. Чем более прогнозируем процесс, тем более он бездуховен. А духовен процесс тогда, когда совершается то, чего нельзя было предугадать.

Так и здесь. Еще раз повторяюсь — есть Господь, Который может разделять море, кормить манной в пустыне, умножать хлебы и рыбы для большого числа голодных людей. Я ни в коем случае не сбрасываю это со счетов.

Но и чудо не проповедую. Чудо можно получить только в подарок.

— Большое спасибо за беседу! И отдельное спасибо за такое ее окончание.

Пощечина Иоанну Кронштадскому

В те годы, когда протоиерей Иоанн Ильич Сергиев был уже всенародно известен, а в кронштадтский Андреевский собор к нему на литургию ежедневно уже съезжались тысячи людей со всей России, произошел один вопиющий случай. Во время службы на амвон поднялся некий студент и прикурил (sic!) от лампы на иконостасе. Отец Иоанн в это время уже вышел с чашей для причащения. Он в недоумении посмотрел на молодого человека и с гневом спросил: «Что ты делаешь?» В ответ молодой человек не покраснел, не застыдился и не вышел поспешно из храма. Он подошел к отцу Иоанну и резко, наотмашь ударил его по лицу рукой. От удара отец Иоанн сильно качнулся. Евхаристические Дары расплескались из чаши на пол, и потом пришлось вынимать несколько плит из амвона, чтобы утопить их в Балтийском море. До революции оставалось совсем недолго.

Студент тогда, к сожалению, ушел из храма на своих ногах и не был разодран на части возмущенными людьми, собравшимися для молитвы, чего он был, несомненно, достоин. Говорю это с полной ответственностью за каждое слово, ничуть не сгущая красок: если бы народ действовал в подобных случаях более жестко и адекватно, наглость шакалов уменьшалась бы на глазах. Говорю это также и с точки зрения последующей истории, которая для нас уже является прошедшей, а тогда лишь предчувствовалась и неясно различалась. Недалеко были уже времена неслыханного поругания веры, но прежде, нежели душить попов епитрахилью или «причащать» раскаленным оловом, нужно было кому-то начать с дерзкого глумления над Церковью, таинствами и служителями.

Древний Змей выползал из-под земли, и его отравленное дыхание рисовало многим миражи близкого всемирного счастья. Во имя будущего нужно было прощаться с прошлым. Кошунство – одна из форм подобного прощания. Достоевский в «Дневнике писателя» описывает случай, когда простой мужик на спор вынес за щекой из храма Причастие, чтобы выстрелить в Святые Дары из ружья (!). Было дело, Есенин выплюнул (!) Святое Причастие, в чем бахвалился перед Блоком. Вроде бы в том же замечен был в гимназические годы будущий любимец Ленина – Бухарин. Многие, имже несть числа, срывали затем с себя нательные кресты с радостью, и если бы можно было, то согласились бы смыть с себя и крещение какой-нибудь жертвенной кровью, как это хотел сделать Юлиан Отступник. Нужно понять, что в канун революции большие массы народа натуральным образом бесновались, дав место в своем сердце врагу. И у одних это беснование было облачено в гражданский пафос, а у других – в оправдательные речи для этого пафоса. Дьявол был закономерно неблагодарен со временем и к тем, и к другим, пожрав с костями и строителей «нового мира», и разрушителей «старого», и любителей придумывать одобрительные аргументы для тех и других.

Но кем был в своих собственных глазах упомянутый студент? Хулиганом? Кошунником? Нет, что вы! В своих глазах он был героем и выразителем социального протеста. Какие-то поверхностные брошюры помогли ему сформировать жалкое мировоззрение. «Вы мне ответите за инквизицию, за Джордано Бруно и за гибель цивилизации ацтеков», – возможно, бормотал он, вынашивая планы, как отомстить Церкви. Должен же что-то гневное бормотать про себя глупый человек в свои прыщавые годы, когда бес уже вселился в него и тащит на свои дела. Ведь и сегодня, в период всеобщей грамотности, люди бормочут подобную ахинею.

Студент, вероятно, крепко веровал, но не в Воскресение Христово, а в торжество прогресса и в гуманизм. Ради одной веры он оскорблял другую, всюду заметную, но сердцем не усвоенную. Он оскорблял эту веру, стремясь приблизить ее конец.

Тогда он ушел из храма на своих ногах, и, что было с ним после, мы доподлинно не знаем. Но мы хорошо знаем, что было в общих чертах с этими многочисленными «бледными юношами со взором горящим». Тот, кто вошел в храм с целью ударить священника, вряд ли проживет затем всю жизнь в «благочестии и чистоте». Его неизбежно окрылит сошедшая с рук безбожная выходка, и в глазах многих он станет смельчаком, презирающим ветхие устои. Что запретит ему бросать бомбы в жандармов, или строчить антиправительственные листовки по ночам, или точить топор, как новый Раскольников? Что запретит ему окунуться в вихрь борьбы с самодержавием, ища то ли счастья для миллионов, то ли большей, хотя и минутной, славы себе? И если он дожил до Февраля, то со слезами радости и с визгом, свойственным всем взвинченным натурам, он приветствовал отречение императора. Потом был Октябрь, и если он не был среди большевиков Троцкого-Ленина, то мог оказаться среди тоже радикальных и любивших пострелять эсеров.

Кто убил его, оставшегося в живых тогда, в Андреевском соборе? Ведь наверняка кто-то убил его в том сумасшедшем XX столетии, когда самые невинные люди редко удостоивались смерти в собственной постели? Да кто угодно. Пуля белых в гражданскую. Пуля красного палача в застенках «красного террора». Та же пуля того же палача, только позже, когда «социализм уже был построен». А может – голод и цинга на стройке века или нож уркагана – на той же стройке. А может, он сам залез в петлю, видя, как не похоже то, за что он боролся, на то, что подобные ему бесноватые люди (не без его участия) построили. В этом случае он сэкономил для Родины пулю, хотя никто за это спасибо ему не сказал.

Но перенесемся на время опять в Андреевский собор Кронштадта. Еще не было бунта на Императорском флоте. Еще не было мятежа, для подавления которого Тухачевский сотоварищи побегут по льду в атаку при поддержке артиллерии. Гумилев еще не расстрелян. Еще на троне – последние Романовы, а в храме чудотворно служит Всероссийский пастырь Иоанн Ильич Сергиев. Вот какой-то мерзавец поднимается на амвон и прикуривает от лампы над местной иконой папиросу...

Завтра почтеннейшая публика, хихикая, прочтет об этом событии заметку в свежих номерах либеральной прессы.

Пощечина Иоанну Кронштадтскому. Продолжение

Не так давно я написал для сайта [«Православие.ру»](http://Православие.ру) статью о пощечине, которую отец Иоанн Кронштадтский получил в храме от некоего разнузданного субъекта. Статья была перепечатана во многих местах. Были на статью и отзывы. Некоторые удивили меня, если не сказать больше.

Среди реакций на материал серьезную долю составляют рассуждения на тему всепрощения, воспоминания евангельских слов о подставлении второй щеки после удара в первую и прочие вещи, сколь возвышенные, столь же и неуместные в данном случае. Я тогда выразил искреннее удивление, что молодой человек тот ушел из храма на своих ногах. Ведь ударить священника, стоящего с Чашей в руках, да еще такого (!) священника, да в храме, полном людей, было, конечно, не просто ошибкой или хулиганством. Речь шла о действии символическом. И не понимать этого так же неестественно, как ставить знак равенства между пролитием кофе на скатерть в ресторане и – умышленным уничтожением государственного флага. И там и там страдает кусок ткани, но в первом случае речь идет лишь о порче имущества, а во втором – о намеренном нанесении оскорбления целой стране.

Меня не поняли или поняли плохо. Поняли, как водится, самих себя, не вникая в смысл сказанного кем-то другим. И давай затем строчить комментарии собственных домислов о призывах и их отсутствии. Вовсе речь не шла о призывах к насилию. Шла речь о недоумении на неестественную реакцию. Ведь не нужно женщину призывать кричать при родах. Она просто будет рожать, бедная, и орать без призывов. Это естественно. Так же естественно, как кричать при родах, надо и вступаться за святыни. Без призывов.

Юноша бил не просто священника. Он бил по лицу весь верующий народ, и бил его в то время, когда тот собирался причащаться. Священник был выбран не случайный, но такой, который воплощал в себе лучшие черты духовенства и народного благочестия. И та пощечина была всего лишь предшественницей многих последующих пощечин, плевков и тумачков, а также – залпов и

одиночных выстрелов, которые не замедлили прийти в неописуемом количестве. Уж историю-то последующую мы все знаем. Или не все?

Безнаказанность подобных выходок рождает вовсе не смирение и раскаяние в делателях беззаконий, а только распаляет их и движет далее по наклонной – к выходкам еще более кощунственным. Все это представляется мне настолько очевидным, что, казалось бы, предмет спора должен отсутствовать. Однако он есть.

Еще меня искренне поражает словесное любвеобилие нашей читающей публики. «Мы будем за них молиться». «Надо всех прощать». «Подставить другую щеку...» Вспоминаются слова поэта: «Хочется плакать, но плакать нечего».

Позвольте спросить: где вы все живете? Ведь в повседневной жизни людей с такими ангельскими мыслями днем с огнем не сыщешь. Люди привычно и массово завидуют, годами носят в себе различные обиды, раздражаются по пустякам, совсем не умеют прощать, в семьях живут, как на вулкане, гниют от нераскаянных грехов – и вдруг проливаются дождем словесного человеколюбия там, где нужна одна лишь суровая адекватность.

Зайдем к проблеме с другой стороны, как к избушке на курьих ножках. Недавно по России прокатилась волна гражданских недовольств. Митинги, крики, дудки, шарики, плакаты, словоизъявления. Вопрос: чем недовольны? Ответ: властью. В том смысле, дескать, что власть распоясалась, контроля на них нет, к народу не прислушиваются, на голову, короче, сели. Верно излагаю? А можно так сказать, что власть просто издевается над народом, плюет на него или бьет его по лицу? Даже не «по лицу», а «в морду»! (Интеллигенты очень любили раньше в виде высшего оскорбления сказать: я вам в морду дам!) Многие скажут, что можно и так сказать, и еще хуже сказать можно. Теперь внимание – вопрос: так почему же я не слышу любвеобильные словеса этих же комментаторов о том, что надо за власть молиться, что Христос велел всех прощать, а нам надо подставлять очередную щеку и быть готовыми на смиренное несение еще больших тяжестей? Я этого нигде не слышал. Слышите, любвеобильные вы мои, нигде. Почему? Ведь, судя по сладким речам читающей публики, многие люди с текстом Евангелия знакомы и о подставлении щек (чужих) не прочь вслух порассуждать. Всех, значит, простим, кроме своей свекрухи и начальника жэка. Эх вы!

Выборочное у нас, видно, смирение, и такое же – непротivление злу. Священников пусть бьют, и кресты пусть пият. Бог, де, прощать велел. А на мою мозоль наступать не смей, потому как я забывчив в гневе, могу нужную цитату не припомнить...

Скажешь им: «Ленина хорошо бы из Мавзолея вынести», – ответят: «Не суди». Но ведь если Ленин – в Мавзолее, то почему Сталину опять в Кремле не сесть? А если Сталину можно, то Путину почему нельзя? Он что, хуже тех обоих? Как по мне, то не хуже. По мне хуже Немцов с Каспаровым. И если опять скажете: «Не суди», я искренне удивлюсь, почему Путина можно, а их нельзя. Кстати, когда юноша отца Иоанна бил, Сталин уже во всю занимался вещами подобными.

Христианином нельзя быть «на всякий случай», с 8 до 11 в личных интересах. И приобретение добродетелей совершается с рассуждением. Не звать себя и выше меры планку брать – так это только курам на смех. Сколько было уже зла от наивного благодушия хоть бы и в том же начале XX века! Если по мотивам плохо понятой любви и всепрощения из всех тюрем, скажем, выпустить заключенных, а армию и полицию распустить, то получится ли в результате торжество гуманизма и всеобщая радость? Нет! Получится невиданный хаос и такое торжество зла, что для преодоления последствий его придется спешно употреблять меры, неслыханные по суровости, но крайне необходимые. Так ведь тоже было уже.

Было толстовство, пленявшее умы ложной духовностью. Были террористы и террористки, оправданные судом присяжных под овации зала. Были рассуждения о всеобщей гармонии за покерными и бильярдными столами. Были после Февраля восторги законотворчества при фактическом разрушении государственных структур. Были и судьи, убитые спустя годы теми же террористами, которых раньше под овации оправдывали. Было много любвеобильной болтовни и головотяпства, после которых на сцену жизни опустился железный занавес, и публика обнаружила, что нет ни шуб, ни гардероба (см.: Розанов В. Апокалипсис наших дней).

Любовь живительна, как воздух, и, как воздух же, малозаметна. В чистом виде она, боюсь, не имеет цвета и запаха, но пронизывает все и оживляет все. Она питает собою прочие добродетели, как, например, трудолюбие и мужество. Эти последние любовью не назовешь, и их нам не хватает, хотя словесной любви – хоть отбавляй. Многие добродетели на любовь-то и не похожи, но поддерживаются и приводятся в бытие именно любовью. О любви поэтому и говорить лишний раз не стоит. Стоит говорить о рассудительности, постоянстве, справедливости, терпении и прочих качествах, которые закаляют и облагораживают человека. Стоит говорить и об угадывании общего в частном. Вот и пример.

Зажужжали бензопилы – и повалились в разных местах на землю кресты. Одних исторических параллелей хватит, чтобы схватиться за сердце. Но это не все. Если у вас на шее крестик, то имейте в виду, что вам издали бензопилой тоже помахали. Если крест для вас не особо важен, то вам вскоре придется его снять во избежание... Если же крест и Христос означают для вас нечто жизненно важное, то вы не будете и здесь подыскивать цитаты, оправдывающие равнодушие. Вы будете понимать, что сталкиваетесь с явлениями inferнальными, и на рогатого вдохновителя подобных акций слова о любви не действуют.

Все не вовремя у народа нашего. Как у евреев во время оно, по словам Златоуста. Нужно было исполнять Закон – они кланялись истуканам. Пришел Христос, и Закон отошел в тень – они не поверили и вцепились в исполнение Закона с удесятеренной энергией. Так и наши.

Нужно вопить – молчат. Нужно молчать – вопят.

Нужно драться – целуются. Нужно целоваться – дерутся.

О подобных вещах говорит апостол Павел во 2-м послании к коринфянам. Там сказано, что истинных апостолов неразумные христиане часто презирают и поносят, а лжеапостолов терпят, даже если те бьют паству в лицо (см.: 2 Кор. 11: 20).

Ну то есть не хочешь кормить свою армию – будешь кормить чужую. Не хочешь защищать свое духовенство – скоро начнешь молиться на незнакомом языке и исправно платить десятину духовному наставнику, пришедшему издалека.

И как же можно спокойно смотреть на все это? Это где ж столько «любви» взять, чтобы сохранять самодовольное благодущие?

Оскудели мы, братцы. Ни умом, ни любовью, ни силой уже не похвалимся. А все потому, что «огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их», – говорит Господь (Ис. 6: 10).

Поститься как впервые

Как не превратить пост в диетологические упражнения? Как избежать проблем с окружающим миром? В какой мере следует себя ограничивать?

Какие ошибки могут быть для тех, кто постится впервые? Я думаю, что если локализовать смысл поста только до своих личных упражнений по части гастрономии, (что есть, что не есть) то тогда и будут ошибки.

Постящимся впервые нужно знать, что не может быть поста без посещения храма, частого посещения храма — не ежевоскресного даже, а чаще. Ежевоскресное пребывание в храме на литургии — это как вода и хлеб, без этого жить нельзя христианину. А тут нужно чаще посещать богослужение и молиться дома. Пост получит ценность по мере молитвы, без молитвы он будет не достаточен. Будет одно весло, и на одном месте будет крутиться лодка.

Еще нужна мера. Помните, в некоей пословице говорится о человеке, которого заставили Богу молиться, а он лоб разбил? Чтобы не быть таким человеком, нужно выбирать царские пути и не замучивать себя, не брать на себя те тяжести, которые нести не сможешь. Это умеренность.

Царица добродетели — это рассуждение. Не прозорливость, не знание бесов, не воскрешение мертвых, не какие-то еще великие вещи, не являются самыми главными. Царицей добродетели является рассуждение. Ищите свою меру. Если вы больны или тяжело работаете, или что-то еще, вы должны поступать соответствующим образом с рассуждением, заручившись благословением своего духовного отца, если он у вас есть. Если человек грузчик, то может быть ему не стоит акцентироваться на изнурении себя неядением, но добавить в своей жизни побольше псалмов и молитв. А если человек проверяет тетради, будучи учителем первых классов, и у него забита голова уроками, то ему молиться очень трудно. У него ум занят. Тогда ему нужно как раз меньше есть и пить, но не замаливаться. Рассуждение, одним словом, нужно человеку, вступающему в пост.

Есть сложности связанные с окружающим миром. Это третья категория сложности. Когда мы что-то делаем, мы хотим, чтобы все это делали. А все не будут этого делать. Все продолжают жизнь по своему сценарию. Например, мама в семье готовит еду на всех.

Представьте себе, что никто в семье не постится — ни муж, ни дети, а она одна. И ей нужно как-то «пропетлять» между всеми огнями, чтобы были сыты волки и целы овцы. Она должна поститься сама и готовить непостную пищу окружающим. Это трудно? Трудно. Но награды без трудов не бывает. Поэтому здесь третий вариант сложности — это правильное отношение с окружающими. Мы попадаем в социальные напряженности, когда окружающий мир не понимает нас, а мы не согласны с окружающим миром. Здесь нужна изрядная доля мудрости. Просите ее у Бога без сомнений, как пишет Иаков апостол.

Еще скажу. Все, кто вообще постится, должны думать, что они постятся впервые. Я думаю, что все, что мы делаем хорошего, мы должны делать так, как будто мы делаем это впервые, плюс еще и в последний раз. Вот тогда он будет получаться настоящим. Если вы подумаете: «а я уже постился» и т.д., то эта мысль скорее погубит ваши труды. Заезженная пластинка привычности не даст вам ни новизны, ни радости, ни сил, ни расправленных плеч. Все должны думать, что они постятся впервые. Все. И если стать на суд совести, мы должны признать, что мы, раньше постясь, и болтали много, и ели больше, чем надо, и баловали себя сладеньким, и спали излишне, и мало молились в те посты прежние. Мы в принципе погубили все посты, которые были ранее. Так давайте попостимся сейчас по-настоящему! Давайте поститься впервые! Путь к Царству Божьему, по слову Димитрия Ростовского, открыт для того, кто каждый раз начинает заново.

Что хорошего в посте?

С каждым годом человек находит в посте все больше радости и утешения. В чем здесь загадка?

Пост дает мне, например, надежду. Когда доживаешь до поста, у тебя появляется яркая надежда, что все будет хорошо. Я чувствую некоторыми фибрами своей души, что в это время в мире многое меняется. Худо-бедно, но многие люди становятся на колени перед Богом и говорят: «Прости меня!», «Слава Тебе, а меня прости!». Это чувствуется.

В это время чувствуешь, что не все пропало, не все потеряно. Человеку пост дает надежду. Пост определяет цель: впереди Пасха, впереди Христос воскрес и ожидает тебя, и гроб Его пуст. Пост дает смысл жизни, заостряет многие вещи, отсекает лишнее, «сбивает бантики», оставляет самое важное. Это первое.

Чисто по жизни, так сказать, по-простому, пост дает вкус к жизни. Когда ты от себя отнял что-то, это как «купи козу, а потом продай козу» — и твоя однокомнатная квартира превратится в дворец после продажи козы. Сначала она превратится в ад с покупкой козы, а потом после продажи

превратится в рай. И все будет хорошо, действительно. Просто-напросто ты себя утеснишь немножко, не дашь себе поесть, или поспать, или попить.

Вот не пей с утра до вечера, а потом возьми и вечером выпей два стакана минеральной воды, и она окажется очень вкусной. Даже из крана напейся, и в кране тоже при жажде будет вкусная вода. Это будет настоящее удовольствие. Если постящиеся люди воздерживаются в супружеских отношениях, это скрепляет семью, порождает взаимную тягу, жажду, любовь настоящую. Переводит её в другой план. И потом, воздержание рождает небывалую нежность между супругами.

Итак, пост дает надежду, смысл, потом – вкус к жизни. Просто к жизни, к погоде, к свежему воздуху, к легкому ощущению себя, не объевшегося, не еле ползущего, заспанного, а бодрого, облегченного.

Пост помогает меняться. По крайней мере, дает надежду на перемены. Многие говорят: Принимайте меня таким, как я есть. Но это ложь! Человек не должен быть таким, каким он есть. Он должен быть лучше. Он обязан быть лучше. И он обязан хотеть быть лучше. Пост дает человеку возможность стать лучше, если он этого хочет. Это третье.

Четвертое. Пост дает живое ощущение, что не я один. Человека должно несказанно радовать, что в это же время во всем мире – в Греции, Америке, Японии, Латинской Америке, Австралии, Северной Африке, Южной Африке и других частях света есть довольно много людей, которые тоже постятся, как я сейчас. Постятся ради Господа, потому что они Его любят.

Многие строго постятся, потому, что сильно любят Господа. Я не один такой, нас много. И праздники, когда мы празднуем, тоже должны человека радовать. Я сейчас тут помолился, порадовался, поплел, поплакал ради Христа, а сейчас будет обед, вечер, потом я спать лягу, а в это время в Америке православные проснутся, и у них будет то же самое с разрывом в десять часов. Меня это радует. Пост дает мне ощущение того, что я не один, что нас много, и мы все постимся, а потом мы все вместе будет праздновать Пасху. Это меня держит на свете буквально руками, как мама в детстве.

Есть еще много разных вещей, которые пост дает, которые я назвать не могу, поскольку не чувствую их по причине черствости своей.

Пост очень богатый. Пост гонит врага от человека. Когда беда приходит к человеку или к народу, то древние книги говорят: назначьте пост, объявите собрание. Хватит есть, пить, и веселиться. Начните молиться, перестаньте есть, сядьте во вместище, посыпьте пеплом, плачьте и рыдайте. «Смех ваш обратится в плач, а радость в печаль». Глядишь – послушались, начали, и враг ушел, и беда отошла, и бедствие отступило.

Так было с Ниневией, так сказано в книге Ионы, так было и в других местах. Господь Иисус Христос говорит, что на беса нет другого оружия кроме поста и молитвы.

Мир и так беснуется, потому что не молится и не постится. Но еще кто-то молится и кто-то постится, поэтому не весь мир беснуется. Если же мы совсем молиться и поститься перестанем, то жизнь станет просто бесноватой, и лицо поколения станет собачьим.

Так говорит древнее предание. Для того, чтобы лицо поколения собачьим не стало, нужны тоже пост и молитва. И это мне понятно, бездоказательно понятно. Без логических доказательств, разумеется.

Со временем отношение к посту меняется. Ведь в какие-то годы тяжелее, например, не есть, в какие-то тяжелее не спать, в какие-то годы тяжелее держаться в супружеском воздержании, в какие-то годы не хочется молиться, а в какие-то годы уже не хочется ни есть, ни спать, а только молиться, молиться, молиться. Мне кажется, чем больше человек живет, тем больше ему хочется этой радости, этой весны для души. И с годами мне пост нравится все больше.

Чему у них поучиться. Из американских впечатлений

– Батюшка, благословите. Я православный.

Парень, просящий благословения, высок, светловолос и широкоплеч. Лицо красивое и простое, без аристократической порчи. Что-то из начала прошлого века. Ни дать ни взять капитан бейсбольной команды из американского колледжа. Он и говорит с акцентом. В слове «православный» его «р» звучит так, как оно звучит в словах «Merry Christmas», если их произнесет американец.

– Я русский («р» опять картавящее, «соединенное»), но никогда не был в России.

Таких здесь много. Я на съезде православной молодежи Америки и Канады. Съезд назван именем [святого Германа Аляскинского](#). Вообще-то память Германа в июле, вместе с Пантелеимоном. Но в Америке память первого православного миссионера празднуют еще и 25 декабря, вместе со Спиридоном Тримифунтским. В это время у католиков и протестантов Рождество, а значит во всей стране выходные дни, и можно съехаться со всех краев на съезд.

Эмиграций было много. Самые древние бежали, гонимые войсками Троцкого, с Колчаком и Каппелем через Восточную Сибирь в Китай. Потом, после прихода коммунистов к власти в Китае, – в Австралию. И уже из Австралии путь одних лег в Южную Америку, а других – в Северную. Многие приехали в Штаты из Европы после окончания Второй мировой. Потом были диссиденты. Потом была «колбасная эмиграция». То есть переезд по причинам сниженной мотивации: поиски счастливой страны, где доллары растут на деревьях. И всё это, смешиваясь и расслаиваясь, присутствует на православных приходах.

Разношерстность состава прихожан местами походит на разношерстность «пассажиров» Ноева ковчега. Один говорит: «Давайте отслужим панихиду 9 мая. У меня отец (дед) на фронте погиб». Другой говорит: «Ни за что! Мой дед (отец) – власовец и воевал с красными!» Третий вмешивается: «Служите когда хотите. Мне всё равно». Четвертый: «У меня дед вообще в ОУН был. Это я по матери православный». Священствовать среди реликтовых политических страстей непросто. Нужен такт, заслуженное уважение со стороны прихожан, авторитет и осторожность. Нужна духовная мудрость. Но у всех поколений эмигрантов есть дети. И все, у кого есть вера, хотят, чтобы дети не растворились в иноязычном и инославном море. К тому же это инославное море имеет тенденцию становиться морем вовсе бесславным, к христианству враждебным, морем, «пенящимся срамотами», как сказал апостол. Поэтому нужно выживать. Выживать через веру. Для того и молодежные съезды.

Свято-Германовский съезд молодежи

Канадский владыка, председательствующий на съезде, в начальном слове сказал, что нужно несколько ближайших дней провести качественно и творчески. Нужно общаться, знакомиться, молиться вместе, делиться впечатлениями, и, может быть, в результате на этом съезде завяжутся несколько знакомств, из которых родятся будущие семьи. Это самая главная из скрытых целей, целей, открыто не декларируемых, но вовсе и не скрываемых. Если и у нас на Родине жениться и выйти замуж – проблема, хотя все свои и всех много, то за рубежом эта муха цеце превращается в слона. Браки с инославными грозят отрывом от общины, препятствиями в молитве и посте, иным

культурным кодом, а со временем – утратой если не веры вообще, то живой церковности. Здесь жениться нужно только на своих.

– Я со своей матушкой познакомился на вот таком же съезде лет двадцать пять назад, – говорит священник, кажется, из Бостона.

– А я со своей – двадцать лет назад и тоже на съезде.

– А нас родители непременно посылали каждый год на съезд, – говорит матушка одного из священников, – хотя мы жили в Калифорнии, а съезды проходили только в Джорданвилле. Там, – говорили они, – себе друзей найдешь, и мужа, если Бог даст.

Для справки: из Калифорнии лететь в Пенсильванию, где Джорданвилль, часов шесть-семь. Это всё равно что родители из Москвы посылали бы детей ежегодно на съезд в Сибирь. Но для веры, как для милого, семь верст – не околица.

Можно ли чему-то нам у них поучиться? «Нам», то есть живущим на родной земле, а «у них», то есть у единоверных и единокровных братьев, живущих далече. Можно. Мы должны бороться, чтобы расти, а они должны бороться, чтобы выжить. Если бы нам употребить их энергию, затраченную на выживание, то мы бы свернули горы в прямом и переносном смысле.

Нас очень много. Нас настолько много по числу храмов, монастырей, воскресных школ, духовенства, печатных изданий и по прочим параметрам, что стоит подумать над способами умной и творческой организации, в результате которой наш соборный голос был бы слышан не только внутри Церкви Христовой, но и во всем мире. Иногда такие утешения, как бы зачаточно, дарит Бог. Но это не так часто. И пока здесь я наблюдаю за малочисленной и активной молодежью Северной Америки. Они мне нравятся.

В течение одного поколения поместная Церковь исчезнуть не может. Вселенская вообще не исчезнет. Но нигде не сказано, в каких параметрах она сохранится. В течение одного поколения поместная Церковь может сильно уменьшиться в размерах. А вот на грани исчезновения она может оказаться уже через два-три поколения. Старики умрут, молодые развратятся и ассимилируются. Обычаи станут непонятными, традиция прервется. И всё... Видя молодежь, собранную вместе, лопочущую на американском английском и поющую Херувимскую по-славянски, я думаю, что следующее поколение у Церкви уже есть. Здесь есть, и дома есть.

А чему еще у них можно поучиться?

Они все друг друга знают. Таков приз за малочисленность. Один женат на сестре другого, та замужем за племянником вон того, и так далее. Бабушка одного жила в одном городе с бабушкой другого. В результате получается какое-то подобие огромной семьи, которая собирается время от времени в одно место, как у сербов на Крестную славу.

Еще – у них очень простые епископы. Поневоле будешь простым, когда паства наперечет и все всех знают. Каждый человек на вес золота, людьми разбрасываться нельзя. Нельзя грубить, самодурствовать, действовать в апокрифическом духе, согласно которому «всякое послушание выше молитвы и поста». Эффект будет печальный: паства молча разойдется, и больше ее не соберешь. Епископ, столь необходимый в церковной среде, за пределами храма и приходов в США никому не важен и не интересен. Можно гулять по городу в рясе с панагией – никто не обернется, не то чтобы благословение взять. Отсюда градус начальствования стремится вниз в силу обстоятельств, а градус пастырства должен повышаться ради того же выживания. Прихожане вместе со священниками, священники вместе с епископами. Если уменьшением количества расплатиться за улучшение качества, то, может, так и надо? Но количество тоже необходимо. Поэтому взоры многих в Зарубежной Церкви обращены *ad Orientem* – к России. Отсюда многое им видится так, как нам не видится из-за приближенности к объекту. Мы ругаем свою страну потому, что подошли близко к шедевр импрессиониста и видим одни беспорядочные мазки. Надо просто отойти на нужное расстояние.

«Наше общество носило маску праведности, пока существовал Советский Союз, – говорил один баптистский проповедник. – Но вот Союз исчез, и наше общество сбросило маску доброты и праведности. Зверь показал зубы. Отныне наше общество будет открывать себя без стыда со всех злых сторон». Действительно, многие в Америке не хуже нашего понимают суть происходящего – еще больше, чем мы, понимают. Но любой голос обречен утонуть в бесконечном море голосов, и никаким тараном не пробьешь броню массового безразличия. В аэропорту Джона Кеннеди я слышал по радио, улетаю домой, рождественскую проповедь, в которой проповедник говорил, что нужно удержать Христа в Рождестве. То есть нужно помнить о Рождении и Воплощении Господа, а не просто праздновать абстрактное «Рождество» и лазить по торговым центрам. Но дело в том, что, судя по лицам людей, ожидающих свои рейсы, никто в эти слова не вслушивался. Как ни странно будет это звучать, но слово имеет тенденцию к полному обесцениванию в царстве свободы слова, зато при Самиздате любой талантливый текст на куске папиросной бумаги воспринимается как взрыв бомбы.

Мы воспитаны в эпоху ценности слова, в эпоху, когда множительная техника была на учете, а всё самое значимое писалось в андеграунде. Нам легче отделять зерно от плевел. До этого, в частности, мы и договорились в фойе гостиницы далеко за полночь с одним из местных батюшек. Он родился в Москве и был танцором в одном всемирно известном коллективе, в Штаты приехал на гастроли. Здесь его сразила любовь, и он женился на дочке протоиерея. Потом сам стал священником. Время, проведенное в Штатах, уже чуть-чуть превысило у него время, проведенное дома. Мы сблизились по-дружески с первых фраз, и мне вспомнились слова одного покойного батюшки. «Знаешь, – говорил он, – как в конце будет? Людей будет много, но поговорить будет не с кем. Зато иногда встретишь человека, два слова скажешь, рюмку чаю выпьешь и воскликнешь: Да я тебя, кажись, с самого детства знаю!» Так оно и есть. С иным бок о бок живешь десять лет, но остаешься чужим. Другого раз увидишь, а будто всю жизнь знал.

Тот городок на Лонг Айленде, где служил этот батюшка и где американская молодежь пела всенощную, называется Глен Ков. «Ну что? Поехали ко мне в Гленковку», – шутя, говорил он. А храм деревянный, руками ныне покойного священника построенный. Другой храм, где мы служили Литургию, расположен в Си-Клиффе. Там служил священник, а потом епископ Митрофан (Зноско-Боровский). Его «Сравнительное богословие» я помню по семинарии. На клиросе пел сын священника Серафима Слободского – кажется, Алексей. «Закон Божий» отца Серафима для многих был первой обучающей книгой. И церковнославянская грамматика владыки Алипия Чикагского была нашим учебным пособием. Так что многое было сделано для Родины русскими за рубежом, сделано в области церковной науки, проповеди, образования.

Кто мы, называющие себя русскими? В первую очередь – православные. Этнос второстепенен. Беллинсгаузен – русский, Беринг, Крузенштерн, Барклай да Толли – тоже. Число иностранцев, служивших не за страх, а за совесть Белому Царю, весьма велико. Ими обогатилась наша история. Отец Серафим из Си-Клиффа говорит: «Моя фамилия Ганн. По-английски это похоже на “пистолет”. Но я из обрусевших немцев, а по-немецки это Hahn, то есть “петух”. Дед мой был Ганн и женился на бабушке, которая в девичестве была Курочкина. Потом он был священником» Далее следует длинная и интересная история, которую я не привожу из страха что-то перепутать. В этой истории есть Родина, вера, катастрофа, бегство, годы скитаний, служение на чужой земле, которую со временем неизбежно любишь, хоть и сквозь слезы. А еще – желание унести Родину с собой и передать ее детям. Дома ни слова на английском! Каждое воскресенье в церковь! Жен искать среди своих, верующих! И так жили тысячи семей, благодаря которым Православие в США не исчезло и воссоединилось с Церковью на Родине.

На Манхеттене русской речи больше, чем на московских базарах. «Теряет Россия людей», – говорит мне местный батюшка, имея в виду, что многие богатые и талантливые улетают за океан. Я думаю иначе. «Ничего она не теряет. Сегодня, при нынешней степени глобализации, важно уже не столько, где живешь, но главное – как живешь. Солженицын в Вермонте может, образно говоря, сделать для России не меньше, чем если бы жил он в Суздале или Красноярске». Язык остается, совесть остается, вера может прийти, если двери на ее стук открыть. Нужно думать о воцерковлении людей и сохранении полноты Евхаристической жизни. Остальное Бог прибавит и не пожалеет. Видели же мы обращенных («конвертов») из американцев, даже и в немалом количестве. Многие баптисты, адвентисты, пресвитериане, родившиеся в Штатах, на каком-то этапе жизни встречаются с православной верой и пленяются ею. Так что есть – несомненно, есть! – в нашей вере и та апостольская притягательность, и та смесь простоты и глубины, которую взыскует простое верующее сердце. «Сомневаться в нашем будущем – грех против Промысла Божия», – примерно так писал Никону Рождественскому Николай Японский накануне Октябрьской катастрофы.

Последний вечер перед разездом – творчество молодежи. Поют, пляшут, декламируют стихи, шутят... Нахохотался от души. Еще и порадовался. Одни дети по-американски классичны, как из фильма «Семь невест для семи братьев». Другие – прирожденные телеведущие или мастера разговорного жанра. Третьи поют по-русски «Жило двенадцать разбойников» или казачьи песни, хотя по-русски в быту изъясняются с большим трудом. Концерт, как копия жизни: и поплачешь, и посмеешься. И важное это дело – не комплексовать, уметь повеселиться, но без греха и пошлости. Это не всем удастся. У нас часто бывает, как в «Андрее Рублеве»: либо жестокость бездушная, либо радость, но уже плотская, без души.

А ведь только сегодня утром я видел этих юношей и девушек со скрещенными на груди руками, идущими к Святой Чаше.

«У нас не все были за соединение РПЦЗ и РПЦ. Я и сам был против. Но когда смотрел службу в храме Христа Спасителя, когда искал, к чему прицепиться, понял вдруг, что цепляться не к чему. Мы одна Церковь и всегда были ею. Разделение рассеялось как дым, и мы ощутили единство, против которого так много согрешили с обеих сторон». Это говорил батюшка из «Гленковки».

Я согласен с ним. Мы – одна Церковь. Мы можем и должны обогатить друг друга. Если без фантазий и мечтаний, то простое знакомство и общение по душам в нынешнее время есть уже – обогащение.

Я не имею крыльев, однако улетаю и уношу с собой память молитвы перед Курской-Коренной (ее привозили к нам на службу). Несколько слез эта святыня выдавила и из моего черствого сердца. Еще уношу память задушевных разговоров за полночь и контрастное впечатление от центра Манхеттена, где месиво тел человеческих изображало встречу католического Рождества. Очень смутные впечатления. Уношу чувство любви к Родине – чувство, которое я ощутил у людей, живущих очень далеко, – и их любовь к Русской Церкви, столь необходимую нам, топчущимся вблизи святынь. Уношу еще и акцент, который всюду цепляется к языку за неделю. Через другую неделю акцент, конечно, уйдет. Но всё остальное останется. И услышав «соединенное», по-американски картавящее «р», я вспомню тех юных православных, которые складывали ладошки «лодочкой», совсем как в Чернигове или Туле, и говорили: «Благословите, батюшка. Я русский».

Разговор с Бунюэлем

Бунюэль, чудный и странный Бунюэль, чей «Млечный путь» достоин факультативного показа в семинариях в курсе христианской истории, сказал однажды: «Несмотря на всю свою ненависть к газетам, я хотел бы вставать из гроба каждые десять лет, подходить к киоску и покупать несколько газет. Я не прошу ничего больше. С газетами под мышкой, бледный, прижимаясь к стенам, я возвращался бы на кладбище и там читал бы о несчастьях мира. После чего, умиротворенный, я засыпал бы снова под надежным покровом своего могильного камня».

Если бы Всемогущий, вопреки официальному бунюэлевскому атеизму (в чем я лично несколько сомневаюсь), позволил ему этот каприз; если бы очередные десять лет истекли буквально в эти дни, я был бы рад представить бледного маэстро, прижимающегося к стенам и бредущего к своему могильному камню. Во всех газетах мира, среди информации о том, как страдают люди, он прочел бы сегодня и о моем городе – о Киеве. И New York Times, и Guardian, и Daily Mail показали бы ему фотографии баррикад, предоставили бы аналитику из разряда кофейной гущи и прогнозы ближайшего будущего. Там еще было бы всего вдоволь. Были бы сюжеты об обнищании Британского королевского дома, о Сноудене, о смелых речах Обамы, о Сирии. Вот из Испании, где

он родился, сообщают на полном серьезе, что в барселонском музее эротики выставят Дали (с ним Бунюэль придумал «Андалузского пса»). А в Мексике, тоже не чужой для режиссера (там снят «Симеон Столпник»), говорят, поймали наркобарона по кличке «Дядя», а еще больше сотни людей умерло от гриппа. Мир продолжает жить и страдать. Это правда. Но сегодня из информации о страданиях мира Бунюэль бы узнал имя страны, о которой не писали газеты во времена расцвета его творчества. Не было тогда такой самостоятельной страны.

Самостоятельность вообще эфемерная штука. Туристические страны зависят от приезжих, аграрные от урожая, марионеточные — от приказов хозяина, все вместе зависят от того будет или нет авария на какой-то ядерной электростанции. Все от кого-то зависят. И самые сильные страны тоже зависят от согласия всех остальных считать их самыми сильными. Но мы не об этом. Я представляю сегодня, что ловлю Бунюэля на улице и уговариваю дать короткое интервью. Нет, не интервью. Какой из меня интервьюер? Просто задаю пару вопросов. Просто говорю с ним, но не о чем-нибудь, а о том, что меня волнует.

Он бы не говорил со мной. На его месте я с собой бы не говорил, к тому же он не любил тех, кто лезет в душу с вопросами. Но если уж представить на улице мертвеца с газетами, то почему бы не представить разговор с ним?

- Что вы думаете, господин Бунюэль, о событиях в Украине?

— Я впервые читаю что-то о вашей стране, и ничего подробного о ней не знаю. (Его губы движутся с трудом — он молчал десять лет). Но я думаю, что любая революция должна иметь, кроме внутренних, еще и внешние источники финансирования. Еще — агентурную и информационную помощь заинтересованных иностранных центров. Попросту — мощную пропаганду. Ну и разогретое недовольство населения. Так было везде и всегда: в Испании, где я родился, в Мексике, где жил и работал, в СССР, чья идеология была одна из вездесущих в мои годы.

- Какой из этих факторов, на ваш взгляд, самый важный?

— Третий, домашний. Довольных народов не бывает никогда. Люди всегда более или менее склонны к недовольству жизнью, ведь мы не в Раю (на этих словах он грустно улыбается, и я вспоминаю, что говорю с покойником). Но риски можно минимизировать. Властям не стоит шокировать людей показной роскошью, учить детей исключительно в престижных зарубежных университетах, держать основные денежные счета в иностранных банках, и так далее. Надо быть скромнее и патриотичнее. (Замолкает, словно подбирая слова) Да-да, именно так: скромнее и патриотичнее. Иначе власти становятся коррумпированными и уязвимыми. Тем, кто правит, это выгодно. Штатам, к слову, Мексика выгодна только в бедном качестве, как и весь Латинский мир. Если власть шалеет от денег и безответственности, то внутри она ненавидима, а снаружи управляема. И сегодняшние благодетели в любое время могут устроить ей Варфоломеевскую ночь, сместить руками информационно обработанных масс. Стоит только захотеть.

- Неужели возможно оболванить в корыстных целях огромные массы народа?

— Конечно. Не забывайте, что я — кинорежиссер, и кое-что понимаю в массовых коммуникациях. К тому же в любом народе всегда есть немало тех, кого не нужно оболванивать по причине того, что они и так болваны. Простите, если это звучит резко.

- А зачем? Ради всемирной власти? Ради денег?

— Не знаю. Это область практического сатанизма, и нам трудно теоретизировать. Мы видим лишь то, что называется тактикой, но есть и скрытая от нас стратегия. Зачем Гитлер напал на СССР, а Наполеон — на Россию? Ведь целью обоих была Англия.

- Они хотели укрепиться и избавиться от врагов в тылу перед главной схваткой.

— Да. Это были их тактические ходы. Ошибочные, но тактические. А стратегия была иной. С вашей родиной может быть то же самое.

- Вы хотите сказать, что украинская карта разыгрывается накануне более серьезных, главных событий? Каких? Кто главная цель? Россия?

— Не относитесь к моим словам серьезно. Не забывайте, что я все же покойник. Просто примите их к сведению. Кстати, прошу прощения, я хотел бы закончить. Мое кладбище совсем близко.

- Последние пару слов нашим читателям. Пожалуйста.

— Не читайте газет. Точнее так – читайте газеты в том случае, если вы читаете серьезные книги и пытаетесь думать. В противном случае поверхностная и тенденциозно поданная информация убьет вас или искалечит.

Он продолжил свой путь, прижимаясь к стенам, и неся под мышкой объемную пачку свежей прессы. Я смотрел на него со спины. «Столько слов о сострадании нищим, и все лишь для того, чтобы продать побольше бумаги», — так он когда-то выразился о прессе. Одна из газет выпала у него из-под мышки. На передовице по-немецки было написано о продолжающейся коме Шумахера. Но Бунюэль не обернулся и не поднял газету.

Телекартинка

Я буду говорить о кино, хотя не кино меня интересует. Просто мы живем во времена власти телевизионной картинки. А новости нынче по интриге и напряженности соперничают с сериалами, особенно во времена, когда каскадеры на общем плане залиты то ли клюквенным соком, то ли специальной краской. И все для того, чтобы зритель в ужасе прошептал: «Кровь», и санкционировал пролитие настоящей крови.

Жан-Люк Годар в одном интервью сказал, что кино изначально явилось, как операторское искусство. Киношнику предстояло увидеть, заметить, правильно расположиться, навести камеру, словно прицеливаясь, и шептать про себя: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно». Это кино в своих истоках. Потом, говорит Годар, оно стало искусством сценария. Это был крен от жизненной данности в сторону стремления лепить жизнь по нужному плану. В том же интервью он говорит, что в торжестве выверенного текста, сценария заключено сходство сталинско-советского кинематографа и Голливуда. И там, и там господствует идеология – тоталитарная идеология коммунистической стройплощадки и тоталитарная же идеология общества потребления.

Снимали не то, что есть, а то, что надо. И в кино ходили спать и видеть сны. Отсюда «фабрика грез», и отсюда «честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой».

Новостная тележурналистика должна была исправить дело.

Тут тебе непредугаданный фактаж, и прямой показ, и правда обнаженного события, и свидетельство глаз, а не слух уха. Сценарию, казалось бы, нет места. Казалось бы...

На самом деле мы уже давно применяем имя «новостей» к огромному количеству постановочных сюжетов, где есть и актеры, и сценарий, и ожидаемая реакция массового зрителя. Как распродаже предшествует реклама, а показу рекламы – съемка клипа, так и нужному политическому событию предшествует информационная подготовка события, вплоть до деталей.

Особенно это проявляется во время социальных потрясений, нестабильности в обществе, борьбы за власть, уличных столкновений.

Телевизионные сюжеты в наше время являются оправдательными доводами для вторжения в суверенные страны и свержения законных правительств. Вспоминайте! Вот перед вами «аэрофотосъемка складов с химическим оружием Саддама». Значит можно начинать вторжение? Конечно! Нужно начинать! Кому потом в обществе скидок и распродаж будет интересно, что это была грубая подделка?

А вот перед вами трупы косоваров, убитых якобы сербскими националистами, плюс кадры изможденных пленников за колючей проволокой, захваченных все теми же сербами. Что ж, можно смахнуть крокодилову слезу и давать команду к началу воздушных бомбардировок. И кому ты потом докажешь, что это были тела именно убитых сербов, а не косоваров, а люди за колючей проволокой – не узники, а беженцы в пересыльном лагере, причем НАТОвском?

Таких примеров много. Без них сегодня ни один переворот не происходит.

В этом стоит начать разбираться.

Если вслед за какой-то телевизионной картинкой страну накрыло волной протестов, уличных столкновений, беспорядков, то должно быть ясно следующее:

— В указанное время к «случайному» месту будущих «внезапных» событий заранее съехались операторы и ведущие. Это – событийный пик, готовившийся очень долго.

— Ситуацию на месте могут раскачивать от нескольких минут до нескольких часов, но камеры заработают не сразу. Команда «Мотор!» прозвучит тогда, когда наступит время тех самых «резонансных и неожиданных событий».

— От съемки до выхода в эфир пройдет совсем мало времени, а комментарии будут лишены удивления и сбивчивости. Напротив, они будут похожи на заранее подготовленный текст резолюции съезда. «Слушали – постановили».

— Зарубежные друзья выразят незамедлительное беспокойство и пообещают всестороннее содействие.

И так далее.

Дальше, когда информационный Мавр сделает свое дело, Мавр никуда не уйдет. Он будет сопровождать событийный поток необходимым освещением событий, и только те, кто знаком с телевизионной закулисой, смогут унюхать в сенсации запах «рыбы второй свежести».

Я говорю: нужно осваивать азы информационной грамотности и чувствовать душок «заготовленных сенсаций» в «бескорыстно поданных материалах».

Телевидение не освещает события. Оно – вдумайтесь – производит новости! Это та же

Фабрика грез, якобы он-лайн работающая с места событий без подготовки. Если новости нет, а она нужна, ее можно произвести, как продукт, сошедший с конвейера.

Корреспонденты, репортеры, аналитики редко являются носителями некоего кодекса некоей журналистской чести. Чаще всего они штатные пропагандисты и идеологи. Для сохранения внутренней свободы от их новостных нарезок и комментариев необходимы навыки работы с информацией. Необходимо, наконец, сложившееся зрелое мировоззрение, в котором Господу отведено главенствующее место. Иначе голова человека будет кумирней ложных богов, где у алтарей в дыму жертвоприношений будут толпиться ложные «ценности»: я хороший; все виноваты; главное деньги; не троньте мои права, и не напоминайте мне об обязанностях! Если этим нафаршированы мозги множества соотечественников, то это и есть «коктейль Молотова». Подносите спичку – он вспыхнет.

Работа с информацией и навыки самостоятельного мышления это фактор национальной безопасности. А мешает жизненности этого фактора нарочитый избыток информации, большинство которой – бесполезно. Я говорю о картинке на экране, хотя не она меня интересует. Раз был назван Годар, пусть будет процитирован Бунюэль. Он тоже кое-что говорит по нашей теме.

«Однажды на Каннском фестивале я прочитал в «Нис-Матэн» очень интересную (по крайней мере, для меня) информацию: была сорвана попытка взорвать один из куполов Сакре-Кёр на Монмартре. На другой день, желая узнать имена людей, пытавшихся совершить этот варварский акт, их происхождение, причины, побудившие их так поступить, я покупаю снова ту же газету. Ищу — ни слова. Очередной угон самолета затмил купол Сакре-Кёр. И к нему больше не возвращались» (Из книги «Мой последний вздох»)

Речь о том, что поток информации есть враг правильной обработки информации. Следовательно, нужен информационный пост. Иначе нас ждет фактическое рабство, которому предшествует рабство информационное.

Ну, и наконец, третья киноцитата. Это просто иллюстрация к событиям.

В 1997 году на экраны вышла картина «Плутовство» с Робертом Де Ниро и Дастином Хоффманом в главных ролях. Действие происходит в Штатах накануне президентских выборов. Действующий президент уличен в супружеской измене, по причине чего его второй срок рискует «накрыться медным тазом». Нужно что-то делать. И советник президента не придумывает ничего лучшего, как при помощи телевидения рассказать народу о войне, которой в реальности нет, но которую нужно показать в красках. Далее на наших глазах разворачивается черная сатира, проявляющая жуткую власть ТВ в мире потребительства и «народовласти». Продюсеру объясняют, какие чувства нужно вызвать у зрителя (вестимо: праведный гнев, сострадание к жертвам, требование расплаты, etc.). Тот комбинированными съемками в павильоне изображает зверства несуществующих террористов, каких-то маленьких девочек под пулями, выгоревшие городские кварталы. Короче «Враг у ворот» только в телеэкране, а не в кинозале. Машина свистит и разгоняется. Пишутся свежие патриотические песни, дают интервью «спецназовцы»,

только что вернувшиеся с «передовой», матери молятся в кадре о детях, идущих воевать. Само собой торжественно совершаются «похороны» погибших героев и т.д.

Вся страна плачет перед экранами от сострадания к невинным жертвам и от восхищения бравыми героями Армии США. Президент, ради которого все и заварилось, настолько ввязан в сюжет, что лично перед камерами встречается с «освобожденными заложниками» и зачитывает «обращения к нации в тревожный час». И вот цель достигнута – война выиграна, террористы уничтожены, плачущим девочкам вернули кукол, с оторванными ручками, играет гимн и развеваются флаги.

Президент-Победоносец идет на второй срок, что и требовалось доказать. Правда потом продюсер (глупенький) хочет славы. Ведь это он провернул средствами техники и искусства такую аферу! Разве он не гений? Конечно, гений. Только гении обмана не должны раскрывать карты, иначе ему придется умереть. Зритель ведь должен смотреть на сцену, а не за кулисы; на экран, а не в операторскую или в монтажку. И вообще после кадров о победоносной войне лучше всего переключить канал на матч по футболу. Короче, вскоре ТВ сообщает о внезапной смерти телевизионщика от инфаркта.

Гляньте это кино.

Достойная слабительная пилюля.

Да, чуть не забыл. Я пишу это все из Киева, если вам о чем-то говорит в эти дни это географическое название.

Что можно понять

Что можно понять, глядя на толпу, выплеснувшуюся на улицы Украинских городов?

Ой, много.

Приклоните ухо те, кто не знает гражданской войны. Как красивы митингующие массы по телевизору, правда? Борьба за права, гражданская сознательность и прочие «безумные глаголы»... Уверяю вас, вблизи все несколько безобразнее, если можно так выразиться.

Молодежь, не знавшая ни голода, ни беды, ни преследований, кричит, что «не может больше терпеть!». Чего она не может терпеть, и кто «раздраконил» их малолетние души? Это вопрос в воздух. Чтоб почувствовать себя несчастным, нужно всего лишь прислушаться к голосу тех, кто без меры поносит настоящее и обещает несбыточное будущее. Но скоро этим борцам будет совсем плохо. Так плохо, как они и не подозревали. В случае их победы – хуже буде им даже больше, чем в случае их поражения. Вот тогда по необходимости они и узнают, что такое «не могу терпеть», но будет смешно и поздно. Я лично их жалеть не буду. И вы не жалейте. Человек должен отгребать и отхлебывать плоды своих глупых намерений и безбожных усилий.

Подлецы регулярно выводят на улицы «мясо». Это происходит всегда, во всех странах, с какой стороны не начни изучать историю. Мясо останется мясом в любом раскладе. Кто бы сказал это молодежи, лежащейся костями в подмостки негодяям, рвущимся к власти?

Я бы сказал так: найдите себя, пока нет войны. Это великий нравственный вывод из всего происходящего. Если вы не нашли себя в мирное время, то начавшаяся война вовлечет вас в себя так, как ветер тянет внутрь своего вихря тротуарные бычки, фантики и прочий

мусор. Мусор, господа, это не милиция. Это – те легкие и дешевые души, хоть бы их были и миллионы (число не важно), которые увлечены массовым порывом без личных осознанных мнений.

Вы не нашли себя в помощи старикам. Вы не нашли себя в борьбе с абортами. Вы не нашли себя в сборе средств для матерей-одиночек, в молитве, в воссоздании храмов. Вы ни в чем позитивном себя не нашли во дни мира. Но зато вы спесивы, и считаете, что виноват во всем «кто-то», кто угодно, только не вы. Вам самое место в той клоаке, где сегодня жизнь закипает и бурлит. А закипать может все, что в котле, и под чем огонь развели. Это не обязательно борщ, это может быть и смола, и вода, и еще что-нибудь. У нас сейчас кипит не вода и не борщ, а «что-то».

Молодежь, в отличие от своих вождей, не была в комсомоле и октябрятах (те-то были). Собственных идей у молодежи нет и дисциплины нет. Они похожи на обычных футбольных фанатов. А какие политические требования и взгляды могут быть у футбольных фанатов? Думаю, никаких. Даже не боюсь сильно ошибиться. Никаких. Драться с ментами и бить «чужих» – вот и вся платформа. Именно этих людей используют вслепую, выводя взвинченную молодежь на раздолбанные улицы. Им и терпеть при любом раскладе. Потом. Быть может, очень скоро. От «своих» терпеть им придется больше, чем от чужих. У «своих» нет амнистии.

Украинцам сейчас мало что скажешь. Вернее, скажешь, что угодно, но мало, что поймут и расслышат. Дожили, что называется. Можно говорить тем, у кого на улицах нет баррикад. Я говорю вам, у которых нет баррикад: не балуйтесь. Не играйтесь в прямое народовластие. Это преступный бред, и он оплачивается кровью невинных людей (если вообще есть невинные). Относительно невинные (скорее – не пойманные) по законам жанра всегда страдают первыми. А отвечать за это перед Вечным Судьей будут неожиданно для себя те, кто считал, что он ни в чем не виновен. Неужели какой-то иной народ, кроме нашего, знает лучше, как бесплодны и преступны революции? Так неужели же наши народы так глупы и беспросветны, что им нужно ступать на все те же грабли раз за разом?

Найдите себя во время мира. Иначе вы будете томиться бесполезностью, и бежать вприпрыжку за любыми пассионарными бунтовщиками. Вам покажется, что вы влияете на историю. А что еще так сладко бесполезному человеку, как чувство влияния на исторический момент? Поэтому найдите себя и свою бытийную полноту во времена мира, не дожидаясь времен бесполезного кровопролития. Это единственный нравственный вывод, который приходит мне на ум, при виде картинке из телевизора.

Логика революционного зазеркалья всегда приводит к власти тех, кто во сто крат хуже свергнутых «тиранов». Что ж, народу придется хлебнуть «горького медка» своей же раскатанной губой. Разве этого мы хотели? Разве это нам снилось в лучших и невинных снах? Не это нам снилось, но мы будем мужественны. Вы же будьте умны и учитесь на наших ошибках. Найдите себя в мирное время и ощутите радость от того, что вы реально влияете на историю, не маяча на экране с кирпичом в руках.

Очередь к дарам волхвов — как зажечь сердца?

Подобного рода акции должны иметь свою целевую аудиторию. «Все для всех» — не бывает. Только Литургия приносится «о всех и за вся», а человеческие дела всегда направлены на определенную категорию людей.

Для кого привозят эти святыни?

Например, для женщин, которые никогда не смогут поехать в скит святого Павла на Афоне.

Также 70% наших граждан никогда не были за рубежом, не только у святынь, а и вообще.

Очевидно, что церковные пастыри, архипастыри надеются на возможный подъем религиозности у народа.

Для того, кто укоренен в традиции, кто знает Евхаристическую Чашу, кто знает, что такое Писание и сколь оно сладко, кто принадлежит к общине православной христианской, для того великих сдвигов от привезения святыни ожидать не стоит, это не для него. Знамения и чудеса — для неверующих, а не для верующих.

Номинальных христиан у нас — огромное количество, фактических — скромное. Разрыв между фактическим христианством и теоретическим в нашей стране достигает колоссальных размеров. Поэтому, я думаю, что подобного рода акции направлены на тех, кто придет в храм по случаю, кто придет в храм за сенсацией, кто придет в храм из любопытства, кто придет в храм, потому что приехал в Киев. Для многих людей такого рода события являются поводом зайти в храм.

А вот нам теперь нужно использовать этот повод, чтобы храм стал точкой встречи человека с Христом и Его словом.

Христианство — религия словесная. Тот священный исихазм, который у нас есть, является высшей точкой православной жизни. А так всё вокруг свидетельствует о Христе. Колокола — звонят, храмы — стоят, мощи — лежат. Праздник словесен, почтим Слово словом.

Поэтому я предлагаю несколько простых вещей.

Для того чтобы звучало живое слово для людей, медленно тянущихся в очереди к реликвии, выделить нескольких священников — от 5 до 20 человек, которые приготовили бы каждый по одной проповеди по 3–5 минут и каждый час выходили бы с этим словом.

Это можно технически решить, поставив громкоговоритель. В очереди на территории Лавры (от входа под аркой до собора) люди проводят длительное время. В это время человека нужно «поймать». Обратиться к тем, кто не знает самых важных слов Евангелия, который не слышал еще никогда: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Нужно сказать унывающему — ободришься, гордому — смиришься, жадному — поделись, завидующему — прекрати завидовать, невенчанному — повенчайтесь, нераскаянному — очистишься, упавшему — поднимайся, и всем — Христос Воскресе, радость моя!

Для каждого нужно найти свое слово. Словесное служение — это тот шанс, который дает нам Церковь во время привезения любой святыни. Каждый раз нам, пастырям, дается не просто святыня, нам дается шанс обратиться со словом к той огромной массе людей, которых мы не видим в своих храмах каждое воскресенье.

Те православные, которые приходят в храм регулярно, — это наша паства, точка наших усилий, нашего попечения, за которых мы будем особо отвечать.

Но мы также будем держать ответ за тех, кого мы крестили и которых так и не воцерковили. Вот многие из них будут приходить к святыням, и нам нужно их «ловить». Не зря же апостолы были рыбаками, они забрасывали удочки, сети. В обычной жизни мы в основном разговариваем один на один — это забрасывание удочки, а тут мы можем забросить сеть. Там будет масса невоцерковленного народа, о них пора подумать.

В это дело нужно вовлекать уже горящих огнем талантливых семинаристов и академистов, преподавателей, образованных пастырей, которые учат будущее духовенство — чтобы все они вырабатывали смысловое ядро отношения к событию, чтобы они его артикулировали, вытягивали из него проповеднические смыслы, и чтобы эти проповеднические смыслы долетали до людей, как стрелы до цели.

Вот именно для этого, мне кажется, такие массовые акции и делаются. Поэтому, если мы начнем об этом думать и двигаться в эту сторону, мы будем со временем созерцать качественное улучшение и численное умножение паствы. Иначе «горы будут рождать

мышь». Чтобы такого не случилось, нужно, чтобы огромные массы людей, приходящих к святыням, рождали себя хотя бы в виде десятины остающихся в храме. Это минимальная или оптимальная цель, которой могут посвящены подобного рода масштабные акции.

Будем надеяться, что мы такую цель перед собой поставим, как-то ее решим, а в следующие разы решим ее еще лучше. И будем делать все для того, чтобы Слово Божие распространилось и чтобы Бог прилагал спасаемых к Церкви — это главная наша задача.

Иностранные политики демонстрируют вмешательство в дела Украины

Почему представители Европы позволяют себе вести себя с Украиной будто с малолетними, требующими опеки? Ведь если иностранный политик появляется в толпе народа, это запросто может расцениваться как вмешательство во внутренние дела страны. Об этом в ходе онлайн-марафона «Что ждет Украину? Анализ текущих событий» в студии информационно-аналитического портала Inpress.ua рассказал протоиерей Андрей Ткачев.

«Вот здесь возникает вопрос, например, Кэтрин Эштон ведь в Испании или в Греции не выступала перед митингующими. Вы же не слышали заявления, например, Кэтрин Эштон или американского госдепа по поводу митингов или бунтов, или убийств антифашистов в Греции, по поводу выходов людей на улицы<...> То есть вы не слышали явных вмешательств во внутреннюю политику суверенных государств, входящих в ЕС, не слышали от стран Евросоюза, от них самих. Почему они себе позволяют вести себя с нами так, как будто мы так сказать неполноценные или малолетние, требующие опеки. Мы совершеннолетние, полноценные. Если да, то дайте нам возможность разобраться. Понятно, что такие ситуации, которые происходят у нас, требуют пристального внимания, совета, совета специалиста, например, может быть, но не прямого вмешательства. Если иностранный политик появляется в местах собрания народа, это расценивается в принципе как вмешательство во внутренние дела», — резюмировал отец Андрей.

Кроме того, протоиерей отметил, что украинский народ, по большей части, не представляет объективных проблем, сотрясающих Европу, но при этом стремится попасть туда, как в рай.

«В любом случае, если мы хотим говорить о некоем равенстве прав в международном поле правовом, то надо как-то серьезней к этому относиться. Территория большая, народу много, народ не черный, на деревьях не сидит, высшее образование у многих есть. Другое дело, что 72 процента – насколько это правда, не знаю, — но прошла такая информация, что 72% наших людей не было в Европе и даже не покидало территорию Украины, такой огромный кусок населения. То есть они хотят в мечту. Как в 1917 году хотели в социализм вступить, так сказать, твердой ногой, в мечту, в сказку, в фантом, в мираж, в рай, так и сегодня они хотят вступить в некий рай, в котором они не были. Ну дайте им возможность поехать, пусть поедут посмотрят, ну елки зеленые! Ну, поедь, погляди. Эйфория от хороших дорог исчезнет через три дня, появится некое напряжение от того, что не только ж дороги в конце концов есть на свете, есть еще что-то».

Говоря о том, что западная часть Украины издавна была фактически частью Европы, протоиерей отметил, что здесь нужно четко понимать, кем себя представляют и чувствуют украинцы, а от этого будет зависеть, нужно ли Украине стремиться в Европу.

«Понимаете, если мы казаки, то нам в Европе делать нечего. Тут нужно сменить парадигму. У нас гимн казацкий, если мы казаки вообще – должна быть прямая демократия. Хотим этого гетьмана, не хотим – сняли гетьмана. У нас представительная демократия, а не прямая, мы не швейцарцы. И мы не казаки, у нас все это дипломатически обкатано в плане парламентаризма. Избирай своих делегатов, пусть делегаты работают в специальном месте, меняют законы. То есть нам мешает наш исторический груз, который нам отчасти навязан. Если угодно – Гоголь. Вот придумал Гоголь Тараса Бульбу, навязал нам миф, что он Андрея убил, а за Остапа отомстил. Вот эта мифология... если ты хочешь в Европу – забудь, что ты казак. Потому что никто из поляков в панов уже не играет в Европе. Польский водопроводчик в Европе работает, он есть».

Я никого не благословляю ходить на Майдан

Что такое Майдан и нужно ли на него ходить, если ты любишь свою страну? Об этом Владислав Головин беседует с протоиереем Андреем Ткачёвым.

— Отец Андрей, давайте для начала вспомним последовательность событий. Сначала на майдане собиралось очень небольшое количество людей, которые были не согласны с отказом руководства страны подписывать соглашение с ЕС. В ночь с пятницы 29 ноября на субботу 30 декабря эта кучка протестующих была жестоко разогнана милицией.

Именно видеозаписи с избиванием людей вывели на улицы столицы сотни тысяч горожан. То есть, люди вышли вовсе не за Европу, они вышли по другой причине — требовать отставки президента, который отдает приказы избивать несогласных. И когда в такой момент Церковь говорит: сиди дома и молись, ничего не делай, лишь бы не было войны, то такая позиция мне видится в корне неправильной. Этим молчанием мы как бы говорим: да, власть, ты нас побила за то, что мы не были согласны, но это ничего, мы дальше будем сидеть по домам и молиться.

— Для начала нужно провести ребрендинг — это уже не евромайдан. Если идет народное возмущение несправедливостью, то нужно называть его «майдан за справедливость». Или «майдан против преступной власти», или как там говорят в таком случае на митингах. То есть нужно называть вещи своими именами.

— Другой важный вопрос — как к этому относиться и что с этим делать? Мы сейчас наблюдаем бунт, стихийное выступление народа против того, что ему живется плохо. Мы наблюдаем отсутствие всякого контроля и руководства этим бунтом. Пока нет ни одной личности, которая возглавила бы бунт, и чей авторитет был бы достаточен для того, чтобы внести это движение в нормальное русло. Русло, которое было бы полезно народу и устрашительно для власти. Относительную пользу происходящего можно увидеть в том, что власть перепугана. То есть сверху уже понимают: хамить без предела нельзя.

У нас нет своего Махатмы Ганди, и мирный бунт в нашем варианте не возможен. Нет человека, который обладал бы моральной чистотой и нравственным авторитетом, способным удержать общество в послушании и устроить сидячую забастовку силами всех граждан. Нам остается только бунт. А бунтарей обычно возглавляют лихие люди. Это люди, которые, как Пугачев в свое время, хотят выпить немного крови, но живой. Они не желают бегать курицами по земле, они хотят взмыть хотя бы однажды. А это опасный вариант — потому что он бесперспективный.

Если мы умеем думать, мы должны понимать, что мы имеем на сегодняшний день — законный гнев народа в незаконной форме. И все это — повторюсь — при отсутствии людей, которые могли бы его возглавить и упорядочить.

Я исхожу из того, что любая власть лучше хаоса. Даже если власть жестока, к примеру, она дает младенцу молоко через день, она лучше той ситуации, в которой младенец вообще не получит молока. И чем больше страна, тем опаснее бунт и хаос. То есть бунт в Армении или Швейцарии не так опасен, как бунт в США или Китае. Украина — достаточно большая страна. Если на Западе будет драться, в центре — чесаться, а на Востоке — просыпаться, не ясно, чем это вообще закончится.

При всей жестокости этой власти нельзя забывать о том, что она избрана демократическим путем. И уводить ее от руководства страной нужно только путем таких же демократических процедур.

Поэтому здесь тупиковая ситуация. И в такой ситуации нужно выступать за работающие пожарные, скорые помощи, ходящие, а не стоящие поезда, хлеб по утрам в магазинах и милицию, которая иногда бьет свой народ. Это лучше, чем полное безвластие и непонятная перспектива.

— Насколько я помню требования митингующих, речь идет не о том, чтобы ввергнуть страну в хаос, а добиться отставки президента Януковича и досрочных выборов президента. В 1994 году Леонид Кравчук досрочно снял с себя президентские полномочия и объявил новые выборы президента.

— Если так будет, если все это в итоге будет законным путем, тогда другое дело. Но когда протестующие захватывают здание столичной мэрии, они делают то, чего не нужно. Потому что милиция в такой ситуации имеет полное право захватить это здание и всех, кто там находится, распахать по воронкам.

— Но захват зданий — это естественная реакция на унижение, которое было в ночь с 29 на 30 ноября.

— Хорошо, а где лидеры, которые смогут этот протест организовать в нормальном, а не хаотичном виде?

— Батюшка, мне кажется, что отсутствие лидеров — это немного другой вопрос.

— Поднимая эти вопросы, мы выходим на совершенно другой уровень. Эта страна нужна или нет? Если нужна, то как что? Как территория бунта? Казатчина? Нам всегда внедряли в сознание идеал казатчины. Но в этой ситуации казатчина — это то самое слово из четырех букв, которое запрещает нам вход в Евросоюз и вообще куда-либо. Какая Европа, если наш идеал — хаотично собранные люди, вооружающие себя дубинами или вырванными из брусчатки камнями? Мы бьем ментов, менты бьют нас, и мы в итоге окунаемся вообще непонятно во что. А если мы страна, претендующая на демократические ценности, развитие высоких технологий, добычу сланцевого газа и т. д., тогда нужно искать другие пути.

— Страна по факту уже есть.

— Значит, должны быть лидеры, которые смогут нормально сформулировать требования и организовать этот протест. Если мы остаемся бунтующими казаками, значит мы не в Европе. Европа казаков не потерпит. Это не значит, что кто-то оправдывает власть. Оправдывать власть можно только не имея совести.

— Так молчаливое согласие и есть оправдывание власти. Разве не так? Если власть избивает своих граждан...

— Любая власть избивает своих граждан. И в Европе может быть даже больше, чем где бы то ни было. В Германии, Франции, Америке, Австралии — везде и очень жестоко. И палками бьют, и собаками грызут. Но нужно искать законные пути выхода из сложившегося хаоса. У нас весь гнилой политикум — и власть, и оппозиция.

— Вопрос не в том, кто вместо. Вопрос в народовластии. Люди добиваются отставки человека, отдающего преступные приказы избивать собственных граждан. Важен сам принцип народовластия. Любой, кто придет на место Януковича, будет понимать, что ему с рук не сойдет такое жестокое обращение с людьми. В этом смысл протеста — к примеру, для меня и моих друзей, с которыми я ходил на майдан.

— Такой анархизм меня вообще не веселит. Потому что у нас демократия не прямая, а парламентская, представительская. Тогда нужно рушить все основы нашего государства. Но у меня никогда не было представителей во власти — за все 20 лет независимости этого государства.

Это не значит, что я должен ходить на майдан и орать. Я туда не пойду и детей не пущу, потому что это бесполезно. Я никого не благословляю ходить на майдан. Потому что не верю, что миллион людей с ограниченными мыслями родят хорошее решение просто в силу

количественного большинства. Тут снова возникает вопрос к гражданам этой страны — вы хотите в Европу или вы хотите построить коммунизм в отдельно взятой стране? На одном и том же майдане собраны те, кто просто хочет в Европу, те, кто не хотят, третьи — чего-то еще. Но их объединяет одно — они все против власти. А протестные настроения не плодят креатива.

Большая проблема и в том, что мы как христиане не выразили согласованной позиции в отношении Европы — что именно мы принимаем, а что терпим, а что проклинаем.

— Но эта политика невмешательства больше похожа на отказ дать внятную церковную оценку происходящему...

— Хорошо, если мы говорим о Церкви, то тут нужно признать, что кризис в обществе коснулся и нас. Почему мы говорим о невмешательстве? Потому что у нас нет паствы. Миллионы крещеных нами граждан этой страны не слушают нас, потому что Церковь и священники для них — не авторитет. В этой ситуации мы вынуждены говорить в стиле «сиди тихо и не дергайся». Нужно исправлять ситуацию, нужно говорить не то, что люди хотят слышать, а то, что они должны слышать.

Если мы посмотрим на современную историю Украины, то увидим, что Церковь еще никогда не принимала участия в формировании гражданского общества, никогда не формулировала смыслы бытия для общества и правильное отношение к реальности. И сегодня нам ставится задача — пора. А мы слушаем радио, смотрим телевизор, а там говорят: они не будут выступать против бандитов, потому что бандиты подарили им Мерседес. Значит, пора пересесть на машины дешевле и дистанцироваться от дружбы с политическими силами. Чтобы быть над схваткой и управлять ею, необходимо быть равно удаленным от всех участников конфликта.

— Давайте вспомним историю. Иоанн Предтеча, насколько я понимаю, был в похожей ситуации. Поправьте меня, если я не прав. У него был правитель, который совершал грех. И он прямо заявил этому правителю: так поступать нельзя. И за это был посажен в тюрьму, а потом убит. Где у нас священнослужитель, который прямо скажет: нельзя избивать граждан, которые мирно выражали свой протест. Он не потребует тюрьмы для президента или революции, но хотя бы назовет белое белым, а черное — черным.

— Этот вопрос состоит из двух частей. Иоанн Предтеча говорил воинам: никого не обижайте и довольствуйтесь своим жалованием. То есть он успокаивал людей и не давал им радикальных советов. Если бы он выступал перед массой людей, он сказал бы нечто успокаивающее, умиротворяющее. Потому что радикализм возможен в отношении личности. Радикальные лозунги, брошенные в массу — это коктейль Молотова. Для того чтобы обличать главенствующего, как это делал Иоанн Пророк, нужно иметь авторитет, силу и мужество. Значит, у нас сейчас нет такого человека. Нет такого человека, который не просто сказал бы власти, но к которому бы власть прислушалась. Я могу пойти сказать, но послушает ли он меня?

Если Церковь не даст ответа на происходящее внутри самой себя, то политикум и общество тем более не дадут. По-моему, главный вопрос в том, что украинское общество живет без смыслов. Оно живет инерционно.

— Получается, если сейчас кто-то из священнослужителей прямо скажет: «Власть у нас преступная», то тем самым он прямо переходит на сторону одного из участников конфликта и способствует эскалации противостояния?

— Да, он поляризует общество.

— Я сам, как мирянин, разве не имею права выйти на майдан и тем самым выразить свое несогласие с тем, что власть так жестоко обращается с гражданами?

— Надо вспомнить о том, что свой пафос правдолюбства был и у революционеров 1905-го года и 1917-го года, которые восставали против того, что их бьют нагайками, что в обществе нет гражданских свобод и т. д. То есть они боролись за хорошие вещи. И они их добились, но потом революция перешла в гражданскую войну. Еще о французской революции было сказано: революция пожирает своих героев. Свой пафос нужно вписывать в исторический контекст, если ты хоть о чем-то думаешь головой.

Что происходит в Украине

Что происходит в Украине? По законам жанра, находясь внутри, понимаешь еще меньше, нежели понимал бы, находясь снаружи. А если продолжить мысль, то меньше всего понимают те, кто вовлечен во всю эту уличную кашу. Мало что понимают бойцы спецподразделений, которым сначала отдают приказы, а потом делают крайними. Ничего не понимают борцы за всенародное счастье, которых накопленная годами злоба тянет на улицы и чувство причастности к истории пьянит, как стакан вина, выпитый натошак. Понимает ли что-нибудь власть? Понимает, что шатается трон и пахнет жареным, а вот более...? Оппозиция никак не может оседлать протестную волну, чтобы на разбуженной энергии масс въехать во властные кабинеты. Одним словом, находясь в Украине, понимаешь только одно: в этой бедной стране ничего не понятно.

Ассоциация подписана не была. Очевидно тому есть глубинные причины, из числа тех, что не произносятся в прессе и не выносятся на люди. Почему-то сильно обиделась Европа. Ей бы радоваться об избавлении от «бедного родственника», а она обиделась. На экономных, прагматичных и хитрых европейцев не похоже. Видно имели свой гешефт, и не говорили — какой.

Потом закрутилось и завертелось. Было привычное наводнение центральной площади митингующей молодежью. Потом по непонятным причинам этих сторонников европейского выбора жесткими методами заставили покинуть площадь. Мы ведь до сих пор не знаем, правда, кто дал приказ стрелять в рабочих в день «Кровавого воскресенья». Была ли это провокация тайных врагов царизма, сам ли государь дал приказ, и был ли он во дворце? Но дело было сделано, выстрелы прогремели, и в результате, как писали в учебниках моего детства: «Умерла вера в доброго царя». В Украине эффект битья демонстрантов был бы тот же, если бы здесь была вера в доброго царя. Но умирать нечему и царя нет. Есть желание «жить хорошо» и обвинение в отсутствии хорошего житья всех и вся, кроме себя любимого.

Говорят, жители африканских джунглей — пигмеи, прежде нежели срубить огромное дерево, окружают его всем племенем и кричат на него. Кричат истошно, изо всех сил. Криком пигмеи хотят убить душу дерева, чтобы потом просто срубить омертвевший ствол. Любопытно, не правда ли? Прямо иллюстрация к книжке по древним верованиям. Так вот, мне видится, что у нас происходит нечто подобное. Люди окружили баобаба и криком пытаются убить в нем душу. Уличная демократия, это — просто анимизм 21-го столетия. Еще они верят в творческую силу своего крика, и в то, что будущая власть будет белее молока и чище пуха. А еще — их совершенно невозможно убедить в том, что смена власти усугубит проблемы; что взять груз ответственности за страну некому; что крик их хоть и болезнен, но вовсе не смертелен, и уж точно — связь между криком и хорошей жизнью вовсе не так непосредственна, как им кажется. Объяснять все это митингующим так же бесполезно, как ехать в Африку и спорить с пигмеями о бесполезности их обрядов.

Было бы ошибочным полагать, что все люди в Украине свято верят в связь площадного крика и жизни по евростандартам. Большинству людей хватает здравого смысла и мудрых сомнений. Сомнений в необходимости ломиться в Европу, в необходимости растравливать себе душу революционным порывом и проч. Но очевидно — футбольные фанаты куда заметнее ведут себя, нежели посетители читального зала библиотеки. Отсюда — телевизионная картинка, застилающая действительность. Но отдавать глаза и ум в полное распоряжение голубого экрана — непростительная ошибка. Киев, все же — один из уделов Богоматери. Это — Ее земля, и Она здесь Хозяйка. Современный украинец об этом

забыл. Он верит в то, что это он – хозяин жизни, вооруженный магией демократических процедур. Опасное заблуждение.

В жизни вечно не хватает денег. Еще – не хватает времени. Сегодня видно, что бывают моменты, когда не хватает ума, рассудительности, опыта, самообладания. Но еще не хватает молитвы. Ее не хватает в первую очередь. Те, кто умеет молиться и имеет тревогу о будущем Матери городов русских, должны умножить молитву Господу Сил и Богородице. Иначе вывороченная из тротуаров Майдана плитка водворится на место, а мусор будет вывезен только для того, чтобы по Крещатику прошел гей-парад. Это и будет торжеством новых европейских ценностей, ценностей не той Европы, которую Хомяков назвал «страной святых чудес», а иной – отказавшейся от христианских корней.

Церковь по-хорошему должна была бы сказать о Европе вместо простого «да» или «нет» нечто более осмысленное и живое. Например, мы могли бы сказать, что как христианам, нам в Европе нравится то-то и то-то. Опять же, как у христиан, у нас в Европе это и это вызывает омерзение и отвращение. Ну, а все остальное мы согласны терпеть, даже если оно нам не нравится. При этом прилагается список с тремя графами: «Люблю», «Терплю», «Ненавижу». Такое слово заставляло бы думать, анализировать, спорить о будущем с точки зрения веры и прочного мировоззрения, а не с точки зрения «вкусно – не вкусно». Такое слово не было сказано. Отчасти растерянность сегодняшнего дня объясняется и этим несказанным словом.

Что нас ждет? Исходя из состояния умов – ничего особенно хорошего. Если бедную страну, в которой не читают книг, отравить обещанием близкого и прочного счастья, то получится новый большевизм, и станет снова ясно, что история никого ничему не учит. Но молитву нужно умножить, потому что Бог, а не Госдеп и не Европарламент, правит миром. И испуганная власть пусть молится, зная, что хаметь без меры опасно для жизни. И народ пусть тратит на свистки и крики избыток энергии, не нашедшей выход в повседневном труде. И тот, кто наблюдает за всем со стороны, пусть делает выводы, потому что политические вирусы иногда распространяются быстрее гриппа, птичьего или свиного включительно.

Но молитву нужно умножить.

Невидимые цепи рекламы

Что мы выбираем добровольно, а что нам незаметно вложили в головы рекламисты?

И стыдно, и удивительно наблюдать, насколько управляемо наше общественное поведение. Ведь, правда достоин смеха голый король, уверенный в том, что он красиво одет? Но тогда подобного же смеха достоин и человек, гремящий невидимыми кандалами при полной уверенности в своей свободе. Понятное дело — политика играет на людских страстях как на арфе и отравляет жизнь ложными идеями. Но не только она.

Реклама — вот гений манипуляций с психикой, вот тиран, берущий от вас то, что надо ему, а взамен дающий то, что вовсе вам не надо. О, сколько вещей прочно вошли в наш быт не потому что мы в них нуждаемся, а потому что нас убедили их купить! Составить картинку помогает книга Надежды Франк. В своей книге «Эпоха служит рекламистам» автор подробно и популярно указывает на продукты и занятия, к которым людей приучила реклама. Нахожу этот список весьма любопытным и достойным ознакомления, а саму книгу — достойной рекламы.

1. Зубы

Начнем с них, ибо они болезненно растут, потом в молочном варианте выпадают, потом снова растут уже с корнями, потом начинают болеть и уже не заканчивают, пока окончательно не выпадут или не уступят место фарфору. Тема зубов людям ближе, нежели прикосновение ночной рубашки.

До начала 20-го века люди знали, что чистить зубы надо, но делали это редко. Дело изменилось благодаря некоему Клоду Хопкинсу. Разрабатывая рекламу для пасты Pepsodent, сей гений рекламы придумал, как убедить людей чистить зубы чаще. Он пообещал людям красоту! Пасту стали рекламировать девушки с белоснежными улыбками и покупателям подспудно внушалось: хочешь такие же белые зубы — чисть их дважды в день нашей пастой. С тех пор чистка зубов вошла в привычку по всему миру.

2. Апельсиновый сок

Его предложат вам на завтрак в любом отеле, его будут пить герои фильмов по утрам. Его вообще считают незаменимым атрибутом удачного утра миллионы людей. Пробежка. Душ. стакан сока и обмен репликами на кухне с женой перед уходом на работу. Узнаете картинку? А придуман этот «соковый ритуал» рекламистом по имени Альберт Ласкер. Ему нужно было повисить ликвидность цитрусовых.

Внимание покупателей Ласкер обратил на количество в соке витаминов. Вообще информация об энергетической ценности продуктов, все эти циферки, килокалории, перечень витаминов и прочее, есть обидное и манипулятивное засилье абстрактной информации. Но оно сработало. Реклама предлагала начинать утро со стакана сока. Не исключено, что и вы тоже уверены — апельсиновый сок лучше всего пить на завтрак (многие диетологи справедливо докажут обратное). Опыт с апельсинами Ласкер позже успешно повторил с ананасами.

3. Свежесть дыхания

Иосиф Бродский описывал свое старение такой фразой: «Смрадно дыша и треща суставами...» Очевидно, и он не был свободен от рекламной промывки мозгов. Фраза «свежее дыхание» появилась только благодаря рекламе. В 1920-е компания Listerine стала рекламировать ополаскиватели для рта. Неприятное дыхание было в корыстных целях превращено в глобальную проблему.

Специально для девушек придумали рекламный слоган: «Вечно подружка невесты, но не невеста» (дескать, в ее одиночестве виновато несвежее дыхание). С тех пор продажа жевательной резинки, спреев и зубной пасты вырастает из раздутого страха перед плохим запахом изо рта. Римские легионеры, съедавшие ежедневно головку чеснока и луковицу, с точки зрения свежего дыхания вряд ли бы заслуживали даже право на жизнь под солнцем.

Итак, наша свобода в свободном мире весьма иллюзорна. Даже там, где я за свои трудовые покупаю товар или услугу, я могу действовать не как свободный субъект, а как бессознательный объект манипуляций. Вернемся к списку.

4. Открытки

До начала XX века открытки использовали, чтобы по почте поздравить человека с днем рождения, а также Рождеством или Пасхой. Еще были видовые открытки, присылаемые из мест временного пребывания. Типа «Привет из Баден-Бадена». Этим их функции исчерпывались. Открытки приходили по почте, их почти никогда не дарили лично.

Идея дарения личных открыток пришла к некоему Джойсу Холлу, создателю компании Hallmark. Так появилась первая открытка, посвященная дружбе. Потом открытка стала сопровождать подарочные товары: конфеты, книги, ювелирные изделия, сувениры. Постепенно люди привыкли к тому, что выражение любви и дружбы на открытке есть естественный спутник радушного подарка. Компания Hallmark, конечно, ощутила успех успешного открытия на своем кармане, с чем их и поздравляем.

5. Готовая еда

Первая мировая заставила производителей делать «быстрые» продукты и полуфабрикаты для фронта. Но домохозяйки в тылу стыдились использовать «быструю» еду. Это значило бы, что они не умеют готовить. Открыть консервы и выложить содержимое на тарелку — это ли не позорное признание в полном отсутствии хозяйских навыков?

Между тем, полуфабрикаты производились массово и не перестали появляться на прилавках и после войны, что отвечало возросшему темпу жизни. Тогда рекламой был сделан вид, что от покупателя в процессе готовки тоже многое зависит. На упаковках появились инструкции что добавить, как украсить и сколько варить, с чем подавать. Хозяйка превращалась из «разогревательницы» встряпуху. Это сработало и покупатели перестали стыдиться брать с полок полуфабрикаты.

6. Краска для волос

Долго это дело считалось неприличным. Его терпели в отношении разве что актрис, если речь шла о порядочных женщинах. Общественное мнение изменилось в конце 50-х. В рекламе появились фотографии респектабельных женщин, матерей семейств с ярким цветом волос. Текст разъяснял, что они пользуются натуральными оттенками фирмы Clairol. Общественность поверила, что быть идеальной матерью и верной женой, но при этом краситься в блондинку, можно. Белым цветом волос дело, как понимаете, не окончилось. Вскоре вся радуга в чистом виде и в смесях легла на головы прекрасной половины человечества.

7. Курение на ходу

Когда-то курение предполагало целый ритуал. Сигарой или трубкой дымили в хорошей компании, за неторопливым разговором, под рюмочку, после еды. Для этого могли отводиться сигарные комнаты или места у камина. Но со временем появились сигареты, которые выкуривались быстрее, были демократичны и ритуалов не требовали. Первым наладил массовое производство сигарет американский табачный магнат Джеймс Дьюк.

Реклама внушала, что сигареты больше подходят для ускоряющегося ритма жизни. В 1890-е американцам стали доступны спички, и можно было прикуривать уже прямо на улице. И в 1920-х, после появления марки Camel, трубки и сигары ушли в тень. Был позабыт и жевательный табак. Курение превратилось в короткое удовольствие на бегу, а потребление табака выросло в десятки раз.

Мы могли бы продолжить список, в котором есть место для отдельных купальников, Санта-Клауса как кока-кольного символа Нового года и прочее. Но суть не в том, чтоб перечислить все. Суть в том, чтобы навести резкость на испытующий взгляд современника. Не ровен час, он

обнаружит завуалированное рабство там, где до сих пор предполагалась одна лишь свобода и торжество личного выбора.

Остается поблагодарить госпожу Франк за интересную книгу и встряхнуть руками. А ну как послышится звон цепей, до сих пор не замеченных? Под цепями разумею тиранию ненужных привычек, загнанных в наше сознание то мытьем, то катанием — политическими речевками и рекламной хитростью.

Язык и литература

Наиболее распространенные в мире языки выделить не трудно. Это, конечно, китайский — по причине огромного количества людей, считающих его родным. Это арабский, поскольку он есть язык динамически развивающейся и распространяющейся религии. Это испанский, на котором, учитывая диалекты, говорит без малого целое полушарие, за что отдельное спасибо католическим миссионерам. Это, конечно, английский, который выполняет в мире ту же функцию, что койне в эпоху эллинизма или русский — в СССР; сегодня это — язык межнационального общения, в основном коммерческого и научно-технического. И это — русский.

Русский язык не язык коммерции. Для этих целей он сам напичкан англоязычной лексикой. Он также не является родным языком для мировой религии, как арабский или иврит. Для собственных богословско-христианских целей русский язык принял в себя множество греческих и латинских терминов. Что и правильно. Количественно мы, подобно китайцам, никого не пугаем и не удивляем. Здесь спорить не о чем. Что же такое в мире русский язык, и в чем его ценность? Не язык всемирных колонизаторов, не язык всемирных торговцев, не язык новых религиозных откровений, он есть язык особенной культуры, в центре которой — русская литература. В этом его всемирное значение.

Данная черта сближает русский с французским с той лишь разницей, что франкофоны существуют в мире тоже благодаря долгому колониальному периоду. В Сенегале, Вьетнаме и на Таити французский учили не ради наслаждения Расином, а потому что французский колонизатор повелел. А вот в России со времен детей Петра Великого французским увлекались из чистого наслаждения культурой и без всякого желания попасть в политическую зависимость. Точно так же сегодня и русским в мире наслаждаются.

Русский язык есть язык великой русской литературы, которая сама есть дитя Евангелия и Церкви Христовой в самом широком и свободном понимании этого огромного термина.

Обобщая исторический путь, мы можем выделять Русь Киевскую, Московскую, Петровскую, Советскую и постсоветскую. Литература, без сомнения, началась вместе с верой и письменностью в Руси Киевской. Но там она не развилась, как не развилась и в Московской. Литература у нас развилась и стала мировой после Петра и его торнадообразных перемен. С тех пор и (надеюсь) доньше история Руси связана с литературой неразрывно и в некоторой степени является собственно историей литературы. Чтобы проиллюстрировать себе эти слова, вспомните, как повлиял на жизнь мира такой человек, как Владимир Ульянов (Ленин), а потом вспомните, сколько десятков раз он прочитал книжку Чернышевского «Что делать?». Сначала Руссо влияет на Толстого настолько, что вытесняет с груди молодого графа нательный крестик собственным портретом. Потом Толстой влияет на страну и весь мир вплоть до превращения в зеркало русской революции.

Значение литературы выросло в Петровскую эпоху. Это значение не упало, но специфически, хотя и однобоко, выросло в Советскую эпоху, потом на инерции держалось в переходные периоды и стало замирать только в новейшие времена, с тенденцией к возрождению (ура!) в последние часы и минуты, если говорить образно. Нам не понять свою историю и не разобраться в ней, если мы не разберемся в своей литературе: в религиозных корнях ее, в ораторских успехах революционеров, в гражданском пафосе лучших писателей и проч.

Типография и газета вряд ли в какой-то еще стране, кроме России, имели такой разрушительный потенциал, и в этом тоже стоит разобраться. Лекарство не лечит, если не может отравить, и то, что успешно разрушало, способно успешно созидать.

Когда народ собирается с мыслями, а власть бесчувственна к его тихому труду, то это чревато со временем восстанием масс. Когда власть жжет по ночам свет в кабинетах и думает, думает, а народ думать ни о чем, кроме потребительской корзины, не собирался, то это тоже беда. Хорошо, когда проблему чувствует и стоящий наверху, и гуляющий у подножья. Поэтому речь Путина на Российском литературном собрании – симптом бодрящий.

«Даже если, – говорит Владимир Владимирович, – снижение интереса к чтению, к книгам является общемировой тенденцией, мы не вправе с этим смириться». Толстой и Достоевский – большее наше богатство, нежели нефть и газ, поскольку нефть и газ лежат у нас под ногами без нашего труда, а писательский гений вынашивается в недрах народного сознания. Если угодно, это наши опознавательные маркеры, знаки нашего присутствия в мировой культуре. И до чего мы доехали на сегодняшний момент.

Как огромные природные богатства не мешают у нас существованию нищеты и убожества, так и огромный культурный потенциал не мешает прозябать в невежестве в полном соответствии с общемировыми тенденциями. Нехорошо.

Те 9 минут, которые, согласно статистике, отдает книге в день средний россиянин, должны испугать нас своей ничтожностью. Книге хорошо бы отдавать столько времени, сколько отдается сидению за обеденным столом, и ничуть не меньше, чем жертвуется телевизору.

Путин сумел коснуться «до всего слегка». Он упомянул об информационных технологиях, которые явно влияют на культуру чтения; обмолвился о том, что мысль зреет и оттачивается только в работе с текстами; напомнил об оскудении бытовых запасов языка и о превращении литературной речи в исключение. Он тезисно, но емко сказал всё, что должен был сказать правитель, не чуждый гуманитарной сфере, более того – осознающий, какого народа, в смысле словесности, он правитель. И если бы он только критиковал, то для этого много ума не надо.

Конструктив тоже был, и даже в виде штрих-пунктира были обозначены тенденции. Что же планирует государство Российское?

– Возрождение престижа педагогов-словесников.

– Содействие сохранению объединяющей роли русского языка на пространстве государства.

– Перевод на русский язык всего яркого и значимого, что появляется в литературах других народов, населяющих Россию.

– Для поддержки современных авторов – учреждение премии Президента РФ в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества. Премия начнет вручаться с 2014 года, объявленного Годом Культуры. Предложено подумать над тем, чтобы объявить 2015 год в России Годом Литературы.

Власть в лице президента понимает, что (sic!) рынок не всемогущ. По крайней мере, в означенной сфере рыночные механизмы саморегуляции бездействуют. Нужны осознанные и волевые усилия общества и власти. Предполагается создавать условия для координации усилий тех, кто трудится в «библиотеках, литературных музеях, мемориальных домах писателей».

Задачи выходят за рамки чистой сферы изящного. Среди задач:

– привлечь особое внимание общества к отечественной литературе;

– сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире;

– внутри страны формировать среду, в которой образованность, эрудиция, знание литературной классики и современной литературы станут правилом хорошего тона.

О чем всё это нам говорит? Говорит о должных критериях величия Родины.

Петр Первый, которого мы похвалили за причастность к рождению нашей великой литературы, достоин и порицания. Именно с Петра мы мыслим славу России в количественных категориях внешних успехов и побед. Величие стало описываться в терминах «построили», «полетели», «наваляли», «победили». Всё теплое и тихое, описываемое при помощи глаголов «пожалели», «погрустили», «фаскались», ушло в литературу, как в подполье. По сути, перед нами вопрос Владимира Соловьева, переформулированный языком XXI столетия:

«Какой ты хочешь быть, Россия? Россией Ксеркса или Христа?»

Верховная власть уже, слава Богу, понимает, что признаки величия подлинного связаны с поэтической строкой не меньше, а даже больше, чем с острым воинским железом.

Итак, за книги! Церковь Святая, покажи пример!

Бессловесная паства не может быть христианской. А не читающий книг священник не может быть служителем Бога Слова. Если кто-то не поймет сказанного президентом, то люди Церкви должны понять. Как евреи, вернувшиеся из Вавилона, вновь открыли для себя забытую Книгу Закона, так и мы должны открыть для себя подлинный источник народного величия – его литературу. Она не отведет нас от Христа, но лишь сильнее к Нему привяжет. Стыдно, братишки, что в Принстоне и Йеле студенты ради чтения Достоевского в оригинале над русской грамматикой потеют, а наш Ваня сплошь и рядом на великом и могучем только матюкаться горазд.

Переведем-ка мы лучше мягонько 9 минут для начала в 10. Потом «психанем» и 10 доведем до 15. Потом выключим «ящик» и увеличим с 15 до 18. Уже на этом этапе, который займет годик-другой, то есть на этапе увеличения 9 минут в два раза, Господь порадует нас и новыми именами в литературе, и новой благодатью в повседневной жизни, и успешным заживлением застарелых ран.

Рождественский пост – две лепты от души и тела

Начинается Рождественский пост. Намерение освящает дело. Что пользы в перемене стола с мясного на постный, или в прочих вещах, если Христос – не в центре намерений? Вот Павел апостол говорит: «Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (1 Кор. 10:31). Перефразируем, не согрешая слова Павла: «Не едите ли, не пьете ли, или иного чего себя добровольно лишаете, воздерживайтесь во славу Божию». Пища нас не приближает к Богу и не отдаляет, но намерение приближает, и дело внешнее

получает силу внутреннюю от того, Кому дело посвящено. Итак, намереваясь поститься, посвятим посильное воздержание Тому, Кто родился от Девы в пещере близ Вифлеема. При таком посвящении самое скромное воздержание не останется без плода, а при ложных целях и великое постничество будет либо вредным, либор бесполезным. У западных пост перед Рождеством так и называется – Адвент, что означает «посвящен приходу». Мало посему говорить людям: «Не ешьте мяса. Не пейте молока». Нужно говорить: «Готовьтесь Христа встречать. Разбудите помыслы и идите навстречу Господу. Помните, ради Кого упрощаете жизнь и упражняетесь в скромности».

Говорят, когда в Риме строили собор святого Петра, задали один и тот же вопрос двум разным людям, носившим камни на строительство. «Чем вы занимаетесь?», – спросили их. «Я, – говорит один, – нанялся камни носить, чтобы семью кормить». «А я, – сказал другой, – строю храм в честь апостола Петра». Очевидно, что при одинаковости мускульных усилий и равности оплаты, делали они совсем разную работу. И если какой храм стоит столетиями, то благодаря работникам второго рода, а никак не первого. Вот и мы давайте разберемся с намерениями.

– Ты что делаешь, доктор? – Я в лице больных учусь Христу служить и облегчаю человеческие страдания.

– Ты что делаешь, учитель? – Я детям открываю двери в мир знаний, чтобы им было жить интересно, и они со временем пользу стали приносить.

– А ты, постник, что делаешь? – Я помню о Господе и хочу встретить Его со всей Церковью в Рождественские дни.

– А может, ты просто похудеть стараешься, здоровье поправить? – Нет. Это не разгрузочные дни. Это – посильная жертва. Это мои две лепты от души, и от тела.

Человек беззащитен, как вдова, но и он обязан приносить жертвы. Приносимых лепт должно быть именно две, как и тех динариев, которые дал Добрый Самарянин содержателю гостиницы (См. Лук. 10:35) было два. В притче два динария – это Ветхий и Новый Завет, черпая из которых можно продолжать лечить избитого человека (Адама) в гостинице (Церкви), пока не вернется Господь. А две лепты в жертве вдовицы это знак нашей двойственности. И от души, и от тела нужно принести по лепте в жертву, и от внутреннего сокровенного человека, и от внешнего. От тела – воздержание в пище. От души – голодание глаз, неподвижность языка, затворенный слух. Вторая лепта даже важнее первой. Времена-то информационные. И кто не ест колбасу, но подставляет голову под любой телевизионный или компьютерный ветер, тот сомнительно постится. Тому «надует голову» означенными ветрами вплоть до духовного менингита и последующей госпитализации. Но нам нужна свобода, в первую очередь – внутренняя, нужна легкость помыслов и чистота намерений. Окна душевного дома нужно закрывать так, чтобы не был слышен крик и шум Вавилонских улиц.

Рождество Христово было подготовлено всей внутренней историей Израиля и всей внешней историей мира. Совокупная праведность Авраамовых детей сделала возможным вначале рождение Девы-Матери, а потом от Нее – Нового Адама. Но и внешний мир, не помышляя о том, был вовлечен в великую работу. Так перепись Августа заставила Марию с Иосифом отправиться в Вифлеем, чтобы исполнилось древнее пророчество Михея: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5:2) Следовательно, и всемогущий кесарь, обожествленный

подобострастием рабов, служил целям Христовым, сам того не понимая. Стоит думать, что и ныне, и до скончания века, все происходящее таинственно связано с Господом Иисусом и Его Промыслом. Только мы, помрачившись в разуме, рвем картину мира, приписываем мертвым стихиям власть и свободу действия, и не замечаем Божественного присутствия. У суетного человека вера суетна. У лгущего человека надежды ложны. Для того, чтобы навести с помощью Бога внутри себя относительный порядок и очистить око ума, нам и нужен пост. Пост двоякий, – душевный и телесный, – каков и сам человек.

Трудно сказать, сколько людей будут распутывать внутренние узелки и вести и тайную борьбу за веру. Очень много таких людей, по определению, не бывает. Но даже малое присутствие таких людей делает историю живой и стремящейся к Богу. Итак, проверим намерения и – с Богом!

Человеку нужно все время любить

Человеку нужно все время любить. Не когда-то однажды, мол «любил-с, да, было время», а все время. Для этого нужно все время влюбляться. Только не в разные объекты. Слышите? Не в разные. Вот полюбил парень девушку в двадцать с хвостиком, и в жены ее взял. Может он на той любви, что была в двадцать с хвостиком, всю жизнь прожить? Не может. Значит в тридцать ему нужно снова в свою же жену влюбиться. Далеко ходить не надо – жена рядом. Она изменилась, и парень дядей стал. Пусть теперь дядя полюбит женщину, живущую с ним уже N-е кол-во лет. На этой обновленной любви тоже до смерти не проживешь. Потом нужно будет ту же жену и в сорок лет полюбить, как впервые. Хотя, что значит «ту же»? Она ведь изменится. Ее изменившуюся полюбить надо будет. Это, брат ты мой, творчество. Да еще какое! Потом – в пятьдесят, и в шестьдесят то же... Дальше я думаю с трудом, ибо мне еще пятьдесят не бахнуло. Но жилу я нашел: влюбляться в собственную жену регулярно и заново. Иначе... Иначе человек будет новые объекты искать и регулярно слизывать крем с очередного торта, чтоб потом смыться за более новыми впечатлениями. Справедливое в отношении земной женщины утверждение справедливо и в отношении других сторон жизни, что тянет уже на открытие вечного двигателя.

Так, монах может (во избежание катастрофы) влюбляться в монашество и обновлять решимость соблюдать обеты. Как часто он это будет делать – не нашего мирского ума дело. Пусть хоть каждый месяц это делает, к тому же у монахов время течет иначе. Священник пусть влюбится в священство, пусть ходит по водам, как после хиротонии, туне дает то, что туне получил, и утверждает близкое к смерти. Пусть влюбятся в свою работу пекарь, столяр и пасечник, а так же представители сотен нужных и красивых профессий. Не лишне было бы и Родину заново полюбить.

И не надо реветь: за что? Любят не «за что». «За что?» кричат, когда по шее получают (причем тогда знают – за что). Любят сверхлогично, не крысиными долями мозга, а высшими способностями души. Любят и тогда, когда грех видят; любят, когда в ответ любви не дождались; любят вообще не «за что», а «потому что».

Бога тоже любят не в шезлонге на курорте, а среди всяких колючих событий, вплоть до очень болезненных и угрожающих. В шезлонге как раз никто Бога не любит, а только себя загорающего, плюс мысль, что «жизнь удалась». И так во всем. Время течет, любовь меняется, настаивается, дорожает со временем. То бурно течет, то тихо струится, но не пересыхает. Человек меняется, жизнь вокруг меняется, а внутренняя константа остается.

Самое главное это отношение к Богу. Но проявляется это отношение на жене и Родине, как на лакмусе. Блудник и предатель как может быть боголюбом? По моему – никак. По-вашему — тоже. Я почему-то в этом уверен. Отвлечемся же от жен (мир им и поменьше морщинок), поговорим о Родине. «Я хочу уехать», — слышишь то и дело. Скорее в такой редакции: «Надо сваливать». Первичная реакция в ответ: «Да вали колбаской! С тебя и так ни там, ни здесь никакой пользы нет».

Ладно, походи, как Остап Бендер мечтал, по набережной в белых штанах; поешь, как Паниковский мечтал, кефир серебряной ложкой. А если у тебя иная мечта и претензия – ладно, исполни свою мечту и претензию. Твоя мера. Во всяком случае, Всевышнего за отсутствие земного счастья упрекать права иметь не будешь. Потом даже вернуться сможешь, ибо времена настали благодарнейшие: едь куда хочешь, возвращайся, как только припечет. Если успеешь. Ныне, Богу слава, не времена Виссарионовича, когда желавших на месте сидеть депортировали насильно, а желавших уехать взаперти держали.

Но рассуди, непостоянный человек, что бесценного ты найдешь на заочно любимой чужой стороне (равно как и у ложного бога или новой любовницы)? Екклесиаст говорил, что все будет то же. Тосковать, бояться, лысеть, разочаровываться, стареть, говорить «А-а-а» на приеме у лора будешь так же.

На чужой стороне только буквы алфавита да часовые пояса другие. Аль не умирают там? Аль там не грешат и с горя жмени снотворного алкоголем не запивают? Может там преступность победили, а тюрьмы в Диснейленды переделали? Какие такие реки текут среди кисельных берегов? А если бы и текли, то как нужно любить молоко, чтобы жить на берегу молочной реки и его (молоко) через неделю не возненавидеть?

Люди обычно наказываются полным и буквальным исполнением прелюбодейных желаний. Сей закон обретаем в странствии евреев по пустыни. Хотели евреи перепелов – дал им Бог перепелов. Столько дал, что мясо носом полезло. И не потому, что суров не в меру Бог, но потому что закон такой. Сильно хочешь? – На, но потом не отнекивайся. Бог Израилев и во святых дивен, и к нахалам неблагодарным временами относится без лишней чувствительности.

С медициной у нас не все в порядке? Ой, не все. Но здоровье народа от медицины зависит процентов на 20. Остальное от образа жизни зависит и подобных факторов. Образование не ахти? Но оно везде вниз стремится, потому что мельчает человек. Зато открылся доступ к самой разнообразной информации, и самообразование зависит только от желания. Я не верю, что учиться где-то будет тот, кто не любит учиться вообще и уже не учится здесь. И так везде: закрывается одна дверь – открывается нечаянно другая. А главное – недовольная доминанта в настроении свойственна тем, кто не хочет служить, но хочет

чтоб ему служили. Хочу, мол, быть Владычицей морскою, а чтоб Рыбка (цивилизация, государство, наука, техника) была у меня на посылках.

Кто захочет, уедет, куда захочет. А кто понял, что от себя не уедешь и что Чашу, которую нужно выпить, мимо не пронесут, тот должен найти силы и стимул жить – здесь ли, «там» ли. Силы жить дает любовь. А поскольку любовь привычная заезживается словно пластинка, и выветривается, как незакрытое вино, ее нужно обновлять. К семье, к земле, к любимому делу, к Господу Вседержителю... Регулярно, раз в несколько лет, пренебреженно. И каждый раз – как впервые.

На краю

Девушка плакала в зале регистрации международного аэропорта. Уже был сдан багаж, уже на руках был посадочный талон, а она плакала. Ничего удивительного. Девушки часто плачут, потому что жизнь непонятна, запутана и несправедлива. Потому что море не переспоришь. Сколько не кричи на него, как Демосфен, оно будет бросать свои безучастные соленые волны на берег и ухать раз за разом о бетонную набережную приморского городка. И часто, когда маленький человек стоит один на один перед непокорной жизненной стихией, слезы, такие же соленые, как морская вода, текут у него из глаз, не спрашивая разрешения.

Ее звали Оля, а его Озан. Озан по-турецки – «певец». Где они познакомились? Где и как он вскружил ей голову своими песнями? В социальных сетях, а потом по скайпу. Где ж еще? Жизнь в родном приморском городе такая скучная и однообразная, а турецкий соловей пел такие нежные слова, что смысл их не мог испортить до конца даже переводчик Google. Как сердцу не забиться учащенно! И телевизор, как назло, кормил страну уже не первый месяц турецкими сериалами. Там женщины благородны, а мужчины сильны и трезвы. Там уважают материнское слово и больше смерти боятся позора. Там природа смешала воедино и чаек, и море, и кипарисы, и высокое голубое небо, а история приправила от себя всю эту роскошь храмами, мечетями и крепостями. Это всё недалеко – всего лишь на той стороне моря, которое можно и переплыть, и перелететь, лишь бы была охота. И когда он «пропел»: «Приезжай», разве можно было отказаться?

Мать отпустила. А почему нет? Девушке нужно устроить жизнь. С кем ее здесь устроишь? За границей люди культурные, трезвые, работающие. Мелькнула мысль, что и сама она на старости станет «ханум» и будет пить кофе на белой мраморной террасе. «Езжай, дочка. Всюду люди живут».

Озан заказал билеты, и Оля поехала.

Когда вернулась домой, сомнений не было: нужно выходить замуж. Семья богатая, все красивые, как в сериале, принимали ее, словно она уже невестка. И дом большой, и чайки кричат, и воздух пахнет лимоном. Озан чуть-чуть говорит по-русски, а Оля за пару дней стала чуть-чуть объясняться по-турецки, как на экзамене, подглядывая в туристический разговорник. Только мама Озана сказала в день отъезда, а Озан перевел, опустив глаза: «Нужно будет ислам принять». После короткой паузы мать добавила: «Принимай ислам, и будешь мне, как дочь».

Что такое «принимай ислам»? Это очень просто. Скажи при свидетелях шахаду – и всё. Роксолана, та вот была дочкой священника – и то ислам приняла, а Оля всего лишь дочь рыбака и буфетчицы, никогда не ходившая в церковь, разве что крещенная в детстве. Мать мысли Олины подтвердила. «Чего плохого в исламе? Люди хорошие, Богу молятся. А Христу ты ничего плохого не делаешь. Какой тут грех?» После разговора с матерью последние сомнения испарились. Каждый день Оля с Озаном просиживали в скайпе, обсуждая будущую счастливую жизнь. И она уже учила язык, а он, по-восточному нетерпеливый, требовал, чтоб она приезжала скорее. Вся семья ждет, свадьбу уже готовят. Наконец билет в одну сторону был куплен.

Билет в одну сторону. «One way ticket». Была в 1970-х такая песня в стиле диско, текст которой в Союзе переиначили. «Мне за Синей птицей. Еду за тобой», – пел какой-то ВИА. Но Оля родилась позже, и если танцевала, то под другие ритмы.

«Билет в одну сторону...» «Мне за Синей птицей...»

При прощанье слез не было. Мать радовалась за дочь, дочь дрожала от предчувствия невиданных перемен, от ожидания счастья, от женского страха, от чего-то еще, но глаза у обоих были сухи. Слезы появились потом, в аэропорту. Они пришли внезапно, ни с того ни с сего. Вдруг закипело в груди, горячая волна поднялась к горлу и выплеснулась из глаз неудержимым потоком. Были ли это те слезы, которые столетиями лили девицы перед первой ночью с мужем, когда им при сальной свече расплетали косы? Были ли это слезы прощания с родной землей? Да кто ж его знает?! В женских глазах воды много. Женские глаза часто на мокром месте, а объяснить, что да как, слов не хватает. Металлический голос совершенно нечленораздельно, по-русски и по-английски, но равно непонятно, имитировал объявления о посадках на борт и окончании регистрации. А девушка, которую на той стороне моря ждал черноглазый жених, сидела на жестком стуле и выла, как дура, не понимая причины слез.

– Вы чего так горько плачете?

Рядом с Олей сел мужчина лет пятидесяти, весь седой и красивый, как голливудский драматический актер.

– Замуж выхожу, – с удивлением для себя самой сквозь слезы ляпнула она.

– Так что ж вы плачете? Радоваться надо.

– Я ислам принимать буду, – опять сказала девушка, удивляясь звукам своего голоса и еще больше – содержанию слов. Можно сказать, что сердце ее до сих пор ни секунды не страдало от будущей перемены веры. Так только – посомневалось чуть-чуть. Да и перемены никакой не было, потому что верующей ее никто бы не назвал. Она скорее принимала впервые чужую веру, нежели меняла свою на другую. Но вот язык заговорил неожиданные слова, и слова эти оказались правильным ответом – свидетельствовали о том вдруг прекратившиеся слезы. Словно от себя самой нежданно услышав ответ о причине горького плача, она вдруг поняла, что случилось, и в последний раз вытерла вдруг высохшие глаза.

– Ислам принимать? – мужчина посмотрел на нее внимательно. – Это нехорошо.

– Я сама знаю, – ответила опухшая от слез девушка и опять удивилась сказанному. Потому что ничего такого она еще минуту назад не знала.

– Я вот вам иконку дам.

Мужчина полез во внутренний карман пиджака.

– Божией Матери. Вы помолитесь ей. Она все управит.

Иконка была маленькая, ламинированная и называлась «Взыскание погибших». Как молиться, Оля толком не знала. Она просто стала смотреть на образок, и опять слезы, только не потоками, а двумя скупыми каплями, вытекли из ее глаз.

Мужчина ушел на посадку. Он ушел внезапно и не назвавшись, как и пришел. И Оля тоже через минуту встала с жесткого стула. Но не на посадку, а к выходу повели ее ноги. Как язык ее только что несколько раз кряду произнес правду, не сверяясь с головой, так и ноги понесли ее сами не в сторону дверей, за которыми начиналась взлетная полоса, а в сторону дверей с надписью «В город» и стрелочками, указывающими на остановку рейсовых автобусов.

«Русский человек любит подойти к краю и отшатнуться. Ему это надо – хлебом не корми. Русский человек не побежит от пропасти, но подойдет и глянет в нее. А потом, когда голова закружится и ужас охватит, бросится назад и всё поймет сразу, без слов. Вот так: не подойдет к краю – и всю жизнь ребенком проживет. А подойдет – и повзрослеет, упущенные годы в секунду догонит. Только опасно это. Ведь не все отшатываются. Многие падают».

Стюардесса, пухлогубая и розовощекая, свеженькая и милая, как сама весна, махала ручками в проходе и показывала – куда бежать в случае аварии. Глядя на нее, казалось, что в случае аварии все будут так же весело и легко бегать по проходам, как она сейчас машет ручками. Мужчина застегнул ремень безопасности и улыбнулся, глядя на стюардессу.

«Подойдет к краю и отшатнется. И всё же опасно. Многие падают».

«Боинг» стал выруливать на взлет. По ту сторону аэровокзала очередной автобус отошел от остановки. Белая, как снег, голова пассажира прислонилась к стеклу иллюминатора.

Сирия

В Сирии долго идет война. Это известно всем, но не всем понятно. Бог миловал – мы не знаем, что такое звук летящего бомбардировщика. Еще мы не видим трупы на улицах, и много чего другого, рожденного войной. Но то, чего мы не видим, видят другие. Сегодня – сирийцы. И они не обязаны все подряд быть воинами без страха и упрека. Они – такие же люди, как все. Женщины переживают о детях, которых выносили, родили и воспитывают. Мужья переживают о женах и детях. Есть еще и старики, о которых у нас переживают не очень, но не на Востоке. Нет электричества, хлеба, покоя, уверенности в завтрашнем дне, и люди вынужденно бегут из родных мест, где сегодня рвутся бомбы, а в дома врываются борцы за «свободу и счастье» с палашами в руках, готовые рубить головы всем, кто не согласен радостно кричать «Аллах акбар!». Беженцы ищут места, где приютят их. Естественно, ищут там, где есть единоверцы.

Здесь уже стоит напомнить, что сирийцы в значительной части – христиане. В Антиохии впервые ученики Господа стали называться этим новым именем, о чем говорит книга Деяний. Сирийцем был Иоанн Златоуст – едва ли не самый любимый на Востоке проповедник и христианский народный вождь. Сирийцем был первый епископ Киева – Михаил, при котором совершилось Крещение Руси. Сирийцы, как и мы, любят вместе со Христом Его Пречистую Матерь, святую Феклу, Георгия великомученика, Симеона Столпника. От них вышли святой Ефрем, чью молитву «Господи и Владыко» мы читаем Великим постом, и святой Исаак, у кого учатся мыслить и жить все настоящие монахи. Арамейский язык, на котором во дни земной жизни говорили блаженные уста Христа Спасителя, сохранился только в Сирии. Продолжать? Сказанного должно быть довольно для того, чтобы понять – между нами и сирийцами связь крепка и корни этой связи глубоки.

Теперь вернемся к сегодняшнему дню. В Сирии война. Христиане Сирии нуждаются в прибежище. Стоит ли России предоставить им это прибежище? Я думаю – стоит.

Во-первых, в России христианские правители прошлого давали часто прибежище армянам, грекам, сербам, уходящим с насиженных мест от турецкого (а не ваххабитского, как сейчас) ятагана. Традиция есть, а история любит связи и эстафеты. Почему бы не продолжить в этой области традицию гостеприимства в отношении гонимых христиан? Но это не главное. Главное то, что творящий милость, получает больше благословений, нежели тот, кого он милует. Вникните: Россия, и так наводняющаяся выходцами из мусульманских регионов, принимает внутрь своих огромных просторов некую массу арабоязычных христиан! Это же внутреннее противоядие! До сих пор мы привыкли арабскую речь связывать по смыслу только с исламом. Вот нам случай, позволяющий

размешать, растворить исламский мир России арабоязычными христианами. Такие случаи не часто даются, и упускать их нельзя.

Те, кто живет в атмосфере единоверия, верят плохо. Таков закон. Вера рифмуется с этническим характером и привычками, спорить не с кем, все закутывается в обряд. Если честно, то это смерть веры в объятиях этических фантазий. Великое же творится на стыках и на разломах. Святые отцы наиболее плодотворны, когда еще открыты языческие училища, и мысль христиан не имеет права спать. Враги бросают вызовы, Церковь с болью рождает ответы. Лишь те, кто живет на вулкане, умеют отделять главное от второстепенного. Такова жизнь на Востоке. Христиане Сирии умеют жить в мире с мусульманами, если дело идет о быте и взаимоуважении, но они же умеют отличить главное в различии вер. Нам этого умения, ой, как не хватает! Может, научимся? Инъекция арабоязычных христиан в народное тело России никому не повредит. Эта инъекция одних физически спасет (сирийцев), а других (нас) морально и духовно обогатит. Мир и так смешивается путем миграций, браков и культурных заимствований. Этот процесс не остановить, но на него можно влиять. Возможные пришельцы, о которых речь, будут христиане, регулярно ходящие в храм в воскресенье, а не только в Рождество и Пасху. Это – непьющие христиане, что в наших краях просто чудотворно и в качестве примера, и в качестве факта. Они помогут нам понять то в Коране и исламе, что не противоречит Евангелию, и то, что вовсе не сочетается с Духом и буквой Нового Завета. Одним словом, мы имеем шанс несказанно обогатиться, совершив дело христианского милосердия: и потому, что Бог нас благословит, и потому, что примем людей восточной христианской культуры, связанных с нами глубокими, но плохо ныне прочувствованными корнями.

Затем разговор коснется коптов. У тех тоже есть чему поучиться, и часть из них тоже не прочь переменить место жительства по известным причинам. Это обновит и освежит вопрос христианского единства, переведя его из области теорий и богословских разговоров в область милосердной практики. «Я был странник и вы приняли Меня». И ведь совершенно разные вещи: издалека и свысока рассуждать о том, чего в глаза не видел, и – посмотреть своими глазами, как молятся и живут сегодня внуки Антония Великого и других египетских отцов.

Там, где мы не творим историю и не влияем на нее, Господь продолжает творить историю и двигать человечество в нужном Его воле направлении. От нас тогда требуется реагировать на Божии дела. Сие есть дело Божие – спасти обреченных и просящих убежища. Спасать тех, кто верит так же, как мы, только молится на другом языке, при этом верит зачастую и чище, и искреннее, и сильнее нас. Пусть политологи и культурологи додумают основные посылы. Язык у них не повернется отдать предпочтение массам стихийно просачивающихся в Россию сынов Кавказа и Азии перед теми, кто вырос в одной из колыбелей мировой цивилизации, кто украшен именем христианина и говорит по-арабски. И дело далеко не в одном поиске выгоды в области миграционной политики или межконфессиональных отношений. Дело и в международном имидже Родины, и в фактическом приближении России к идеалу хранительницы Православия. Дело, во-первых, в исполнении заповеди о милосердии, через что дождь милостей Божиих непременно прольется и на спасенных, и на нашу сухость.

Протоиерей Андрей Ткачев стал лауреатом Книжной премии Рунета 2013

Награждение отца Андрея Ткачева. Фото: Православие.Ру

«Шум современного мира – просто шум, люди все равно читают... В тишине».

Слова отца Андрея Ткачева, автора книги «Страна чудес» и другие рассказы», – лучший эпиграф, иллюстрирующий обстановку, в которой проходила церемония награждения независимой «Книжной премии Рунета 2013»: вокруг шумно, а внутри мир и спокойствие. Те же мир и спокойствие, что невидимо пронизывают писательские труды протоиерея Андрея Ткачева – настоятеля храма преподобного Агапита Печерского в Киеве, известного миссионера и проповедника, который специально приехал в Москву на торжественные мероприятия. Отец Андрей стал лауреатом в номинации «Выбор экспертов – художественная литература» (по неофициальной информации книга до последнего момента лидировала и в голосовании пользователей Рунета).

Высокая популярность сборника «Страна чудес и другие рассказы» среди читателей, прекрасные отзывы и огромный тираж (уже продано 120 тысяч экземпляров) отражают важную тенденцию в современном обществе – поиск, стремление человека к духовности, Богу, храму. Это показатель того, что люди повернулись к теме религиозной жизни и отношений человека с Богом, они хотят познавать незнакомый для себя мир, понимая, что до определенного времени этот мир был для них закрыт. Отрадно, что рассказы батюшки о любви к ближним, Промысле Божиим, бесконечности Божьего мира, непростых путях к Богу нашли отклик в душах читателей самого разного уровня религиозности. Особенно стоит отметить, что номинация, в которой победила книга отца Андрея, – это выбор экспертов, в состав которых вошли известные деятели культуры, актеры театра и кино, журналисты.

Несмотря на то, что «Книжная премия Рунета» – мероприятие светской тональности, с шампанским, клубникой, клубной музыкой и приличествующей в таких случаях атрибутикой, впечатления от происходящего остались самые теплые и по-домашнему уютные. Вручение премии православному священнику проходило в столичном музыкальном клубе «Jagger». Примечательно, что отца Андрея принимали здесь столь радушно и естественно, что на какой-то момент забылось, что это реальная жизнь, что в молодежном клубе мы отмечаем знаковую победу Православной Церкви в области слова и духовного просвещения. Впрочем, ничего удивительного, – наш герой вносит тепло, простоту и сердечность в любые, даже в прямом смысле слова, черные стены.

Чествование триумфаторов «Книжной премии Рунета 2013», организованной интернет-мегамаркетом «Озон», который в этом году отмечает 15-летие своей деятельности, проходило в третий раз. Сегодня Ozon.Ru – уже не просто крупнейшей в России интернет-магазин книжной, аудио и видео продукции, а особое культурное пространство с самой широкой читательской аудиторией. По словам организаторов, номинантов, гостей и друзей премии, главное достоинство холдинга Ozon.Ru – отражение реально существующего положения дел на книжном рынке и потребностей читателя.

«Культура должна быть зеркалом текущих тенденций и нужд общества, – поясняет генеральный директор «Озона» жизнерадостная француженка Мазель Гавэ. – Мы стараемся выстроить премию таким образом, чтобы она показывала то, что действительно интересно пользователям. И я очень рада, что наша премия охватывает достаточно широкий спектр читательской аудитории, ведь мы награждаем не только западных авторов. Хотя, конечно, чаще всего бестселлеры – это книги, написанные на Западе».

Отец Андрей, имеющий опыт работы на радио и телевидении, в беседе с Мазель Гавэ отметил, что у Франции и России всегда было много общего. «В советские годы у нас на телевидении были музыкальные заставки, заимствованные у французов. Например, известная французская мелодия – та-ра-пам-пам (напевает – прим. ред.) – увы, не помню точное название. Только во Франции и России рубили головы царям, оба наших флага триколорные. Дюма – один из любимейших в России детских писателей, мы выросли на «Трех мушкетерах». Улыбаясь, Мазель Гавэ на практически идеальном русском произнесла: «Во время учебы в России мне попадалось большое количество книг на французском языке в школьной библиотеке, и, вы знаете, меня всегда изумляло, как много русских людей знает французский».

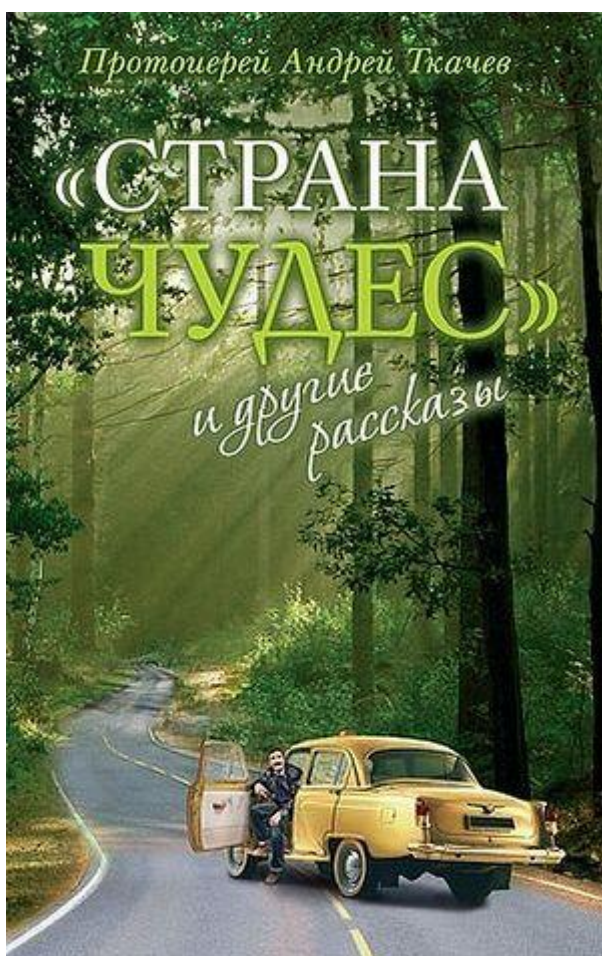
«Вначале было Слово. Поэтому кому, как не нам, священникам, писать? – произнес отец Андрей со сцены после вручения ему памятной награды в виде стеклянного слитка, диплома и букета полевых цветов, обернутого атласной ленточкой. – Кто, если не мы?» А уже после того, как церемония закончилась, добавил: «Эта номинация – большой плюс для Церкви. Я бы радовался, если бы говорил перед этой аудиторией хотя бы полчаса. На мой взгляд, если к концу жизни человек ничего не написал, то это означает, что он ничего не сказал, а слова его слова были поверхностными, не принесли плода. Если же человек говорил существенные вещи, они отслоятся, останутся и будут записаны. Если есть, что рассказать, нельзя не рассказывать!»

Когда мы говорим с аудиторией не на ее языке, мы лишаем себя потенциальной паствы. Потому что крещеных у нас больше, чем воцерковленных. Необходимо нечто, что бы трогало душу далеких от Церкви людей. К примеру, человек думает, что миром правят деньги. И когда начинаешь ему говорить, например, об обязанностях прошедших поколений, о долгах, о брошенных возлюбленных, которые остались в прошлом, о нерожденных детях, и вдруг человек начинает плакать, ты понимаешь, что достиг цели. Необходимо учиться говорить о важном так, чтобы внимательно слушал не только человек, регулярно молящийся в храме по воскресеньям, но и тот, кто не понимает, зачем вообще Церковь нужна.

Я не ставил перед собой какой-то определенной цели, когда начинал писать «Страну чудес и другие рассказы». Вот, к примеру, дети. Они же не заводятся по щучьему велению и человеческому хотению, а даются Богом. Современный человек, стремящийся быть хозяином жизни, если имеет цель завести детей – это одно. Но когда люди делят супружеское ложе и потом в ответ на эту близость Бог благословляет появлением ребенка – это совершенно другое. В одном случае человек творит нечто, не думая, что творит, пытается изобразить из себя хозяина жизни, а в другом – это так называемое естественное делание. Книги, подписанные моим именем, рождались именно таким образом. Я писал, что-то слепливалось, редактировалось, отмежевывалось. Не было такого – а дай-ка я напишу книгу. Главным посылом был постулат – если есть, что рассказать, нельзя не рассказывать.

Вообще письмо – это признак глухонемого мира, оно используется как инструмент в тех случаях, когда люди не могут договориться, достучаться, докричаться друг до друга. Если бы мы могли это сделать, мы бы ничего не писали – просто говорили. Письмо – некий способ передачи мысли на расстоянии, обусловленный немотой современного общества. Люди много говорят, но порой такую чушь несут, что лучше б молчали. Мы пытаемся слушать друг друга, но на самом деле ничего не слышим. Поэтому письмо – это умножение книг, косвенное подтверждение одиночества и отчужденности.

Когда ты пишешь что-либо – это всего-навсего, как если бы ты рассказал друзьям за кружкой эля или у камина зимним вечером. Но вот только друзей нет, камина нет, эль выпит. Понимаете, человеку не нужно ехать в Иерусалим, чтобы знать, что Христос воскрес. Не нужно залезать на гору, чтобы сказать: “Ой, как красиво, слава тебе, Господи!”

Своей книгой я хотел обратить внимание человека на повседневные чудеса, которые нас окружают повсюду. Я опасюсь прямого влияния на читателя, проповедничества. Современный человек не любит, когда ему все разжевывают. Поэтому очень важно было оставить свободу читателю – это главное, мне думается. Я рассказал историю – почитай и подумай. Коснулось, заплакал – замечательно. Не тронуло – ну, значит, не созрел вопрос. Ведь в чужой истории зачастую есть и ответ на твой вопрос. Но если вопроса нет, то история не отвечает. Поэтому-то в человеке и должен созреть вопрос».

Появление в светской премии религиозной литературы второй год подряд и тем более тот факт, что наградами отмечены книги, написанные православными священниками, становится положительной тенденцией, которая иллюстрирует потребность людей в духовном просвещении.

«В прошлом году я вручала премию архимандриту Тихону (Шевкунову), – рассказывает Маэль Гавэ. – Для меня это был трепетный момент, потому что его книга “Несвятые святые” оставила след в моей душе. Моя мама католичка, я выросла в католической вере и вопрос религии очень важен для меня. В свое время я изучала русский язык в детском доме, которым управлял православный батюшка. Мне кажется, католичество и православие не так далеки друг от друга. Мы верим в одного Бога, используем одну и ту же книгу – Библию. Религиозная литература в основе своей очень русская, эти тексты говорят по-русски. И это очень хорошо, я считаю. Их даже переводить не стоит, на мой взгляд, поскольку теряется что-то в любом случае при переводе. Очевидно, что сегодня имеется большая потребность в религиозной тематике на книжном рынке. И для нас важно донести до аудитории, что сейчас в России большой процент населения заинтересован именно в книгах духовного содержания. Это показатель того, что Церковь не

потеряла своего влияния, люди принимают посыл, который она хочет передать человеку, и желают иметь православную литературу на своей книжной полке. К сожалению, я еще не успела прочитать книгу отца Андрея, но обычно я покупаю книги на Ozon.Ru (улыбается – прим. ред.) и читаю их постфактум. Из семнадцати книг-номинантов я не прочитала четыре, но надеюсь восполнить этот пробел в ближайшее время».

Страна чудес, о которой пишет отец Андрей – это наша внутренняя духовная жизнь. Когда человек понимает, что Бог участвует в его жизни, он начинает видеть чудеса в своих повседневных занятиях, взаимоотношениях с людьми. Начинает понимать указания Божия, отблеск божественной славы. По словам отца Андрея, мы все пребываем в стране чудес. «Человек ежедневно превращает невидимое в видимое, когда невидимое приобретает видимые очертания, – говорит батюшка. – Мы обладаем невидимыми мыслями и превращаем их в видимые дела, разве это не чудо? Человек поистине граница двух миров».

«Эта страна чудес рядом с нами, просто зачастую мы не ее замечаем, – рассказывает руководитель издательства Сретенского монастыря иеромонах Симеон (Томачинский), приехавший на церемонию поддержать отца Андрея. – И вовсе необязательно проваливаться в кроличью нору, как Алиса из Зазеркалья, чтобы оказаться в этой дивной стране. Нужно обратиться к Богу, и чудеса действительно начнут совершаться».

«Я очень рад, что именно эта книга была так высоко оценена публикой, – также отметил отец Симеон. – Я почитаю отца Андрея как замечательного автора, художника слова, примера в этом отношении для священников и всех пишущих людей, потому что ежедневно он пишет по две, а то и три статьи или эссе. Это притом, что он человек семейный, воспитывает четырех детей. И не просто формально пишет, а всегда в текстах отца Андрея присутствует свежая мысль, оригинальный взгляд, нестандартный подход к известным предметам. Поэтому его всегда необыкновенно интересно читать. Сборник “Страна чудес и другие рассказы” очень хорошо сложился: здесь есть и притчи, и рассказы, и небольшие очерки. Отец Андрей действительно открывает читателю страну чудес, которую многие из наших соотечественников обнаружили для себя после знакомства с книгой архимандрита Тихона “Несвятые святые” и теперь рады продолжить это общение с помощью книги отца Андрея».

Сегодня полки книжных магазинов буквально ломятся от изобилия литературы различной духовной направленности. Вперемешку с православными изданиями лежат книги по эзотерике, астрологии, нумерологии, хиромантии и т.п. «Действительно, традиционные книжные магазины практически не умеют работать с православной литературой, не знают, как правильно ее подавать, продвигать, делать выкладку, – говорит отец Симеон. – Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность холдингу ozon.ru за то, что они одними из первых на книжном рынке развели понятия православия и эзотерики, нашли правильные маркетинговые механизмы для того, чтобы заинтересовать читателя православной литературой. И делается это не искусственно, а на самом деле отражается реальное состояние умов на сегодняшний день. Чувствуется, что в “Озоне” ориентированы не только на зарабатывание денег, – здесь любят и ценят тот продукт, который предлагают читателю».

«Для меня вручение этой премии нашему автору, – подытожил отец Симеон, – не просто галочка в издательской деятельности, а показатель разворота общества в сторону духовных вопросов, в сторону тех авторов, которые заслуживают того, чтобы их искали, изучали, обсуждали, даже спорили с ними. Отец Андрей написал множество книг, рассказов, статей, и очень приятно, что именно благодаря сборнику “Страна чудес”, вышедшему в нашем издательстве, он, наконец, стал известен широкой аудитории. Это означает, что ему удалось проложить дорогу к сердцам людей».

Гражданское общество

У русских есть вечное недовольство государством. Русские – несомненные государственники. Иначе бы не создали империю. Но русские еще и анархисты. Им вечно «государство – не то», и «всюду измена».

Амплитуда колебания этих «качелей» такова, что Бакунин с Кропоткиным и Пугачев с Разиным Сенькой внутрь легко помещаются. На кону вопрос о гражданском обществе. Оно призвано уравновесить авторитарность государства и отобрать «на местах» руководящую роль во многих областях жизни. Предлагаю вопрос о месте церковного прихода в создании гражданского общества.

Если люди борются с «мигалками» и ставят чиновников на место, это – гражданское общество, «пришедшее в силу». Если люди убирают парки от мусора, брошенного кем попало и где попало, это – реально доброе дело, для которого нет статьи в бюджете. И так повсюду. Время хочет и требует активного человека, но не взбудораженного плебея, а сознательного гражданина. Замечаете разницу?

Народ все еще довольно пассионарен (спасибо Гумилеву за термин), то есть – страстен, жив. Это удивительно, что после войн и революций, голода и коллективизаций, «философских пароходов» и обязательного атеизма, народ все еще активен и жив. Это чудо, господа! Предлагаю снять головные уборы и перекреститься!

За эту энергию все еще живых народных масс ведется возня-борьба между политиками. Кто волну оседлает? Кто на коне въедет в некий дом с колоннами? В дом, где рядом стоят все правительственные телефоны + чемоданчик с кнопкой. Господа, уверяю – большинство борцов за триумфальный въезд – негодяи! Клейма ни на ком нет, и разобраться трудно. Но давайте отойдем от вопроса выборов «хорошего царя». Все равно нам предложат кого-то завербованного американским Госдепом. Таковы теперь Пугачевы. Они крест кладут по-старообрядчески и широко, у них риторика народных освободителей, но в кармане у них – телефон с роумингом за океан. Оттуда и директивы. Плюньте на них, господа, братья и товарищи. Плюньте слюной, как плевали до эпохи исторического материализма.

Гляньте, православные, лучше на собственные приходы. Разве это не возможная платформа для гражданского общества? Если мы вокруг своих приходов территорию уберем, это разве не «оно»? А если мы своих одиноких стариков на частичное (хотя бы) довольствие поставим, разве это не «оно»? Ведь нас – миллионы! Было бы нас только два процента населения, то и тогда мы могли бы сказать: «Вокруг нас чисто. Вокруг нас – мир. Дети наши присмотрены, старики ухожены. Чем мы не гражданское общество или часть его?».

Любая социальная нагрузка на приход (дом престарелых, тюрьма, порядок в парке, etc.) есть гражданское общество, явившее себя не через секулярные механизмы, а через евхаристическую общину.

Таким образом, задача такова: простое хождение в храм «свечки лепить» нужно превратить в реальное евхаристическое, молитвенное братство. Появление очередного

такого братства означает появление очередной дееспособной гражданско-общественной единицы. Это – община людей, способных к коллективному труду на общую пользу.

Прилегающая территория и ее чистота – наше дело. Полезный досуг нашей молодежи – наше дело. Братская взаимопомощь, поддержание многодетных – тоже наше дело. И так далее. Ждать «добротного царя» это занятие Ассоль, для которой аналог царя – алые паруса на морском горизонте. Хотите ждать – ждите. Но тогда не брюзжите. Хотите не брюзжать – действуйте, исходя из возможностей приходской жизни, если вы, конечно, прихожанин (- ка) и христианин.

Пробуждение народа бывает бунтарское и неистовое. Только такие пробуждения у нас до сих пор и случались. Но пробуждение может быть творческим и внимательным к мелочам. Не так, чтоб сразу весь мир перестроить, а так, чтобы забор для начала покрасить и научиться «здрасьте» говорить. Покрасить забор, это ведь тоже христианское воздействие на мир. Это воздействие с целью умножения красоты и порядка. А значит, рано или поздно – правды и истины.

Русские, сказали мы в начале, многим недовольны. Государством – в частности. «Как-то не так все. Косо, медленно, неправильно и брехливо». Правда? Но ведь собой самим я тоже не доволен. Брехливо живу, косо живу и неправильно. Надо меняться. Это – аскетический момент в нашем мировоззрении. Мы на него съезжаем всякий раз и им оканчиваем. Мол, займись собой. Читай – «заткнись».

Заниматься собою, не спорю, надо. Всю жизнь надо. Но если все, кто способен к благой активности, будут только заниматься собой, то внешние рубежи будут неизбежно отданы негодям, не имеющим понятия о внутренних усилиях и о муках совести. Согласитесь – страна аскетов, «занимающихся собой», оккупированная при этом бандой бессовестных деятелей, устраивающих жизнь по своим безбожным чертежам – это наш портрет. Ладно – портрет прошлого. Это больно, но с этим можно жить. Но портрет будущего – увольте. Опять – бегом по кельям, а жизнью пусть правят Чичиков, Ноздрев и Собакевич? Я не согласен. Я за то, чтобы гражданское общество уравнивало государственную тяжелую машину. Но это еще не все. Я за то еще, чтобы изрядную долю (лучше – львиную) гражданского общества составляла именно активность живых православных приходов; активность, от избытка выплеснувшаяся наружу.

Мечта это или конкретные наброски будущей реальности – жизнь покажет. Нужны творческие идеи и такие же творческие призывы. Например: «Перестань ныть! Сделай жизнь лучше (чуть-чуть). Ты можешь!»

Батюшка — негр

Когда храм наш помещался еще в заброшенном здании морфокорпуса, среди пономарей прихода был раб Божий Саша. Случилось ему сменить со временем место жительства и поселиться там, куда Макар телят не гонял – в самую Америку. Разумеется, ту, что Северная, и ту, что соединила полсотни штатов под одним звездно-полосатым флагом. Приехав, спустя некоторое время, домой на побывку, рассказал он нам в храме интереснейшую историю об одном священнике. Тот – негр и бывший проповедник какой-то протестантской церкви, увидел однажды икону Моисея Мурина в Православном храме. Вот так шел мимо, услышал непривычное пение, заглянул в двери, а там – лампы, сизый кадильный дым... Интересно стало. Там и увидел икону чернокожего святого. «И что», — говорит после службы, — «у вас есть святые негры?». Ему отвечают: «Есть», и присовокупляют историю о самом преподобном Моисее: как он разбойничал, как

покаялся, как не считал себя за человека и смирялся перед всеми, как принял насильственную смерть в конце концов, расплатившись кровью за прежние разбои. Чернокожего проповедника все это очень «зацепило» за душу («нам не дано предугадать...»), и он начинает копать. Докапывается до Православной веры, принимает ее, становится священником и начинает служить. Предки этого чернокожего батюшки были рабами. Он даже создал музей рабства, в котором показывает желающим реальные кандалы и ошейник, которые носили когда-то на себе его деды или прадеды. То есть человек он, к расовым проблемам не безразличный. И получается так, что почти весь приход у него состоит из белых, а он – чернокожий. Тест, надо сказать, еще тот на смирение. Тайный расист может жить в глубине души самого благодушного филантропа. А нужно ли доказывать, что благодушные филантропы не составляют в человечестве большинства? И в той же Америке еще во второй половине прошлого столетия не во всякий ресторан мог войти чернокожий и не на всякое кресло в автобусе сесть. И вот белая паства принимает Слово и Таинства от цветного пастыря, и сам пастырь не весть что переживает в душе, когда надевает епитрахиль и выходит на проповедь или на исповедь. По мне — очень трогательная история из современной жизни Церкви, которая со временем все более перестает носить узко-этнический характер.

Церковь перестает быть религиозным довеском к национальности. Она исчезает или сокращается в размерах там, где к ней привыкли, и появляется там, где вчера еще ее не было. «Если русский, значит православный», — это уже, горюй — не горюй, не рабочий лозунг. Русский может быть и атеистом, и кришнаитом, и мусульманином. А православие может исповедовать афроамериканец, филиппинец и кто угодно. Готовы ли мы к такому развороту событий? Очевидно, не готовы.

Мы, переставшие рожать и не шибко усердствующие в трудах праведных, видим, как жизненное пространство, освоенное за минувшие столетия предками, заполняют и осваивают сыны чужих народов. К этому частично привыкли. Но с этим не смирились. Это раздражает. Но мы пока не еще не увидели, как вместо нас, разучившихся молиться, наше место в храме занимают те самые сыны иных народов, которые нас раздражают. Это будет пощечина более звонкая. Рассудим.

Православие вера одного народа или всех? Одной расы или всего человечества? Конечно, всего человечества. Свет Истинный просвещает всякого человека, грядущего в мир. Если Православие имеет вечную ценность и обращено ко всем, то может ли оно навеки закрепиться за отдельными народами и только за ними? Нет, и сто раз – нет! Окажешься ты недостойным сокровища, его другим отдадут. Получается, что националист может временно радоваться об отсутствии негров и китайцев в наших храмах и кричать против их присутствия. Ну а православный, уж и не знаю, что должен об этом думать. По-хорошему, мы должны желать всем спасения и познания Христа. Я уверен, что белый

собрат, говорящий со мной на одном языке, но безразличный к Господу Иисусу Христу, дальше от меня, нежели чернокожий собрат, говорящий на другом языке, но Господа любящий. Такова логика веры. И мы должны скорбеть о малой церковности нашего народа, понимая, что при отсутствии добрых плодов, Хозяин виноградника волен отдать его кому захочет.

Времена самохвальства прошли, а времена безутешного плача еще не наступили. Наступило время осмысления жизни и серьезных трудов. Представьте себе, попробуйте сердцем понять тот ужас, и шок, и метафизическую обиду евреев, которые столетиями гордились уникальным избранием, и вдруг уступили первенство множеству народов, на которые раньше смотрели сверху вниз. Мы поймем этот ужас, когда представим, что дети Индокитая, Азии и Африки, приехавшие к нам, не просто будут жить рядом, не просто составят большинство, а еще и уверуют в «нашего» Господа, придут в наши храмы и составят большинство даже и там! На исповеди вас будет ждать чернокожий батюшка, а на венчании встретит скуластый и раскосый священник. И все они будут Православные, а все это будет и благодатно, и Богу угодно. Только вот ни вы, ни я к этому готовы не будем и выбежим, чего доброго из храма – в частности, и из Церкви — вообще!

Вот будет оплеуха народу-Богоносцу! А между тем, по требованию христианской совести и по действию Духа Святого, мы обязаны радоваться каждому обращению ко Христу не белого, не русского человека! Мы должны и желать этого, и содействовать этому. Так не стоит ли озаботиться тем, чтобы народ наш не прекратил быть народом христианским, не утратил самоидентификации! Ведь эта утрата лица будет одновременно утратой единственного народного и исторического сокровища.

То, что я говорю сейчас, имеет свойство действовать, как душ Шарко. Он и холодный, и колючий. Но говорить надо. Когда апостол Павел говорил своим сродникам по плоти, что язычники, не искавшие Бога, познали Мессию и пришли к Истине, а они – Израильтяне – ослепли и ожесточились, то он, Павел, раздражал и дразнил своих братьев по плоти. Этим раздражением он будил в них благую ревность. Он словно говорил: «Вы – сыны пророков, родственники Моисея, Давида и Самуила, потеряли первородство, отсечены, как ветвь. Покайтесь!» Так же можно сказать и нам: «Вы, бездумно повторяющие слова о Святой Руси и ничего не делающие для ее реальной святости, скоро увидите новые миллионы людей, пришедших с севера и юга, и не просто живущих на земле ваших отцов, но и лучше вас ее обрабатывающих, лучше вас молящихся Богу и более вас твердых в вере! Какую песню тогда запоете, и на каких масонов свалите вину за свое бездействие?» Эти слова должны раздражить нас, как раздражило евреев призвание язычников к Богу Авраама, Исаака и Иакова. Но раздражить не так, чтобы метнуться в бритоголовый расизм с элементами футбольного фанатизма, а так, чтобы мы выросли в вере и ради умножения веры без лени потрудились. Не брюзжать нужно по поводу храмового строительства, а этому строительству содействовать. Не скептические реплики отпускать по поводу преподавания Православной культуры в школе, а вложить лепту в это преподавание. И так во всем.

Ну а так, если разбросить население Земли по цветам кожи и представить, что все люди планеты уверовали в Христа Спасителя, то получится следующая ситуация. На репрезентативной службе из условных ста человек будет тридцать китайцев, тридцать индусов, десять негров, десять арабов, десять латиноамериканцев. Ну, и десять белых европейцев. Сколько среди них будет русских? Один-два от силы. То есть количеством мы не возьмем и шапками никого не закидаем. Придется количественную убыль компенсировать качественным ростом. Ну и не забывать, что мир меняться будет и дальше, и нужно быть к этому готовыми.

Культура

Докопаться до истины можно только, справляясь с древними. Жаль до крика, но современность слишком ничтожна. И вот я вынужден заезжать издалека, и приплетать к своей речи в качестве затравки Конфуция. Это мог бы быть Платон или Аристотель, но... Современное изобилие китайских товаров, плюс – раболепство перед товарным производством, заставляют уважать древнюю китайскую мысль. Итак, Конфуций – среди прочего — говорил, что словам нужно возвращать первоначальный смысл. От этого зависит, без малого, жизнь мира. Привычно пользуясь словами, мы часто вовсе не понимаем их смысл, или, что хуже, употребляем их превратно. И мне хочется говорить о слове «культура». Это затасканное слово, подобно слову «любовь», к какому только забору ни прислоняли. Между тем, с этим словом связано многое важное, касающееся, опять-таки, многих.

«Культура» есть понятие всеобъемлющее. Оно включает в себя способы приготовления пищи, выделку одежды, брачные ритуалы, неписанный зачастую, но строго соблюдаемый, кодекс отношений между мужчиной и женщиной, стариком и юношей. Культура в широком смысле охватывает собою все бытие человека. Именно – бытие, а не бывание, поскольку «бывание» может быть всяким, и следа в истории часто не оставляет. «Бытие» же по определению серьезно, и след оставляет всегда. Повторюсь — речевой этикет, способ обработки земли или, наоборот, запрет на ее обработку, отношение к рождению и смерти – это, плюс многое другое — культура.

Но как относимся к этому слову и понятию мы? Мы за культурой привычно закрепляем такие явления, как балет, оперу, живопись, поэзию и литературу, архитектуру. Всякие остальные вещи мы смело отметаем в область «фолка». Гончар, выделывающий горшок, это «нечто» из разряда «этно», а вот ария Кармен на сцене Большого, это уже – «культура». Многие полезные и прекрасные вещи мы относим к разряду бытовых занятий, но никак не уделяем им возвышенное имя «культуры». Это, как водится, хорошо и плохо одновременно.

Плохо, потому что нельзя пренебрегать усилиями прачки и стараниями белошвейки; потом каменщика и слепнущими глазами часовщика. Все названные – полезнейшие люди, без которых не заселится город. Без них и таких, как они, нет повседневности. Почему, и вправду, баба, поющая при сборе урожая, это – не культура, а та же баба, но одетая в шелка и поющая со сцены – культура? Ну, скажут, репетиции, оркестр, репертуар... Гуно, Верди, Перголезе... Но это ничего не объясняет, а только запутывает дело. Критериев-то нет. Прачки бывают голосистее оперных див, искренности в пении у них можно занять,

тексты, опять-таки, апробированы столетиями. Так что можно спорить. Спорить, снова повторяюсь, о критериях.

Почему без чего-то можно жить и это – «культура», а без чего-то нельзя жить, но это – «не культура»? Вот без хлеба нельзя жить, но пекарь – не человек культуры, зато без оперы или органа можно прекрасно прожить, но органист или Карузо – это культура! Нонсенс? Дискриминация? Интересно, что сами люди «культуры» ничего вам внятного по этому поводу не скажут. Вся «королевская рать» оперных певиц, режисеров, артистов, сценаристов, поэтов, либреттистов... вам ничего не скажет по этому поводу. Все они будут что-то жевать губами и плавать в расплывчатых (пардон за тавтологию) понятиях. А Церковь может кое-что сказать об этом.

Дело в том, что те культурные явления, которые мы по умолчанию признаем за «высокую культуру», есть не что иное, как внуки воцерковленных видов искусства. Церковь долгими столетиями воцерковляла пение, поэзию, архитектуру, резьбу, философию, живопись. Что-то (например – танцы) так и не воцерковилось, оставшись в тени неистребленного язычества. А многое очень даже воцерковилось, родив храмы, витражи, органную музыку, тонкую скульптурную резьбу, икону, поэтические тексты. Психоанализ, и тот – сын исповеди. Куда ни ткнишь, в пространстве европейского (издыхающего) мира найдешь живых потомков прежних глубоко церковных эпох. Итак, вывод: мы называем именем «культуры» то, что сохраняет генетическую связь с воцерковленными видами деятельности. Театр – сын Церкви, поскольку в нем живет стремление к назиданию, к проповеди, к обличению порока и восхвалению добродетели. Живопись – дочь Церкви, поскольку она хочет облечь мысль в краски и молча проповедовать. Музыка – дочь Церкви, ибо она сестра математики и внучка молитвы. Все, что пока еще заслуживает высоких имен, сохраняет не очевидную, но тайную и реальную связь с минувшими эпохами вездеприсутствия Церкви. Дальше думайте, пользуясь аналогией.

Эх, знали бы это все без исключения оперные певцы и их аккомпаниаторы! Знали бы это все сценаристы и труженики пера!

Теперь зададимся рядом простых вопросов. Какая культура – друг Церкви сегодня? «Высокая» или повседневная? Стоит ли видеть союзников в специалистах по вышиванию крестиком или скифском способе стирки пеленок? А дирижер симфонического оркестра всегда ли враг веры, или иногда – ее друг? Залет в облако подобных мыслей есть головокружительное приключение. Никогда не знаешь – до чего додумаешься.

Воцерковление быта есть путь в пропасть, ей же имя – «тупик старообрядчества». Мы именно этим грешим на каждом шагу: так оденемся, а вот так не одевайся; это из дома вынеси, а вот это в дом внеси. И так далее. Это – бездна, это – пропасть. Это – увязание в тысяче мелочей, которые не спасают. Зато воцерковление всего, что связано (пусть очень дальней связью) с Церковью, помогает спастись. Это в 19-м веке дирижер столичного театра мог быть атеистом, зато крестьянин Орловской губернии – сиять верой. Сегодня крестьян в Орловской губернии может не найтись, а те, что есть, могут оказаться вовсе чуждыми Богу. Зато дирижер столичного театра с большой степенью вероятности может оказаться любителем Богослужения и истинным христианином. Все поменялось и бестолку с этим спорить.

Итак, воцерковление быта – бесполезная утопия. Во всех уголках мира быт может быть разный, но вера должна быть одна. Культурное же поле – друг наш и нива наша. Это поле – кусочек древнего, огромного поля, возделанного Церковью. В русской крови находим,

напротив, интересный микроб. «Быт воцерковлять, а на культуру плевать!», — таково его имя. Юбки, платки, лапти, занавески — все это попадает в поле живого интереса. Зато книга, витраж, стихотворная строфа, кусок литературного текста проходят мимо. Мимо проходит музыка, философская мысль, логика, как искусство. Выходит — разговор заведен не праздный, и прав далекий китайский друг по имени Конфуций. Мы называем «культурой» одно, а внимание уделяем совсем другому. И сама культура у нас бывает неким подобием седла на корове, поскольку не интересно все это многим людям: почто негр Дездемону задушил, или чего ради Орфей в Ад спускался.

У нас в случае веры — разновидности неистребимого старообрядчества, то бишь цепляния за мелочи. В случае же безверия — фольклорное самодовольство и пляски в шароварах. Это наше «культурное» лицо. Все остальное, исключая радужно-сатанинский мейнстрим больших городов под Западную дудку, в загоне. В том же загоне, собственно, и Церковь, если считать по верующим, а не по крещеным. Вывод один: не надо заматываться в платки. Надо читать книги. Не надо пить валидол по поводу не очень традиционных одеяний. Нужно думать, учиться говорить и показывать собеседникам путь. Во главе процесса хорошо бы быть священникам, чье присутствие на театральных премьерах и выставках живописи должно быть таким же естественным, как присутствие первых лиц государства на каких-нибудь знаковых футбольных матчах.

Одним словом, попробуйте оценить себя с точки зрения «культуры». Большинство скажет: «Я человек культурный: в носу при всех не ковыряюсь, ветры в обществе не пускаю, своей вилкой в общий салат не лазаю». Другой скажет, что он Шульберта лично знает и однажды на Лебединое озеро ходил. Какое озеро он при этом имел в виду — вопрос. Третий будет петь коломыйки и лепить свистки из глины, в чем будет видеть великую аутентичность и «наш ответ глобальному Чемберлену». Но все это, плюс многое другое — чушь. При чем — чушь полная, кремешная, патентованная, к культуре подлинной, к «возделыванию» никак не относящаяся, и этого имени не заслуживающая.

Культура — это всеобъемлющее понятие — вторая природа, без которой, в одной только «первой» природе не может жить человек. В ней — культуре — нужно разделять и различать то, без чего можно прожить, и то, без чего — нельзя. А потом нужно различить то, что Церковь когда-то облобызала и признала своим, и то, что Церковь не признала. Казалось бы — можно прожить без философии. Лишь бы хлеб в магазин привозили и «Скорая» на вызов появлялась. Но человеческая жизнь тем и парадоксальна, что «Скорая» не хочет ехать туда, где нет философии, и хлеб не привозят туда, где презируют знание. Так и Осия говорил: «Отвергнут будет народ за недостаток ведения». То, что церковь облобызала, не намажешь на хлеб. Но это именно то, благодаря чему хлеб растет на полях и печется в пекарнях. За непонимание этого невидимого факта всякий народ, гордящийся именем христианского, будет наказан. Наказание — лишь вопрос времени.

Издалека зайдя, я далеко зашел. Но напоследок скажу главное: ищите, прошу вас, следы присутствия Христа во всем, что видите и слышите. Бегите прочь оттуда, где нет Христа, но есть вражда к Нему. Туда вникайте, где Сам Христос открыто не проповедуется, но тайно обретается для умов внимательных и пытливых. Кажется, пока все.

Конец восьмидесятых

Холодный ветер конца 80-х обрывал с деревьев за окнами последнюю жидкую листву. В университетской аудитории ярко горели лампы дневного света, и пожилой профессор читал лекцию по истории искусств. Студенты делились условно на три неравные части: на тех, кто слушал, на тех, кто делал вид, что слушал, и на тех, кто спал.

«Друзья мои, живопись, как сказал один известный художник, это река, в которую можно войти на любом отрезке ее берега. В известном смысле мы смотрим на произведение искусства, но и оно, бывает, смотрит на нас. Прошу вас заметить, что во встрече двух внимательных взглядов есть нечто религиозное. Мы с вами чужды религиозных предрассудков и знаем, что материалистическое учение верно. (Портреты теоретиков марксизма-ленинизма со стен смотрели взглядом победителей). Но мы должны быть внимательны к той психологической глубине, которая выражена религиозным языком за долгие минувшие столетия. Не разделяя предрассудков, мы все же способны оценить психологизм. Когда человеку минувших эпох было стыдно, он переживал это как взгляд Бога в его душу. Это как если бы человек был не одет и вдруг застигнут строгим взглядом, или, что еще хуже, пойман на месте преступления. Еврейская религиозная поэзия, известная миру под именем Псалтири, говорит Богу устами царя Давида: «Отврати лицо Твое от грехов моих». Перефразируя эти слова, мы можем сказать, что Давид просит Бога: «Отвернись. Не смотри на меня». Всюду нас должны интересовать глаза, встреча глаз Бога и человека, человека и человека, я бы сказал – диалог глаз. Вот, к примеру, картина Репина «Отказ от исповеди». Слайд, пожалуйста»

В аудитории погас свет, и на экране появилась картина. Старый священник с крестом, изображенный со спины, и перед ним изможденный, но не сломленный чахоточного вида молодой человек на тюремной кровати.

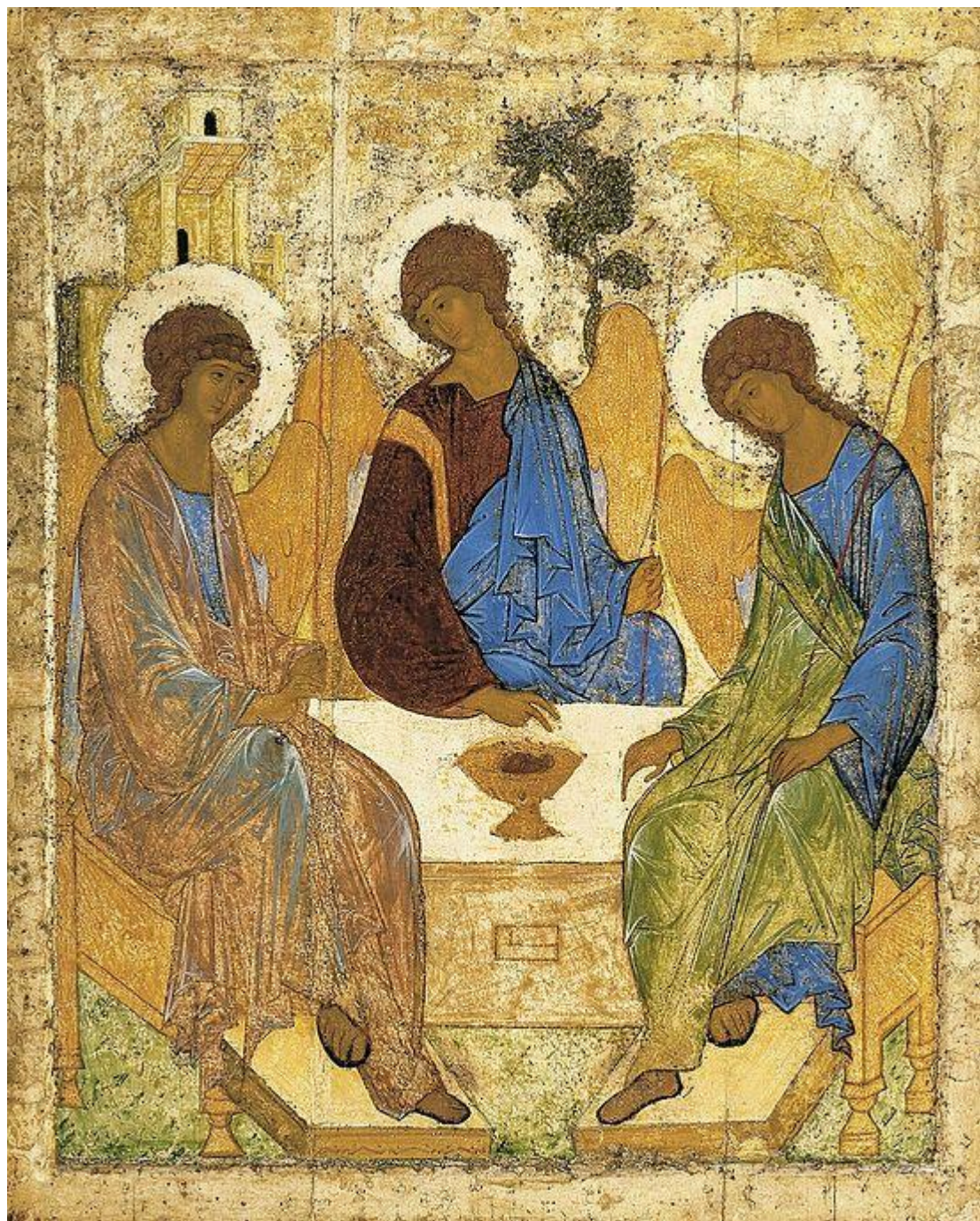

Отказ от исповеди. Художник: Илья Репин

«Эту картину Репин писал долго: с 1879 по 1885 год. Сначала это был акварельный набросок, потом зрелое полотно. Толчком к написанию послужило стихотворение поэта Минского, напечатанное в нелегальном журнале “Народная воля”. Картина была высоко оценена современниками. Например, Стасовым. Революционер, как видим, бескомпромиссен, смел. Перед ним будущее, которое он уже предвосхищает своей пламенной верой. А священник слаб, хотя на его стороне вся сила государственного устройства. Он представляет отживающее прошлое. Мы не видим его глаз, но знаем, что он готов отвернуться от смелого взгляда молодого человека, непреклонно готового страдать за народное счастье. Прошу заметить, что это в некотором смысле религиозное полотно. Здесь есть идея искупления, страдания за людей. Эта идея воплощена в красивом и смелом молодом и несгибаемом борце. Внимательно взгляните в эту картину»

Несколько заспанных лиц оторвались от парт, чтобы приобщиться к искусству. Профессор продолжал.

– Следующий слайд, пожалуйста!

Троица. Иконописец: прп. Андрей Рублев

На экране появилась Рублевская «Троица».

«А вот еще одно великое произведение. Перед нами одна из самых известных икон христианского мира. Изображен мифологический сюжет встречи Авраама с Богом незадолго до разрушения Содома. Русский иконописец убрал обычные для этой иконографии детали, такие, как Сарра, смеющаяся на заднем плане, сам Авраам, его слуги и так далее. Автор приблизил трех Ангелов к зрителю и дал нам великолепной красоты и насыщенности внутренний диалог между ними, диалог глазами. Получилось то, что потом богословы назовут изображением так называемого Предвечного Совета. Увеличьте, пожалуйста, изображение. Диалог происходит главным образом между средним Ангелом и тем, что слева. Мы можем предполагать, что средний Ангел представляет нам Сына Божия, как Его называет Христианская Церковь, то есть Иисуса Христа. За Его спиной – дерево, что есть прозрачный намек на Древо Крестное, то есть на орудие казни. Левый же Ангел – это, скорее всего, Отец, Который посылает Сына в мир для Искупления. Мы пользуемся в силу неизбежности самым широким набором христианских специальных терминов, и если вам не понятен смысл отдельных слов, я просил бы вас справиться с их значением в словаре атеиста, который вам выдавали на первом курсе. Итак, продолжим»

«Отцу жалко Сына, и Он словно опускает взгляд. Но у них есть общее дело – спасение людей, и Сын готов идти, зная, что Его ждет. Знаком будущей жертвы является Чаша, которую благословляет средний Ангел. Вообще образ очень насыщен смыслами. Отдельного разговора требуют детали одежды и их цвета, повороты корпуса, задний план: горы, дом и прочее. Но мы обратим внимание на глаза среднего Ангела. Он согласен страдать и идет на страдание. По сути, перед нами та же религиозная идея Искушения, что и на картине Репина, только дана она не реалистически, а средствами средневековой мифологии, свойственной XV веку. Дайте, пожалуйста, оба слайда вместе»

«Троица» и «Отказ от исповеди» стали рядом, и еще несколько голов оторвались от парт, глядя на экран.

«Теперь я предлагаю вам молча всмотреться в эти великие творения и сравнить их. Вы можете найти идейное сходство и, очевидно, ряд существенных отличий. И там, и там перед нами жертвы, добровольные страдальцы. У них нет личных эгоистических целей. Оба думают о других и жертвуют собою. И там, и там они взглядом говорят о том, что переполняет их сердца. Давайте всмотримся в эти взгляды»

Студенты смотрели. Главным образом – на Троицу. А голос профессора продолжал, но это уже был фон к тому главному, что уже было произнесено.

«Вообще умение смотреть и видеть есть одно из самых главных умений человека разумного. Мы на многое смотрим, но гораздо меньше видим. Отличительное свойство живописи, как искусства, есть, я бы сказал, молчаливое говорение. Прошу это заметить. Обмен идеями, диалог происходит, но слова не произносятся. Это беззвучный, но очень насыщенный разговор. Кстати, в русской средневековой культуре он носит преемственное имя “исихазма”, взятое из Византии. Человек молчит от избытка умной деятельности, а не от скудости. Об этом вы будете слышать на обзорных лекциях по истории византийского монашества»

Идущий на смерть за народное счастье молодой революционер гордо смотрел на слегка оробевшего пожилого священника. Отец, сострадая Сыну и опуская глаза, спрашивал: «Пойдешь?» «Пойду, – отвечал Сын, – пойду исполнить волю Твою». Несколько десятков пар молодых глаз смотрели на светящийся посреди кафедры экран. И Маркс смотрел со стены, понимая, что только его вчистую «объегирили».

На улице холодный ветер обрывал с деревьев последние желтые листья и трепал красные транспаранты с надписью «Слава труду!».

Заканчивались восьмидесятые годы.

Деньги. Тяжелая тема

Тема денег — тяжелая тема. Хотя они уже не только металл, но чаще — бумага, а то и виртуальное нечто, посредством карточки действующее в мире, но тяжесть не уменьшилась.

Когда дышит Дух, то гнилье сгорает и ветошь рассыпается. Жил человек с грехом пополам и с беззаконием в обнимку и думал, что все можно купить. А для того, чтобы все купить, только и делал, что собирал да накапливал. Потом, если он к Богу обратился и ощутил, что есть иная жизнь, что будет с тем, что собрано и накоплено? Кто его знает: всяко бывает. Но часто бывает именно так, что плохо собранное рассыпается прахом и сгорает, как мусор. Это — особое благословение Божие, которое трудно понять и нелегко принять. Но ведь сжигают же зачумленную или вшивую одежду. Как же Богу хранить близ тебя, на тебе и с тобой все, во что микробом впитался грех?

— Я к Богу пришел, а у меня стал бизнес по швам трещать.

— И я к Богу пришел, и половина проектов медным тазом накрылась.

— И я...

— И я... Еще и прихварывать начал.

— А у гадаринских жителей, у тех вообще все свиньи в море с обрыва побросались.

Да и не только свиньи у гадарян пропали. Всюду, где апостольская проповедь разразилась громом над людскими головами, началась перемена хозяйственной деятельности и убыток у тех, кто грехом зарабатывал.

Вот Павел в Филиппах изгнал беса из некой служанки-прорицательницы. И что после этого было? А вот что. «Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам» (Деян. 16:19). «Исчезла надежда дохода», и «воеводы, сорвав с них (апостолов) одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их» (Деян. 16:22).

Заговорили апостолы, умолкли демоны, и тут же завопили те, кто имел от демонской деятельности доход. При этом разрушается не всякая хозяйственная деятельность, а только та, которая на грехе замешана. Ведь чуть ранее в той же главе пишется об одной из первых женщин, уверовавших по слову Павла. «Одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая

Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня» (Деян. 16:14–15). Очевидно, то была благая торговка, умевшая дело вести и совесть не погубившая.

Примеры можно продолжать выискивать ради пользы души и целостности картины. В Эфесе после проповеди апостольской «из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне» (Деян. 19:19). В металлическом эквиваленте сумма равна нескольким центнерам серебра. Да и книги те — это не книги нынешние. При дороговизне материала и переписке от руки они представляли собой подлинную драгоценность. Так что нам сегодня и сравнить не с чем ту беспрецедентную решимость эфесян расстаться с носителями греховной информации. Приходит новая жизнь, и умирают старые понятия, а вместе с ними умирает и привычный заработок. Конечно, не всем это нравится.

«В то время произошел немалый мятеж против пути Господня, ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги» (Деян. 19:23–26).

Указанный отрывок говорит о том, что врагами проповеди всегда будут те, чья прибыль зависит от обычаев, противных Евангелию. Из них тоже могут быть люди, принимающие веру и меняющие жизнь. Но большинство все же будет держаться привычных обычаев. Содержатели заведений и игорных домов, торговцы наркотиками или живым товаром здесь поопасней будут любого торговца истуканами. Вот уже где кроется не ветхое язычество, а подлинный сатанизм. И если им серьезно дорогу перейти, то они быстро найдут простые и эффективные средства остаться при своих прибылях и избавиться от непрошенных реформаторов.

Очевидно, меняя в корне представления людей о жизни, апостолы больно уязвляли и души и кошельки многих. Им, апостолам, действительно приходилось быть подобными овцам посреди волков. Неудивительно, что в наш век при массовой греховной расслабленности и слабоволии так плохо идет борьба с индустрией греха или даже не идет вовсе.

Апостолы должны были хранить как зеницу ока свою духовную свободу. И не тюремное заключение угрожало этой свободе. Как раз в тюрьмы они шли и часто Ангелами из тюрем были выводимы. Свободу могли заставить их утратить подарки, взятки, привычка к почету, ласкательства, принимаемые со стороны знатных, и проч. Поэтому Павел говорил, прощаясь, ефесским пресвитерам: «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20:33–34). Апостолы имели право брать от Церкви все, что им предложат, и пользоваться на пользу свою и общую. Но они не имели права желать и просить, тем более требовать от общин нечто материальное для себя. Дали — слава Богу! Нет — тоже слава Богу! И в том же духе говорит об этом «Учение двенадцати апостолов»: «Если (апостол или пророк) потребует денег, то он лжепророк» (Гл. 11).

Продать или купить можно то, что производится, делается, вырабатывается. А то, что получено как дар и не имеет денежного эквивалента, продаваться не должно. Свечка — товар, ей и цена есть. А молитва — дыхание Духа. Она бесценна. Вешать ценник на молитву — грех против Духа, рождающего молитву. И как безумие Иуды родило сделку: «Я вам — Господа, а вы мне — серебро», так и бесстыдство лжепророков стремится купить Духа за пенязи. Вот Симон (бывший волхв), «увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго» (Деян. 8:19). Оттуда родился термин «симония», т.е. купля-продажа того, что выше всякой цены. И «Петр сказал ему: серебро твое да будет в погиль с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом» (Деян. 8:21–22).

Но как повешенный Иуда качается над миром, бросая на землю тень, так и Симон все идет и идет рядом с Церковью через всю историю и предлагает монеты, чтобы получить Утешителя.

Денежные отношения — сердцевина жизни падшего человечества. При наличии высших ценностей деньги занимают свое важное, но не абсолютное место. Если же высший план бытия отсутствует, то деньги желают одеться в пышный наряд с надписью «Святое святых» и превращаются в идола: золотого тельца или серебряную жабу. Очевидно, апостолы, меняя мир и разнося повсюду благоухание познания Бога, меняли весь гнилой уклад, не исключая и денежной стороны вопроса. Они не писали новых законов, но меняли само отношение людей к себе, к жизни и ко всему, что под руками. Мы далеко откатились в этом вопросе от радостной изначальной новизны. Кое-где мы просто капитулировали. Причем, не сейчас, а очень давно. Мы — это все христиане. Дух бытового материализма заземлил нас и очерствил. Во все товары, вместе с прибавочной стоимостью, вложена лживая мысль о всесиилии экономики и вечном прогрессе товарного производства. А прогресс этот вовсе не вечен и экономика вовсе не всесильна. Мы узнаем об этом, когда дышит Дух и заставляет гнилье сгорать и ветошь рассыпаться.

Деньги нужно платить своим

Какое-то время тому назад в Восточной части Украины (кажется, в Харькове, что впрочем не важно) возникло движение за безденежные отношения между потребителями различных товаров и услуг. Например вы — плиточник. Заказов нет, а вам нужно купить зимние шины — «октябрь уж наступил, уж роща отряхает...» Вы даёте объявление о том, что положите бесплатно плитку в обмен на приобретение зимних шин нужного диаметра. Ну, и так далее. Вы отдаёте детскую кроватку, а взамен хотели бы коньки 36-го размера для сына. Вам нужен напольный ковер, а взамен вы согласны отдать два новых комплекта постельного белья. Вариантов много. Создается база данных, калькулируется относительная стоимость услуг и товаров, и происходит деятельная мена. Не берусь утверждать, что дело успешно развивается. Может оно и потухло. Но сама идея хороша.

Денежное посредничество, конечно, вещь гениальная. Но там, где есть деньги, всегда есть соблазн хапнуть больше, а отсыпать меньше. Есть соблазн спекулятивных накруток, монопольного прессы, шулерских схем. Купить дорогое задешево и продать гнилье за золото — вечный соблазн торговца. А тут еще и денег у многих не стало. Кризис. Кризис воровства, бездумного житья в кредит и бесконечного засыпания мира товарами. Что же, умирать? Нет. Вот в Греции кризис заставил жителей где питаться в складчину, где обмениваться продуктами и вещами. В общем, при известных дозах человеколюбия и практической смекалки людоедства можно избежать. (Людоедство это конкретная реальность, а не какая не метафора)

Но меня всегда интересует Церковь. Она меня интересует даже тогда, когда я хоккей смотрю. Тем более, заговорив о способах бегства из капиталистических тупиков, я тоже перевожу взгляд на Церковь, на ту, Которая, то кроткая, как голуби при потоке, то грозная, как полки со знаменами.

Вот, некий прихожанин работает на книжном рынке в палатке с канцтоварами. И весь его хлеб — процент от продаж, а эти самые продажи падают. Накануне 1-го сентября он шепчется с батюшкой в приходе, и потом батюшка людям говорит: «Кто собирает и снаряжает детей в школу, тот может пойти туда-то и туда-то, чтобы купить ручки, линейки, карандаши, тетради и прочее. Цена и так везде примерно та же. И товар одного качества из того же Китая. Но работает там наш человек. Таким образом, вы и себе купите, что нужно, и ему дадите хлеб на стол»

Вот идея, рождающая во мне восторг.

Деньги нужно платить своим.

Есть знакомый христианин на шиномонтаже – меняй покрышки у него. Есть знакомый зубной – лечись у него. Вообще нужно оглядеться по сторонам. Но подчеркиваю, что речь идет не о «халяве». Нужно именно купить товар, получить услугу и оставить деньги. Пусть со скидкой, но оставить. Понятно, что верующие люди склонны своим делать все бесплатно. Но это именно от того, что свои у своих крайне редко появляются. Портной или сапожник, если знакомого по храму у себя в мастерской увидят, то это будет, как дождь в пустыне. А если эта идея двинется в православные массы, то из редкого десерта она (идея) может приобрести черты и свойства хлеба насущного.

Это один из возможных способов выживания, рожденный приходской жизнью. Приход – мать всего хорошего. Не рождается хорошее на приходе – не жди его от властей или от «волшебника в голубом вертолете». Если совместные молитвы и участие в Таинствах не рожают в людях братских отношений, теплоты и взаимопомощи, то где еще, скажите, взять или поискать эту взаимопомощь и теплоту? Посему приход должен сближать людей, а явившаяся, как чудо, близость должна родить те формы жизни, которые будут ответом на эгоистический холод окружающего мира.

Новые формы жизни именно должны быть рождены. Новое время не обязано повторять старые вопросы. Оно вольно задавать новые вопросы и ждать новых ответов. Мы для того и живем здесь и сейчас, в своей, а не в сотне чужих эпох, чтобы отвечать на сегодняшние вызовы.

Мир эгоистичен – противопоставьте этому братскую любовь без коммунистического коллективизма. Мир потерял смыслы и шумит, чтобы забыться – противопоставьте этому забвению аргументированный и веский разговор о бытии и его истоках.

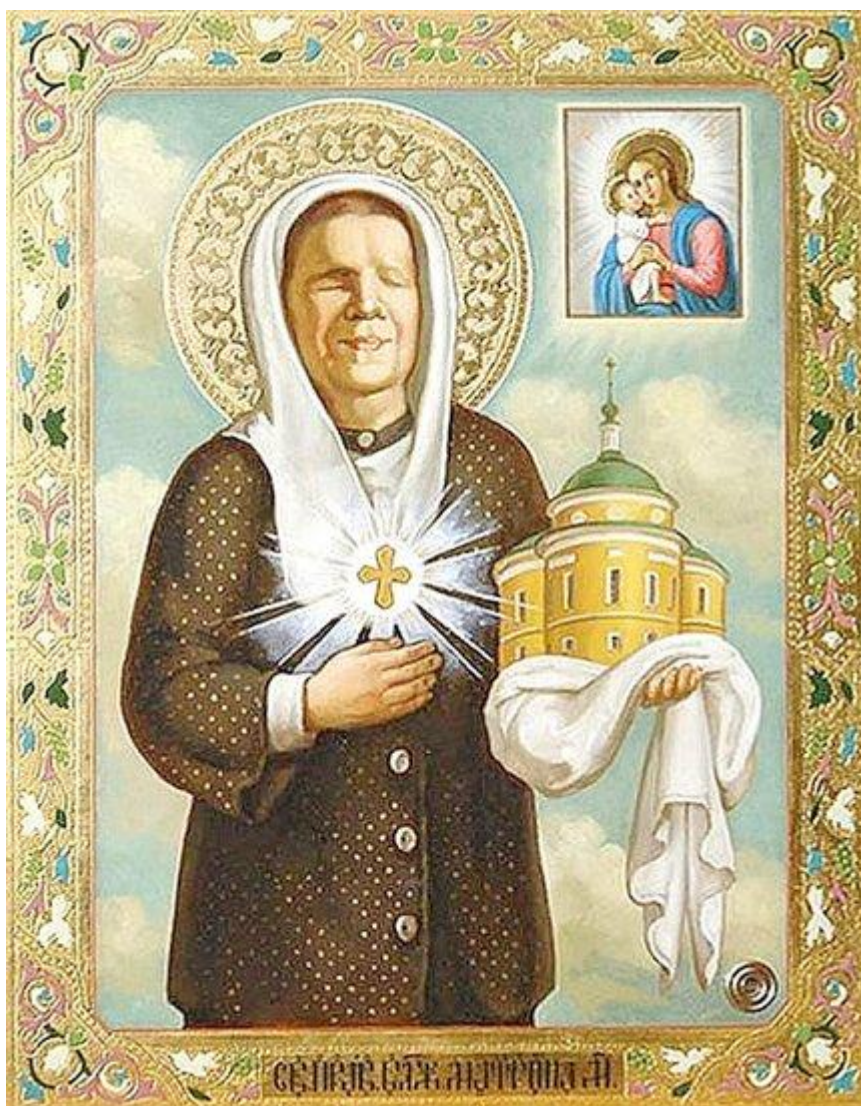
Если вы всего этого не можете, это не беда. Нужно будет пробовать и учиться. Беда, если вы не понимаете самого вопроса: кому и зачем что-то противопоставлять, на что отвечать и так далее. Вот это подлинная беда, имя которой – мертвость и безразличие.

Мы кстати и раньше умудрялись жить вопреки системе. Об этом Жванецкий говорил, что «граждане воруют – страна богатеет; едят то, чего не достать; носят то, чего нет в магазинах; в драке не вырывают – в войне победят». Только тогда, в Советском Союзе, речь шла о локальной системе и специфическом подавлении личности. А сейчас речь идет о глобальной системе и все том же, но более изощренном, подавлении личности. Нужно и здесь исхитриться, чтобы слепой демон глотал камни, а не детей. Только исхитриться нужно не средствами природной смекалки, которой может не хватить, а силами евхаристических общин, то есть задействованной сущностной силой Церкви; силой, трансформированной в практическое доброделание.

Матрона

Давно было дело — вскоре после того, как я попал в аварию. Раздробленная нога была сложена, лишние кусочки косточек выброшены. И гипс уже был снят, но освобожденная нога была безжизненна, и похожа на что-то деревянное, чужое, синего цвета, которое не хочет гнуться в колене. Знакомый массажист приходил ко мне раз в два дня и массировал мою похудевшую культю. Как правило, в это время фоном работал телевизор. Были как-раз юбилейные дни одного очень уважаемого человека. Детство, юность, карьерный рост, свершения, духовный труд: все обсуждалось широко и обговаривалось на многих каналах. Речь зашла и о воспоминаниях детства. «С детства я помню одну молитву матери», — говорил по телевизору интервьюер юбиляр. «Не лишай меня, Господи, памяти, зрения и движения». Потом было еще сказано, что лишь теперь, когда большая часть земной жизни медленно сплыла, эти слова стали до конца понятны человеку, слышавшему эти просьбы из маминых уст еще мальчишкой.

«Не лишай меня, Господи, памяти, зрения и движения». Что до движения, то это было тогда понятно и мне. По аналогии можно было додумать ценность зрения и памяти. Действительно жутко впасть в склероз, жутко лежать на вытяжке, или валяться беспомощным бревном, или медленно двигаться наощупь, помогая себе стуком специальной палочки. Зрение, движение, память — вы бесценны, и обладающий вами — богач.

Прошли годы. Моя нога задвигалась, хотя и стала на два сантиметра короче. Я уже довольно проворно двигался, смотрел вперед в оба глаза и во всю пользовался памятью. Ветры, носящие человека, словно воздушный шарик, принесли меня однажды в Москву. Точнее – в Покровский монастырь к мощам Матроны. Все было мне удивительно: очереди, выстраивающиеся еще затемно, люди, выходящие из метро с цветами в руках (значит, точно – к Матроне), раскрытые молитвенники у тех, кто стоит в медленно двигающейся очереди. Очередь, слава Богу, выстояли, мощи поцеловали, поклоны земные, в меру сил, положили. И уже во второй половине того дня, вспомнились мне опять те самые слова: «Не лишай меня, Господи, памяти, зрения и движения». Вспомнились потому, что из трех незаметных сокровищ Матрона была лишена двух – зрения и движения.

Нужно остановиться и сказать: «Вонмем!». Слепых и бездвижных людей в мире множество. Почти все они нуждаются в посторонней помощи и никому не помогают сами. Они – вопиющая немощь, требующая ухода и заботы. Их полно в домах для престарелых и прочих подобных интернатах. Увидеть их не трудно, стоит только захотеть. Но увидеть в них силу и получить от них помощь это уже выше всех мечтаний и фантазий. То-то и оно, что Матрона выше всех мечтаний и фантазий.

«Сила моя в немощи совершается», — сказал Павлу Христос. «Когда я немощен, тогда силен», — ответил Христу Павел. И еще ответил: «Похваюсь немощами моими, да вселится в меня сила Христова».

Слепой и парализованный старик, жалующийся на жизнь, брюзжащий, даже ропщущий на Бога или произносящий хулы есть дело обычное и вполне понятное. А вот слепой и парализованный старый человек, молящийся о людях, прозревающий тайны сердец и врачующий души есть подлинное чудо. У этого чуда есть еще и высокая степень актуальности.

Ведь это старое классическое сознание ведает о силе, подаваемой через немощных. Слабая монашеская рука может благословением сообщить храбрость и силу мощному воину, идущему в бой. Илья Муромец спрыгивает с печи на хилые ноги не раньше, чем благословят его калики перехожие. Таким образом архаичное сознание помнит и ведает, что для того, чтобы один был бодр и силен, нужно чтобы на него пришла сила свыше через молитвы кого-то слабого, но святого. Нашему веку это мало понятно. Мы-то уверены, что нужно быть до старости белозубым и мускулистым, да еще сексуально активным, да еще сидеть для этого на диетах, посещать СПА и фитнес-клуб и быть в курсе «много бесполезного». Благословляющая немощь, сила Бога, дышащая через слабость Своих рабов, неприятна, непонятна и далека. Поэтому среднестатистическому европейскому старику легче появиться в шортах на дискотеке, нежели кого-то чудотворно благословить. И тут Матрона взрывает сознание, как вообще святые способны взорвать привычное мышление непривычным явлением силы.

Пушистая порядочность и мягкая доброта это одно. А святость это другое. Святость всегда непривычна, всегда парадоксальна, и вовсе не пушиста. Если же мы путаем «святых» и «хорошо воспитанных», то вряд ли что-то понимаем в истории Церкви.

«В здоровом теле – здоровый дух», — говорит кто-то, и нам это нравится. «Яволь», — отвечаем мы, то есть «Окей». «Дух бодр, плоть же немощна», — говорит Господь, и мы делаем вид, что не слышали. «Сеющий в плоть, от плоти пожнет тление, а сеющий в дух – от духа пожнет жизнь вечную». «Что-что вы сказали? Как-то это сложно очень».

Урок Матроны важен тем, что она показывает: внутренние пути всегда широко открыты для человека, как бы ни были загорожены, перепутаны и завалены внешние пути. Внутреннее совершенство может быть автономно. Конечно, плоть и дух сплетены, связаны. Любое событие в области духа или плоти влияет на всего человека – и на дух, и на плоть. Однако дух может быть свободен. «Итак, свободни суть сынове».

Невозможно, чтобы все калеки были чудотворцами. Об этом и мечтать грешно. Святость действительно сродни гениальности, и она скорее является, чем воспитывается. Но все же там, где есть один факт победы, там приоткрыта дверца для многих. «Подражайте мне, как я – Христу», — говорил Павел, насыщенный немощами и чудный в силе. Одно без другого – сила без немощи — очевидно, не существует. Возможно нам необходимо вообще переоценить весь свой багаж немощей. А вдруг это не препятствие для роста, а именно условие роста и условие действия силы Божией! Зрячие, свободно движущиеся туда и сюда, обладающие памятью, мы захламили свою память и являемся подлинными слепцами, идущими в сторону огромной ямы, взявшись за руки. И часто нужна именно болезнь, боль, опасность, чтобы прозреть, остановиться, выбрать правильный путь.

Больные умнее здоровых, если не озлобились и научились терпеть. Через свою боль они могут стать чувствительными к человеческой боли вообще, тогда как бодрячок-здоровичок о своем давлении и пищеварении только и думает. Зрячие могут быть слепыми, о чем Евангелие неоднократно гремит на весь мир. И тем более слепы эти мнимые зрячие, чем более гордятся они своим зрением.

Нас не зря когда-то учили на уроках литературе о безногом летчике по фамилии Маресьев. Летчик без ног стоит целой эскадрильи. Народ силен, если тяжело вооруженный воин способен пробежать без остановки 42 километра, крикнуть «Мы победили, афиняне!» и упасть замертво. Но народ силен не менее, хотя и по иному, когда у него есть такие философы, как А. Ф. Лосев, почти всю творческую жизнь ничего не видящий, но озирающий умом все мысленное богатство мира. Сила, явленная в слабости это то, о чем Евангелие говорит, как о наследовании Царства через смирение. Это вполне библейское сокровенное учение, закрытое для премудрых и разумных и воплотившееся в младенцах.

Покровский монастырь в Москве и люди, выходящие из метро с букетиками в руках – яркое тому подтверждение.

Пройду по Абрикосовой

Мы все поймем, когда помрем. Это уж, как пить дать. А до тех пор мы тычемся в очевидное и мечтаем о несбыточном. Ладно бы – о несбыточном. О ненужном. И тратятся силы ума, песком осыпаются.

Вот я для Москвы умер. То есть я здесь не живу. Я ее покинул и вынужденно, и добровольно. На языке духовных реальностей, значит, я для Москвы умер, преставился. Но раз я все-таки живу, то я могу смотреть на этот город иногда, «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело». И что я вижу, золотые мои и возлюбленные? Я вижу лучший город на земле, город таинственный, и стайки гортанно говорящих детей Кавказа у станций метро мне это видеть не мешают.

Я здесь не работаю, не ссорюсь и не влюбляюсь. Я здесь не выбрасываю мусор в отдельные контейнеры. (Обязательно — в отдельные, и не под ноги! Не смейте Москву загаживать!) Я здесь ничего бытового не делаю. Поэтому мне не важны выбоины на дорогах, вонь политической агитации, грязный снег, толкотня, воробы... Мне важны, к примеру, названия улиц. Вы слушали их музыку?

Эх, вы, оглохшие и очумевшие жители Среднерусской равнины! Где еще вы увидите столько освященных названий? Пятницкая, она почему не «субботская» и не «четверговская»? Потому что в честь Параскевы Пятницы. А какой варвар жил на Варварке? Никакой. Это в честь Великомученицы улица. Видно и храм там есть, а может уже «был». Знаете ли вы, какое наслаждение ходить не по Васильковой и Виноградской, а по Сретенке, Воздвиженке, Воскресенке? На Тенистой улице, Антонов прав, в тени постоишь, но и только. Зато по Сретенке и читаешь тропарь: «Радуйся, Пречистая Богородице Дево. Из Тебе бо возсия Солнце Правды. Христос Бог наш... Веселися и ты, старче праведный...». Идешь по Воздвиженке, читаешь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...». На Воскресенке само собой: «Христос воскрес из мертвых, смерть поправ...» Так можно весь город обойти, накапливая в ногах свинцовую тяжесть, а в душе — легкость лебяжьего пуха.

Меня и Георгий на гербе радует. И не только на гербе, но и на фонтане возле Манежа. Какую тупую душу нужно иметь, чтобы тебя не радовал вид Георгия! Пленных свободитель, нищих защититель, немощных врач и царей поборник. Стань лицом к Георгию — слева будет Часовня Благой Вратарницы. А справа — храм Татьяны. Его не пропустишь. Там под крестом написано: Свет Христов просвещает всех. Действительно, всех просвещает, это — факт. Только жаль — когда ты московскую грязь месишь, ты к этому Свету равнодушен по причине Его вездесущия. А вот случись тебе дернуть за море или по суше, но подальше, ты таким патриотом станешь, что только держись. И осенние листья в переулках вспоминать будешь, всхлипывая; и Замоскворечье по памяти со вздохами пройдешь; и колокольный звон на расстоянии расслышишь. Наушники ведь от плеера к тому времени ты уже из ушей вынешь. С наушниками скорбеть — все равно, что на пляже экзамены сдавать.

Все великое творится на улице, — говорил один западный философ. А раз творится, то и следы оставляет. Москва вся пропитана следами и именами великих событий, на ее улицах веками происходивших. Есть, конечно, в Белокаменной улицы Строителей, Колхозная, Трудовая, Больничная, Железнодорожников, Весенняя, Кирпичная, Маркса, Энгельса, Тараса Шевченко... Все это есть. И улица Броз Тито есть, и шоссе Энтузиастов. Но не это Москва в корнях своих. Москва это Ильинка (молись о нас, пророче!), Знаменка (не отступай от нас, Пречистая!). Это переулки Богословский, Богоявленский, Климентовский, Предтеченский, Сергиевский, Саввинский, Патриарший... Продолжать? Пожалуй, и продолжу. Борисоглебский, Варсонофьевский, Даниловский, Преображенский. Еще продолжать? Сами продолжите. Где живете, то и любите. Что

любите, то и узнавайте. Что узнали и полюбили, то и защищайте, грейте, берегите, ремонтируйте. Кроме вас никому.

Это я вам, как мертвый говорю. В смысле – для Москвы мертвый. Ведь не живу я там, а только люблю ее издали, потому что большое видится на расстоянии. Я ее всю, большую, люблю до дрожи в коленях, до замирания сердца, до комка в горле. И когда приезжаю изредка, то хожу по ее мостовым, как по чешуе огромной рыбы, той, что посреди сказочного Моря-Окияна плавает, а на ее спине люди ухитрились дома построить. Рыба любит и терпит этих захребетников. Но захочет чихнуть – чихнет, и все чужое, скверное с ее спины, как пыль улетит. А захочет – вглубь нырнет, и всю дрянь со спины, включая кое-кого из нас с вами, в пучину смочет. Велика эта Рыба, и крючком за губу ее еще никто не ловил. Это мы тоже пойдем со временем. В крайнем случае – когда померем. Но хотелось бы раньше.

Типология народа Божия

1

Есть такой интересный фильм, кстати, советую его вам посмотреть, называется «Ушпизим». Он снят евреями-переселенцами в Иерусалим из Восточной Европы. Фильм очень интересный и достойный того, чтобы его посмотреть. Там можно многому поучиться. Его фабула связана с Праздником Кушей. Это тот день, когда евреи получили от Бога закон, и в память о том путешествии в пустыне они должны жить в палатках неделю в течение года.

Они все выходят из своих домов, специально строят куши во дворах и живут в этих жилищах, из которых видно небо. Как бы напоминая себе, что наши настоящие жилища, в которых потолок не прозрачен, они хрупкие. То есть, ночевать под чистым небом, это значит больше помнить про Господа. И вот в период этого праздника, совершаются некие интересные события внутри одной семьи.

Фильм очень интересный, насыщенный смыслами, с хитрецей, с радостью, с верой. Одним из элементов этой картины является обряд, когда его участники на четыре стороны света машут пучками трав. Там есть четыре травы. Трава, которая пахнет и вкусная; трава, которая пахнет, но не вкусна; трава, которая вкусная, но не пахнет и трава, которая не пахнет и невкусная.

Эти четыре вида растений символизируют собой весь народ Божий. Ну, евреи, они эгоисты, считают, что народ Божий — это только они. А мы, когда говорим «народ Божий», понимаем под ним Церковь, которая вненациональная и соборная, то есть католическая, всемирная, и все, кто верует в Бога, приходит к Богу через Иисуса Христа, пострадавшего за нас и воскресшего из мертвых, Сына Девы и Сына Божия, все они составляют один Божий народ. Об этом говорит Евангелие, об этом говорят апостолы. То есть, народ Божий, в нашем понимании, — это новый Израиль. Это все, которые не обязательно от семени Авраамова, но от веры Авраамовой.

Четыре категории народа Божия

Так вот, народ Божий состоит из четырех категорий людей: пахнущих и вкусных, пахнущих и невкусных, вкусных и не пахнущих, невкусных и непахнущих. Что имеется в виду? Тот, кто пахнет и вкусный, — это человек, который имеет знание духовное, опытную веру и дела, свидетельствующие о вере. Он изучает Писание, он вникает в религиозную жизнь, он просвещен знанием, которое от Бога, он любит это знание, может других научить, и он при этом благочестив. Такой человек стремится не только к знанию и богатству духовного опыта, но также проявляет этот опыт через милосердие, воздержание, человеколюбие, долготерпение, кротость и так далее. То есть, он практически религиозен, а не теоретически только. Он подражает тем, кто выше его. Как говорит апостол Павел: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4:16).

Подражание — это одна из основ жизни. Люди живут подражая. Дети подражают родителям, подростки подражают кумирам, девочки – певицам, мальчики – боксерам или футболистам, бизнесмены подражают людям, построившим успешный бизнес, политики читают мемуары выдающихся политиков. Это неизбежно. В этом смысле выражение «будьте, как дети» нужно

понимать еще и в том смысле, что ребенок очень активно подражает. Ведь у него ничего другого и нету, он ничего не знает, он что видит, то и копирует. То есть, дети полностью делают кальку с жизни взрослых, иначе не бывает. И это подражание может быть удивительным.

Вторая ступень — это когда человек пахнет, но невкусный. Это смоковница, если угодно, с листьями, но без плодов. Это человек, который внутри не таков, каким надо быть. И там уже вопрос: либо он не хочет быть таким, как надо, либо у него не получается, либо он что-то не то делает. В любом случае, снаружи он старается, а внутри он не тот. Как Господь говорил, что человек может быть похож на гроб покрашенный, внутри полный костей мертвых, а снаружи красивый (Мф. 23:27). Это значит, что наружное есть, а внутреннего нет. Например, знание есть. Человек знает много, а любви нет. А знание без любви разоряет, не греет. Или терпения не хватает, усидчивости, напористости, каких-то других качеств. Земля сердца у таких людей мелкая, посеянное там быстро всходит, но и быстро увядает.

Третья категория — это люди, которые вкусные, но не пахнут. Благочестивые, но невежественные. То есть, добрые, хоть к ране прикладывай, жертвенные, мужественные. В разведку с ними идти можно, но спрашивать у них совета нельзя. Потому что такой человек не знает ничего, живет по интуиции. Сердце у него доброе, а ум путаный или пустой. Таких людей можно часто встретить, потому что люди наши бывают часто благочестивые, но неученые. Не научил никто человека. Как ты будешь знать иностранные языки, если тебя не учил никто? Никак. Может, у тебя к ним и талант есть, а не научат — и не будешь знать. Всему, что может человек знать, его надо научить. И народ наш благочестивый, но неученый.

Иногда даже можно слышать такую мысль — «да зачем там много знать, сколько там Евангелий, четыре или два, и как зовут евангелистов и какая последовательность Евангельской истории, и какие заповеди, и какие там были пророки, и что там сказал Господь и апостолы — а зачем это все знать? Живи, никому зла не делай, люби ближнего, да вроде и хватит». Но, в принципе, в этих словах есть правда. Если бы мы сказали, что в этих словах нет правды, то мы бы солгали.

Христос специально упростил всю ту громадную массу заповедей, а их в ветхозаветном законе 613. Не десять, а 613. Каждая заповедь обросла комментариями, так что это все превращается в тысячи предписаний. У каждой заповеди и предписания есть история исполнения, и за каждой заповедью и предписанием стоят авторитеты. Это превращается в миллионы рекомендаций. И это все надо изучать благочестивым евреям. А Христос говорит — не надо. Он говорит: первая заповедь в законе — слушай, Израиль, Господь Бог твой един и люби Господа Бога всем сердцем и всею душою, всем помышлением. И ближнего твоего, как самого себя — это вторая подобная первой (Мф. 32:37-39). То есть, Он большое сжимает в маленькое, которое не запомнить невозможно.

Человека благочестивого, но неученого можно соблазнить и обмануть. Человек ученый, но не благочестивый — это холодный свет, который светит, но не греет. Возле него не согреешься, но с ним и не заблудишься. А человек, который теплый, но темный — с ним согреешься, но можешь заблудиться. Революция, например, наша, в полный рост использовала православные интуиции всемирного братства, всемирного служения, самоотдачи. Две рубашки есть — одну отдай, кровь пролей за ближних своих ради будущих поколений. Это очень соблазнительные лозунги,

паразитирующие на христианских идеалах. И этими лозунгами был соблазнен благочестивый, но невежественный народ. То есть, благочестие без грамотности опасно.

У нас огромное количество сект. Вы думаете, там самые худшие люди собираются? Нет. Там собираются лучшие люди. Там собираются люди, которые хотят изучать Священное Писание, которые веруют в Господа Иисуса Христа, которые любят Его и хотят для Него работать. Они просто получили пищу не из тех рук, их сбили с курса. Это третья категория людей — хороший, но невежественный.

И, наконец, четвертая категория. Это никто — «ни рыба ни мясо». Ни знаний, ни доброты. Таких людей сейчас большинство. Это люди, у которых нет ничего за душой. Никаких идеалов, никаких выстраданных мыслей, никакого жизненного опыта. У них даже на смертном одре не найдется двух слов для того, чтобы сказать их от сердца к сердцу. Была такая заповедь древних египетских монахов: «Слышишь, что умирает брат твой, беги к нему и лови последние слова из его уст». Потому что на смертном одре люди не лгут. Всю жизнь лгут, а на смертном одре не лгут. Плоть истончается, душа готова выйти, в это время уже не солжешь, не порисуешься и не покрасуешься.

Вся наша жизнь — это дрянь такая, дрянь самолюбования. Все красуются, любят себя собою и делают вид, что снимаются в кино, у неизвестного режиссера. А там нет, там уже ложь закончилась. И вот древние монахи советуют: «Иди к умирающему, стой и слушай, что он тебе скажет». Потому что в этот момент человек тебе два слова скажет, и ты потом всю жизнь будешь жить этими двумя словами. Скажет, например: «верь в Господа», или «кайся всю жизнь за все свои грехи», или «никого не осуждай», или «не спи больше трех часов, молись всю жизнь». Что-нибудь такое, и это будут слова, которые будут тебя всю жизнь держать.

Трагедия бывает в том, что человек живет всю свою жизнь и потом приходит к концу, к порогу, и спрашиваешь его без какого-то там ёрничества, спрашиваешь от сердца к сердцу: «отец, скажи, что ты в жизни понял?». А он даже вопроса не понимает... Вот, спрашиваю мальчишку в школе тринадцатилетнего: ты в жизни уже понял что-то? Он говорит: да, мир несправедлив. О, это в сердечке болит у человека. Уже где-то его обидели. Взрослого человека спросишь: ты что понял в жизни? Да, я понял, что я мог сто раз умереть, а до сих пор живу, Господь держит, видно я еще что-то должен сделать. Этот человек что-то проанализировал, что-то почувствовал. Но таких людей немного.

Спросишь старика, одной ногой стоящего уже в могиле — «деда, что ты понял, поделись». А он тебе ответит: «мне, сыночек, сейчас восемьдесят два, а когда мне было девятнадцать, на углу этой и этой улицы такое пиво продавали...». Да, безумная старость так же отвратительна, как развратное детство. Малолетние проститутки — это такая же гадость как глупые старики. Когда человек доживает до старости и ничего не понимает, не может ничего никому передать. Что тогда с молодых взять? Откуда у них появится опыт?

Церковь и народ Божий

И все эти категории составляют народ Божий, ни одну нельзя выбросить. Протестанты говорят: «Мы — церковь святых». Если мы тебя вчера видели с сигаретой на улице, то ты смотри, бросай. Если не бросишь через неделю, мы тебя исключим из церкви. Церковь должна быть святая.

Такая практика, как правило, у этих протестантских группировок. Они себе ставят целью явить себя миру как церковь святых. А Церковь состоит из всех. Из настоящих святых — то есть, тех, которые вкусные и пахнут; из ненастоящих святых — которые пахнут, но не вкусные; из глупых людей, но благочестивых, которых можно обмануть; и, наконец, из «никого» тоже. Это как в орехе — мы разгрызаем скорлупу и добираемся до сердцевинки, нас интересует только она. Но ядро не возможно без скорлупы и скорлупы. Скорлупу-то мы вроде выбрасываем, но без нее орех существовать не может. Все нужно и в Церкви. В этом фильме как раз такая идея и показана.

Почему блудницы шли ко Христу? Но не все кстати. Не нужно думать, что все блудницы толпами взяли и пошли за Христом, Боже сохрани. Из тысячи одна пришла и про нее мы знаем. Так же было и с мытарем. Эти люди находятся на духовном дне. И из этого внутреннего ада они очень сильно чувствуют необходимость в Спасителе. Они, в каком-то смысле, больше Церковь, чем все остальные. Потому что они больше всех нуждаются в Боге. Поэтому такое состояние народа Божьего не идеальное, но оно фактическое. В идеале, конечно, нужно неграмотного просветить;

грамотного, но неблагочестивого, уцеломудрить; того, кто стоит в святости, держать, чтоб не упал и шел дальше, потому что предела совершенства нет. Кто остановился сегодня, тот завтра упадет.

Останавливаться нельзя, надо двигаться постоянно. Кто сказал себе — ладно, сяду, посижу, тот кубарем летит вниз в следующую секунду. Нельзя останавливаться, в этом тяжесть. Поэтому надо идти медленно. Духовные труды надо стяжать медленно. Медленно для того, чтобы не останавливаться. В горы кто ходил, или кто по песку ходил, или где-нибудь, по каким-то трудным пересеченным местностям, тот знает, там не бегают, там идут размеренным, медленным, ровным шагом. Потому что, если начнешь дергаться, забегать, выбегать, отбегать, — все, ты долго не протянешь. Надо идти медленно, упрямо, на автомате, на каком-то этапе просто в автоматический режим человек переходит, идет уже и не думает о том, что он идет, он просто идет. Вот так надо идти — медленно.

В духовной жизни очень важна медленная постепенность. Люди, которые имеют в себе медленную постепенность, — это люди, которые очень высоко заходят. А те, которые хватают по верхам, хватают кусками, не пережевывая, лезут всюду и во все, пытаются всего нахапать и надергать, это люди, которые в конце концов терпят очень много неудобств и приходят к микрокатастрофам. Нахватают, нахватают всего, а потом их стошнит. Нужна ровная постепенность. Опять-таки, этому надо научить, надо учиться этой ровной постепенности. Надо других учить, если ты научился сам. Надо найти себя в одной из этих четырех категорий. Из первой себя сразу вычеркивайте. Во второй — где много знаний и мало толку, там люди всякого рода, умненькие, благоразумненькие, с дипломами, со званиями, со степенями и на разных иерархических ступенях, на разных этажах. Это люди, которые много лет прожили в Церкви.

Потому что, когда человек только попадет в Церковь, он находится в состоянии такой благочестивой контузии. У него в ушах звенит, и все святое кругом, и он не знает, где он. А когда пооботрется уже, он начинает уже все знает, все видел, все понял, у него уже все пять пальчиков указательных, он начинает командовать, показывать, рассказывать всем, как и чего там. Как святые отцы сказали, как старцы благословили, когда конец света, как часто причащаться, кто еретик и кто не еретик, кто раскольник, кто не раскольник, всем все сразу ясно. Это такая болезнь.

Великое искусство — жить в Церкви, не обрастая ложной церковностью. То есть, фальшивой церковностью, сюсюкающей, или наоборот, наглой. Или одновременно нагло-сюсюкающей, такой, что с одними сюсюкаю, а с другими наглею. Этим людям нужно больше тепла, больше благочестия, больше внутреннего, чем внешнего, больше покаяния, больше внимания к себе, больше терпеливой незаметности.

Смотрите, природа не отдыхает вообще. Дай Бог доживем до лета... Вот я недавно перечитал с большим удовольствием роман Гончарова «Обломов». Как он там трогательно пишет про то, как природа при всем своем спокойствии гомозится и копошится на каждом своем сантиметре. Упадешь в траву, а там муравейчик что-то тащит, какой-то комарик пищит, какой-то там жучок по листочку ползет. Растет, движется, метушится, что-то там делает, совершает, и каждый листик, и каждое дерево там в работе. Спокойствие царственное и красивое, роскошь природы — это непрестанный тайный труд. Постоянно в труде, в постоянном смиренном труде. Это настоящий урок. И человек должен быть в постоянных незаметных трудах. Незаметных, но постоянных.

Те, которые благочестивые, добрые души — они либо от природы добрые, либо от того, что их так жизнь помяла, покрутила. Но у них, так сказать, в голове каша. Вот смотришь на человека: глазки светлые, а рот раскроет, думаешь — что такое он говорит? И таких людей очень много. Этим нужно учить. Бери книжку, читай от сих до сих. Прочитал — расскажи, что ты понял. Ничего не понял? Еще раз читай. Выучи наизусть это, потом еще раз утром прочитаешь, завтра расскажешь. Понял? Понял. Повтори.

Делитесь умными мыслями

Надо учить людей постоянно. Чтобы водить троллейбус нужно учиться полгода, чтобы за станком стоять нужно учиться два года, чтобы управлять самолетом нужно учиться восемь лет и потом перекэкзаменовку регулярно сдавать. А Евангелие учить не надо, а что там его учить? Некоторым почему-то кажется, что никому ничего не надо учить. Кто такую ересь придумал? Вот где ересь настоящая. Благочестивых людей надо учить, иначе их благочестие провоняет. И кто-то их

обманет и уведет. Мы потеряем паству. Если народ не научить, то мы его в очередной раз потеряем.

При этом мыслями нужно делиться. Мыслями делятся так, как делятся огнем от свечи. У меня горит свеча, а у тебя не горит. Вот я зажег свою свечу и твою зажег. Твоя горит, и его горит, и моя горит. У всех горит и ни у кого не забралась. У меня есть сто гривен, а у тебя нет ни копейки. Я тебе дал сто гривен. Теперь у тебя есть сто гривен, а меня нет. Это обидная дележка. А вот огнем свечи делиться — у тебя есть, и у меня не пропало. Так же и с идеями. Я знаю что-то и тебе скажу, мне не жалко. Но то, что я знаю, это не мое, это не я придумал, это мне Бог дал. Если ты хочешь слушать, я тебя научу. Скажу тебе, где яма, где током бьет, где волки сидят, где бандиты в засаде, чтобы ты не ходил по тем дорогам, ибо там счастья не найдешь. Скажу тебе, где вкусного много, туда иди, я поделюсь с тобой, мне не жалко, лишь бы ты хотел слушать. И тогда и у тебя есть, и у меня есть.

Нужно понять, что каждый человек обязан накапливать полезные мысли, переваривать в себе и делиться ими. Для чего люди получают учение, наставление, назидание, образование? Для того чтобы потом служить другим этим полученным назиданием, образованием, наставлением, поучением. Зачем человек получает высшее образование? Чтобы качественно и квалифицированно потрудиться на том посту, который он может занять. Также и в духовной жизни. Например, я вам это сейчас говорю зачем? Для того чтобы вас повеселить? Нет. У пророка Иезекииля написано: «Сын человеческий, приходят люди к тебе, садятся и слушают тебя, ты думаешь они слушают тебя? Они приходят к тебе как к певцу с приятным голосом, чтобы посидеть, послушать и разойтись по своим делам, и ничего не сделать, из того что ты им скажешь». Так люди часто приходят и проповедников послушать. А чем заняться? Ну пойдем, послушаем. Все же лучше, чем на футболе «оле-оле» кричать. Чуть-чуть полезней. Но этого мало. Надо запоминать, обрабатывать это все у себя, переваривать. Важно не то, сколько ты съел, важно, сколько ты усвоил. И потом это надо давать другим.

Вышел на перекур с друзьями, и вместо того чтобы обсуждать очередную секретаршу своего шефа, скажи: «Слышишь, я там... (но не надо постный вид на себя натягивать, по-пацанячому так друзьям на перекуре)... вчера одного попа слышал, такую клеветную штуку сказал, хочешь расскажу?». Он скажет: «Да ну тебя». Ну так ну. Другому расскажешь. Надо обязательно делиться всем, что у вас есть. Рассказывать. А кто будет рассказывать? Нас не хватит. Отец Николай Могильный не научит, как надо жениться правильно. Отец Андрей Ткачев не научит весь мир, как узнать с точностью, кто кого убил: Каин Авеля или Авель Каина. Вы обязаны делать что-то сами. Поэтому вы должны все это рассказывать тоже, транслировать эти вещи дальше.

Вот, например, еще одна достойная вещь. Когда возникло рабочее социалистическое движение, из которого выросли РСДРП в России, в Германии — НСДАП, во Франции организовались общества священников-рабочих. Но у них это сделать легче, потому что католические священники не женаты, celibаты, почти, как монахи, только без обетов.

Священники нанимались на заводы, и работали там с утра до вечера, а в обеденный перерыв собирали рабочих и проповедовали им Евангелие. Кого будут слушать промасленные работяги, голодные и злые? Священника холеного, толстенького с животиком из далекой церкви, где-нибудь стоящего на кафедре, или вот этого промасленного, такого же, как они, который вместе с ними пашет? Это было целое движение священников-рабочих. Представляете, какая интересная вещь? Смысл в этом такой. Христос к нам пришел с небес, стал человеком, оделся в нашу немощь. Поэтому, хочешь рассказать что-нибудь крестьянину, должен знать крестьянский быт. Хочешь что-то рассказать больным, приходи к ним почаще. А еще лучше, если ты сам похворал этой хворью и расскажешь ему не только о Христе, но и как лечиться, и как терпеть, и через сколько лет ты поднялся с кровати.

Учитесь, узнавайте, влюбляйтесь в Божественный закон. Уделяйте время Божественному закону по полчаса утром и по полчаса вечером. И поверьте мне, что вы проведете это время не даром. Вы сможете и других научить. Между шинкованием лука на кухне хозяйка научит хозяйку. Между бортированием колеса мужик научит мужика на шиномонтажке. Вот как надо учить людей.

Иначе нас не хватит. И опять будет новая революция, и вы нас сами расстреляете опять. Вам дадут пистолет в руки и скажут: «Стреляй в этого барана, он нам всю жизнь испортил». И в это время вам покажется, что так оно и есть. Скажете: «Куда нажимать?» — «Сюда, уже все готово».

— «Прости, батюшка». И выстрел. Так и было. Вы что думаете, иначе было? Так и было. Проспишь, профукаешь, потом тебя убьют твои же прихожане. Поэтому учиться, учиться и еще раз учиться.

Святое подражание

Я приведу вам один пример. Один монах заметил, как дети играют в литургию. Это давно замечено, что дети священников, по селам особенно, играют в богослужение. Какую-то простыню на себя наденут, какую-то кружку привяжут к полотенцу и ходят, поют «Со святыми упокой». Панихиды служит малышня. Я знаю таких людей, которые выросли в семье священников и не знали, во что еще играть. Они игрались в панихиду, крещение, проповедь, литургию, причащали друг друга какой-то ложкой. Какой-то кусок хлеба мочили, кормили младшего брата — он не хочет причащаться, плачет... Это нормально.

А что, лучше найти взрослую кассету у папы в тумбочке и смотреть, когда родителей нет? Лучше так. Вот монах смотрел, как дети играют в литургию. А они слепили из песочка просфору, взяли чашку, налили воды, какими-то хламидами пообвешивались, начали служить. Но служили правильно. Тот, кто был дьякон, говорил: «помолимся», псаломщик — «Господи, помилуй», а священник что-то читал, там «мир всем», «главы ваша Господеви преклоните»... Литургию служили всю подряд. И потом, когда пришло время страшной жертвы, дети себе в простоте призывали якобы Духа Святого на хлеб и на вино, на пасочку, на эту чашку с водой. А взрослые наблюдают за этим всем — и сошел огонь с небес и попалил все это, как жертву Илии. Эту пасочку, эту воду, этот камень, это все. Дети в ужасе разбежались.

Это был урок двоякий. Во-первых, какая страшная служба, какие великие слова! С одной стороны. А с другой стороны, люди так церковно жили, что их дети не имели других игр. И дети все это запоминали. Зачем было в семинарию идти человеку, который в десять лет может всю службу знать наизусть? Так что, люди учатся подражая.

А другой случай еще более потрясающий. Святой Александрийский Патриарх наблюдал однажды, как дети-христиане на берегу моря совершают крещение детей-язычников. Они, играя, их крестили. Но не насильно, конечно. Среди них был заводила, маленький мальчик, который совершал все правильно. Проводил оглашение. Они дули, плевали, от дьявола отрекались, Символ веры читали. Все делал правильно. Потом завел их в воду. Три раза погрузил, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, крещается раб Божий, какой-нибудь там Варсонофий... Потом второго в воду, крестил третьего, возлагали руки на них, что-то читали, облачали в белые одежды. Все, как по-настоящему.

Патриарх был поражен. Он позвал этого мальчика и спрашивает: «Ты вот когда это делал, ты что читал?» — «Я читал такую молитву». И читает «Боже святой...», молитву крещения. «Ты когда это делал, ты что читал?» — «Я читал ту молитву». — «А когда руку возлагал, что ты читал?» — «То-то и то-то». Крещение совершал ребенок, понимаете? Патриарх и говорит: «Эти дети все крещенные, их нужно только миропомазать и все». А мальчик, который все это делал, впоследствии стал святителем Афанасием Великим.

Вот у нас церковь Кирилловская несправедливо называется Кирилловской. Это церковь Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских. Почему-то Кирилла поминают, а Афанасия нет. Великого Афанасия называли тринадцатым апостолом. Это был защитник Церкви от ереси Ария. Это был человек очень одаренный и образованный человек, подлинной святости, личный друг преподобного Антония Великого, друг египетских монахов, который за полстолетия своего епископства большую часть провел в бегстве. Его вечно искали убить, посадить в тюрьму. То солдаты врывались в церковь, чтобы его зарезать, когда он служил литургию. То он прятался, то бегал. Он полжизни провел как беглец. И постоянно проповедовал Евангелие и защищал Церковь.

Итак, первая история, которую я вам рассказал, — это то, что Церковь состоит по факту из святых и мудрых, мудрых и несвятых, святых, но немудрых и никаких. Это надо понимать и с этим надо работать.

В древности считали, что, когда человек перейдет в другой мир, первое, что его спросят: «Справедливо ли ты вел свои дела?» Все остальное потом. Каялся, не каялся, верил, не верил... говори, честно ли ты вел свои дела?

Три категории людей

Теперь второе вам расскажу. Есть три категории людей согласно той доктрине, которую я вам сейчас изложу. Люди-еда, люди-лекарство и люди-болезнь. Люди-еда — это те, без которых мы не можем обойтись. Которые нам нужны постоянно. Ну, например, еда для ребенка — это мама. Фактическая еда — ее молоко, а еще забота, ласка и прочее. Ну и потом все, кого мы любим, без кого мы жить не можем.

Мы любим свою супругу или супруга, дети любят родителей. Есть друзья — не разлей вода. Мы и дня не можем прожить друг без друга. Переживаем, думаем, списываемся, трепещем один за другого и готовы умереть за этого человека, лишь бы он жил и было ему хорошо. Это люди, без которых мы не можем жить, как без еды. Люди-еда.

Вторые — это люди-лекарство. Это те, которые, в принципе, нам не нужны каждый день, но наступает такое время, когда они вдруг становятся нужны. Например, мне сейчас не нужен зубной техник, надеюсь вам тоже. Но если у вас заболит зуб, он вам очень будет нужен, вы будете его искать. Не он вас, а вы его. Или, например, вам сейчас не нужен переводчик с итальянского. Но если вам придется какую-то справку получить, чтобы документы оформить для поездки, допустим, в Италию, то он вам понадобится. Или нотариус какой-нибудь. Вот он мне не нужен сейчас. А вчера нужен был. Вчера надо было идти и оформлять какую-то справку. Это люди-лекарства. Они нужны нам в период острой необходимости. В этом смысле каждый из нас должен быть лекарством для как можно большего числа людей. Человек должен быть полезен. Если никому он не полезен, то это плохой человек. Это не просто нейтральный человек, это нехороший человек. Ведь он должен быть лекарством. Здесь речь идет о наших профессиональных качествах, мы по профессии служим трудами рук своих.

Дворник — важнейший человек, трубочист — важнейший человек, пекарь — важнейший человек. Это все нужные люди. Кстати говоря, в древности считали, что, когда человек перейдет в другой мир, первое, что его спросят: «Справедливо ли ты вел свои дела?» Все остальное потом. Каялся, не каялся, верил, не верил... говори, честно ли ты вел свои дела? По этому лекалу надо пересмотреть всю свою профессиональную деятельность. Если человек работает закройщиком одежды и думает при этом: «Ах, какой хороший заказчик, какой хороший человек заказал мне костюм, как самому Христу сделаю». С любовью, с душой. То это одно. А если будет так: «На, забирай. Что ты тут недоволен еще? Забирай и уходи». Это другое.

Если человек работает поваром в ресторане и думает: «Сейчас сделаю это, и вот это, и вот это сделаю. Господи, помоги, чтобы людям было приятно, вкусно, здорово. Ах, класс!» Другое дело: «Чтоб вы подавились, тьфу». Иногда действительно боишься, что тебе принесут. Ты ведь не знаешь, кто там работает на этой кухне. А разве, нет? Да. И так везде. Любишь то, что ты делаешь, и того, для кого ты эту работу делаешь, — это у тебя на лице написано. Если ты не любишь никого, кроме себя самого, как жаба дуешься от гордости и всех ненавидишь, то и делаешь свою работу так-сяк, быстрее бы с рук только. Какой символ веры у таких людей? Денег нету, дайте больше, идите вон, не трогайте меня. Вот так живет современный жлоб и хочет счастья. Заметьте, счастья хочет. Никого не любит, работу делает абы как (можно, правда, и хуже делать), всем завидует, только про себя думает и хочет быть счастливым.

Люди-болезнь. Это люди, появление которых нам неприятно. И удаление которых доставляет нам великую радость. Примеров таких тоже может быть тысячи. Сосед, которого вы залили, приходит к вам затем, чтобы вы сделали ему ремонт. А вы не хотите делать ему ремонт. «Я просто забыл закрыть кран. Оно само залилось. Я не хочу вам делать ремонт». То есть, вы для него болезнь, он к вам приходит, потому что у него залитые стены. А он для вас болезнь. Это кредиторы, банковские служащие, напоминающие о возвращении кредита, начальники... В общем, есть много разных примеров.

Вот, пожалуйста, раскиньте эту шкалу по своей жизни. Подумайте, кто для вас еда, кто для вас болезнь, кто для вас лекарство, для кого вы еда, для кого вы болезнь, для кого вы лекарство. Потому что каждый из нас для кого-то болезнь. Не думайте, что мы еда сплошная, мы и болезнь

тоже. И молитву «Отче наш» мы должны будем читать до конца жизни — «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». То есть, у нас будут долги, и у нас будут должники.

Бог как еда, болезнь и лекарство

Точно так же для человека и Бог является едой, лекарством и болезнью. Для большинства людей, которые считают себя верующими, Бог является лекарством. Он нужен людям тогда, когда им плохо, больно, страшно, одиноко. Тогда нам нужен Бог. Тогда, Господи, помогай. Ты Бог, Ты добрый, Ты обязан. Твоя работа прощать, терпеть, приходить, будь любезен, Бог-Господь, и явися нам. Это неправильно. Потому что, по-хорошему, Бог должен быть едой. В широком смысле еда — это не только хлеб, овощи, мясо, фрукты, молоко. Еда — это, например, солнечный свет. Потому что вы прекрасно знаете, что без солнечного света ничто не растет. Мы в первую очередь питаемся солнечным светом. И воздух — тоже наше питание. Потому что, если хлеб есть, а дышать нечем, нет жизни. И вода — наше питание. Солнце, воздух и вода — это главные «продукты» для нас, ими мы питаемся постоянно. И на солнце, воздухе и воде мы можем жить до сорока дней и более, без хлеба кстати. А уже потом мы питаемся хлебом и тем, что к хлебу.

И Словом Божьим. Не хлебом одним, но словом и хлебом, хлебом и словом. Все это Господь. И дыхание наше — это Господь. И солнце наше — Господь. И вода жизни — Господь. И хлеб жизни — Господь. И Слово Божие, которым нужно жить, — Господь. Это Хлеб наш, это Еда наша, это Дыхание наше, это все наше. Так к Нему надо относиться. Не как к лекарству, а как к еде.

Вместо этого, мало того, что многие люди относятся к Богу как к лекарству, в мире увеличивается количество людей, которые относятся к Нему как к болезни. Они говорят: «Отойди от нас, не трогай нас, не мешай жить нам так, как мы хотим. Мы не хотим делать то, что Ты хочешь, мы хотим делать то, что мы хотим». Это люди, которые либо не могут произнести слова «да будет воля Твоя», либо произносят их, не понимая смысла. Это очень жесткие слова и великие слова — «да будет воля Твоя». Человек — это бытовой мелкий бунтарь, и самовольник, и своевольник. Он всюду ищет своей воли. А «да будет воля Твоя» либо не понимает, либо вообще не хочет этого говорить, если понимает. И в книге Иова сказано, что нечестивые и богатые Богу говорят: «Не трогай нас, отойди от нас, нам без Тебя хорошо».

Шесть и семь

Вот это 666, а не что-нибудь другое. Вот такое умонастроение и есть число 666. Сейчас поясню почему. Если такое умонастроение есть, человек погибает без всяких печатей, без всяких антихристов, без ничего. Он уже погиб, он уже в аду. Не нужно никаких антихристов и печатей. Он уже запечатан. Ему уже конец. В этом, собственно, и весь смысл. Все остальное — это ерунда, это бабьи басни. Семь — это число Бога и полноты. Все есть, и есть Божие благословение. Поскольку Бог троичен: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф. Он Отец, и Сын, и Дух Святой. Отец, Слово и Дух. 777 — это «Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже, Слава Тебе Боже!», «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя». Это 777.

А 666 — это когда все есть, а Бога нет; все есть, а Бога нет; все есть, а Бога нет. В шестой день все уже было закончено, все дела уже были завершены. Войнство небесное ходило по небу, звезды, солнце и луна. Рыбы плескались, птицы щебетали, деревья шумели зелеными кронами, Адам с Евою ходили по земле, бизоны, бегемоты, хомячки, тушканчики вокруг них сновали, и вся природа им служила. Все есть, но еще не было благословения Божия. И когда человеку не нужен Бог, нужно все кроме Бога — это шесть. Когда ему нужно все, но нужен Бог сначала, а потом все, — это семь. Мне нужно все, а Бог не нужен. А чтоб Тебя и не было, я бы не плакал. Дайте мне все. А Ты есть там или нет, мне какая разница. Я человек маленький, эта мысль для меня тяжела.

Вот тебе и 666. Вы думали, это что-то иное? Все остальное — это ерунда. Эгоисты и атеисты уже запечатаны. Других печатей может и не быть. А, может, их и не будет. Может, все остальное — это баловство и забава. Я, по крайней мере, клейменные лица вижу на каждом шагу. Такие каиновы печати на них стоят — видно, что они уже не умоются. По крайней мере, это будет очень трудно сделать. И вот эти люди говорят: «Не надо нам Тебя, Ты болезнь для нас, Ты мучаешь нас, Ты сложный какой-то, Господи, с Тобой так трудно. Что-то Ты от нас хочешь, задаешь задачки всякие. Это не делай, там не ходи, тут дыши, тут не дыши... Короче, трудно с Тобой». Но Он должен быть едой. По факту — лекарство. А для многих еще и болезнь.

Вот вам, братья и сестры, две истории про четыре и три. Об этом надо думать, ну не только об этом, надо думать обо всем. Думать надо. Кто не думает, тот веры не имеет. Надо думать. Думать, думать, потом молиться. Закончишь молиться — начинаешь трудиться. Трудись и молишься, трудись и думаешь. Перестал трудиться — опять думаешь. Додумался до чего-нибудь веселого — начинаешь молиться. Так и надо делать.

Нужно говорить о вещах вероучительных, нравственно направляющих и внутренне созидających. Ну вот сейчас мы бы сели с вами, например, и начали разговор о посте. «А печенье можно?» — «Можно, если галетное. Если «К чаю», которое в поездах дают, то нельзя, там, наверное, есть сухое молоко». — «А можно шоколад? С изюмом». — «Можно». — «А с орехами?» — «Можно». — «А молочный?» — «Нет, нельзя. Ну, в принципе можно». — «А я беременная...» — «Тогда можно и молоко». — «А еще что можно?» Ну что-нибудь там можно, а что-нибудь не можно. Вот такая будет великолепная гастрономическая лекция о том, что там у нас в кишках бурлит и переваривается. Это высокая духовность, способная заместить собою все мысли в человеческой голове. И называется это: я — христианин. Я — великий христианин, я занят великими трудами, гастрономическими. Могу написать книжку «Можно — не можно», или «Можно — не нужно», или «Нужно, но нельзя».

Поэтому, мне кажется, надо говорить о вещах, которые человека движут к перемене. А иначе, если человека ничто не движет к перемене, то тогда всё, пора закапывать. И проповедников и слушающих. И тех, кто слушает, и тех, кто говорит.

Главное сокровище мужчины и женщины

О браке, конфликтах и любви

Говорить о жизни без боли значит попросту тратить слова или расписываться в бесчувствии. Что еще такое наш жизненный опыт, как не накопление скорби и одновременное удивление от того, что мир все еще Божией милостью стоит? Стоит, хотя в любое время готов рухнуть по причине внутренних повреждений. Это касается и семьи. Семьи в первую очередь.

Нехватка денег, «воландов квартирный вопрос», бездетность, многодетность, борьба за гендерное равенство. Всего не перечислишь. Пьянство, разводы, аборт, измены, половая жизнь до брака... А еще «что делать, если жена зарабатывает больше?», «если теща живет с нами?», «если дети от первого брака не хотят называть отчима отцом?», «если с работы идти домой не хочется?». И так далее. Список вопросов представляет из себя то, что Гегель называл «дурной бесконечностью».

На эти вопросы могут быть ответы, точечные и частные. Или обширные и «для всех». Временами ответов может не быть. Но дело не в этом. Дело в том, что самое главное — это правильные отношения между мужем и женой. Эти отношения можно называть отношениями правильной подчиненности, скрепленной любовью. Нет любви и подчиненности, значит, нет и брака, а есть мучение и очередная рана на гноящейся плоти мира.

Люди стали бунтарями. Женщины борются за право на самодостаточность. Люди вообще — и мужчины, и женщины — бунтуют против Бога и восстают за право жить без Него и без Его законов. Все стало шумными и легковоспламенимыми борцами. Все словно сговорились кидать в небо камни, и только потом почему-то удивляются и ищут виновных, когда тяжелый груз сыпется на гордые головы.

Мир без обычной и нормальной семьи — это близкая, самоубийственная перспектива нашей хваленной цивилизации. Мир без семьи — это Адская прихожая.

Людям почти всегда не хватало денег. Люди почти повсеместно и жили и живут в большей или меньшей стесненности. Но ведь брак-то был! Семья с большой буквы была, а теперь она на глазах исчезает. Значит, дело не в деньгах, не в обидчивости, не в тещах и свекровях и не в гендерных правах. Дело в том, что мы перестали что-то важное понимать и чувствовать. Православные — не исключение.

Если поверхностное православие большинства причесать против шерсти мелким гребнем, мы вычешем оттуда всех блох современной антихристовой цивилизации. Мы дети своей эпохи, и значит, там будет вера в прогресс, брезгливый страх перед «темным прошлым», мечты о самореализации (вовсе не о служении и самоотдаче), крайний индивидуализм, поверхностность суждений. Там еще будет знание прав и полное забвение об обязанностях. Вот и говори с таким человеком совершенно ровным голосом. Для этого нужно либо море всепобеждающей любви, либо полное безразличие.

Женщина — главное сокровище мужчины. Если, конечно, она женщина во всей благоуханной многозначности этого красивого библейского слова. Один товарищ рассказывал мне, что во время войны на Кавказе, когда Союз распался, и соседи стали врагами, он был в ополчении. Они защищали село от превосходящих сил врага.

Большинство ополченцев предлагали увести детей и женщин подальше в тыл. Но была и другая точка зрения — оставить. И вот почему. «Если за спиной у нас не будет жен, мы убежим, спасая собственные жизни. Не умирать же нам за дома и кухонную утварь. А если они будут за спиной, мы умрем, но не сдадимся. Мы точно умрем, потому что зачем тебе жизнь, если ее изнасилуют?» Этот совет превозмог.

Знаете, что было дальше? Они победили. Ведь тот, кто уже решился умереть, становится непобедимым. Так любовь к жене делает мужчину воином, и он любит ее как Христос — Церковь, то есть до самопожертвования.

Женщина — главное сокровище мужчины. А мужчина — единственное сокровище женщины. Она без него — просто ребро, о чем уже не раз сказано на всех языках мира.

В одной немецкой хронике описывается осада средневекового города. Осаждающие, из видов гуманности, предложили осажденным следующее: «Пусть уйдут ваши женщины и дети, пусть унесут с собой столько имущества, сколько смогут унести. А с мужчинами мы продолжим войну». Знаете, что сделали женщины? Они вынесли на спинах своих мужей, рассудив, что с мужьями они и обстроятся, и обживутся на другом месте, а без мужей пропадут, хоть бы и с имуществом.

Не нужно долгих споров. Нужны вот такие примеры. Если они попадают в сердце — разговор закончен. А если они не попадают в сердце — разговор бесполезен.

И если слово твое, вовсе не ему предназначенное, подхватил обиженный недоброжелатель, оправдываться тоже бесполезно. Визгливый голос разнесет по джунглям весть о том, что Акела промахнулся.

Но это не столько промах, сколько болевая метафора, рожденная почти ежедневной встречей с человеческим кошмаром.

А бить действительно никого не надо. Уже потому, что на месте сломленного рога часто вырастают новых два; и потому что нет такой стиральной машинки, в которой бы отстирывалась подлость, глупость и самолюбие.

Мужчина и женщина — главные сокровища друг для друга, и они не равны, но муж для жены — больший. Вся проблемность жизни и все многословие вокруг этих проблем рождены тем, что эту простейшую и святейшую мысль мы понимать перестали.

Мужская религия

Немало уже сказано слов о том, к какому типу цивилизации русские принадлежат больше: к западному или восточному. В зависимости от того, кто во что ругательный смысл вкладывает, нас называют то византийцами, то азиатами, то рабами гнилой либеральной идеологии, то полноценными представителями христианской цивилизации. Действительно, раскинувшись на огромных просторах, как географически, так и мысленно, мы многое в себя вбираем, и то, что одним звучит как музыка, другим — как набатный колокол.

Розанов как-то по поводу полемики о папо-цезаризме и цезаре-папизме (первые условно обозначали католиков в предреволюционной полемике, вторые — нас) говорил: «Вот молятся простые люди в обычном храме. Кто они: папо-цезаристы или цезаре-паписты?»

Не глуп ли сам вопрос? Не очевидно ли, что общие культурные и религиозные характеристики, данные большим людским массам, как-то блекнут при обращении взора на обычных людей? Похож ли на исламского фундаменталиста вот этот старый таджик с персиками? А эта дама средних лет так ли уж непременно либералка или монархистка?

Конечно, теории блекнут, сталкиваясь с жизнью. Особенно — теории натянутые, претенциозные.

Но с другой стороны, нет такой ситуации, при которой «просто человек» «просто молится Богу». Когда молится человек, всегда вокруг него и в нем клокочут целые исторические эпохи, всосавшиеся в кровь ошибки и прозрения целых поколений. Молитва заостряет и обличает скрытое. По тому, как молится человек, — регулярно или от случая к случаю, вместе с другими или сам по себе, определенным чином или как Бог на душу положит, в какие дни часы, как долго и прочее, — можно многое сказать о культурном и цивилизационном типе, к которому принадлежит человек. В этом отношении у меня есть определенные вкусы и предпочтения.

Я бы хотел, чтобы наш народ принадлежал в молитвенном плане к современному восточному типу (или к западному, но не современному, а средневековому). Критерий — молитвенность мужчин. Примеры? — Сколько угодно. Гляньте на фотографии из мечетей. Стройные ряды здоровых мужиков кладут одновременно земные поклоны. Мужской голос кричит с минарета. Мужчины сидят и слушают проповедь. Женщины есть, но их не видно. Налицо — мужская религия. Но Восток не обязан быть мусульманским. Такую же мужскую картину вы увидите и в христианских церквях Востока. Там тоже виден мужчина и в качестве проповедника, и в качестве прихожанина. А вот Запад обаbilся, и давно.

Таким же, как выше сказано, должно быть и христианство. Такое оно, кстати, и есть, но в подлинном измерении, а не в том карикатурном виде, к которому мы сами привыкли. Говоря о средневековом Западе, я имею в виду, что воин, ученый, купец, ремесленник составляли большинство молящихся людей. Женщины были, но их тоже не было видно. Они к этому — хвала их покорности — и не стремились. Мужские голоса пели, мужские голоса проповедовали и мужские же голоса говорили «Аминь» в конце проповеди. Так было, и так правильно.

С некоторых пор христианство разжижилось. Женщины, на одном природном инстинкте, продолжали верить в простоте, за что им доныне честь и хвала. Но мужики заболели: гордостью, развращением ума, сомнением...

Даже уже не веря сами, мужики стали высказывать теории, что женщине, мол, нельзя без «кирхе», «киндера» и «кюхе», а нам самим это без надобности. Религии стали отводить роль сдерживающего и уцеломудривающего фактора для подвластных народов и слоев социума. Вот тогда храмы обеднели на Западе по части молящихся мужчин, а женщины — честь им и хвала — то ли не вникая в сумасшествие мужской головы и ее теорий, то ли просто по любви к Богу, продолжили ходить на мессу, утреню и вечерню.

Вся эта хворь перетекла к нам незаметно и естественно еще до революции, что доказывает лишний раз нашу полную включенность в пресловутую «западную цивилизацию». Мы

тоже привыкли, что мужик пьет, а баба молится; мужик на фронте с гумусом перемешивает собственную плоть, а баба молится. Мужик в космос лезет, карьеру делает, науку грызет, кровь ближнего пьет без закуски и так далее...

А баба молится. Кое-где уже совершенно привыкли, что мужчины в храме только одного хватит — священника, а прихожане — сплошь женщины. Вот эта злодейская привычка к молитвенному извращению и вызывает у меня сердечную боль и рвотный рефлекс. Это жуткая бытовая ложь и неместимое в голову искривление.

Наша религия мужская. Она смелая и умная, а не тепленькая и сентиментальненькая. Отсутствие мужика в наших храмах означает отсутствие богословия, поскольку понять христианство и объяснить его может, за редкими исключениями, только мужеский ум.

Храмы должны быть полны мужчин. Молитва вообще есть мужское дело, поскольку требует не столько переживаний, сколько стойкости и внимательности.

Зайдешь в западный храм — стоит дама в шляпке перед Распятием и молится то ли о своей женской судьбе, то ли о голодающих детях в Камеруне. Зайдешь к нам — ходит душа-сестрица среди подсвечников и лепит свечки, пришептывая что-то то ли о непутевых детях, то ли о пропавшем муже. Вот — доминанта религиозной жизни. Личная дамская беда и личный шепот перед образами.

А где наши мужики? Пьют? В горы ходят за адреналином? В Африку на сафари мотаются? На рыбалке пятую точку отсиживают? Деньги зарабатывают, чтобы в пятьдесят с «хвостиком» на малолетке в очередной раз жениться? Животы вместо сыновей выращивают? Протирают лысины на чужих подушках? Да, забыл: в блогах торчат, слюной брызжут и пальцы тренируют. Где 90% этих существ, которые за чем-то крещены, но почему-то не ходят в храм постоянно и со вниманием?

Задача священства привести эту биомассу в храм, чтобы они, облагораживаясь молитвой, наполняли наши храмы так же, как мужчины Востока наполняют свои мечети. Чтоб не сюсюкали по форумам как девочки о Курбан-байраме на улицах Москвы, а почувствовали свою ответственность перед Богом, семьей и Родиной.

В этом смысле я — убежденный сын Востока. Я принадлежу к Церкви, у Которой святые отцы на виду, а святые матери — в тени у очага. Я принадлежу к Церкви, у Которой нет и не должно быть женского священства; в Которой все святое отдано в руки мужа.

И у меня есть претензия, не столько к современному мужчине, сколько к нам всем: почему в наших храмах молящихся мужчин не большинство? Понимаем ли мы, что эта статистика смерти подобна? Заполните храмы сильными и умными представителями первой и главной части человечества, теми, что первые сотворены, и вы тем самым опустошите ночные клубы, казино, клиники реабилитации наркоманов и всякие болотные места с нездоровой политической активностью. Женщины вам только спасибо скажут. Им самим позарез надоело жить среди тряпок, мерзавцев и лентяев. А превращение тряпки и лентяя в полноценного человека только и возможно, что под действием благодати.

Короче, друзья, когда увидите кадры из какой-либо мечети, скажите себе: «Так и у нас должно быть по части мужского многочисленности на молитве. Мы — люди восточные. А иначе жизни не будет. Будет распад и гниение под именем прогресса».

Ну что, потрудимся?

Нужна ли проповедь?

Должен ли священник проповедовать? А кто будет его слушать? Нужно ли его слово людям?

Человеку больно отдавать все силы какому-либо общественному делу, если это никому не нужно. Например, ведет человек в школе драмкружок. А это не нужно ни детям, ни родителям, ни дирекции. В отчаяние можно впасть. Точно так же и священник может измучиться сердцем, если его проповедь не нужна никому. Вот мы с братьями и сослужителями взялись обсуждать тему: кому наши проповеди нужны?

Я, убогий, так мыслю. С одной стороны всем нужны. А с другой — никому. Как же это так, спросите? И не увиливаю ли я от ответа? Ничуть не увиливаю. Некоторые проповеди никому не нужны, а некоторые всем нужны. Смотря как проповедовать.

Серафим Саровский говорил: «Когда надо — не премолчи, а когда надо — не возопий». Но вот когда и что надо — тут разум от Бога нужен. Так же и с проповедью.

Люди живут в субкультурах. Студенты не понимают бизнесменов. А бизнесмены забыли, что такое жизнь студенческая. Старые не понимают молодых, а молодые и подавно не понимают старых. Каждый в своем соку томится на медленном огне, и не то, что полюбить ближнего как себя самого, а и понять ближнего не может. Один только священник должен всех понимать. Обязан. Понимать богатых и бедных, бездетных и многодетных, образованных и не очень. Для этого ему стоит и в маршрутках потолкаться, и в очередях постоять, и на исповеди внимательно слушать, и книжки хорошие читать.

Священник должен вынуть из себя сердце и сказать людям: нате. А мне ваши сердца дайте. Мы сердце к сердцу приложим, чтоб они теплом, как ладони при рукопожатии, обменялись. А теперь я говорить буду.

Признак хорошей проповеди — это когда человек-слушатель потом подходит и спрашивает: «Откуда вы про меня все знаете? Вы ведь же на мои вопросы сегодня ответили».

Признак хорошей проповеди — это когда священник сам на суде им же произносимых слов стоит и удивляется: откуда это слово на языке моем?

Свойство хорошей проповеди — говорить не кому-то сверху вниз, а себе, как человеку подсудимому.

Говорить что-нибудь не надо, и если уж что-нибудь, то лучше ничего. А если не что-нибудь, то готовиться нужно постоянно. Думать, запоминать, записывать. Спрашивать себя: что людям полезно? Что им нужно узнать, услышать? Нужно перечитать много чужих проповедей, как с цветков, собирая с них пыльцу для собственного нектара. Если проповеди и поучения эти в давние времена составлены, их нужно переводить «с русского на русский». То есть нужно перелагать их на более понятный, современный язык, избегая тяжких оборотов, сложных слов и непонятных примеров.

Не нужно бояться плагиата. Чистый плагиат в этом деле отсутствует. Ведь если два человека одно и то же рассказывают, то получается у них в результате не одно и то же, а нечто совершенно разное. Иногда — до неузнаваемости.

Просто проповедь — это необходимый вид служения. Оно так и называется — служение слова. И люди благодарны таким служителям. Они, хоть и не все читали, но все сердцем понимают сказанное: «Наставляемый — делись всяким добром с наставляющим». И что значит телесное, если тебе отсыпали без зависти полную меру духовного?

Служение слова говорит о небезразличии. Сегодня говорят многие, но всем на всех наплевать. Говорит реклама, чтобы понудить человека товар купить или услугу. Говорят политики, но об этом мы промолчим. Надоело. Говорят комики и эстрадные артисты, чтобы отвлечь, рассмешить и на смехе заработать. Нам ли молчать в этом говорливом мире, где все проповедуют, только не Христа?

Если ты говоришь мне о чем-то важном, то значит переживаешь обо мне, любишь меня. Это до слез трогательно само по себе. Значит, ты знаешь что-то, чего я не знаю. И даже если я с тобой не согласен, я буду разбужен, заинтересован, начну искать, советоваться, спрашивать. Это — тоже хороший плод проповеди. Ведь худший вид сна — это сон разума. Он плодит чудовищ.

Нет ничего простого, в чем бы не затаилось сложное. И нет ничего сложного, о чем бы нельзя было сказать простыми словами. Не надо бояться ни простоты, ни сложности. Надо бояться лени и безразличия. Еще не нужно думать, что народ в массе своей что-то простое уже знает, а теперь ему нужно какие-то сложности выискивать. Не надо ничего выискивать, потому что народ в своей массе ничего не знает. Это печально, но это жесткий факт.

Правильное слово, сказанное вовремя, меняет жизнь. Люди уже никогда не вернутся в то состояние, в каком были до слышания слова. Они непременно изменятся. И если мы не меняемся, то в значительной степени потому, что мы молчим.

Идеальное слово творит действие троякое. Оно информирует, сообщает нечто. Потом оно улаживать должно, как свирель пастырская. И оно направляет, сдвигает с места, указывает направление для усилий. По латыни это: *docere, delectare, movere*. Познакомь, улади, утешь и сдвинь человека с места. Вот — проповедь.

Можно ли так говорить, не учась? Сами рассудите, что можно вообще делать, не учась. Только людей смешить. Учиться же нужно все время, да и ошибок не бояться. Без ошибок роста нет. Нужно звать к себе на приходы собратьев, чтобы они со свежим словом обратились к людям. К нам ведь привыкают наши прихожане, ухо у людей «замыливается». А новый человек по-новому будет выслушан. И не надо стыдиться, или завидовать, или бояться. Не украдут у тебя паству, только умножат. Те, кто боится и завидует, именно так и не выучиваются проповедовать.

Проповедь — дело Божие, как умножение хлебов. Там было только две рыбки и пять хлебов. Так бы и остались эти продукты в том же количестве, если бы не поднесли их Христу. Он благословил, стал ломать и давать ученикам, а те — народу. Откуда что взялось, и все наелись. Так и мы. Удержим в себе свои знания, останутся они мертвыми, нерозданными и бесполезными. А если поднесем их Христу, то Он благословит, и они умножатся. Знания умножаются, только если их раздавать. Как и деньги умножаются, только если их пускать в оборот.

С книжкой заснуть, с книжкой проснуться. Не стыдиться ошибки признать и слушать тех, кто умнее. А еще пробовать, пробовать. Оттуда придет победа.

Так что проповедь, если подлинная, то всем нужна. Ее польза еще тем вскоре докажется, что враг голову поднимет. Начнутся пересуды, осуждения, подозрения. Короче, змей зашипит и молчать не сможет. Но змея бояться, значит хиротонию не принимать. Бог защитит! Аминь! Он для того нас, священников, на свете и держит. Как у Исаяи сказано: «О, вы, говорящие о Господе! Не умолкайте!»

Вот поговорили мы с братьями и сослужителями, утешились общей верой, ободрились на труды и единогласно решили, что и учиться, и говорить мы будем. Проповедь наша очень нужна.

Четыре этапа путешествия

Что должно произойти с человеком, чтобы его путешествие можно было считать удачным?

На четыре стороны света озирается око, которое, по Соломону, никогда не насытится зрением.

Север, юг, восток и запад. Вместе им не сойтись.

Впрочем, как же? В глазах наблюдателя, в сердце его эти стороны сходятся и встречаются. Вот человек, только что смотревший на юг, смотрит уже на север. И юг, оставшийся у него в памяти, встречается в душе его с севером, отражающимся в глазах. Так человек, малый наподобие точки, связывает в себе, как в узле, все четыре стороны света.

Числом «четыре» исчисляется многое. Вот четыре главные добродетели — целомудрие, мужество, мудрость и праведность. Не смотри с вожделием, не бойся убивающих тело, сочетай мудрость змея с кротостью голубя и не делай другим того, чего не хочешь себе. Таково краткое выражение четверочастной мудрости, собранной от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Ее и нужно разнести по четырем концам света. Вот главный тройственный смысл священной «четверки»: четыре добродетели — от четырех Евангелий — по четырем концам света.

И есть еще нечто, что мне стало понятным недавно среди безмолвия летней ночи, когда бодрствование и сон мало отличаются друг от друга.

Человек путешествует. По рельсам, по водным и воздушным маршрутам, по асфальтовым и грунтовым дорогам человек путешествует. Есть четыре вещи, скрытые внутри у удавшегося путешествия. У неудавшегося путешествия внутри — тысячи вещей, и все они достойны «Поля чудес» в Стране Дураков, то есть мусорной свалки. Удавшееся же путешествие состоит из:

знакомства,

узнавания,

расставания

и воспоминания.

Знакомство, взятое как эмоция — это удивление. Глаз при этом широко открыт. Глаз жадно ест то, что видит, будь то красоты ландшафта, иероглифы незнакомой культуры или темные тупики ее.

Узнавание, следующее за знакомством, есть труд. Труд собирания впечатлений, при котором глаз уже не распахнут, но прищурен. Как эмоция, этот труд — радость от приобретения. Ведь мы приобретаем, узнавая. Приобретаем мысли, впечатления, открываем нечто о себе, сталкиваясь с «другим». Только столкнувшись с «другим», себя самого и узнаешь.

Четверка преполовинена, и здесь пора сделать остановку.

Встреча с тем, что понравилось, во что ты влюбился как мальчишка, зовет тебя раствориться в новой и полюбившейся среде. Вот ты совершаешь в нее веселый прыжок,

как купальщик — в море. Еще немного — и, кажется, сам ты станешь деталью полюбившегося пейзажа: камнем, облаком, птицей, барельефом, даже — манекеном в витрине, но...

До конца раствориться нигде не получится. Останется некий нерастворимый и твердый внутренний остаток (возможно — алмазик), который и есть — ты. Мягкие ткани вокруг личностного ядра действительно способны размякать и пропитываться окружающей средой. Но ядро остается не размокшим. И ощущение в себе этого «твердого остатка» есть начало расставания, это точка неизбежного отчуждения. Даже если тебе здесь еще жить и жить.

Потом расставание внутреннее приведет к расставанию внешнему (все, что существует снаружи, начинается внутри). От расставания родится скорбь, похожая на нытье в зажившей ране. Сердечное нытье — спутник человеческой жизни после утраты Рая, после выхода из детства.

Но тайны не заканчиваются. Отдаляясь в пространстве от полюбившегося объекта, ты навсегда уносишь с собою и в себе нечто, принадлежащее ему; уносишь то, что станет теперь твоим; что можно будет рассматривать и перебирать при свете сальной свечи или электрической лампы.

Человек — скупой рыцарь, и у него есть сокровища памяти, к которым можно спуститься по скользкой винтовой лестнице. Сокровища не звенят монетой, а скорее шуршат фотобумагой. Один человек просто перебирает воспоминания, словно проветривает летом зимние вещи. Другой способен работать с воспоминаниями, разбираться в них и в себе. Этот другой сучит из вороха, из кучи нить, чтобы потом сплести из нити сеть и, может быть, поймать сетью зайца. В конце концов, память — это единственное, что есть у нас за спиной, раз уж мы бескрылы.

Впереди — Престол Судии, а позади — память.

Радость знакомства — раз!

Частичное растворение в новом узнанном мире — два!

Прикосновенье к барьеру, за которым ты нерастворим, а значит неизбежно прощанье. Три!

И память — четыре. Вот четыре этапа удавшегося путешествия. Этим этапам сопутствуют

удивление встречи,

радость приобретения,

грусть расставания и

созидательный труд паука, долго ткущего из воспоминаний тонкую нить, порвать которую, к сожалению, нет никакого труда.

Могут быть, правда, у этого четверочастного плода удавшегося путешествия еще и предшественники в виде «томления ожиданий» или «восторга предчувствий». Но это уже

другая схема и иной расклад, поскольку у «пятерки» и «шестерки» своя метафизика и свои тайны.

«Свечи погасли, но бал не окончен»

Праздник Крещения Руси – праздник смыслообразующий. Оттого его и проводить трудно. Однако он прошел, и прошел успешно.

«Разбирая полет», можно на многом остановить внимание. Например, для таких праздников, как День Крещения, нужна тихая, но серьезная работа в течение года. Это как со знаковыми кинофестивалями. Для обывателя они кажутся яркой вспышкой раз в году. А по сути они – плод непрекращающихся годичных трудов. Фильмы снимаются, рецензии пишутся, творческие лаборатории не спят и процесс идет.

Что является таким процессом в данном случае? Ответ: создание умной среды для серьезного разговора о смыслах. Праздник-то смыслообразующий. Нужно постоянно думать и делиться мыслями, для чего – встречаться: в эфирах, в реале, на страницах изданий.

Любую серьезную проблематику понимают жалкие десятки крупных специалистов. Дальше – пустыня. Дальше – царство манипуляций и мысленных шаблонов. И если мы хотим говорить о всенародных праздниках, то нужно искать каналы для трансляции серьезных мыслей на широкую аудиторию.

На любой конференции мне больно слышать, как умные люди вещают глубочайшие вещи в полупустых залах, тогда как за стенами этих залов шумят городские улицы, по которым ходят люди, ничегошеньки не понимающие в поднятой высокой проблематике.

Хочется предложить: «Расскажите это все тем, кто рядом с нами по улице в трамвае едет. Им ведь это тоже нужно». Устройте вы народный лекторий или пойдете с беседами по школам – не важно. Это вопрос техники и практики. Вопрос же принципа – поиск возможностей для разговора с миллионами на благородные темы.

Отношения будней и праздников могут быть правильными и неправильными. Иногда между буднями и праздниками существует конфликт.

Неправильные отношения, это когда напряглись, отшумели, отпраздновали, отчитались и – отдыхаем до следующего года. Тогда можно за неделю съесть то, что год копили. Правильные же отношения – когда сосредоточенная работа совершается без долгих перерывов и плоды этой работы регулярно доходят до обывателя.

Совсем без праздников нельзя. И есть такое мудрое слово: «Блажен, кто отличает будни от праздников». Без подобного различения человек, при постоянной рутине опускается нравственно ниже скота. И взоры гаснут, и мысль зарывается в землю. Но жизнь это не радостный шум, а тихое творчество незаметных будней. Праздники же – напряженное и красочное проявление того, чем живут повседневно.

(Надеюсь, я не сложно выражаюсь)

Народ ведь, чем дальше, тем труднее будет способен на массовые и глубокие торжества. Корпоратив – понятно. Это праздник. И футбольный чемпионат – тоже. А там, где что-то глубокое, да масштабное, там человек грустнеет. Его ведь думать заставляют.

«Хлеба и зрелищ», — орали римские люмпены. «Снижения цен и массовых гуляний за муниципальный счет», — звучит эта фраза в нынешнем контексте. А что нужно делать, чтобы взгляд человека сосредоточился и посветлел, и чтобы в этом заключался праздник? Давайте подумаем.

Вот современный город-многомиллионник. Шум, спешка, тысячи машин, у каждого жителя голова проблемами нафарширована. Теперь подумаем: что же такое нужно сделать, чтобы весь этот цивилизационный муравейник радостно замер и ощутил праздник? Не кажется ли это вам задачей, в полной мере невыполнимой? Мне кажется. И именно по причине грандиозности задачи на организаторов легко потом нападать. Мол, людей мало, охраны много, политика замешана, и т.д., и т.п.

Чепуха это все. Просто в этом «чудесном новом мире» все святое делается с неслыханными дотоле усилиями, а КПД далек от больших процентов. И значит нужно готовиться к следующему празднику уже сегодня, когда дворники еще убирают вчерашнюю концертную площадку.

Кстати, прекрасное дело – трезвые праздники, то есть запрет на продажу и употребления алкоголя при массовых собраниях. Так в Киеве было и оправдало себя.

Я рад приезду Патриархов, и меня не сильно раздражают голоса скептиков и противников. Караван ведь идет... На глубине, думаю, совершилось больше, чем видел глаз. И стоит продолжать работу.

Вообще мало кто понимает, сколько организационных усилий стоит за фасадом подобных праздников. И все ради того, чтобы помочь людям выстроить свой внутренний мир в соответствии с вечными смыслами. Не спорю – в случае коммерческого интереса или эксплуатации людских страстей критиков было бы меньше и фейерверков – больше.

Такие праздники – протягивание рук для рукопожатия между поколениями. Это смывание народом грима и обретение природных черт лица.

Все глубокие вещи дороги и хрупки. Их нужно и преподнести суметь, и не разбить по дороге. Если этой работой не заниматься, люди выстроятся в колонны молотков, как на клипе Pink Floyd «The Wall», и пойдут крушить все, что им в голову не влезит. А что,

скажите, влазит в голову молотку? Правильно – ничего. Вот он и будет крушить все: семью, мораль, историю, законы и заповеди.

Поэтому Праздник Крещения, он только на поверхности – праздник. На глубине это война. Благородная рыцарская война против современного мирского духа, нивелирующего все и все разлагающего.

Стоит только удивляться и радоваться, что такие Праздники удаются.

Рукоположение в христианство

Возложение руки (рук) – очень яркая черта христианской богослужебной практики. При Крещении, то есть при вхождении человека в Церковь, иерей говорит: «О имени Твоем, Господи Боже наш, возлагаю руку мою на раба Твоего (имярек), сподобившегося под кровом крыл Твоих сохраниться». И потом, уже в конце чинопоследования, священник возлагает руку свою на главу крещаемого с молитвой, чтобы, как на Давида царя через Самуила пришла благодать, так и на крещаемого пришла она через возложение руки. Таким образом, не имея власти и права поставлять в чины и степени, священник, по крайней мере, дважды возлагает руку на крещаемого в ходе Таинства.

Под рукоположением мы традиционно разумеем преподавание благодати, возводящей человека на высшие степени. Называется это «хиротония». Это правильно. Можно сколько угодно отцу возлагать руку на сына, но сын так и останется сыном, если отец – не епископ. Божественная благодать, немощных врачующая, должна сопутствовать самому факту возложения рук.

И вот, возвращаясь к Крещению, хочется сказать, что возложение священнической руки на крещаемого есть некий след древнего рукоположения. Раньше ведь крестили преимущественно епископы. А возложение епископских рук давало человеку причастность Духу Святому. Потом, со временем, помазание освященным миром заменило по форме то, что раньше давали руки епископа. Священники стали преподавать Духа через помазание, а возложение рук, оставшееся в Таинстве, словно напоминает нам о том древнем чине, который идет от апостолов.

И вот, что думается мне, в связи со сказанным. Думается, что не только возведение на степени служения, – дьяконство, священство, архиерейство, – связано с возложением рук. Сам приход в Церковь, само вхождение в христианство связано с рукоположением. Можно сказать, что в корнях своих (если вспомнить о связи миропомазания с возложением рук) всякий верующий и крещеный человек рукоположен в христианство.

Теперь становится гораздо более отчетливой мысль апостола Петра о царственном священстве. «Вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 1:9) Священник поставляется для служения. Он уже не «работает» и не просто «живет», но служит. Таково свойство поставленного, возведенного в степень. И таковы все христиане без различия. Великой язвой христианского сознания является рифмование Церкви только с ее освященными служителями, и, соответственно, исключение из деятельного числа членов церкви простых мирян. Так вот! Все миряне рукоположены в христианство, то бишь, – в служение Богу и людям!

Если бы епископы и ныне совершали большинство Таинств, в том числе – Крещение, то они могли бы смело не пользоваться миром, но, возлагая руки, низводить Вседержителя Духа на крещаемых.

Апостольская идея царского и всеобщего священства стала бы очевидна. Но то, что епископы ныне крестят не всех, а только некоторых, не их вина. Это – наследство, с которым следует тщательно и мудро разбираться. Долгими столетиями жизненная рутина превращала попа только в требоисполнителя и поедателя панихидных хлебов, а епископа, соответственно, из евхаристического предстоятеля и вождя молитвы – по преимуществу в чиновника или барина. Соответственно, совершение Таинств делегировалось иерейству (не барское, мол, это дело), и смысл их (Таинств) неизбежно с течением веков профанировался и затемнялся. О «царственном священстве» теперь только от протестантов и услышишь, хотя сама идея – библейская, церковная, апостольская. Это наша идея, украденная у нас же по причине нашей лени и невнимательности.

Ломать ничего не надо. Церковная практика требует плавности и постепенства ради мира народа Божьего. Нельзя ничего делать резко, по-революционному. Нужно просто постараться понять чистую глубину подлинной церковности, чтобы не путать позднейшие наслоения с преданием Апостольским. Многие могут сосуществовать без вражды. Так, например, крещенные через Обливание не умалены в благодати в сравнении с погруженными целиком и троекратно. Хотя и нельзя спорить с тем, что подлинное Крещение есть именно троекратное погружение во имя Троицы, а не что-либо иное. Все иное – исключение, а не правило. Так же и «рукоположенные в христианство», а не мазанные миром, будут одинаково благодатны с теми, кто именно миром мазан, и на ком не было рук архиерейских.

Суть не столько в том, как ты принял Духа, сколько в том, как ты служишь потом Богу, и оправдаешь ли принятие Духа тобою в день искупления. Вопрос весь еще и в том, чтобы открывать для себя подлинную церковную жизнь, почти везде густо замазанную Синодальной гуашью и позднекатолической практикой. Так раньше и древние иконы спали столетиями под масляными слоями позднейшей еретической живописи, пока не хватило ума открыть великое старое, аккуратно убирая ненужное новое. Это – принцип обретения не только древней, насыщенной богословием иконы, но и аскетического пения, и святоотеческого образа мышления, и способа проповедования, и многих незаслуженно забытых Литургических практик.

Так, подводя итог, нам следует вспомнить, что епископ, совершая Крещение, не только вправе, но и обязан подавать Духа возложением рук. Мир не для него. Миропомазание возникло, как замена епископского действия священническим. При этом крестить владыки должны не только депутатских детей и чад бомонда (этих вовсе бы не крестить с помпой, но только смиренно и руками самых простых священников), а людей вообще.

Людей, прошедших оглашение, желающих причаститься Чаше Нового Завета, наученных молиться и верить.

Эти слова довольно фантастически звучат даже для автора этих строк. Но автор этих строк знает, что невозможное человекам возможно есть у Бога. И как знать, не увидим ли мы со временем собственными глазами сильное и свежее обновление церковной жизни, в том числе и в части упомянутых выше вопросов.

Впрочем, полезным будет уже и то, чтобы всякий из нас осознал себя, в независимости от того, в сани он или нет, человеком, «рукоположенным в христианство», и принадлежащим к царственному священству от самой купели.

Человек-невидимка

О том, как стать человеком-невидимкой и что будет потом

Я листаю иногда по памяти детские книги, то есть те, что читал в детстве. Они имеют свойство извлекаться из памяти не в сухом информативном виде (сюжет, объем, смысл), а обрастают целым куском жизни, внутри которого были прочитаны, и воскресают в памяти именно с целым этим куском.

«Записки Шерлока Холмса» — это не только сборник рассказов Конан Дойла, но и сумрачный осенний день с туманом за окном, и чувство тепла от батареи, в которую я упирался ногами, полулежа с книгой в кресле. Это тиканье старых настенных часов и всегда любимое, но такое редкое одиночество в доме.

А «Двенадцать стульев» — это уже продавленная тахта в другом доме, и много воздуха в комнате, и открытое окно, из которого видны жестяные крыши, и воркование голубей под стропилами. Это еще какое-то завистливое удивление от того, что вот так (!) можно писать, и фейерверк восторгов на каждой третьей странице, минуя предыдущие две. И это запах, запах старой бумаги, которая на момент чтения раза в три была старше меня, и которая до сих пор кажется мне несравненно лучше, чем веленевая, мелованная и прочие сорта бумаги, включая ватман, картон и наждачку.

А вот Герберт Уэллс — это интеллигентный выдумщик, вызывающий страх и удивление. После «Войны миров» было страшно смотреть на звездное небо. Все ли звезды мерцают, оставаясь на месте? А ну как от далекой планеты уже отделились капсулы с пришельцами и приближаются к Земле? Вот! Вот! Двигается огонек. Не они ли? Дедушка тогда говорил, что мне рано читать взрослые книги. Удивителен и пугающ был также рассказ и о человеке-невидимке. Я вспоминаю сегодня о том чувстве удивления и нахожу его бесполезным для нынешних взрослых дней.

Состояние человека-невидимки романтично только первые пару минут. Казалось бы, как хорошо — ты видишь всех, а тебя никто. Широкая дверь для невинных шуток и опасных пакостей распахнута. А человеку ведь, к сожалению, очень часто хочется наполнить жизнь невинными шутками и опасными пакостями. Но очень быстро начинаются проблемы. Человек, будучи неуловим для глаза, все же излучает тепло и запах, он занимает место в пространстве, он оставляет следы. По сути, он виден и невиден одновременно.

Как это открытие изумило меня в те детские годы при чтении Уэллса! Думаю, сам автор, выдумав первоначальный сюжет, долго изумлялся неожиданной линии его развития. Легко ведь согрешить поспешной радостью о диковинной находке. Но стоит начать владеть находкой (в случае с найденным сюжетом — разматывать и додумывать его), как восторг сменяется ужасом, и то, что только что радовало новизной, становится кошмаром.

Итак, невидимка почти что виден, и ему трудно пребывать незаметным. Он «звучит», т. е. дышит, прикасается к предметам... Холод и жара действуют на него, пища, попадая внутрь его организма, видна (!) — и значит, невидимость должна оплачиваться абсолютной пустотой желудка и кишечника.

Рано или поздно измученный невидимка должен одеться. Для него это как воплощение, как обретение формы. Он как бес приобретает призрачный, ненастоящий вид. Пальто с поднятым воротником, ботинки, перчатки, шляпа, надвинутая низко, очки. Только в области носа, на который ничего не наденешь, виден просвет и через него — стену ближайшего дома. Закутаться полностью никогда не удастся!

Почему я вспоминаю об этом в зрелые годы? Потому что потеря лица есть утрата уникальности. Определение работает в обе стороны. Утрата уникальности = потеря лица. (Скажем, вихляющиеся дамы на музыкальных каналах похожи друг на друга как клоны, как капли, может быть, воды) То есть: нет лица (в буквальном смысле) — ты не личность.

А обратно: не вызрел, как личность — нет лица, хотя есть и фото в паспорте, и страничка в фейсбуке. Лица нет. Есть анатомический набор в виде носа, губ, глаз и ушей, которыми некоторые даже умеют шевелить. Но, как сумма всех органов вовсе не дает человека, так и лицо есть нечто большее, нежели все части лица, расположенные в нужном порядке.

Потеря лица — это шляпы, висающие в воздухе, потому что головы под ними пусты; это взгляд глаз, сквозь которые видно стену напротив. И это — не мираж, а словесный портрет еще не повсеместной, но уже не редкой действительности.

Ему бы уехать в Венецию, где месяцами длятся карнавалы, где на всех лицах в эти дни по вечерам — маски, а из-за длинных плащей не видны кисти рук. Но он остался в сырой и холодной Англии, где пристально всматриваются в прохожих, где шансы быть не узнанным стремятся к нулю. Впрочем, оставим его — ученого, желавшего получить власть над миром, но бесславно погибшего. Оставим в покое человека-невидимку. Вернемся к нам, теряющим лицо.

Первыми «теряются» глаза. Они выцветают, блекнут, становятся овечьими. На фотографиях они зловеще краснеют, отражая свет вспышки, но в повседневной жизни они мутны, как яичный белок. Одна из причин бесцветности — эти глаза редко бегают по строчкам. Люди перестают читать. Не от того, что заняты весь день тяжелым трудом, и не от того, что не обучены грамоте. По причине специфической внутренней пустоты перестают читать люди.

Просто пустота — это прекрасно. Кувшин полезен пустотой. И Вини Пух пел: «Вот горшок пустой, он предмет простой. Он никуда не денется». То есть пустоту можно полезно наполнить. Но современный человек пуст специфически.

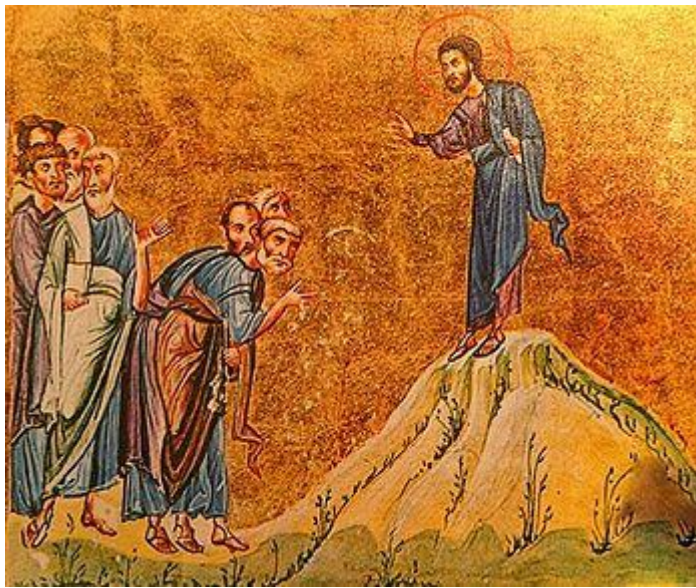
Он агрессивно пуст. Он пуст так, что его не наполнишь. Вроде бы ничего в нем нет, а начнешь лить в него масло ли, молоко ли — не льется. Пустота отвердевает и выталкивает благородное заполнение. Как сквозь невидимку было видно стену напротив, но попробуй прикоснись к этой стене — столкнешься с живым телом, так и человек сегодня. Тот — человек-невидимка, а этот — пустышка-невместимка.

Он пуст, бедняга, как барабан, как высохший колодец, как банковский счет абсолютного банкрота. Но попробуй наполнить его, и не получится. Столкнешься с тем, чему нет имени, и отступишь не солоно хлебавши. Учителя знают, о чем бишь я. И проповедники знают. И психологи знают.

Я вздыхаю и грызу колпачок шариковой ручки. Читать надо. Были бы мы чуть менее деревянными, эти слова не стоило бы произносить. Не произносим же мы «дышать надо», а просто дышим. Но в деревянном мире банальности становятся пророчествами. Читать надо. Например, Батюшкова (Вечер у Кантемира), или Йозефа Рота (Марш Радецкого), или что-то еще. Потом можно будет вынуть из памяти воспоминание о тексте и смысле целым куском: вместе с воздухом летнего дня, вместе с шумом из кухни и усталостью от прошедших праздников, вместе с желанием куда-то на время исчезнуть...

Проповедь о проповеди

Писание привычно умножает слова для усиления смысла и словно возводит их для этого в квадрат. Есть небеса, а есть небеса небес. Есть смерть, а есть «смертью умрешь». Есть Святое, и есть Святое Святых. Есть еще «проклятием ты проклят», «умножая, умножу» и многое другое. В мире бизнеса есть подобное удвоение. Есть не только продажи, но и «продажи продаж», т.н. «франчайзинг». У нас назрела необходимость в проповеди о проповеди. Она должна быть направлена на самих проповедников, чтобы разбудить, взбодрить и научить.

В этом нет ничего странного. Есть ведь учителя, то есть те, кто учит детей и взрослых. Но есть и учителя учителей, т.е. те, кто учит учителей. Для студентов есть профессора. Для профессоров – академики. Есть лестница вверх по мере усложнения задач. Один режиссер снимает фильм для массы потребителей. Другой – для некоторых режиссеров. Одним словом, это – стандартное явление в мире людей, и нам нужна проповедь о проповеди, и проповедь для проповедников.

Им нужна, к примеру, хорошая память. Ее нужно разрабатывать. Когда-то были мастера-чтецы или декламаторы. Они могли перед аудиторией наизусть читать огромные куски художественной прозы, и, поверьте, на выступлении такого мастера полет мухи слышно было. Почему бы и нам не тренировать память на лучших образцах хорошей литературы?

Еще есть ораторское искусство. Найти тему, развить ее и донести до слушателя – задача такого искусства. Этим надо заниматься. Демосфен с камешками во рту и Цицерон над речью в свете масляной лампы – наши хорошие товарищи.

Гомилетика – наука о произнесении проповедей – у нас существует. Но существует по остаточному принципу, как культура – в Советском Союзе. Кое-что есть? – Этого хватит. А в это время реклама проповедует, сатирики и комики говорят без отдыха (все упорно тренируются, надо сказать), политики «толкают» речи, кино и музыка тоже занимаются своеобразной проповедью. Можно ли молчать в это говорливое время? Навряд. Но священники сомневаются в своих возможностях. Они не уверены, получится ли у них. Еще им совесть связывает язык (самый благочестивый и опасный враг проповедника). Еще они боятся осуждения коллег, зависти, неодобрения начальников. Поэтому многие служат так, как служил отец Иоанна Предтечи после зачатия сына – молча. Открывают рот только для возгласов и объявления служб на следующую седмицу.

Или этой практике придет конец, или нам всем придет конец, что сказано не для красного словца, а по истине.

Говорение это творчество, и говорение это Таинство. Говорение открывает тайники и обнаруживает скрытое во мраке. (Вот почему коллеги могут осуждать, и начальники могут быть недовольны сказанным). Говорение это предоставление возможности Богу действовать здесь и сейчас. В бессловесном мире Бог действует грозами и бурями,

потопами и землетрясениями. А в нравственном мире Бог меняет людей посредством слова.

Мы, священники, должны были бы часто собираться для того, чтобы поделиться опытом успехов и поражений, поделиться темами, поднятыми в приходах, ободрить и окрылить друг друга. Это так же естественно, как семинары врачей и собрания педагогических коллективов. Дело за малым – перевести желаемое в сферу действительного. Когда нужное слово сказано, то полдела уже сделано. Вот я сейчас пишу эти строки, и если их кто-то прочтет, то процесс не сможет не запуститься. Пусть меньше, чем нужно и хуже, чем хочется, но он начнется. Таково свойство сказанного слова.

Павлу неоднократно являлся Господь Иисус и велел не бояться и не умолкать. Петр и Иоанн, после битья по слову архиерея, отказались молчать о Воскресшем Христе. Исайя велел не умолкать всем, говорящим о Господе. Иезекииль по слову Божию даже сухим костям проповедовал, и это слово не было без плода. Иеремия хотел было, но не смог сдержаться и давал выход словам, горевшим в груди его, как огонь в хворосте. Всюду делу сопутствовало слово, дело рождалось словом и слово меняло жизнь.

Нужны группы для изучения Писания и святоотеческой письменности. Саму письменность эту надо осознанно разделять на аскетическую, догматическую и нравственную. Эти области не стоит смешивать, чтобы знать, что и для чего читать; что и кому проповедовать. Группы ревнителей христианского образования нужны. Группы любителей Слова. Группы общения единомышленников. Все это нужно весьма и весьма, и если кто должен чувствовать в этом нужду, то священник – первый. Не всю же жизнь быть требоисполнителем, и оплачивать «тихое и безмолвное житие» невежеством паствы.

Для стимула можно пойти священнику на репетицию любого театра. Сколько труда интеллектуального, и эмоционального, и физического нужно затратить актеру, чтобы сказать что-то людям со сцены!

А еще можно пойти на тренировку спортсмена-олимпийца. Сколько пота нужно пролить, сколько всякой ненормативной всячины от тренера выслушать, чтобы в конце концов с медалью на груди заплакать на пьедестале под звуки гимна! И так – везде. Так можно ли нам, не для страны, а для Господа, и не на сцене, а на амвоне трудясь, добиваться успеха без соответствующих затрат нравственных, умственных и физических? Вопрос риторический, и ответ «можно» даже поросенок бы не произнес, если бы разговаривать сумел.

Так давайте же засядем за книги, и обменяемся книгами. Давайте будем делать выписки из прочитанного и доверять бумаге яркие мысли, время от времени посещающие всех людей без исключения (!). Давайте разлепим рот, залепленный чем попало, только не страхом Божиим, и начнем говорить с людьми: до службы, в середине службы, после службы, за пределами службы. Со временем из всего этого могут родиться школы проповедников и катехизаторов, столь необходимые жаждущим душам.

Дары ведь имеют свойство умножаться, как только, принесенные нами, попадают в руки Христа. Не верите – прочтите еще раз об умножении хлебов. Сколько еды было, и сколько людей наелось! Рыб так бы и осталось две, а хлебов – пять, если все это лежало в сумке у апостолов или того мальчика, о котором в тексте упомянуто. Но принесли Христу и — накормили тысячи. Мы же часто вообще никого не кормим, потому что семинарские и академические знания храним в дипломах и значках, а людям не несем все, что учили долгими годами. Вот оно и плесневеет, а не умножается.

Простая арифметика. Сложите приблизительно в уме – сколько часов лекций выслушивает за три-четыре года ученик семинарии. А если еще и Академии? Получится страшная цифра. Теперь попробуйте сложить – сколько часов проповедей произносит условно выбранный священник лет за пять-семь служения? Получится, что в сравнении с выслушанными поучениями за годы учебы, произнесенные поучения в годы служения, это – наплакал кот. Вопрос – зачем учился? Зачем таланты в землю зарыл и в оборот не пускаешь? Не страшно, что ли?

Все ведь когда-то летали, все под ногами земли не чувствовали. Духом пламенели, Господу служили. А потом незаметно мохом обросли, крылья сложили, лишний вес набрали, так что не взлетишь, стали усталыми скептиками и внешне успокоились. Если это – норма, то мы – не христиане. Нужно опять начинать летать. И полет этот должен быть мысленным и словесным. Потом – все остальное.

Это наше Святое Святых, чтобы нам смертью не умереть и не быть проклятием проклятыми.

Арифметика

Как должен проповедовать священник, имеющий за плечами семинарию? А как проповедует на самом деле? Почему так получается?

Тянет меня к простым расчетам. Карамзин, открывший историю Отечества, словно материк неведомый, провел в чтении и писании 30(!) лет. 800 лет исторического пути он пропускал через себя три десятилетия. Результат — восемь томов литературно изложенных знаний. Пушкин, в сильной болезни не покидая постели, за две недели прочел, «проглотил» этот восьмитомный плод тридцатилетнего труда. Проглотил и переварил восемьсот лет народной жизни.

Меня всегда интересовало это соотношение жизни, ее понимания, писания книг о понятом и усвоение написанного читателями. В данном случае арифметика проста: 800 лет истории, 30 лет труда, две недели внимательного чтения. Но меня интересует проповедь и арифметика, связанная с нею.

Нам нужна проповедь. Не какая-нибудь, а качественная, сильная, честная и глубокая. Тихим шагом идем теперь в семинарские аудитории, туда, где воспитываются и образуются будущие пастыри. Арифметика проста.

В один учебный день поставим 4 академических часов по 45 минут каждый. Это усредненный вариант. Берем пять дней в неделю, опять-таки уменьшая общее количество учебных часов. Итого в неделю 20 учебных часов. Догматика, история, устав, гомилетика, пастырская психология и проч. В месяц — 80 часов. Это минимум. Берем далее год с тремя месяцами (что — роскошь) каникул. 9 умножаем на 80 = 720 (академических часов пастырского обучения и получения полезных знаний).

Это — год, в котором есть не учтенные часы самоподготовки, личного общения, размышления, молитв, богослужебной практики, воскресных богослужений с обязательной проповедью. Какие пастыри должны выходить из такой спецназовской по плотности подготовки! Теперь год умножаем на четыре. Даже без Академии за четыре года получаем в виде минимума 2880 часов.

Сократим их ради удобства и оставим — 2500. Все-таки, человек может болеть, куда-то уезжать, может проспять пару и проч. но все равно цифра внушительна. Запомним ее — 2500 часов, наполненных полезными знаниями. Их преподают ради переваривания слушателями и ради будущей передачи этих знаний пастве. Мы приближаемся к выводу.

Если вы получили знания, уместившиеся в 2500 часов занятий, то не все вы отдадите другим. Одно забудется, другое не усвоится. Разделим тогда общую сумму на три. 800 часов проповедей вы должны сказать.

Много это или мало? Если говорить только в воскресенье и по полчаса или по тем же 45 минутам академического часа, то за месяц вы скажете 4 часа проповеди в голом временном измерении, не касаясь качества. Четыре(!) в месяц. 48 — в год. Примерно 17 лет (!) вам придется отдавать то, чему вас пытались научить, накормить, напичкать за всего лишь четыре года обучения в семинарии.

За это время вы устанете, постареете, обростете проблемами быта и семьи, озлобитесь, успеете нагрешить. А ведь чтобы хотя бы за десять лет отдать пастве полученные знания, нам всем нужно проповедовать в четыре — пять раз больше, чем мы это обычно делаем.

Вывод: либо нас плохо учат; либо мы плохо учимся; либо одно и другое вместе. А может, мы идем в пастыри не для того, чтобы становиться пастырями. В любом случае налицо несоответствие полученного и отданного. Гора, как говорили римляне, рождает мышь. Человек прочитывает сотню книг, а из сказанного им за жизнь нельзя составить и тощей брошюры. Человека учат, учат, а он с легкостью выпускает из одного уха то, что влетело в другое, лишь только покинув коридоры *alma mater*.

Мы не получаем знаний только для себя. Никто так знания не получает. Ни врач, ни инженер, ни летчик. Знания получают, чтобы отдавать. Тогда это жизнь. Съесть и не переварить — это смерть от несварения желудка.

Вот арифметика, которая с недавних пор меня интересует. Сколько нужно проповедовать и как, чтобы оправдать свое длительное пребывание за семинарской партией и получение уникального и интегрального образования? Сколько недополучает наша паства по причинам указанным и подразумеваемым? Какие еклесиологические проблемы рождаются от сей молчаливой лени или от того, бывшего, формального образования?

Покамест ответа нет. Есть цифры, упрямо строящиеся на бумаге, и даже в сильно урезанном и сокращенном виде сильно вопиющие к небу, словно кровь Авелева.

«Ни один из князей, правивших после Владимира, не предлагал вернуться к язычеству»

Украина, Россия и Беларусь празднуют 1025-летие Крещения Руси

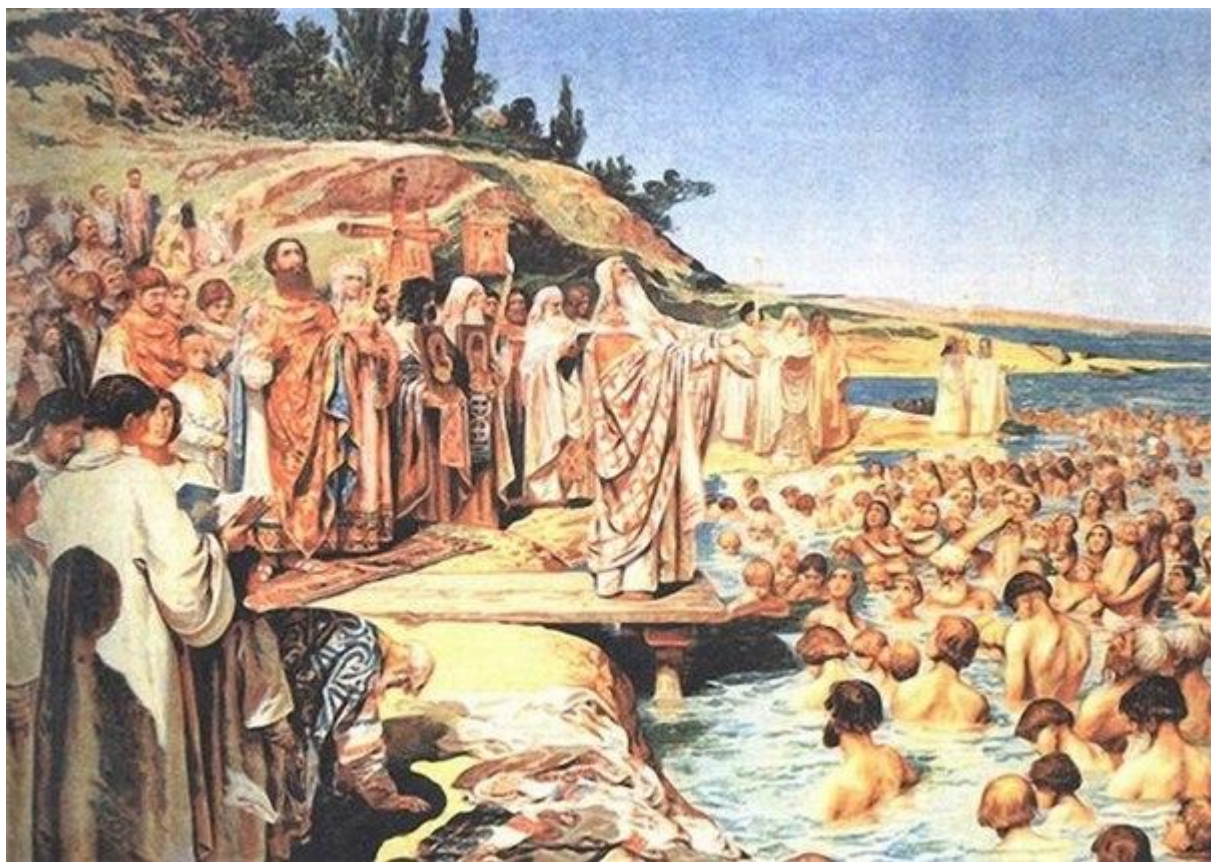
В 988 году, как свидетельствует «Повесть временных лет», написанная в начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, князь Владимир, крестившийся в греческом городе Корсуне (Херсонесе), велел киевлянам креститься в Днепре. С этого момента христианство византийского обряда стало государственной религией Руси. Надо полагать, что Владимир,

принимая эпохальное решение, руководствовался как религиозным воодушевлением, так и политическими мотивами. Ведь в глазах правителей Киевской Руси Византийская империя была не только богатым и могущественным соседом, но и образцом централизованного государственного устройства. Ведь император, с которым стремились сравниться князья, считался наместником Бога на Земле и обладателем всей полноты власти. Кроме того, союз с Византией повышал государственный статус Руси среди соседей, а приобщение к высокой культуре христианских народов означало успешное развитие духовной и общественной жизни. В любом случае последствия принятия христианства русичами вышли далеко за пределы индивидуальных религиозных переживаний Владимира.

Накануне юбилейных торжеств о событиях 1025-летней давности «ФАКТМ» рассказал известный проповедник протоиерей Андрей Ткачев.

— Отец Андрей, известно как крестили киевлян? Насильно сгоняли язычников к Днепру?

— Очевидно, что мы обсуждаем событие, которое современному человеку трудно даже представить, не говоря уже о понимании психологии древних русичей. Не думаю, что киевлян сгоняли на крещение палками. Ведь в таком случае, они могли взбунтоваться, избить священников и даже прогнать самого Владимира. Летописи донесли до нас информацию о подобных случаях. Народ в те времена был достаточно своевольным, князей не только из городов выгоняли, но и жестоко убивали. Помните, как древляне расправились с собиравшим непомерную дань князем Игорем? Они наклонили к земле две молодые березы, привязали к каждой из верхушек по княжеской ноге и... отпустили.

Владимиру же достаточно было сказать только слово, и народ послушался. Очевидно, что он обладал большим авторитетом, да и население, вероятно, его боялось. Кроме того, принятие Русью христианства готовилось еще за сто с лишним лет до самого события. Крещение в Византии приняли князья Аскольд и Дир, крестилась также княгиня Ольга, бабушка Владимира. Варяги, обитавшие в Киеве, были уже христианами, да и среди простых русичей были крещеные. Иначе говоря, при Владимире христианское вероучение уже не воспринималось как что-то абсолютно новое и чуждое. В противном случае силовое принуждение со стороны князя разбилось бы о стену непонимания и гнева простолюдинов. Народное сознание на тот момент уже созрело к принятию христианства, и Владимир тонко уловил эту волну.

После получения такого подарка, как Крещение, люди ощутили в себе перемену. Не было ни бунтов против новой религии, ни попыток отыграть ситуацию назад. Ни один из князей, правивших после Владимира, не предлагал вернуться к язычеству и не поднимал на щит старых богов. А вот один из правителей Римской империи IV века Юлиан Апостат, известный в истории христианства как Юлиан Отступник, с первых дней восшествия на престол начал восстанавливать язычество.

Из «Повести временных лет»:

«Послал Владимир по всему городу сказать: „Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом“. Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: „Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре“. На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы».

— Известно, что наши предки поклонялись многим богам, символизовавшим силы природы. Но насколько безобидным было славянское язычество?

— Как правило, человеческие жертвоприношения приобретали огромный размах в развитых языческих культурах со сформировавшейся кастой жрецов, письменностью, священными книгами и тщательно разработанным культом, который отправлялся в специально устроенных для этого пантеонах. В дохристианской Киевской Руси всего этого не существовало, а ритуалы были намного гуманней и проще, чем, скажем, в культурах Месоамерики (маяя, ацтеки). Даже западные соседи славян, кельты, практиковали человеческие жертвоприношения. На Руси же это были единичные случаи. Первые известные киевские мученики-христиане — варяг Федор и его сын Иоанн. Их незадолго до Крещения Руси убили в Киеве язычники по наущению жрецов, которые начинали чувствовать себя хозяевами человеческого сознания. То есть русичи уже подходили к той страшной черте, за которой начинались ритуальный блуд и кровопролитие. Очевидно, что человеческие жертвоприношения у славян случались стихийно и не принимали угрожающих форм. Но все шло именно к этому. Сам князь Владимир до Крещения своей развращенностью и отношением к человеческим жертвоприношениям способствовал развитию языческого культа именно в кровавом направлении. Таким образом, Русь была резко обращена в сторону христианства на очень опасном рубеже.

Из «Повести временных лет»:

«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

— Тем не менее с утверждением христианства язычество не исчезло. Некоторые его элементы до сих пор живы в народной культуре. Многие христианские праздники совпадают с древнеязыческими. Например, Ивана Купала и рождество Иоанна Крестителя...

— Конечно, какие-то черты язычества народ сохранил до сегодняшнего дня. Это, в частности, обычай в дни поминовения усопших есть на кладбище, как бы приглашая к трапезе (поминкам) мертвых. Остались и праздники, например, Ивана Купала, а также Коляда, приуроченный к Рождеству. Кстати, пророка Илью в народе называют громовержцем. Дело в том, что церковь стремилась не разрушать, как большевики, все «до основания», а старалась вычленив безвинное и безгрешное в прежней религии, окультурить и христианизировать образ мышления народа. Это совершенно правильный, христианский и педагогический подход. Почему христианские храмы воздвигались на местах бывших капищ или капища перестраивались в церкви? Чтобы ноги сами несли людей на привычное место отправления ритуалов, где теперь прославляли имя Христа и возносили молитву к истинному Богу. Но народная психология не так проста, чтобы быстро меняться. Поэтому до сих пор в нашей жизни сохранились элементы древней культуры, которые проявляются, например, в особом, почти мистическом отношении к земле-матушке. У каждой этнической группы есть индивидуальные психологические особенности, собственное лицо, которое сохраняет природные черты в течение веков. Христианство облагораживает, но не нивелирует

народы, и русский в Крещении все равно остается русским, а англосакс — англосаксом. Поэтому, скажем, филиппинский католицизм отличается от польского.

— В летописи можно прочесть, что у магометан Владимиру не понравился запрет есть свинину и пить вино. Выбирая между христианством римского образца и византийским, он остановился на последнем варианте, якобы из-за зрелищности и красоты греческого обряда богослужения. Насколько это отражает истинную мотивацию правителя Руси?

— После падения Западной Римской империи в V веке взгляды раннего средневекового мира обратились на богатейшую во всех отношениях Византию. Она стала настоящим магнитом, притянувшим в том числе и киевского князя. Но у меня есть собственное объяснение выбора Владимира: его подтолкнул в правильную сторону сам Господь. Ведь богословской аргументации от правителя Руси ждать не приходилось, поскольку он не прочел ни одной книжки и не смог бы подобрать нужных слов, чтобы выразить то, что принял сердцем. Как правило, люди чувствуют и понимают сердцем гораздо больше, нежели могут осознать умом и облечь в слова.

Что же касается предложения мусульман принять их веру, то князь от него просто дипломатично отшутился: «На Руси есть веселие пити, не может без него быть». Хотя... Что славяне тогда пили, не имея самогонных аппаратов? Слабоалкогольные меды и какие-то бражки. Поэтому пьянство древних русичей, на мой взгляд, сильно мифологизировано.

— Согласно письменным источникам, после принятия христианства Владимир сильно изменился: перестал казнить преступников, стал щедро раздавать подаяние бедным и строить церкви. А что случилось с княжеским гаремом, в котором якобы было 800 наложниц?

— Никто не знает точно, как князь распорядился гаремом, возможно, и не таким многочисленным, как сообщает летописец. Вероятней всего Владимир отпустил женщин на все четыре стороны, наделив подарками и деньгами для обзаведения собственным хозяйством. Кто-то из них, может, и хотел остаться, но после принятия христианства, думаю, блуд для великого князя стал запретным. Владимир вышел из купели крещения другим человеком. Похоть увяла, жестокость сменилась желанием кормить голодных, евангельская простота вытеснила из души гордые помыслы и хитросплетения интриг.

Из «Повести временных лет»:

«Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены... А наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растля девиц».

— Не кажется ли вам, что Нестор Летописец намеренно хотел подчеркнуть, что, приняв христианство, Владимир из жестокого язычника сразу превратился в доброго и милостивого правителя?

— С одной стороны, преподобный Нестор Летописец мог использовать такой риторический прием, чтобы оттенить темную дохристианскую жизнь от света, который несет Крещение. Но с другой — летописцы, а это, как правило, ученые монахи, имели страх Божий и боялись лгать. А могли ведь и умолчать о некоторых неблагоприятных фактах. Или же создать миф о том, что до Крещения славяне были добрыми и милостивыми, но не посвященными и просто не знали, как зовут истинного Бога. Дескать, жили во тьме, смрад идольских капищ застил глаза, поэтому и все человеческие страсти были им присущи. Но затем пришли проповедники, мы крестились и уверовали. Согласитесь, что такой вариант был бы намного лестней и для князей, и для всех русичей. Тем не менее летописец приводит жесткий и нелюбезный фактаж, изложение которого требует определенного мужества.

Из «Повести временных лет»:

«Владимир же жил в страхе Божьем. И сильно умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав».

— Известно, что первыми священниками в Киевской Руси были греки. А на каком языке велось богослужение?

— Изначально службы отправляли на греческом. В русской лексике до сих пор сохранилось слово «куролесить» (делать или говорить что-нибудь не понятное. — **Авт.**), произошедшее от искаженного греческого «Кирие, элейсон» — «Господи помилуй!». В православном богослужении это одно из самых частых восклицаний. Поэтому, когда греческие священники скороговоркой произносили: «Кирилейсон», «Кирелейсон», прихожане говорили: «Опять куролесить начали». Наши предки, конечно, ходили на службы, но смотрели на «куролесивших» греков, как невинное домашнее животное на новые ворота. Конечно, какие-то вещи им объяснили: о грехах, Иисусе Христе, вечной жизни и Судном дне. Но в целом, до появления собственных славяноязычных проповедников, книг и первой библиотеки, основанной в Киеве князем Ярославом Мудрым, первые русичи-христиане понимали в церковных богослужениях далеко не все.

Очень жаль, что сегодня в стране, имеющей тысячелетнюю историю православия, так мало настоящих христиан, которые прежде всего думают о Христе и ближнем своем, а потом уже о себе.

На Казанскую

Ничто и никто на Земле не живет без воды – озерной, речной, дождевой, родниковой. Нужная всем без изъятия, вода все же бывает разной. Иногда Бог дает источникам целебную силу, и тогда вода не просто питает, но обновляет силы и возвращает здоровье. Эти целебные родники и ключи могут быть горячими, могут обладать особым вкусом, цветом и химическим составом. Зверь – чутьем и человек – умом находят эту воду, а с нею – и милость Создателя. Почему одни родники обычные, а другие чудотворны, знает Тот, Кто создал небо, и землю, и все, что в них.

То же самое видим и в отношении икон. Их много. В храмах и жилищах, большие и маленькие, древние и новые, они смотрят на нас глазами Христа, Богородицы, святых угодников. И через некоторые из них Бог благоволит творить чудеса и являть милость. Так Он решил, и это Он Сам совершил избрание. Почему этот образ, а не иной, и почему сейчас, а не раньше или не позже, тоже – Его воля. Такова икона Казанская.

Ее почитание связывает нас с личностями и событиями. Главная личность – Патриарх Ермоген, защитник Отечества и мученик. Будучи еще просто священником, он стал очевидцем чудес от новоявленной иконы. Стал описателем этих чудес и творцом тропаря Богородице. Заступнице усердная, Мати Господа Вышнего, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего, и всем твориши спастися...

А главное событие это смута. Ее не с чем сравнить, разве что с революцией 1917-го и последующей чередой кошмаров. Привычно жалуясь на жизнь и выражая недовольство всем на свете, мы и представить можем с трудом, что такое смута междоусобицы, когда Рюриковичи пресеклись, а Романовы еще не явились, когда огромная страна, как раненный зверь попала в зубы бесчисленных шакалов. Жалости у шакалов нет.

Крестьянин тогда не пашет, потому что урожай все равно отберут. Купец не выходит на дорогу, потому что будет ограблен. Села тогда пустеют и крыши в брошенных домах провисают. Псам в пустых селах и деревнях в это время не на кого гавкнуть. Правители меняются так быстро, что народ не успевает запомнить их имена. Целуя крест на верность то одному, то другому, то третьему, люди совершенно перестают ощущать святость присяги и крестного целования. Все профанируется и обесценивается. Жизнь становится игрушкой, и брошенные трупы никто не хоронит. Первыми развращаются те, кто ближе к власти, кто погружен в интриги. Те, кто сидит на двух стульях и мечтает о короне, но трепещет за собственную шкуру. Они становятся циниками, а беззащитный народ перестает кому-либо доверять. И вот уже ставленники польского короля носят шапку Мономаха, а в Кремле поют Литургию по латыни.

Выход из смуты был чудесен и непредсказуем заранее. Народ организовался, воодушевился и, построившись в полки пошел освобождать Белокаменную – Дом Пресвятой Богородицы. Вожди были самые неожиданные, как неожиданным был когда-то победитель Голиафа – Давид. На хоругвях и иконах Лик Богородицы шел впереди народного войска.

Ермогену, умиравшему от голода в монастырском подвале, явились святые, среди которых был авва Сергей, и сказали, заступлением Богородицы суд об Отечестве переложен на милость.

Здесь очевидно есть какой-то ответ на наши частые вопрошания и недоумения. Ведь есть заморская неволя, есть усталость мужика, есть опустевшие деревни. Есть и цинизм вельмож, не любящих страну, которой правят, и готовых, если надо слушать другую службу на незнакомом языке. (Это – если надо, а так – лучше без служб обойтись)

Но есть и Богоматерь. Есть у людей любовь к Ней. Есть и Ее молитва к Сыну, якоже иногда в Кане Галилейской. Там Она говорила: «Вина у них нет». Ныне говорит, быть может: «Ума у них нет. Силы воли у них нет. Любви у них нет. Вера у них слаба». И как тогда вода стала вкусным вином после просьбы Марии, так и сегодня ничто не мешает трусости измениться в смелость, мелочному эгоизму – в благородство, и глупости – в мудрость.

Если, конечно, Она помолится.

Если, конечно, мы Ее об этом попросим.

Придите, христоименитые людие, к чистому источнику и черпайте, и пейте целебную воду даром. Это не вода из крана, но целебный ключ, начавший бить и не переставший по воле Бога.

Всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево. Ты бо еси Божественный покров рабом Твоим.

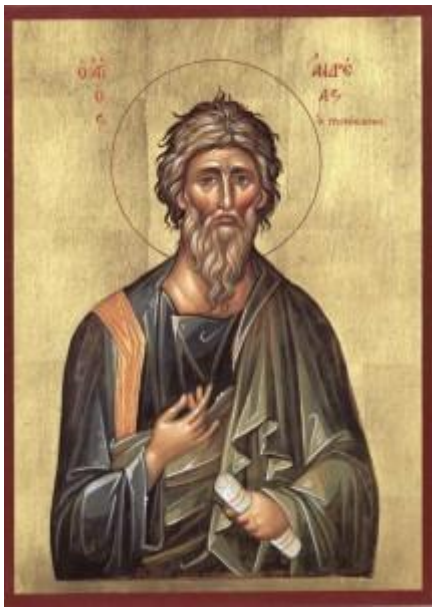
О святом Апостоле Андрее Первозванном

Каждый человек должен чтить своего святого, чьим именем назван. Через любимых святых небо становится из теоретической области пребывания Отца (Отче наш иже еси на небесах) живой реальностью. И Престол благодати, и облако свидетелей, окружающее его — также. Можно просить любого Петра: «Расскажи мне о Петре-апостоле». Можно просить любого Дмитрия: «Расскажи мне о солунском мироточце». Только не нужно подходить с этим вопросом к человеку, не могущему рассказать Символ веры. О святом он точно ничего не расскажет. Вот и меня попросили: «Расскажи нам об Андрее Первозванном». А я, хоть и могу пересказать Символ, чувствую замедление мыслей и внутреннюю тяжесть. Что я скажу об Андрее? Вот, что скажу. Он — еврей с нееврейским именем. Андрос — это «муж», в смысле духовных качеств. Кстати для мужеских качеств, обозначаемых термином «самец», «мужик», есть иные имена, и тоже вполне церковные. Например — Арсений. Но не об этом сейчас. «Андрей» это муж в смысле социальном и духовном. Его черты — постоянство, рассудительность, упорство без упертости, короче — мужество. Потом Андрей — ученик Предтечи. Это о многом говорит.

Предтеча постился и пребывал в молитве, и его ученики тоже. Он был чужд чванства, национальной узости и гордости, и его ученики — тоже. Предтеча понимал Писание по духу, а не по букве, и ученики его — тоже. Одним словом, ученический искуc под крылом большего из всех рожденных женами не просто дорого стоит. Он просто бесценен.

Андрей — брат Петра. А Иоанн Богослов — брат Иакова. Эти две пары братьев-учеников призваны первыми. При этом сыны Зеведеевы переименованы в «сынов грома». И Симон стал Кифой. А Андрея не переименовал Господь. Заметим это.

Из этих двух двоиц братьев всюду с Господом трое: Петр, Иаков и Иоанн. Они и на Фаворе, и в Гефсимании, и в доме Иаира над оживающим телом девочки. Если апостолы — Святое, то эти трое — Святое Святых. А Андрея с ними нет. Заметим это.

Как ученик Иоанна Предтечи, он уходит в сторону. Иоанн сказал о себе, что ему подобает умиляться, когда Христу подобает расти. Так же и ученик Иоанна – Андрей умиляется, уходит в тень, не идет вслед за другими тремя (или Бог не велит), повторяя поведение учителя.

Потом все подергивается дымкой. Факты малочисленны, поскольку эпоха апостольской проповеди – эпоха не информационная. Мы видим ярко Андрея только в конце пути – на Х-образном кресте. На нем он несколько дней проповедует, превращая орудие смерти в кафедру. Вот это и есть дух Апостольской Церкви – с креста богословствовать.

Потом мысль несется на Андреевскую гору, что в Киеве. Там великолепный храм. А раньше там была улица, полная блудилищ. Никто порядочный не селился на Андреевском спуске долгие годы. По ночам песни, поножовщины, визг блудных девок, шум до утра, в канавах – блевотина посетителей ночных заведений. Так было до приезда в Киев Андрея Муравьева. Вот кто небесному покровителю послужил. Вот кто не только про Андрея рассказать мог, но и небесному покровителю службу сослужил. Добился вывоза всех домов терпимости вон, подальше. Уехали они все на Ямскую, про которую Куприн знаменитую «Яму» со временем написал. Муравьев храм обновил и укрепил холм, на нем же стоит, там и опочил до всеобщего воскресения. А живописный спуск вскоре заселился докторами, профессорами, преподавателями Академии. Там же и Булгаков в доме Михаила Афанасьевича — отца-профессора родился. Там теперь все сплошь «культур-мультур» и «национальное достояние». А о виновнике красоты и порядка нигде ни слова. Как обычно.

Эта история похожа на ту ситуацию, при которой на Голгофе долго стоял храм Венеры. Блуд на святом месте. Бесовская прозорливость и духовное поправление святыни. Блуд успешнее всего погашает дух, а уже потом приходят теории, разрешающие грешить «по природе», то есть по «естественному закону».

Что сегодня Андрей для Киева? Река обмелела и нарядилась в мосты. Разводы мазута на ней бывают, и дно, говорят, загажено изрядно. Но все же она прекрасна. До сих пор упруга и широка ее грудь. До сих пор высоки над ней облака, хотя птицы свободно перелетают над Днепром на восток и обратно.

Днепр для киевлян – транспортная артерия, источник воды для бытовых нужд и рекреационная зона. Все? Пожалуй все. Зачем врать? Купель Крещения! Русский Иордан! Обыватель это слушает в пол уха. Обыватель не верит высокому штилю и хочет больше денег. Никто ни в Киеве, ни в Урюпинске высокими категориями давно не мыслит. На Причастии скажешь человеку: «Откройте шире уста» — ресницами захлопает. Скажешь: «Открой рот» — откроет. Так мы уста на рот заменили и говорим этим ртом, что можем, и как получается. Так же и мыслим.

Путь из варяг в греки пролетается ныне на самолете за три часа с небольшим. Феодосий Печерский, Евфросиния Полоцкая, Тихон Задонский, Елизавета Федоровна мечтали прийти в Иерусалим и умереть в нем. А мы можем без всякой визы за два часа там оказаться. Потом скажем: «Я паломничал». Мы жутко обмельчали. Так, что даже не плачем. Слезы кончились.

Так кто для нас Андрей? Для большинства – никто. Николай важнее, да и то раз в год. Опять-таки – зачем врать? А кто мы для Андрея? Думаю – паства. Еще и любимая. Взбалмошная, правда, и суетливая. Да никем ничему толком не наученная. Но и попробуй — научи. Как угорь из рук выскользнут. Нынче народ свободу почувствовал.

Путь Павла – от великих знаний через ненависть к беззаветной любви и служению. Путь Петра – горячие порывы всюду, без рассуждения иногда. И так вплоть до собственной смерти за Господа. Путь же Андрея – аскетизм, обучение молитве. И потом, когда Предтеча сказал: Вот Агнец Божий, Андрей ни с каким другим вопросом не подошел, как только: Учитель, где живешь?

Путь Андрея, таким образом, путь аскезы и простоты. А у нас где аскеза и простота? Так кто для нас Андрей? И что я, один из Андреев среди миллионов таких же, как я. Андреев, могу про того Андрея рассказать?

Что же такое «Русский мир» Патриарха Кирилла?

Римский архиерей обращается к «городу и миру» регулярно. Слушает ли его «мир», понимает ли его «город», это вопросы отдельные. Но в своих собственных глазах понтифик является той фигурой, которая обязана время от времени, не в силу личной святости, а в силу должностного положения, говорить с ойкуменой на темы догматические и нравственные.

До недавнего времени не было никаких намеков на то, что подобная уверенность в необходимости обращения ко всему миру, может проявиться и у других Патриархов. И ведь вопрос не в том, что нечего сказать, а в том, что наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Мы как-то уж очень крепко схватились за слова «спаси себя и хватит с тебя». Мы решили, что молчаливое удаление от мира является не уделом одних лишь истинно монашествующих, а всех православных вообще. Решили и молчим. Между тем, преподобный Серафим, сказавший «спасись сам и тысячи вокруг тебя спасутся», сказал не только это. Он говорил также: «Когда надо – не премолчи, и когда надо – не возопий». Т.е. бывает время, когда лучше промолчать. Но бывает и время, когда молчать нельзя. Это время давно наступило. Молчаливая и уклончивая позиция во времена великого смущения умов может быть ни чем иным, как скрытой формой предательства и бегства от борьбы. Осознавая Себя хранительницей Истины, Православная Церковь должна осознавать, что хранит она Её не для личного только пользования. Исполнилось то, что предчувствовал гениальный Федор Михайлович. Мир стосковался по новому русскому слову. Христос известен миллионам людей той опасной формой известности, при которой нет ни любви, ни покаяния, но есть иллюзия просвещенности Евангелием. Некоторые монологи героев Достоевского уже читаются не как литературный текст, а как сбывающиеся пророчества. «Мир ждет от нас одного лишь меча и насилия», - говорит князь Мышкин, - «потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. Надо чтобы воссиял... наш Христос, Которого мы сохранили, и Которого они и не знали!»

И вот на наших глазах, в наши дни, в духе сбывающихся пророчеств, Святейший Кирилл начал разрушать вредные стереотипы и действовать с «силою мноюю» не просто, как Патриарх поместной Церкви, а как обладатель сокровища, предназначенного для всех.

Этим он заставил одних испугаться, других задуматься, третьих обрадоваться. Лично принадлежа к категории «обрадовавшихся», я хочу говорить в надежде на внимание «задумавшихся», даже если эти последние одновременно являются «испугавшимися».

Если Патриарх пугает и удивляет своих непривычной смелостью и энергией, то чужие предпочитают удивляться «русской теме». Сама «русская тема», таким образом, играет роль индикатора и обнаруживает чужих среди тех, кого привычно считали своими. Что же такое «Русский мир» Патриарха Кирилла? Или, правильнее спросить, что такое вообще этот «Русский мир»?

Мы не можем говорить об этом явлении современным языком до тех пор, пока разговор не коснется Петра Великого. До него Русь – спящая красавица, красота которой, к тому же, незамечена. Прав Тютчев: Не поймет и не заметит/ гордый взор иноплеменный...

До Петра Русь исполняет охранительную функцию. У неё есть только одно сокровище – Православие, и хранит она его не столько во всеоружии знания и силы, сколько самим фактом исповедания на огромной территории. У других народов уже есть наука, регулярные армии, всемирные амбиции, бурная политическая жизнь. У Руси есть Православие. Все остальное не принципиально. Точно так и в древности хранитель Истины – еврейский народ – был богат только Богооткровенной верой, тогда как остальные народы богатели, кто, чем мог. Греки – философией, римляне – дисциплиной государственного строительства, египтяне – общением с потусторонним миром, etc.

Петр Алексеевич в тяжелой книге Истории перевернул очередную страницу. По слову Пушкина, он сам был – «целая эпоха». Св. Николай Сербский говорит, что энергии этого человека могли бы позавидовать самые дерзкие и предприимчивые представители американской цивилизации. Какое-то шестое чувство подталкивало царя к переменам, словно нащёптывало, что времени мало. Действительно, опоздай Петр со своими волюнтаристскими реформами на пару десятков лет, Россия не смогла бы ни воевать, ни конкурировать с более развитыми и более агрессивными соседями. Что говорить? Стрельцы никогда бы не совладали с Карлом.

Петру нужен флот, нужны мануфактуры, нужна регулярная армия и чиновничий аппарат. Вектор исторического движения он меняет с таким усилием, словно собственными руками вытягивает из грязи увязшую телегу. Россию наводняют иностранцы. Все будущие Барклай де Толли, Белингаузы, фон Визены и Ланжероны, имже несть числа, массово заполняют холодную Московию именно с тех пор. Сам престол царский с тех пор занимаем все больше людьми, в чьих жилах течет более немецкая, чем русская кровь. Но опять оказывается прав Федор Михайлович: русский – это не состав крови, а отношение к православию. Малокультурная с точки зрения техники и удобств, законсервированная дотоле в обычаях древности страна обнаруживает великую внутреннюю живучесть. Она меняет облик медленно, но гораздо быстрее её меняют облик те, кто приехал вершить перемены.

В своем большинстве приехавшие обрусели и не только. Они полюбили новую родину, полюбили её религию и народ. Русь обнаружила в себе нечто такое, что можно полюбить раз и навсегда, а полюбив, отдать себя на служение.

Православие остается сердцем Руси и при Петре, хотя возникает «брат наш - Синод», и его обер-прокуроры бывают атеистами или вольтерьянцами. Золотое сечение Православия

в области догматики – это отцы-каппадокийцы. Этот мир созерцаний на Руси понимали и любили далеко не все и далеко не всегда. Но в области морали и быта, православие – это терпеливое спокойствие и неприхотливость. Таким народ был со времен незапамятных. Это – трезвая храбрость перед лицом опасности. Таким был на протяжении столетий русский солдат. Лев в бою, и агнец – во время мира. Это труд на грани полного самоотречения, труд без жажды личной славы, ради идеи. Такими были ученые, первопроходцы, путешественники, мыслители. Это любовь ко всем, а не только к людям твоего племени, что так ярко засияло в литературе и в религиозной философии, чего днем с огнем не сыщешь в таком количестве в иных культурах. Это, наконец, подлинная святость, в лице Святого Серафима или Иоанна Кронштадского доходящая до сияния в масштабе вселенной. Святость, никуда не исчезающая, но лишь уходящая подальше от суетных глаз, чтобы исполнить сказанное: «не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему дай славу» Все это в совокупности и стало тем русским миром, который одних испугал, других обрадовал, в третьих вселил надежду. Этот мир стал говорить на языке, понятном цивилизованному миру, его идеи были записаны не клинописью и не иероглифами, а современным языком. Более того, иногда – немецким или французским, что не отнимало новизны, но еще более обязывало к уважению. С этим миром надо было отныне считаться. Конечно, были чиновники-воры, были лентяи, предатели, пьяницы. Но они были везде и будут всегда. Не они формировали лик нового культурного феномена, и мы смело оставляем их без внимания.

Русский мир продолжает быть наследником Византии. Это не та «la miserable Byzance», в которой Чаадаев видел только сонное царство и придворные интриги. Русский мир проявил и продолжает проявлять себя в областях близких православному мироощущению. Если наука, то – фундаментальная. От русских ученых никто не ждал изобретения зубной щетки на батарейках. Говорящий унитаз в будущем тоже будет придуман не ими. Это сделают народы земные и предприимчивые. Русский ученый хочет полететь в космос или открыть тайну атомного ядра. Он понимает науку не в прикладном, а в глубинном смысле, и хочет скорее служить истине средствами науки, чем быть изобретателем.

Если искусство, то – опять-таки служение красоте. Пусть Большой театр никак по видимости не связан с православием, пусть нам кажется, что русский балет или опера – это виды секулярного искусства, которыми нельзя хвалиться. На самом деле можно. Поскольку русский певец, танцор, художник, актер тоже будет не работать, а служить. Он вложит в свое дело столько крови и боли, столько бессонных ночей и прочитанных книг, что «господин из Сан-Франциско» в очередной раз уронит монокль и прослезится в ложе, а пресса неделю будет мусолить тему о «загадочной русской душе».

Не надо думать, что изучение Русского мира совпадает с изучением истории Церкви по семинарскому учебнику. Мусоргский и Шостакович это тоже русский мир. Суворов и Ушаков – тоже. И Лазарев, и Беринг. И Чехов, и Платонов. И Эйзенштейн, и Тарковский. И Ахматова, и Пастернак. Я мог бы продолжать очень долго, а там, где я ничего не знаю – в шахматах и архитектуре, в живописи и медицине, меня могу подменить другие.

И я намеренно не говорю о храме Покрова на Нерли, о соборах Кижей, о монастырях и старцах, о колокольном звоне, о том, что «под венец – в слезах, а на войну – с песнями, и все – всерьез». Все это как бы знакомо. Подчеркиваю – «как бы». Об этом нас ждут длинные и предметные разговоры. Но сейчас я хочу сказать, что все лучшее в русской истории тайно вскормлено православием, всего этого лучшего так много, что борьба с гордостью представляется одной из главных аскетических задач. Военные победы, наука,

искусство, святость – это плоды той эстафеты, что передала при Владимире дряхлеющая Византия-мать неожиданному северному приёмному ребенку. Русь многое реализовала, и прошли века. Но время требует новых трудов, быть может еще больших. Способна ли она на эти труды? Я думаю, да. В своей внутренней жизни Русь сохранила монолитную цельность и верна себе. Если бы так думал только я, можете смеяться в мою сторону своим ехидным либеральным смехом. Но так думает Патриарх. А это уже гораздо серьезнее.

По всему периметру своих немыслимых, богатырских размеров Россия соприкасается со всеми культурно-религиозными мирами. Мысленно окинем их взглядом, начав оттуда, где восходит солнце. Япония – дзен и синто, Китай – конфуцианство, Монголия – ламаизм, буддизм, Средняя Азия и Кавказ – ислам. Пропустим единоверных молдаван, украинцев, белорусов. Калининград – католицизм. С евреями и протестантами мы знакомы внутри страны. Также внутри мы знакомы и со всеми остальными, но уже сам факт соседского соприкосновения по границам требует от России того, чего жизнь не требует ни от кого больше. Россия обязана учиться говорить о вере со всеми. Россия умеет быть податливой и восприимчивой. Она же по имени – женщина, а по жизни, та, что «коня на скаку остановит». Мир чужих идей она способна почувствовать как никто другой. А, почувствовав, она должна раскрыть богатство православного христианства очередному соседу с максимальной степенью доходчивости. Это – вызов времени, это – задача.

Я опять докажу это из смежной области, а не прямо из религии. Ливанов и Соломин – это лучшие исполнители ролей Холмса и Ватсона, хотя они – не англичане. Таких примеров в русской культуре множество. «Нам внятно все: и острый галльский смысл/ и сумрачный германский гений». Это свойство национального характера нам дано не случайно. Проповедуя иным, мы менее всего склонны штамповать их на свой манер и способны полюбить, понять и оценить уникальный лик другого. Русский проповедник может быть как Герман Аляскинский нежен со своей паствой, словно с ребенком – кормилица. Приводите мне противоположные примеры из истории. Я ни мало не смущусь, поскольку знаю, что КПД не бывает равно 100%. Были ошибки и будут. Но я говорю о принципе, и он верен, как и то, что хлеб – всему голова.

Я начинал статью со слов о Римском архиерее. Коснусь его и заканчивая статью. Прежде чем Вечный город стал административным центром христианского мира, он был ареной долгих мучений за веру. И земля Рима, и его камни долго были вынуждены пропитываться кровью тех, кто ценою мук доказывал верность Воскресшему Спасителю. Эта кровь, вопиющая к небу доньше, подобно крови Авеля праведного, стала фундаментом Римской церкви. Простите мне экономическую лексику, но накопленный капитал был так огромен, что ни безбожные папы средневековья, ни религиозные войны, на долгие брожения умов не смогли заставить рождественские и пасхальные песни смолкнуть, а храмы – закрыться. Рим и сейчас продолжает жить в кредит, на средства, скопленные святостью первых веков. Такова кровь мучеников. Она – семя христианства.

Я говорю об этом потому, что совсем недавно на огромных просторах нашей, когда-то одной, а теперь – нескольких стран, за Христа было пролито еще больше крови, чем когда-то в Риме. Эта кровь – залог будущих трудов, залог величия, залог неудержимой проповеди. Это – капитал, который нельзя транжирить. Им нужно научиться благоговейно и разумно пользоваться. И имя Третьего Рима Москва носит не зря, хотя в годы появления

этой фразы она была не более чем недоуменным вздохом. Москва уже – Третий Рим. Но ей предстоит стать еще «больше» Римом, еще «крепче» Римом, еще «глубже» Римом, если мы не проспим свое время, и если все святые нам помогут.

(Прочувствовано в день служения Святейшим Кириллом Литургии в Лавре Почаевской. Записано несколько месяцев спустя).

Книга должна быть везде

У меня есть карманное издание Соломоновых книг: Притчи, Песня Песней, Проповедник. Ее удобно читать в транспорте или в парке на лавочке. Но этого мало. Хочется иметь небольшое по размеру издание Апокалипсиса. Именно эту книгу лучше всего читать вне дома.

Однажды в Москве, на пути между Покровским монастырем и Афонским подворьем, я подумал, что по этому городу хорошо бы ходить с акафистником.

Однажды в Риме, на развалинах одного из форумов, я подумал, что здесь нужно сидеть или бродить с томиком стихов.

Однажды в Питере, в водовороте мостов и театров, среди хоровода статуй, стало жалко, что нет под рукой хорошего путеводителя.

Но потом в Киеве, как-то раз под вечер, когда зажглись огни, и пересох поток автомобилей, захотелось читать именно Апокалипсис. По Киеву тоже можно ходить и с Часословом, и с акафистником, и со стихами, и с путеводителем. Но и в Киеве, и в Риме, и в Амстердаме, и в Москве необходимейшая книга – Апокалипсис. Суть не в гаданиях о

том, выполз ли уже на берег из моря «зверь». И не в том, какие слова относятся к нашей эпохе, точнее: сказания Ангелу Филадельфийской церкви, или - Смирнской. Суть не в страхе оттого, что пророчества сбываются, а в том, что большие города – это широкое полотно вспомогательной информации для ощущения Апокалипсических картин.

Живи сейчас кто-то из Великих отцов, его интерпретация Откровения пестрила бы окружающими фактами так, как сверкает и искрится от драгоценностей ювелирный магазин. Краткий слоган на рекламном щите, названия банков, выражение глаз красотки на витрине, стали бы расшифрованными знаками того, что видел когда-то Иоанн на Патмосе.

Ходить по улицам большого города нужно, держа в уме образы Откровения. Читать Откровение нужно, параллельно вникая в колонки ежедневных газет.

Я очень нуждаюсь в отдельном карманном издании Апокалипсиса. Иллюстраций не надо. Глаза людей в метро будут самыми лучшими сопровождающими картинками. Пусть Псалтырь поется и Евангелие читаются в храме, пусть Бытие читается у реки или в лесу, пусть в классе разбирается книга Деяний. Апокалипсис пусть читается в час пик у окна в троллейбусе.

Жизнь нельзя отделить от книги, и книгу нельзя вырывать из жизни. Хочешь или нет, нравится или не нравится, но серпантин истории разворачивается и, зацепившись за уличные фонари и ограды, повисает как карнавальное украшение.

Совершенно не скучно жить, если тебя везде окружают книги, и, особенно если прочитанное совпадает с увиденным.

Когда причащаются другие

Мы не все причащаемся за каждой службой. Даст Бог, доживем до тех времен, когда после слов священника «со страхом Божиим и верою приступите» к Чаше будет идти подавляющее большинство молящихся. Но и тогда останется кто-то не могущий причаститься по состоянию здоровья, или удержанный епитимьей, или по другой причине. О чем думать и о чем молиться человеку, который не причащается сейчас сам, но видит других братьев и сестер, со скрещенными на груди руками приближающихся к Причащению?

-
Во-первых, стоит радоваться о людях, причащающихся Христу. Нужно молиться о них, да будет им причастие Святых Таин не в суд и не в осуждение, но в умножение веры, в исцеление души и тела, во всецелое освящение. Молиться о себе – всегдашняя обязанность, равная обязанности всегда дышать. Но молиться о других – дело любви, и нужно чаще расширять свое сердце, вмещая в него чужие нужды.

-
Во-вторых, глядя на других, невольно вспомнишь и о себе. Вспомнишь и попросишь о том, чтобы Господь «не лишил и меня причащения Святых Таин». Попросишь о том, чтобы причащаться достойно и неосужденно, точно так, как говорит священник: «со страхом Божиим и верою». Это будет истинное приготовление к Причастию. Ведь «приготовиться» не значит только перед службой вычитывать положенные молитвы. Готов тот, кто часто думает о достойном причащении Христу, хочет этого единства, молится о нем чаще, чем того требует дисциплина церковная.

-
В-третьих, у каждого из нас есть люди, которые нашему сердцу дороги, но в самом главном – в вере, с нами не согласны. Если они не крещены, то мы молимся о них на ектении «об оглашенных». Но если они крещены, но не воцерковлены, самое время молиться о них во время причащения. «И их призови, Владыко. И их сподоби напитаться бессмертной пищей. И к их сердцам прикоснись, да будем вместе – они и мы – перед Лицом Твоим»

Эти и другие подобные молитвы пусть рвутся к Небу в то время, как хор поет «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите».

-

Надо ли напоминать, что время причащения, даже если вы лично не причащаетесь, не есть время выхода их храма или хождений внутри него, не есть время разговоров или прочих праздных занятий?

Небо отверсто! Христос питает Своей Плотью и Кровью верных! Совершается пиршество веры и таинственное очищение любезных Господу душ!

Это - время внимательной и горячей молитвы, как для тех, кто приближается к Чаше, так и для тех, кто почему-то сегодня лишен приобщения.

Современность – не критерий принадлежности к искусству

Понятие «современное искусство» состоит, как это видно невооруженному глазу, из двух понятий - «искусство» и «современное». Трудно спорить с тем, что искусство должно быть современным. Оно, как ни крути, таким и является в каждую эпоху. Но прежде, чем быть «современным», ему надо быть «искусством».

Тату и пирсинг – явления более чем современные, плюс, претендующие на имя искусства. Кто-то им это имя с радостью присвоит, и по нашим временам гнилой вседозволенности никто рта этим «присвоителям» не закроет. Нет, не кулаком. Боже сохрани. Логичной и серьезной аргументацией. Не закроет хотя бы потому, что адепты подобного «искусства» очень часто не вменяемы для серьезной аргументации. Их аргумент – «мне так хочется», «вы мне не запретите» ну и «козырная карта» - «это прикольно». Спорить бесполезно.

Итак, современность – не критерий принадлежности к искусству. Граффити на стенах рисовали еще в Помпеях, вплоть до самого рокового извержения Везувия. Эти граффити можно и нужно изучать, но не как искусство, а как проявления бытового сознания, нанесенные углем или гвоздем на стену. Это вам не быки на стене пещеры, которые до сиз пор словно бегут, хотя и нарисованы в незапамятные времена. Это по форме - граффити, а по сути - искусство. Нынче же искусство скатывается до уровня граффити, удерживая по инерции старое название.

Нельзя безнаказанно расширять поле искусства, включая в него все подряд, вплоть до матерных частушек и эзовских наколок. Только смерч или торнадо всасывают в себя все без разбора. Отличительная черта искусства – избирательность.

Бедный Малевич родил свой нелепый квадрат черного цвета, как вершину мыслительной деятельности; как радикальный отказ от художественной формы; как символ смерти и угасания, если угодно. Эпоха ли повлияла, или душа «созрела» до полной слепоты – вопрос. И этой своей подчеркнутой безыскусственностью Малевич изрядно навредил тщеславным бездарям. Те возомнили, что можно вот так же легко войти в число «концептуалистов», не умея нарисовать ни муху на яблоке, ни лошадку на водопое.

Я помню, как-то в Минске беседу нескольких владык. Один из них рассказывал собеседникам о переводческих Библейских трудах. Главной проблемой он называл то, что «концептуалистов» так много, как пираний в реке Амазонке. Все лезут с мировоззренческими и методологическими советами. Но при этом, знатоков в еврейском и греческом языках нужно искать днем с огнем. И не найдешь. Ибо их мало и свойство их,

как редких специалистов, не орать, а работать незаметно и тихо. Зато на каждом шагу знатоки Талмуда, ветхозаветной психологии, археологи и просто наблюдатели за исполнением пророчеств. Кажется, подобная ситуация – в любой сфере жизни. Педагоги горько шутят: «Не умеешь учить детей, учи педагогов». Факт. Самые невозможные собеседники на темы воспитания, самые дубовые и не понимающие элементарных вещей персонажи обретаются в среде академиков педагогических наук. Сам видел и никогда не забуду. Теоретику легче скрыть практическую бездарность. Это – подарок времени. Тот, кто не умет забить гвоздь, носом чует, как стать директором заводика по производству скобяных изделий.

Имею смелость предположить, что изрядная доля «крикливых концептуалистов» в искусстве руководствуются не поиском истины и выражением ее при помощи художественных средств. Имею смелость предположить, что источник их активности расположен в другой области, а названное выше никогда не ночевало в их голове. Искусство нынче даже не претендует на поиск истины и на ее выражение средствами художественной деятельности. Релятивизм одолел. Скажи о том, что истина есть, а ты ей пытаешься служить, с тобой друзья по цеху здороваться перестанут. Не надо, дескать, ничего искать, поскольку искать нечего. Нужно отображать, интерпретировать, лепить из кусочков реальности фантастическое новое целое. Ну и так далее. Это – мейнстрим. Полейте это алкоголем и успокойтесь. Перед вами – современное творчество.

Наше время, как никакое прежде, дает возможность бездарности стать известной и изобразить из себя гения. Можно петь, не имея голоса, защищать диссертации, ни бельмеса не понимая даже в ее названии. Можно все. Бездарностям уютно в современности так, как уютно в лесу шайке разбойников. В сосисках нет мяса, в кефире нет молока. Так к чему вам искусство в искусстве? Уж не больно ли вы горды, требуя на исходе времен подлинных талантов? Известность нынче требует наглости, жажды денег и сексуальности. А это - полная противоположность тому, чем богаты гении.

Давайте будем вести диалог! Давайте. Нет ничего сладостнее диалога. Но с Остапом Бендером невозможно вести диалог. Его выбрасывают вон с корабля, а он кричит: «Давайте спорить! Я так вижу мир!» Он и залез на корабль, имея в виду личные цели, а не служение искусству.

Прежде, чем дать человеку заказ, с ним нужно поговорить. Если человеку сказать нечего, ему и рисовать нечего. Это наша эпоха, повторюсь, позволила петь тем, от кого глубокой и выстраданной фразы ждать не приходится. «Фанеру» выключи, он и замолчит тут же.

Бендеру дали заказ впопыхах. Ситуация принудила. А вот мы, не спеша, попросим всех мастеров перфомансов и инсталляций рассказать нам о своих поисках и мировоззренческих закоулках. И психолога позовем. Вполне возможно, разговор обнаружит перед нами ярко выраженного маньяка с неудовлетворенной жадой всемирной власти, или Наполеона, который обречен никогда не увидеть ни Тулон, ни египетский поход. Свой сгусток страстей и недостаток образования они готовы вывалить на невинный мир. Глядите, мол, плебеи, но руками не трогайте. Издалека приобщайтесь.

То и дело подмывает спросить очередного концептуалиста: «Собачку, пожалуйста, нарисуйте. Только так, чтоб похоже было». И всякий раз боишься услышать нецензурную речь по поводу высоких материй, которые нам, профанам, не понятны. Вот в Киеве каждое воскресенье выстраиваются очереди в Пинчук-арт Центр. Очереди, доложу вам, что в твой Мавзолей в оные времена. А чего смотрят? Голову коровы, облепленную

мухами или подобную чушь. Им унитаз использованный и не смытый покажи (в видах экспоната, разумеется), они будут цокать языками и рассуждать. Кто поначитаннее – об идеях трансцендентных и имманентных. А кто так, погулять вышел, заткнет нос и будет ждать очереди на выход. Испортили народ, конкретно. Концептуалисты испортили. Якобы к цивилизации приобщили, а на самом деле просто испортили. Слушаем не-музыку, едим не-еду, обмениваемся не-мыслями, интересуемся не-новостями. Доколе, братцы?

Сам видел. Очередь в арт-хаусный салон стоит длинная, змейкой вьется. Выходит женщина лет сорока. Плюется. Говорит людям: «Уходите отсюда. Это пошлость и гадость. Тут в трех кварталах – музей Западного искусства. Пойдите туда. Гляньте на Босха и на Веласкеса» Народ молчит. Кто-то негромко: «Ну вы же ходили». Она: «Ну да. Пойдите. Гляньте, ради интереса. Но это – не искусство».

Я в очереди не стоял. Мне даром не надо. Просто мимо шел. Услышал. Улыбнулся. Прав Ницше – «все великое рождается на улице».

Раз глаза деть некуда, будем смотреть. И слушать будем. Но не дадим себя обмануть. «Это не искусство».

Культура

Даже самый далёкий от сельского хозяйства человек, сумеет отличить девственную, непаханую землю от возделанного поля. Разница между землей, по которой прошел плуг, и землей, которую не тронули человеческие руки, называется «культурой».

Это знакомое с детства и вездесущее слово в переводе с латыни означает «возделанный, преобразованный».

Человек – единственное существо, живущее не только в мире природы, но и в мире культуры. Птица летает в воздухе, рыба живет в воде. Волк всегда будет волком, и ягненок не изменит своего нрава. И только человек может творчески изменять, возделывать как себя самого, так и мир вокруг себя. Творчески измененный человеком мир, это и есть мир культуры.

Говорить о конкретном человеке всегда означает прикасаться к нему, как к жителю конкретной эпохи и носителю конкретной культуры. Вы завязываете галстук или топчете босыми ногами свежесобранный виноград. Вы отращиваете или, наоборот, бреете бороду.

Панталоны вам смешны, фрак старомоден, а вот пиджак – в самый раз. Дело здесь не только в личном вкусе. Каждый раз вы поступаете, исходя из культурных предпочтений. Сами же эти предпочтения всегда коренятся в более глубоких слоях жизни.

Люди разных эпох по разному здоровались, по разному готовили пищу; по разному оплакивали умерших и по разному праздновали вступление в брак. Но никогда это не делалось абы как. Это всегда сопровождалось ритуалами. Традиции углублялись, и вся жизнь пропитывалась ими, осмысливалась как единое целое, как нечто важное и не случайное. Помним ли мы о том, что, протягивая друг другу руку при встрече, мы

исполняем ритуал? Это знак того, что рука твоя пуста, т.е. безоружна и бояться тебя не стоит. Это пожатие двух безоружных рук - знак мира и безопасности

Помним ли мы, что чокаясь, сдвигая бокалы, мы хотим, чтобы вино перелилось из чаши в чашу в знак того, что вино не отравлено? Это - знак доверия, знак общения и единения в питье от общей чаши. Не зря эскимосы трутся носами при встрече. Не зря евреи выливают кровь закланного животного, прежде чем его съесть.

Всё это знаки культуры. Знаки, которые нужно читать, как иероглифы. Люди всегда со страхом присматривались и с удивлением знакомились с чужими культурами. Сегодня наступило время, когда человеку присматриваться и знакомиться приходится со своей собственной культурной традиции, к которой он принадлежит от рождения.

И всякий раз, культура указывает на нечто большее, на то, чем она питается – на культ, т.е. на религию.

Культура, напомним - это возделанность. Можно, простите, «жрать», а можно «вкушать». Первое - дикость и требование природы, второе - культура. Но как, когда и что вкушать? Какую пищу считать нечистой, а какую благословенной? Какая пища достойна богов, какая – людей, какую можно есть только животным? На эти и подобные вопросы отвечает «культ». Из него как из корня, вырастает любая оформленность жизни.

Сам же он (культ) является осознанным мировоззрением и четко установленной нормой в отношениях с высшим миром, от которого зависит мир земной.

Это ясную, как день и забытую, как многое очевидное, мысль в конце XIX начале XX века высказал о. Павел Флоренский. Он впервые громко заговорил о том, что первичны метафизические вопросы. Те самые «проклятые», по Достоевскому, вопросы: кто мы? зачем мы здесь? что будет дальше? Человек носит в себе огонь поиска и хочет понять сам себя. Прикосновения души к иному миру рождают религию. Сформировавшиеся обряды рожают культ, и вслед за ним - жрецов, храмы, обряды, предания. Ни один участок жизни не будет выпущен из внимания. Труд и отдых, брак и война, жизнь и смерть, еда и одежда – религия на всем поставит свою метку. Отсюда и мировоззрение, психотип, если угодно - ментальность. И вот уже готовая ментальность рождает различные культурные формы, примерить которые или объединить невозможно, не объединив прежде, или не подрубив, их внутренние корни. Итак, вначале – культ, затем – культура.

Весь быт наш пронизан религией, даже если мы этого не осознаем. Монгол осознанно питается молоком и не пашет землю. Монгол боится потревожить сон земли. Этому его научили предки, и носки сапог монгола загнуты – сон земли нельзя нарушать даже случайно. Это – вера ставшая культурой.

Европеец уступает место даме. Это отголосок почитания Девы Марии и в Ее лице – всех матерей мира. Узбек сидит в автобусе, тогда как рядом стоит женщина. Это отголосок веры в первичную виновность женщины, в ее вторичность по отношению к мужчине. Американка подает в суд на мужчину, уступившего ей место. Это плод веры в полное равенство полов и протестантское понятие справедливости.

Мы можем не вникать в эти вещи. Они сами втянут нас в круг своих проблем и понятий. Вы, к примеру, пошли на секцию дзюдо, чтобы закалиться физически и научиться защищаться. Но уже через несколько месяцев вы научитесь считать по-японски до десяти и выучите еще добрый десяток японских терминов. Время от времени, посадив вас на

корточки, учитель будет рассказывать вам предания о великих мастерах, вы услышите притчи и афоризмы востока, ваша душа ощутит любовь к Японии, к этой новой и далекой родине. Если занятия продолжатся, то вам станут интересны не только удушающие и болевые приемы, но и чайная церемония, и каменные сады, и поэзия дзен. Изменится взгляд и походка, изменится образ мыслей. Боевое искусство пропитает вас чем-то большим, чем вам хотелось – мировоззрением. Корни души начнут пить воду из неведомых прежде источников, вначале – из новой философии, затем – из новой религии.

Так будет всегда, когда вы займетесь чем-нибудь серьезно. Начиная заниматься йогой для улучшения самочувствия, вы рискуете года через два стать индуистом. Если вы – успешный менеджер западного образца, то протестантские собрания вам будут ближе, чем православная всенощная. И хорошему органисту трудно не любить католическое богослужение.

Если мы только раскроем глаза, мы тут же увидим, что мир наполнен религиозными идеями. Эти идеи формируют мировоззрения, сталкиваются, воюют, рекрутируют на свою сторону миллионы сторонников. Не разобравшись в этом сплетении идей, нельзя понять современный мир. А не понявши мира в котором живешь, без толку пытаться изменить его к лучшему.

Новейшая история на наших глазах лепит из пестрого и многообразного мира одну глобальную цивилизацию. На всех континентах молодежь слушает одинаковую музыку, одинаково двигается в ее ритмах и жует при этом одни и те же жевательные резинки. Курс на уплощение жизни, курс на единый глобальный стандарт таит в себе немало угроз.

В этих условиях забыть о своих корнях, потерять лицо, порвать связь с прежними поколениями означает попасть в жестокий глобальный миксер, превращающий племена и народы в однообразное месиво абстрактного человечества.

Перед всеми нами сегодня стоит одна архиважная творческая задача, а именно: познать свою родную культуру и найти себя в ней. Неплохо также познакомиться с теми культурами, которые входят в соприкосновение с вашей.

Труд немалый, но дорогу осилит идущий.

Сказка

Хочу поделиться радостью – пересказать полезную и прекрасную идею. Не я придумал. Я только услышал. За что купил, за то и продам. Это не голая идея, а идея, одетая в форму сказки. Сказка, как шубка, тепла и пушиста.

Слушайте.

Один король с женой и единственной дочкой отправился в путешествие на корабле. Их корабль попал в шторм и, разбитый волнами, утонул. Погибла вся команда, но Бог сохранил короля и его семью. Их выбросило на берег и там, в лохмотьях, как нищие, они стали искать ночлег и пищу. Никто из них даже не заикнулся о том, что они – особы благородной крови. Кто поверил бы трем оборванцам? Их могли бы и высмеять, а то и подвергнуть побоям. Ведь не все любят нищих, а уж наглых нищих не любит никто.

Так случилось, что один из жителей той страны приютил у себя несчастных, а взамен повелел пасти свое стадо овец. Король стал пастухом, а королева и принцесса – женой и дочкой пастуха. Они не роптали на судьбу, только иногда по вечерам, сидя у огня, вспоминали жизнь во дворце и плакали.

Король той страны, где они очутились, искал невесту своему сыну. Несколько десятков пар гонцов разъехались в разные концы королевства в поисках самой красивой, самой умной и самой благочестивой девушки. Они получили от короля приказ не пренебрегать дочкой даже самого последнего бедняка. Ведь умыть, приодеть и научить манерам можно любую, а дать человеку ум или целомудрие гораздо сложнее, а то и вовсе невозможно. Поэтому гонцы беседовали со всеми девушками, присматривались к ним, просили угостить едой, которую те приготовили. Все, что видели они, записывалось в специальные книги, и затем мудрейшие придворные изучали записи в поисках лучшей невесты принцу.

Увидели гонцы и дочку бедного пастуха, начавшего было забывать о своей королевской короне. Дочка была прекрасна. Она и в простой одежде была так грациозна, словно была одета в дорогое платье. Солнце сделало ее смуглой, а свежий воздух обветрил лицо, но это только добавляло ей миловидности. Что же касается разговора, то восторгу послов не было предела. Столько ума и такой эрудиции они не встречали и при дворе. Нужно было доложить о ней принцу. Тот, услышав о красавице-простолюдинке, не ждал ни секунды, и вскоре его взмыленный конь уже стоял у порога пастушьей хижины. Принцу хватило нескольких минут, чтобы сердце его заняло от глубокой любовной раны, исцелить которую могла лишь та, чей взгляд эту рану нанес.

И дело, казалось, было решено, но странно вдруг повел себя отец. Этот пастух, который во сне иногда все еще видел себя королем, потребовал от принца знаний какого-то ремесла. «Вы должны», - сказал он принцу, - «уметь делать что-то руками. Неважно, что» «Но я – принц. Я умею разбирать дела государства, владеть шпагой, принимать послов и подписывать договоры», - с удивлением отвечал молодой человек. «Да. Это правильно. Но я хочу, чтобы вы знали ремесло плотника, или ювелира, или портного, или любое другое. Если нет, дочь моя не станет вашей женой»

Видит Бог, каких усилий стоило принцу не заколоть на месте этого наглого пастуха. Но принц сдержался. В тот же день он уже ходил по базару, присматриваясь к работе ремесленников. Кузнецы, чеканщики, повара, ловцы птиц, сапожники. Как их много, и как тяжел их труд. Обучаться любому из ремесел придется долго, а любой, кто знает томление любви, согласится, что ожидание – худшая мука для влюбленных.

Принц остановил свой выбор на человеке, плетущем циновки. Два дня он учился, и к концу второго дня три циновки были худо-бедно сплетены руками королевича.

С изделием своих рук опять стоял королевич перед лицом отца своей избранницы. Пастух держал в руках и пристально рассматривал труд будущего зятя.

- За сколько можно это продать? - спросил он.

- За две медные монеты каждую.

- Как долго ты их плел?

- Два дня.

- Два дня, три циновки, шесть монет, - произнес отец и вдруг сказал, - Бери в жены мою дочь!

Принц даже подпрыгнул от радости. Затем обнял отца. Затем подошел к покрасневшей избраннице и, склонившись на колено, поцеловал ей руку. Но затем он повернулся к будущему тестю и спросил голосом не жениха, но будущего короля: «Объясните мне свое поведение»

«Видишь ли, сынок», - отвечал пастух, - «я ведь тоже был король. Я водил войско в битву, и подписывал законы, и вслушивался в доклады министров. Никто не мог подумать, что я буду оканчивать жизнь простым пастухом. А когда Бог изменил мою жизнь, больше всего я страдал оттого, что не умел ничего делать по хозяйству. Если бы я умел плести циновки, то шесть монет за каждые два дня сильно помогли бы моей семье»

Вы прослезились, господа? Если нет, то сердце ваше жестоко. Я смахиваю слезу всякий раз, когда пересказываю эту историю. А пересказываю я ее не первый десяток раз.

Мы хотим, чтобы дети наши подписывали важные бумаги и ездили в дорогих машинах. Но жизнь может сложиться по всякому. Вдруг им придется держать в руках лопату, ходить пешком и утолять жажду простой водой? Тогда они, изнеженные и неспособные к простой жизни, проклянут нас. Эта мысль была понятна многим. Солон, древний мудрец и творец законов, разрешал детям не кормить на старости того отца, который не научил сына ремеслу. И апостол Павел много послужил проповеди Евангелия тем, что ничего не брал у паствы, но нуждам его служили его собственные руки, владевшие ремеслом делателя палаток.

Это была сербская сказка, господа. И люди, сложившие ее, кое-что понимали в жизни, хотя Западный мир с презрением и называл их свинопасами. Если в головах свинопасов живут такие высокие мысли, то я, господа, готов обнимать таких свинопасов, как братьев, и спокойно проходить мимо «звезд», о которых пишут в журналах.

Торопиться не надо

Давайте поговорим о чем-то святом, только по быстрому. То есть, о чем-то возвышенном, но на бегу. Кратко. Например, столкнувшись лбами в переходе метро. «А, жив, курилка? Ну, как там? Говори, пока поезд не подъехал»

Длинные разговоры нам - против шерсти. Устали от слов. Нет, мы способны на раздумье. Не сомневайтесь. Просто сейчас не досуг. А может, телевизор нас портит. Стоит зазвучать серьезным ноткам, как тут же: «У нас осталось очень мало времени. Последний вопрос» Режиссеры любят зрителя. Страшно бояться, что он перед ящиком уснет. «Меняйте план! Давайте новостную нарезку! Не томите зрителя»

Убили, взорвали, подписали... Рухнуло, выпало, договорились... Подорожало, лопнуло, ожидается... Иллюзия информированности.

«А у тебя что? Ну, брат. Это же метафизика. Скука. Пипл не хакает. Говори, конечно, но не утомляй. Чехова помнишь? Краткость – сестра таланта. Краткость. Не забыл? И если винтовка в начале висит, то в конце стреляет. А еще в человеке все должно быть красиво, в том числе – одежда, то есть и пиджак, и запонки»

**

«Мы так долго жили вместе, а, кажется, ни разу по душам не поговорили» Ой, как много людей эту фразу произносят в семьях тогда, когда то, что осталось в прошлом уже без сомнения превышает то, что ждет впереди.

«Симочка, я давно хотел вам сказать», - говорил благообразный старичок соседке по коммунальной квартире в старом фильме «Будни и праздники Серафимы Глюкиной» Та покупала соседу кефир, он расплачивался, и всякий раз интеллигентно пытался напроситься на разговор. Но Симочка убегала, извиняясь на ходу. Они так и не поговорили, пока дедушка не умер. Но поскольку то, что он хотел рассказать, было очень важно, он явился соседке после смерти. «Симочка, я давно хотел вам сказать», - сказал он и Симочка наконец его выслушала.

Темп ускоряется. Многих одноклассников уже нет в живых. Жуткий факт. Некоторые из тех, кто с чернильными пятнами на руках сидел рядом с тобой за партой, уже лежат в земле. По ним уже прозвонил колокол. Тот утес, о котором говорил Донн, продолжает крошиться. Камни падают в море и все это нас напрямую касается.

Нужно убрать зеркала. Нужно внести законопроект, разрешающий смотреть в зеркало не чаще, чем раз в пол года. Тогда изменения, происходящие с нами, станут очевидны для нас самих, а не только для окружающих. Ничего, что мы поначалу будем падать в обморок. Ничего, что добавим работы «Скорой». Потом мы поумнеем. Пошлость ежедневного рассматривания своих собственных черт сменится стоическим мужеством. К зеркалу мы будем, в соответствии с законом, подходить, напевая песню, для исполнения которой не нужен ни слух, ни голос. Я имею в виду шедевр Кикабидзе «Мои года – мое богатство»

Почему на Руси так много было юродивых? Тех самых, что ходили нагими, бесчинствовали, обличая грех, скрывали молитву за вонью немытости и слюной, текущей по бороде? Да именно потому, что иначе до народа было не достучаться. Культуры дискуссий нет. К любителям умно поговорить присматриваются с недоверием. «Не еретик ли?» Проповедь звучит редко. Обрядом спасаемся.

Чтобы такой народ всколыхнуть и до совести добраться, нужна всенародная беда. Слезы все смоят, огонь все вычистит. А ежели миром наслаждаемся, тогда нужны юродивые. Других не поймут и не послушают. Юрода тоже поначалу за чуб потаскают, но потом полюбят и будут слушать его краткие слова, как волю Божию.

Давно все это было. Изменилось многое. Юродивых настоящих, Христа ради, мало до крайности. Почти нет. Зато просто сумасшедшими забиты клиники. Многие необследованные ночуют дома.

В самый раз бы нам полюбить неспешный разговор о вещах серьезных. Серьезный разговор имеет свойство доходить до тем крайних и последних. Конец мыслей мирских и честных – смерть-матушка. Край размышлений духовных – Господь Иисус Христос. «Желаний краю, верных утверждение, единый Человеколюбче», - так в одном ирмосе Церковь ко Христу обращается. «Желаний краю» А до края дойти надо. В данном случае, умом, а не ногами.

Самое время, говорю, полюбить беседу о «едином на потребу», о том, что «не отнимется». Но тут суэта одолела и всех расслабила.

Слово «философ» стало ругательным. «Тоже мне», - говорят брезгливо, как о таракане, - «философ»

Наспех и без рассуждения ничего хорошего не сделаешь. Когда доктор-нарколог обещала через пару дней привести пьяного Шурика в норму, товарищ Саахов сказал: «Торопиться не надо. Мы должны вернуть обществу полноценного члена, так сказать»

Мне тоже кажется, что торопиться не надо.

**

Марфа хлопочет об угощениях. Ее труды священны, хотя Господь и не лакомка. Она служит Ему, как может. Но ей кажется, что все должны метаться по дому и суетиться, как она. Любой хлопотун хочет, чтобы весь мир с ним вместе хлопотал. А это не так. Кому-то нужно сесть у Господних ног молча. Нужно слушать и никуда не спешить.

Их так мало, этих людей, которые способны не спешить, сесть и слушать. Во всем Евангелии – пару человек. Никодим приходил ночью. Самарянка у колодца не спеша беседовала, да вот – Мария, Марфина сестра, сидела у ног, впитывала Слово, как земля – воду, и не могла насытиться.

Мало людей порадовало Христа внимательным и неспешным разговором. А ведь телевизоров не было! Суета была, а телевизоров не было.

Делаю вывод, что это мы телевизор испортили, а не он нас. Но он ли, мы ли, суть не меняется. «Мы должны вернуть обществу полноценного члена, так сказать. Торопиться не надо».

Старость, смерть и иллюзии

Кто знает, чего бы не натворил человек, не награди его Всеблагой Господь слабостью. Человек устает, истощается, иссякает, заканчивается. И все это ни в коей мере не противоречит учению о вечности человека. Учение о том, что человек будет жить вечно, нужно различать от мыслей о том, что человек будет «жить всегда».

«Жить всегда», так можно назвать представление о вечной жизни, похожей на ту, что мы проживаем в нынешнем состоянии. В этом случае мы совершаем мысленное усилие и продлеваем до размеров «дурной бесконечности» ту жизнь, которую влачим сейчас. Это истинное проклятие, а вовсе не благословение, как бы странно это не звучало для кого-то.

Жизнь вечная это не та же самая жизнь, что известна нам по земному опыту, лишь умноженная не бесконечность. Это – иная жизнь. А «эта, нынешняя жизнь» к счастью конечна, исчерпаема. И конечным, исчерпаемым в рамках этой жизни является главный герой земной драмы – человек.

Старик может быть жив полноценной осмысленной жизнью. Но для молодежи он почти что мертв. Мертв потому, что не смеется над шутками молодых и не пляшет под их свирели. Отказаться от шуток и плясок для молодых то же самое, что лечь в гроб. Иной способ жизни им пока не доступен. Тот, кто не разделяет их взгляда на жизнь, для них – мертвец. Но, повторяю, разве старик мертв только оттого, что не вскидывает колени под музыку и не хохочет, надрывая связки?

Блажен старик, который не пляшет оттого, что повзрослел для пляски. Горе старику, который рад бы плясать, но радикулит – помеха. Тогда он действительно мертв и в своих глазах, и в глазах молодежи.

Он должен исчерпаться для одних занятий, но должен созреть для других. Если это произошло, то пусть кто-то считает его живым трупом. Найдутся и те, кто посчитает его кладезем мудрости. Думаю, тот же порядок мыслей справедлив для смерти вообще.

Человек исчерпался, иссяк, ослабел для земных дел. Но вместе с этой слабостью должна вызреть в нем внутренняя бодрость для иных дел и иной активности. «Я дерусь молча», – говорил в одном из последних интервью А.Ф.Лосев, имея в виду, возможно, молитву.

Он, старик, не совсем мертв. Скорее полумертв для земли с ее делами, но уже есть в нем нечто и для иной жизни. К биению этого зародыша в сердце он может прислушиваться с той же степенью трепетности, с какой молодая мать слушает робкие движения внутри своего чрева.

Чтобы разобраться в перипетиях свежих политических событий у него хватает ума. Но не хватает желания этим заниматься. И времени не хватает, поскольку есть дела поважнее. Назовите его «мертвым гражданином», и это будет значить, что одну из мыслей блаженного Августина вы подчеркнете красной линией. «Для града земного человек омертвел. Для Града Небесного он созревает»

Писатель писал, писал и вдруг замолк. Публика, раздражившая вкус, требует продолжения банкета, а он молчит. Композитор, находясь на вершине признания, вдруг перестает сочинять музыку и морщится, слыша речи о своем таланте. Не встречали ли мы подобных случаев в истории? Еще сколько встречали. Россини, к примеру, на вершине славы вдруг перестал писать, как пот со лба вытер. Дескать, хватит. И прожил еще очень долго без угрызений совести о закопанном таланте. Один американский писатель сказал, что пятьдесят лет ему понадобилось, чтобы понять, что у него нет писательского таланта. К сожалению, добавляет он, я уже был известным писателем.

Значит ли это, что талант иссякал, то есть исчезал, и на место оазиса творческих вдохновений пустыня бесплодия насыпала свои пески? Иногда – да, но иногда и нет. Иногда человек перерастал ту стадию творческой деятельности, которую распознали и полюбили в нем, и выходил на высшую степень, которую ни понять, ни полюбить большинству не удавалось.

Наш Гоголь не стоит ли особняком от всей пишущей братии именно благодаря беспощадности к своим творениям и таинственной молчаливости? Надо думать, что то, о чем он молчал, было значительнее того, о чем он писал. Слова и звуки вообще рождаются из молчания, как и все краски мира появляются из белого цвета при разложении. И кто-то уже счел Гоголя мертвым, раз он перестал писать, а он, быть может, только жить начал. Вернее, перешел на иную ступень жизни. Ведь жизнь это лестница вверх, это лестница Якова. Гоголь и молился в предсмертном бреду к Богоматери словами из акафиста: «Радуйся, Лестнице Небесная, Ею же сниде Бог». Не по памяти читал слова, а из глубины души, самой душой при сумеречном сознании молился!

Я думал когда-то, что святые все сплошь и рядом были дерзкими и радостными перед лицом разложенных костров, наточенных топоров и пил. О том, что многие бледнели и слабели вплоть до бессилия взойти на помост казни, как-то не думалось. Сплошные сентенции крутились в голове вроде «помолился, и идола, упав, сокрушились»; или «внезапно пролившийся дождь потушил костер, и олово вдруг остыло». Это не моя глупость виновата. Это виноват восторженный житийный стиль, позаимствованный у католиков в барокковые времена. Если бы таковы были все страдания, то страдать не только не страшно, а даже хочется. Куда как страшнее проза жизни с лампочкой без абажура, следователем напротив и истязуемым священником, у которого выбиты зубы, сломан нос и расстреляны все родственники. А на столе у следователя – протокол с фантастическими признаниями. И не факт, что доведенный до грани отчаяния священник или епископ его не подпишет, хотя бы ради скорейшего расстрела.

Точно так же и о старости думалось. Вот, мол, жил себе святой человек, не чувствуя тяжести прожитых лет. Жил и только о Господе радовался. Потом безболезненно и

непостыдно с молитвой ушел из этого мира в тот. Казалось, ни старость, ни болезни не должны действовать на святого человека. Потом с большим удивлением дочитался до того, что к старости у многих слабела память, оскудевали силы. Потом на место удивления пришло благодарное спокойствие. А разве может быть иначе? Вот и любимый ученик Господа, доживши до глубокой старости, не от лени ведь говорил одну краткую фразу: Дети, любите друг друга. От старости и слабости он повторял ее одну, поскольку, если бы был крепок, то говорил бы так же ярко и богато, как писал в Евангелии.

Иллюзии уходят. Пропади они пропадом, но только постепенно. Сразу от всех иллюзий освободиться нельзя. Или можно, но очень опасно. Так и Господь обещал евреям прогнать всех врагов от Обетованной земли, но не сразу, а постепенно. Почему постепенно? Чтоб не умножились дикие звери на опустошенных землях. Так вот! Избавь слабого человека от всех иллюзий одним махом, он и веру потеряет, поскольку вера его на добрую половину из иллюзий состоит. Звери тогда умножатся. Дикие и умные звери. И пожрут человека.

Человек устал. Народ устал. Человечество устало.

Все это явления закономерные и неизбежные. Вечный марш энтузиастов звучит кощунственно и омерзительно над землей, в которую зарыто столько мертвых тел, многих даже без отпевания. Посему не надо бояться усталости. Ну устал, ну исчерпался, ну выработался. Что такого? В одной шахте породу выработали – другую роют. В одном месторождении запасы нефти истощились – другие скважины бурить пора. Не заливать же пустую скважину слезами от тоски, что нефть в ней кончилась.

Оскудевают таланты, исчерпываются силы, истекают дни. Святые, и те устают. Праведники тоже болеют. И все о смерти думают с содроганием. Шакалу только – радость. Можно громко крикнуть, что Акела промахнулся. А мудрому – наука, чтоб еще мудрей был. Великое унижится, стройное согнется, красивое поблекнет. Сладкоречивый умолкнет и храбрый не пойдет на бой. Рано или поздно, в той или иной мере, всем нам придется с этим повстречаться. Так попробуем поумнеть заранее, чтобы не осквернять в последствии воздух глупыми словами, родившимися в глупом сердце.

Вот человек озирает медленным взглядом дом, в котором он жил. Сейчас он уйдет навсегда, и нужно забрать самое важное. Он не может унести шкаф, кровать, комод. Там, куда он идет, ему не пригодятся ни занавески, ни горшки с цветами. По всему, что лежит на полу и висит на стенах, человек скользит прощальным взглядом. Все, что он может взять, это лишь заплечный мешок с деньгами, хлебом и документами. Вот он крестится, надевает шапку и хлопает дверью. Теперь дом останется только в памяти, да и то ненадолго.

Так будет уходить из этого мира в иной мир всякий человек. Не всякий человек перед дорогой перекрестится, но, что совершенно точно, всякий не возьмет с собой в дорогу ни кухонный шкаф, ни прикроватную тумбочку. Отчужденным взглядом посмотрит человек на многое, что окружало его при жизни. И только документы, деньги и хлеб нужно будет взять человеку. То есть надо будет понести на душе знаки того, что она веровала в Господа, и добрые дела можно будет понести, как свидетельство, и причаститься Небесным Хлебом нужно будет перед дорогой. Вот и все! Хотя сказанного ужасно много.

И тот отчужденный взгляд, которым окидывает уходящий человек свое место закончившейся жизни, непонятен тем, кто под жизнью понимает только «эту» жизнь. А тот, кто уходит, уже не захочет вернуться, даже если бы ему предложили. Здесь он иссяк и исчерпался. Пора начинать жизнь в другом месте и в другом качестве. Все это совершается ежедневно, но продолжает оставаться непостижимым и удивительным.

Ты пришел!

Я Тебе честно скажу, без Тебя очень плохо. Есть хлеб на столе, есть друг, пришедший в гости, есть свежесваренное пиво. Трещит в камине сухое полено, младшая дочка играет на полу и сыновья рисуют акварелью парусные корабли. Идет за окнами снег, и, ёлки зеленые, чего еще может не хватать человеку для счастья?! Но я Тебе честно скажу: без Тебя так грустно!

Ты видел глаза домашнего пса? Сытого, чистого, любимого всеми пса? Конечно, видел. Ты же все видел. Какие это грустные глаза! Очень умные и очень грустные. Такие же глаза у сытого и умного человека, которого все любят, но которые не чувствует рядом Тебя.

Я всегда знал, что Ты есть. Это даже не вера. Это убежденность, это некое знание. Разве может Тебя не быть?! Но мне мало знать, что Ты есть. Я хочу чувствовать себя у Тебя за пазухой, как в теплом овчинном тулупе, хочу слышать Твой голос, вдыхать Твой запах. Много раз я выходил за окраину города (Ты помнишь) и кричал, и звал, и молился. Я просил Тебя прийти, приблизиться, сделаться ощутимым и близким. Ты молчал. Ты ведь так умеешь молчать, как никто иной.

И я возвращался домой, оглушенный собственным криком, усталый и насыщенный воплями. И вот, когда ничто не предвещало исполнение моих просьб, странные вести, одна за другой, стали тормозить и тревожить мою уснувшую и уставшую душу.

Сначала, в один из обычных зимних дней, мимо наших окон проехали трое всадников непривычного вида. На них были высокие шапки странного фасона. В замерзших пальцах каждый из них держал небольшой сундучок. Заиндевелившие морды их коней говорили о том, что животные привыкли к более теплой погоде. Я открыл окно и один из всадников повернул ко мне свое спрятанное в густую бороду лицо и тихо, но внятно сказал на фарси: «У омад» - «Он пришел».

Они проехали мимо, и снежный ветер долго хлестал меня по лицу, пока я смотрел им вслед. Кто пришел? О ком сказали эти странные люди? Откуда они знают, что я чуть-чуть понимаю фарси?

На каждый день хватает своей заботы. И я не забыл о трех всадниках, чьи следы на снегу быстро замела вьюга. Я просто отодвинул мысль о них на задворки памяти и занялся домашней работой. Так прошло несколько дней. Но снова удивление ворвалось в мой дом, теперь уже высказанное на родном, а не чужом наречии.

Пастухи, старые, добрые пастухи, веселые пересмешники, которые всегда готовы посмеяться над собой, когда мы смеемся над ними, принесли в мой дом новую волну удивления. Мы часто смеемся над их бедностью и смешной одеждой, над их стадами, которые они любят больше чем своих жен. А они платят нам той же монетой, называя нас домоседами и клопами, спрятавшимися за печкой. Они говорят, что ни на какие деликатесы мира не променяют свой кусок сыра и глоток вина. А некоторые из них даже дерзают предсказывать, что эта пастушеская пища – сухари с сыром и вином - со временем станет украшением стола богатых.

Но в этот раз они были перепуганы. Их обветренные лица выражали детский испуг и искреннее удивление.

- Мы помним, что один из пастухов стал царем Израиля. Мы знаем, что его любил Бог и охраняли Ангелы. Но, честное слово честного пастуха, мы никогда не думали, что Ангелы явятся нам самим!

- Говорите конкретней, что случилось? – при этих словах я налил им по полной чашке грога.

И они рассказали, что пасли стада, как обычно; что Ангелы вдруг запели над ними, и они чуть не умерли от страха; что главная мысль Ангельских слов заключалась в рождении Кого-то, Кто принесет на землю мир и в людские души – стремление к добру.

Мы выпили с ними еще по стакану крепкого и горячего напитка, и я попросил их рассказать поподробнее о том, что они видели и слышали. Но пастухи! О, эти пастухи! Вы когда-нибудь разговаривали с пастухами? Вы пили с ними грог? Размякшие от вина, они быстро забыли тему нашего разговора и стали клевать носами. Те, кто работает на воздухе, быстро засыпают в тепле.

Они уснули, а я вышел из дома. Я знал, где они пасут свои стада, и где могло произойти то, о чем говорили люди с обветренными лицами. Снег, сухой и твердый снег, хрупал под моими ногами, пока я шел к обычному месту выпаса овец. И вдруг свет, необычайный, мягкий и теплый свет согрел мою щеку. Он не ослепил глаза, а именно согрел щеку. Видит Бог, Которому я так много молился раньше, что не пойти на этот свет было выше сил человеческих. Я пошел, и снег подо мною был утоптан, так что было ясно – по этой дороге иду я не первым.

Не помню точно и врать не буду, кто был там, кроме меня. Старики ли это были, или молодежь. Но я прошел сквозь небольшую толпу, никого не заметив и не узнав в лицо. Дверь скрипнула, и глаз мой непроизвольно зажмурился. Не от яркого света, нет. Свет в домике был более чем скуден. Я зажмурился от сияния, окружавшего головку Младенца, мирно сопевшего на руках у Матери. Он выглядел простым, обычным ребенком. Таким, которые плачут от газиков в желудке, жадно ищут сосок и краснеют от долгого плача. Но я ведь не простак, не так ли? Я же понимаю, что никакой вол не будет дышать на младенца ноздрями, если это не особый младенец. И никакие чужестранцы не возьмут на плечи тяжесть долгого пути, если речь идет об обычном ребенке. И никакой пастух, сколько бы он ни выпил вина, не станет придумывать невозможное, приплетая к своим фантазиям Самого Господа Бога. Да и само сияние от Его темечка, оно, не говорит ли лучше всяких слов о том, Кто пришел и Кто родился!?

Я замер в углу комнаты на скрипучем полу. Замер, боясь пошевелиться и заскрипеть половицами. Мои глаза устремились в теплую и мягко сияющую глубину колыбели, а мысли заскакали, как сошедшие с ума.

«Неужели это – Ты? – думал я. – Неужели, Ты пришел? Вот так странно и неожиданно пришел?! Пришел беспомощным и слабым, нежным и беззащитным? Я думал, что изнемог, когда просил Тебя явиться. А теперь Ты явился, и я изнемог еще больше, потому что Ты пришел неожиданно, без всякого величия...

Я стоял и смотрел. А слова сплетались в цепочки и нити, а затем расплетались, оставляя мысль пустой и беспомощной. Я ждал одного, но получил другое. Я встретил то, о чем не мечтал. Самое время прекратить думать. Колени мои сами собой подогнулись, и я опустился на них, склонившись лбом до самого пола. «Ты правильно сделал», - услышал я через минуту над правым ухом. «Не надо размышлять. Надо преклониться».

Я повернул лицо и увидел сияющий взор. Только взор и только на секунду. Видимо это был один из тех Ангелов, что возвестили пастухам рождение Господа от Девы. Как хорошо они говорят! Как кратко и точно говорят Ангелы! Не надо размышлять. Надо преклониться!

Я преклонился. А теперь распрямился и стал на ноги. Младенчик все так же спал. Мать склонялась над Ним, напевая что-то тихо и нежно. Не поворачиваясь к Ним спиной, пятясь, я вышел на улицу, унося в груди такую сладкую и густую смесь ощущений, что тысячи людей могли бы напиться ею и устать от сладости.

Снег хрупал под ногами. Сухой и твердый снег. Снег опускался на мои ресницы, облеплял усы и бороду, таял на теплой коже шеи. «Он пришел», - думал я и захлебывался слезами. «Он пришел, но не так, как я просил, а по-своему, смиренно и невообразимо. Какой же Он удивительный. Какой же Он...»

Когда я вернулся домой, пастухи только что стали просыпаться. «Ну что, - спросили они, - ты был там?»

Я молчал. Снег на ресницах растаял, но пастухи умели отличить растаявший снег от слез, стоявших в глазах. И слезы благоговения они тоже умели отличить от слез боли или обиды.

«Давайте выпьем!» - сказал один из них. И этот голос был истинным спасением от нависшей тишины. Мы долго пили и пели, мы радовались до самого рассвета. Мы боялись произнести лишние слова, что бы не оскорбить грубыми звуками человеческой речи ту Тай-ну, к Которой мы все прикоснулись.

Он таки пришел! Как интересно потечет теперь жизнь человеческая! Как сложно и хитро, как странно и счастливо теперь заживет человек!

Я был весел не в меру. Но изобилие горячего вина и шумная пастушеская компания не мешали мне всякую секунду этого спонтанного праздника твердить про себя: «Ты пришел! Ты пришел! Благодарю Тебя!»

Грехи и болезни

Прочная связь между болезнями и грехами утверждается в Евангелии почти на каждой странице. Достаточно вспомнить слово, сказанное при Овчей купели: Иди и больше не греши, чтобы не случилось с тобой чего хуже. Или исцеление расслабленного, которое Христос совершает не раньше, чем простив человеку грехи (См. Лук. 5, 23). Евангельская логика проста, как все, исходящее от Бога: будь мы безгрешны, мы были бы и бессмертны; будь мы бессмертны, мы бы и не болели.

Творец мира, одевшись в человеческую плоть, являл Свое доброе всемогущество, прощая грехи, исцеляя болезни, воскрешая мертвецов. Все эти три вида мессианской деятельности неразрывно связаны и равно необходимы, поскольку человечество именно грешно, смертно и болезненно.

Если бы Христос не делал хотя бы что-то одно, стройность Его дел была бы под угрозой, Божественность Его посланничества была бы под сомнением. Если бы Он только исцелял, не воскрешая, смерть сохраняла бы свою молчаливую тиранию, и всякий умеющий думать отказался бы признать в исцелении истинное благо, раз смерть по-прежнему сильна. Еще хуже было бы, если бы Христос исцелял, ни слова не говоря о грехах. Он весьма польстил бы испорченному человечеству, которое и по сей день готово сказать: «верните мне здоровье, но не спрашивайте меня о грехах». Христос не сделал этого. Его любовь не соскользнула к вседозволенности. Он научил нас на боль физическую и на нравственную грязь смотреть сразу, одним взглядом охватывая то и другое.

Человека нельзя избавить от страданий, не изменив его при этом так, чтобы он стал бессмертным. А бессмертие возможно только для безгрешного существа. Потому и отогнал Господь согрешившего человека от Древа Жизни, чтобы не стал человек злом бессмертным. Как ни странно это звучит, но для грешника смерть – объективное благо. Бог не хочет увековечить человека в его оскверненной данности, но хочет прежде исправить и очистить его, а уж затем даровать бессмертие.

Теперь окунемся в действительность, покинув высоту умозрений. Мы болеем и будем болеть, пока не отдадим рано или поздно с последним выдохом душу в руки Создателя. Болея, мы бываем раздражительны, нетерпеливы и малодушны. Весь мир тогда сжимается для нас до размеров пульсирующего зуба, раскалывающейся головы, ноющей печени. И мы ищем избавления от страданий.

Как хорошо, что в регистратуре или в приемном покое нам не напоминают о связи между грехами и болезнями. Как хорошо, что из окошечка не высовывается лицо регистратора и не обращается к нам с хитрым прищуром: «Что, милый, допрыгался?» Наша медицина лечит болезни, не рассуждая об их нравственных первопричинах. И это хорошо. Хорошо, что доктор – обычный грешник, и ему в голову не приходит вгонять пациента в краску,

устраивать исповедь или читать мораль. Духовные вопросы остры. Неумелое обращение сними способно более навредить, чем помочь. Поэтому и хорошо, что логика поликлиники не совпадает с логикой Литургии и прочитанного Евангелия.

Эта шизофрения двойных стандартов грозит превратиться (а может, уже превратилась) в приобретенное уродство, в родимое пятно нашей жизни. Узнавая правду и не умея воплотить ее в жизнь, не умножаем ли мы тем самым и без того до краев налитую чашу внутренних страданий? Стоит ли узнавать правду, причем, правду вечную, чтобы остаться при своей обычной лжи? Может об этом сказал Соломон: «кто умножает познания, умножает скорбь»? (Еккл. 1, 18)

Я остаюсь при той мысли, что автономность медицины от Евангелия имеет свои плюсы. Но христианскую логику я сам должен внести в историю своей болезни и своего выздоровления. Пусть доктор говорит, что «еще поживем»; пусть сестра по дороге на операцию повторяет ободряющие мантры. Я то сам прекрасно знаю, что в выздоровлении и продолжении жизни смысл есть только тогда, когда есть намерение жить лучше и стать чище. Многое зависит от врачебного искусства и качественных лекарств. Но Хозяин жизни будет решать судьбу больного еще и с той точки зрения, захочет или не захочет больной сделать из болезни нравственные выводы. «Я буду жить?», - спрашивает пациент. «Жить то будешь, но как и для чего?», - спрашивает в ответ, как мне кажется, Хозяин жизни. «Если, как прежде, или даже хуже, то зачем?»

Связь между болезнями и смертью кажется очевидной. Связь между грехом и смертью следует осознать, благодаря Евангелию и первым главам книги Бытия. Когда первые две связи станут понятны, останется выяснить теперь уже неизбежную связь между болезнями и грехом. Ну и, наконец, самое главное. Победителя этого триединого, сплетшегося до нерасторжимости змеиного клубка зовут – Господь Иисус Христос.

Умная война

Есть понятие «умной войны», и мы находимся в гуще военных действий уже не одно десятилетие.

Война всегда «умна», поскольку она есть не просто столкновение государственных систем, вооруженных народов, борьба новых видов вооружения с новейшими и проч. Война всегда – столкновение воли и умов.

Специфика сегодняшнего дня заключается в том, что прежние войны требовали от воюющих сторон напряжения ума параллельно с собственно военными усилиями, а нынешние войны могут проходить без пушечной канонады и информационных сводок с фронта.

Нет, мир не стал добрее. Слабого и сейчас, в эпоху неотъемлемых прав человека, всегда побьют, или даже убьют, а иногда даже разберут на запчасти с целью пересадки его почек и сердца богатому пациенту. Но если противник силен, его постараются обмануть, облапошить, оккупировать (в случае, если это страна) без единого выстрела. Вот такая война с нами и ведется.

Никто не объявлял мобилизации, никто не пел «Вставай, страна огромная», потому что свойство самой жестокой войны – ее незаметность. Пуля, пролетая мимо, свистит.

Радиация не свистит, но убивает не менее эффективно.

Так же эффективно и молча убивают человека болезнетворные микробы и вирусы, а также греховная информация.

Греховная информация это истинное оружие массового поражения. Никакая отравленная стрела вроде бы не впиалась в тело человека, а между тем человек гниет, и, как

свойственно гниющему, смердит, и сам себя ненавидит, и ничто в окружающем мире ему не мило. А если таких гниющих людей будет много, очень много, то страна, населенная ими, будет неким подобием лепрозория. Гитлер таких неисцельно больных приказывал расстреливать без сожаления. Смею со страхом догадываться, что внуки англосаксов, судивших Гитлера в Нюрнберге, не на много гуманнее к жертвам собственной пропагандистской отравы.

Раньше, говорят, когда пушки говорили, Музы молчали. Сегодня Музы перекрикивают пушки, а иногда их с успехом заменяют. И зачем вам тратиться на классические виды вооружения, вроде банальных и дорогостоящих снарядов, если головы вашего противника забиты вашим идеологическим продуктом?

Если вы внушили врагу, что он свинья и живет в грязи, а вы – бог и обитаете в раю, то ваш враг либо повесится от тоски, либо станет перебежчиком.

Если вы внушили врагу, что жизнь – бессмысленная случайность, он тоже с собой что-то сделает, оставляя на ваше усмотрение жену, дом и приусадебный участок.

Если вы научили противника слушать сутками на максимальной громкости вами проданную музыку, то он вскоре непременно оглохнет, и, значит, можно будет брать его голыми руками, а жена, дом и приусадебный участок так-таки останутся на ваше усмотрение.

Все это происходит и совершается, золотые мои. Совершается даже ежечасно и ежеминутно. Поэтому «Вставай, страна огромная» петь придется.

Если бы речь шла о честной борьбе, где рвутся мышцы и трещат кости, то причин для тревоги было бы меньше. Наш человек хоть и не богатырь давно, но все еще силен и смел. Его боятся и для этого страха есть основания.

Но та борьба, которая ему навязана, а вернее, против него развязана, ему плохо понятна. Он и не подозревает даже, что когда ему без перерыва поют песни по радио, его хотят уничтожить. Именно по тому самому, что с нами ведут войну сознательно, а мы самой войны не замечаем, мы и проигрываем постоянно. А это не просто битва за нефть. Это битва за жизнь.

Стоит добавить, что война, о которой мы заговорили, чрезвычайно хитра, беспринципна и абсолютно бессовестна. Такой степени бессовестности нет у рядовых и всюду встречающихся Джонов или Брюсов. Для человека вообще такая бессовестность – редкость. (Сорос, правда, как-то сказал, что он был человеком, пока не стал бизнесменом) Войну ведет умный дух, презрительный ко всему святому и ненавидящий благодать, а люди у него, что Рыбки у Бабки, на посылках. Эту войну он ведет не только с нами. С Брюсами и Джоном он ее тоже ведет, и нет никакой радости быть использованным в качестве стенобитного тарана или начинки для Троянского коня. Но с нами все равно разговор особый, потому как есть и огромные природные ресурсы, и ядерное оружие, и умение дать в зубы, и в придачу почему-то не исчезнувшее, но несколько укрепившееся Православие. Так что не хуже Бабы-Яги, чувшей, где «русский дух и Русью пахнет» режиссерский коллектив глобальных мировых процессов знает, кто в мировом строю идет не в ногу.

Умная война, сопровождаемая товарным переизбытком и культурной экспансией, идет во всю. Ты чистишь унитаз Domestos-ом, куришь Marlboro и предел твоих мечтаний – пятидверная Honda. Это тоже признаки продолжения войны, хотя и не самые главные. Твои дети слушают MTV и знают тексты рэповых песен, но воротят нос от Гоголя. Ты и сам ничего серьезного не читал годами, а по телевизору смотришь только юмористические передачи и новости. Это уже намного серьезнее, поскольку говаривал доктор Геббельс, что покоренным народам должно быть разрешено только развлекательное искусство. Тебя сожрут, возлюбленный, очнись. А что еще хуже, в тебя могут влезть и окончательно завладеть твоим внутренним миром, и тогда тебя самого принудят пожирать других. Это, действительно, еще хуже.

Раньше такое понятие, как «умная война», было известно только монахам. Но во-первых, не всем монахам, а только честно монашествующим. А во-вторых, звучало это словосочетание архаически: «невидимая брань», как чеховское «аще убо». Ласкает слух, но смысл непонятен.

И вот, что называется, дожили. Теперь основы невидимой брани, или ведения умной войны, или основы внутреннего духовного сопротивления, (как хотите называйте) должны быть известны самым широким слоям крещенного люда. Элементарный курс аскетики должен преподаваться хотя бы так, как раньше на курсах гражданской обороны гражданам рассказывали о ядерном взрыве, химической атаке и пользовании противогазом. Польза непременно будет.

Конечно, специальные курсы это фантазия. Полезные знания и навыки духовной самозащиты должны быть передаваемы дедовским, вернее, святоотеческим способом – от священника пастве, от родителей детям, от учителя ученикам. И еще нужно активизироваться на информационном поле. Это поле и есть поле битвы. То, о чем мечтал Маяковский, произошло уже очень давно: к штыку приравнили перо. Радиоточку приравнили, соответственно, к эскадрилье истребителей, умную критику и публицистику – к пограничной заставе, качественное периодическое издание – к армейскому соединению.

Лично я не сдаюсь. Вообще не сдаюсь, тем более – без боя. Мне больно видеть Гулливера на службе у хитрых лилипутов. Больно наблюдать настоящее, зная прошлое и предчувствуя будущее. Поэтому я пою «Вставай, страна огромная». Пою тихо, а не во весь голос. Во-первых, потому, что имеющий уши услышит. А во-вторых, потому что война наша – умная. Нам орать ни к чему.

Русский вдали от родины

Бог нужен всем, но не все одинаково это чувствуют. Бывает, что человеку нужно утратить всякую опору, всякие ориентиры и ощутить себя беспомощным и одиноким, для того, чтобы Бог стал первой и главной реальностью, а душа обратилась к нему, не отвлекаясь ни на что и по сторонам не оглядываясь.

Так бывает не только у обычных людей. Из общего закона не изъяты и такие «любимцы» Господни, как Апостолы. Павлу Христос сказал: «Сила Моя в немощи совершается». И сам Павел затем говорил «Когда я немощен, тогда силен». В этих словах скупое, но очевидно проявляет себя закон Господень, согласно которому человеку необходимо терпеть смиряющие неприятные обстоятельства. Иначе он, как необрезанная лоза, будет неспособен к плодоношению.

Что смиряет человека? Список пространен. Это болезни, старость, житейские нужды, злоба человеческая, обжигающая везде, и на работе, и по соседству, и дома. Это беды, случающиеся с теми, кого ты любишь. И это, конечно, разлуки и расставанья. Одной из видов разлук является беженство, изгнанничество, вынужденное прощание с Родиной. Войны, бедность и болезни, вкупе с частными и личными причинами, не перестают вырывать людей из привычного быта и переносить на большие расстояния в поисках хлеба, счастья, безопасности. Беде этой не видно конца, хотя человечество и стало терпимее, милосерднее, гуманнее. Так, по крайней мере, само человечество о себе думает. Видимо есть в странничестве какой-то высший смысл, раз нравы смягчаются и комфорт увеличивается, а скитания по миру огромных масс людей не прекращаются.

Странником и беглецом на этой печальной Земле был во дни Своего младенчества Господь Иисус Христос. Злоба Ирода согнала с места Его Мать и старца Иосифа и повела их в Египет.

Долго не имел на земле пристанища Авраам. Ни к чему не привязанный, свободный, как небесные тучи в стихотворении Лермонтова, этот праведник жил Богом и ходил перед Богом, будучи вечным странником.

Страннику нужен Бог. Странник не пускает в почву корни и не обрастает мхом, как лежащий на месте камень, но как звезда, он находится в движении и тоскует по той тишине и покою, какие дарятся Духом Святым.

Вот и наша Родина уже скоро столетие спустя революционный семнадцатый год не устает выталкивать за свои пределы волну за волной своих детей – эмигрантов первого, второго, третьего, четвертого поколений. Одних выгнали озверевшие строители всемирного счастья, других голод и разруха, третьих – страх репрессий, четвертых вынужденный плен. Потом пришла пора диссидентства, а вскоре за ней – развал страны и полное смятение в миллионах голов. Эта последняя волна эмиграции самая горькая. Она без всякой войны и идеологических преследований разрушила множество семей и рассеяла по миру тысячи, десятки тысяч наших людей, поехавших кто куда в поисках счастья, денег, куска хлеба, смысла жизни.

Может ли быть в этом печальном явлении хоть какая-нибудь польза? Может!

Люди, теряя все, становятся способными обрести Бога. А, обретя Бога, становятся способными вновь обрести все: смысл жизни, радость, друзей, Родину. Так Иов, потерявший все, был испытан и получил обратно то, что ранее утратил. Так и наш соотечественник, оказавшись под жарким солнцем другого континента или под яркими звездами другого полушария, начинает по-новому или даже впервые любить свою землю, интересоваться ее историей, вникать в ее веру.

Рассеяние – не только русская беда. Костлявая рука истории сеяла по ветру не один народ. Но всякий раз это были разные посевы. По степени человеческого горя они похожи или одинаковы. Но по степени влияния на жизнь мира, различны. Если рассеянный народ хранит в своей душе нечто далеко превосходящее этнографический материал, если в душе народа есть нечто всемирно-ценное, то его рассеяние несет миру благо посреди самих несчастий.

Если русские чем и богаты, то только Православием. До революции Православие могло казаться культурным придатком народной души, опорой царизма и привычной стихией. После революции вынужденные эмигранты первой волны ощутили в странах изгнания, что они обладают великой силой и огромным богатством. По-разному религиозные «во время оно», эти беженцы стали организовывать приходы везде, куда ни забросила их судьба. А вместе с приходами – газеты, фонды взаимопомощи, пастырские курсы и проч. Они не спились, не деградировали, не растворились в иноязычном море, владея многими языками. Они сохранили Русь в изгнании и познакомили мир с Православием.

Уже было сказано, что нынешние, последние волны эмиграции самые печальные.

Печальны они также и потому, что, покидая Родину, нынешние эмигранты никакой особой культуры и традиции с собой не уносят. Только тоску и боль, смущение и смятение уносят они. Все остальное приходится открывать и приобретать в новой земле и под чужим небом.

Великая тоска (вечный спутник любого мигранта) заставляет наших людей искать Бога. Так получается, что вдали от Родины, среди пальм, а не березок, нынешний искатель счастья находит молитву, Евангелие, икону Богородицы и воскресную службу в одном из бедных и зарождающихся приходов. И эта находка, быть может, и есть то самое, для чего человек покинул Родину. Живи он там, Церковь была бы для него облеплена ярлыками расхожих предрассудков и отгорожена забором привычности. Родную Мать в Церкви легче узнать среди скорбей и вдалеке от привычного быта.

И еще одну пользу усматривает око в положении изгнанника. Изгнанник вольный или невольный учится во всех людях видеть братьев. Дома мы ослеплены национальной гордыней или просто бытовой спесью. Мы дома ограничены. По крайней мере, так бывает часто. За рубежом мы в людях узнаем людей. Мы пользуемся гостеприимством туземцев,

принимаем их любовь и участие в нашей судьбе. Мы видим вблизи их жизнь со своей спецификой и неизбежными тягестями. Общечеловеческая драма, одетая в местные одежды, бросается нам в глаза. Наша мысль и чувство вырастают до всечеловечности. И если кто-то при нас со временем унижит человека другого цвета кожи, другой культуры, мы восстанем против этой узости и мелкой спеси, потому, что мы уже разглядели брата в бывшем чужаке. Это наша беда так нас смирила и научила уму-разуму.

В наши храмы за пределами Родины ходят жители всех стран, среди которых живут наши люди. Это естественная и ненавязчивая форма миссии. Достоевский говорил, что «русский человек без Православия – дрянь». Он имел право на такие слова. Зато с Православием русский человек если и не сразу Серафим Саровский, то хотя бы келейник его. Русский человек в святоотеческом Православии мягок и глубок, задумчив и отзывчив. Его нельзя не полюбить, и веру его не полюбить нельзя. Поэтому приходят и будут больше приходить, если мы будем сами собой, в наши зарубежные храмы гостеприимные туземцы на всех континентах. И мы будем вставлять ради них в службы молитвы и чтения на местных языках. Мы будем проповедовать им, крестить и венчать их, будем причащать их. Мы сможем принести свежее дыхание Апостольской веры в новые земли, туда, куда еще сотни лет не добрались бы наши миссионеры. Это уже есть, и это уже чудо!

Поэтому за каждой частной бедой и отдельной историей нам предлагается ныне увидеть Божий Промысел, неусыпно и неустанно действующий в мире. Одна из граней этого Промысла заключается в том, что русский человек, живущий вдали от Родины, призван к тому, чтобы открыть для себя впервые или заново сокровище веры, хранимое Святой Соборной и Апостольской Церковью. Открыв это сокровище, он не удержит его в себе, но в силу широты и простоты душевной, поделится этим сокровищем со всеми нуждающимися, и это будет похоже на огонь малой свечи, от которой зажгутся миллионы новых лампадок.

Скорбные торжества

Прошли недавно скорбные торжества, посвященные годовщине трагедии в Чернобыле. Были речи, были молитвы, были конференции. И были фильмы.

В одном из них (может быть и единственном, снятом на Украине) трагедия была показана на фоне начинающегося счастья молодой семьи. У молодых - свадьба, шум, застольные возлияния. И вот они, переодевшись в ванной, поменяв белое и парадное на повседневное, тихонько выскальзывают за порог, садятся на мотоцикл и совершают побег навстречу собственному маленькому счастью. За спиной остаются дом, набитый хмельными гостями, тосты, подарки. А впереди их ждет лес, первая ночь под яркими звездами и долгожданное «одинокчество вдвоем».

Это удивительно безотказный ход: показать маленькое счастье, еще только пробивающееся и проклевывающееся, чтобы потом обрушить и на зрителя, и на маленьких счастливицев, и на весь мир глобального размера катастрофу. Вот занимается заря нового дня. Молодые, как водится, щекочут друг друга травкой, или плетут венки из ранних цветов, или «аукают», имитируя игру в прятки. А рядом уже грохочет техника, в небе летят вертолеты, дороги запружены беженцами, леса прочесывают дозиметристы. Пришла большая бе-да и раздавила хрупкое счастье.

Если бы фильм был о войне, то сценарий был бы тот же. Был бы выпускной, встреча рассвета, некий излишек алкоголя, запоздалые признания в любви и щемящее ощущение прощания с детством. А утром... Суматоха призывных пунктов, поломанные судьбы, слезы, «Прощание славянки» на фоне товарных вагонов. Скорбное знание о том, что поколение это, только что вышедшее из школы, будет закопано в землю почти полностью в ближайшие месяцы. И, как обычно, вкус печали будет приправлен специями штрихпунктиром намеченного, такого возможного, но так и не состоявшегося счастья.

Что бы ты ни снимал – фильм о крушении башен-близнецов, фильм о трагедии на Фукусиме, фильм о кошмаре в Норд-осте – сделай так, чтобы трагедия прервала новобрачную ночь, первое свидание, сцену купания младенца, и ты (режиссер) добьешься успеха. Великая беда на фоне маленького счастья – попадание в «яблочко».

Любая трагедия хочет быть увековечена средствами искусства. И любая трагедия в нашем мире (ибо в иные эпохи было иначе) хочет сделать вид, что человек хорош, а беда живет где-то вовне. Безликая беда, живущая где-то, хочет ворваться в хрупкий человеческий рай, чтобы разрушить его. Такова новейшая идеологема. Человек хорош, а мир плох, полон зла. Этот жестокий мир угрожает хрупкому человеческому счастью.

Вспоминаю фильмы-сказки Ромма. Там тоже всегда вначале – идиллия. Он (сильный и спокойный) пашет и утирает крупный пот с умного лба. Она (поплакатному красива и весела) лебединым шагом идет от колодца с полными ведрами на коромыслах и косит в его сторону нежно-игривым взглядом. Вблизи могут копошиться дети. Вдали могут работать и петь бабы. И вдруг! Небо заволакивается дымом, воздух оглашается гиком и визгом, слышен стук копыт, засвистели стрелы! Пришла беда – татары! Рай разрушен. Точно, как у Шевченко, хоть и по другому поводу: «Пришли ляхи и запалили наш тихий рай...»

Это все правильно и почти хорошо. Это вполне мифологично и необходимо для детского сознания. Мы, дескать, изначально, априорно хороши. Мы хороши в силу того, что это – мы.

«Он хорош и она хороша». Зла нет в них. Зло если и есть, то только «где-то» и в «ком-то». Не приди оно, зло, не ворвись в эту идиллию, так и жить бы им, хорошим – ему и ей – в бредовом шевченковском раю с вишневым садом возле хаты вовеки веков. Чем не рай и не предел мечтаний?

Но, на самом деле, это не рай. Это – ложь. Это – бесовское самолюбивое марево. Это – пробный камень для обличения и обнаружения всякой самовлюбленной и самодовольной лжи, рядящейся под проповедь истинного счастья.

Что мы читаем в Библии? Что было в начале? В начале была полная противоположность нынешней сентиментальности. Не «он и она хороши», а «мир зол». Напротив: мир прекрасен, а он и она первые согрешили. Он и она (вернее, она и он, по очередности согрешения) нарушили запрет, ввели грех и смерть в мир, все испортили, стали виновниками всеобщей порчи. Вот откуда все! Как может быть мир хорош, если состоит этот мир из миллионов людей, и у каждого внутри нет целого места. Все изранено, все перепутано, вымучено, засорено. Откуда возьмется внешнее благополучие, когда все сгнило почти изнутри?

Вот пишу, а по телевизору показывают пляски американцев по поводу смерти Бен Ладена. Пляшут так, как не пляшут смиренные алеуты после удачной охоты на кита. Хотя для тех кит – полгода спасения от голода.

И все та же чушь. Радуются янки так, будто все зло мира было в этом полумифическом персонаже ими же, американцами, если не придуманном, то возвращенном и выкормленном. И в голову не придет никому из них, что каждый из этих пляшущих сам – «маленький Бен Ладен», и что если бы этого убитого не было, они сами бы его выдумали.

«Зло снаружи. Я хорош», – это символ веры человечества, жаждущего внутренне прихода антихриста. Сей «разрешитель всех проблем» именно будет решать «тяжелые задачи» и преодолевать «внешние сложности». Покаяния требовать он не будет. Он скажет грешнику: «Ты был плох по причине внешних условий, социальной несправедливости и биологической наследственности. Я устранил это. Теперь ты хорош». И за это одно поклонятся ему миллионы. Уже кланяются. Авансом.

Виноват Гитлер. Виновата Аль-Каида. Виноват Сталин. Виноват «мирный атом» и советский бюрократизм. Виноваты масоны. Виноваты евреи.

И в атмосфере этих проклятых песен, исполняемых на один и тот же мотив, мы живем год за годом.

А ведь ничего бы хорошего не было, даже не будь ни войны, ни Хиросимы, ни Чернобыля. Какая цивилизация испортила Каина и вложила в его руку орудие убийства брата? Никакая, правильно. Но грех залез внутрь, и глупое занятие – искать внешних врагов.

(Приди, Хаттабыч, вырви волос из бороды. Скажи «трохтибидох», и убери махом всех внешних врагов, на которых мы все привыкли возлагать вину. Вот удивятся тогда те, кто думал, что зло живет не в них, а снаружи. Вот вытянутся их глупые физиономии, когда проблемы не исчезнут, хотя и врагов уже не будет. Проблемы не только не исчезнут, они еще и умножатся. Тогда начнут болезненно прозревать и биться головой о стены те примитивно мыслившие души, для которых зло было где-то, а не в себе самом. Ради этого отрезвляющего зрелища, приди Хаттабыч и вырви волос из бороды)

Но уйдем от сказок и вернемся к фильму о Чернобыле.

Вот молодые герои, предположим, поженились и счастливы. Нет никаких катастроф, но разве без катастроф нет несчастий? Есть разводы, неврозы, психозы. Есть измены, безденежье, пьянство. Есть усталость, агрессия, ложь. Есть постылая жизнь без просветов с разлюбленным человеком и навязчивые мысли о сведении с нею (жизнью) счетов. Вся эта жизнь – катастрофа безо всяких дополнительных катастроф. Неужели это не понятно? После грехопадения вся жизнь – не что иное, как медленно тонущий Титаник, и только Лестница Якова позволяет взойти вверх, а не уйти в бездонную глубину.

И думается в эти дни следующее: Христианство не обязано обслуживать эгоистичные потребности самолюбивого человека. Оно не обязано оплакивать его беды так, словно это случайные трагедии, без которых жизнь была бы раем. Жизнь не была бы раем, поскольку она уже сейчас – скрытый ад. Она – скрытый ад, стремящийся стать явным. Христианство обязано прежде всего прочего, прежде возвещения радостной вести о спасении, сделать чутким человеческое сердце, сделать его чувствительным к подлинной и ежедневной боли нашего падшего бытия. Тогда не нужно будет по временам устрашаться от ужаса жизни, сверяясь с календарем и его скорбными датами. Тогда возникнет истинная нужда спастись не просто от ужасов общества потребления или перекосов техногенной цивилизации, а спастись вообще «от века сего лукавого» и сердцем искать той подлинной «земли, на которой правда живет».

Невнимательность

Невнимательность, зависть, неблагодарность. Как вам такие качества, вернее, недуги души?

Вопрос на засыпку: может ли быть счастлив человек, страдающий завистью, невнимательностью, неблагодарностью? Кому как, но мне лично счастье такого человека представляется невозможным.

Зависть будет непрестанно влечь взор этого человека в «прекрасное далеко», туда, где лучше, потому что нас там нет.

Невнимательность будет скрывать от глаз множество вещей и событий красивых, удивительных, трогательных. Неблагодарность заставит топтаться по головам любимых и кусать ласкающие руки.

Все будет не так на свете человеку. Весь мир будет ему не «таков». В порыве страстных неудовольствий жизнью человек дерзнет сказать словами Сальери, что, мол, нет правды не только на земле, но даже выше.

Если это заразное внутреннее состояние завладеет множеством душ в отдельно взятом государстве, то дела в нем пойдут совсем худо. А внутренние состояния, без сомнения, могут быть заразными. Словно «трихины» из бредового сна Раскольникова на каторге, волны беспокойства, недовольства, ворчливого раздражения могут передаваться от души к душе, не взирая на расстояния.

Мы живем именно в такой ситуации. Не древнее пьянство и не новый разврат являются нашими главными пороками, а уныние. Уныние, рожденное недовольством, невнимательностью, завистью и неблагодарностью. «И ничего во всей природе благословить он не хотел», - вот диагноз. Это – бесовское состояние.

А как же «всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите»?

Где спасенье от тоски? Конечно, не в умножении удовольствий. Внимательный человек должен знать, что умножение удовольствий углубляет тоску и делает ее неизлечимой. Исполнение всевозможных желаний способно дать только один несомненный опыт, а именно: от исполнения желаний подлинное счастье не приходит. Жажда распаляется, иллюзии отлетают, а счастье не приходит.

Чтобы жить, и трудиться, и радоваться, человеку нужно благодарить. Благодарность это естественное и сильное лекарство и против зависти, и против невнимательности, ну и, конечно, против неблагодарности.

Вот почему наша главная служба это Евхаристия, Благодарение, а главная часть этой службы знаменуется словами «Благодарим Господа!»

Благодарим за сотворенный мир; за наш в сей мир вход и будущий исход; за ведомые и, много более, неведомые бывшие на нас благодеяния. Нам нужно научиться ходить в храм именно для благодарения. Все остальное приложится, как второстепенное, на своем месте. Будем и свечи лепить, и записки писать, и панихиды заказывать, и молебны слушать. Но главное, будем идти в храм, чтобы благодарить Господа.

Благодарный, он же по-славянски и «благодатный». А «благодатный» человек это человек энергичный, сильный, умный, внимательный. Он, по апостолу, «на всякое благое дело приготовлен»

Унылое и бурчливое христианство, это – добровольное гетто. Сильное христианство, это христианство радостное, о Господе радостное. «Благовестите день от дне спасение Бога нашего»

К этому и нужно звать людей, не нашедших пока пути к Литургии.

Все реформаторы обещают человеку счастье, и если полагать это счастье в исполнении обещаний, то придется умереть несчастным. Но человек должен быть счастлив не «когда-то» и «где-то», а сегодня. И это возможно, если стоит перед Богом человек, и не говорит «дай», но - «Благодарю Тебя»

У Сэлинджера, автора «Над пропастью во ржи», есть две повести, объединенные в одну книгу – «Фрэнни и Зуи». Героиня по имени Френсис (Фрэнни) – учится на актрису. Это молодая интеллектуалка, ищущая смысла жизни и духовных озарений. Ее тошнит от чванства, от поверхностных знаний, которыми кичатся преподаватели, от мелких интересов сверстников. В своих духовных поисках она находит книгу «Откровенные рассказы странника» и начинает творить Иисусову молитву (sic).

Эти духовные упражнения еще боле обострили в ней отторжение от мирской жизни, но не дали ни силы, ни светлости, ни радости. Получилось мрачное и озлобленное подвижничество.

Спасти сестру от опасных духовных экспериментов над собой пытается родной ее брат (Зуи). Брата возмущает, что Фрэнни в грош не ставит мать, которая лезет к дочери с нежностями и пытается кормить ее, отощавшую, бульоном. Его возмущает, что сестра пытается относиться к молитве, как к психофизической практике. Для неё молитва – не способ общения с Богом, Которого она любит, а почти магический способ достижения «благодатных» состояний и озарений. Он говорит сестре:

- Скажу тебе одно, Фрэнни. Одну вещь, которую я знаю. И не расстраивайся. Ничего плохого я не скажу. Но если ты стремишься к религиозной жизни, то да будет тебе известно: ты же в упор не видишь ни одного из тех религиозных обрядов, черт побери,

которые совершаются прямо у тебя под носом. У тебя не хватает соображения даже на то, чтобы выпить, когда тебе подносят чашку освященного куриного бульона.

Даже если ты пойдешь и общаришь весь мир в поисках учителя – какого-нибудь там гуру или святого, - чтобы он научил тебя творить Иисусову молитву по всем правилам, чего ты этим добьешься? Как же ты, черт побери, узнаешь подлинного святого, если ты неспособна опознать чашку освященного бульона, когда тебе суют ее под самый нос? Можешь ты мне ответить?

Чашка бульона была «освящена» заботой и любовью матери, то есть тем, на чем мир стоит. А все мы очень виноваты в том, что не умеем опознавать «освященный» бульон, «святые» улыбки, «священные» рукопожатия и прочие небесные дары, ежедневно предлагаемые нам под неброской земной упаковкой. Именно из-за этой неспособности опознавать святое в повседневном мы и несчастны.

Невнимательность. Неблагодарность. Зависть. Мечтательность.

Сами религиозные порывы не лечат человека при неправильном устройстве души; не лечат и приносят нежелательные плоды. Молитвенное подвижничество невозможно, если человек не способен оценить простую красоту и искреннюю теплоту. Вот он, духовный закон, действующий неумолимо: в жизни совсем ничего не возможно достигнуть, если невнимательность и неблагодарность закрыли человеку глаза на повседневное «обыкновенное чудо»

Мы все окружены милостями и погружены в сплошное чудо. Поэтому благодарное удивление должно стать одной из доминант нашего внутреннего состояния. Этому нужно учиться всем: и тем, кто, как ему кажется, воцерковлен; и тем, кто ищет дорожку в Церковь; и всему народу, наконец.

Не зря главные слова нашей главной службы: «Благодарим Господа!»

Быть священнику в школе, не быть ему там?

That is the question

Для начала нужно спросить самого священника: он хочет ходить в школу для работы, для бесед с учениками, или это ему нужно, как зайцу пятая нога? Всегда довольно людей, готовых сказать: нас не зовут – мы и не движемся; нас не пускают – так тому и быть.

У детей нужды в священнике не может быть по определению. Вся школьная система воспринимается ими, как аппарат насилия над счастьем детства. Чтобы понять, насколько эти мысли неверны, нужно повзрослеть. Польза от священника в школе может быть осознана самими учениками лишь со временем. Поначалу нужду в священнике ощущают взрослые. Взрослые видят сатанеющий мир. Если они и не понимают, то непременно чувствуют, что надо укреплять берега. Иначе скоро всех смоем. Вот они и просят прийти к ним в классы, поговорить по душам, наставить, разъяснить. Просят те, кто сам нашел дорогу к храму и ощутил, насколько спасительно и освежающе действие Бога на измученную душу. Те из преподавателей, кто этого не пережил, священника в школу звать будут вряд ли. А те, кто пережил, будут звать, но не всякого.

Мы уже довольно сказали, что изобразить сказанное графически.

Рисуем мысленно равнобедренный треугольник с высокой и острой вершиной. Эдакую фигуру, похожую на острый небоскреб. Углы сторон при основании чуть меньше, чем 90 градусов.

Основание треугольника, это – тезис о необходимости присутствия священника в школе. Это фундамент. Но, как мы ранее сказали, дети нужду в священнике еще не чувствуют. Чувствуют те из взрослых, которые «вкусили и видели, яко благ Господь».

Отступаем несколько от основания вверх и проводим черту, параллельную бывшему основанию. Треугольник становится «острее» и уменьшается в размерах, словно усаживается.

Горькая правда в том, что не всякого священника позовут. Смиранный наш народ любит всех пастырей, но, обладая здравым смыслом и начатками умения анализировать ситуацию, в разведку хочет ходить не со всеми подряд.

Пора уменьшать еще уже и без того уменьшенный треугольник. Отступаем от нового основания вверх и проводим новую черту. Точно так же уменьшается в размерах возносящаяся в небо ракета. Она отбрасывает отработанные ступени.

Из тех, кого позовут, не все пойдут. Вот вам и новая причина для сокращения треугольника в размерах.

Есть требы, и здесь активность понятна всем. А есть апостольский труд, когда «красны ноги благовествующих мир», но эта деятельность не всем понятна. Многие в ответ на просьбу прийти, ответят, что недосуг, что работы полон рот, что сами, мол, пусть в храм приходят, и так далее. Пришла опять пора сокращать размеры однажды нарисованного треугольника.

Но те, что согласились, тоже попадают в царство необходимости. Там, с детьми, нельзя разговаривать так, как священник привык говорить с прихожанами. Там нужно втолковывать азы, там нужно прислушиваться, там нельзя командовать. К этой специфике, опять же, готовы не все.

В своем предельном урезывании треугольник стремится стать одной лишь вершиной, то есть точкой. От изначально большой геометрической фигуры он умалется до размеров геометрической аксиомы. И снова впору задавать схоластический вопрос: сколько Ангелов может уместиться на конце иглы? Этот вопрос несправедливо осмеян. В нем – бездна смысла, и бытового, и умозрительного.

Мне хочется сказать несколько слов тем «ангелам», которые уместились на конце иглы. То есть тем священникам, которые таки пойдут в школу, и будут там трудиться.

Мы не идем в классы, чтобы читать катехизис.

Нам нужно научиться простым языком говорить с детьми о непростой жизни. Что мы расскажем им?

Мы расскажем о том, что если ты стал посвященным в чужую тайну, то, Боже тебя упаси, разболтать эту тайну кому бы то ни было.

Мы расскажем о том, что слабых обижать нельзя. Это не красит человека. И смеяться над увечьями и недостатками других людей нельзя. Неровен час, и ты в наказание станешь калекой, и придется тебе увидеть свои прежние усмешки на чужих устах. Подумай об этом заранее.

Мы скажем о том, что завтрак, принесенный в школу, нужно делить с другом на перемене. И что нельзя есть втихаря и в одиночку.

Скажем о том, что все, чем мы пользуемся сегодня, есть плод чужого труда. Свет в лампочке, пиджак на плечах, цветы на клумбе стоили денег, и пота, и труда. А значит, нам нужно беречь чужой труд из чувства благодарности. Много таких тем, ох, много!

Символ веры мы объясним потом. Потом, чуть позже заведем с детьми речь о молитве. Для начала нам будет нужно убедить их сердца в том, что мы учим их не сверху вниз, а лицом к лицу. И говорим мы с ними не об умозрениях, на которые многие просто по возрасту не способны, а самой жизни, о самой гуще ее, где растворены и смешаны вопросы этики и эстетики, совести и традиции.

Об этом, мнится мне, должны говорить с детьми те «последние из могижан», которых по-звали, которые согласились идти и общаться с нашим будущим в лице детей, сидящих за партами.

**

Некто однажды похвалялся показать последнего попа по телевизору. Думал устроить шоу, думал явить миру «динозавра» с бородой и в рясе. Но вот, «погибе память его с шумом». Впору последнего атеиста по телевизору показывать.

Это я к тому, что попам в школе быть. Как бы кто ни дергался и ни извивался.

Только не всем попам там быть, и это хорошо. Это даже естественно.

А тем, которым быть, нужно заранее готовиться к тому, чтобы быть детям не ментором, а старшим другом. Быть честным человеком, пришедшим от сердца к сердцу передать крупицы смысла и опыта. И не столько лекции нужно читать, сколько разговаривать с детьми о сложной человеческой жизни; разговаривать в режиме сострадания и большего, по возрасту, опыта.

Если будет это, то все остальное будет. И неважно то, что изначальный наш треугольник измельчился до одной лишь вершины, похожей на точку. На этой точке, на этом кончике иглы, не тесно будет многим и многим Ангелам, каждый из которых способен совершить работу великую и неоценимую.

Соглашательство. Сервилизм. Сергианство

Жуткое отступление от идеала. Продажа первородства за похлебку, да и то – чечевичную.

Я теоретически ничего против этого пафоса не имею, но у меня есть уточнения.

Если человек кричит: «Мы не принимаем Советскую власть», а между строк в этом лозунге читается: «Любую другую власть мы принимаем», то у меня есть и вопросы, и уточнения.

Христианам нельзя до конца растворяться в любой системе власти. И никакую систему власти нельзя до конца, до донышка считать своей. Если мы вправе повторить вслед за апологетом древности слова о том, что «для нас всякая чужбина – родина, и всякая родина – чужбина», тогда переживать не о чем. Система координат правильная. Но если мы вырастаем в некие системные образования на правах «Министерства исповедания», и ничего против этого не имеем, или имеем, но не высказываем, то тогда у меня вопрос: «Откуда горячее для пафоса?»

Соединенные Штаты Америки ведут себя в мире так, как в описании Лескова - жандарм на Киевском базаре до революции. В какой хочешь карман залезут, кому хочешь по шее дадут. Свинство мирового масштаба. Но никто, воистину никто не требует, чтобы многочисленная армия православного духовенства, служащего в США и принадлежащего к Константинопольскому, Сербскому, Русскому, Антиохийскому патриархатам, отмежеввалась демонстративно от политики США или отказалась от гражданства. Никто не требует, чтобы они по велению совести ушли в катакомбы.

Во всем мире православному духовенству приходится служить и трудиться в странах самых разных. Это монархии и демократии, это диктаторские режимы и марионеточные правительства. Но люди служат Христу, стараясь не нарушать местное законодательство, и приноравливаются к условиям, более или менее соответствующим их служению. Почему у нас есть понимание чужих реалий и терпение в отношении к ним, а в собственном доме понимание и терпение испаряются?

Кто-то терпит мусульманское окружение, в любую минуту угрожающее погромом. Кто-то задыхается в цивилизованном безвоздушии, где дьявол вот-вот воцарится, но все друг другу улыбаются. Но все терпят и не предъявляют завышенных требований к действительности. И только в отношении себя самих мы завышаем планку так, что даже прыгать не хочется. Остается только махнуть рукой и отойти в сторону.

Наш иеромонах, например, служит в Таиланде, учит язык, проповедует, организывает общины. О короле Таиланда говорит с уважением не иначе, как «Его Величество», и благодарен Его Величеству за разрешение миссионерствовать. Он что от веры что ли отступил? Нет, конечно. «Существующие власти от Бога установлены» (Рим. 13:1) Если он даже и гражданство примет, то от веры не отступит, хотя король у него будет – буддист.

Таких примеров можно привести сотни и из прошлого, и из настоящего. И что же странного в том, что пришедшую, как со временем стало ясно, всерьез и надолго новую власть Церковь с болью признала и смирилась под ее «мозолистой рукой», неся историческую епитимию?

Видимо, мы имеем дело с неким историческим стереотипом. Видимо, нам кажется, что до революции наша страна была стопроцентным православным царством, а после революции изменила своему призванию и развернулась в сторону противоположную. Отчасти – да. Но лишь отчасти.

Дореволюционная действительность была битком набита фактами и кишмя кишела событиями, которые никак не согласуются с идеей Православного Царства.

И самое серьезное в этом не то, что страна не идеальна, а то, что Церковь молчала и не вмешивалась.

Если плох Сергей, под дулом пистолета согласившийся назвать СССР «гражданским Отечеством», то чем лучше те, кто без всяких пистолетов довольствовался второстепенными и декоративными ролями, ни на что не влияя?

Вернуться в довоенные советские годы, чтобы шкурой собственной испытать кошмар тех лет невозможно. Хотя это бы остудило многие головы. Но ныне по факту видим, что Церковь выжила и имеет все, чтобы сегодня развиваться и двигаться в нужном направлении. Значит, слава Богу! Значит, спасибо тем, кто жил тогда и, как умел, молился.

Ах, вы говорите, что Церковь выжила бы лучше и была бы сильнее, если бы да кабы? А кто вам сказал, и откуда это известно?

А позвольте вам сказать, что сервиллизм и соглашательство за несколько столетий рискнули не без успеха стать характерными чертами нашей церковной жизни. Непослушным (зadolго до ЧК и КГБ) – холодная келья без чернил и бумаги, или - визит в Тайную канцелярию.

И позвольте напомнить, что с тех пор, как Петр Первый велел с глаз долой убираться престарелому Адриану, ходатайствовавшему по древнему обычаю за стрельцов, Церковь несколько веков за народ не печаловалась открыто перед властью. И попов до 19-го века можно было сечь (!). И никакого миссионерства у нас до того же 19-го века не было. Да и то доброе что было, всюду терпело отравляющее дыхание канцелярщины и бюрократизма.

Так почему любители критиковать не критикуют задним числом эти отступления от нормы христианского бытия? Почему обрушиваются гневно на дела вчерашние, как будто с них одних и началась история?

На каком основании называть нам все, что было до «красных», Святой Русью, если творения святых отцов запрещалось переводить, а старцы, даже и Оптикинские, числились нередко «еретиками»? И народ причащался раз в год, а многие – из-под палки. И проповедь нужно было сначала написать и отнести на подпись, а только потом зачитать. Своими словами да вживую – ни-ни. Это только сектантам позволялось.

Нет, дорогие мои, если вы любите Отчество, вы должны знать его историю без купюр. Любовь позволит не разлюбить Отечество, узнав побольше. И вот, узнав побольше о том, что было двести лет назад, мы смягчим отношение к тому, что было пятьдесят лет назад. То, что казалось обвалом и крушением, окажется неизбежным этапом, приготовленным всей предыдущей историей.

Не принимайте Советскую власть, считайте ее дьявольской. Ваше право (хотя не все здесь ясно и однозначно). Но не думайте, что не принимать можно только Советскую власть, а все остальным властям на законных основаниях можно целовать ручку. Нет. Внутри любой системы власти нужно сохранять христианскую свободу мысли и действия. Об этом сказано: «Вы куплены дорогой ценой. Не делайтесь рабами человеков» (1 Кор. 7:23)

И сегодняшний день, как раз, требует почтения к поколениям ушедшим и творческих ответов на вопросы сегодняшние. С мертвыми-то мы храбры воевать. Но что скажут поколения грядущие о дне сегодняшнем и наследии, которое мы им готовим?

О простоте, о Сергии, о собеседниках

Множество людей скрепляются в более-менее организованное единство при помощи множества, опять-таки, связей. На привычке, на страхе, на личной выгоде, на голосе крови или на авторитете может держаться и держится большое количество разнообразных сообществ. Когда мы с этой точки зрения посмотрим на Церковь, то Новый завет опять окажется Новым. Ни на чем другом, как только на любви и на рожденных от нее доверии и простоте, основал Христос Свою Церковь. Как в малом желуде уже сокрыт огромный дуб, так в малой общине учеников Христовых уже сокрытой была Церковь, и не было у этой малой общины никаких скреп, кроме доверия к Учителю и глубокой личной привязанности к Нему.

Уже первый ученик, названный впоследствии Первозванным, услышав от Иоанна указание на Агнца Божия, пришел ко Христу с простейшим вопросом: «Учитель, где живешь?» (Ин. 1:38) Не было вопросов хитрых и сложных, на подобие «как ты учишь?», «покажи нам знамение», «не Илья ли ты?» и проч. Их потом зададут не раз, но уже другие любопытствующие.

Андрей же, этот ученик строгой Иоанновой простоты, перешел в ученики и последователи Божественной простоты не через хитрые, но через простые вопросы. Где нет лукавства в человеке вопрошающем, там не лукавит и отвечающий. «Пойдите и увидите», – был ответ Спасителя. «Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот» (Ин. 1:39)

Так в простоте зарождалась Церковь Нового Завета. Если же следовавшие затем переплетшиеся события и долгие столетия истории дают нам немало примеров противоположных, то все же начало Церкви таково, и корень ее свят, а раз корень, то и ветви. (См. Рим. 11:16)

Простота и чистота; святость Иисусова, сообщаемая всякому, кто прикоснулся ко Христу верою. Вот – Церковь.

Она, Невеста Агнца успешна в делах своих всегда, когда она сама себе соответствует. Слава ее не в хитрости звездочетов и не в грозном звоне земного оружия. Слава ее – Жених, Тот, что «грядет в полночи» и поищет у ожидающих Его горящих ярко светильников. Стоит Церкви увлечься земной славой, стоит ей захотеть соревноваться с мудрецами и гордецами века сего, как тут же слабеют ее главные, духовные силы. Неуспешными становятся начинания, разрушаются плоды трудов предшествующих поколений и, кто знает, не пишет ли невидимая рука в тот час повторную угрозу: «Ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5:27) Если страшны были эти слова, обращенные к царю-язычнику, то в сотни раз страшнее они, когда пишутся для христиан, «имеющих вид благочестия, силы же его отрекшихся» (2 Тим. 3:5)

Но там, где Церковь сильна, там неизбежно есть, быть может, неприметное всякому глазу, но реально существующее, соответствие идеалу. Там времена сжимаются, и становится ощутимым глагол, согласно которому «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет.3:8) Все ту же доверительную близость к Христу чувствуют угодники Божии, что чувствовали к Нему и Христовы апостолы. Словно нет и не было столетий, разделяющих нас во времени; словно человек, служащий Спасителю не просто читает и воплощает в жизнь уроки Вечной Книги, а сам живет на ее страницах и видит описанные события собственными глазами.

**

Вот Сергей, игумен земли Русской. Кто больше сделал для своих современников, чем этот простец, не имевший часто и дневного пропитания? Кто еще оставил такое обширное и богатое, такое живое и неоскудевающее наследство для будущих поколений, как этот беглец от мира, мягких одежд не носивший и сладкого не евший? Кто до сегодняшнего дня так же убедительно, как он проповедует реальность Божьего Царства и иллюзорность счастья мирского? Кто продолжает утешать мирских, укреплять монахов, вразумлять облеченных властью?

При жизни – ничего знатного, но уже - задатки славы, которая выше. По смерти – всероссийская любовь и столетиями не прекращающееся благое влияние на народную жизнь. В будущем же – слава близкого ко Христу стояния после воскресения и обновления потрудившейся плоти! Удивительно.

Греки давно считали времена Сергиевы временами последними. Усталость и скепсис поселился во многих, как это и бывает обычно в те времена, что кажутся последними. «До подвигов ли нынче? Скоро Суд. Сохранить бы веру», - так говорили многие. А он совершал свой труд, не вникая в то, что прямо его не касалось, и поворачивал историческое русло в нужную сторону, сам к тому не стремясь.

**

Прост был Авва, но не невежествен! Горе тем, кто простоту от невежества отличить не способен!

Ученики его назывались собеседниками. Это слово, в применении к ученикам Сергия, достойно того, чтобы записать его мелом на рясах или чернилом – на крахмальных манжетах. Собеседники.

Сергий мог, умел вести полезную беседу. Быть может он и любил беседу, если был достойный сосуд слушания. А ученики его умели слушать и запоминать, умели питаться словами опыта, умели другим передать слышанное. Это потрясающе, и в это необходимо вдуматься.

Мы сплошь и рядом не умеем беседовать. Часто оттого, что нечего сказать. Когда нечего сказать, человек ведь не молчит, нет. Он наоборот, как житель королевства кривых зеркал, именно тогда и не позволяет рту закрываться. Не имея, что сказать, но говоря непрестанно, он и слушать не умеет. Такой человек собеседника сто раз перебьет, свои пятаки будет вставлять в диалог поминутно, до конца не дослушает, толком ничего не поймет и всему миру растрезвонит именно то, что он совсем не понял. Ему ли открывать тайны? Таких людей всегда и везде полно, потому что это общечеловеческий, а не узко национальный недуг. Но такие люди никогда бы не стали собеседниками Сергия. Может и он бы взял, да они бы не усадили.

Нужно учиться слушать. Нужно учиться молча думать и донашивать мысли в сердце, словно – детей во чреве. Нужно запоминать чужие мысли и записывать свои. Словом, нужно умно трудиться, иначе близость самого великого святого нам пользы не принесет.

Как общий закон нередко повторяется фраза об отсутствии добрых наставников по причине отсутствия людей, способных принимать уроки, назидаться. Это верно. Совершенно верно. Ученик готов – приходит учитель. Но чтобы учиться, нужно осознавать себя пустым, опустошенным. Полному некуда наполняться. Тот, кто думает о себе, что он и так умен и многоопытен, тот, кто полон сам собой, никогда слухом сердца не услышит ничего великого. Это тоже не частный. Но общечеловеческий недуг.

Как альтернативу Символу веры, как некое частное кредо, разделяемое однако многими, современник наш может произнести фразу из запаса Элочки-людоедки: «Не учите меня жить. Помогите материально» Отменно емкая фраза. Дескать, как жить мы и сами знаем. Вы нам денег дайте. И именно эта уверенность в собственной мудрости, это сведение всех вообще проблем на уровень одних лишь денежных проблем говорит о том, что будь Сергей нашим современником, наши ноги бы до него не дошли, наши уши бы его не услышали. Наше сердце бы его не поняло.

**

Беседа с тем, кто лучше тебя, питает и укрепляет. В беседе более, чем в иных формах общения, раскрываются души. Обычный человек, проживший жизнь сложную и интересную, кое-что повидавший и кое-что уразумевший, в доверительном разговоре может дать вам больше, чем Ватиканская библиотека. Слой за слоем снимаются барьеры и защиты, открываются карманчики и отовсюду на свет Божий являются слова выстраданные, выношенные в сердце, слова, в которых – весь человек. Так бывает при тайне общения с обычным, таким же, как ты сам, грешником. А какими были беседы с тем, кто лично видел в келье своей Неба и земли Царицу? Кто годами в невыносимых

условиях сражался с бесами и вышел победителем? Кто на Литургии стоял, словно объятый огнем, так что больно было на него смотреть? О, это, без сомнения были неподражаемые беседы, тихие, как глубокая вода, и бесценные. Это были беседы, заставляющие забыть о сне и пище.

Но я опять о своем. Мы, бедные, никогда не услышим таких бесед не потому, что живем в иные времена, а потому, что разучились делать самые простые вещи. Например, внимательно слушать собеседника, или – смотреть, как на Христа, на всякого человека, с которым нас свел Промысел. О, мы бы перебивали даже Сергия. Мы зудели бы ему о продажной власти, и кодах и антихристе. А еще – о непослушных детях, о колдунах и экстрасенсах, о грехах молодости.

Но об антихристе уже было сказано. Это тема всей христианской истории, а не последнего ее периода. Что же до власти, то она всегда не ангельская, ну и прочие проблемы только имеют вид первостепенный и неотложный для решения. На самом деле они древние, как сам человек, и до конца в рамках земной истории не решаемые. А вот что по-настоящему важно, так это отношение человека ко Христу. С простотой ли приходим мы к Нему, как Андрей, и спрашиваем: «Где живешь?» Или с лукавством подкрадываемся, говоря: «Покажи нам знамение».

Там, где простой Бог найдет простую душу, там даст Он ей жизнь «с избытком» (Ин. 10:10) Избытка этого будет так много, подобно оставшимся кускам от пяти хлебов (См. Ин.6:13), что тысячи смогут этой пищей жизни пропитаться. И пока будет изливаться этот избыток жизни из переполненной чаши, замолкнут все вопросы, мучающие людей. «Есть ли Бог? Есть ли бессмертие? Любит ли Бог людей? Свята ли Церковь?»

Смешными и неважными покажутся эти вопросы, пока чаша полна и переливается. Но когда начнет оскудевать чаша, ибо и она не безразмерна, и когда древние родники и источники заилятся, тогда вновь поднимутся и оживут старые вопрошания, ответы на которые нужно будет искать не в книгах, а в благодати.

Нужна простота, нужна чистота, нужна святость, без которой бесполезной и безвкусной становится жизнь человеческая. Но чтобы оживали раз за разом и вскипали родники святости и первоначальной церковной чистоты, нужны не только такие великаны, как Сергий. Нужны еще и его собеседники.

Вифлеем

Священная география способна учить не меньше, чем буквы Священного Писания. Иордан впадает в Геннисаретское озеро и вытекает из него. Озеро кипит жизнью. Затем Иордан впадает в Мертвое море и никуда не вытекает. Море мертво. Урок лежит, как на ладони: принимаешь и отдаешь – живешь; принимаешь и не отдаешь – ты труп.

Или еще.

Колена Гада и Рувима не захотели переходить через Иордан, потому что, говорили они Моисею: «земля годная для стад, а у рабов твоих есть стада» (Числ. 32:4)

Моисей усмотрел в этом эгоизм и встревожился, как бы несвоевременная забота о стадах не развратила весь Израиль и не помешала перейти через Иордан для овладения землей. «Отродьем грешников» назвал он Гада и Рувима. Но те настояли на своем, и хотя пошли воевать впереди остальных, землю перед Иорданом оставили за собой. Гляньте в библейский атлас. Там на западном берегу Иордана – Гад, Рувим, Манассия и Дан. Плата за тревогу о скотине и пастбищах пришла позже. Эти колена раньше прочих подверглись нападению, плену и ассимиляции. Память о них звучит в чтении о свиньях страны Гадаринской. Жители, разводившие свиней, тоже просили Христа уйти от них, дабы не терпеть материального урона. Урок тоже на поверхности. Есть время думать о себе, а есть время, когда нужно думать об общем деле. Вот казаки наши, к примеру, тем храбрее воевали, чем ближе к дому находились. С удалением от родных полей и стад заметно улетучивалось всякое желание сражаться. Это особенно проявилось в Гражданскую. Результат – уничтожение казачества, как класса.

Вся география Святой земли смешана с уроками истории и пропитана назиданием. И если про Манассию или про Капернаум каждый знать не обязан, то Вифлеем должен быть известен всем. Имя этого города, в окрестностях которого земля дала временный приют Богоматери с Младенцем, тоже содержит назидание.

Этот город, имя которого по-еврейски звучит как Бейт-Лехем, в переводе именуется «Дом хлеба». Совершенно не случайно Тот, Кто говорил о Себе, что Он – хлеб жизни, родился в окрестностях этого города. Не поленимся открыть 6-ю главу Евангелия от Иоанна, чтобы прочесть вновь эти слова о Небесном хлебе.

- Хлеб, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, спешший с небес; ядущий сей хлеб будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира.

- Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни.

- Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во мне, и Я в нем.

Есть пророческие речи, специфически темные по причине высоты предмета речи, в которых говорится и о Матери Христа. Толкователи Песни Песней усматривают пророчество о Богородице в следующих словах: «Живот твой – круглая чаша, в которой не ароматное истощается вино; чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями» (Песнь Песн. 7:3) Песнь Песней нельзя было читать людям, не достигшим 30-ти лет. Это при том, что каждый мальчик закалял ум и воспитывал душу в чтении Писаний с 12 или 13-ти лет. То есть через 17 лет занятий он мог лишь дорасти вслед за зрелостью возраста до зрелости рассуждения и умозрения. Нам бы так же упражняться в изучении Писаний. Множество бед растаяли бы, как первый снег.

Так вот, «неистощимая чаша ароматного вина», это указание на Евхаристию. И не зря одна из икон называется Неупиваемая Чаша. А «ворох пшеницы», это – все тот же Хлеб, имеющий родиться из чистого лона, на чью чистоту указывают «лилии», окружающие пшеницу. Христос – Свет (Ин. 8:12), то Мать Его – Матерь Света (Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим) Если же Христос – Хлеб, то Она – Матерь Хлеба жизни. Родить Ей Христа подобает нигде более, как только в Доме Хлеба, в Вифлееме.

Все это, несомненно, урок, но этого мало. Любое знание нужно стремиться перевести из области теоретической в область практическую. Знание, не оправданное деятельностью – по Исааку Сирию – есть залог стыда.

Зная, что Христос есть Хлеб, сшедший с небес, что о Матери Его пророчески говорил Соломон, что именно поэтому место Рождества по имени связано с Евхаристией, необходимо к этой самой небесной Пище приступать «со страхом Божиим и верой». Праздники есть по преимуществу те временные точки, в которых максимальное число верующих людей освящается Таинствами. Полагать смысловую часть праздника в чем бы то ни было кроме Слова Божия, молитвы и участия в Таинствах, есть неразумие, способное окончиться либо полным безверием, либо местным вариантом язычества, либо чем-то еще далеким от воспеваемой правды Божией.

Причащаться надо, есть надо Живой Хлеб, для нас сошедший с неба. Он Сам зовет, Сам служит при Трапезе, «приносит и приносится, приемлет и раздает». Он может разгневаться на пренебрежение к Своему голосу и Своей Жертве. Представьте, что вы накрыли стол на тридцать человек и позвали всех персонально. Все готово, свечи зажжены и запахи от стола дурманят голову. Но никто не пришел! Ни один! Как себя чувствует хозяйка? Не плюнули ли ей в лицо?

Теперь скажите, что же мы делаем в отношении Христа, Который воплотился, вырос по плоти и вошел в полноту человеческого возраста, многократно и многообразно засвидетельствовал Свое Мессианство, пошел на Крест, умер на нем и воскрес из мертвых. Теперь Он готовит нам раз за разом трапезу с пищей бессмертия, зовет «Примите, ядите», а мы не идем! Что это? Что это за карикатура на христианство с редким причащением у одних по надуманному «благодетелию», у других по реальной лени и теплохладности, у третьих по реальным грехам, умножающимся именно из-за удаленности от Чаши!

Христос родился в Доме Хлеба. Он Сам – Хлеб Жизни, и нет никакого христианства и быть не может вне Святой Трапезы, на которой лежит Агнец, за весь мир закланный. У причастия и у Церкви одно и то же Имя – Тело Христово! Пусть всяк говорит, что хочет, но практику редкого причащения (читай – пренебрежения Самим Христом и Его заповедями) нельзя обосновать никакими доводами. Ни богословием, ни аскетикой, ни текстами отцов. Кроме разве что католической средневековой практики, заползшей в семинарские учебники и в весь наш синодальный период.

Хотящий пить, нуждается в воде, а не в формуле воды, написанной на школьной доске.

Желающий жить должен приступать к Пище бессмертия со страхом и верой, а не просто теоретически что-то знать о Сыне Божием, ставшем Сыном Человеческим.

Если что-то доброе и крепкое в нашей жизни появится, то именно отсюда. Больше неоткуда.

Похоронные речи

Во времена упадка религиозности многие приходы выживают и трудятся в режиме похоронной команды. Похороны, панихиды, девятый день, сороковой день, родительские субботы...

Прочее – не часто, а это – основной труд.

Все это само по себе уже удивительно, как доказательство невозможности истребить религиозность в человеке. Очевидность смерти и страданий эту самую религиозность постоянно в человеке поддерживают. Так подтверждается максима В. В. Розанова, сказавшего, что «боль жизни всегда сильнее интереса к жизни, и поэтому религия всегда одолевает философию»

У самого нехаризматичного, самого неспособного или ленивого к проповеди священника всегда под рукой погребальные стихиры Иоанна Дамаскина и великий псалом царя Давида. А значит у него всегда должно быть, что сказать человеку. И сами люди у него всегда, пусть хоть в скромном количестве, будут, поскольку если не придут они сами по любви к Богу, то принудит их прийти страх смерти или скорбь разлуки. И вот тут мы приходим к очень важной мысли. Приведенные в храм страхом, болью или семейным долгом, эти люди придут затем опять, если прикоснется к их сердцу благодать. И, наоборот, не придут в другой раз вовсе, если посещение храма не превратится для них во встречу со словом Истины, а останется отбыванием скорбного номера.

Ставить себе за цель удивить, ошеломить, потрясти словом пришедших на погребение людей, нельзя. Нужно лишь молиться искренно и проповедовать просто, одушевляя слова собственной верой. Вопреки атеистическому воспитанию и злобным установкам, подброшенным лукавым миром, сердца людские прочитают и усвоят бесхитростную правду, прозвучавшую в словах пастыря. Задача минимум для пастыря – верить твердо, молиться в простоте и не лгать. Последнее означает не актерствовать и не стремиться к внешнему эффекту.

Сказанное можно пояснить на примере.

Герман, главный герой пушкинской «Пиковой дамы», как известно был причиной смерти старой графини. Он пришел к ней из-за жажды денег и власти, подобно, как и Раскольников пришел к старухе-процентщице для проверки своей «идеи» и за деньгами на первое время. Раскольников бил топором по голове, а Герман всего лишь грозил пистолетом, да и то – незаряженным. Но итог был одинаков. Обе старые женщины умерли. Раскольников на похоронах процентщицы не бывал. А вот Герман в церковь на отпевание пошел.

Дадим слово «солнцу русской поэзии»:

«Имея мало истинной веры (как и наши «захожане»), он (Герман) имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, - и решил явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения»

Пропускаем намеренно детали прощания с покойной челяди и родственников. Идем ближе к нас интересующей теме. Отпевал графиню архиерей, и на погребении была сказана проповедь. Вонмем.

«Молодой архиерей произнес надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное успение праведницы, которой долгие годы были тихим, умирительным приготовлением к христианской кончине. «Ангел смерти обрел ее, - сказал оратор, - бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании Жениха полуночного». Служба совершилась с печальным приличием»

Надо ли напоминать читателю, что старуха-графиня по вредности характера и бесполезности на дела добрые мало чем отличалась от жертвы Раскольникова? И жила она, вовсе не готовясь к христианской кончине. Вместо полночного Жениха, в образе которого подразумевается Христос Господь, дождалась она Германа с пистолетом в руках. И это ночное посещение исходатайствовала ей ее беспутная молодость, проведенная в Париже, за карточным столом и за проеданием и проигрыванием имений, оставшихся в России.

Архиерей—проповедник, названный в тексте «оратором», ничего плохого делать не хотел и, быть может, не сделал. Хотя... Сделал — не сделал. Архиерей лгал. Этих общих, обтекаемых фраз, этой сладкой риторики от него, без сомнения ждали, как и сегодня от нас ждут ладана, чтобы заглушить смрад, и лжи, чтоб успокоить совесть. Ждали благозвучия, восторженности, слезного умиления, но не истины. И проповеднику трудно, очень даже трудно не отвечать на специфический спрос соответственными услугами. Хотя из служителей Бога Живого, в данном случае, рискует проповедник стать заложником своеобразных рыночных отношений, далеких от благодати.

Не знаешь покойника, или знаешь его с тех сторон, которые не поддаются похвале, молчи о нем. Благовествуй воскресение мертвых, говори о Христе-Искупителе и о нашей неизбежной встрече с Ним. Говори о Четверодневном Лазаре и о дочери Иаира, о необходимости покаяния, о частом посещении кладбища, как того засеянного поля, которое в последний День заколосится восставшими телами. Тем для надгробной проповеди — бездна. Сам чин погребения насыщен с избытком этими святыми мыслями. На каждой странице требника их больше, чем свечей на храмовом подсвечнике в праздничный день. Не умеешь говорить, стесняешься, поражаешься страхом неуверенности или сам скорбишь об усопшем — молчи. Только молись с сердцем. Но не лги! Не разукрашивай речь поэтическими оборотами позапрошлого столетия, не делай ничего приторно-слезливого, рассчитанного на одних лишь баб, готовых голосить по всякому случаю.

На Западной Украине, где православная славянская душа столетиями испытывала насильственное влияние польской культуры и латинского благочестия, со временем сложился такой фальшивый и чувственный способ проповеди на погребениях, что остается лишь жалеть об отсутствии здоровой критики на это не здоровое явление. Уши мои слышали то, о чем рука пишет. Там священник произносит речь от лица усопшего, в которой затрагивает столь чувствительные струны душ родственников, окружающих гроб, что редко обходится без обмороков. Да и похорон без ручьев слез, громкого воя и хотя бы одного обморока там у многих ксендзов Восточного обряда считается за «неудачный». Там вы услышите про скрип калитки, на которую родня выбежит по привычке, но это будет уже не «наш дорогой Иван». Услышите о том, как будут плакать посаженные руками усопшего деревья, как тропинка не захочет зарастать, помня шаги хозяина. И вся эта слезливая нечисть, произносимая только ради нервного эффекта, в девяноста случаях из ста не даст места слову о вере, о покаянии, о победе Христа над смертью.

Худшее, как известно, усваивается и наследуется легче. Эта ложь тоже умеет распространяться, но до времени умолчим об этом.

По Авве Дорофею лгать можно словами и лгать можно жизнью. Словесная ложь хотя бы теоретически понятна, а вот ложь жизнью — дело более тонкое. Казаться, но не быть,

надевать маски, изображать что-то, что должно наличествовать, но чего нет, вот – ложь жизнью. При этом невозможно не лгать и языком. Язык принужден будет скрывать истинную действительность, и изображать вымышленную. Это хорошо по опыту известно неверным супругам обоего пола, продавцам залежалого товара, лицемерным радателям о народном счастье и... нам, то есть церковным людям. Если некий наш брат «душевный, не имеющий духа» (Иуд. 1:19), но хочет произвести духовное влияние на паству, то подхватывает его в это самое время лживая волна, и несет в неведомые дали, без пользы для слушателей, с вредом для самого оратора.

Всему этому мы не одно уже столетие назад «от еретиков навывохом». А время и совесть требуют честности и силы, простоты и ясности, мужества и нелицемерного сострадания.

Требуется время. Проходит, убегает и требует.

Возвращение домой

«Возвращение домой» – обычная, в общем-то, фраза. Ничего монументального, ничего демонстративно-великого. Человек пошел на работу, пошел угрюмый, проглотив плохо пережеванный бутерброд и еще хуже пережеванную утреннюю нарезку новостей и анонсов событий. Работал не до изнеможения, чуток болтал о том – о сем, чуток перекуривал. Вернулся с работы с тем же настроением, с каким уходил, поковырял вилкой в тарелке, поглядел новости, успевающие устареть к моменту выхода в эфир, и пошел спать. Действительно, ничего великого. Но если по-другому эту фразу произнести? Но если каждое слово четко выговорить и вписать в иной контекст, к примеру – в контекст притчи о блудном сыне, тогда как? Тогда получается чувствительно до дрожи.

Возвращение домой, не то, что с войны, а просто из армии, никто банальностью не назовет. И приезд на малую родину, в село или город, где родился, в школу, где учился, тоже язык не повернется назвать событием ничего не значащим. В эпоху романтического освоения космоса, когда безлюдные, смертельно-холодные пространства Вселенной мысленно свели до уровня прерий, а человека вообразили бесстрашным пионером-первопроходцем, любое кино о космонавтах заставляло по-особому взглянуть на простую чашку простого чая и на мягкий свет ночной лампы. Все-таки в обычном человеческом мире, таком хрупком и таком неповторимом, должно быть уютно и просто. Но человек не ценит это, и ему необходим либо опыт реальной бездомности, либо внутреннее умно-волевое усилие, чтобы осознать цену простых вещей. То же самое касается и целых народов.

Русский народ куда только не бросало, и откуда только ему не приходилось возвращаться. Возвращался он и с войн, звеня орденами, и из лагерей, гремя костями, на которых мяса не осталось. Возвращался из космоса, как Гагарин с развязавшимся шнурком на ботинке, и из стран диковинных, как Чаадаев, с «глубокой думой на челе». Но к себе самому он еще в полной мере не вернулся. Со всеми этими образами возвращения внешнего, возвращения, требующего перемещений в пространстве, народу русскому нужно соединить покаянное возвращение в Отчий дом и Отчие объятья. Так у Тарковского в «Солярисе» путешествие главного героя домой в пространстве совпадает в конце фильма с покаянным возвращением в отчий дом, и последние кадры фильма являются цитатой живописи в кинематографе. Герой так же обнимает колени отца, как и рембрантовский блудный сын на одноименной картине.

«Возвращение домой» для народа - это узнавание самих себя на пространстве огромных временных отрезков; это способность понять, где и почему мы сошли с прямой дороги, как и когда в карту маршрута вкрались ошибки.

Для христианских народов исторические эпохи должны иметь некие аналоги и подобию в Книге книг. Думаю, что сегодня местом радостного узнавания подобий может быть книга Неемии. Это рассказ о том, что мало и недостаточно просто вернуться в землю отцов, утраченную в наказание за грехи. Это книга также о том, что возвращаясь телом домой, нужно возвратиться духом к истокам и доказать твердость возвращения решительным преодолением препятствий. Книгу эту, как и все Писание, нужно прочесть.

Возвращение ознаменовывается сначала восстановлением стен. Глава третья книги перечисляет имена тех, кто трудился, восстанавливая внешнюю ограду Иерусалима, начиная от Овечьих ворот. Этому труду в нашей истории соответствует, возможно, возвращение Церкви ее внешнего имущества, приведение храмов в благолепный вид, организационные преобразования, одним словом, все то, что само по себе не спасает, но создает среду, благоприятствующую спасению.

Эта работа вызывает раздраженное недоумение тех, кому милее вид запустения на святом месте, нежели возобновление богослужений. Эти люди говорят о трудящихся: «Неужели будут они приносить жертвы? Неужели они когда-либо кончат? Неужели они оживят камни из груд праха?» (Неем. 4:2) Слыша подобные речи в наше время, вспомним, что нет ничего нового, что не было бы забытым старым, и утешимся тем, что Бог на стороне строящих.

Когда город обрел внешнюю стену, наступило время вернуть сердца людей к Богу и напомнить им закон. В этом деле Неемии помог книжник Ездра. «И открыл Ездра книгу пред глазами всего народа. И когда он открыл ее, весь народ встал. И благословил Ездра Господа Бога великого. И весь народ отвечал: аминь, аминь, поднимая руки свои – и поклонялись, и повергались пред Господом лицом до земли» (Неем. 8:2-6). Чтение было соединено с толкованием. Во-первых, потому что язык родной многими был забыт основательно, а во-вторых, потому, что слово Писания без толкования никогда не совершает полного действия над людьми Завета. Параллели столь прозрачны, что не требуют дополнительных указаний. Мы вступили в период изучения Слова, и нам нужны толкователи прочитанного. «И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное» (Неем. 8:8) Священнику часто приходится быть снабженцем и прорабом, но время требует, чтобы он стал «книжником, износящим из сокровищницы новое и старое» (См. Мф. 13:52)

Жажда Писаний и поучений должна быть такой, чтобы не утолялась она от получасового занятия. Те переселенцы в город отцов занимались Законом целыми днями. «И читали из книги закона Божия каждый день, от первого дня до последнего дня. И праздновали праздник семь дней, а в восьмой день попразднество по уставу» (Неем. 8:18) Затем наступило время поста и покаяния. «И стояли на своем месте, и четверть дня читали из книги закона Господа Бога своего, и четверть исповедывались и поклонялись Господу Богу своему» (Неем. 9:3) Покаяние соединялось с воспоминанием и осмыслением всей прошедшей истории Израиля. Это – чрезвычайно важный момент. Нужно непременно каждую историческую эпоху вписывать в контекст не прервавшегося Завета с Богом и продолжающейся Священной истории. Жить «только сегодня» ради «счастливого завтра» и намеренно забывать вчерашний день для народа самоубийственно.

Книга Неемии изобилует именами. Длинные перечисления тех, кто строил стены и защищал строителей, кто подписался под клятвой возобновления служения Богу, кто остался жить в смилившемся и полном опасности Иерусалиме, говорят о том, что «никто не забыт и ничто не забыто». Все, кто совершает свой посильный труд ради Господа, помнимы и вписаны в книги живых. Это подтверждение слов пророка о том, что «внимает Господь и слышит это, и пред лицом Его пишется памятная книга о боящихся Господа и чтущих имя Его» (Мал. 3:16). И строящий, и лечащий, и пишущий, и молящийся, и терпеливо несущий крест скорбей, никто не забыт у Бога. Этим да ободримся.

Книга также полна описанием того, как иудеи притесняли друг друга при любой возможности, как они пренебрегали святыми помещениями храма ради житейских требований, как они нарушали субботу, как не хотели расторгнуть незаконные браки. И это говорит нам о том, что возвращение телом домой, а духом – к Богу не означает безмятежия и быстро-легких плодов. Грех продолжает делать свое дело, и испорченное человеческое естество упорно не хочет всецелого исцеления. Этому падшему естеству гораздо приятнее угождать себе, а не Богу, несмотря на то, что гром только что отгремел и страх наказания еще не успел исчезнуть. Что ж, и это тоже – наша история. И мы спешим повторять старые грехи, как только недавнее наказание стало отходить в область истории. И мы мешаем святое с грешным, и служим то Богу, то самим себе, то неизвестно кому и зачем. Это не повод для ропота или избыточной скорби. Это, напротив, повод для особой радости, рожденной узнаванием себя самих в контексте Священной истории. Любовь «не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор.13:6) И мы радуемся, что путь наш указан, и труды обозначены, и кое-что уже сделано, а многое ждет своего часа.

И все эти труды есть не что иное, как путь от себя заблудившегося к себе, обретенному духовную Родину. Это путь от корыта со свиной пищей, помянутого в притче о блудном сыне, к пению и пиру в доме отца, который сказал, что сын его «мертв был и ожил; пропал и нашелся»

Бог видит, а ты смирайся

Добродетели несут награду не сами по себе, а за смирение.

Вот такая мысль есть у великих отцов. Представьте, что эта мысль – дождь, и станьте под нее, как под холодный душ. Или представьте, что она – град, и тоже станьте. Пусть этот град побарабанит вам (мне, им, всем) по лысине. Мы ведь страшно хотим гордиться собой. И чем еще гордиться, как не своими добродетелями. А добродетели, оказывается, мостят нам дорогу в ад, если мы посреди благих трудов не смиряемся. Человеку гордому лучше не иметь заметных добрых дел, а то он от любви к себе совсем осатанеет.

*

Все это на милостыне очень заметно. Вернее, на той форме милостыни, которая носит римскую фамилию Мецената или заокеанскую кличку «спонсора».

У доброго человека даже зло с добром перемешано, а у злого само добро никуда не годно. Качество милостыни зависит не столько от количества. Сколько от чистоты (нечистоты) сердца жертвователя. Будучи, например, стихийным материалистом, спонсор (меценат) неизбежно захочет пощупать свои добрые дела. Следовательно будет жертвовать на каменные строения. Не щупать же ему сытые желудки, в самом деле, и не слушать, как

играют на скрипках юные гении. Гений отыграл – и забылось; голодный поел – а завтра опять есть захочет. А в здание, за твои деньги построенное, можно будет всю жизнь пальцем тыкать. Мое, дескать, добро.

Буде жертвователем – самохвал, непременно захочет он себя увековечить на памятной доске, как будто Бог не видит, или не помнит. И орден непременно захочет, и грамоту, чтоб при случае говорить с кем он на короткой ноге, и кто ему награды вручал. Фотографии при этом предусмотрительно прилагаются.

По нашей крайне вялой, зачастую, вере он (меценат-спонсор) даже мысли не допускает, что его деньги могут где-то не взять. А ведь это – подлинный холодный душ и – град по лысине, когда человеку, уверенному «на все сто», что все покупается и продается, в том числе и в Церкви, вдруг говорят: «Заберите деньги, пожалуйста».

- «Как это заберите?! Вам что деньги не нужны? Здесь очень много!»

- «Нужны, но не от вас. Заберите»

Вот это – маленький Страшный Суд! В одном житии так и пишется: «Отверг некий преподобный богатую милостыню, сказав богачу, что рука этого богача мать собственную была. Теперь из этой руки Бог милостыню во век не примет». Было это очень давно. А вот прочел это один современный богач, и в пот его бросило. Он только на деньги надеялся, и думал, что их всегда возьмут. А тут понял, что «не всегда». От того часа стал он думать о настоящих добрых делах, а не о привычных откупках от совести.

*

Вообще уметь давать, это – великое умение. Всякий знает, что есть такие люди, у которых даже коробку спичек брать не хочется. И это потому, что нет любви и смирения в дающем человеке. И то, что просящий и берущий помощь должен смиряться, это все знают. А то, что дающий тоже нуждается в смирении, это уже тяжелее понять.

Был бы я Оле-Лукойе, покрутил бы я над всяким богачом зонтик с одним и тем же сном. Был бы это сон про то, как никому твое богатство больше не нужно, никто тебе не завидует, никто от тебя ничего не просит и не берет. То есть буквально – сядь на свои банковские счета и ешь их в одиночку. Больше делать с ними нечего.

После этого сна проснется человек и вспомнит, что кроме покупки новой яхты или купания очередной любовницы в шампанском можно помочь молодым ученым в перспективных разработках, и калекам в приобретении колясок, и матерям-одиночкам в плате за садик. И все эти виды помощи покамест и ждут, и готовы взять. И погордиться ими не удастся, поскольку это не капитальные строения. И многие из ждущих помощи готовы со слезами молиться о благодетелях. А на Страшном Суде уже всего этого не будет.

*

И молитва, и пост, и милостыня есть виды жертвоприношений. Их нужно приносить Богу с верой и без гордости, то есть не так, как Каин.

Имя свое при этом нужно, по возможности, скрывать. Потому что это ради Бога делается, а Бог видит все.

Помнить бы не плохо, что «великое перед людьми есть мерзость пред Господом», и, следовательно, не хвалиться, не назначать поспешно своим же делам свою же цену. Бог все оценит во время свое.

Не только на храм нужно жертвовать, во-первых, потому что сказано о неких зданиях: «не будет здесь камня на камне»; а во-вторых, потому что человек – тоже храм. Накормить человека это храм поддержать. Одеть человека это храм украсить снаружи. Научить человека, это залить храм светом и вымыть его изнутри после долгого запустения.

Дать возможность учиться тому, кто талантлив и не может жить без знаний, это уже дело трудно переводимое на язык цифр или аналогий. А еще в древности считали за великое дело собрать девушке-сироте хорошее приданое и помочь ей замуж выйти. Или – помочь досмотреть старика и дать ему умереть не в грязи и холоде, а по-человечески, в тепле и среди заботы.

Да и сколько еще есть подлинно добрых дел, помимо закупки мрамора для парадной лестницы епархиального управления!

И забывать, забывать надо тут же любое доброе дело, сразу после его совершения. Так, чтобы ты только что нечто хорошее совершил во имя Христа, а не ради своего тщеславия; и тебя спросили «если у тебя что доброе за душой?», а ты искренно ответил тут же: «Ей Богу, ничего доброго я еще не сделал!»

Пи ар

Радостная привычка громко разговаривать на все темы, вплоть до тех, в которых ничего не понимаешь, вот лик нашей отечественной демократии. Никакой оригинальной новой черты мы, ни в минувшие времена, ни в нынешние, к этому портрету не дорисовали. Связь между болтовней, переименованной в «свободу слова», и достойной жизнью работающего человека до сих пор не выяснена. Поэтому болтовня продолжается в надежде на магическое появление земных благ, якобы сопутствующее всякой демократии.

А Церкви в этой ситуации что делать? Присутствовать ли ей на тех аренах, что оглашены треском ломающихся словесных копий? Может ей стоит совсем устраниваться от мирского шума и сосредоточиться на внутренней молитвенной жизни? Конечно, стоит. Но это – та обратная сторона Луна, которая не видна праздному взгляду. Должна быть и другая сторона.

Напомнить нам о том, что мы должны молиться и только молиться, кстати, не прочь даже те, кто сам никогда не молится. Стоит нам сказать слово на важную, но не стопроцентно церковную тему, как раздается глас: «Молитесь, мол, а за нами оставьте сферу мирскую и гражданскую». Хорошо ли с такими голосами согласиться? Думаю, совсем не хорошо. Нельзя разрезать живой глаз на две части без потери при этом зрения. Нельзя и жизнь народную искусственно разделять на область «чистого духа и сладких воздыханий», и на сферу житейскую, сколь запутанную, столь же и важную.

Христианину подобает исповедовать веру не только перед Чашей словами «верую, Господи, и исповедую», но и в гуще повседневных событий. И свет молящегося ума нужно, если удастся, вносить в гушу бесплодных перепалок, которыми полны эфиры.

Говорю «если удастся» потому, что непросто это - сохранять мир и выносить из внутренней сокровищницы слово на пользу там, где спорят не для обретения истины, а чтобы выкрикаться. И формат может быть против проповедника. Потому как все спешат, все друг друга торопят, ссылаясь на эфирные ограничения. И взгляды у большинства людей установившиеся, принуждающие видеть перед собой не столько живого человека, сколько представителя той или иной касты или корпорации.

Кратко сказать – все против вдумчивого слова по существу. А оно таки должно звучать. Нам трудно даже представить, сколько нечаянной и подлинной радости приносит множеству наших соотечественников точное слово пастыря, сказанное, например, с экрана. «Мы живы», - думает в это время простой человек, - «и Церковь жива, и правда есть. А миром правит Бог и только Бог»

*

Есть и еще препятствия, не считая общей суматохи, брожения умов и отсутствия культуры публичных диспутов. Дело в том, что православные христиане не всегда сходятся друг с другом по части желаемого идеала. Одни влюблены в допетровскую Русь, другие – в монаршую и синодальную, третьим подавай быстрее Царя, четвертые ищут сплочения на фоне антиглобалистских тревог. Каждый полк – под своим знаменем, и немало их, этих полков. Жаркое отстаивание своей правоты мешает любить, и в брате не дает увидеть брата. Это тяжкий недуг. А ведь все споры сводятся, как всегда, к двум вариантам Церковного бытия: бегство от мира, ставшего окончательно антихристовым или присутствие в мире, ради приведения людей к Богу. То есть «уже бежать» или «еще оставаться»? Но эти два сопутствующих историческому христианству вопроса обычно так осложнены повседневностью, что распознает их далеко не каждый.

*

Любая историческая эпоха есть перепутье, с которого надо двигаться в одну из предлагаемых историческим моментом сторон. Стороны эти предварительно еще предстоит распознать, разглядеть. В этом труде и заключается умная задача любого поколения. Эта задача не решается корпоративно, то есть одними интеллектуалами, или одними политиками. От ее решения зависят судьбы великого множества людей. Следовательно великие множества и должны быть вовлечены не в говорильню, убивающую время, а в толковый смыслообразующий разговор. Думаю, что именно такого серьезного разговора интуитивно ждет простой человек. Прошли те времена, когда увидев на экране батюшку, мы думали: «Этот наш». И тепло нам становилось. Сего малого тепла на согреть больше не хватает. Теперь нужно, чтобы человек послушал, помолчал и прореагировал: «Вот этот, с бородой, дело говорит. А эти – как обычно»

Автор сих строк искренно считает, что мы живем во времена, требующие не массового бегства, но соборных трудов. Бегство же остается, как и в минувшие времена, за искателями подлинного монашества и подражателями Илии и Крестителя. Остальным нужно свидетельствовать веру словами и делами, не гнушаясь при этом грязной работы, и не отказываясь по необходимости «райские ризы замарать». К таким тяжелым и неблагодарным видам работ, чреватых столкновением с грязью особого рода, автор относит также апологетическую и проповедническую деятельность в медиа-пространстве.

Национальная идея

Горе, когда чего-то нет. Нет, к примеру, как в песенке поется, в преддверии зимних холодов ни «теплого платочка, ни зимнего пальто». А у нас нет национальной идеи. Ее сегодня почти ни у кого нет. Но нам надо о себе подумать и с собой разобраться. Итак, национальной идеи нет. Может быть, была когда-то, а теперь нет. А может, и не было никогда. Так себе, были разные идеи, более из разряда «шапками закидаем». В том числе были и те, что претендуют на имя национальной.

Они пафосны, но не пафосной национальной идея быть не может по определению. Многие этой необходимости мысленного полета, дерзания не понимают, пытаются мыслить категориями «премудрого пискаря», отчего живут и умирают равно бесславно и бесполезно. Бесславно и бесполезно могут тратить и проедать полученное историческое наследство целые народы, если за душой у них нет ничего, кроме желания вкусно жрать, и за любое преступление отбрехиваться тучей слов при помощи адвоката. Простите за грубую прямоту. Здесь трудно подобрать всех удовлетворяющую лексику.

*

Если у нас нет национальной идеи, то мы – не народ. А если она есть, то ее нужно сформулировать. Это тяжелое занятие. Не сделав его, так и будешь под надзором старшего менеджера воплощать чужие мысли и обслуживать тех, кто их на свет произвел. Это, как в бытовом, так и в мировом масштабе.

Я думаю, что национальная идея у нас есть. Она не в количестве штыков, не в нефти и не в балете Большого театра. Она - в Литургии, как ни странно это звучит для многих ушей, в том числе – для ушей автора этой сентенции.

*

Западные вопросы нам понятны. Это очень важно осознать, потому что понимание чужой проблематики означает родство, причем – серьезное. Вхождение в чей-то мир как раз и означает понимание внутренней проблематики этого мира. Так полноправное вхождение в европейский дом есть, прежде всего, плавание в водах европейской мысли с естественной проворностью рыбы. Это – умный труд, а не просто договор о безвизовом режиме. Итак, горькие воды европейской мысли нам должны быть понятны, поскольку и мы, и они сидим пленниками на одних и тех же «реках Вавилонских».

Когда я говорю «нам», я не имею в виду господина N из соседнего парадного, которому ясно только то, что жена у него – ведьма, а денег всегда мало. «Нам», это тем, кто умеет думать или хочет научиться. Среди всех удовольствий мира удовольствие понимать, возможно, самое глубокое. Итак, повторим, что вопросы Запада нам понятны.

*

Вопросы Запада это гендерное равенство, экология, соблюдение гражданских прав, уродливо расширенное до защиты прав аквариумных рыбок, и еще много чего. Но это - верхний слой, который быстро слизывается. Глубже – вопросы сущностные: о вере, смерти, смысле жизни, Боге. Это крики человеческого одиночества и метафизические страхи, прорывающиеся в литературу и искусство, но скрываемые глянцем поп-арта. Это попытки говорить о любви, умалчивая о вере и надежде. Это речи и мысли о свободе,

равенстве и братстве в их иногда библейском, а иногда антибиблейском понимании. Это, попросту, мир мыслей, рожденных Евангелием. От этих мыслей отталкиваются, их оспаривают, на них пытаются не обращать внимания, если они заявляют о своем происхождении, но именно ими мучается «страна святых чудес», как называл Запад незабвенный Федор Михайлович.

Кто не знал этого до сих пор, пусть узнает. Кто знал, но в упор не согласен – пусть дальше не читает. Пусть чешет чем-то где-то (пятерней – в затылке, например) или идет на демонстрацию (тоже Западное культурное явление, кстати).

*

У любой социальной идеи есть своя богословская подоплека. Эту подоплеку можно назвать мистической или метафизической. Это не важно. Именно эту подоплеку нужно искать. Проиллюстрируем вопросом о свободе воли. Это довольно сложная проблема богословия и антропологии. Знает Бог о моих намерениях или не знает?

Наследственность, общество сего законами оставляют ли мне какое-то пространство нравственной свободы, или я полностью зависим? Если я полностью подконтролен, то я, следовательно, неподсуден? Если мною командует полностью Провидение, звезды, кто-то или что-то еще; если меня «быт заел» по слову классика, и свободы выбора у меня нет в принципе, то тогда прощай судебная система. Все преступники неподсудны! Все они – жертвы обстоятельств. А это уже не просто богословская и социальная антропология. Это – правила поведения в зверинце, то есть вопрос «держат ли волков и овец в одном вольере?»

Судебная система, зная это или не зная, стоит на фундаменте христианской веры в свободу, а значит, и ответственность человека. Тут все так плотно пригнано, что убирание одного камушка грозит опасным наклоном всего сооружения.

*

Таких примеров полно. Если закон карает убийство человека, но не обращает внимание на убийство куриц на птицефабрике, то значит, что идея о разном достоинстве человека и животного живет и действует. У них действительно разное достоинство. Случись этой идее уступить место другой – о полном равенстве всего живого – наступят времена вегетарианства или что похуже. За примерами можно обратиться в Индию. Там эти мысли додумали до самых крайних пределов абсурда и воплотили в действительность. Так мы живем в окружении богословских идей, впитавшихся в плоть и кровь народной жизни, которые либо бережно хранятся, либо активно изгоняются, либо существуют по инерции, как само собой разумеющиеся.

У нас и у европейцев эти идеи одинаковы.

*

Одинаковы, правда, не в том смысле, что мучаемся мы ими в равную степень. Мучаются в основном они, а мы подьедаем за ними мысленные объедки, которые называем образованием. «Собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» наша земля рождасть может, спорить с Ломоносовым не будем. Но ведь мы пальму первенства по абортам держим. Что если мы всех Платонов и Невтонов расчленили во чреве и задушили в колыбельке, исполняя в точности планы Верховенского младшего? Должна же быть

причина нашего мысленного отставания, нашего благодушного сна, нашей детской самоуверенности?

Одинаковость нас и европейского мира заключается в христианском взгляде на жизнь, который, как некий код, живет и в них, и в нас. «Практических» христиан, святых и живых, критически мало и здесь, и там. Но даже в своей стихийности, в своем бытовом безобразии мы остаемся в объятиях христианских смыслов, умножая свою беду тем, что этого не чувствуем.

*

Что есть у нас такого, чего нет на Западе? Вот вопрос, блещущий в воздухе, как отточенная сталь. Если все, что есть у нас, есть и у них, а того, что есть у них, нет у нас, то нам нужно сливать воду и поливать фикус. Для патриотизма силы найдутся тогда только у самых отмороженных националистов. Но видит Бог, я даже одним боком прикасаться к такому патриотизму не хочу. Хотя бы потому, что ведет этот патриотизм напрямик в местное язычество. (Все националисты – изрядные язычники, что можно было бы развить, как тему, но не досуг)

*

У нас есть Литургия. Не наука. Не космос, не нефть, и даже не литература. Вернее, все это тоже, но не как основа, а как придаток к главному. А главное – Литургия. Первым это понял Гоголь! Если люди не едят друг друга живьем, писал он, то тайная причина тому – служение Литургии. Гоголь ощутил Литургию. Достоевский, вышедший из шинели Николая Васильевича, ощутил монастырскую святость с ее старцами и тайными праведниками. Это лик подлинной Руси. Это особый тип святости, особые формы восхождения на небо, сохраненные во времена космических полетов. Это, как юродство. Россия и есть юродивая. Либо ради Христа, либо – просто. Просто юродивая, это сумасшедшая.

*

Если (хочется сказать «когда») Литургия станет живой для всех масс крещеного народа, то этот народ из глубин своих (темных, но живых) изведет такие формы жизни, что мир ахнет очень громким «ахом». Литургия и сейчас жива, но не для всех. Тех, для кого она жива, при желании можно переловить, как злодеев, и истребить, как представителей прошлого мира. Она должна стать понятной, живой и любимой для всей огромной массы православных людей, которые затем смогут изнести из сердечной сокровищницы творческое слово, оплодотворяющее все области жизни.

*

Это и есть наша национальная идея. Так мне кажется. Я имею твердое чувство, что это не бред мечтательного иерея. Впрочем, о моих личных чувствах после и не здесь.

Слова, которые мы смогли бы дать в ответ на болезненные западные вопросы, будут в случае Литургического возрождения, живыми словами. Это будет не то слово, к которому привык и которое справедливо разлюбил Запад – слово вялое, скептическое, безжизненное, как семя старика. Салонная болтовня, ученый снобизм, журналистское словоблудие да пьяный треп за барной стойкой. Такие виды словесной деятельности для души, что хлорка для растений.

Наше вымученное и вымоленное слово должно будет стать огнем и светом. Оно сможет быть коротким, как притча мудреца или реплика того же юродивого, но в нем будет жизнь и сила. Это слово может быть сказано о науке и ее поисках; о женщинах и их желании равенства с мужчинами; о смерти и том, что есть способ ее не бояться; о будущих судьбах мира и о прошлой исторической боли, ставшей невидимой, но никуда не исчезнувшей. Это слово сможет быть сказано о чем угодно. Рождаясь в недрах воцерковленного народа и в слезе его молитв, это слово везде и всюду будет метким, как выстрел Зверобоя, и сильным, как объятия встретившихся влюбленных.

Ради этого стоит учить народ молиться и питать его Словом и Небесным Хлебом.

*

Наша национальная идея формулируется, как церковность. Поскольку слово «церковность» у многих воплощено в дикие мысли и несуразную деятельность, я добавлю уточнение. Церковность должна быть глубокой, доходящей корнями до апостольских слоев, а еще – умной, не чуждающейся знания, все покоряющей на службу Слову, пленяющей всякий помысел в послушание Богу и – Евхаристичной. Если это будет, откуда только что возьмется!

Описывать то, что возьмется, не буду, поскольку это расслабляет читателя и сбивает его с прицела. Цель – не в побочных плодах, а в истине. В точном соответствии со словом Евангелия о том, что ищущему Царства Небесного все остальное (как второстепенное) приложится, и здесь нужно искать себя самих, а не награду за обретение. Царство Христово – существительное, все остальное (блага многообразные) – прилагательное.

*

Отдыхимся теперь. Вокруг оглянемся. На широкой и богатой земле живет неглупый и непростой, подуставший малость, народ, которому нужно научиться молиться и думать. Не просто молиться, чтоб лоб не разбить, и не просто думать, чтоб ум за разум не зашел. Нужно учиться делать то и другое не оставлять. Тогда свое слово, своя оригинальная идея будут у нас.

Если иже нет, то мы – сброд самолюбивых тунеядцев, желающих бесплатно харчеваться с чужого стола. Или – большой европейский бездомный, которого никто в дом погреться не пускает, опасаясь неадекватного поведения.

Нефть, пока в земле, есть потенциальное богатство страны. Разведанная и добытая, она превращается в реальное богатство. Так же и в мире слов и идей. Ценные мысли и интуиции должны быть добыты и сказаны. Будучи сказанными, они начнут приносить пользу всем вообще, поскольку великие дела одного народа являются достоянием всех народов, желающих учиться. Но прежде чем они выскажутся, нужно вступить в стадию всенародного труда. Этот труд я назвал бы культурно-молитвенным.

Многое сказано. Гораздо больше осталось между строк или ждет своего часа. Но скажу последнее: нет большего врага для нашего правильного будущего, чем евхаристический предстоятель, любящий что-то другое больше, чем свое служение.

Как добродетели превращаются в карикатуру

Известно, что добродетели превращаются в свою противоположность при отсутствии такого качества, как рассуждение. Если рассуждения нет, то легко назвать скряжничество – бережливостью, храбрость – дерзостью, а трусость – предусмотрительностью. Все добродетели превращаются в карикатуру при отсутствии рассуждения духовного. Вот почему великие отцы называли рассуждение большей и высшей добродетелью. Иначе, вся жизнь – «Мишкина услуга», когда муху желая убить, раскраивают череп спящему другу. Иначе – «на блох осердясь, и тулуп - в печь». Это очень не простой и несправедливый вопрос. Человека можно сгноить и замучить под видом христианского воспитания, стоит только криво уразуметь что-то из отеческого наследия.

Примеры? Сколько угодно. Спившиеся и затравленные попы под крылом у «странных» святителей; беглые монахи, нигде места найти не могущие; люди, горевшие в юности, но начавшие коптить в зрелости и откровенно смердеть под старость – все это не случайные типы нашей церковности. Почему Алеши Карамазовы превращаются в Смердяковых? В чем здесь дело? Предлагаю такой взгляд на вопрос: какая добродетель наиболее нами превозносится?

Ответа долго искать не придется. Смирение и послушание. Вот они-то и извращаются у нас столетиями, портя всю жизнь так, как зловонные мухи портят мазь мироварника.

Мы ничего не имеем против подлинного смирения, вознесенного Господом, и послушания, Им Самим во имя Отца исполненного. Но спросим себя: во что извращается смирение, зная, что всякая добродетель извращается во что-то? Щедрость ведь извращается в мотовство, а аскетизм – в изуверство. Смирение, следовательно, извращается в трусость, затюканность, безынициативность. Прошу вас, не путайте эти понятия и состояния. Совершенный Божий человек, по учению Апостола Павла, должен быть смирен, но он должен быть и на всякое благое дело приготовлен, как говорится несколько раз в послании к Титу. Кроток был Моисей, водивший Израиля и убивавший врагов. Смирен был Суворов, не проигрывавший сражений. Не надо кислый вид, прошу вас, рифмовать со смирением. Смирение, это – другое.

Если человек ни на какое доброе дело не готов, не бодр, но напротив – загнан под некий плинтус, унижен, бессловесен, лишен инициативы, низведен до состояния мебели, то какое же это смирение? Тот, кто сознательно культивирует среди своих послушников подобный «подвид» смирения – просто преступник. Конечно, духовный преступник, поскольку светский закон в тонкости духовных дефиниций не вникает, да и не может.

Есть, ой, есть у нас немало духовных лже-вождей, которые только об одном смирении и разглагольствуют, сами будучи гордыми, как демоны, и любящие данную тему только из одного желания иметь под рукой безмолвное стадо, шелестящее одеждами при удалении на исполнение любого приказа. Может, при благоверных царях немецких кровей и при загруженной трудами Тайной канцелярии сей вид смирения и признавался за единственно верный, но пора уже поставить вещи на свои места. Пора перестать называть тьму – светом, а сладкое - горьким. Смиренный человек это все еще человек, то есть существо, наделенное свободной волей и само за себя перед Богом отвечающее. Кто мыслит иначе, тот, видимо, записал себя преждевременно во святые, но «мощи» его никто эксгумировать не потщится.

Так же, как смирение, можно извратить и послушание. Кто-то где-то вычитал, что послушник поливал сухую палку посреди пустыни пока на ней апельсин не вырос, или – лимон. Какая красота! И вот уже некий начальник, близко не стоящий рядом с тем отцом древнего Патерика и даже отдаленно не разумеющий образ его мыслей, рад стараться. Он готов втыкать сухие палки в какую угодно землю и заставлять людей их поливать в надежде обрести «плод послушания». Жизнь многих самодуров как раз и заключается в том, чтобы утыкать вокруг себя все сухими палками и заставить всех их поливать. Сию гадость можно временами терпеть на пределе возможностей, но называть ее нормой и культивировать есть грех против самой Церкви и Духа, Ею управляющего.

Люди добрые! Поймем ли мы, что всякое слово это не только то, «что сказано». Это еще и нечто, о чем спрашивают: «кем сказано?» Если сказавший нечто – просто попугай, повторяющий звуки чужого голоса, то должен ли я бросаться на исполнение звуков? Звуков, но не слов. Совесть велит не метаться на исполнение. Совесть велит трезвиться и не дерзать на повторение великих дел, не имея великой жизни.

Насколько часто мы слышим слова о послушании и смирении, настолько часто мы сталкиваемся с извращенными понятиями об этих родных для Евангелия добродетелях. Царство антихриста это и есть, напомним, не царство цифр и кодов, но царство извращенных добродетелей, возведенных Евангелием.

Память святителя Игнатия (Брянчанинова) празднуется повсеместно. Иногда даже – с любовью и пониманием. Не он ли говорил, что прежде вверения старцу своей души, нужно испытать старца на предмет соответствия его духовного устройства Слову Божию и Преданию. Это нужно, чтобы вместо врача не ввериться убийце, и вместо пастыря не найти волка. Так вот – владыка Игнатий писал все верно и сдержанно, точно и аккуратно. Пером его двигал Утешитель. Нужно вникнуть в его словеса, особенно в части таких тем, как «послушание и смирение».

Нельзя калечить народ Божий извращенно понимаемыми добродетелями. Нельзя бредить временами всевластия ушедших веков и плевать на бороду в благодушной самоуверенности, тогда как новые тучи уже собираются на горизонте. Или Церковь – Тело Иисусово и Она постоянно учится жить деятельной любовью, или Церковь – всего лишь некий админаппарат, собирающий налоги, снимающий шкуру с подчиненных, маринующий просителей в прихожих, ищущий защиты властей и проч. Тогда революции оправданы. Тогда и кровь неизбежна. И неужели историю не учат те, кто сегодня командуют жизнью. Ведь их кровь, при пренебрежении множеством повседневных ошибок, прольется в числе первых.

Нельзя Бога гневить. Он долго ждет, но больно бьет. Культивируя смирение, нужно самому смиряться. Говоря о послушании, нужно самому вслушиваться в голос совести и голос Слова.

Иначе я даже плакать откажусь со временем над трупами тех, кто слишком долго пользовался Евангелием, не исполняя Его слова на деле. Так уже было в истории, и было это, до боли, недавно.

Не сегодня, так завтра

Жил-был на белом свете человек, мечтавший сделать белый свет красным. Он родился подданным государства, которое люто ненавидел. Любил он вообще только партийную бессовестную возню, охоту на зайцев, мечту о новом мире и свое место в этой мечте. Он грассировал «р», большие пальцы рук любил закладывать за обрезы жилета, в спорах был зол, в деятельности - неумно активен, в жизни – беспринципен, и совсем не переживал о том, что для полноты образа ему не хватает только рожек на лысине.

Его планы в значительной доле исполнились. Люто ненавидимое им государство таки рухнуло наземь всей тяжестью своего колоссального организма, а на его месте возникло новое, возглавленное упомянутым человеком. Оно не стало лучше прежнего, это новое государство. Напротив, оно потребовало оплатить свое появление ограблением одних граждан, убийством других, бегством третьих, и забитым молчанием всех оставшихся. Лысый человек не считал все это кошмарными случайностями, поскольку изначально планировал процесс именно так и не иначе. Любимый соратниками, он был справедливо ненавидим миллионами других людей, и вскоре получил пару отравленных пуль, так и неизвестно от кого. Кланом партийцев-подельников он намеренно был превращен в символ, в легенду, в «портрет на флаге» еще до наступления физической смерти. Ненужный по факту, он стал нужен, как идол. И когда (как утверждали) под музыку Бетховена его душа ушла из тела, над гниющей плотью человека, которому не хватало одних лишь рожек, стали сразу колдовать и шаманить специалисты.

Поскольку идеи картавого человека были названы вечными, подобало соделать вечным и труп его, дабы вечностью трупа подтвердить вечность трупных идей. Так и лег он с тех пор в нарочито построенном капище посреди оскверненной страны в самом сердце униженной древней столицы. А страна продолжала страдать, и всякое новое беззаконие, словно мантрой и заклинанием, освящалось именем человека, превращенного в идола. Страна чуть не умерла, но выжила, если можно назвать это жизнью. Она довольно долго воевала, строила, умывалась кровью, билась в конвульсиях, съедала сама себя, боялась собственной тени, себе на себя писала доносы, кого-то кормила из личного скудного пайка, против кого-то вооружалась, а он лежал на своем месте, охраняемый стройными воинами, красиво менявшими караул. По лестницам над его алхимически сохранным трупом регулярно восходили и нисходили люди вначале – в фуражках, затем – в папах. Они называли себя его верными последователями и учениками, и делали знаки ручкой людям, марширующим вниз, как в древности в Колизее – Римские императоры. А он лежал в холодной полутьме и продолжал влиять на массовое сознание граждан страны, которую создал, и никакая сложная система вентиляции не могла воспретить этому тонкому яду смешиваться с воздухом, распространяясь на север, на юг, на восток и на запад. Но в сказках нечисть гуляет, пока петух не пропел. А в жизни она свистит и пляшет, пока Бог не запретит. Было ясно, что не вечно чеканить шаг возле трупа стройным воинам с примкнутыми к карабинам штыками. Уйдет страна, рожденная злым гением, погибнет с шумом и память о самом гении. И вот случилось – та страна ушла. А вождь и ныне там. Почему? В чем причина? Причина в том, что не добром, как ожидали, стала очередная смена государств, а тем же злом, но лишь по-модному одетым. Хаос террора сменился хаосом разврата, а ни ума, ни честности, ни благородства не прибавилось. И мумия в холодном Мавзолее улыбнулась. Уж кому-кому, а ей известно, что ни ее не вынесут, ни жизнь не наладится, пока стыдом, трудом и покаянием народная душа сама к себе из многолетнего плена не возвратится. Вытрезвится, образумится народ, кроме хлеба ситного и ржаного возжаждет хлеба иного – Слова Божия, и тогда только

выметет за порог идолов старых и новых. До тех пор ничего не изменится. Мумия может беззвучно смеяться.

Но, что это? Что-то меняется в жизни. То там, то здесь больше света в глазах, больше ума в речах. Имя Христово слышится чаще. Грязи много, как прежде, но цветов прорастает все больше. Неужели выедет, выберется из бездорожья на твердый грунт птица-тройка? Дай Бог! Помогай, Пресвятая Богородица!

Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра, нужно отдать земле насильно лишенное погребения тело. Только, выкопав могилу, нужно будет у земли прощения попросить: «Прости, земля-матушка, что мы нынче того тебе отдаем, кого ты так долго принимать не желала»

Молиться перестали

Пафосом унижения идолов, сих ложных «богов», которым кланяются отчужденные от истины народы, проникнуты многие Писания. Псалмы говорят об идолах: «Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их» (Пс. 134:16-17). Подобными словами укреплял и Иеремия уходивших в плен евреев, чтобы те, увидев, праздники языческие, не поколебались и не усомнились в Боге Израиля.

Можно повторить и осмыслить основную нить осуждения. Есть язык, но он молчит. Есть глаза, но они не видят. Уши есть, но слышать они тоже не хотят. Не кажется ли вам, что грешник, отказывающийся молиться Богу, не умеющий Бога хвалить, похож на идола. В отношении молитвы он молчит языком, хотя имеет его. В отношении слова Божия, он глух, хотя имеет уши. У него есть глаза, ежедневно рассматривающие Божий мир, но это зрение ничего не говорит сердцу, и человек духовно подобен слепому.

Получается, что закрытый для молитвы и веры человек, подобен идолу. Так оно само получается, и у меня нет намерения специально оскорблять или обижать отдельно взятого незнакомого человека. Вот и Исайя говорит: «Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6:10)

*

У идолов глаза незрячие, и люди очи свои «сомкнули». У идолов уши не слышат, и люди «слышат с трудом». Те стоят, не двигаясь, и эти в добрых делах подобны мокрой тряпке, которая не хочет гореть, или – ржавеющей машине без мотора. Те (идолы) принимают поклонение безумных, и эти (люди) требуют поклонения себе, и иначе как богами в тайне сердца себя считать не согласны.

Грешник, это не просто тот, кто грешит, в смысле матом ругается, приворовать не прочь, постов не хранит, горькую пьет без меры. Все это понятно и праведности здесь не найдешь. Но настоящий, подлинный грешник, Библией вытащенный на свет и Христом разоблаченный, это тот, кто любит себя самого без всякой меры, и мир весь согласен рассматривать только в качестве подножия ног своих. Это тот повседневно-бытовой гордец, который ничего великого не совершил, однако не знает над собой никаких авторитетов, и кому Сам Бог не указ. Вот где сатанизм при галстук и с почищенными

зубами, при либеральном наборе расхожих выражений и словесной декларации всеобщего равенства.

*

Нужно поклоняться Богу ежедневно и многократно. Иначе нет защиты от превращения в манекен. Манекен на человека похож, только не смеется и не плачет. При необходимости его можно на части разделить. Для рекламы шляп нужна голова без туловища. Для рекламы колготок – ноги без всего остального. Для пиджака или платья – туловище без головы.

Вникните в этот словесный образ.

Манекен – тот же идол. А идол, это тот, кто на человека похож, но Богу не молится. Уши имеет, но слов Божиих не слышит; уста имеет, но молитву Богу не приносит. Это – идол, то есть сам себе «бог». Так вот, этих идолов, они же – манекены, в известных случаях без жалости расчленяют хозяева рекламных площадей, отвинчивают руки-ноги, уносят в склад. Оно и правда – сложно ждать к себе уважения от людей тем, кто Богу молиться отказывается.

Идолопоклонство классическое, с жертвоприношениями, капищами, жрецами, давно отошло в область преданий на нашей земле. Но само идолопоклонство не исчезло, поскольку, как мы видели, жизнь без прославления Бога есть ни что иное, как самообожествление и превращения человека в истукан.

Идол хочет к себе любви; идол устами из папье-маше требует уважения своих элементарных прав; идол требует, чтобы его пластмассовый голос не потерялся в урне, но был справедливо учтен. Под иным углом зрения вся жизнь наша достойна названия «восстания манекенов». Об этом можно фильм снять.

Ночь. Большой город. Только светофоры мигают и горят витрины больших магазинов. Вдруг начинают оживать манекены внутри витрин. Они угловато движутся, разминают затекшие руки-ноги, потом бьют витрины и медленно выползают на улицы. «Требуем уважения к нашему труду! За каждый просмотр товаров, на нас повешенных, нам причитается процент!», - кричат они пластмассовыми голосами. Так они ходят до утра, распугивая заблукавших алкашей и таксистов, а наутро их жестко вяжет милиция. От ударов палками они крошатся и трескаются, на чем, собственно, фантасмагория и оканчивается.

Вся жизнь наша в изрядной доле – фантасмагория. И всё потому, что молиться перестали. Одни вовсе не молятся. Другие делают вид, что молятся. А идолы множатся. Множится количество уст, не умеющих говорить, и ушей, не умеющих слышать. Так говорит Исайя. Так говорит Давид.

Демократические процедуры

Демократические процедуры – вещь хорошая, но вряд ли такая уж безальтернативная. Демократия и торжество личных свобод диалектически превращаются в свой антипод, если их пытаются изобразить чем-то единственно правильным, часто не к месту цитируя Черчилля. Демократия, мол, несовершенна, но лучшего, дескать, никто не придумал, и так

далее, и тому подобное. Все это достойно сомнений. И можно Черчиллю предпочитать Станиславского, говоря «не верю»

*

Вас не смущает голосование? То есть сам принцип, при котором побеждает большинство? Меня смущает. Что-то подсказывает мне, что большинство вовсе не обязано быть правым по сути. Большинство способно чудовищно заблуждаться. А ему вручают санкцию на непогрешимость суждений на основании одного лишь количественного перевеса. По меньшей мере – странно. По большей – чудовищно.

*

Предположим, что мы заблудились в лесу. «Мы» это некая разношерстная группа людей, случайно оказавшихся вместе, как пассажиры поезда. «Сумма избирателей» часто именно такова. Темнеет. Есть нечего. В душу заползает страх. Нужно куда-то двигаться, поскольку пребывание на одном месте угрожает смертью. Начинается галдеж и обмен мнениями. Один говорит, что надо идти «туда». Другая вопит, что надо бежать в противоположную сторону. Один человек пытается объяснить, что немного знаком с ориентированием на местности. То ли он был скаутом, то ли работал геологом. Короче, у него есть некие практические и неэмоциональные соображения. Одна беда – его не слышно. Вместо того, чтобы послушать компетентного человека, заблудившиеся решают голосовать: идти «туда» или бежать в противоположную сторону. Бывший геолог подчиняется законам массы. Далее – сценарий триллера или картина на тему «Толпа линчует несогласного одиночку».

*

Выбор направления исторического движения чем не аналог голосования заблудившихся людей. Мы все исторически «блукнули». Надо искать жилье, людей, хоженные тропы, надо спастись. И один голос более-менее компетентного человека в этой каше испуганных голосов стоит больше, чем единогласное или большинством полученное решение людей, руководимых лишь эмоциями. Простой сумме невежественных воплей должно противостоять умное слово знающего человека. Так технолог на кондитерской фабрике не обязан устраивать митинг на тему определения количества изюма, закладываемого в массу для будущего кекса. Голосование здесь ни к чему. Есть знание специалиста. И так повсюду.

*

Другое дело, что есть сомнения в компетентности специалистов. И есть подаренное массам право спесивой самоуверенности в том, что воля ее это – воля Бога. (Тот еще афоризм) То есть подарена ложная мысль, что «мы сами с усами» и во всем способны разобраться в силу избыточной и врожденной гениальности. Вот только заводим и пробаллотировываем, да честно подсчитываем результаты, и плоды родиться не замедлят. Эта уверенность и есть «внутренне проклятие демократии».

*

Что вообще понимает большинство? На что оно опирается? Обязано ли оно всегда избирать лучшее и не способно ли иногда избрать худшее? Представим себе, что большинство почему-то решило питаться из выгребных ям, находя это экономичным и

естественным. Просто представим это в видах мысленного эксперимента. И что делать меньшинству, отстало и консервативно предпочитающему иметь на столе хлеб белый и черный? С точки зрения процедуры все безукоризненно: победила цифра. Но с точки зрения истины произошла антропологическая катастрофа – люди предпочли несъедобное. Два явления произошли вместе: антропологическая катастрофа и победа демократических процедур.

*

Пример с хлебом и выгребными ямами – конечно, сгущение, но намеренное. Впрочем, почему сгущение? Недалек тот час, когда общественное сознание человеку разрешит, быть может, смотреть с вождением, как на сексуальный объект со всеми вытекающими последствиями, на собственную дочь или сына. Произойдет взлом очередного массового табу и большинство вдруг решит, что «ничего страшного». Ведь уже сегодня список тех явлений, что раньше считались неестественными, а сегодня превозносится до небес, весьма пространен. Дело, как водится, проголосуют. И кем станут те, кто не согласен ни с формулировкой вопроса, ни с итогами голосования? Они будут врагами истины, коль скоро под истиной привыкли понимать мнение большинства.

*

Хорошо, если большинство состоит из людей умных, ответственных, работающих, четных. А что, если нет. Что если оно состоит из лодырей, завистников и развратников, из лжецов, которые врут, не краснея? Тогда что? Сама по себе процедура голосования не включает в себя размышления о нравственном состоянии голосующих. Не включает она и какой-либо коррекции с учетом этого нравственного состояния. Процедура есть явление схематическое и холодное. Теплеет она, лишь наполняясь кровью и дыханием живых участников процесса. И кровь эта может быть отравленной, а дыхание смрадным.

*

Голосование и вера в правоту большинства возникли там и в тот момент, где и когда люди были действительно социально активны, Богобоязненны и ответственны. У них был за душой немалый набор столетиями накопленных ценностей. Поэтому проект сработал. А затем постепенно умы впитали мысль об универсальности человечества и всеобщности отдельных, удачно апробированных процедур. С тех пор стали считать, что если что-то где-то работает, то это «что-то» должно работать везде и сразу.

То, что дите сосет молоко из груди, а взрослый жарит стейк на гриле, и местами их менять нельзя, понятно. А то, что понятное одному народу может быть вовсе не понятно другому, как-то упускают из виду. Упускают из виду то, что народам, как и людям, нужно расти, учиться, преодолевать внутренний хаос, набираться опыта, и все это совершается не по графику, не линейно, а путано и таинственно, под действием Промысла.

*

Одни люди доросли до чего-то. Другие и не думали расти, но уверовали в силу формулы и внешних механизмов. Пока вторые бесплодно внедряли чужие схемы в свою горбатую жизнь, те первые (правнуки изобретателей формы и творцов идеи) изрядно растеряли нравственные качества, породившие успешную процедуру. Обе стороны пошли друг другу на встречу, как при строительстве железной магистрали. Одни, теряя прежнюю крепость, другие, мучаясь бесполезным обезьянничаньем. Когда те и те встретятся, вера в

формулу у них будет идентичная, а внутренний мир – одинаково далек от возможности правильного внедрения формулы. Если вы не потеряли нить и поняли, о чем, бишь, я, то можете представить себе встречу двух потоков, как всемирный исторический акт – финальный и безобразный.

*

Демократии привычно противопоставляется диктатура, страх перед которой толкает людей к бюллетеням, урнам, референдумам, агитациям и прокламациям. Но линия антагонизма проходит не между диктатурой и демократией, а внутри любой социальной формации между здоровым и извращенным ее вариантом. Так монархии противостоит не демократия, а тирания, что видно на примере крушения монархии в России с вползанием на опустевший трон красных тиранов. Демократии же противостоит хаос, поскольку субъект процесса может представлять из себя «охлос» - толпу, а не «демос» - носителя определенных ценностных ориентиров. Существует еще аристократия, извращающаяся в олигархию, то есть «власть немногих», людей, напрочь лишенных аристократизма.

*

Россия привычно существует в рамках борющихся друг с другом монархии и тирании. Вкрапления либерального словоблудия лишь способствуют разрушению относительно здоровых форм жизни с целью замены их на откровенно бесовские. В России мираж шапки Мономаха столь отчетливо различим в воздухе, что любой Разин или Пугачев лишены возможности назваться каким-либо именем кроме «настоящего царя». Мышление русских имеет вертикальную координату и сакральную составляющую. А Украина сопротивляется именно идее царской власти, и альтернативу видит не в демократии вовсе, а в аристократии (казацкая старшина, местные помещики, просвещеннее и не очень, etc.). И недоношенная местная аристократия удобно превращается в олигархию (новые помещики, местные князьки, латифундисты, рабовладельцы и проч.) Все очень органично и до некоторой степени неизбежно. Демократия же, как осознанный выбор свободно распоряжающегося своей жизнью человека (но не пролетария и не люмпена, а труженика) у нас даже не ночевала.

*

В подобных, исторически сложившихся условиях, наша возня с плебисцитом (говорю об Украине, поскольку пою о том, что вижу), есть обидное баловство, не имеющее конца и сжигающее народную энергию. Украине, вполне возможно, не видать ни монархии, ни демократии, по причине внутренней к ним неспособности. Поезд, везущий в счастье, она вынуждена ожидать на станции «Олигархия». И сама олигархия вряд ли когда-нибудь станет аристократией, опять таки по причине внутренней к сему не способности.

Ситуация подобна той классической, когда перед лицом приближающейся катастрофы с одной стороны делать что-то нужно, а с другой – любая активность по определению бесполезна. В это время можно только молиться, что украинцы умели раньше и должны уметь сегодня. Нужно просто на просто постараться остаться человеком с именем Божиим на устах до того часа, когда небо начнет свиваться, подобно старой одежде. Вряд ли нам даны еще какие-то иные творческие варианты.

*

Готовых формул, даром несущих счастье, в принципе нет. К примеру, есть партитура гениального произведения. Но произведение же нужно исполнить! Нужны годы, затраченные на овладение исполнительским мастерством, нужно грамотное чтение партитуры и проникновение средствами музыки в сокровенный авторский мир. А это – ой, какой труд! Точно таков же и путь овладения всяким апробированным рецептом успеха, научного, социального или художественного.

Активным субъектом всюду будет личность. Не народная масса и не другое понятие из разряда больших цифр, а живой и разумно действующий человек. Наше агонизирующее поведение повсюду обнажает главный дефицит – дефицит здоровой личности. Нет тех, кто силен, умен и спокоен, кто владеет темой и медленно прокладывает по земле борозду. А именно такие люди нужны в государстве и обществе, Церкви и школе.

Так получается, что скрипки есть, но нет ни ушей ни пальцев. И мрамор подешевел, но количество скульпторов не увеличилось автоматически. И демократические процедуры есть, но есть ли демос?

Все превращается в баловство и симуляцию, если на вас не смотрит понимающий взгляд человека, который ответственен за свои слова и поступки. Тем то и плоха демократия, что она питает самодовольство в человеке, которому нечем гордиться. И долю ответственности за страну демократия с преступной легкостью возлагает на плечи даже тех, кто пуговицу пришить не может. А воспитание личности благородной и стремящейся к совершенству в задачи демократии вписывается с трудом. Поскольку такие личности тяготеют более к монархии или аристократии, книгам верят больше чем рекламе, и если куда-то бегут, то скорее в храм, чем на распродажу.

Пророк Исайя о покаянии

Книга пророка Исайи начинается с обличений Израиля в греховном образе жизни и с призыва к покаянию. Великим постом слова эти читаются и в наших храмах.

«Не носите более даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование!»

Это жуткое явление, когда именно то, чем люди желают оправдаться – молитва, праздники, пост - более всего раздражает Бога. «Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их» Очевидно, слова эти касаются не одних евреев времен Исайи. Не угрожай нам подобная ситуация, мы бы и не читали эти книги в ходе богослужений. Напрямую относится к нам и призыв покаяться.

«Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»

*

Не пропустим, прошу вас, мимо ушей сердца эти слова. В них призыв к деятельному доброделанию, направленному не на храмовую красоту или личные подвиги, а на беззащитного ближнего. Еще Евангелие не возвестило, что добро, сделанное ближнему, принимается лично Христом, а уже пророк зовет к попечению о ближнем. Бесчеловечие

же в отношениях между людьми – признак трупного разложения души народа. Но не сразу звучит призыв к добрым делам. Прежде усилий по части милости, нужно еще сделать нечто важное.

«Перестаньте делать зло, научитесь делать добро», - таков порядок повелений Исаяи. Прежде всего, нужно перестать делать зло. Не полагая предел своему злоречию, похоти, невоздержанию, эгоизму, бестолку усиливаться творить нечто доброе. Это доброе будет слабым, как недоношенный ребенок, и твориться оно будет по остаточному принципу, поскольку жар души будет отдаваем самовольным похотям. Итак, «перестаньте делать зло». А вот добру надобно учиться. Это только кажется, что нам ясно, как его творить. На самом деле в этом вопросе нужна рассудительность, молитва, духовный опыт и мудрый совет. Принятие заповеди «научитесь делать добро», - означает не что иное, как смиренное признание в том, что делать его мы пока не умеем. Порядок речи и ее смысл созвучен псалму царя Давида, который поется в конце Литургии: «Уклонися от зла и сотвори благо; възми мира и пожени и (т.е. следуй за ним)» (Пс. 33) Прежде «уклонись» от зла, а затем «сотвори благо».

*

Если человек усиливается перестать делать зло, и учится делать добро (это – растянутый во времени, трудоемкий и сложный процесс), Бог обещает человеку великую милость. «Придите – и рассудим», - говорит Бог. «Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, - как волну убелю». Что еще, если не полное прощение обещается этими словами, заменяющими красное на белое, кровавое – на невинное? Есть вещи более удивительные, чем, даже, прощение! Люди, сумевшие подняться из глубины грехов, часто бывают в конце выше тех, кто низко не падал. Это не призыв к греху, да не будет! Но это - ободряющие грешников слова, опирающиеся на сказанное Господом: «Последние будут первыми». И народная мудрость знает, что за одного битого двух небитых дают. Так, бесами поруганный Исаакий Печерский, по выздоровлении стал бесам страшен более прочих монахов. Так и Киприан-волшебник после раскаяния принес Церкви великую пользу. Так и Мария Египетская удивила ангелов житием после того, как долго веселила грехами бесов. Да и апостол Павел не был бы так велик, если бы не состоял в свое время в числе врагов Христовой Церкви.

Итак, нет ничего столь багряного, что Бог не мог бы сделать белым, как снег, благодаря благодати покаяния. «Окропиши мя иссопом и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся» (Пс. 50)

*

В одном из видений своих Даниил видел престолы, и воссевшего Ветхого днями. «Одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы головы Его – как чистая волна» (Дан. 7:9) К Нему был подведен Некто, подобный «Сыну человеческому», «и Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему. Владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится»

Христологически верно будет думать, что «Ветхий днями» это не Бог Отец, а Сам Сын до воплощения, поскольку Сын совечен Отцу и тоже – Ветхий днями. А подведение к Нему «как бы Сына человеческого» есть указание на грядущее Боговоплощение, в котором Христос, уже как плотоносец, примет всякую власть на небеси и на земли (СМ. Мф.28:18)

И смотрите, какова внешность Сидящего на престоле! Одежды белы, как снег, а волосы головы – как чистая волна. Это же тот самый цвет невинности, та же самая белизна, схожая со снегом и чистой шерстью, о которых говорит Исайя. Значит, если будут грехи наши, как нечто багряное, Бог убелит их, как Свои собственные одеяния. А если грехи будут, как пурпур (царский цвет, возможно означающий грехи, связанные с властью) – Бог убелит их, как волосы головы Своей.

Белизна волос – знак мудрости. Чистую мудрость свою, мудрость, «сходящую свыше», обещает Бог кающимся. И мудрость эта «во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак.3:17). А белые одежды – величественный знак, многократно повторяющийся на страницах писания. «Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни» (Откр. 3:5) И еще: «Советую тебе купить у Меня... белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей» (Откр. 3:18)

*

Так, начав с призыва к покаянию, к перемене ума и деятельности, Бог приводит нас к тому, что обещает сообщить нам белизну Своих мыслей и чистоту Своей благодати, которая облечет человека, словно – в ризу. Таковы плоды подлинного покаяния, такова награда за него.

Теперь самое время прочесть внимательно первую главу Исайи, седьмую главу Даниила и третью главу Откровения. Самое время вообще заняться изучением слов Господних, без которых человек неизбежно умирает, даже если у него обычного хлеба и прочих снедей.

Миссионерские Литургии

«Дух мой молится, а ум остается без плода». Такие слова есть у апостола Павла. Далее он говорит о том, что хочет молиться и духом, и умом. Причем количество слов в молитве при участии ума может быть несоизмеримо меньше, чем длинные молитвословия при рассеянном, «не включенном» уме, а польза все равно будет больше. Сказанное вполне относится к объяснению Литургии, к так называемой миссионерской Литургии.

У Церкви должно быть в духовных кладовых много всякого добра. Но не все добро для всех, и тем более не все для всех сразу. Если кто-то хорошо знает и любит службу, так что окунается в нее, как рыба в воду, тому, конечно, станут мешать или покажутся раздражительными частые перерывы и объяснительные речи. Хотя и такой человек непременно услышит либо нечто новое, либо по-новому ощутит давно известное. Но насильно мил не будешь. И кому подобные служения не по душе, тот на них пусть и не ходит. Благо они у нас служатся редко и далеко не везде. А вот простому христианину, которому словосочетание «литургическое богословие» вообще ничего не говорит, присутствие на такой службе должно быть полезно.

По сути, миссионерские отступления или словесные вставки в данном случае сродни проповеди. И проповедей, оказывается, на службе может быть много. Я лично думаю, что начиная от Херувимской песни, через Символ веры, принесение Евхаристии и до самого Отче наш, разрывать службу не надо. Вся она в этой своей части есть один нерасчлененный поток благодатных внушений и действий Духа, на которые нужно

отзываться, не прекращая молитвы. А вот в другие моменты службы пояснения и слова очень уместны.

Возьмем начало службы. После прочтения часов можно говорить слово предваряющее службу. Это может быть напоминание о том, как учит молиться Евангелие. Оно учит молиться дерзновенно и неотступно (как бедная вдова), простив доли должникам предварительно, видя перед собой свои грехи (как мытарь). Слово после Евангелия не только уместно, но и необходимо. Писание нужно объяснять, и «горе мне, если не благовествую». Затем можно говорить перед Херувимской, чтобы, как предлагалось ранее, до молитвы Господней уже не перерываться. Перед причастием верных может быть еще слово, дабы не было хождения по храму и всякой неуместной возни. И после отпуска опять удобно говорить с народом или о самой службе, или на другую тему, держа руку на пульсе и стараясь почувствовать – не перебрали ли мы лимит человеческих сил и внимания. Итого получается пять раз, что представляет из себя в идеале подлинную царскую трапезу с «закусками», «переменами главных блюд» и «десертом». Критиковать саму возможность подобной практики мне кажется нельзя.

Критиковать можно в конструктивном ключе само исполнение и воплощение идеи. Скажем, характер Литургии у нас возвышенный, радостный и хвалебно-благодарственный. Соответственно, краткие поясняющие речи и поучения, должны быть по духу и тону в соответствии сходом самой службы. Если слово будет вялым, или затянутым, если оно будет звучать так, «как мокрое горит», то это будет только мучить сердце молящихся людей и сбивать их. Сердце будет вынужденно то взлетать, то опадать, как на «американских горках», и, измучившись в конце от такого миссионерства, человек признает саму идею в целом неуспешною. То есть дело – за качеством поучения, за солью и уместностью слов, вернее – глаголов, благовествуемых силою многою. Если грамотного, имеющего опыт пастыря, к тому же хотящего нести сей крест, а не убегающего от навязанного послушания, нет, то и работы нет. Есть очередная раздражающая формальность. А если есть священник, который может и хочет совершать подобное служение, готовиться к нему, и проч., то дело будет, и плоды будут.

Вообще речь нужно вести о том, чтобы поднять на должную высоту Литургию Слова. Христианское служение есть служение словесное и предоставление себя Богу в жертву разумную. Поэтому без сомнения лучше пять раз по пять минут обратиться к людям с разъяснением и назиданием, чем привычно «съедать» по сорок минут литургического времени обременительно затянутым чтением, например, записок при поминании.

И дело-то все в том, что зело согрешают те, кто считает словесный труд и подобные усилия чем-то очень незначительным. Слово ведь – семя, а сеятель – Сын Человеческий, а поле – мир. Откуда взяться в мире сынам Царства, если мы сеянием пренебрегаем? Иного способа созидать и приращивать Церковь Господь нам не оставил. Поэтому говорить надо. И даже те, кто считает подобную проповедь несвоевременной, могут вспомнить апостола Павла, писавшего Тимофею: «Проповедуй слово, настой во время и не во время» (2 Тим. 4:2)

Благословляется читать книги

Патриарх Грузинский недавно порадовал даже тех, кто грузином не имеет чести быть. Он и раньше радовал свою паству обещанием быть крестным у многих новорожденных малышей. А теперь он обратился к своему народу с предложением-просьбой читать в

течение недели определенную книгу, с тем, чтобы в конце недели обсуждать прочитанное и общаться с паствой на заданную тему.

Восторг и зависть – вот имена тех чувств, которые мною овладели при знакомстве с этой новостью. Видит Бог, я не завидую другим народам, когда те строят самые дерзкие мосты и самые высокие небоскребы. Но в этом случае я завидую грузинам. Завидую той завистью, которой не стыжусь, и которую не понесу на исповедь. Только есть вопрос: а мы когда дорастем до таких событий?

*

И Россия, и Украина настолько территориально и количественно велики, что одному человеку – пусть даже облеченному высшей церковной властью – вряд ли возможно давать такие «домашние задания» многомиллионной пастве. Эта работа более соответствует домашней атмосфере небольшого народа, который сплочен уже потому, что малочислен. И если в таком народе есть духовный вождь, которого любят, то ему удобно по-свойски, без пафоса, как дедушка – внукам, дать добрый совет или высказать некое пожелание, как тут же большая часть народа бросится эту пожелание исполнять. (Все никогда не бросится, как бы ни был хорош и сплочен народ, что надо знать заранее) У больших же народов большие проблемы. У них то, что сказал Патриарх Грузинский, должен говорить каждый епархиальный епископ, поскольку и паства отдельных наших епархий по количеству сопоставима с паствой Патриарха Илии.

*

Что же практически для этого нужно? Не очень много духовных вещей, если они уже есть, и очень много, если их нет. Поскольку приобретаются эти вещи очень не просто. Первое – Владыка должен иметь авторитет у паствы. То есть, если он скажет: «Дорогие жители города N и N-ской области, возьмите с полки «Мертвые души» Гоголя, и в следующую пятницу я поговорю с вами на тему первой главы», то нужно, чтобы его слова услышали все и исполнили с радостью, те, кто услышал. Иначе это будет местная акция, подобная стрельбе из пушки по воробьям. Многие, предчувствуя фиаско, за нее и браться не будут.

*

Второе - Владыка должен быть подготовлен к подобному, не столько литературоведческому, сколько духовному труду. Ему придется засесть за книги, уплотнить график (и без того обычно плотный), чем-то пожертвовать, начать вести конспекты. Причем, никто не заставляет читать непременно Гоголя. Это я сказал к слову. Можно читать Лествицу или Авву Дорофея, то есть те духовные книги, знакомство с которыми пастве необходимо. Не в книге дело. Книг хороших много. Дело в желании сдвигать горы закостенелости и невежества, которым удобно стоять столетиями на привычных местах, претендуя на статус местной традиции.

*

Третье – смелость. Такие труды и инициативы древностью не освящены. Не было раньше таких трудов и инициатив. А значит, найдется немало критиков и противников не только из числа чужих, вечно готовых пыхтеть и ерничать, но из числа своих, временами пыхтящих и ерничавших не хуже врагов. Для плодотворного действия во Христе и ради Христа всегда нужна смелость. Смелость, знания и желание. Вернее, если расположить требования в порядке очередности, то :1) желание, 2) знания, 3) смелость.

Если все это есть, то ничего больше не надо. Можно начинать. Но если нет их, то значит ничего нет, и еще долго не будет. Желание появляется таинственно, знания приобретаются долго, а смелость вообще непонятно, откуда берется. Вот я и говорю, что грузинам я завидую той завистью, которую на исповедь не понесу.

*

А вообще-то, надо учиться. При чем – у всех. У арабов говорят, что «чернила ученого так же драгоценны, как кровь мученика». Вчитайтесь в эту фразу. И какая мне разница, что это арабы сказали, а не русские? Если сказано верно, то я запомню и постараюсь мысль в жизнь претворить. Пусть грузины начнут, а мы подхватим. Мы ведь не на перегонки бежим, а общее дело делаем. Пусть другие еще что-нибудь доброе начнут, а мы подсмотрим и перейдем. Умение замечать доброе и учиться есть высшая похвала любому народу. Похвала и благословение. Поэтому, не имея честь быть грузинами, подходите к книжным полкам. Берите «Илиаду», «Робинзона Крузо», «Собор Парижской Богоматери». Начинайте читать что-нибудь хорошее, и будем ждать, что найдутся вскоре и те, кто начнет с нами обсуждать прочитанное.

Неприятные вещи

Если леденец вынуть изо рта и засунуть в карман (как случилось в детстве), то уже через минуту он будет облеплен мелким сором, и сунуть его обратно в рот не будет никакой возможности. Подобным образом облепливаются чуждым смыслом слова, и со временем уже трудно понять смысл прямой и непосредственный. Вкус леденца заменится вкусом сора. К. Льюис в книге «Просто христианство» писал, что в XIX веке «джентльменом» называли каждого мужчину, живущего на доходы с капитала и имеющего возможность не работать, неважно был ли он галантен и образован или нет. Можно, то есть, было, не вызывая смеха, сказать: «Джентльмен Х – порядочная скотина». Но сегодня это слово иначе, как с воспитанностью и порядочностью не ассоциируется. Подобные метаморфозы сопровождают бытие термина «фарисей».

*

Хранитель и знаток Закона, ревнитель религиозной жизни, лучший представитель еврейского народа после возвращения из плена, этот персонаж превратился в синоним лицемера, заведомо фальшивого и корыстного человека, в тайне полного всех пороков. К слову, евангельские «мытари» и «блудницы», которые не только буквальны, но и символичны, не претерпели таких смысловых изменений. Они так и остались, хорошо всем знакомыми по повседневной жизни блудницами и сборщиками дани. Фарисей же мутировал.

Блудница и мытарь это профессии, сколь доходные, столь и позорные, избранные открыто ради обогащения с грехом пополам. Фарисей же это не профессия, а психологический тип. Так нам кажется. Так мы считаем. Этим именем не называют, а обзывают. И более всего это имя, ставшее оскорбительным, употребляется по отношению к политикам и религиозным людям. Первые декларируют заботу о народе, от вторых ожидается «профессиональная святость». И первые, и вторые привычно приносят массу разочарований, поскольку политики и не думают кому-либо служить, кроме себя, а религиозные люди попросту недотягивают до идеала. Все остальные люди в ту же

степень, если не больше, больны теми же грехами и пороками, но им кажется, что их грехи извиняются отсутствием особых ожиданий праведности. А вот политики и церковники, те, мол, другое дело. Это, конечно, не более чем ложь, овладевшая миллионами голов, и только количество обманутых временно извиняет это заблуждение.

*

Хорош ли чем-то хрестоматийный фарисей? Кто он, этот самый сложный человеческий тип, стремящийся ко всецелой святости, но незаметно сбивающийся с пути на полдороге? Фарисей не тотально грешен. Фарисеем по образованию и воспитанию был апостол Павел. Никодим, приходивший к Иисусу ночью, был подобным книжником и ревнителем традиций. Мы согрешим, если вообще откажем фарисею (читай – ревнителю) в возможности святости.

Фарисей любит добро, и это совершенно очевидно. Вся жизнь его в идеале настолько религиозно-педантична и насыщена мыслями и усилиями, что мы – ленивцы – и одного дня по-фарисейски прожить бы не смогли. Он плох тем, что внутри не таков, каким старается выглядеть снаружи. Но, простите, мы все снаружи кажемся лучше, нежели являемся внутри. Вывернись всяк наизнанку и обнажи пред миром скрытое неблагообразие – жизнь станет вряд ли возможна. Вся наша хваленая культура и цивилизация есть явления лицемерные по преимуществу, при которых шкафы блестят от полироля, но в каждом шкафу – свой скелет. Лицемерна деятельность любого банка, любого рекламного агентства, любого производителя, начиная от «творцов» зубной пасты и заканчивая автогигантами. Но никто не называет их «фарисеями», очевидно приберегая словцо для бедного попа или чуть более богатого архиерея. Можно тему продолжать, но можно и остановиться. На бумагу просится лишь слово «несправедливость».

*

Если фарисей верит в свою святость, то он уже не просто лицемер. Тогда он в прелести. Он болен. Именно таковы были те самые фарисеи, скупы, но ярко описанные в Евангелии. Они считали себя чистыми и были убеждены в этой самой ритуально-нравственной чистоте. Такой типаж выходит со страниц Евангелия прямо на улицу и продолжает жить в христианской истории на всем ее пространстве. Такой человек просто-напросто духовно болен и неисцелим обычными средствами, поскольку болезнь его тяжелейшая. Тогда его подвижничество тяготеет к изуверству и фанатизму. Тогда его мир черно-бел и в этом мире нет места сострадания к «иному». «Иные», по его убеждению, достойны ада, огня, бесовских крючьев, и искренний фанатик часто бывает сильно обижен на Бога за то, что Тот не спешит казнить очевидных грешников. «куда Он смотрит?», – думает святоша, и в это время даже мухи отлетают от него подальше. Вот это и есть фарисей типический и подлинный. Таких мало, поскольку редкая душа способна соединить ненависть с молитвой, а влюбленность в себя – с памятью о Боге. Для этого нужно быть чуть-чуть похожим на Ивана Грозного.

Если же фарисей знает о своей внутренней худости (грязности, никчемности) и, не имея сил «быть», старается «казаться», тогда он не светится в темноте красным светом и им детей можно не пугать. Он банален и повсеместен. Своим притворством он платит дань добродетели, как говорил Ларошфуко, то есть самой игрой в праведность он представляет праведность высшей ценностью.

Это – общее состояние, при котором, по слову Аввы Дорофея, лгут жизнью. Будучи развратниками, изображают из себя людей целомудренных; будучи скрягами, не прочь

порассуждать о милосердии и щедрости и проч. Но, конечно, за религиозным человеком фарисейство ходит неотвязно, как скука – за Онегиным. «И бегала за ним она, как тень иль верная жена».

И это потому, что религиозная жизнь морально насыщена по определению, а требований к человеку всегда можно предъявить больше, нежели он исполнить способен.

*

Любая мощная религиозная традиция сильна прошлым и влюблена в прошлое. Это вполне касается и нас, православных людей. Наша история полна знаков явленной святости, любовь к которой (внимание!) не должна отменять открытости по отношению к творимому настоящему и будущему.

Дух творит форму. Минувшее оставило нам множество священных форм, порожденных Духом: богослужебный чин, одежда, этикет, архитектура, и т.д. И легче всего, при таком богатстве, соскользнуть в желание остановить время, то есть пожелать канонизировать и догматизировать все (буквально все), что получено в наследство. Тогда всякие сюсюканья, вроде бесконечных «спаси Господи» и «простите – благословите» убьют саму возможность нормально общаться. Еще в результате может родиться каста начетчиков и охранителей старины, неких носителей идеи града Китежа, согласно которой «все хорошее уже было», а впереди – только утраты и поражения. Это мышление еретично и отвратительно. Но есть вещи и похуже.

Хуже, если мы обожествим формы, ранее рожденные Духом, и на этом основании откажем Духу в праве творить иные формы и обновлять ранее созданные. По сути, мы тогда вступим с Духом в конфликт и постараемся запретить Ему действовать в качестве Сокровища благ и жизни Подателя. Мы скажем Духу. Что кое-что из Своих сокровищ Он нам уже показал, и нам этого хватит. А следовательно мы настоятельно просим Его, и даже требуем, чтобы Он прекратил Свои творческие действия, которых мы не ждем и в которых не нуждаемся. (Жутко звучит, но именно это повсеместно и происходит).

На наших глазах из любви к прошлому может ожить «Легенда о великом инквизиторе». Там в темнице, инквизитор говорит Христу, что завтра с одобрения народа он сожжет Христа, как еретика, причем в Его же Имя. «Ты дал нам власть и все сказал, а теперь не вмешивайся. Мы сами будем править от имени Твоего», - говорит прелат. Причем Федор Михайлович рисует нам не лопающегося от жира сибарита, некоего развратника, пользующегося властью ради удовольствий, а изможденного подвигами и тяжкими думами аскета, состарившегося в трудах. Этот умный и волевой изувер, есть, несомненно, духовный человек, духовность которого отмечена знаком «минус».

*

Какая из болезней мира не проникла в Церковь? Все до одной проникли. Правда, проникая в Церковь, болезни мира одеваются в подрясник, отрачивают бородку и меняют обороты речи, отчего некоторым кажется, что они «освятились и оправдались». Но сути своей болезни не меняют, разве что по причине внешней елейности приобретают некую повышенную степень отвратительности. Имеем ли мы право об этом говорить, не подрывая веры? Думаю, что мы просто обязаны ныне об этом говорить, защищая веру. В обществе, именуемом открытым и информационным, не нужно создавать себе имидж «безгрешных», а потом яростно оправдываться после очередной утечки информации или злобного нападения недоброжелателей. Нужно своевременно, адекватно и спокойно

говорить о жизни духа и ее опасностях с теми, кому Церковь безразлична. И если речь будет точна и не фальшива, многие информационные конфликты и провокации увянут, не успев распухнуть.

*

Болезни Церкви, идентичные болезням мира это не просто поработченность вещами, путанность сознания, бескрылость бытия и желание удовольствий. Все это слишком очевидные болезни эпохи. Человек стал мелок и спесив. Мелкий и спесивый человек в миру отличается от своего собрата в Церкви тем, что первый пафосно рассуждает о правах человека и гражданина, а второй дежурно бубнит о смирении. О! не знаю, знакомо ли вам то ощущение мистического ужаса, когда спесивый человек начинает говорить о смирении? Тогда воистину хочется заткнуть уши и убежать за горизонт.

Но главное даже не это, а то, что мы (христиане) живем в той же мирской атмосфере замкнутости и эгоизма, в которой никто никому толком не нужен. Человек не нужен никому в миру. Это прописная истина. Но сплошь и рядом он никому не нужен и в Церкви. Человека привычно и повсеместно используют, и нигде не любят. Не избавлен он от такого отношения и в Церкви.

Если же мы говорим, что мы «иные», что мы умеем любить и болезней мира нет в нас, то, во-первых, нам самим при этих словах станет стыдно, а во-вторых, люди не смогут не чувствовать фальшь этих утверждений. В ответ они будут молча от нас отдаляться или громко против нас бунтовать.

*

Фарисей в основном занят решением дилеммы «быть или казаться». Решает он ее, как и подобает фарисею, в сторону «казаться». Напомню, что в нашем мире это состояние угрожает в основном деятелям религии и политики. Мир же в целом решает уже другую дилемму: «быть или иметь». Люди в миру уже не хотят никем казаться, поскольку не только утрачивают четкие нравственные ориентиры, но и не верят, что такие ориентиры в принципе могут существовать. Соответственно, дилемма решается в пользу «иметь». «Все ищут ответа – где главный идеал? Пока ответа нету, копите капитал». Нельзя сказать, чтобы и церковный люд был свободен от этого бытийного перекаса. Мы тоже хотим «иметь», но при этом хотим еще и «казаться». Состояние поистине ужасное. И тем более ужасное, что мало кто захочет с диагнозом согласиться. Начнут на зеркало пенять. Начнут пытаться зашторивать окна и раскачивать поезд, делая вид, что мы едем, вместо того, чтобы выйти из вагонов и обнаружить завал на дороге, из-за которого ехать дальше нельзя.

*

Я люблю Церковь. «Человеку свойственно ошибаться», но, по-моему, я ее очень люблю. По крайней мере, рядом ничего поставить не согласен. Только я отказываюсь любить все то, что принято с Церковью ассоциировать. Не все, то золото, что блестит, и не все, то Церковь, что пахнет ладаном.

Причем Церковь без моей любви проживет, и это ясно, как дважды два. Вот я без нее не проживу. И именно по причине желания сохранить самое дорогое, без чего и прожить не удастся, хочется с болью то шептать, то выкрикивать неприятные слова о том, что мы более играем в христианство, нежели живем во Христе.

И я не о мирских людях говорю, которые живут там, где ад начинается. Я говорю о тех, кому «все ясно», и кто в своей праведности уверен. Тяжелее, чем эти люди, в мире нет тяжестей.

Святость и глупость

Удивительно, насколько общий дух, коль скоро он появится, способен пронизывать столетия, пренебрегать историческими условностями и сочленять воедино группы людей, кажущиеся отстраненному взгляду ужасно разнородными!

Знакомясь с учением «Сторожевой башни», а параллельно – с арианством, не можешь не поразиться тому, насколько схожи конечные выводы тех и других. Эпохи разные, условия быта разные, черты церковности и, соответственно, антицерковности, разные, а выводы – одинаковые. У тех и у других отношение к смерти, воскресению, воздаянию, почти слово в слово - идентичны! Вот, что значит – один дух (с маленькой буквы!).

О чем, собственно, я? Да о том, что странное совпадение в «духе» обретаётся между ультра-православными христианами и теми, кого эти самые «ультрасы» вообще за христиан не считают – с крайними пятидесятниками. Совпадение происходит в зоне вопроса о пресловутых кодах.

Некая экзальтированная американская мадам (без сомнения – в платок не закутанная, ногти красящая и постов не знающая) объявила себя истолковательницей тайн Апокалипсиса. Звать даму Мэри Стюарт Рэлф. Это она на весь мир подняла пыль вокруг карточек, кодов, цифр и прочего, что ныне плотно загадило мозги многим «нашим» и проявило специфическую «православность» этих многих. Обращая внимание на все, что угодно, кроме Самого Христа, и не столько Христу служа, сколько за Антихристом следя, эти лже-юродивые проповедники даже верить не согласятся, что первичный посыл их холерической активности был от пятидесятников США, а не от «святых отец». И меня ужасно оскорбляет эта вменяемость огромных масс, «глаголемых православных», к голосам сектантов. Меня оскорбляет сама возможность поддаваться чужим голосам, не распознавать их и пленяться ими, коль скоро они явятся в стилизованной православной одежке. Это значит, что никакого дара «различения духов», о котором говорит апостол (1 Кор. 12:10), у многих из нас в помине нет.

Ну ладно бы на католиков походили. Те хоть преемство апостольское хранят. Кстати, к похвале последних, ни в каких апокалиптических шизофрениях не замечены. Трудятся себе планомерно и спокойно, кто – в делах миссии, кто – в научных трудах, кто – в монашеских. Нам бы хоть часть некую их серьезности и основательности. Одни сектанты суеются. Это мы что же, в сектанты записались? По степени нездоровой активности – пожалуй. Хотя вся жизнь наша пропитана влиянием католицизма. И в отношении епископской власти (у нас, что ни епархия – то местный папа), и в отношении Евхаристии, и в отношении к браку (список можно долго продолжать) вся наша церковная жизнь – слепок с устаревшего католицизма. Только невежа этого не видит, но невежа же и шумит громче всех. Сами католики давно изменились, а мы все их ошибки повторяем. Ну, так давайте хоть и в отношении кодов подражать католическому спокойствию! Нет. Суеются наши эсхатологи на манер пятидесятников, и не достучишься до них.

Откровение Иоанна – книга особая. Ее любят те, на чьих глазах привычный быт летит в тартарары. Любят ее также и гонимые за свою веру и убеждения. На фоне сказанного

поймем, что книгу эту больше других любили протестанты. Для них картина мира была ясна: Папа – антихрист, Рим – Вавилон, они (протестанты) – избранное племя и Новый Израиль. С таким мировоззрением они и океан переплыли. Там, в стране, где никто никого по первости за веру не гнал, они ощутили себя уже не в «Египте» и не в «Вавилоне», а в Земле Обетования. И стали строить «город на холме», стали реализовывать мечту о земном рае и новой земле обетованной. Надо признать, что многое получилось. Но протестант не может не протестовать. Протестный ген в его крови молчать не умеет. И вот со временем появились те, кто узрел антихриста не в Риме (Рим далеко и он безопасен), а в той глобальной системе, которую сами заокеанские протестанты и создали. Уже англикане и их американские дети – пресвитериане, успокоились. Уже лютеранство стало самой традиционной и не протестной религией. Уже и баптисты стали не чем иным, как консерваторами в области морали и богословия. О, tempo!», - сказал бы Цицерон. И объявились новые вожди старого протеста. Да и пусть бы себе объявлялись, но мы почему падки на их призывные крики? Ответ один, и он жесток. Духа Святого нет в тех, кто падок на сектантский крик, зато дух прельщения у «наших» и у «ихних» идентичен. Именно так, друзья, и не иначе.

Но скажем нечто и о смысле слов Писания. Та пресловутая «купля-продажа», которая тревожит сектантов, когда будет уже печать и нельзя будет покупать и продавать (См. Откр. 13:17), имеет прямое духовное истолкование. В духовном смысле покупка и продажа это не только обмен денег на товары и товара – на деньги. Это и духовный труд! Совершающий бдение меняет время сна на благодать Царства. Дающий милостыню, меняет деньги на прощение грехов. Любой духовный труд есть обмен земного на небесное, есть продажа дешевого и покупка бесценного. Так вот, в последние времена люди вовсе перестанут жить для Господа и трудиться ради Господа. Они будут жить только для себя и трудиться только ради своего седалища. Это и есть рабство антихристу. Тогда лоб будет запечатан дурным образом мыслей, а рука – дурным образом действий. Больше печатей не нужно. Для погибели этих достаточно, как было их достаточно для погибели всех, кто жил безбожно во времена, предшествующие временам антихриста.

Поскольку не образумятся все, то пусть образумятся хоть некоторые. В народе нашем нет идеи служить Христу. А ведь в Христа мало веровать. Ему именно надо служить. Кто не служит, тот, в общем-то, и не верует. Так только, на словах нечто произносит. Нам нужно начать служить Христу, то есть «покупать» и «продавать», обменивать временное на вечное. В притчах Своих Господь неоднократно описывает раздавание денег с целью приобретения прибыли. И говорит: «Куплю дейте дондеже приду» (Лук. 19:13), то есть употребляйте полученные дары, подобно торговым операциям, для приобретения доброй прибыли.

И только невежественные лентяи, ничего Христу не принесшие в дар, никак не ради Него потрудившиеся, удосужились перебаламутить полмира своим поверхностным прочтением Апокалипсиса, с подачи американской писательницы, о чем они, конечно, или не знают, или стыдливо молчат.

Нет, нельзя читать Библию, как газету, с конца. В конце газеты – кроссворд, а в конце Библии – Откровение. Но прежде Откровения нужно прочесть все сначала. Да и само Откровение нужно читать с первой главы, а не с 13-той. Нужны, таким образом, и в чтении, и в учении постепенность, последовательность и основательность. Именно то, чего так не хватает нашему все еще религиозно дикому и неотесанному народу, воюющему с ветряными мельницами, проглатывающему верблюдов и процеживающему комаров, и для всего этого подбирающему себе учителей, льстящих слуху.

Честное слово

Если Церковь просто «дана», то данное надо просто защищать. Как Брестскую крепость, сколь героическую, столь и обреченную. Спорить тут не о чем. Но если Церковь не только дана, но и задана, то спорить есть о чем.

*

Российскую империю разрушили газеты. Га-зе-ты! Вслушайтесь в фонему! Пушками в газету не стрельнешь, поскольку – бестолку. Мысль в мозги залезла – либо мозги выстрелом вышибай, либо вытесняй из этих мозгов одну идею другой. Последний вариант сложнее, но надежней. Иначе – репрессии, сколь масштабные, столь и безнадежные. Теперь сравним газетную эру считанных грамотеев с нашим временем и – вздрогнем!

*

Мы живем в царстве обесцененного слова, и при этом поклоняемся Богу-Слову Воплощенному.

Перечитайте, прошу вас, сказанное выше.

*

Человек верит не столько тому, что поистине есть, сколько тому, что в нем есть. То есть, человек, ложью пропитанный, верит лжи охотнее! Или вы этого не знали? Знали это вы все. Человек гораздо больше знает, нежели понимает и держит в активном запасе. (Эти слова тоже перечитайте). Итак, все всё знали, только «включали дурака» и делали вид, что все в порядке. Ну, и сколько еще будем делать вид, что все в порядке?

*

В Царстве слова есть место и для церковного слова. И как ему не быть, если первые слова, написанные кириллицей были: «В начале было Слово». Глянем-ка туда.

В 19-м веке Розанов писал: «Светская литература полна самобичевания, но возьмите духовные журналы: это сплошное счастье, самоуверенность, самодовольство» (О духовенстве 1902-1903 гг.)

Времена изменились, а с ними – и нравы. Светская литература давно уже не «самобичуется». Она самовыражается. Все самовыражаются, не замечая, что выражать нечего. А церковная пресса привычно, как и в веке 19-м, «рапортует» о великих свершениях. Для нас времена не изменились. Мы храним Истину и отчитываемся о надежном хранении.

*

Читаешь нашу прессу и берешься за сердце. Не лучше ли отдать деньги, потраченные на печать, в нуждающиеся руки? Мы все еще «выдаем на гора» и «засыпаем в закрома» свои успехи, словно отчитываемся перед кем-то из статистического отдела.

«Что за гадость?», - хочется спросить. Кто внушил нам мысль, что церковная пресса должна на всех страницах хвалить окружающий мир и себя в нем? Себя в нем – особенно! «Вот мы – то», а еще «мы – это». Тут «мы даже вот это успели», а здесь «у нас вот что получилось». Ну не чудо? Возникает вопрос: почему это мир все еще во зле лежит? И возникает ответ: «Видимо оттого, что к нам не приобщился». Таков неумолимый вывод. Но ведь он ложен, ло-жен!

Да, неужели же вопросы есть только к Министерству Образования, да Оборона, да Культуры, а к нам самим вопросов нет никаких и быть не может?

*

Дело в той мысленной константе, о которой вскользь упомянуто. «Церковь», - дескать, - «дана изначально готовой (как Коран у магометан с неба упал), а мы – Ее охранители. Все, что надо, по описи получили. Теперь ни дать кому – чего, ни взять у кого – чего, равно – не полагается!» Не положено!

Прошу вас, всмотритесь в эту картинку! Она ужасна правдивостью. Но это не просто картинка. Это – смертный приговор! За это в прошлом веке сотни тысяч людей расстреляли. «Такой-то и такой-то за полное пренебрежение к жизни, кипящей на улице, за безразличие к ней и нуждам ее приговаривается к расстрелу! Приговор исполнить немедленно»

*

Заметьте также, что лучших людей у нас расстреливали первыми. Это потому, что лучшие люди понимали всю лживость общего направления, понимали до дна, и делали, что могли, до изнеможения, но саму систему не меняли. Не могли, потому что. Слишком сильны были «охранители исторических ошибок», мнившие себя защитниками святынь. Оттого благие делатели и врагам заметны были, и «своими» пренебрегались. Они были заметны, как носители черной рясы на фоне белых снегов. Их и расстреливали первыми.

*

Хватит хвалиться. Хватит!

Хватит делать вид, что это только «мир слетел с катушек», а у нас самих все «в ажуре». Ложь это, и на лжи ничего не построишь. Нужно взять на себя нравственную ответственность за все происходящее, коль скоро у нас этой ответственности ни с кого, кроме Церкви, и не спросишь. И самобичеваться не надо! Враги быстро нашу чувствительность в слабость запишут. Шиш им, а не самобичевание! Нужно только быть хоть на каплю честнее перед Богом, и перед собой, и перед братьями, окружающими Престол. А честное слово, да в простоте, да со слезами, каких стен не ломало?

*

Только будем внимательны. То есть – вонмем! Всякое дело предварим молитвой, и только потом – вперед!

Великая литература в России это незаконнорожденный плод молчащего духовенства. Если бы не появилась литература (та самая – Великая Русская), то очевидно пришлось бы камням завопить. Или – народу умереть от немоты и неестественности. Третьего не вижу. То, что уже сказано, тянет на предисловие к диссертации.

Великая русская литература (далее – ВРЛ) по преимуществу глаголет о людях, сидящих на месте, аки гриб; или о людях путь творящих то с целью, то без нее.

Без цели у нас путь творят те, кто сознательно ничего не пишет – юродивые, странники, Божьи люди или «косящие» под последних. Те же, что письму обучены, путь творят намеренно, вооруживши глаз лорнетом (фотоаппаратом), а десницу – пишущим инструментом. Примеры: Карамзин – в Европу, или Радищев – из одной столицы в другую.

Пушкин путешествует в Арзрум, хотя мечтает о берегах Бренды. Гоголь мчит на тройке, едко улыбаясь из окошка, и Ерофеев никак не доедет до Петушков. Чехова беспокойная совесть на Сахалин несет, и даже Ильф с Петровым пересекают на корабле океан и строчат фельетонные отчеты об Америке в один этаж ростом. Все, кто может думать, умеет писать и способен пересекать государственную границу, пишут, мыслят, анализируют, рефлектируют. Вот одно из мощных крыльев той птицы по имени ВРЛ (расшифровку читай выше), что долетит и до середины Днепра, и весь его перелетит, не запыхавшись, и дальше путь продолжит, зане в небесах нет ни ГАИ, ни светофоров. А только их и боятся русские путешественники.

Но кто же те, кто на месте сидит, аки гриб? Это жители обветшавших поместий, старые, добрые и смешные люди, думающие и говорящие не иначе, как по-старому. Вся остальная ВРЛ сообщает нам о происшествиях внутри помещичьих усадеб. Там гоголевские старики спрашивают друг дружку, не поесть ли им грушек? Там Онегин «на бильярде в два шара играет с самого утра». Там Базаров с Кирсановым-младшим путешествуют из одного поместья в другое, приближая неожиданную развязку романа. В эти усадьбы постоянно входит и въезжает Бунин, обоняя сладкую смесь ушедшей эпохи и обреченности. Там на стенах бумажные обои, а кабинетах – кипы неразрезанных (!) книг. Там у нечищенных прудов стоят скамейки, помнящие шепот признаний. И не забыть бы Коробочку с Маниловым и Собакевичем! Не забыть бы!

Короче. Если главный герой, или (и) автор не мчатся по дорогим для них местам, то они живут оседло, вплоть до героев Чехова, Островского и Горького; обедают в урочный час и говорят, говорят, говорят... Вдохновенными перстами, так сказать, дерзают прикасаться к нервам мира.

ВРЛ действительно велика. Но городскому быту в ней не место, и это ее (ВРЛ) - грех. Есть место в ней путешествиям в карете, на пароходе, подшофе – в электричке. Есть место спорам на террасе, объяснениям в саду, семейным ссорам при свете керосиновой лампы, когда прислуга спит. Но горожанин вытеснен, пренебрежен, не допущен во святилище лучшей в мире литературы. Как не озлобиться Раскольникову? Как Ипполиту не харкать кровью прямо на глазах у дам и не манкировать неумолимой смертью?

А что же ныне? Помещиков боле нет. Их быт разрушен до того основания, за которым в старом гимне стоит слово «а затем». Значит литература наша, как вырождающийся

отпрыск благородных кровей, остается при одних путешественниках. Наш горожанин так и не залазит в литературу, по крайней мере - в ВРЛ. Он залазит в советскую «пикареску» под видом Остапа Бендера или Бени Крика. Он залазит в окопы фронтовой литературы. Он стоит за станком заказной пошлятины на темы трудового героизма. Он окончательно сходит с катушек в атмосфере богемы и модерна (одинаково дешевых, надо добавить). Еще он сидит в тюрьме (он там оказался прямо с барских задворок) и проклинает земной Ад устами Шаламова, или вещает нечто устами Солженицына. Но талантливо и прозорливо, достойно прежних образцов, он в ВРЛ не залазит. Но ведь так не должно быть! Ведь лицо современного жителя Земли это лицо горожанина. Это довольно усредненное лицо существа, могущего говорить на разных языках, но мыслящего на любом языке довольно похожими категориями. И его нужно очеловечить средствами самого гибкого и самого неподатливого языка! Ух, и задачу мы откопали, случайно ковыряясь лопаткой в песочнице.

Значит нужно искать героя. Искать, чтобы мир не умер от немоты, и чтобы камням не пришлось разговаривать. А до того, как герой найдется (с подводной лодки ему деться некуда), нужно отрабатывать первую часть ВРЛ, а именно – путешествия. Сентиментальные ли Карамзинские, или пафосно-обличительные Радищевские, может даже игорно-рулеточные и одновременно – профетические - Достоевские... Пусть растут все цветы, включая Ерофеевские, за исключением выпитого. Нужно не дать ей умереть. Ей, это – русской речи, которая (О! диво) чудотворно живет посредством воплощения даров, потенциально в ней находящихся. Даров, которые лучше всего было бы являть с кафедры и амвона. Но поскольку те, от которых это зависит, могут не понять, о чем здесь сказано, ей нужно жить иначе – посредством «говорящих камней». То есть всех творящих литературу и кормящихся от нее, обязанных своим бытием только одному факту нашей духовной истории, а именно – молчащему духовенству.

С нами Бог!

В особо торжественных богослужениях на великом повечерии мы поем чудную песню, повторяющую раз за разом, сладкие и грозные слова: «Яко с нами Бог!» На Рождественском богослужении мы вновь будем петь их и в этом году, если Бог позволит и доживем. Слова взяты из книги Исайи пророка, жившего во времена, менее всего способствующие торжеству и оптимизму. Его эпоха - это сменяющие друг друга на престоле цари, которые то рубят священные рощи и возобновляют поклонение Живущему на небесах, то наоборот, ходят кривыми путями по примеру прежде бывших идолопоклонников. К тому же, при всей своей географической малости, Израиль был окружен могучими империями, у которых в лексиконе не было слов «разоружение», «справедливость» и «толерантность». Угрозы сменяли одна другую, и каждая несла плен, рабство, смерть. И при всем этом Исайя был способен на вдохновенные речи, рожденные не самоуверенностью, но созерцанием.

«Враждуйте, народы, но трепещите, и внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите; вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог» (Ис.8:10)

Слово Божие тем и ценно, что выходит за пределы эпохи, в которой прозвучало и продолжает действовать на мир могущественно. Перечисляя беды и подсчитывая поражения, мы тоже сегодня видим себя словно окруженными врагами. Кризис идентичности, кризис финансовый, кризис демографический... Список бед и угроз не

помещается на листе формата А-4. Однако мы, как Исайя во время оно, продолжаем петь, что с нами Бог. Смысловое ударение в этой короткой фразе можно ставить как на слове «с нами», так и на слове «Бог». Смысл получается разный.

*

Если с силой произнести «с нами», то в контексте получится, что «только с нами Бог». С нами Он есть, а со всеми прочими Его нет. Пусть, следовательно, они и трепещут. Именно так думали евреи, и имели на это право, поскольку Откровение было ограничено рамками одного народа. В нашем же случае, думаю, стоит усиливать речь на Боге. С нами – Бог, а не пушки, Бог, а не деньги, Бог, а не сила мышц или личная храбрость. Деньги, пушки и храбрость могут быть тоже. Они даже желательны, но им нужно указать место и дать правильную оценку, а славу и всякую честь отдать Богу. Как и говорится в конце мирной ектении: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение...» Мы бы не прочь гордиться из-за бранничества в чисто еврейском духе, но думаю, что вопрос смысловых ударений может сыграть роковую шутку с теми, кто бесчувствен к оттенкам смысла.

*

Далее Исайя (точнее - Бог через Исайю) говорит нечто в высшей степени злободневное. Это слова, направленные против адептов «теории заговора», против людей, ищущих всюду следы вражьих козней и заговоров. Слушайте эти слова, люди, превратно объясняющие действительность, боящиеся того, чего не стоит бояться.

«Не называйте заговором всего того, что народ сей называет заговором; и не бойтесь того, чего он боится, и не страшитесь.

Господа Саваофа – Его чтите свято, и Он – страх ваш, и Он – трепет ваш!» (Ис. 8:12-13)

Вот как! Весь вопрос в приоритетах. Нужно выпрашивать Божий страх. Чтобы уже никаким иным страхом не мучиться. А люди, не боящиеся Бога, как должно, не чтущие Его свято, тревожат сердце свое пустыми баснями, и вдобавок тревожат всех окружающих. Таковых паникеров следует удалять из войска перед сражением, потому что их хлопотливая и глупая трусость хуже, чем оружие врага. Вы поняли, о ком речь?

*

Далее, в следующей уже главе, пророк говорит о Господе Иисусе; говорит то, что не может не веселить сердце радостью совпадения предсказанного и сбывшегося. «Младенец родился нам, Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный. Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Там же. 9:6)

Все это столь питательно и возвышенно, что священнику стоит превращаться по временам в жалящую пчелу, сопровождающую свои укусы напоминанием: «Читайте Писание!» нет знания спасительных догматов без чтения Писания; нет и света в уме. Настолько нет, что Златоуст гремит: «Все зло мира – от незнания Писания!» Итак, оса или овод – ужалил, разбудил, взбудрил и тут же напомнил: «Читайте Писание!» Ну, а о том, что мы, священники, должны стремиться к ежедневному чтению Писаний, как-то и напоминать стыдно.

Но в целом вдохновенная речь пророка содержит не только радость о Господе. Она содержит скрытый вопрос. Суть вопроса следующая: «Бог-то с нами, но мы с Богом ли?». Сказать по правде, это не вопрос, а нокаут.

Потребительски относясь к жизни вообще, человек и в область веры склонен перетаскивать потребительское отношение. Вспоминает о Боге множество людей лишь под напором неприятных событий и обстоятельств, когда приходится просить защиты и разнообразной помощи. Было бы все по жизни «на мази» да «в шоколаде» нужен был бы Бог большинству людей? Трудно сказать. Вы тоже не спешите с ответом. Между тем о Боге нужно постоянно помнить, Его нужно чтить и поклоняться Ему в духе и истине. Его нужно познавать, Ему нужно служить. И на вершинах подобного рода восхождений служитель Бога Истинного должен любить Его и сердцем, и умом, и силой всего телесного состава, и каждым помышлением.

*

Итак, от малых слов оттолкнувшись, скажем нечто большое. Если Бог позволит, то в ближайшие Рождественские праздники мы услышим в храмах песню Исайи с повторяющимся припевом «яко с нами Бог». Легче всего петь или слушать эти слова, акцентируя внимание на то, что с НАМИ Бог. Вот, дескать, мы какие! Даже Бог с нами. Между тем, правильнее думать не столько о себе, сколько о Нем. С нами БОГ! Живой, великий, всемогущий, добровольно умалившийся, пришедший для спасения людей, Бог с нами. То есть с кем? Ну как это, с кем? С нами – то есть с подлыми эгоистами, с лентяями и балбесами, с тайными развратниками и стяжателями, с существами, погруженными в добровольную суету. Перечень общечеловеческих грехов, как вы понимаете, далеко не полон. Однако именно с такими «нами» - Бог! Это подлинный предмет удивления.

Первая мысль (неправильная) дает повод гордиться. Вторая – позволяет изумляться и благодарить. А третья рождает вопрос. Бог с нами (Он непреложно вочеловечился, по слову литургической молитвы, то есть навсегда Себя с нами соединил), а вот мы с Богом или нет? Звучание этого вопроса в душе способно определить участь человека в вечности. Если я до сих пор не с Богом, не люблю Его и не служу Ему, то пора просыпаться от мертвой спячки. Иначе ничего хорошего меня не ожидает. Ну, и Библия. Ласковая горлица, садящаяся на плечо и воркующая о небесных тайнах с изумленной душой! Что была бы жизнь наша, если бы не дал нам Бог Библии? Так почему же мы ее так редко и небрежно открываем? Исправить надо эту ситуацию. Вот хотя бы, начав с Исайи, с глав 8-й и 9-й.

Звуки небес, песни земли

Противоречивый Лермонтов

В 2014 году грядёт двухсотлетний юбилей Лермонтова. При всей хрестоматийности Лермонтов рождает удивительно свежий отклик в каждом новом поколении, и речь не об одних лишь стихах. Проза его — «Герой нашего времени», — по признанию учителей литературы, одна из самых читаемых книг в школьном списке. К написанному и сказанному о Лермонтове в этом году будет прибавлено немало... Помянем поэта и мы.

Трудно называть его Михаилом Юрьевичем. 26 лет к моменту смерти — всего лишь...

Корнями Лермонтов уходит к шотландцам, и, может статься, косвенно отослано к нему стихотворение Мандельштама:

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?
И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине;
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Перекличку ворона и арфы Лермонтов не слышал, но что-то ему явно мерещилось, и не раз. В его роду, вроде бы, были барды, смотревшие на поэзию как на экстаз и озарение (разумеется, в языческом понимании). А на его родовом гербе написано: «SORS MEA JESUS», то есть: «Судьба моя Иисус». Если у человека кровь барда, а судьба его — Иисус, то без трагического разделения не обойтись. Таков он и есть, молодой человек Михаил Юрьевич, человек одновременно и гениальный, и трагически разделённый.

Поэт раздвоенности — так можно его охарактеризовать. Вчитайтесь-ка в эти строки:

Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

Вот это диагноз! Вот это рентген! А ведь это строки из безымянного стихотворения, озаглавленного датой: 11 июня 1831 года. То есть автору ещё нет семнадцати! А между тем мы видим семя для будущей фразы Достоевского о борьбе рая и ада на поле души человеческой. «Лишь в человеке встретиться могло...» Такое прозрение вымучивается, дарится наперёд, даётся за что-то или для чего-то? Вопросов много. Ответов нет даже у самого Лермонтова. Он не врач. Он сам мучается.

В том же 1831 году были написаны и эти бессмертные строки:

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Обратим внимание вот на эти чудесные слова: «О Боге великом он пел, и хвала его непритворна была». Непритворную хвалу Великому Богу многие считали невозможной, относя всякую молитву к области лицемерия. Лермонтов же эту хвалу слышал явно, или чувствовал. Он всегда был отчуждён, одинок. Но, в отличие от байронизма, толкующего одиночество как чувство возвышенной души в окружении плебеев, Лермонтов

проговаривается об иных истоках отчуждённости. Это — память об иных звуках! Слышится Розанов: «Иисус сладок — и мир прогорк».

Лермонтов, конечно, горд. В ту пору все поэты горды, и взвинчены, и пишут о Каине, демонах и роковых страстях. Но мальчик Лермонтов (как называет его Ахматова) проговаривается о другом. Его грусть — от несоответствия «звуков небес», оставшихся в памяти, и «скучных песен земли», звучащих отовсюду. Причём скучны и мазурка, и краковяк. По-нынешнему, скучны и панк-рок, и тяжёлый металл. Скучны они на фоне «звуков небес».

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз.
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Вспышки прозрений могут ослепить, а высота восхождений может стать причиной падения. Так понятная двойственность человека и столь сильно по временам звучащая в душе Лермонтова небесная песня — на кого делают его похожими? Господи, помилуй! На демона.

Демон знает толк в красоте. Он помнит райское пение. Ему претит мышиная возня, и он пользуется ею лишь в целях управления людьми, да и то — с презрением. Демон по своему возвышен, но горд и нераскаян. Михаил Юрьевич заворожён этой темой. Влюбиться он может только до момента срывания цветка. Потом — горечь и отращивание. «И ненавидим мы, и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...»

Он не первооткрыватель. Вся та эпоха жила в поэтическом плену у Байрона, а тот — у Мильтона. Пройдёт ещё немного времени, и бес будет выведен Достоевским как «человек ретроградный и приживальщик». Достоевский снимет с беса маску, укажет на его нравственное безобразие и внутреннюю мелкость. А пока демонизм в чести. Это синоним гордости, буйства страстей, возвышенности, отталкивающейся от низкого быта, и прочее. Лермонтов — раб этого идеологического коктейля. Он долго пишет и переписывает о демоне целую поэму, где бес — скорее мучающийся интеллигент с крыльями, а не умный дух небытия. В XX веке лермонтовский демон окончательно превращается в Клима Самгина, сеющего вокруг семени уныния и разрушения и не знающего, зачем он живёт. Зато, уйдя из литературы, демоны вошли в жизнь и уже не желают отсюда уходить.

Вершина зрелости — проза. Не умри Пушкин так рано, полнее сбылось бы его пророчество о себе: «Лета к суровой прозе клонят». А вот Михаил Юрьевич состоялся как прозаик, хотя по годам ему ещё, казалось бы, учиться и учиться. Его «Герой нашего времени» и воздушен, и опасен, и актуален. В пользу актуальности — переименование во Львове улицы Лермонтова в улицу Джохара Дудаева. Дескать, получи-ка по смерти за то, что на Кавказе воевал.

А ещё он был художник, совсем как Шевченко. Только у первого — личное томленье и сплошной экзистенциализм, а у второго — пафос народного блага, часто убивающий художника и без дуэли. Лермонтов также и храбрый вояка, ходивший на Шамиля. Его отчаянная храбрость засвидетельствована многими, а стихи вроде «Валерик» или «Бородино» — знак личного взгляда смерти в глаза задолго до самой смерти. Поэт-солдат? Это же Денис Давыдов. Да, но кто его изучает в школе и чему можно у него научиться? То ли дело — Лермонтов!

И отравлен демоническими мотивами, и горд, и двусмыслен, и неспокоен. Но сколько же всего принёс в школьную хрестоматию?

«„Спор“, „Три пальмы“, „Ветка Палестины“, „Я, Матерь Божия“, „В минуту жизни трудную“, — да и почти весь, весь этот „вещий томик“, — словно золотое наше Евангелище, — Евангелище русской литературы, где выписаны лишь первые строки», — это Розанов о Лермонтове.

А вот Ахматова о нём: «Он подражал в стихах Пушкину и Байрону и вдруг начал писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже целый век хочется подражать ему. Но совершенно очевидно, что это невозможно, ибо он владеет тем, что у актёра называют „сотой интонацией“. Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы. Слова, сказанные им о влюблённости, не имеют себе равных ни в какой из поэзий мира. Это так неожиданно, так просто и так бездонно:

Есть речи — значенье
Тёмно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно...

Если бы он написал только это стихотворение, он был бы уже великим поэтом».

Действительно, сколько неподдельного лиризма у этого мальчика, который вызвал бы меня на дуэль, назови я его при жизни мальчиком. Вызвал бы и убил бы, как убил его самого оскорбляемый неоднократно Мартынов. (О гении, молю вас: будьте осторожны!)

Иные пишут, пишут, а детям из них не прочтёшь ни строчки. А тут:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Плачем тихонько и мы, в том числе — о смерти глупой, безвременной, как бы выпрошенной. Конечно, он неизбежно пророк. Пусть даже пророк собственных несчастий, равно как и творец их. Вот он и пишет благодарность Богу из глубины своей не по годам уставшей души, где просит ранней смерти:

...За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.

То есть — за всё Тебе — спасибо, но забирай меня быстрее.

Под стихотворением дата: 1840. Совсем скоро — в июле 1841 года — у подножия горы Машук состоялась дуэль поэта с человеком, уставшим сносить его едкие насмешки и уколы. Лермонтов стрелял в воздух, Мартынов — в цель. Рана, нанесённая им, оказалась смертельной.

Печать Первой мировой

В этом году исполняется 100 лет со времени начала Первой мировой. Она закопала в землю около девяти (!) миллионов молодых людей, стёрла с карты мира четыре империи, превратила войну в беспринципную бойню, подарила женщинам избирательные права, отобрав у них мужей и сыновей...

Вся современная жизнь несёт на себе печать памяти о Первой мировой. В историческом мире совершенно обосновано звучат слова о том, что только падение Берлинской стены

и объединение Европы являются подлинным окончанием Первой мировой войны. Первой, а не Второй, поскольку Вторая была неизбежным и органическим продолжением Первой, и при желании их можно смело соединять. Но обо всём по порядку.

Есть такое выражение — «театр военных действий». Война никогда не была театром в полном смысле слова, но столетиями носила в себе элементы возвышенного и героического зрелища. Отсюда парады, конные разъезды, яркая, красивая форма и военные оркестры. Всё это существует и поныне, хотя весьма урезано в правах и смыслах. Но именно в ходе Первой мировой впервые отказались от театральной составляющей. Театр просто был вытравлен парами хлора, рассыпан оружейными залпами невиданной дотоле мощности и закопан в грязь долгого и бессмысленного позиционного противостояния.

Пулемёт «Максим», как специально указывалось конструктором, выбрасывал 666 пуль в минуту (на самом деле — за 1 минуту 7 секунд). Появившийся подводный флот соблазнял возможностью лёгкого потопления судов противника. А самолёты впервые в истории сделали небо источником военной угрозы. Война нырнула в волны, взмыла в облака и перепахала землю. Последний царь из дома Романовых одним из первых сильных земли почувствовал, что гонка вооружений (знакомая фраза?) грозит неслыханными бедами. Николай II предложил европейским державам первую в истории программу разоружения (тоже знакомое выражение). За это был номинирован на премию мира (это слышали все), но сама программа так и не была принята.

Война моторов, война железа, чугуна и стали. Война, в которой кабинетные успехи химика или инженера стоят больше, чем храбрость кавалерийского офицера. Это — Первая мировая. Человек сам должен был стать немножко чугуном, немножко сталью, немножко кабинетным теоретиком, одуревшим от статистики смертей, публикуемой в газетах.

Есть военные конфликты, а есть борьба за выживание и столкновение цивилизаций. В начале XX века впервые со словом «враг» стали ассоциировать не только армию и флот противника, но всех жителей воюющего государства. Отсюда — тотальный характер бойни. Именно потопление немцами в 1915 году гражданского лайнера «Лузитания» показало, что мишенью стали все. То есть — гражданские тоже. До гитлеровских преступлений ещё было очень далеко, а методы уже были опробованы. США вскоре вступили в войну, европейская схватка превратилась во всемирную, и похорошки полетели через Атлантику.

Когда мужчины стали гнить в окопах, их место за станками на заводах и у плуга в фермерских хозяйствах заняли женщины. Это оттуда плакаты в стиле pin-up с дамой в рабочем комбинезоне, показывающей напряжённый бицепс, мол, «мы тоже не промах». Женщина с сигаретой, женщина в пивной после рабочего дня, женщина, рассуждающая о политике и требующая права голоса на выборах, — это оттуда. И ещё: тотальная война «не на живот» требует напряжения всех сил. Всё для фронта, всё для победы! И это оттуда. Правительства вынуждены были прибегнуть к контролю за рынком продовольствия, стратегического сырья и информации. По сути, правительства стали тоталитарными, хотя и с согласия населения. Ужесточилась цензура и появилась пропаганда. Появившись однажды, они уже никогда не исчезали полностью, и последующий тоталитаризм вполне может быть признан детищем той войны.

Сегодня евреи не слушают Вагнера, потому что его сильно любил фюрер ненавистного Третьего Рейха. А тогда, в начале века, англичане отказались исполнять и слушать Баха и Бетховена, домохозяйки выбрасывали столовые приборы с немецкими торговыми марками. Мальчик с фамилией Крюгге или Цейс был обречён ходить с синяками. Из корня национализма вырос проклятый цветок идеологической ненависти, цветущий до сих пор и издающий запах. Образом врага стала собирательная карикатура «Ганса», «Ивана» и «Джона». На пропагандистских плакатах с тех пор и доньше красивый и смелый «наш» держит за шиворот (пронзает штыком, душит и прочие варианты) отвратительного врага, воплощающего мировое зло. Пропаганда становится оружием, которое мобилизует своих и разлагает противника. Кроме пуль и шрапнели на окопы теперь сыпятся и пропагандистские листовки. Их эффект часто превышает эффект боевого оружия. Но были и другие последствия.

Пропаганда так «накачивала» котёл страстей, что мир на разумных основаниях становился невозможным. Только полная капитуляция врага! Уравновешенность суждений стала звучать как измена. В милосердном человеке могли усмотреть предателя. Будущий мир после войны изображался как почти что рай свободы и счастья. Многие после этих иллюзий, столкнувшись с реальностью, не выдерживали перепада. Всё это живо сейчас и даже более живо, чем в годы появления на свет. В этом смысле (в смысле пропаганды и райских посулов) война не думает останавливаться.

Когда страна сотрясается от ударов извне, внутри у неё просыпаются те, кто не прочь изменить ситуацию. На Британских островах в 1916 году восстали ирландцы. В России активизировались крайне-левые с лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую. Турция была охвачена пожаром восставших покорённых народов, которые вскоре на развалинах Османской империи получили статус самостоятельных государств. Сформировалась та самая карта Европы, которая ещё будет неоднократно перекраиваться, и «перекраивание» которой ощущается даже сегодня.

Верденская мясорубка, стояние на Сомме, Брусиловский прорыв, несколько битв при Ипре. Прорыв фронта на милую оплачивался сотнями (!) тысяч убитых. Так было при Третьем Ипре. Потом ответный удар возвращает позиции на исходную, и опять цена — 100–150 тысяч погибших с обеих сторон. Это всё будут изучать в академиях. И поколение, пережившее это, назовут «потерянным». А пока...

Солдаты гниют в окопах. Пулемётный огонь сковал мобильность пехоты. Вши и грязь страшнее пули. Как только война закончится, вся Европа оденется в бетон заградительных линий: линия Зигфрида, линия Мажино, линия Маннергейма. И как в насмешку — всё это окажется совершенно ненужным во время Второй мировой. Слишком много нового выползло на поля сражений, словно из пасти ада.

В 1911 году изобретателя танка в Англии генералы называли сумасшедшим. Но к концу войны немцы уже говорили, что у них выиграл «генерал танк». И в воздухе в это время стало твориться неслыханное. Применяемые в начале войны только для разведки, самолёты немцев уже в 1917-м бомбили Лондон. Началось создание ПВО, над полями наземных сражений стали разворачиваться воздушные бои с участием иногда сотни самолётов. Воздушные асы становятся национальными героями. Был среди них и молодой Герман Геринг, сподвижник Гитлера, отравившийся в камере Нюрнберга.

Россия вышла из войны усилиями Троцкого и Ленина. Вышла, чтобы продолжить воевать уже внутри. Германию принудили к Версальскому договору, зарядив целое поколение немцев жадой реванша. Будущую капитуляцию Франции Гитлер заставит французов подписать именно в том же вагоне, в котором был подписан Версальский договор. Англия стала терять колонии, что со временем будут только усиливаться вплоть до полного краха системы колониализма. Америка, потеряв убитыми немало сыновей, серьёзно приобрела в деньгах. Но до Великой депрессии ей оставалось лет пятнадцать.

Война была столь ужасной, и при этом казалась столь бессмысленной, что мир был уверен — такое не должно повторяться больше никогда. Но мы-то знаем, что вскоре это повторилось, причём в гораздо больших масштабах.

Призванный устами младенца: Амвросий Медиоланский

Милан — столица итальянской моды, деловой центр, магнит для любителей красивой жизни. Всё это — пена на волнах потока времени. На глубине своей город таит бесценные сокровища. Душу города берегут его святые, и первый среди них — Амвросий, один из самых удивительных епископов в истории Церкви.

Дети кричат и шумят, громко плачут и заразительно смеются. Иногда — провозглашают истину. Из уст младенцев и питающихся грудью, во исполнение пророчеств, Христос при входе во святой город слышал: «Осанна Сыну Давидову». То, что когда-то было в Евангелии, рано или поздно, часто или только единожды, но обязательно ярко отображается в истории Церкви.

Церковь Медиолана выбирала епископа. Вот уже много столетий нам не дано понять, что это такое — выбор главного пастыря. Не понять народного шума, сопровождающего выбор; не почувствовать Духа, носящегося над избирающими. В соборной церкви города, не без претензии названного пупом земли, серединой Вселенной — Медиолан! — народ и собрание пастырей избирали предстоятеля. За порядком следил префект по имени

Амвросий. Он не был крещён, но лишь оглашён. Он покидал храм на словах «Оглашенные, изыдите». Но в этот день он не покидал храма — он представлял светскую власть. Он был не один. На улице, да и в самом храме были солдаты, готовые принудить народ к порядку в случае, если вспыхнет волнение. И мера такая была не лишней. Часто выбор архипастыря доводил кипение мнений до угрозы беспорядков. Вот и сейчас выборы шли, но само избрание не совершалось. Как часто бывает, лебедь рвался в облака, рак пятился назад, а щука тянула в воду. Вдруг детский голос резко выделился на фоне приглушённого многоголосья.

— Амвросий епископ! Амвросий — епископ!

Какой-то ребёнок, совсем ещё маленький, на руках у матери настойчиво, как будто с властью, твердил имя некоего Амвросия, пророчествуя городу епископа с именем напитка олимпийцев, дающего бессмертие. Амброзию пили, как баснословят греки, весёлые и грешные боги Олимпа. И в этом туманном образе при желании можно найти намёк на то, что человек был отогнан от Дерева Жизни, — для бессмертных есть бессмертная еда.

Амвросием был назван при рождении префект, вздрогнувший при звуке своего имени. Взоры молящихся стали искать того, чьё имя прозвучало и продолжало звучать. Ребёнок не умолкал, настойчиво повторяя то, что внушил ему Бог. Амвросий найден наконец. Вот он.

— Но я не крещён. Я только оглашён. Я здесь по долгу службы. Меня нет в списках верных.

Отцы не внимали отговоркам. Дыхание Духа было знакомо многим. И то, что это не просто крик, понимали пожилые мужи в красивых одеждах, доходящих до пола. Амвросий был взят для беседы, где был спрошен о начатках веры, о воспитании, об образе жизни. Сомнений не было. Перед отцами стоял человек с сильным характером, образованный, ясный взором, обещающий многое.

— Ты будешь епископом. Это воля Бога!

Ночью Амвросий ушёл из города, ушёл из «пуха земли» куда глаза глядят. Он убегал от благодати и тяжелейшего креста, потому что не искал ни того, ни другого. Вымочив ноги в росе и совершенно обессилев, в предрассветном тумане он упёрся в стену неизвестного города. Боже! Это был опять Медиолан, снова Медиолан, как будто теперь к нему, а не к Риму, вели все дороги. Дело было решённым — епископом стать придётся. Мало того — придётся пройти все степени посвящения быстро, в несколько дней. Крещение, первое принятие Причастия, диаконство, священство, наконец — архиерейство. Посох в руках, на плечах — омофор и перед глазами — море лиц, ожидающих первого слова и первого благословения.

Так, неожиданно став епископом, Амвросий ощутил всем существом, что это такое — быстрое восхождение по ступеням. Идущий быстро вверх страдает одышкой. Новый пастырь Медиолана стал строго следить за поставлением в священные должности. Неготовый пусть учится, недостойный пусть отойдёт. Иначе поколеблется Вселенная.

Из историй, связанных с Амвросием, больше всего известна его строгость к императору Феодосию. В далёких Фессалониках народ восстал. Тот велел солдатам обнажить мечи. Пролилась кровь. Где Фессалоники, а где Медиолан? Но царя, идущего к Причастию

в Медиолане, Амвросий остановил прилюдно: «Отойди! Ты недостойн!» Тот, кто сегодня боится участкового милиционера или начальника районной администрации, не может даже издали представить, какой славой окружён был император Рима, какое раболепие и страх рождал он в подданных. Соответственно, трудно понять поступок Амвросия. И это не был отчаянный шаг наподобие обличительной речи в адрес тирана, после чего «пан или пропал». Это был спокойный и твёрдый поступок человека, прочного, как алмаз. Церковь Христа смотрела на Феодосия глазами Амвросия, и царь сделал шаг назад.

Здесь можно отступить от темы и посетовать на редкость подобных смиренных для власти событий. Поведение Амвросия — редкость и для Запада, и для Востока. Курбский из Литвы писал о злодействах Грозного и горевал, что нет Амвросия. А если есть (в лице Филиппа), то царь не сделает шаг назад, а сделает, наоборот, шаг вперёд и повелит казнить не в меру рьяного владыку. Но нужно понимать, что одно яркое событие — лишь звено в цепи других. Не проводи Амвросий ночи без сна, не погружайся он умом во всякое свободное время в тексты Писания, не учи он народ регулярно, разве была бы сила противопоставить крест короне?

Амвросий — учитель. Это самое главное. Он обрабатывает грубые умы, объясняя возвышенные тайны, выраженные простым языком Библии. Таким мы видим Амвросия в изображении Августина. Этот сын Северной Африки, эта бездонная душа так, быть может, и бродила бы по распутьям, если бы не проповеди медиоланского пастыря. Августин, наученный манихеями, смеялся над Шестодневом, презирал то, что казалось ему безыскусным и пригодным только для черни. А Амвросий с кафедры преподавал народу и мёд, и молоко, и твёрдую пищу. И гордый знаниями учитель риторики из Тагаста понял: «Если есть такие епископы, то Истина только в Кафолической Церкви». Он описывает нам Амвросия вечно занятым, вечно окружённым людьми. Если же отдыхающим, то непременно читающим книги про себя, то есть не вслух, а лишь водя по строкам пальцем. Это было редкостью, поскольку в те времена читали только вслух. Мудрость, святость, всеобщее уважение к епископу пленили тогда ещё весьма тщеславного Августина. Одного только он не мог ещё понять, принять и понести в жизни Амвросия, а именно — отсутствия женской любви. Ещё не наступил перелом, ещё Ангел не пропел Августину на ухо: «Бери, читай!». Потом, когда всё это произойдёт, Амвросий покрестит Августина и подарит миру такой просвещённый ум, что многие столетия после будут его должниками.

Проповедующий епископ, словом глубоко проникающий в некую избранную душу. Где мы видели это ещё? Пушкин, слушающий святителя Филарета, — вот где.

Я лил потоки слёз неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей...

Великий человек, словом проповеди переворачивающий душу в другом великом человеке, способном повлиять на целые поколения! Проходите мимо этого зрелища, если хотите, а я не могу не остановиться и не вздрогнуть от встречи с чудом. Филарет — Александр. Хочется крикнуть: «Ещё, ещё!»

Амвросий был постник и подвижник. Он не играл в христианство и не пользовался епископством. Он служил Христу и распинался за паству. Если нужно плоть умертвить, то, значит, нужно умертвить. Воля римлянина, принявшего благодать, способна творить чудеса аскетизма. И если истончается тело, если обостряется ум, если сердце даже во сне

произносит имя Иисуса, то невидимый мир приближается к человеку. Так однажды во время долгого воздержания Амвросию явились двое в белых одеждах. Тени — не тени; Ангелы — не Ангелы. Они явились дважды и назвали свои имена. А потом указали место, где лежат их, за Христа изувеченные, тела. Их звали Протасий и ГERVасий. Епископ нашёл место их погребения и обрёл тела двух мучеников, пострадавших в первом веке.

Такие события — великое торжество Церкви, подобное обретению Креста при Елене. Земля отдаёт сокровище, из многих глаз льются слёзы, которые невозможно сдержать, в воздухе разносится благоухание, умножая радость, Бог благоволит творить через новообретённые мощи чудеса. Кафедра Медиолана укрепляется невидано. Трудно сказать даже, кто более славен: Рим или престол Амвросия? Здесь свой литургический чин, отличный от римского, и епископ сам пишет многие песнопения. Одно из них — *Te Deum*, или «Тебе Бога хвалим», — доныне поётся и на Востоке, и на Западе. Так в трудах он проводит дни — рыцарь веры, поэт и духовный воин, избранный на епископство детским криком.

Он просил похоронить его вместе с мучениками, тела которых обрёл. На его лицо не положили серебряную маску, и он почивает в полном облачении между Протасием и ГERVасием, лежащими справа и слева. Епископская митра надета просто на череп, на мощи. Глаза, некогда грозно смотревшие на Феодосия и умно сиявшие на Августина, который стоял среди слушавшего проповедь народа, на время перестали сиять. Они на время уступили пустоте глазных впадин, но непременно опять засияют в день воскресения мёртвых. Обновится плоть и оживут кости. Как от долгого сна, поднимутся лежащие рядом Протасий и ГERVасий. Поднимутся и попросят благословения у епископа.

— Благослови, владыко.

— Нас благословит Тот, Кому служили вы и я, — ответит Амвросий и молитвенно сложит ладони, как не делают на Востоке, но как принято на Западе до сего дня.

Тогда он, носящий имя в честь напитка, дающего бессмертие, обретёт бессмертие подлинное и поток сладости, которым напояются святые. А пока его телу лежать под алтарём любимого храма, а нам преклонять колени у решётки, которой мощи отгорожены от молящихся.

Там мы его и видели в бытность в Милане, там и смахнули слезу, там и коснулись лбом холодного напольного мрамора.

Приближаясь к колыбели

Рождество на пороге, и скоро ангельская песнь возвестит пришествие в мир Христа Спасителя. Мысли тех, кто любит Его, в эти дни прикованы к моменту, когда земная жизнь чудесного Младенца лишь начинается...

Хотели бы вы, забирая новорождённого из роддома, получить в нагрузку книгу с описанием его будущей жизни? Страх, правда? Вот где страх подлинный и неподдельный.

Книга была бы весьма объёмной в том случае, если бы языком Толстого, или Тургенева, или Джойса в ней описывалось детство, отрочество, юность. Перипетии взросления, привычки, страсти, мечты, друзья... Планы достигнутые, идеи реализованные; планы, растаявшие, как Снегурочка; идеи, отлетевшие, как сон... Не все доживают до старости, но если старость и не была бы предусмотрена, — всё равно книга была бы толстой, возможно — многотомной. Трудно было бы удержаться от того, чтобы прочесть оглавление или пролистать последние страницы! Что там? Как там? Последний вздох, подпись на завещании, а может, «пропал без вести», «братское захоронение»...

Но книга могла бы быть и тоненькой. Даже не книга уже, а так — тощая тетрадка или папка с двумя листками. Это в случае, если жизнеописание было бы дано в виде сухой биографии, вроде тех, что пишут при приёме на работу или в некрологе. Родился, учился, женился. Супруга, дети, имущество. Стоял на учёте, лечился от... Умер в возрасте N лет.

Эта жалкая версия земной биографии, пожалуй, страшней, чем объёмная. Всё же, когда холм насыпан, крест водружён и лития пропета, лучше оставить по себе подобие романа, нежели подобие жалкого меню в дешёвом ресторане.

Жизнь каждого человека — это материал как для многотомника, так и для единственного листка с сухими датами. Но, согласитесь, какое это всё-таки томительное счастье — оставаться в неведении! И какое милостивое чудо то, что, получая в роддоме из рук санитарки драгоценный конверт с пятидневным сокровищем, мы не получаем в нагрузку точное знание о будущей жизни новорождённого! О возлюбленные! Как ни лезем мы иногда в будущее, как ни стремимся отодвинуть занавеску на окнах земной темницы, — лучше не заглядывать далеко, лучше не знать, что будет завтра.

Но вот тёплый праздник в холодную пору года опять привычно приближается к нам. Рождество приближается к нам, и мы через Рождество приближаемся к Богу. Ведь мы идём к колыбели, не правда ли? Мы идём к Новорождённому и Его Матери. И вот теперь нам пригодится всё, что было сказано несколько выше.

Мы идём к колыбели Ребёнка, Чья жизнь нам известна. Здесь не стоит гадать и спрашивать: что же из Тебя вырастет, Маленький? Не стоит раскладывать перед Дитём книгу, машинку, рабочий инструмент, надеясь, в зависимости от того, к чему Ребёнок потянется, угадать Его судьбу и род занятий. Всё уже известно. Разложив перед Сыном Марии много вещей из мира взрослых, мы рискуем увидеть, как Он потянется к рубанку или пиле, которыми будет зарабатывать на хлеб рядом с Иосифом. А потом, возможно, Он возьмёт в ручку гвоздь, и никто из нас не ошибётся с ответом на вопрос «почему?».

Он пришёл страдать, умирать — и потом разрывать смертные оковы. Поэтому в Символе веры сразу после слов о вочеловечении идут слова «и страдавшая, и погребена. И воскресшая в третий день...» Но страдать нужно будет в возрасте совершенной жертвы, в зрелости. Поэтому нужно будет сначала расти, проходить поступательно детство, и отрочество, и юность, наполняя Собою человеческую природу.

Если люди в толстых книгах описали подробно и увлекательно своё и чужое детство, а Он Своё детство от нас утаил, то не потому, что Его детство было менее интересно, нежели наше. Наоборот, именно уверовав в Него, люди стали способны создавать то, что называется детской литературой. В детстве, в котором долгими веками люди видели только слабость, глупость и лишний рот, совсем не так давно научились видеть свежесть, святость и трогательную наивность. Посольством иных миров стали дети в новое время. Только в новое. И лишь потому, что Он сказал: *Таковых есть Царство Небесное*, — и ещё потому, что Сам Он был ребёнком.

Вот уже много столетий для всех христиан Иисус — это Младенец, в нагрузку к празднованию Рождения Которого людям выдаётся книга о Его жизни — Евангелие. И надо идти к Младенцу, помня обо всём, что будет. Будет крайняя простота в детстве и юности, будет полная неразличимость с миром простых людей. Ведь действовать нужно вовремя — не позже и не раньше. А потом, когда Иоанн проповедью даст знак, поднимется вихрь событий — от Крещения на Иордане до самой Голгофы, и далее до слов *Я с вами во все дни до скончания века*.

Никто не дарил и не обещал человечеству больше, чем Иисус Христос. Своим Воскресением Он окрылил человечество надеждой на окончательную победу и подлинную вечную жизнь. Закваску бессмертия Он уже вложил в род наш. Но Он и растревожил многих, смутил, измучил загадками, истомил тяжестью вечных вопросов. Люди будут недоумевать о Нём, спорить, злиться, сомневаться. Они будут листать старые книги, размышлять по ночам, вопрошать Небо, отчаиваться. Они будут приходить к вере и отпадать от неё, будут воевать с Ним и потом склоняться перед Ним же, когда благодать растопит лёд упрямства. Так будет и при Его жизни, и после Его

Вознесения даже до конца истории. О, Великий Царь родился нам в городе Давида! Это такой Царь, который даже в детстве не будет играть мягкими игрушками. Верите ли, что Он — Царь, и даже больше, чем Царь?

Не беря в руки оружия, Христос объявит и возглавит такую войну в истории человечества, какую не под силу вести обычным владыкам и полководцам.

Не покидая за время земной жизни Палестины, Он после Воскресения, дориносимый Своими служителями, в Тайнах и книгах, в чудесах и знамениях посетит все континенты, содействуя проповедникам и покоряя вере народы. Сегодня повсюду на земле есть следы присутствия Христа и веры в Него.

Он мог родиться в царской палате и в любой роскоши, но родился в пещере, потому что Царство Его не от мира сего. «На земле — мир!», — пропели Ангелы над головами пастухов, но Он добавит потом: «Не мир, но меч!» — потому что любовь Его зрячая. Она не смешивает добро и зло, но различает и разделяет, благословляет одно и проклинает другое.

Мы умиляемся детству, страстно влюблены в сильную и здоровую молодость и боимся старости. А Он? Ему не дано постареть. Это не Его чаша. Он должен будет умереть молодым и воскреснуть. Что же до детства, и юности, и зрелости, то всюду Он — Царь. Простой, без потери величия; иногда незаметный, как воздух, но такой же необходимый; сильный, хотя и не окружённый страхом.

Человек будущего

Захотелось мне однажды нарисовать словесный портрет идеального молодого человека. Или молодого человека, стремящегося к идеалу. Зачем? Затем, что ближайшее будущее находится в руках молодых людей. Будущее Церкви — тоже...

Я начал рисовать, то есть подбирать определения, и быстро поймал себя на том, что получается что-то очень знакомое, словно где-то виденное.

Идеальный молодой человек умён. Он любит учиться. Вижу светлое чело, склонённое над книгой. У него нет вредных привычек, вместо них — любовь к спорту. Он мускулист и подтянут. В одной руке у него книжка, в другой — спортивная сумка с теннисной ракеткой или волейбольным мячом...

Вот на этом этапе я поймал себя на мысли, что, кажется, я не рисую, а срисовываю. Мой юноша явился из иллюстрации то ли к Букварю, то ли к другим советским учебникам для более старших классов. Там главный персонаж гладит брюки по утрам, делает зарядку, переводит бабушку через дорогу, успешно осваивает преподаваемые науки, любит активный отдых и излучает непобедимый оптимизм.

Так я с удивлением обнаружил, что в попытках нарисовать идеальный образ молодого человека мы можем с лёгкостью соскользнуть на ошибочный путь. А именно — взять плакатного комсомольца и превратить его в идеал путём надевания крестика на шею.

Есть над чем подумать. Что плохого в советском воспитании? Вроде бы ничего. Есть там место и труду, и уважению к старшим, и патриотизму, и бескорыстию, и дружбе, и науке.

Казалось бы — только дайте этим людям веру и молитву — получите святых. Так многие и говорят: советская власть + Православная Церковь = Святая Русь в силе и действии.

Но это великая неправда или богословская ошибка, несущая катастрофу.

Над советским идеальным человечком — плакатным ли, мультяшным, всё едино, — не было Неба и не было Отца, Который на небесах. Зато в нём, в человечке, был грех, который в Букваре не изображался. Грех вообще в расчёт не брали, сводя его только к социальной несправедливости.

Вот нарисовано, как мальчик поливает фикус. Но ведь не нарисовано, как тот же мальчик в припадке бешенства после ссоры с мамой разбивает горшок с фикусом об пол. Нарисовано, как он моет посуду, но не нарисовано, как он наотрез отказывается её мыть. И всё остальное — глупое, злое, агрессивное, похотливое, поселившееся в человеке, — тоже не нарисовано. А ведь оно было. И оно остаётся. Мы ведь помним, как быстро полинял и испарился тип советского неверующего праведника сразу после крушения системы. Исчез коллективизм, исчез трудовой подвиг, в Букваре появились другие рисунки.

От картинок прошлого, засоривших область ума, приходится избавляться не без усилий. Но мой вопрос остаётся: каким же будет он, тот собирательный образ молодого человека, в чьих руках окажется ответственность за жизнь и за Церковь?

Он будет не плакатен, таков, какого не нарисуешь. В Церковь, к Богу он будет идти совсем не так, как первоклашки в бантах скачут на Первое сентября. Он будет идти с боями и сквозь окружение.

Число людей, приходящих к Богу с детства благодаря домашнему воспитанию, будет не очень велико. Во-первых, нормальных православных семей мало. Во-вторых, воспитывать мы ещё не научились. В-третьих, дети родителей слушаться не хотят, и вообще, мир меняется так стремительно, что к нему привыкнуть не успеваешь. К Богу молодёжь будет приходить драматически.

Одни придут от большого ума и знаний. Мифическая вера простецов давно умерла. Её заменило суеверие невежд. И будущее веры — за умом и жаждой истины. Поэтому привычная для ума Церковь села` и крестьянства уступит первенство Церкви города и студенчества. А где не уступит, там исчезнет.

Другие придут от невыносимого стыда и от непроизносимых гадостей. Не придут, а приползут, причём в слезах и с чувством, что больше идти некуда. Таких будет большинство, потому что умнички, пришедшие через книгу, всегда немногочисленны. А вот большинство будет развращаться, нравственно гнить, узнавая в десять лет то, чего раньше не знали и не изведали семидесятилетние. И если не сойдут с ума от неестественности, если не умрут наутро от тоски после очередной вечеринки, если не озлобятся до состояния демона, то приползут каяться. Так и начнут спасаться. Со временем другим помогут спастись.

Есть ещё нравственно и религиозно гениальные люди, которым относительно легко (за чистоту и простоту) дается то, что всем вообще дается с кровью и потом. Есть мистические натуры, которые до прихода в Церковь Христа Спасителя успеют побывать умом на Востоке и на Западе, поискать «просветления», узнать о чакрах, мантрах

и кармах. Эти тоже, если не потеряются среди улыбчивых демонов, погружённых в медитацию, станут людьми молитвы и духовного труда.

В любом случае в Церковь будут приходить спасаться. То есть будут приходить те, кто погибал, и именно затем приходить, чтоб не погибнуть. От данной картины не веет лживым оптимизмом, и нарисовать её труднее, чем иллюстрации к Букварю.

Что пожелал бы я этому обобщённому молодому человеку, человеку будущего?

Желаю ему освоить какое-либо ремесло, чтобы, независимо от должности и образования, его же руки всегда могли дать ему хлеб.

Желаю ему посмотреть хоть немного мир, чтобы перестать ругать свою собственную землю и понять, что со времён грехопадения всюду всё примерно одинаково.

Желаю, по приезде в любой город или село, идти на кладбище с молитвой, потому что жившие раньше нас, скорее всего, были лучше нас. Не хуже — точно.

Желаю научиться терпеть боль физическую и нравственную, но как можно меньше той и другой причинять окружающим.

Ещё — относиться к деньгам как к деньгам, а не как к богу, и уметь делиться заработанным.

Ещё — меньше грешить, чтоб с ума не сойти.

Ещё — искать счастья в семье. Если там его нет, то нигде нет. Притом, что и монастырь семья, а если не семья, то это и не монастырь.

Ещё — много читать, но знать, что самая великая книга — Евангелие.

Ну и последнее: знать, что грех будет завоёвывать всё больше и больше места в сердцах людей и в их сознании. Облегчённо-прохладительного христианства не будет. Будет труд и исповедничество. И значит, главные из ожидаемых качеств — это трудолюбие и верность.

Петрович

Мужественных людей видели все. Все видели пилотов, гонщиков, боксёров, космонавтов, парашютистов. Видели хотя бы по телевизору. В их деле без мужества никак.

Но и в обычной жизни мужество — качество полезное. В случае угрозы мужественный человек идёт на врага молча и спокойно, и при некотором умении бить у мужественного человека может получиться зрелищный нокаут...

Но что если враг — не мужчина — и умение бить не спасёт? Что если враг и не женщина — и его не размягчишь цветами и комплиментами? Что если враг вообще не человек, но нападает на тебя вполне конкретно и воюет без передышки? Если враг — болезнь? В этом случае говорить о мужестве тяжелее, чем в случае с парашютными прыжками или спаррингами в подворотнях.

Вы видели мужественных больных? Я вспоминаю одного.

Я зашёл к нему в дом по просьбе его жены. Алексей Петрович — так его звали — лежал на широкой и чистой постели в большой и ухоженной львовской квартире. За окнами шумел, вонял, трезвонил и гудел клаксонами раскалённый летним солнцем каменный город с дефицитом зелени и узкими улицами. С горячих крыш вспархивали голуби. Жидкие облака летели по небу, словно желая побыстрее покинуть городскую черту.

А здесь, на втором этаже углового дома, было прохладно и чисто, сиял паркет (явно австрийский, а не современный), в клетке урчал и грыз прутья попугай с пёстрым хохолком, и в широкой постели лежал хозяин — разбитый параличом мужчина лет сорока пяти.

Я причащал его в первый приход. Потом соборовал и снова причащал. Но главное — мы общались. Петровича парализовало после автомобильной аварии. От него сразу ушла жена, сказав, что она ещё молода и хочет «жить, а не ухаживать за овощем». Пожить ей Бог судил недолго — разбилась насмерть очень скоро в другой автомобильной аварии. С Петровичем теперь жила другая женщина, настоящая жена и подруга, способная полюбить там, где большинство способно только убегать. Когда мы познакомились, его тело было мертво в части ног. Руки действовали, и с боку на бок он переворачивался ещё самостоятельно.

Алексей Петрович любил порядок, жена его чисто брила, регулярно массировала и вообще держала в доме какой-то немецкий *ordnung* с налётом славянской душевности. Удивительным было то, что больной самостоятельно зарабатывал. Он, будучи профи в сфере юридической, выдумывал и отшлифовывал какие-то схемы отправления людей зарубеж, открытия и закрытия бизнеса, чего-то ещё, чему я имени не знаю. Дом его наполнился приходящим и уходящим людям. Скучно не было.

Руки Петровича работали неодинаково. Правая гнулась и слушалась гораздо хуже левой.левой рукой он нажимал на кнопки телефона и то и дело прерывал наши беседы приёмом звонков и точечной консультацией. Он поразил меня тем, что на его месте тысячи людей сдулись бы, как воздушный шарик, сморщились бы и улетели в форточку, озлобились бы на весь мир. А наш пациент был бодр, как «морж» после выхода из проруби. Я помню, как однажды моя душа перед пробуждением — это странное время между сном и бодрствованием — ощутила себя в таком вот полупарализованном теле. Помню, с каким ужасом я проснулся и стал шевелить, двигать ногами, руками, корпусом и головой.

Проблема усложнялась тем, что болезнь прогрессировала. Паралич распространялся, как клякса по промокашке, превращая тело Петровича сантиметр за сантиметром в подобие дерева. А он был всё так же весел и бодр. Он был мужествен. По-настоящему.

Я не чудотворец, и от моих молитв здоровье к больному не вернулось.

Мы какое-то время общались. Потом отдалились и встретились снова через пару лет. Он жил уже в другой квартире, тоже в старой части города, тоже аккуратной и чистой, но поменьше. Причины переезда были прозрачны — зарабатывать, будучи прикованным к постели, всё же нелегко. Верную жену возле больного сменила сиделка. Жена не ушла, нет-нет. Не подумайте. Она просто на каком-то этапе смертельно устала, и Петрович, не желая видеть увядание любимой женщины, уговорил её уехать, кажется, в Австралию. Документы, канал миграции, маршрут придумал и оформил сам. Теперь они ежедневно созванивались, и она, говорят, плакала в трубку.

О прошлом напоминал попугай, бурчавший в клетке и периодически грызший прутья. У Петровича работала уже только левая рука и нос. Носом он иногда нажимал на кнопки телефонного аппарата, стоявшего на столике рядом. Телефон всё так же разрывался от входящих звонков, в прихожей всё так же уходившие визитёры сталкивались со вновь пришедшими. Но было очень грустно.

Ты не видишь чужих детей какое-то время, а потом при встрече восклицаешь: «Ой, как вы выросли!». Здесь было нечто подобное, только в печальном варианте. Выросли не дети. Выросла и усилилась хворь, и мёртвость шире растеклась по телу.

Перемены не было только в глазах и голосе больного. Он по-прежнему излучал энергию и оптимизм. Он жадно требовал новостей, спрашивал, слушал, обсуждал услышанное. И я любил его, но мне было как-то стыдно, что я пришёл на своих ногах и могу при разговоре жестиковать обеими руками. Было как-то неловко от того, что вот я со временем встану и спущусь по лестнице вниз, выйду на улицу, вдохну серую слякоть, взвешенную в воздухе, и подниму воротник пальто. А вот Петрович останется на месте, и не встанет, и не оденется, и не спустится вниз, застёгивая на ходу пуговицы или закутываясь в шарф.

Всех, с кем пересекался по жизни, помнить невозможно. Но и забыть некоторых тоже нельзя. Человек может быть очень красив, или очень богат, или очень уродлив, или очень беден. Он может быть очень честен, или, наоборот, очень подл. В любом случае, если слово «очень» можно прибавить к характеристике человека, шансы забыть его у вас уменьшаются.

Петрович был очень мужествен. Так я говорю себе спустя многие годы, если тема мужества почему-то захватывает меня. Альпинисты, парашютисты, дайверы, байкеры и десантники тогда смиренно отодвигаются в сторону, уступая в сознании место мужчине, лежащему в чистой постели рядом с телефоном. В его глазах нет уныния и голос у него бодр. Даже на жизнь он зарабатывает сам, не покидая постели, нажимая на кнопки носом и шевеля извилинами.

Проснувшись среди ночи, шевеля не столько извилинами, сколько ногами и руками, чувствуя, что могу встать с постели, я временами вспоминал Петровича. Я удивлялся ему и стыдился себя. Стыдился слабости, нытья, уныния, того полного бессилия, что часто овладевает здоровыми и сильными людьми, которых на одной силе воли обгоняют по жизни слабые и больные. Оставался только вопрос: эта стойкость и мужество — это

врождённые качества или воспитанные? Если врождённые, я замолкаю. Такое наследство мне не передали. А если воспитанные, то как? Какими упражнениями, какими мыслями?

Это вопрос в воздух. Это вопрос белеющему потолку среди ночного безмолвия. И сами гении не знают всех секретов собственной гениальности. А может, одному только попугаю с пёстрым хохолком открыто нечто, и по ночам он слышит жалобные стоны и всхлипывания?

Под эти мысли я иногда засыпаю, чтобы, проснувшись утром, обеими руками сбросить с себя одеяло и медленно сесть на кровати. Сначала сесть, а потом встать на обе ноги.

Твоя книжная полка

Разумное

Милан Кундера. Шутка

Вопреки рекламным слоганам, жизнь не становится легче. Она все так же требует платы за каждый промах и неверный шаг. В ней нет черновиков и все сделанное пишется сразу на чистовик, как в контрольной. Одно слово, сказанное шутя, несколько фраз, «по приколу» нацарапанных в записке, — и вот твоя жизнь пошла совершенно неожиданным путем. Как ракета, изменившая движение на полградуса, с течением времени отдаляется от заданного маршрута на тысячи километров, так и ты из-за мелочи оказался не там, где мечтал.

Но не думай мстить кому-то. Виноват ведь ты. И не думай вернуться в прошлое — в него, как в реку, не входят дважды. Впрочем, и не отчаивайся — это главное.

Об этом чудная по смыслу и легкая по стилю, удивительная на поворотах и изгибах сюжета книга современного чешского писателя Милана Кундеры.

Доброе

Федор Достоевский. Братья Карамазовы

О Достоевском нужно говорить много — или не говорить ничего. Больше всех писателей этот человек пером потрудился для Христа и ближнего. Несколько страниц любой из его книг вдохновляли Энштейна сильнее любого ученого трактата. Ницше и Шпенглер на старости лет начали учить русский, чтобы читать Федора Михайловича в подлиннике. Любой из его больших романов — это билет на космический корабль и полет на «планету Достоевского». А оттуда уже рукой подать до Евангелия и святоотеческой литературы.

Не надейтесь, что это чтиво принесет вам отдых. Федор Михайлович возьмет вас за руку и потащит сквозь душные дворы и грязные распивочные, сквозь монашеские кельи и залы дворянских собраний, сквозь чад страстей и атеистического безумия — к тому Свету, который сияет вечно.

Итак, перед нами последний и лучший из его романов, в котором гений Достоевского как выдержанное вино достиг максимальной концентрации вкуса, цвета и запаха.

Не отмазывайтесь экранизациями и не ссылайтесь на хрестоматию. Такого вы еще не читали!

Вечное

Авва Дорофей. Поучения

На людей, хватающихся за высокое и пренебрегающих малым, Бог может гневаться. И труды таких людей всегда безуспешны. Пришедши к вере, воцерковляясь, человек может сразу схватиться за великих мистиков, к примеру, за творения Симеона Нового Богослова, может не читать ничего, кроме «Добротолюбия». Плоды такой деятельности могут быть неожиданными — вплоть до духовного надлома и потери веры. Начнем же с главного...

В Оптиной пустыни эту книгу советовали перечитывать каждые полгода. В ней есть простота, довольная для мудреца, и необходимая мудрость для всякого простеца. Она пришла к нам из 6 века. В духовном смысле она зачитана «до дыр». Как умением читать многие овладели с помощью азбуки, так с помощью этой книги множество христиан научилось терпению, вниманию к себе, деятельному смирennemудрию, любви к ближнему.

У нас в руках поучение преп. Аввы Дорофея. Перекрестившись, открываем страницу — и в путь!

В корзину!

«Творческое наследие» Паоло Коэльо

Он пишет коротко, но он не Чехов. Он «латинос», но он не Борхес. Его стиль — притча, но, Боже милостивый, как он далек от Соломона!

Кем он только не был — социалистом и анархистом, ловеласом и гомосексуалистом, искателем истины в наркотических грезах... Теперь он учитель человечества. Книги его по объему невелики: ровно такие, чтобы по дороге на работу в метро начать, а по дороге домой с работы — закончить. Их обаяние заключается в том, что прочитавший одну из них может считать себя держащим руку на пульсе или приобщившимся к современной литературе.

Каждая эпоха имеет своих бабочек-однодневок, о которых говорят все и которые в следующую эпоху не попадают. Во времена Достоевского «все» читали Поль де Кока. Кто теперь о нем знает? Перед революцией кумирами читающих были Арцыбашев, Гаршин... Кто их теперь помнит? Сегодня все читают Коэльо. Но кто о нем вспомнит лет через тридцать?

Если Вы потратили деньги на его книги, вам их никто не вернет. Никто не вернет вам и потерянного времени. Наш совет: берите «Алхимика», «Дьявола и леди Ди», берите «Одиннадцать минут» и «На берегу Рио Пьедра...» — в общем, все, что у вас есть этого автора, и — смело «кликайте» это все в мусорную корзину!

Пророчества Воскресения

Признак мудрости — интересоваться привычным. Что же до веры, то не привыкать к ней, а переживать её как вечно юную есть высшая мудрость. И с интересом открывать то, что казалось знакомым, — начало бессмертия.

В Символе веры мы поём о Христе: «И страдавша, и погребенна, и воскресшаго в третий день по Писанием». Что за Писания говорят о Воскресении? Где эти Писания, если ученики Христа, слыша об этом, спрашивали друг друга: «Что значит воскреснуть из мёртвых?»

Без Духа Божия и без благословения Христа Писания закрыты от человека. По Воскресении Христос явился ученикам, и только *тогда отверз им ум к уразумению Писаний* (Лк. 24, 45). И о евреях говорит удивительный Павел: *Умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остаётся неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается* (2 Кор. 3, 14–16).

Слова Символа о Писании тоже взяты у Павла. Весь Символ составлен из библейских цитат, за исключением слова «единосущный». Итак, слово апостола: *Я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребён был, и что воскрес в третий день, по Писанию* (1 Кор. 15, 3–4).

Прообразом Жертвы Христовой было жертвоприношение Исаака. Тот нёс дрова на гору и покорно лёг под нож, и Господь Иисус нёс Крест на Голгофу и позволил Себя распять. Григорий Палама говорит даже, что, когда Авраам не усомнился положить сына на жертвенник, он обязал Бога со временем послать в мир Единородного и Возлюбленного Своего. Раз среди людей нашёлся тот, кто послушен Богу до непостижимой степени, так и Богу нужно идти до конца в спасении людей.

В сердце Авраама Исаак был заклан. В сердце Исаака тоже произошёл переход в иную реальность. Но спустились они оба живыми с горы, и Исаак шёл как воскресший. Это было *на третий день* (Быт. 22, 4) пути от дома. Отрокам Авраам сказал: *Я и сын пойдём туда и поклонимся, и возвратимся к вам* (Быт. 22, 5). А ведь нож был в руке у него! По этому поводу апостол Павел говорит: *Верую Авраам, будучи искушаем, принёс в жертву Исаака и, имея обетование, принёс единородного, о котором было сказано: в Исааке наречётся тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мёртвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование* (Евр. 11, 17–19). Вот великое и таинственное свидетельство Писания о прообразе Жертвы Христа и о вере Авраама в воскресение.

Об Ионе сказано: *И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита... И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу* (Ион. 2, 1–2, 11).

Это пребывание пророка внутри морского животного было совершенным подобием схождения живым во ад, поскольку само море представлялось евреям областью страшной и населённой чудовищами. Всемогущая сила Божия в том и является уму древних, что Бог владычествует над морем, полагает предел стремлению его волн, сокрушает змеев в глубинах, полноправно владычествует над этой страшной стихией. Итак, Иона был в аду, и был жив! Более того — молился там. Что это? Вот что: *Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12, 38–40).

Уже сказано много. Нужно пережёвывать тщательно и усваивать преподанное. Но идём и далее. У Осии в шестой главе читаем: *В скорби своей они с раннего утра будут искать Меня и говорить: «Пойдем и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил — и Он исцелит нас, поразил — и перевяжет наши раны; оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицом Его. Итак, познаем, будем стремиться познать Господа; как утренняя заря — явление Его, и Он придёт к нам, как дождь, как поздний дождь оросит землю»* (Ос. 6, 1–3).

Вообще люди, слепшие над Книгой и убелявшиеся сединой в изучении слов Вышнего, смиренные мудрецы ветхого Израиля говорили ещё в дохристианские древние годы, что всё Писание говорит о Мессии. Просто нужно уметь это замечать и понимать. Просто нужно иметь уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть. Просто...

О Христе говорится в законе Моисеевом, у пророков и в псалмах. Так, Сам Христос говорит: *Вот то, о чём Я вам говорил, ещё быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах* (Лк. 24, 44). Псалмы поставлены особо. И в своей проповеди о Мессии, разорвавшем узы смерти, и Павел, и Пётр цитируют один и тот же псалом — 15-й.

Вот слова Петра: *Давид говорит о Нём: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. От того возрадовалось сердце моё и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим. Мужи братия! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребён, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл*

его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о Воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели (Деян. 2, 25–32).

А вот Павловы слова о Господе в одной из синагог: Мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя. А что воскресил Его из мёртвых, так что Он уже не обратится в тление, о сём сказал так: Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно. Посему и в другом месте говорит: не дашь Святому Твоему увидеть тление. Давид, в своё время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление; а Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления (Деян. 13, 32–37).

Вот трапеза слова о Христе, воскресшем в третий день согласно с Писанием. Это даже начатки трапезы, открытые всякому умеющему читать человеку, у которого не лежит на глазах покрывало. Проповедуя евреям, апостолы постоянно были вынуждены разбирать тексты Святой Книги, доказывать исполнение пророчеств, освобождать скрытые смыслы. Весь Ветхий Завет, не сомневаюсь, представал в их устах сокровищницей знаков и пророчеств о Господе Иисусе, о Его смерти и Воскресении.

Нам не слышать этих речей. Но это не значит, что нам томиться от голода слышания слов Господних, как это написано у Амоса (См. Ам. 8, 12).

Мы знаем главное: Спаситель пришёл, Спасителя убили, но Он жив вовеки силой Воскресения. Его нужно полюбить, и искать Его голоса на страницах Писаний. Искать, как Возлюбленного из Песни песней в винограднике Библии, где каждый листик — слово и каждая страничка — ягода.